XXXIV
КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ



АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ



КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОВЕДЕНА
ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СООРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ
ЦЕНТР РАН

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. К.Л. ХЕТАГУРОВА

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ РАН

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
VLADIKAVKAZ SCIENTIFIC CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
K.L. KHETAGUROV NORTH OSSETIAN STATE UNIVERSITY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE NORTH CAUCASUS IN THE 19th – EARLY 21st CENTURIES: TRADITIONS AND INNOVATIONS



Proceedings of the International Scientific Conference
on the Archaeology of the North Caucasus
"XXXIV Krupnov Readings",
dedicated to the 145th anniversary of the Fifth Archaeological
Congress in Tiflis

Vladikavkaz, April 20–24, 2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. К.Л. ХЕТАГУРОВА
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ



Материалы Международной научной конференции
по археологии Северного Кавказа
«XXXIV Крупновские чтения»,
посвященной 145-летию Пятого археологического
съезда в Тифлисе

Владикавказ, 20–24 апреля 2026 г.

UDC 39/904
LBC 63.4
A79

Approved for publication by the Academic Council of VSC RAS

Reviewers:
Dr. Sci. (History) *D.S. Korobov*
PhD (History) *M.T. Kashuba*

Executive Editor:
Dr. Sci. (History) *M.S. Gadjiev*

Editorial Board:
PhD (History) *Z.Kh.-M. Albegova*, Dr. Sci. (History) *Sh.N. Amirov*,
Dr. Sci. (History) M.S. Gadjiev, Dr. Sci. (History) *E.D. Zilivinskaya*,
Dr. Sci. (History) *A.R. Kantorovich*, PhD (History) *A.A. Kleshchenko*,
PhD (History) *E.V. Leonova*, PhD (History) *V.E. Maslov*,
PhD (History) *S.N. Savenko*, Dr. Sci. (History) *V.R. Erlikh*,
Dr. Sci. (History) *A.A. Tuallagov*, Dr. Sci. (History) *M.V. Dobrovolskaya*,
PhD (History) *U.Yu. Kochkarov*, *U.B. Gadiev*

A79 **Archaeological Research of the North Caucasus in the 19th – Early 21st Centuries: Traditions and Innovations.** Proceedings of the International Scientific Conference on the Archaeology of the North Caucasus "XXXIV Krupnov Readings," dedicated to the 145th anniversary of the Fifth Archaeological Congress in Tiflis. – Vladikavkaz: VSC RAS, 2026. – 378 p.

ISBN

This publication contains the papers presented at the International Scientific Conference "Archaeological Research of the North Caucasus in the 19th – Early 21st Centuries: Traditions and Innovations" — the XXXIV Krupnov Readings, dedicated to the 145th anniversary of the Fifth Archaeological Congress in Tiflis.

The topics of the papers reflect a wide range of ongoing archaeological research covering a chronological span from the Stone Age to the Late Middle Ages.

The book is intended for archaeologists, historians, students of history, and all those interested in history.

UDC 39/904
LBC 63.4

© Federal State Budgetary Scientific Institution
Federal Scientific Center
"Vladikavkaz Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences," 2026
© Authors of the articles, 2026

ISBN
DOI 10.46698/9079.2026.27.40.001

УДК 39/904
ББК 63.4
А79

Утверждено к печати Ученым советом ВНЦ РАН

Рецензенты:
д.и.н. *Д.С. Коробов*
к.и.н. *М.Т. Кашуба*

Ответственный редактор:
д.и.н. *М.С. Гаджиев*

Редакционная коллегия:
к.и.н. *З.Х.-М. Албегова*, д.и.н. *Ш.Н. Амиров*,
д.и.н. *М.С. Гаджиев*, д.и.н. *Э.Д. Зиливинская*,
д.и.н. *А.Р. Канторович*, к.и.н. *А.А. Клещенко*,
к.и.н. *Е.В. Леонова*, к.и.н. *В.Е. Маслов*,
к.и.н. *С.Н. Савенко*, д.и.н. *В.Р. Эрлих*,
д.и.н. *А.А. Туаллагов*, д.и.н. *М.В. Добровольская*,
к.и.н. *У.Ю. Кочкаров, У.Б. Гадиев*

Археологические исследования Северного Кавказа в XIX – начале XXI века:
А79 **традиции и инновации**. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIV Крупновские чтения», посвященной 145-летию Пятого археологического съезда в Тифлисе. – Владикавказ: ВНЦ РАН, 2026. – 378 с.

ISBN 978-5-00081-780-3

В издании публикуются материалы докладов, представленных на Международной научной конференции «Археологические исследования Северного Кавказа в XIX – начале XXI века: традиции и инновации» – XXXIV Крупновские чтения, посвященные 145-летию Пятого археологического съезда в Тифлисе.

Тематика докладов отражает широкий круг проводимых археологических исследований, охватывающих хронологический диапазон от каменного века до позднего средневековья.

Книга предназначена археологам, историкам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей.

УДК 39/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-00081-780-3
DOI 10.46698/9079.2026.27.40.001

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный научный центр «Владикавказский научный центр Российской академии наук», 2026
© Авторы статей, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Состав постоянного координационного совета Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «Крупновские чтения» 12

Организационный комитет XXXIV Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа 14

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Колесникова М.Е.
Значение V археологического съезда в Тифлисе для развития российской археологии: историографический аспект 16

Медведева М.В.
Местные кадры в составе Северо-Кавказской экспедиции А.А. Миллера: страницы биографии В.П. Пожидаева 19

Недолужко А.В., Булыгина Е.С., Слободова Н.В., Петрова Д.С., Коробов Д.С., Шарко Ф.С.
Новые результаты полногеномного исследования ДНК населения Северного Кавказа эпохи раннего железного века 22

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА И ЭПОХИ БРОНЗЫ

Агаларзаде А.М., Насирова Л.Ш.
Фигурки бовидов из поселения эпохи ранней бронзы Худутепе..... 26

Атаев Г.Д.
О преемственности и инновациях в развитии культур эпохи средней и поздней бронзы равнинно-предгорной зоны Южного Дагестана..... 28

Баранюк А.В., Глазов К.А, Кизилов А.С.
Колодцеобразные гробницы и каменные мотыжки (итоги разведок в Адлерском районе г. Сочи) 32

Бурков С.Б.
К вопросу о т.н. «ограблениях» и пост-погребальных манипуляциях с костяками умерших в захоронениях майкопско-новосвободненской общности (МНО) зоны среднего течения реки Терек 35

Гаджиев Б.Х., Шаушев К.Б.
Находки наскальных изображений в долине реки Сулак 37

Геворкова Д.А., Клещенко А.А.
Хронологические маркеры финального этапа северокавказской культуры (третья четверть III тыс. до н.э.) 40

Глазов К.А.
Применение новых цифровых технологий для выявления и документирования изображений на дольменах Большого Сочи 45

Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Дороничева Е.В.
Кувинская пещера – новый многослойный памятник палеолита на Северном Кавказе в контексте региона 48

Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Дороничева Е.В.
Основные тенденции в изменении представлений о среднем палеолите Кавказа в 21 веке 51

Дороничева Е.В.
Неандертальцы Северного Кавказа в свете новых данных 54

Дороничева Е.В., Киселева Д.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б.
Анализ изотопов стронция в образцах из грота Сосруко, Центральный Кавказ 56
Дороничева Е.В.
Применение метода pXRF при изучении источников обсидианового сырья: на примере грота Сосруко в Кабардино-Балкарии 58
Джопуа А.И., Мамац-ипа Р.У
Новые случайные находки палеолита Абхазии из фондов Абхазского Государственного музея 60
Дмитриев А.В.
Дольмены и типология палеодольменов 62
Зейналов А.А., Кулаков С.А., Анойкин А.А., Очередной А.К., Лада А.Р., Иванов Я.Д., Курбанов Р.Н., Идрисов И.А.
Двусторонняя обработка орудий в индустриях раннепалеолитического памятника Гараджа (Центральный Азербайджан) 66
Иванов Я.Д., Беляева Е.В., Кулаков С.А., Очередной А.К.
Изделия с двусторонней обработкой из среднепалеолитических комплексов Губского ущелья 69
Кашуба М.Т., Кулькова М.А., Кожуховская Ю.В., Кульков А.М.
Позднебронзовые каменные конструкции Крыма в системе архитектурных традиций Северной Понтики 71
Клещенко А.А.
Погребения «архонской культурной группы» из могильника у с. Ногир Республики Северная Осетия-Алания 74
Климушина А.И.
О некоторых типах металлических ножей и кинжалов конца эпохи средней бронзы Северного Кавказа 78
Ковалев А.А.
О стратиграфическом положении периферийных подкурганных погребений первой половины 3 тыс. до н.э., исследованных в регионе Кавминвод 81
Крутоголовенко К.А., Плотников А.А., Мокрушин В.П.
Анапская 9 – новый могильник ранней бронзы (предварительное сообщение) 85
Кулаков С.А., Цюань Цянькун, Барков Д.А., Гиря Е.Ю., Жамбровская С.А., Кизилов А.С.
Исследования пещерной стоянки в гроте Ахцу в 2024–2025 годах на Северо-Западном Кавказе 89
Кулькова М.А., Кашуба М.Т., Кульков А.М.
Кавказские медные сплавы в изделиях бронзового – раннего железного веков Крыма: геохимический аспект 91
Куприянова М.Д., Иванов Я.Д., Беляева Е.В.
Экспериментально-трасологическое изучение костяных ретушеров Баракаевской пещеры 94
Осипова Е.В.
Карта археологических исследований В.И. Марковина 96
Пелих А.Л.
Кинжалы эпохи поздней бронзы с территории Северо-Западного Кавказа 98
Писарик Д.А.
Проблема культурной атрибуции памятников константиновского типа: к историографии вопроса 101
Рогудеев В.В.
Значение воронок в катакомбных погребениях эпохи средней бронзы 104
Стеганцева В.Я.
Кости животных в погребениях ранней и средней бронзы левобережья Нижнего Дона 108
Усачук А.Н., Кравцова С.Л., Мимоход Р.А.
Трасологический анализ пряжки из могильника Чограй VIII 111
Чечина А.Ю.
Влияние инокультурных элементов на развитие региона Нижнего Дона в позднедонецкое время 114

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.
Исследование поселения майкопской культуры Катусвина Кривица 2 под Новороссийском в 2014 году (предварительное сообщение) 117

АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И САРМАТСКОГО ПЕРИОДА

Бакушев М.А.
Обряд гадания на культовых местах горного Дагестана 122
Белинский А.Б., Габелия А.Н., Днепровский К.А.
Исследования на территории памятника «Театр» античного археологического комплекса «Балан» в Очамчырском районе Республики Абхазия в 2025 году 124
Вдовченков Е.В.
Происхождение тайников позднеантичного Боспора 126
Габуев Т.А., Фризен О.И.
Впускные погребения раннесарматского времени из могильника Брут 1 в РСО-Алания 129
Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Таймазов А.И.
Исследования крепости Аркабаш 132
Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Таймазов А.И., Хазамов Д.А.
Исследования Акташского городища 135
Геншпринг Д.М., Ениосова Н.В.
Химический состав металла бронзовых наконечников стрел могильника Новозаведенное-II 138
Горланов С.С.
Елизаветинский археологический комплекс под Краснодаром. По материалам исследований первой половины XX века 142
Гусейнова Л.А.
Ареал распространения керамики круга Човдарского некрополя в памятниках эпохи бронзы и раннего железного века Закавказья 145
Ениосова Н.В., Эрлих В.Р., Леонтьева А.С., Геншпринг Д.М.
Бронзы горного варианта протомеотских памятников (предварительный анализ) 148
Иванов А.В.
О погребениях раннего железного века могильника «Анапская 9» 154
Канторович А.Р., Маслов В.Е.
Могильники Новозаведенное-III и Новозаведенное-V и проблема финала скифской культуры в Центральном Предкавказье 158
Кокиева А.Р.
Кобано-колхидские орнаментированные топоры в контексте погребений 161
Коробов Д.С.
Комплексные исследования курганного могильника Левоподкумский 1 близ Кисловодска 164
Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.
Конская узда из Прикубанского могильника 167
Марченко Ю.В.
Подбойное захоронение ребенка в Кобанском могильнике у села Нижний Куркужин 171
Мокрушин В.П., Нарожный Е.И.
Центральное Предкавказье в раннескифское время: новые материалы 173
Мустафаев Л.Х.
Характеристика образцов античной и раннесредневековой керамики из поселения Тахмази 176
Новичихин А.М., Смекалова Т.Н.
Комплекс кавказских бронз с полуострова Абрау 179
Перевозчикова А.А., Березина Н.Я.
Зубочелюстные патологии как отражение образа жизни (на примере нескольких серий кобанской культурно-исторической общности) 183

Пичугина А.А.
Результаты пространственного анализа распределения керамики Зильгинского городища (по материалам раскопа КР-2) 186
Прокопенко Ю.А.
О находке уникальной ситулы раннескифского времени в районе р. Вербовка (северо-западные окрестности г. Ставрополя) 189
Рябкова Т.В.
Елизаветинские курганы: современное состояние проблемы 192
Садыков Т.Р., Блохин Е.К., Каспари Дж.
Шлемы кубанского типа на «оленных камнях» во внутренней Азии 195
Саканиа С.М., Требелева Г.В.
Комплекс Герзеулской крепости 198
Саканиа С.М., Требелева Г.В., Юрков Г.Ю.
Строительные периоды Цебельдинской крепости и ее храмовые комплексы 200
Салбиев Т.К.
Пара всадников на рукояти кинжала из Адайдонского могильника: космогонические потенции 203
Требелева Г.В., Кайтамба М.Д., Юрков В.Г.
Реконструкция природных условий и хозяйственной деятельности на Маркульском городище по данным палинологического анализа 206
Требелева Г.В., Клемешова М.Е., Коновалова М.А., Касинцева Е.О.
Керамика Маркульского городища из слоя эллинистического времени (раскоп «Пифосы») 209
Фоменко В.А., Тубаев М.А.
Вера Ивановна Горемыкина – археолог и историк: период работы в Кабардино-Балкарии 212
Эрлих В.Р., Фризен О.И.
Новое протомеотское поселение в горах Адыгеи 215
Яганова З.Э.
Кружки предскифского времени могильника Заюково-3 219
Яценко С.А.
Тамгопользование у сарматов, аланов и осетин: о характере преемственности 222

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Абрамова А.Н.
Население северного-восточного Причерноморья по данным дискретно-варьирующих признаков (по материалам могильников эпохи средневековья и нового времени) 226
Архимандрит Дорофей (Дбар), Сангулия Г.А.
Храмовый комплекс Бжилюа в селе Анхуа: предварительные результаты археологических раскопок 2024–2025 гг. 229
Ахмаров А.У., Гугуев Ю.К.
Гончарные горны средневековых поселений «Хамби-Ирзи-3» и «Хамби-Ирзи-5» на правобережье р. Сунжа в Чеченской Республике (предварительное сообщение) 232
Бабенко В.А.
Половецкое объединение на северо-востоке Ставропольской возвышенности 236
Белецкий Д.В.
Архитектура грузинских церквей верховий Ардона в свете новейших исследований 239
Белецкий Д.В.
Темплон Зругского храма и его параллели в каменной пластике памятников бассейна Риони 243
Белькевич Е.В.
Исследование и реставрация поясного набора из погребения 134 могильника Заюково-3 247
Болдырева Е.М.
Поливная чаша с изображением женщины-птицы из раскопок на городище Самосделка 250

Бондарь Л.Д.
Нузальская часовня в переписке Е.Г. Пчелиной с К.А. Берладиной и Д.П. Гордеевым (1946–1966 гг.) 253
Василиненко Д.Э., Крюков Д.С.
«Склад» тарных сосудов на территории поселения «Мархотский хребет 2» (предварительное сообщение) 255
Габелия А.Н., Счастный Д.А., Джопуа И.А., Кайтан Ш.Г., Авидзба Д.З., Мамац-ипа Р., Маршан Б.
Археологические исследования северо-западного бастиона Сухумской крепости в 2024 г. 258
Гаджиев М.С., Абдулаев А.М., Будайчиев А.Л., Шаушев К.Б.
Новое в изучении сасанидской фортификации Дербента (по материалам раскопа XLVI) 261
Гадиев У.Б.
Археологические исследования в горной Ингушетии во второй половине XIX века 265
Голубев Л.Э., Баранюк А.В.
Нательные кресты из средневекового могильника близ пос. Южная Озереевка г. Новороссийска 267
Гончаров С.А.
О некоторых типах крепления тисненных ременных накладок второй пол. VII–VIII вв. 270
Ендольцева Е.Ю., Дрыга Д.О., Алборов Б.А., Табуева Н.Г.
Церковь в селе Сохта (Республика Южная Осетия): попытка виртуальной реконструкции архитектурного убранства 273
Застрожнова Е.Г.
Закавказский филиал АН СССР в письмах Э.Л. Груздева к Н.Я. Марру: контекст написания и судьба отправителя 276
Зиливинская Э.Д.
Охранные раскопки поселения Верхненойберское 1 в Чеченской Республике в 2022–2023 гг. 279
Исмаилова А.З.
Металлообработка в Азербайджане в средние века: история, традиции и связи 282
Кадиева А.А., Демиденко С.В., Гончаров С.А.
Предметы с ременной гарнитурой VII в. из погребения 134 могильника Заюково-3 285
Казанский М.М., Мастыкова А.В.
Центральноазиатские и средиземноморские влияния в культуре степных кочевников Северного Предкавказья в постгуннское время 289
Керцева Г.Н., Керцев Р.Ю.
Археологические разведки на территории объекта культурного наследия федерального значения «Пещерный склеп и могильник» в с. Кобан Пригородного района РСО-Алания в 2023 году 292
Кизилов А.С.
Применение архивной аэрофотосъемки середины XX в. при выявлении и локализации археологических объектов Большого Сочи 295
Крутоголовенко К.А.
Погребение с перначом из раскопок Нузальского могильника 298
Кузина И.Н., Албегова (Царикаева) З.Х.
Стеклянные бусы Змейского могильника (раскопки В. Л. Ростунова). К вопросу о торговых связях и хронологии 302
Кузнецова В.П., Соломатина Н.В.
Методика реставрации и изучение технологии изготовления бляшек конской сбруи из погребения 134 могильника Заюково-3 305
Лазарев М.Н., Березина Н.Я.
Средневековое население Северной Осетии на примере изучения палеоантропологических материалов могильника Кари Цагат 307
Леонтьева А.С.
Поминально-постпогребальная обрядность Змейского могильника 311
Мадуров Д.Ф., Султыгов Р.М.
Жреческие посохи ингушей 314

Майко В.В.
К вопросу о сельской инфраструктуре провинциально-византийских городов Таврики и Тамани во второй половине X–XII вв. 318
Малашев В.Ю., Кадзаева З.П.
Серьги из могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке 321
Мамаев Х.М., Бекмурзаев С.-Х. Х., Мамаев Р.Х.
О позднесредневековых доспехах из Цой-Педе в Горной Чечне (еще раз о «тусхаройских» находках) 325
Митрохина К.Л.
Анализ и реконструкция технологических процессов изготовления плинфы и нанесения знаков в ранневизантийский период (Восточное Причерноморье): междисциплинарный подход 327
Осипов Д.О., Соломатина Н.В., Мамонова А.А.
Кожаный сапог из Хасаута. Опыт изучения и реставрации 330
Перевозчикова А.А., Абрамова А.Н.
Половозрастная структура средневекового населения Мамисонского ущелья (VII–IX вв. н.э.) 333
Савенко С.Н.
Еще раз о фигурках всадников северокавказских алан 335
Сергеев А.Ю, Албегова З.Х.
Археоботанические исследования на Гоцатлинском 1 поселении X–XIII вв. 338
Скакова И.В.
Типология знаков на плинфах из византийского Гиеноса (Республика Абхазия, город Очамчира) 341
Старостина Е.П.
Пространственная организация склепов Горной Осетии (на примере склепов ущелий Дзимыр, Гнух и Дзомаг в Южной Осетии) 344
Суханов Е.В.
Формы «одного мастера» в раннесредневековой керамике Кисловодской котловины 346
Тангиев М.А.
К проблеме изучения грунтовых могильников XIII–XVI вв. северо-восточного Кавказа (Ингушетия) 349
Туаллагов А.А.
Антропоморфные начельники Северного Кавказа 351
Цуциев А.А., Застрожнова Е.Г.
К юбилею изучения Нузальской часовни: документы и коллекции (неопубликованные материалы в составе Национального музея РСО-Алания и СПбФ АРАН) 354
Чижова А.А.
К вопросу о производстве стеклянных изделий в Средневековой Алании 357
Юрочкин В.Ю.
Средневековые аланы в крымской археологии. Догадки и загадки 359

Список сокращений 361

Список авторов статей и докладов 365

СОСТАВ ПОСТОЯННОГО КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА «КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Председатель:

ГАДЖИЕВ Муртазали Серажутдинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН, Республика Дагестан, г. Махачкала

Заместители председателя:

САВЕНКО Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором природы и археологии ГБУК СК «Пятигорской краеведческий музей», заслуженный работник культуры РФ, Ставропольский край, г. Пятигорск

КОРОБОВ Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор РАН, заведующий отделом теории и методики Института археологии РАН, г. Москва

Координатор:

БЕЛИНСКИЙ Андрей Борисович – кандидат исторических наук, научный руководитель ООО «Наследие», Ставропольский край, г. Ставрополь

Члены совета:

АЛБЕГОВА (ЦАРИКАЕВА) Зарина Хаджи-Муратовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела полевых исследований Института археологии РАН, г. Москва

АТАБИЕВ Биаслан Хакимович – директор Института археологии Кавказа, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик

ВЛАСКИН Михаил Васильевич – директор Государственного автономного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие», г. Ростов-на-Дону

ГАДИЕВ Умалат Бесланович – заместитель директора Археологического центра им.Е.И. Крупнова Республики Ингушетия, заслуженный деятель науки РИ, г. Назрань

ГАГЛОЙТИ Роберт Хазбиевич – кандидат исторических наук, директор Юго-Осетинского НИИ им. З.Н. Ванеева, г. Цхинвал

ДЖИГУНОВА Фатима Кадырбечевна – кандидат исторических наук, директор Национального музея Республики Адыгея, г. Майкоп

ЗИЛИВИНСКАЯ Эмма Давидовна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

КАШУБА Майя Тарасовна – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

КОЧКАРОВ Умар Юсуфович – кандидат исторических наук, заведующий научно-отраслевым архивом Института археологии РАН, гг. Москва – Карачаевск

МАМАЕВ Хамид Магомедович – кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Грозный

МУСЕИБЛИ Наджаф Алескер оглы – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом этноархеологии Института археологии и антропологии Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку

ПИОТРОВСКИЙ Юрий Юрьевич – старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, заместитель заведующего отделом археологии Восточной Европы и Сибири, г. Санкт-Петербург

ПЬЯНКОВ Алексей Васильевич – ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», г. Краснодар

САНГУЛИЯ Гарик Анатольевич – начальник Государственного управления охраны историко-культурного наследия Абхазии, г. Сухум

ТУАЛЛАГОВ Алан Ахсарович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, г. Владикавказ

ШИШЛОВ Александр Владимирович – заведующий отделом археологии ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник», г. Новороссийск

ЭРЛИХ Владимир Роальдович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока, заслуженный работник культуры РФ, г. Москва

Почетные члены совета:

БАГАЕВ Муса Харонович – доктор исторических наук, профессор Чеченского государственного университета Чеченской Республики, г. Грозный, ученик Е.И. Крупнова

КОЗЕНКОВА Валентина Ивановна (1931–2021) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, сотрудница экспедиции Е.И. Крупнова

КУЗНЕЦОВ Владимир Александрович (1927–2024) – доктор исторических наук, профессор, ученик Е.И. Крупнова

МУНЧАЕВ Рауф Магомедович (1925–2021) – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, в 1990–2003 гг. директор Института археологии, ученик Е.И. Крупнова

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ XXXIV КРУПНОВСКИХ ЧТЕНИЙ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ», ПОСВЯЩЕННЫХ 145-ЛЕТИЮ ПЯТОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА В ТИФЛИСЕ (ВЛАДИКАВКАЗ, 20–24 АПРЕЛЯ 2026 г.)

ЧИБИРОВ Алексей Людвигович – сопредседатель Оргкомитета, кандидат исторических наук, директор Владикавказского научного центра РАН, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ

ГАДЖИЕВ Муртазали Серажутдинович – сопредседатель Оргкомитета, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН, Республика Дагестан, г. Махачкала

ОГОЕВ Алан Урузмагович – сопредседатель Оргкомитета, доктор экономических наук, доцент, ректор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова

ГЕВОРКОВА Диана Артемовна – секретарь Оргкомитета, специалист отдела археологии бронзового века Института археологии РАН, г. Москва

КОРОБОВ Дмитрий Сергеевич – член Оргкомитета, доктор исторических наук, профессор РАН, заведующий отделом теории и методики Института археологии РАН, г. Москва

САВЕНКО Сергей Николаевич – член Оргкомитета, кандидат исторических наук, заведующий сектором природы и археологии ГБУК СК «Пятигорской краеведческий музей», заслуженный работник культуры РФ, Ставропольский край, г. Пятигорск

КАШУБА Майя Тарасовна – член Оргкомитета, кандидат исторических наук, заведующий отделом Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ТУАЛЛАГОВ Алан Ахсарович – член Оргкомитета, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, г. Владикавказ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ЗНАЧЕНИЕ V АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА В ТИФЛИСЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Колесникова М.Е.
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

На рубеже XX–XXI вв. начался новый этап в развитии отечественной археологии, характеризующийся расширением сферы исследовательских интересов. Стала изучаться организационная структура науки во второй пол. XIX – нач. XX вв., история провинциальных научных обществ и учреждений, биографии исследователей. В центре внимания исследователей находится и эволюция организационных форм научной деятельности, примером которой являются созываемые с 1869 по 1911 гг. Археологические съезды (АС). Они проводились раз в три года по инициативе Императорского Московского археологического общества (МАО) в разных регионах страны. АС были обусловлены возрастанием интереса к археологии и увеличением объемов информации, что делало необходимостью коллективное обсуждение назревших проблем. В историографии АС рассматриваются как ключевое событие в истории становления отечественной археологии во второй пол. XIX – нач. XX вв.

Анализ их деятельности АС был дан уже в работах дореволюционных исследователей, которые отмечали их роль в научной жизни России, в них особо отмечалась роль V АС (Миллер, 1882. С. 17–36; Майков, 1882; V Археологический съезд…, 1882. С. 179; Уварова, 2005. С. 117–127).

Работа АС способствовала определению региональной тематики в области археологии, как было и на V АС, проходившем в Тифлисе с 8 по 21 сентября 1881 г. и положившим начало кавказской археологии. По своим научным результатам V АС явился наиболее полным «выражением возможностей и достижений созданной А.С. Уваровым научно-организационной системы» (Лебедев, 1992. С. 175, 395). Работы, выполненные в ходе подготовки к АС и после него, стали классическими для кавказской археологии, без учета которых сегодня невозможно изучение археологии региона (Савенко, 2002. С. 29–35). Впервые до АС были проведены широкомасштабные экспедиционные работы. Наряду с археологическими выставками и экскурсиями после V АС они стали составной частью программ последующих съездов.

Подготовкой съезда занимался образованный в марте 1878 г. при МАО Подготовительный комитет, развернувший изучение региона по трем основным направлениям: организация и проведение научных экспедиций; участие представителей местной интеллигенции и местных жителей в сборе сведений о памятниках археологии и их охране; обработка и издание собранного археологического материала (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35, 1879.). В октябре 1879 г. начал работу Тифлисский предварительный комитет (Архив ИИМК РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 17, 1879 г.). Совместно комитетами были подготовлены «Вопросы» (162) – проблематика V АС, (РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 984. Л. 92–95). Количество участников по спискам, помещенным в «Трудах» V АС, равнялось 91. Число уплативших членский взнос и посещавших занятия АС и его экскурсии доходило до 400 чел. Было проведено 20 заседаний, заслушано 36 рефератов. Ценным источником являются материалы и труды V АС (Правила…, 1880; Протоколы…, 1879; V Археологический съезд…Труды…, 1882; V Археологический…Протоколы…, 1879–1883; Труды…, 1887). Большое значение в пропаганде новых

открытий имела Археологическая выставка, организованная на V АС. Ряд коллекций позже был пожертвован в Эрмитаж, Исторический и Тифлисский музеи и в музеи при Киевском и Казанском университетах.

В трудах современных исследователей отмечается значение V АС в организации изучения различных аспектов древней и средневековой истории Кавказа; впервые был обозначен интерес к первобытным древностям Кавказа; введена в научный оборот Кобанская культура эпохи поздней бронзы – раннего железного века; начаты систематические работы по фиксации и сбору кавказских «каменных баб»; обследования археологических памятников в районе Верхнего Прикубанья (Найденко, 1990. С. 26); составлена Археологическая карта Кубанской области (Фелицын, 1882); актуализирована тема изучения раннего христианства на Кавказе, поставлен вопрос о восстановлении раннехристианских сооружений и сохранении историко-культурных памятников Кавказа; составлен сборник греческих и латинских надписей Кавказа. Одно из центральных мест занимали и вопросы борьбы с хищническими раскопками и кладоискательством.

Особый интерес представляют взаимосвязанные исследовательские программы (Н.В. Султанова, Ю.Д. Филимонова, В.Г. Тизенгаузена, Л.К. Ивановского, Л.П. Загурского, Н.О. Эмина, В.Ф. Миллера, проф. Шуровского и А.И. Кельсиева), направленные на изучение археологии, антропологии, лингвистики, этнографии, изучение архитектурных сооружений и памятников письменности Кавказа. На АС ярко проявилась связь археологических и лингвистических исследований (Лебедев, 1992. С. 177), поставлена проблема создания для горских бесписьменных языков местных алфавитов на русской основе (Труды…,1887. С. 7–10).

После съезда было образовано Кавказское общество истории и археологии (28 ноября 1881 г.), целью которого было изучение и распространение исторических сведений о Кавказе, охрана памятников древности (Известия…, 1882–1884). Вместе с Кавказским музеем, открытие которого было приурочено к V АС, общество стало центром кавказской археологии. Была разработана «Программа для исследования древностей Кавказа» (Программа…,1889. С. 1–20).

Отдельные аспекты истории изучения кавказских древностей, в том числе и роль V АС нашли отражение в материалах конференций, монографиях и статьях по отдельным периодам древней и средневековой истории Кавказа, в историографических разделах диссертаций.

V АС не только вызвал научный интерес к богатому археологическими памятниками краю, но и сыграл важную роль в организации его изучения, наметил задачи и перспективы исследований, чем оказал влияние на дальнейшее развитие кавказоведения.

Литература

Известия Кавказского общества истории и археологии. 1882-1884. Т. 1. Вып. 1–2. Тифлис.

Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии, 1700-1917. СПб.

Майков Л.Н. 1882. Пятый Археологический съезд в Тифлисе // Журнал Министерства народного просвещения. № 1. Отд. 2.

Миллер В.Ф. 1882. V археологический съезд в Тифлисе // Русская мысль. № 1. Отд. 2.

Найденко А.В. 1990. Обзор истории археологических исследований на Ставрополье // XVI «Крупновские чтения»: Тезисы докладов Ставрополь.

Правила V Археологического съезда в Тифлисе 8 сентября 1881 г. 1880. М.

Программа для исследования древностей Кавказа, составленная Московским археологическим обществом. 1889 // Древности. Труды МАО. Т. 13. Вып. 1. М.

Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе 1879. М.

V Археологический съезд в Тифлисе. 1882 // Известия Кавказского отдела Русского Географического общества. Разд. Научная летопись. Т. 7. № 2.

V Археологический съезд в Тифлисе 1881 г. Труды Предварительных комитетов 1882. М.
V Археологический съезд в Тифлисе 1881 г. Протоколы Московского Подготовительного комитета. 1879–1883. Т. 1–3. М.
*Савенко С.Н. 2*002. Этапы развития Кавминвод и летопись археологического изучения региона // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Ессентуки-Кисловодск.
Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1887. М.
Уварова П.С. 2005. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.
Фелицын Е.Д. 1882. Археологическая карта Кубанской области в 20-верстном масштабе. М.

МЕСТНЫЕ КАДРЫ В СОСТАВЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ А.А. МИЛЛЕРА: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ В.П. ПОЖИДАЕВА

Медведева М.В.
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Работа *выполнена по программе ФНИ ГАН, тема государственной работы № FMZF-2025-0011*

В 1923 г. начала свои масштабные исследования Северо-Кавказская экспедиция Академии истории материальной культуры под руководством археолога Александра Александровича Миллера. Комплексные работы предусматривали не только археологическое, но и этнографическое изучение региона. В основной состав экспедиции входили сотрудники и аспиранты Академии, здесь начинали свою карьеру Б.Б. Пиотровский, А.А. Иессен, А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий, Б.Е. Деген-Ковалевский и др. Вместе с тем важной задачей экспедиции А.А. Миллер считал налаживание сотрудничества с местными научными, учебными и музейными учреждениями, а также привлечение к полевым работам местных научных кадров. Одним из таких специалистов стал член Северо-Кавказского института краеведения, преподаватель Горского педагогического института Василий Павлович Пожидаев.

Пионер кавказского краеведения, он родился в Ставрополе в бедной семье, перебивавшейся временными заработками. Счастливый случай и упорство позволили В.П. Пожидаеву получить хорошее образование от начальной школы и училища в Ставрополе, учительской семинарии и гимназии в Эривани до историко-филологического факультета Московского университета. По окончании он вернулся на Кавказ и работал в средних учебных заведениях в Нальчике, Краснодаре, Владикавказе. После революции В.П. Пожидаев принимал участие в комиссии по охране культурных ценностей во Владикавказе, в организации Народного художественного института во Владикавказе и Северо-Кавказского института краеведения. С 1921 г. он работал в Комиссии по изучению племенного состава Академии наук. Как опытного педагога в 1920 г. В.П. Пожидаева пригласили работать во вновь созданный во Владикавказе Терский институт народного образования (позже Горский институт народного образования/Горский педагогический институт), где он преподавал географию и стоял у истоков создания кафедры кавказоведения, а также заведовал кабинетом кавказоведения и разработал первые учебные курсы по этой специальности.

В 1920-е гг. В.П. Пожидаев много ездил по Кавказу (Осетия, Кабарда, Ингушетия, Чечня) с целью сбора этнографических сведений. Результаты этих научных путешествий он впоследствии частично опубликовал в ряде историко-этнографических очерков, которые и сейчас используются специалистами. Среди прочего в 1923 г. В.П. Пожидаев принял участие в поездке в Горную Осетию в рамках сотрудничества Северо-Кавказского института краеведения и Северо-Кавказской экспедиции А.А. Миллера. Во время работ осматривались осетинские могильные сооружения, изучались обычаи и быт, пережитки язычества, собирались коллекции предметов. После завершения экспедиции в архив РАИМК (ныне – Научный архив ИИМК РАН) поступили иллюстрации В.П. Пожидаева, относящиеся не только к поездке 1923 г., но и к его научной деятельности за другие годы. На фотографиях запечатлены его работы 1922 г. по обследованию «Нартского кладбища» у с. Лац (Куртатинское ущелье),



Рис. 1. В.П. Пожидаев (в центре) со слушателями Горского института народного образования перед зданием Северо-Кавказского краеведческого музея, 1922 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1923. Д. 70. Л. 13)

командировка в Кабарду весной 1923 г., поездка с А.А. Миллером и научно-просветительские занятия со слушателями Горского педагогического института. В процессе преподавания В.П. Пожидаев активно сочетал лекции с широким экскурсионным методом, и с 1920 по 1931 гг. совершил с учениками более 40 загородных экскурсий, где на месте знакомил их с географией, природой и местными традициями, а также привлекал к собиранию вещей для кабинета кавказоведения. Кроме того, В.П. Пожидаев считал очень важным знакомить студентов с музейными этнографическими и археологическими коллекциями на месте их хранения, поэтому читал многие лекции в залах краевого музея (рис. 1). В начале 1930-х гг. в условиях ликвидации краеведческого движения и перевода науки на новые методологические позиции его знания и опыт оказались больше не нужны в Горском педагогическом институте. В.П. Пожидаев переехал из Владикавказа в Москву и там работал на разных должностях в системе народного образования, продолжая ездить в историко-этнографические экспедиции на Кавказ.

Информация о работе В.П. Пожидаева в 1923 г. в составе Северо-Кавказской экспедиции и о его занятиях как члена Северо-Кавказского института краеведения кратко дается в полевых отчетах А.А. Миллера и переписке СКИК с РАИМК. В дальнейшем в экспедиции работали другие представители научного сообщества Владикавказа, но сам В.П. Пожидаев продолжал поддерживать научные контакты с Академией и ее сотрудниками. Более подробная информация об этом плодотворном периоде жизни В.П. Пожидаева, в том числе и сведения к иллюстрациям из архива ИИМК РАН 1920-х гг., удалось найти в обширном личном фонде исследователя в ОР РГБ, где собраны многочисленные материалы по его биографии и трудовой деятельности. Отчеты о практических работах по кавказоведению за 1920-е гг., серия многостраничных дневников из научных экспедиций в разные местности Кавказского края с уникальными сведениями о быте и верованиях, материалы лекций, опубликованные и неопубликованные рукописи по этнографии Кавказа, более 300 фотографий по теме «Виды и типы Кавказа» – все эти ценные документы из личного собрания В.П. Пожидаева в РГБ содержат значительный потенциал для современного кавказоведения.

Литература

Ладыженский А.М. 1965. Памяти В.П. Пожидаева // Советская этнография. № 3.

Пожидаев В.П. 1925. Хозяйственный быт Кабарды (историко-этнографический очерк). Воронеж.

Пожидаев В.П. 1926. Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. М.–Л.

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛНОГЕНОМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДНК НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Недолужко А.В.[1], Булыгина Е.С.[2], Слободова Н.В.[3], Петрова Д.С.[2], Коробов Д.С.[4], Шарко Ф.С.[1,2]

[1]Европейский Университет в Санкт-Петербурге, г. С.-Петербург

[2]НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва

[3]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

[4]Институт археологии РАН, г. Москва

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 24-28-01024

Одним из этносов, оставивших значительный след в истории Евразии, были северокавказские аланы, происхождению которых посвящено немало научных трудов, и еще больше околонаучной полемики, в том числе с привлечением результатов анализа древней ДНК (Коробов, 2019). Проводящиеся с середины 2010-х гг. исследования ДНК представителей аланской археологической культуры показали, с одной стороны, ее своеобразие по сравнению с ираноязычными кочевниками сарматского круга, а с другой – близость аланского генетического портрета современному населению Кавказа (de Barros Damgaard, 2018; Коробов, 2019).

В последнее время стала доминировать концепция сложения аланской археологической культуры в ходе взаимодействия среднесарматских кочевников с местным оседлым населением Северного Кавказа, определяемым в качестве носителей культурной традиции памятников типа «Чегем-Манаскент». Последние в свою очередь сформированы потомками носителей кобанской археологической культуры при участии переходивших к оседлому образу жизни кочевников сарматского круга (Малашев, Маслов, 2021).

В поисках истоков северокавказского генетического субстрата, на основе которого происходило сложение аланского этноса, нашим коллективом был проведен анализ палео-ДНК представителей кобанской культуры, используя маркеры митохондриальной ДНК, Y-хромосомы и ядерных геномов. Эти исследования дали возможность рассматривать данное население в качестве своеобразного «генетического моста» между более ранними кавказскими людьми эпохи бронзового века и аланским населением I тыс. н.э. (Boulygina et al., 2022; Коробов и др., 2023; Sharko et al., 2024).

Однако, в полученной картине соотношения генетического своеобразия кобанского и аланского населения Северного Кавказа имеется значительный временной хиатус протяженностью не менее 500 лет (примерно с IV в. до н.э. по II–III вв. н.э.), который соотносится, с одной стороны, с археологическими культурами сарматского времени (степными кочевническими древностями ранне-, средне- и позднесарматских культур), а с другой – с представителями оседлого северокавказского населения, оставившего памятники типа «Чегем-Манаскент» и «Подкумок-Хумара» (Малашев, Маслов, 2021). И если первые к настоящему времени достаточно хорошо изучены (de Barros Damgaard et al., 2018), то генетический портрет вторых на настоящий момент практически неизвестен.

В связи с этим нами было решено исследовать ряд образцов ДНК носителей местных археологических культур Северного Кавказа сарматского времени методом полногеномного анализа. В результате отбора пригодным для палеогеномного анализа оказался ряд образцов из курганных погребений среднесарматской культуры I-II вв. н.э. могильника Айгурский 2 (раскопки В.А. Бабенко 1998 г., образцы F69, F70, F77 и F79) и из грунтовых захоронений

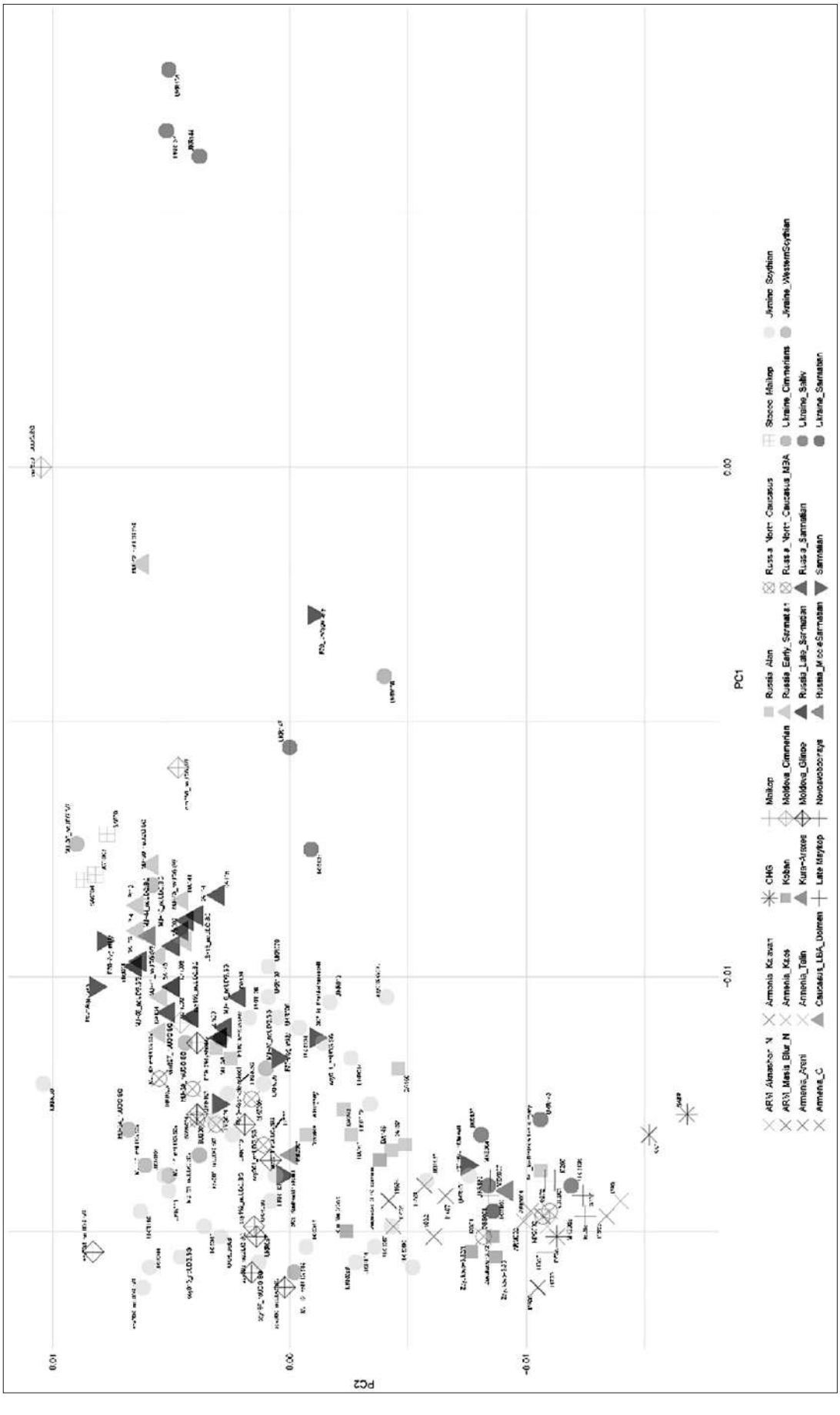


Рис. 1. Анализ методом главных компонент исследованных индивидов в сравнении с ранее опубликованными результатами полногеномного анализа населения раннего железного века Северного Кавказа

II–III вв. н.э. могильника Кошкельдинский II (раскопки Т.Е. Прокофьевой 2018 г., образцы F603, F605 и F610). Для сопоставления с ними в анализ были включены образцы F41 и F89 из аланского курганного катакомбного могильника «Братские 1-е курганы» / Октябрьский, а также F110 из курганного могильника Киевский (раскопки В.Ю. Малашева 2018–2019 гг.) и образец F31 из захоронения кобанской культуры могильника Кич-Малка II (раскопки Е.Е. Васильевой 2009 г.).

Выделение ДНК из зубов проводили по стандартной методике с некоторыми модификациями (Sharko et al., 2024). Для кросс-валидации экстракцию генетического материала осуществляли параллельно в комплексах чистых помещений Европейского Университета в Санкт-Петербурге и НИЦ «Курчатовский институт» с соблюдением всех необходимых для подобных экспериментов условий. Были сконструировано десять ДНК-библиотек (образцы F31, F41, F69, F70, F77, F89, F110, F603, F605 и F610), которые затем были отсеквенированы на платформе SurfSeq 5000 (GeneMind, Китай). В общей сложности для десяти ДНК-библиотек было сгенерировано 1,888,428,269 парных прочтений. Данные секвенирования были проанализированы с помощью конвейера PALEOMIX. В итоге процент эндогенной ДНК для исследуемых десяти полногеномных датасетов, уровень дезаминирования и метрики контаминации ДНК соответствовали нормам.

Мы объединили полученные палеогеномные данные с генотипами современных и древних людей из базы данных Allen Ancient DNA Resource с территории Кавказа и сопредельных регионов. Эта выборка в дальнейшем была использована в анализе методом главных компонент (PCA), ADMIXTURE-анализе и в анализе F-статистики.

Основываясь на графике, построенном на основе метода главных компонент (рис. 1), мы продемонстрировали, что некоторые носители среднесарматской культуры находятся в «генетической орбите» оседлого населения Северного Кавказа в раннем железном веке – кобанская и аланская культуры. В то же время, налицо генетическая неоднородность населения сарматского времени. В частности, образцы кочевников среднесарматской культуры I-II вв. н.э. могильника Айгурский 2 и представителей оседлого населения из грунтовых захоронений II–III вв. н.э. могильника Кошкельдинский II демонстрируют значительные генетические различия. Два представителя ранних алан (F89 и F110) имеют более близкую степень сходства с носителями степных сарматских традиций, что ранее не отмечалось в анализе аланской ДНК. Таким образом, настоящее исследование продемонстрировало не только значительное генетическое разнообразие населения Северного Кавказа на изломе бронзового и железного веков, но и необходимость более глубокого анализа генетического вклада кочевого населения Великой степи в генофонд региона.

Литература

Коробов Д.С. 2019. Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. М., СПб.

Коробов Д.С., Булыгина Е.С., Слободова Н.В., Шарко Ф.С., Недолужко А.В. 2023. Генетическое разнообразие жителей Центрального Предкавказья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. по данным митохондриальной ДНК // РА. № 1.

Малашев В.Ю., Маслов В.Е. 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2.

de Barros Damgaard P. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. 2018. Vol. 557.

Boulygina E. et al. Mitochondrial and Y-chromosome diversity of the prehistoric Koban culture of the North Caucasus // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 31. No 102357.

Sharko F.S. et al., 2024. Koban culture genome-wide and archeological data open the bridge between Bronze and Iron Ages in the North Caucasus // European Journal of Human Genetics. Vol. 32.

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА И ЭПОХИ БРОНЗЫ

ФИГУРКИ БОВИДОВ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ХУДУТЕПЕ

Агаларзаде А.М., Насирова Л.Ш.
Институт археологии и антропологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Юго-Восточный регион Азербайджана богат археологическими памятниками всех исторических периодов. Не являются исключением и находки эпохи халколита – ранней бронзы. Расширенные исследования памятников этого периода из Муганской степи за последние годы дали значительные научные результаты. Однако поселения эпохи ранней бронзы этого региона до последнего времени оставались слабо изученными. Только разведочные раскопки нескольких поселений, таких как Хамашаратепеси, Мишарчай I и III, Адсызтепе, Чинлитепе позволили придти к некоторым предварительным выводам (Махмудов, 2008. С. 22–23). В данной связи большое научное значение имеют широкомасштабные раскопки поселения Худутепе.

Интерес представляют фигурки бовидов из слоя эпохи ранней бронзы поселения Худутепе. Пока выявлены фрагмент головки одной фигурки, фрагменты туловищ двух фигурок и две целые фигурки. Фигурка изготовлена из чистой глины белого цвета. Голова наклонена вниз, рога отбиты, выделяются маленький нос и два отверстия в качестве глаз. Передние ноги немного длиннее задних: основания ног фигурки уплощены. Просматриваются контуры хвоста на конце туловища. На правой стороне туловища фигурки отмечены 11 круглых углублений. На левой стороне фигурки заметны следы огневого воздействия. Длина фигурки – 7,5 см, высота – 4 см (рис. 1).

Из археологических памятников эпохи ранней бронзы Малого Кавказа интересны немногочисленные коллекции терракотовых фигурок. Это в основном зооморфные статуэтки Куро-Араксской культуры. Подобные находки на территории Азербайджана были впервые выявлены в поселениях Кюльтепе I в Нахичевани и в Баба-Дервиш в Газахском районе Азербайджана. Аналогии этим образцам встречались в Армении (Мохра-Блур, Ариш, Шенгавит) (Исмаилзаде, 2008. С. 108–109).

На территории Азербайджана, зооморфные фигурки известны в основном из памятников Мильско-Карабахской степи, среди которых можно отметить поселения Гаракепектепе, Гюнештепе, Узунтепе и Хантепе. Эти статуэтки изготовлены преимущественно из грубой глины (İsmayılov, 1981. С. 52; Исмаилзаде, 2008. С. 106). Известна глиняная фигурка бовида из поселения Махта I в Нахичевани (Aşurov, Hüseynova, Əliyeva, 2020).

Аналогичные ей образцы глиняных фигурок известны из слоя ранней бронзы поселения Геойтепе в бассейне Урмии (İsmayılova, 2011. С. 201. Рис. 12/1).

В археологической литературе существуют разные версии причин изготовления зооморфных глиняных фигурок. По мнению С. Ашурова, использование быков в качестве тягловой силы в процессе пахоты земли для облегчения труда древнего земледельца привело к превращению его в общий культ поклонения (Aşurov, 2002. С. 68). Г. Исмаилзаде также отмечал, что в период ранней бронзы в Азербайджане, как и в отдельных частях Южного Кавказа домашние животные, в частности коровы и быки, считались священными и были объектом поклонения. По его мнению, население эпохи ранней бронзы вероятно использовало домашних овец для жертвоприношений в культовых церемониях (İsmayılov, 1981. С. 34).

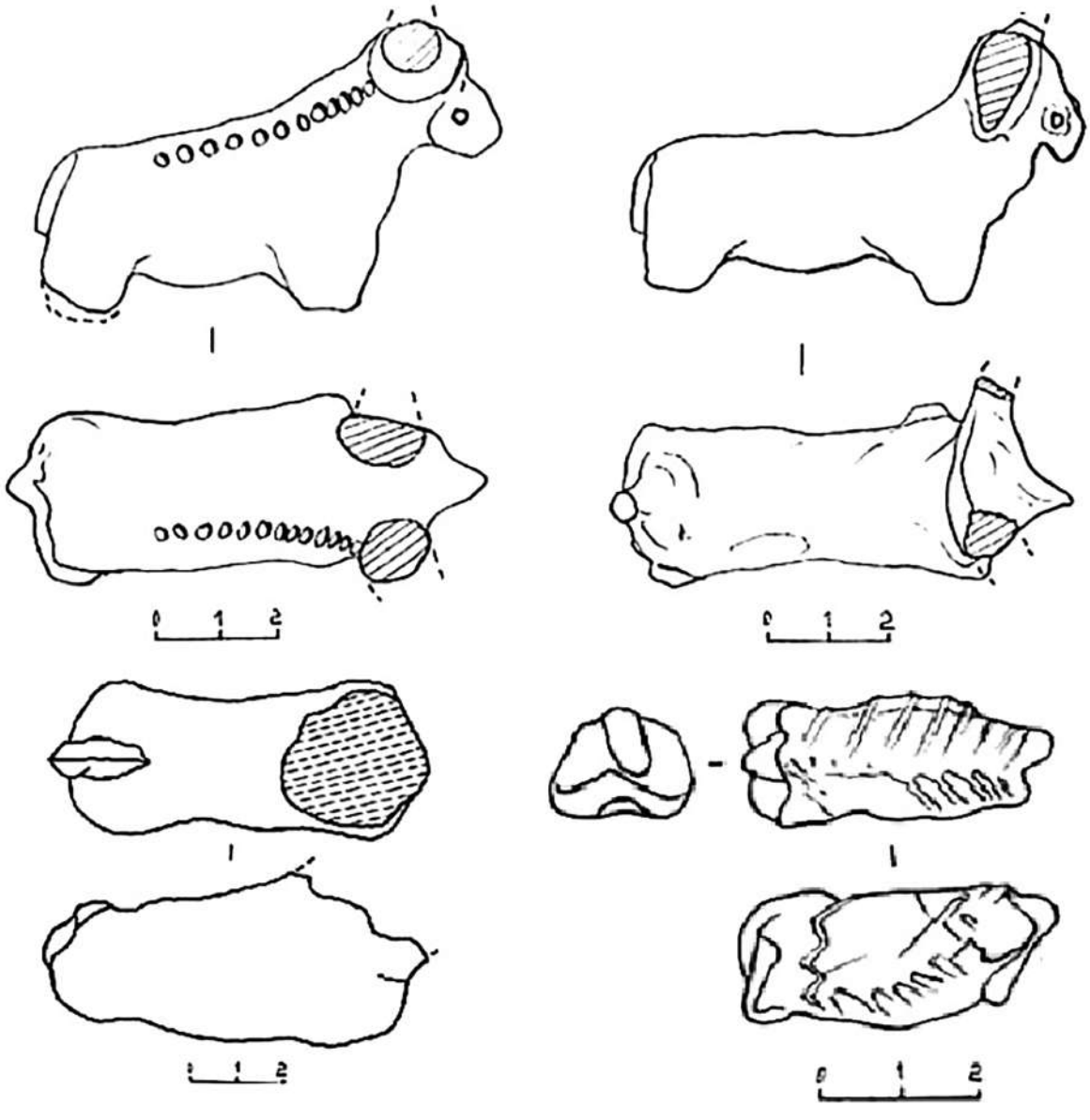


Рис. 1. Фигурки бовидов из слоя эпохи ранней бронзы поселения Худутепе

Широкомасштабные исследования памятника Худутепе в будущем дадут новые факты и позволят сделать важные научные выводы для изучения региона Мугани в эпоху халколита – ранней бронзы. Все это создаст широкие возможности для определения образа жизни древнего оседлого земледельческо-скотоводческого населения юго-восточного Азербайджана.

Литература

Aşurov S.H. 2002. Naxçıvanın İlk Tunc dövrü keramikası. Bakı.

Aşurov S.H., Hüseynova S.A., Əliyeva F.A. 2020. I Maxta İlk Tunc dövrü abidəsi. I kitab. Bakı.

İsmayılov Q.S. 1981. Quruçay və Köndələnçay vadisində qədim mədəniyyət izləri. Bakı.

İsmayılova Ş. 2011. Urmiya gölü hövzəsinin tunc dövrü keramikası. Bakı.

Исмаилзаде Г.С. 2008. Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа. Баку.

Махмудов Ф.Р. 2008. Культура юго-восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку.

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИННОВАЦИЯХ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ РАВНИННО-ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

Атаев Г.Д.
Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

Исследование культур позднего этапа среднего и раннего этапа позднего бронзового века равнинно-предгорной зоны Южного Приморского Дагестана позволило раскрыть ряд проблем, связанных с преемственностью и инновациями в развитии местных культур данного периода. Их изучение имеет большое значение для выяснения исторических судеб археологических культур Кавказа раннего этапа среднего бронзового века и формирования здесь на их основе нового археологического образования финального периода среднего бронзового века и раннего этапа позднего бронзового века – каякентско-хорочоевской культуры (*далее* – КХК). В результате анализа материалов памятников эпохи среднего и позднего бронзового века был исследован ряд проблем, связанных с формированием и развитием местной культуры данного периода, а также этнокультурные процессы в регионе. Основное внимание акцентировалось на изучении вопросов, связанных с преемственностью и инновациями в развитии культур равнинно-предгорной зоны южной части Приморского Дагестана среднего и позднего бронзового века: от заката культуры раннего этапа среднего бронзового века – утамышской группы памятников (рис. 1, *1*) и великентской культуры (рис. 1, *2*), и формирования на их основе нового археологического образования – КХК (рис. 1, *1, 2*) с ее многочисленными локальными вариантами. На территории КХК выделено семь локальных вариантов: северо-западный (Восточная Чечня), северо-восточный (присулакский), таркинско-талгинский, манасско-мискинбулакский, каякентско-берикейский, горнодагестанский, присамурский. Присамурский вариант четко не выделяется, так как здесь слабо изучены памятники КХК – могильник Гюхрак и поселение Нютюг.

Наибольший интерес представляет каякентско-берикейский локальный вариант, который имеет сильные черты своеобразия, отличающие его от других. В этом варианте представлены памятники трех хронологических этапов КХК. К раннему этапу КХК, переходному от культур раннего этапа среднего бронзового века к КХК относятся Мамайкутанская подкурганная каменная гробница (Гаджиев, 1979. С. 42–45), Утамышские каменные ящики (Котович и др., 1972. С. 70–74), погребение 1 в каменном ящике Урцекского 2-го могильника (Котович и др., 1961. С. 63–65) и Каякентский каменный ящик (Магомедов, 1976. С. 100–102). В Мамайкутане выявлено крупное подкурганное сооружение смешанного типа гробница-ящик, в Утамыше три каменных ящика, а в Каякенте и Урцекском 2-м могильнике каменные ящики с одиночными захоронениями. Они представляют собой комплексы смешанного, промежуточного типа, характеризующие переходный период от культур начального этапа среднего бронзового века к КХК и датирующиеся от 1700–1600 гг. до н.э., в которых сохраняются отдельные признаки присущие культурам и группам памятников Дагестана ранних этапов, но вместе с тем довольно рельефно прослеживаются характерные черты новой, формирующейся КХК. В четырех памятниках обнаружен инвентарь: круглодонные формы и двуручные сосуды с горлом в виде раструба и с выпуклым туловом (рис. 1, *1*). В Каякенте найден сосуд со шнуровым орнаментом. В вышеназванных памятниках выявлен инвентарь характерный для начального периода среднего бронзового века, а с другой стороны, здесь наряду с круглодонными и двуручными сосудами, чаще встречаются керамика с

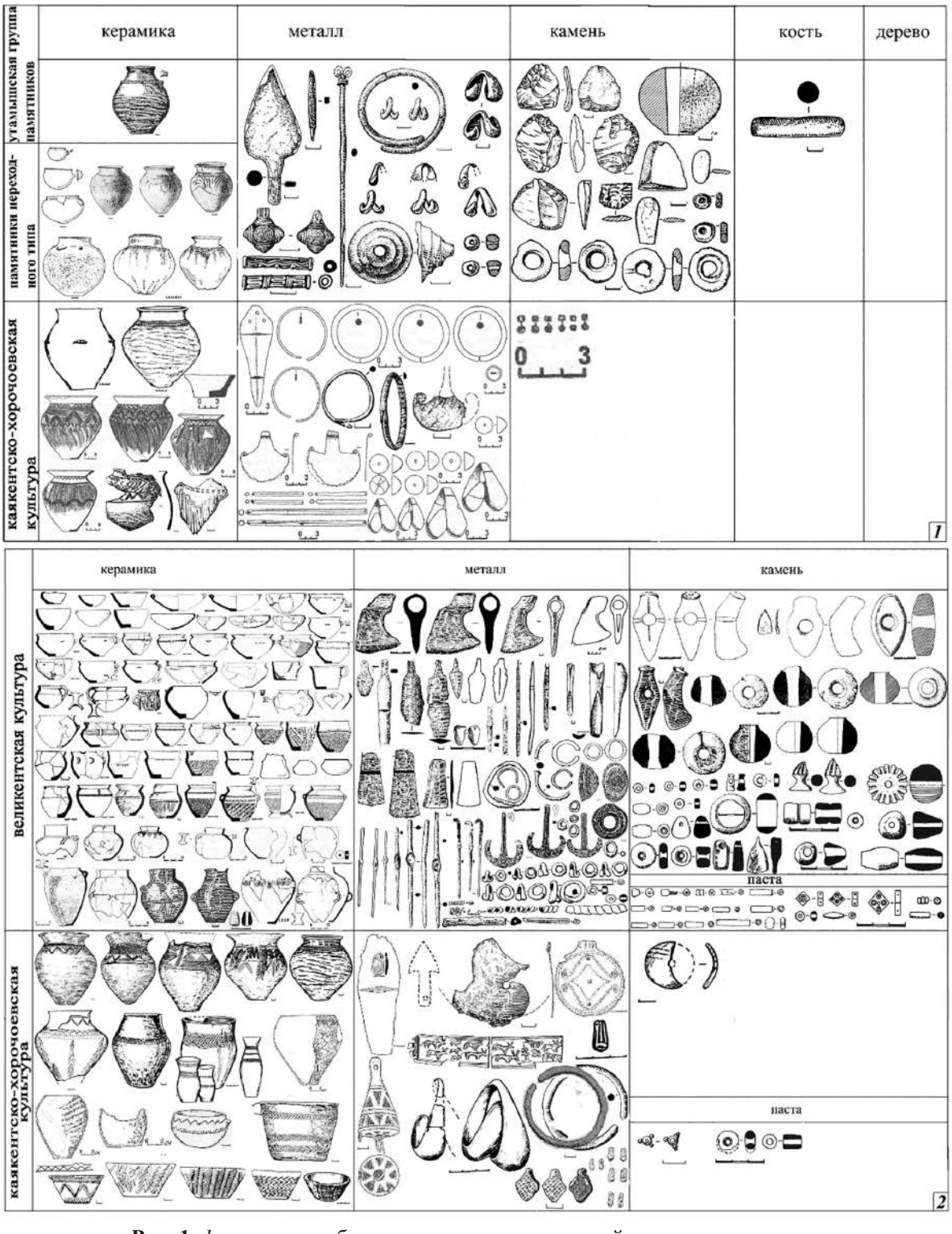


Рис. 1. *1* – сводная таблица инвентаря утамышской группы памятников и каякентско-хорочоевской культуры, *2* – сводная таблица инвентаря великентской и каякентско-хорочоевской культур

обмазанной поверхностью и металлический инвентарь, ставший наиболее характерным для следующей по времени КХК (рис. 1, *1*).

Все это свидетельствует о проникновении присулакских племен на территорию великентской культуры и утамышской группы памятников, что впоследствии привело к их постепенному затуханию и формированию в дальнейшем на этой территории памятников КХК.

Инновации стали проявляться в постепенной эволюции погребальных сооружений, обряда и инвентаря, что выразилось в погребальных конструкциях смешанного типа, в которых проявляются признаки каменных гробниц и каменных ящиков. Новой чертой являются погребения детей в каменных ящиках. Эволюция наблюдается и в погребальном обряде: от коллективных захоронений индивидуальными, в редких случаях – к парными.

Другим звеном в цепи эволюционного процесса являются изменения в погребальном инвентаре, характерной чертой которого является его бедность и не такое разнообразие, наблюдавшееся в инвентаре памятников раннего этапа среднего бронзового века. Одновременно в ряде комплексов появляются бронзовые пластинчатые подвески с лопастями, полусферические колпачки, секировидные подвески и другие украшения из бронзы, где увеличивается использование олова в качестве примесей, а также привески из сурьмы. Изменения происходят и в керамике. Некоторые формы сосудов продолжают традиции предшествующего периода, но при этом уменьшается количество кружек, чашек и мисок, а иногда они полностью отсутствуют. Значительно чаще применяется обмазка сосудов жидкой глиной. Новым является использование расписного орнамента черной, бурой или коричневой краской.

Ряд предметов в инвентаре утамышской группы памятников (далее – УГП) и великентской культуры (далее – ВК) (бронзовые браслеты из круглого стержня с заходящими друг за друга концами, двухлопастные подвески, височные кольца, а также мелкие украшения из бронзы, пасты и морских раковин) имеют определенное сходство с инвентарем КХК.

Но с другой стороны, укажем на существенные различия в погребальных сооружениях, обряде и инвентаре УГП, ВК и КХК. Для УГП характерны подкурганные захоронения в саркофагах на деревянных повозках, обложенных деревянными срубами и перекрытых бревнами, а для ВК характерны коллективные захоронения в катакомбах, вырытых в естественных холмах. Тогда как для КХК присущи погребения в каменных ящиках с индивидуальными, реже парными захоронениями. Имеется много отличий между инвентарем УГП, ВК и инвентарем КХК. Все это также свидетельствует о не столь большой роли УГП и ВК в сложении КХК, по сравнению с той ролью, которую сыграли гинчинско-гатынкалинская и присулакская культуры, манасская группа памятников в её генезисе.

В целом можно констатировать постепенный и плавный процесс «переоформления» культуры раннего этапа эпохи средней бронзы Дагестана в КХК. Примерно к XVII в. до н.э. культуры раннего этапа эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа полностью трансформируются в КХК. Гинчинско-гатынкалинская и присулакская культуры, манасская и гентальская группы памятников ранних этапов эпохи средней бронзы явились генетической подосновой КХК. А УГП и ВК сыграли определенную, но очень незначительную роль в генезисе КХК. К югу от г. Избербаша и до г. Дербента нами выделен каякентско-берикейский локальный вариант.

К среднему этапу, относятся т.н. классические памятники КХК – могильники у станции и у селения Каякент (Каякент I, II, III) (Круглов, 1958. С. 140–142), Кичи-Гамри (Пикуль, 1953. С. 41), Мамайкутан (Котович, 1959. С. 136–139), Берикей (Круглов, 1958. С. 142–144. Рис. 68–70), к югу от пос. Геджух (Исаков, 1966. С. 20. Табл. 6, *5*), Маджалис (Круглов, 1958. С. 144–146) и др. К позднему этапу относится могильник Янгикент (Гаджиев, Кудрявцев, 1999. С. 148–159).

Отметим, что культуры и группы памятников (гинчинско-гатынкалинская и присулакская культуры, манасская и гентальская группы памятников) ранних этапов эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа явились генетической подосновой КХК. С

другой стороны, УГП и ВК сыграли определенную, но очень незначительную роль в генезисе КХК.

Пришлое иноэтническое население сыграло определенную роль в этнокультурных процессах, происходивших на рассматриваемой территории в период раннего этапа среднего бронзового века, но во второй четверти II тыс. до н.э. оно было ассимилировано местными племенами. Постепенно формируется КХК. Погребальный обряд и инвентарь КХК свидетельствует об культурном единстве населения, но с другой стороны, локальные варианты КХК указывают о сохранении в этот период этнокультурной пестроты, что является показателем дальнейшего этнокультурного расхождения населения, проживавшего в то время на данной территории в конце эпохи средней и в начале эпохи поздней бронзы. Появление культур среднего бронзового века вместо единой куро-аракской культуры, свидетельствует о процессе этнокультурной дифференциации населения и формировании полиэтничного населения, ставших известными по античным источникам.

Литература

Гаджиев М.Г. 1979. Отчет о работе Прикаспийской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1977 г. // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН.

Гаджиев М.С., Кудрявцев А.А. 1999. Новый памятник эпохи поздней бронзы Дагестана // Кавказ и Древний Восток. Сборник статей. Махачкала.

Исаков М.И. 1966. Археологические памятники Дагестана (Материалы к археологической карте). Махачкала.

Котович В.Г. 1959. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Т. I. Махачкала.

Котович В.Г., Котович В.Г., Магомедов *С.М.* 1972. Отчет о работе Гамринской археологической экспедиции // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН.

Круглов А.П. 1958. Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М.–Л.

Магомедов А.Р. 1976. Археологические находки в с. Каякент // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. научных сообщений. Вып. VI. Махачкала.

Пикуль М.И. 1953. Отчет о работе Северного отряда ДАЭ в 1953 г. // Архив ИА РАН.

КОЛОДЦЕОБРАЗНЫЕ ГРОБНИЦЫ И КАМЕННЫЕ МОТЫЖКИ (ИТОГИ РАЗВЕДОК В АДЛЕРСКОМ РАЙОНЕ г. СОЧИ)

Баранюк А.В.[1], Глазов К.А[2], Кизилов А.С.[2]

[1]Краснодарское краевое отделение Всероссийское общественная организация «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», г. Краснодар

[2]Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук», г. Сочи

Весной 2025 г. Краснодарским краевым отделением ВООПИиК при поддержке специалистов сектора историко-культурного наследия ФИЦ СНЦ РАН в окрестностях пос. Красная Поляна и с. Казачий Брод Адлерского района г. Сочи Краснодарского края проводились научные археологические разведки.

В первую очередь работы были направлены на натурное обследование археологического комплекса «Краснополянский 4», расположенного на северо-западной окраине пос. Красная Поляна (рис. 1, *1.1*). Этот комплекс был поставлен на государственную охрану по итогам разведок С.В. Дубовенко в 2023 г. В него, кроме вновь выявленных дольменов, вошли дольмены, колодцеобразные гробницы и курганообразные насыпи, исследованные ранее (Баранюк, Дубовенко, 2023. С. 40–49). Весной 2024 г. на соседнем с памятником земельном участке при строительных работах был выявлен ряд колодцеобразных гробниц, которые в том же году были исследованы экспедицией под руководством А.Н. Гея и П.В. Сокова и предварительно были датированы концом III – началом II тыс. до н. э. (Гей, Соков, 2025).

В ходе работ 2025 г. было установлено, что территория археологического комплекса «Краснополянский 4» не ограничивается участками, исследованными в 2023–2024 гг., а простирается дальше – к берегу р. Бешенка и к зоне плотной застройки, таким образом, подтверждая выдвинутый ранее тезис о существовании мегалитического макро-ансамбля Красной Поляны (Баранюк, Дубовенко, 2023. С. 45). На этой территории был заложен шурф, который показал наличие каменных блоков, составлявших конструкцию гробниц, а также зафиксирован подъемный материал – отдельные каменные плиты и блоки от гробниц и дольменов, разрушенных в ходе хозяйственного освоения в постсоветское время.

Колодцеобразные гробницы обычно сооружались рядами, вписанными в склон. Несколько таких гробниц, возможно из одного ряда, расположенные вдоль современной ул. Защитников Кавказа, были доследованы во второй половине XX в. и в настоящее время полностью затерялись в плотной застройке поселка (Баранюк, Дубовенко, 2023. С. 40–41).

Аналогичная ландшафтно-топографическая ситуация наблюдается на левом берегу р. Мзымты – напротив пос. Красная Поляна, где в урочище «Сад Кука» Н.В. Кондряковым в 2008 г. были выявлены четыре колодцеобразные гробницы (рис. 1, *1.4*). В ходе разведок 2025 г. была зачищена территория одной, наиболее четко визуализируемой в настоящее время, гробницы. Остальные выражены не так явно, но топография участка позволяет предположить, что здесь, как и в Красной Поляне, возможно выявление рядов гробниц, скрытых под землей.

В 25 км к юго-западу от пос. Красная Поляна, на южном склоне горного отрога, близ с. Казачий Брод, на правом берегу р. Мзымты (рис. 1, *1.5*) было выявлено каменное сооружение, которое можно интерпретировать как колодцеобразную гробницу – аналогичную тем, что входят в Краснополянский мегалитический ансамбль. На момент проведения полевых работ эта гробница уже была уничтожена оползнем в феврале 2025 г. Доисследовать её не удалось, но ранее специалистами ФИЦ СНЦ РАН была сделана 3D-модель, благодаря чему сохранились её параметры (рис. 1, *2*).

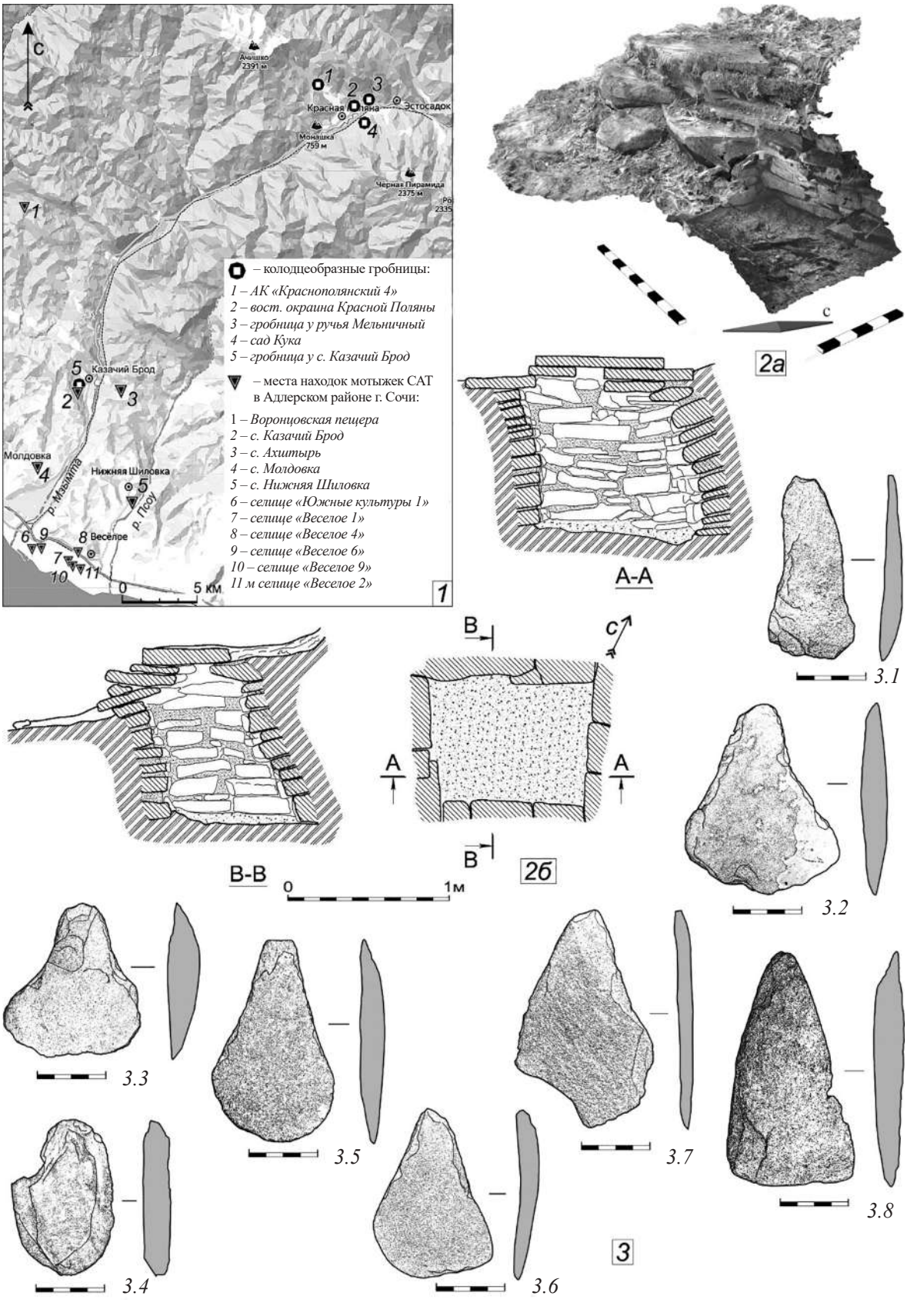


Рис. 1. *1* – Карта местонахождений колодцеобразных гробниц и каменных мотыжек; *2* – Гробница у с. Казачий Брод: а) скрин 3D-модели, б) план камеры и разрезы; *3* – Каменные мотыжки из окрестностей с. Казачий Брод

Гробница у Казачьего Брода представляет собой прямоугольный в плане колодец, сложенный из уплощенных каменных боков в 9–10 рядов, с усредненными размерами 0,3 × 0,1 м (толщина более 0,4 м). Блоки двух верхних рядов тоньше и шире нижних. Вместе с плитой перекрытия (размерами 0,63 × 0,94 × 0,08 м) они образуют псевдокупольную конструкцию. Глубина гробницы до 1,04 м, размеры камеры – 0,77 × 0,93 м.

Вокруг этой гробницы встречен многочисленный подъемный материал, представленным в основном каменными и кремневыми орудиями. Основу собранной коллекции составляют изготовленные из гальки мотыжки в количестве 15 единиц – как практически целых, так и фрагментов. Размеры целых форм: высота – 8,8–14,5 см, ширина – 5–10 см, максимальная толщина – 0,9–1,9 см (рис. 1, *3*).

Мотыжки сочи-адлерского типа, названные так по территории их обнаружения (хотя их находки многочисленны и в Абхазии), в наибольшем количестве происходят из междуречья рек Мзымта и Псоу – от берега Черного моря до с. Ахштырь и датируются довольно широко: от неолита до раннего железного века (Мунчаев, Марковин, 1961. С. 27–28; Формозов, 1964. С. 12–14; Соловьев, 1972. С. 81; Полянская, 2017. С. 76).

Типологическое разнообразие мотыжек, собранных в районе гробницы близ Казачьего Брода, достаточно большое. Здесь присутствует мотыжка типа «пик» (рис. 1, *3.1*) – аналог орудия из верхнего культурного слоя в гроте Тоннель 2 Воронцовской пещеры (Соловьев, 1958. С. 153. Табл. IV, *1*), а также мотыжка «сухумского» типа (рис. 1, *3.4*) (Соловьев, 1958. С. 137, 148. Рис. 1, *б*; 1972. С. 88-89. Рис. 1). Мотыжки «сухумского» типа происходят в основном из Гумистинского поселения в Абхазии, которое В.В. Бжания относит к «эпохе ранней бронзы, но не к начальной её поре» (Бжания, 1969. С. 5). Из верхних слоев Воронцовской пещеры происходят «пузатые» горшочки с пластинчатыми ручками (Соловьев, 1958. С. 154), аналогичные сосудам из дольмена № 1 (Марковин, 1997. С. 383. Рис. 189, *5*; 200, *4, 6, 9*) и из гробницы № 12 археологического комплекса «Краснополянский 4» (Гей, Соков, 2025). Учитывая также, что в целом керамика Гумистинского поселения, Воронцовской пещеры и гробниц Красной поляны имеет множество параллелей, можно отнести гробницу из Казачьего Брода и мотыжки, обнаруженных рядом с ней, к кругу этих памятников и предварительно датировать рубежом III–II тыс. до н. э.

Литература

Баранюк А.В., Дубовенко С.В. 2023. Краснополянский мегалитический ансамбль // Дольмены Западного Кавказа: новые и традиционные подходы к изучению: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Майкоп, 17 октября 2023 г.). Майкоп.

Бжания В.В. 1969. Результаты обследования Гумистинского поселения в 1964 г. // КСИА. Вып. 115.

Гей А.Н., Соков П.В. 2025. Керамика колодцеобразных гробниц (по материалам Краснополянского IV могильника) // Связи и взаимодействия культур Циркумпонтийского региона в среднем и позднем бронзовом веке. Вып. 5. М.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М. 1961. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // КСИА. Вып. 84.

Марковин В.И. 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.

Полянская Е.Ю. 2017. Опыт применения методов геометрической морфометрии при анализе форм каменных мотыжек Сочи-адлерского типа (по материалам Имеретинской низменности) // КСИА. Вып. 249.

Соловьев Л.Н. 1958. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры // Труды АбИЯЛИ. Т. XXIX. Сухуми.

Соловьев Л.Н. 1972. Мотыгообразные орудия сочи-адлерского типа // Известия АбИЯЛИ. Вып. I. Тбилиси.

Формозов А.А. 1964. Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований // СА. № 3.

К ВОПРОСУ О Т. Н. «ОГРАБЛЕНИЯХ» И ПОСТ-ПОГРЕБАЛЬНЫХ МАНИПУЛЯЦИЯХ С КОСТЯКАМИ УМЕРШИХ В ЗАХОРОНЕНИЯХ МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ (МНО) ЗОНЫ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ ТЕРЕК

Бурков С.Б.
Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

Изучение норм погребальной обрядности археологических культур, в своем большинстве, происходит по результатам раскопок древних некрополей. Не все они дошли до настоящего времени как полноценные комплексы. Особенно это касается захоронений майкопско-новосвободненской общности (далее – МНО), заметная часть которых разрушена или потревожена (Кореневский, 2004. С. 51, 55). По наблюдениям А.А. Клещенко, на 2019 г. число захоронений с установленной позицией погребенных составляет 443 случая, или 62 % от учтенной им серии в 710 могил (Клещенко, 2019. С. 137, 145, 153. Табл. 1).

Анализ доступных материалов в границах Чеченской, Осетинской, Кабардинской наклонных равнин, на материалах курганных могильников «Орджоникидзевский», Бамутский (Арштинский), «Бамутские сады», «Самашкинские курганы», «Ассиновские курганы» (Чечня), Комаровские, Сунженские курганы (Северная Осетия), Кишпекские, Чегемские, Кызбурунские, Лечинкайские, Былымские курганы (Кабардино-Балкария) позволил выделить наиболее часто встречающиеся ситуации. К ним относятся: так называемые кенотафы, которые представляют собой случаи находок в подкурганном пространстве древних артефактов без признаков погребенных; захоронения отдельных частей тела; присутствие в погребении костных остатков без анатомического порядка и без признаков повреждения заполнения погребения или конструкций (насыпей) над ними; разрушение скелета, разбрасывание костных остатков по дну погребальной камеры – при наличии предметов заупокойного инвентаря и фиксации следов проникновения в погребальную камеру; повторные погребения – подзахоронения в уже существующие погребальные конструкции с присутствием в них костей индивидов, погребенных в них ранее; вторичные погребения. В ряде случаев термином «вторичные захоронения» неточно характеризуют процедуру посмертной манипуляции с останками погребенного. К ним относятся захоронения костных останков после того, как мягкие ткани либо истлевают, либо счищаются с костей механическим способом. Наиболее типичный случай – так называемые пакетные погребения.

Наиболее частые случаи «проникновения» в погребальное пространство, повреждения погребальных конструкций, разрушение или изъятие сопроводительного инвентаря и останков погребенных приходится на так называемые элитные комплексы. Выделяются два варианта манипуляций. Первый связан с разрушением костяка и выбрасыванием, разбрасыванием, разрушением, «похищением» инвентаря после возведения над погребальной камерой перекрытия, наброски, курганной насыпи. При этом ряд престижных предметов оставался на своих местах. Второй вариант – нахождение умершего в погребальном сооружении довольно продолжительное время без заполнения ямы грунтом или камнем и сооружения над ним погребальной насыпи. Он подтверждается прослойками перегноя, законсервированными курганной насыпью, возведенной лишь после разрушения костяка. Зафиксированы случаи вторичного использования элитных погребений для размещения в них следующего усопшего. Готовое для новой церемонии пространство либо использовалось, либо не использовалось вторично, при этом в обоих случаях над погребальной конструкцией возводилось перекрытие и курганная насыпь. Иногда в качестве сопутствующих «подношений» покойному выступало захоронение отдельных частей тела (черепа) или погребенных – как безинвентарных, так и с минимальным вещевым сопровождением. В нескольких случаях зафиксирована

полная фрагментация костяка умершего при сохранении вещевого набора и отсутствии следов перекопа курганной насыпи над погребением. Во всех случаях это основные погребения. В ряде случаев встречается преднамеренная укладка отдельных костей, сверху на которые помещались предметы заупокойного инвентаря. Помещение инвентарных наборов без костяка отмечено как для основных, так и впускных погребений, но и в этом случае над ними возводились отдельные курганные насыпи.

Традиционно разрушение костяков погребенных связывается с ограблением либо разрушением в ходе совершения впускных погребений. Р.М. Мунчаев указывал на особый обряд захоронения отдельных частей тела (погребения 13 и 14 кургана 12 Бамутского могильника) (Мунчаев, 1975. С. 297–300). И.М. Чеченов таким же образом интерпретировал похожий случай в погребении 4 кургана 2 у с. Кишпек (Чеченов, 1984. С. 179, 183, 184, 222. Рис. 14, *7*). С.Н. Кореневский относительно разрушения костяка в погребении 30 кургана 1 у с. Комарово предположил ритуальную деструкцию. Потревоженность костяков при сохранении на своих первоначальных местах погребальных даров он связал с ритуалами «обездвиживания» покойного или поверьями об окончательном «завершении» земного пути лишь с утратой целостности тела (Кореневский, 2004. С. 19).

Согласно В.С. Ольховскому, обряд погребения – процедура длительная, она завершается иногда «через несколько десятков или даже сотен лет после окончательного захоронения останков» (Ольховский, 1993. С. 87). Причины ритуальных ограблений («осквернений»), по Ю.Н. Кузьмину, могли производиться представителями чужеродной культуры либо соплеменниками умершего в рамках ритуалов «изъятия» вещей из могилы и «возвращения их представителям рода». Вскрытие могил проводилось во время погребальных обрядов посредством определенных манипуляций с костями умерших с целью установления связи между живыми и умершими. Не все могилы с разрушенными костяками или их частями следует относить к разряду ограбленных (Кузьмин, 1991. С. 146, 148, 150). По О.В. Зайцевой ритуальные манипуляции в рамках обряда «обезвреживания» покойного, включали «осквернение» и «ограбление». Они производились «с целью установления связи между живыми и мертвыми». Вторичный обряд демонстрирует универсальные для традиционного сознания представления о существовании различных «фаз» смерти. Повторное захоронение костей служит «залогом» постоянного обновления жизни. Мотив «расчленения и «освобождения» перекликается с идеей креативного жертвоприношения». Процедура разделения целого на части, с последующим складыванием и оживлением «является универсальным моментом всякого ритуального процесса вообще» (Зайцева, 2005. С. 23, 24, 26).

Таким образом, мы приходим к заключению, что археологически засвидетельствованные посмертные манипуляции с умершими и погребальным инвентарём МНО показывают, что трактовки подобных захоронений только в рамках «стандартных» представлений должны быть серьезным образом скорректированы.

Литература

Зайцева О.В. 2005. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации // Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск.

Клещенко А.А. 2019. Новейшие исследования погребений майкопской культуры в Баксанском ущелье и их интерпретация // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. Сборник к 90-летию Р.М. Мунчаева. М.

Кореневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-Новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.

Кузьмин Н.Ю. 1991. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Сборник научных трудов. СПб.

Мунчаев Р.М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

Ольховский В.С. 1993. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. № 1.

Чеченов И.М. 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем-II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 1. Нальчик.

НАХОДКИ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ДОЛИНЕ РЕКИ СУЛАК

Гаджиев Б.Х., Шаушев К.Б.
ООО «НПЦ «Туризм и Краеведение», г. Махачкала

В ходе проведенных в 2022 г. разведочных работ в рамках инвентаризации памятников археологии Кизилюртовского района Республики Дагестан было выявлено ранее неизвестное местонахождение наскальных изображений.

Выявленный объект археологического наследия «Наскальные изображения Истису», получивший название по наименованию местности, был обнаружен в ходе обследования территории, прилегающей к памятнику археологии «Миатлинский могильник» (Канивец, Березанская, Костюченко, 1955. С. 121–122; Шаушев, 2021). Он расположен в северо-восточной части кряжа безымянного хребта, на юго-восточной его стороне, на левом берегу р. Сулак. Весьма примечательна находка этих изображений на левобережье, т.к. ранее все известные памятники наскальных изображений этой зоны (передовые хребты Нара-тюбе, Атлы-боюн) были обнаружены на правобережье Сулака.

Объект представлен двумя группами изображений. Почти все изображения сильно выветрены, едва прослеживаются.

Группа 1 представляет собой вырезанную на наклонном карнизе скального массива и разделенную выветренными трещинами трехрядную композицию с изображениями животных, предметов вооружения, вульв (?) и различных знаков (рис. 1, *1*). Изображения линейные, схематичные.

1-й ряд представляет собой сильно выветренные изображения четырех горных козлов с изогнутыми рогами, расположенных попарно и обращенных в разные стороны. Над спиной одного животного правой пары изображений показаны три прямые вертикальные линии, которые, вероятно, обозначают поражение его стрелами. В верхнем левом ряду композиции изображена обращенная вниз стрела (рис. 1, *1*).

2-й ряд представлен (описание композиции дается слева на право) изображением горного козла, далее в этом ряду расположено сильно выветренное изображение второго козла, затем следует схематическое изображение оленя с серповидной формы фигурой слева. Между изображением второго тура и оленя имеется изображение головы козла. Ниже – изображение оленя с утраченной шеей. В конце композиции расположено еще одно изображение горного козла (рис. 1, *1*).

3-й ряд представлен фигурами обращенных вправо трех горных туров, расположенных в левом нижнем ряду композиции, и многочисленными вертикальными широкими полосами с заостренными концами (вульвы?) (рис. 1, *1*).

Группа 2 изображений находится в 20 м к СВ от группы 1 на наклонном карнизе скального массива (рис. 1, *2*). Она представлена 23 удлиненно-овальными с утончающимися концами линиями, условно изображающими вульвы (?). На пяти изображениях дополнительно высечены по бокам короткие тонкие линии, имитирующие волосяной покров (рис. 1, *2*).

В ходе обследования памятника у подножия вышеуказанных скальных массивов не было найдено какого-либо подъемного археологического материала.

Данный памятник, судя по аналогиям, расположенным в этой же зоне на отрогах передового хребта Нара-тюбе на границе равнинной и предгорной зон Дагестана – наскальные изображения Экибулак (гряда В, грот Г), Капчугай (увал 6) (Марковин, 2006. Рис. 46, 56, 89–90), имеет широкий хронологический диапазон – от эпохи бронзы до средневековья.

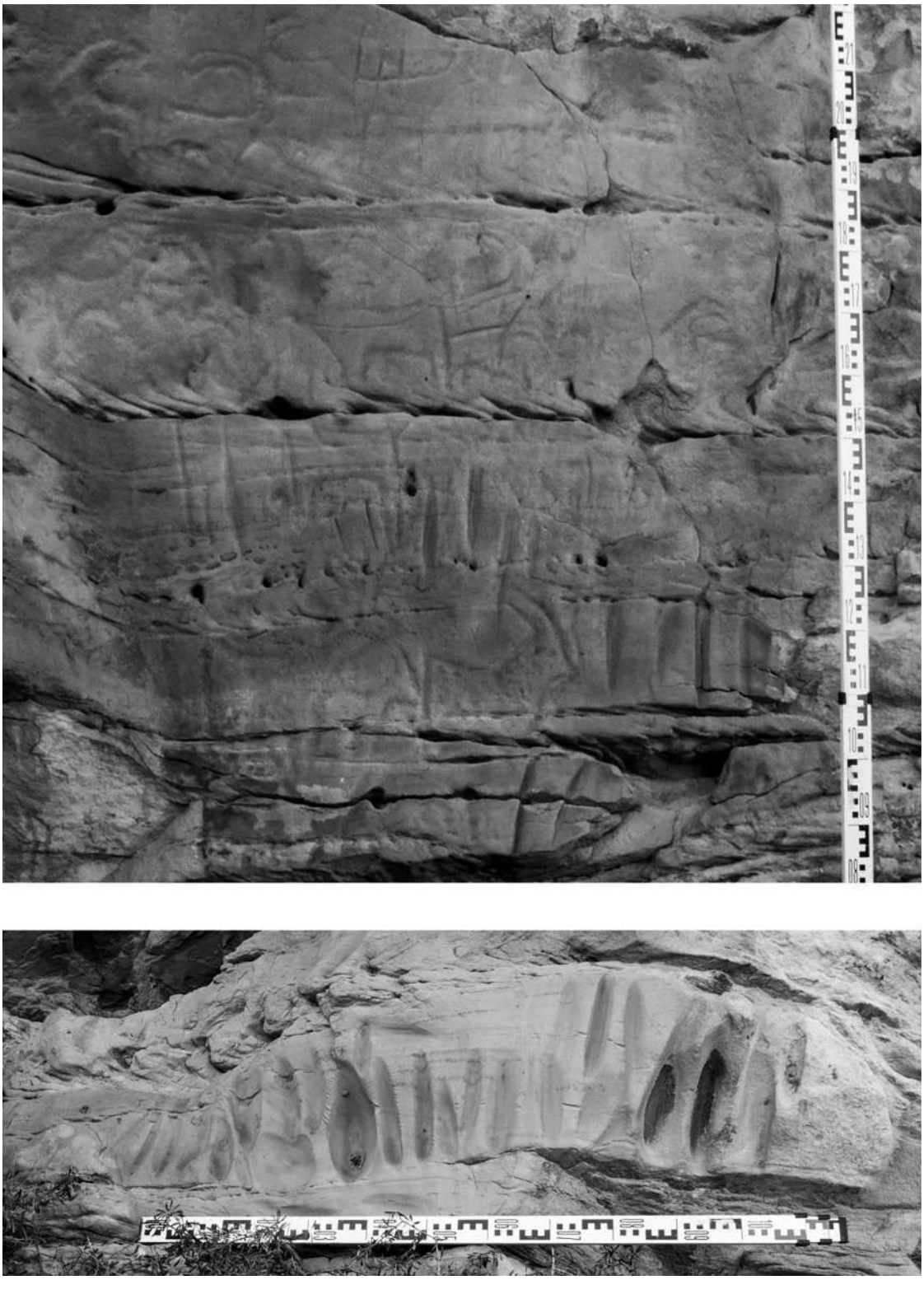


Рис. 1. Наскальные изображения Истису: *1* – группа 1; *2* – группа 2

Следует отметить, что близ выявленной группы наскальных изображений находятся объекты археологического наследия – городище Истису и Миатлинский грунтовый могильник, раскопки которых не производились. Датировка городища Истису, судя по разведочным подъемнымй материалам, весьма широкая – VII–XV вв. Миатлинский могильник, на котором представлены каменные ящики, обнаженные в отдельных местах на современной дневной поверхности, может быть осторожно соотнесен с некрополем данного городища, но

нельзя исключать возможности более ранней датировки некрополя – вплоть до эпохи бронзы. Нужно учитывать, что данная горно-долинная территория у выхода р. Сулак на равнину активно обживалась с эпохи бронзы.

Наконец, следует упомянуть находки изображений горных козлов в подобной технике и манере на близрасположенном Нижнесигитминском поселении, которое датируется предскифским временем (первая треть I тыс. до н. э.) (Бредэ, 1956; Бредэ, 1957; Бредэ, 1958; Бредэ, 1959). Здесь камни с изображениями животных были использованы вторично в кладке основания стен одного из помещений, что дает основание для датировки этих изображений более ранним временем – эпохой бронзы.

Литература

Бредэ К.А. 1956. Отчет о раскопках археологических памятников на горе Сигитма // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 35. Махачкала.

Бредэ К.А. 1957. Отчет о дополнительных раскопках на Нижнем Сигитминском поселении и городище, а также о разведке на прибрежных полосах низовьев Сулака // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 60. Махачкала.

Бредэ К.А. 1958. Отчет об археологических разведках на берегах Сулака и доисследование Сигитминского нижнего поселения // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 82. Махачкала.

Бредэ К.А. 1959. Новые поселения на Сулаке // Тез. докл на научной. сессии ИИЯЛ Дагфил. АН СССР посвященной археологии Дагестана. Махачкала.

Канивец В.И., Березанская С.С., Костюченко И.П. 1959. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1959 г. // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 16. Махачкала.

Марковин В.И. 2006. Наскальные изображения предгорий Дагестана. М.

Шаушев К.Б. 2021. Отчет об археологических разведках на территории Буйнакского, Казбековского и Кизилюртовского районов Республики Дагестан в 2020 г. // Архив ИА РАН. б/н.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ФИНАЛЬНОГО ЭТАПА СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТЬ III ТЫС. ДО Н.Э.)

Геворкова Д.А., Клещенко А.А.
Институт археологии РАН, г. Москва

Работа выполнена в рамках коллективной плановой темы ИА РАН
№ НИОКТР 126011315523-4

Современные представления о периодизации северокавказской культуры (далее – СКК) основываются на результатах комплексного анализа стратиграфии, планиграфии и типологии погребального инвентаря, которые подкрепляются более чем 30 радиоуглеродными датами (Клещенко, 2024. С. 71). В настоящее время в развитии СКК выделяется три основных: ранний (XXX–XXVIII вв. до н.э.), развитой (XXVIII–XXVII вв. до н.э.), поздний (XXVI–XXV вв. до н.э.) и два переходных этапа (Гак, 2016. С. 74–79; Гак, Клещенко, 2016. С. 174, 175, 180; Гей, Клещенко, 2018. С. 103–123; Клещенко, 2024. С. 71).

Наиболее яркими хронологическими индикаторами смены периодов являются бронзовые изделия, представленные в основном культовыми предметами (булавки, бляхи) и украшениями (медальоны, подвески и др.). Историография, посвященная типологическому и хронологическому анализу обозначенных категорий изделий, довольно обширна, что освобождает от необходимости давать здесь подробную характеристику инвентарного набора для каждого этапа СКК (напр.: Кореневский 1984. С. 254–299; Кореневский, 1990; Гак, 2016. С. 74–79; Гей, Клещенко, 2018. С. 103–123).

На основании имеющихся источников можно сделать вывод о существовании группы вытянутых, а также скорченных на спине погребений СКК (ранее относимых к третьей стадии ее развития), которая достоверно может быть выделена в финальный или четвертый этап, синхронный позднекатакомбным культурам Предкавказья (третья четверть III тыс. до н.э) (Клещенко, 2024. С. 71).

К основным маркерам для синхронизации обозначенных погребений с комплексами позднекатакомбного времени (батуринская, манычские, суворовская культуры) относятся отдельные типы бронзовых украшений: дисковидные медальоны (рис. 1, *1–7*), подвески разных типов: мелкие шаровидные (рис. 1, *8, 9, 14, 15*), клипсовидные (рис. 1, *10, 16*), лапчатые (рис. 1, *11, 12, 17–19*), булавовидные (рис. 1, *13, 20*), пронизи биноклевидные (или В-видные) (рис. 1, *21–23, 26–28*) и цилиндрические (рис. 1, *24, 25, 29, 30*), литые «колпачки» (рис. 1, *31–35*), височные кольца овоидной формы (рис. 1, *36–39*), а также бронзовые ножи с широким ром-бическим, пятиугольным и пламевидным лезвием.

Морфология обозначенного круга украшений, с одной стороны, демонстрирует преемственность традиций металлообработки развитого этапа СКК, а с другой, отражает ее упадок. Бронзовые украшения четвертого этапа отличаются меньшими размерами, неаккуратностью изготовления пластичной модели и скудностью орнаментальных мотивов.

Серия комплексов финального этапа СКК, имеющие прямые аналогии в памятниках позднекатакомбных культур Предкавказья, насчитывает по меньшей мере 33 погребения, основная концентрация которых приходится на территорию Центрального Предкавказья: Бермамытский-2 к.1 п.2 (Березин, 2001. Рис. 118), Бесленей к.5 п.9 (Биджиев, 1981. Рис. 33), Важное IV к.1 п.2 (Аккизов, 2018. Рис. 40), Винсады IV к.2 п.12 (Лычагин, 2014. С. 95–97),

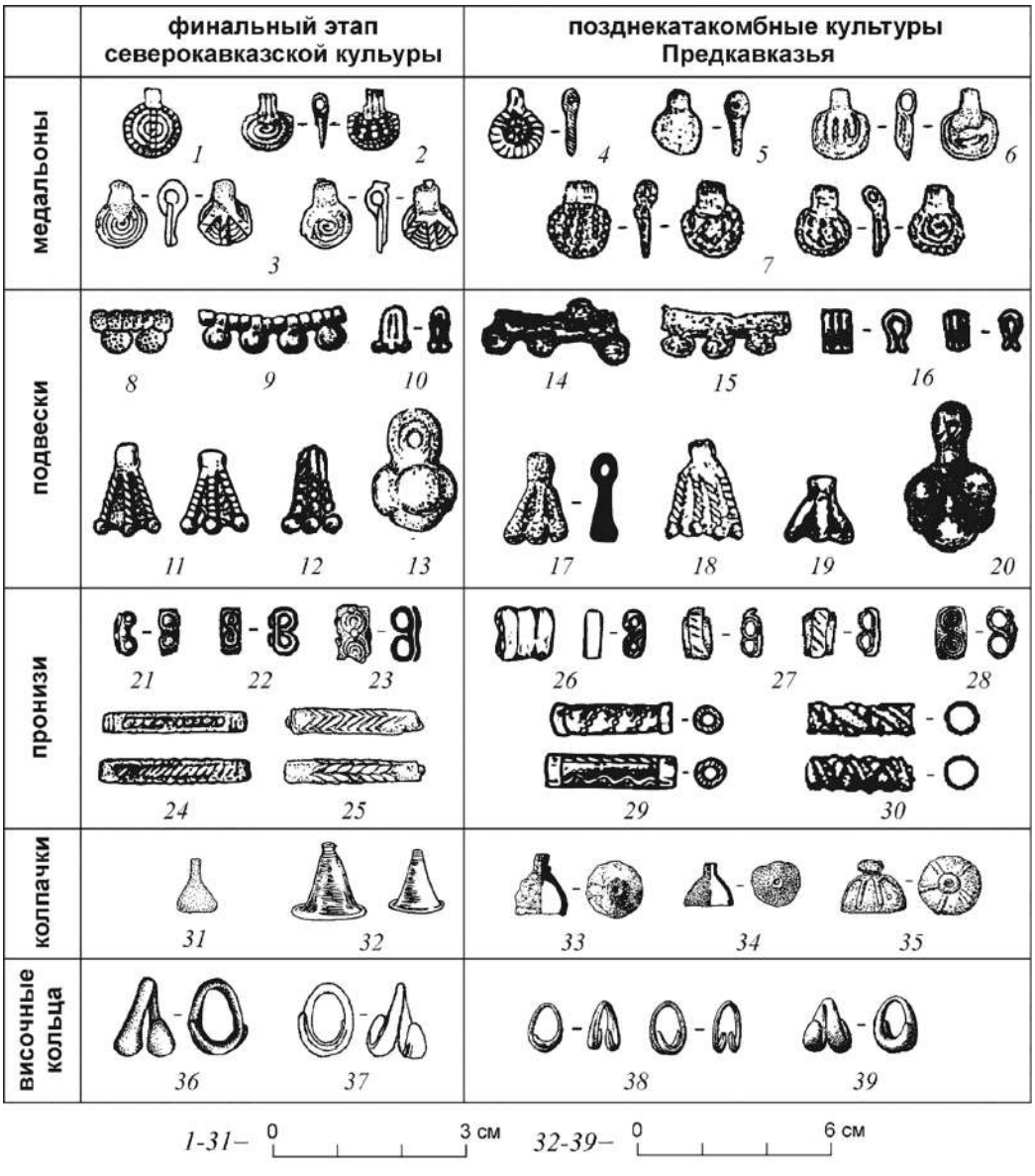


Рис. 1. Металлические украшения из погребений финального этапа северокавказской культуры и позднекатакомбных культур Предкавказья:
(ссылки на комплексы северокавказской культуры приведены в тексте)
1, 32 – Усть-Джегутинский, к.42 п.3; *2, 9, 11, 13, 21* – Нежинская II, к.4 п.14; *3* – Константиновский X, к.1 п.11; *4, 26* – Суворовская, к.1 п.8 (Нечитайло, 1978. Рис. 40,*10,14*); *5* – Кунаковский II, к.1 п.3 (Матюхин, 2005. Рис. 11,*14*); *6* – Колос II, к.1 п.16 (Селивантьев, 2015. Рис. 142,*Д*); *7, 18* – Тимашевский, к.1 п. 28 (Динков, 1988. Рис. 1,*10,11*); *8* – Нижнеподкумский V, к.1 п.21; *10* – Суворовский, к.11 п.13; *12* – Усть-Джегутинский, к.16 п.6; *14* – Карджин, к.1 п.3 (Дзуцев, 2003. Рис. 25,*8*); *15, 35* – Заманкул, к.2 п.25 (Ростунов, 1994. 39,*8,11*); *16* – Буйвола I, к.2 п.6 (Березин, 1997. Рис. 114); *17* – Кунаковский III, к.5 п.2 (Колесниченко, 2007. Рис. 248,*3*); *19* – Комарово, к.6 п. 5 (Наглер, 1984. Рис. 45,*3*); *20* – Суворовский, к.11 п.9 (Нечитайло, 1979. Рис. 56,*2*); *22* – Усть-Джегутинский, к.3 п.1; *23* – Сары-Тюз, к.7 п.4; *24* – Бермамытский-2, к.1 п.2; *25* – Балка Звериная I, к.1 п.5; *27* – Бейсужек XXXV, к.3 п.23 (Клещенко, 2017. Рис. 515);*28* – Пролетарский-84, к.3 п.5 (Шевченко, 1984. Рис. 138); *29* – Суворовская, к. 13 п.10 (Нечитайло, 1979. Рис. 6); *30* – Пролетарий II, к.6 п.2 (Бочковой, 2008. 45,*1*); *31* – Винсады IV к.2 п.12; *33* – Зунда-Толга I, к.8 п.1 (Гак, 2016. Рис. 1,*39*); *34* – Шарахалсун VI, к.2 п.1 (Яковлев, 2001. Рис. 126); *36* – Важное IV к.1 п.2; *37* – Занозина Балка I к.1 п.3; *38, 39* – Чограй VIII к.5 п.1, к.12 п.6 (Андреева, 2014. Илл. 54,*1,2*)

Занозина Балка I к.1 п.2, к.1 п.3 (Савенко, 1993. Рис. 82–88; 94–106), Иноземцево I к.3 п.20 (Березин, 2000. Рис. 616–618), Константиновская X к.1 п.11 (Березин, 2014. Рис. 1691), Константиновская XII к.1 п.7 (Голубев, 2020. Рис. 115, 124–128), Нежинская I к.1 п.24, к.2 п.12 (Кореневский, 1982. 39, 40. Рис. 170–172; 241, 245, 246), Нежинская II к.4 п.14 (Кореневский, 1990. Рис. 45), Нижнеподкумский V к.1 п.21 (Ляхов, 2014. Рис. 371), Подкумок к.1 п.1 (Егоров, 1953. С. 16), Сары-Тюз к.7 п.4 (Прокофьев, 2018. С. 217–219), Суворовский к.11 п.13, к.13 п.1 (Нечитайло, 1979. Рис. 59, *1–11;* 69*, 7–9*), Усть-Джигутинский к.3 п.1, к.42 п.3, к.42 п.5 (Нечитайло, 1978. Рис. 26; 32, *2,3;* 32, *13–17*), Усть-Джигутинский к.15 п.1, к.16 п.6 (Нечитайло, 1963. Рис. 55; 60), Айлама к.1 п.1 (Батчаев, 1984. Рис. 20), Старый Черек к.1 п.4 (Бетрозов, 1974. Рис. 4.), Чегем I к.15 п.1, к.52 п.1 (Бетрозов, Нагоев, 1984. С. 15; 22), Шилтрак к.1 п.1 (Батчаев, 1984. С. 153, 154), лишь несколько известны к востоку от обозначенной территории: Гудермесские №1 к.1 п.17 (Малашев, 2017. Рис. 154), Сунжа к.1 п.5 (Козаев, 2004. Рис. 34), Павлодольский к.2 п.11 (Ростунов, 1984. С. 87, 88), Ст. Мекенская к.6 п.12 (Крупнов, Мерперт, 1963. Рис. 16), Луковский I к. 1 п. 16 (Ильюков, 2017. Рис. 126), Экажево II к.1 п.12 (Воронин, Малашев, 2006. С. 36, 92. Рис. 31).

Безусловно, при дальнейшем анализе материалов, в первую очередь – таких ярких культурно-хронологических маркеров как курильницы и некоторые формы керамических сосудов, а также фигурных фаянсовых украшений, количество комплексов финального этапа СКК значительно увеличится. Немаловажным фактором при накоплении данных о памятниках СКК обозначенного периода является анализ стратиграфии ранее изученных курганных могильников (см. статью А.А. Клещенко в настоящем сборнике), а также включение в базу данных результатов новых раскопок. К таковым, например, можно отнести относительно недавно исследованные могильники на плато Бечасын (Бийчесын) в Приэльбрусье, где на высоте более 2000 над уровнем моря была изучена серия (более 120) включенных в кольцевую планировку подкурганных погребений СКК в каменных ящиках и ямах, значительная часть из которых содержала предметы позднекатакомбного времени (Меньшикова, 2021), позволяющие относить их к финальному этапу развития СКК.

Литература

Аккизов А.Я. 2018. Научный отчет о проведенных в 2018 году археологических охранно-спасательных раскопках кургана №1 курганной группы «Важное IV» в зоне реализации проекта «Реконструкция автомобильной дороги А-55 Черкесск-Домбай – граница с Республикой Абхазия км 23+100-38+00 в Усть-Джегутинском и Карачаевском районах Карачаево-Черкесской республики» // Архив ИА РАН. Р-1. № 60047.

Андреева М.В. 2014. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.

Батчаев В.М. 1984. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979. Т. 1. Нальчик.

Березин Я.Б. 1997. Отчет о раскопках могильников «Буйвола 1» у г. Буденновска и «Успенский 1» у г. Новоалександровска Ставропольского края в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 19830, 19831.

Березин Я.Б. 2000. Отчет о раскопках курганного могильника «Иноземцево-1» на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24526.

Березин Я.Б. 2001. Отчет о разведках и раскопках на территории городов Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков, Железноводска, Предгорного и Минераловодского районов Ставропольского края в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 26071.

Березин Я.Б. 2009. Отчет об археологических раскопках курганных могильников «Энергетик-3» на территории города Железноводска, «Лермонтов-3» на территории города Лермонтов, «Прогресс-2» на территории Кировского района Ставропольского края в 2009 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 38428.

Березин Я.Б. 2014. Отчет о раскопках курганных могильников Константиновский-3 курган 1, Константиновский-4 курганы 1–6, Константиновский-5 курганы 3, 4, Константиновский-6 курганы 1, 6, Константиновская-10 курган 1, Константиновская-11 курганы 1–3, Балка Звериная курган 1, поселения Константиновская-1 на территории города Пятигорская и Предгорного района Ставропольского края в 2012–2014 годах // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 64522–64540.

Бетрозов Р.Ж. 1974 Курган эпохи бронзы у селения Старый Черек // Археолого-этнографический сборник. Нальчик

Биджиев Х.Х. 1981. Отчет о раскопках курганов у аула Бесленей в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8451.

Бочковой В.В. 2008. Отчет о проведении и охранно-спасательных археологических исследований курганов № 2, 6, 7, 8 курганной группы Пролетарий-2 в Абинском районе Краснодарского края в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 42505, 42506.

Гак Е.И. 2016. Этапы трансформаций в металлопроизводстве среднего бронзового века на территории степного Предкавказья и юго-востока Русской равнины // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.). СПб.

Гак Е.И., Клещенко А.А. 2016. Металл северокавказской культуры Закубанья (химико-технологическая оценка) // КСИА. № 243. М.

Гей А.Н., Клещенко А.А. 2018. Большой Петропавловский могильник: публикация и интерпретация материалов раскопок // Труды Северо-Кавказской (Донской) археологической экспедиции. Т. 1. М.

Голубев Л.Э. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник Константиновский-12» в Предгорном районе Ставропольского края в 2020 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 68225, 68226.

Динков А.Б. 1988. Катакомбное погребение из Тимашевского кургана в Прикубанье // СА. № 1.

Дзуцев С.Б. 2003. Отчет о раскопках Карджинского кургана эпохи средней бронзы (катакомбная культура) у с. Карджин Кировского района РСО-А в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 36248, 36249.

Ильюков Л.С. 2017. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ (раскопок) на курганных могильниках «Луковский-I», «Луковский-II» и «Курган 5 у п/ст. Луковский» в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2017 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.

Клещенко А.А. 2017. Отчет о раскопках курганов №№ 2, 3, 4, 5 и 6 курганной группы «Бейсужек 35» в Кореновском районе Краснодарского края в 2017 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 56843–56845

Клещенко А.А. 2024. Северокавказская культура: современные источники, результаты и перспективы исследования // «XXXIII Крупновские чтения». М.

Козаев П.К. 2004. Отчет об археологических раскопках курганов у с. Сунжа Пригородного района РСО-Алания в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 32282, 32283.

Кореневский С.Н. 1982. Отчет о раскопках на Кавминводах курганной группы урочища Клин-Яр у г. Кисловодска в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9059.

Кореневский С.Н. 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979. Т. 1. Нальчик.

Кореневский С.Н. 1990. Памятники населения Центрального Предкавказья. М.

Крупнов Е.И, Мерперт Н.Я. 1963. Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М.

Лычагин А.В. 2014. Отчет о раскопках памятников археологии на Кавказских минеральных водах, проведенных в 2014 году ГУП «Наследие». Курган Винсадский 2, курганные могильники Винсады-4, Скачки-3 // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 55068 – 55070.

Ляхов С.В. 2014. Отчет о раскопках курганных могильников Лысогорская 16 и Нижнеподкумский 5 на территории Георгиевского и Предгорного районов Ставропольского края в 2014 году // Архив ИА РАН. Р-1. №49601.

Малашев В.Ю. 2017. Отчет об охранно-спасательных исследованиях кургана 1 курганного могильника «Гудермесские № 1 курганы» в Гудермесском районе Чеченской Республики в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 55091

Матюхин А.Д. 2005. Отчет об археологических исследованиях курганных могильников «Кунаковский – 1», «Кунаковский – 2», «Тоннельный – 6», «Невиномысский – 1» на территории Андроповского и Кочубеевского районов Ставропольского края в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 29029–29031.

Меньшикова В.А. 2021. Отчет об археологических раскопках курганов могильников «Бечасын III», «Бечасын V», «Бечасын VI» «Бечасын X» в Карачаевском районе Карачаево-Черкесской республики в 2021 году // Архив ИА РАН. Р-1. б/н.

Нечитайло В.Л. 1963. Отчет о раскопках курганов в Прикубанском районе Ставропольского края // Архив ИА РАН. Р-1. №2792.

Нечитайло А.Л. 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.

Нечитайло А.Л. 1979. Суворовский курганный могильник. Киев.

Прокофьев Р.В. 2018. Отчет об археологических раскопках курганов из могильников «Важное V» «Красногорская II», «Красногорский XII», и «Сары-Тюз» в Усть-Джегутинском районе Карачаево-Черкесской республики в 2018-2019 годах // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 65255–65257.

Ростунов В.Л. 1984. Отчет об археологических раскопках двух курганов у ст. Павлодольской Моздокского района СО АССР в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11855

Ростунов В.Л. 1994. Отчет о доисследовании кургана №2 у с. Заманкул Правобережного района Республики Северная Осетия в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18412.

Савенко С.Н. 1993. Отчет об охранных раскопках на территории города Кисловодска и его окрестностей в 1993 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 66234, 66235.

Селивантьев О.А. 2015. Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических работ (раскопок) объекта археологического наследия «Курганная группа «Колос 2» в г. Краснодаре в 2015 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 46923.

Шевченко Н.Ф. Отчет о раскопках курганов у хутора Пролетарского Кореновского района Краснодарского края в 1984 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10541.

Яковлев А.В. 2001. Отчет о раскопках курганного могильника Шарахалсун 6 на территории Апанасенковского района Ставропольского края в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 28244, 2845.

ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ДОЛЬМЕНАХ БОЛЬШОГО СОЧИ

Глазов К.А.
Федеральный исследовательский центр
«Субтропический научный центр Российской академии наук», г. Сочи

Работа подготовлена в рамках реализации государственного задания
ФИЦ СНЦ РАН FGRW-2024-0002, № госрегистрации 124022000096-2

В 2023 г. сектором историко-культурного наследия ФИЦ СНЦ РАН была начата работа по формированию информационного продукта по археологическим памятникам Большого Сочи, включающего электронную базу данных, реестр, каталог и археологическую ГИС района (Глазов, 2024. С. 20–34). В рамках ее реализации поэтапно вводятся в научный оборот неизвестные или слабоизученные объекты историко-культурного наследия (ИКН). Материал, составляющий основу проекта, собранный за два последних десятилетия, показал, что абстрактные изображения на дольменах в виде геометрических орнаментов, зигзагов, солярных знаков и декора встречаются крайне редко (Кизилов, 2018. С. 74–83; Кудин, 2021. С. 12. Рис. 6), антропоморфные же фигуры до недавнего времени в регионе известны не были.

В 2023 г. в процессе сбора материала по междуречью Макопсе-Аше на корытообразном дольмене группы Капибге-1 при осмотре фасадной поверхности в косых лучах мощного фонаря случайно был выявлен плохо различимый комплекс уникальных барельефных зоо- и антропоморфных изображений (Глазов, Кудин, 2023. С. 9–14), отражающих мифологические сюжеты со сценами загонной охоты на оленей и танца трех парных фигур (рис. 1, *1*), имеющих прямые параллели с изображениями на блоках дольмена в Джубге (Трифонов, 2014. С. 104–131) и плите из дольменного комплекса Шизе-IV (Гей, 2008. С. 294–298).

Обнаружение этих плохо сохранившихся барельефов определило необходимость разработки методики выявления, документирования и обработки подобных изображений. Для этого была использована фотограмметрия, широко применяемая нашей группой для составления чертежей, планов и разрезов мегалитических сооружений (Глазов, 2023. С. 104–112). В последнее годы эта технология применяется и при документировании петроглифов (Лихачев, 2021. С. 145–164). Важным ее преимуществом является бесконтактность, т.е. в исследовании изображений участвует не сам объект, а его трехмерный образ высокого разрешения.

В документировании петроглифов методика применения фотограмметрии окончательно еще не сформирована. Поэтому в 2023–2024 гг. на барельефах дольмена группы Капибге-1 была отработана технология съемки и последующей 3D обработки, которые позволили выявить детали композиции, не замеченные при первоначальном обследовании (Глазов и др., 2024. С. 342–353). Она предполагает несколько этапов:

1. Съемка. Камера высокого разрешения устанавливается на короткий монопод, который служит упором и фиксирует одинаковое расстояние между камерой и исследуемой поверхностью. Последовательно упирая ножку монопода в поверхность, осуществляется интервальная съемка с необходимым перекрытием кадров, в ходе которой производится сканирование всего интересуемого участка.

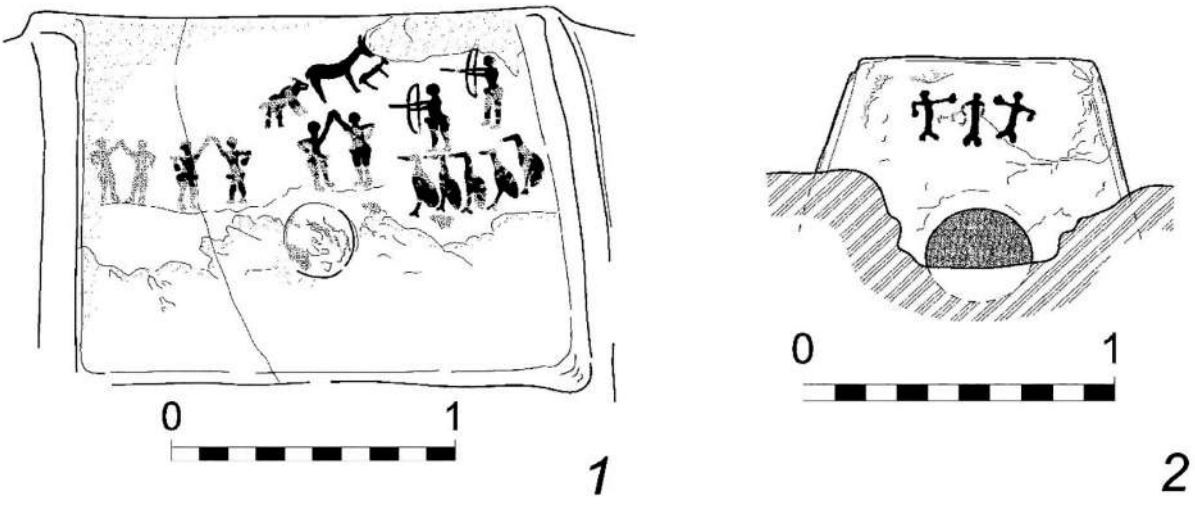


Рис. 1. Барельефные зоо- и антропоморфные изображения на фасадах дольменов Большого Сочи: 1 – ложнопортальный корытообразный дольмен DK155 группы «Капибге-1» (бассейн р. Аше); 2 – составной дольмен с дромосом DS350 группы «Чумаки» (бассейн р. Цусхвадж)

2. Предварительная обработка. По отснятому материалу строится масштабированная 3D модель поверхности разрешением 3–5 млн. полигонов, по которой проводится исследование с отключенной текстурой и с применением карты высот.

3. Постобработка. 1-й этап. Полученная 3D модель поверхности импортируется в 3D редактор, в котором настраиваются параметры искусственных источников света, подбор текстуры с заданными оптическими свойствами и производится исследование теневой и бликовой картины путем изменения положения источника света и угла падения лучей.

4. Постобработка. 2-й этап. К модели поверхности подключается градиентная процедурная карта для получения масштабированной карты высот. Анализируется совмещенная теневая и стратиграфическая картина, исследуются участки, уничтоженные эрозией, на предмет сохранившихся следов изображений. Технология позволяет выявить неровности рельефа с точностью до 0,5 мм, что дает возможность проявить почти утраченные в результате эрозии элементы.

5. Расшифровка и отрисовка изображений.

В связи с новыми находками в алгоритм осмотра и описания дольменов при проведении каталогизации был добавлен обязательный пункт, предусматривающий тщательный осмотр знаковых поверхностей дольмена, прежде всего плоскости главного фасада, в косом свете мощного фонаря с целью выявления сохранившегося рукотворного рельефа и принятия решения о дальнейшем подробном исследовании с помощью фотограмметрии. Это позволит не просто выявлять отдельные объекты, имеющие декоративное оформление, а получить статистику по рассматриваемому району.

Разработанная методика выявления и расшифровки изображений принесла свой результат в январе 2025 г., когда на уже известном дольмене группы «Чумаки» бассейна р. Цусхвадж на лицевой поверхности фасадной плиты была обнаружена еще одна барельефная композиция, состоящая из трех антропоморфных фигур, изображенных в танце (рис. 1, *2*) (Глазов и др., 2025. С. 64–74). Кроме этого, на ряде дольменов Большого Сочи были выявлены участки с практически полностью уничтоженными эрозией полосами и зигзагами, что свидетельствует о том, что декоративное оформление знаковых поверхностей дольменов было явлением не исключительным. Отсутствие их описания в научной литературе обусловлено лишь плохой сохранностью изображений вследствие эрозии поверхности.

Литература

Гей А.Н. 2008. Исследования дольменных памятников Западного Кавказа в 2005–2007 гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том I. М.

Глазов К.А. 2023. Применение GIS-технологий и фотограмметрии в исследовании дольменов на примере макрогруппы Мизегух // Дольмены Западного Кавказа: новые и традиционные подходы к изучению. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп.

Глазов К.А. 2024. Алгоритм формирования реестра памятников историко-культурного наследия. Дольмены большого Сочи. Кейс-стади // Известия СНЦ РАН. № 4–2.

Глазов К.А., Кудин М.И. 2023. Петроглифы на дольмене группы Капибге-1 дольменного макроансамбля Мизегух (предварительное сообщение) // Материалы научно-практической конференции XI Анфимовские чтения. Краснодар.

Глазов К.А., Кудин М.И., Кизилов А.С. 2024. Барельефные изображения на дольмене группы Капибге-1 в окрестностях Большого Сочи // История, археология и этнография Кавказа. № 20 (2).

Глазов К.А., Кудин М.И., Кизилов А.С. 2025. Зооморфные и антропоморфные барельефы на дольменах Большого Сочи // Проблемы сохранения объектов культурного наследия и новейшие цифровые технологии: Сборник материалов круглого стола. М.

Кизилов А.С. 2018. Барельефная орнаментация плит дольменов – древнейшее монументальное искусство Кавказа. Анализ локализации и технологий изготовления // Вестник науки АРИГИ им. Т.М. Керашева. № 15 (39).

Кудин М.И. 2021. Астрономическое и календарное значение петроглифов дольмена «Дудугуш-1». Реконструкция некоторых космологических мотивов в культуре строителей дольменов Западного Кавказа //Archaeoastronomy and Ancient Technologies. № 9 (1).

Лихачев В.А. 2021. Документирование петроглифов Канозера: от контактных методик к фотограмметрии // ПИФК. № 2.

Трифонов В.А. 2014. Дольмен Джубга на Черноморском побережье Кавказа // Записки ИИМК РАН. № 10.

КУВИНСКАЯ ПЕЩЕРА – НОВЫЙ МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНА

Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Дороничева Е.В.
АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

Исследования проводятся по гранту РНФ № 24-18-00971

Пещера расположена в известняковом эскарпе, по левому берегу Гамовской балки, в месте ее слияния с р. Кува (долина р. Уруп, бассейн р. Кубани). Абсолютная высота Кувинской пещеры 910 м, относительная – около 100 м. В административном отношении пещера расположена на расстоянии 3 км от хут. Ильич Отрадненского района Краснодарского края. Многослойный палеолитический памятник открыт в 2021 г. разведочным отрядом Северо-Кавказской палеолитической экспедиции АНО «Лаборатория доистории».

Пещера ориентирована на юго-восток. Общая площадь, включая входную площадку, около 50 кв. м. Пещера образовалась по трещине в доломитизированных известняках, вход имеет треугольную форму, пол незначительно наклонен к выходу.

Стратиграфия

Слой 1 – супесь серая гумусированная с включениями мелкого и среднего щебня. Мощность до 0,7–0,8 м. В слое расчищены углистые горизонты. Найдена керамика аланского времени.

Слой 2 – супесь серо-бежевая с включениями мелкого угловатого щебня. Мощность – до 0,5 м. Слой 2 содержит единичные фрагменты керамики и каменные изделия.

Слой 3 – суглинок коричневый с мелким угловатым щебнем. Мощность до 0,7 м. Из слоя происходят раковины Helix, кости и каменные изделия. По раковинам Helix из верхней части слоя 3 получена предварительная дата 9090±120 (LU-10473), которая определяет калиброванный возраст слоя 3 10250±180 calBP.

Слой 4 – суглинок светло-коричневый с большим количеством мелкого угловатого щебня. В кровле слоя прослеживаются единичные крупные камни. Мощность до 0,5 м. Слой 4 включает раковины Helix, кости и каменные изделия эпипалеолитического возраста. Возраст слоя на основании IRSL-датировки калиевого полевого шпата из трех образцов оценивается: 23,6/20,2–26,8/21,2 тыс.л.н.

Слой 5 – суглинок желто-бежевый, брекчированный, включает небольшое количество мелкого щебня и крупные известняковые глыбы. Видимая мощность до 0,7 м. Слой содержит кости плейстоценовой сохранности и каменные изделия среднего палеолита. В 2025 г. отобраны образцы на OSL/ IRSL датирование.

Археологические материалы

Слой 3. На основании анализа сколов и единичных сработанных нуклеусов можно предварительно говорить, что в слое 3 представлена призматическая техника расщепления, целью которой было получение пластинчатых сколов. Поскольку в коллекции присутствует карандашевидный сильно сработанный нуклеус, а также большинство пластинок и микропластинок имеют прямой профиль, можно предварительно сделать вывод, что по крайней мере часть пластинок была сколота с применением техники отжима.

Орудия (61 экз.) в слое 3 изготовлены на пластинах и пластинках. Представлены острия (3 экз.), геометрические микролиты (2 экз.), усеченные ретушью (косоретушные) пластинки (5 экз.), скребки (5 экз.), резцы (5 экз.), пластинки и отщепы с нерегулярной и зубчатой ретушью. Особый интерес представляет трапеция, оформленная двусторонней гелуанской ретушью. Подобные трапеции отмечались в мезолитических памятниках Северного Прикаспия, например, на стоянке Жол-Тюбе (Комаров, 2000). Они также характерны для сероглазовской культуры Северо-Западного Прикаспия(Выборнов, Кольцов, Кулькова, 2020), начиная с мезолита.

Из слоя 3 происходит 159 нашивок из морских моллюсков. Это не фрагменты раковин, а оперкулюмы, то есть крышечки, закрывающие раковину при втягивании моллюска (определение проф. А.И. Грановича). Нашивки округлой формы имеют проколотое отверстие практически по середине. Отверстие проколото изделием с острой узкой кромкой.

В заключение описания слоя 3 можно отметить, что каменная индустрия слоя 3, датирующаяся началом голоцена, кроме элементов, типичных для финала палеолита Северо-Западного и Центрального Кавказа, включает формы, характерные для раннеголоценовых стоянок Северо-Западного Прикаспия. На связь с прикаспийским регионом указывают также нашивки, изготовленные из морских моллюсков. Предварительно можно говорить о контактах населения восточных предгорий Северо-Западного Кавказа с населением Западного Прикаспия.

Слой 4. Состав коллекции указывает на то, что в период формирования слоя 4, на стоянке было представлено пластинчатое расщепление, метрические показатели свидетельствуют, что сколы в слое 4 были несколько массивнее, чем в слое 3. Наличие пластин с изогнутым профилем и изъянец на части сколов свидетельствуют, что вероятно часть пластинчатых сколов была снята техникой прямого удара.

Орудия (17 экз.) представлены типичными для эпипалеолитических индустрий Северо-Западного и Центрального Кавказа формами (Golovanova et al., 2014; Golovanova, Doronichev, Doronicheva, 2024). Найдены: скребки (2 экз.), резцы (2 экз.), пластинка с притупливающей ретушью, 2 усеченные пластинки, пластинки и отщепы с нерегулярной и зубчатой ретушью, 2 острия, в том числе острие с боковой выемкой.

На контакте слоя 4 и нижележащего слоя 5 выявлен обвал крупных известняковых глыб, который вероятно маркирует разрыв в заселении пещеры.

Слой 5. На основании анализа нуклеусов, преобладании отщепов можно предварительно говорить о том, что для индустрии слоя 5 характерно одноплощадочное расщепление с подправленных площадок. Среди орудий (30 экз.) преобладают продольные скребла (9 экз.), представлены поперечные (3 экз.), двойное, с вентральной ретушью. Показательно наличие в коллекции угловатых скребел (2 экз.), чокурчинского треугольника, тройного скребла, скребла с бифасиальной ретушью. Также найден мустьерский наконечник с брюшковым утоньшением основания, угловатое скребло. Особенно следует отметить бифасиальные острия (2 экз.), среди которых лавролистный бифасиальный наконечник. Состав коллекции слоя 5 указывает на аналогии прежде всего в индустриях стоянок Северо-Западного Кавказа, которые относятся к кругу всточноевропейскогомикока (Голованова, Дороничев, 2003; Голованова, Дороничев, 2005; Golovanova, 2014).

Кувинская пещера стала четвертым (Мезмайская, Губский н. 1, Баранаха 4) на Северном Кавказе памятником, в стратиграфической колонке которой представлены как отложения среднего, так и верхнего палеолита. Расположенная на востоке Северо-Западного Кавказа, она находилась на границе разных культурных ареалов в разные периоды.

Литература

Выборнов А.А., Кольцов П.М., Кулькова М.А. 2020. Геометрические микролиты в мезолите и неолите Северного Прикаспия и степного Поволжья // Orientalstudies. Vol. 13 (1).

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. 2003. Средний палеолит Кавказа // Археологический Альманах. № 13. Донецк.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. 2005. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа. // Материалы и исследования по археологии Кубани. № 5. Краснодар.

Комаров А.М. 2000. Мезолит Северного Прикаспия // Автореф.дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.

Golovanova L.V. 2014. Neandertales des Caucase du Nord : entre ouestet est // L'Anthropologie. T.119.Paris.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E., Sapelko T.V., KulkovaM.A., SpasovskiyYu.N. 2014. The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum // Quaternary International. Vol. 337.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V. 2024. E´pipale´olithiquedu Caucase du Nord-Centre // L'Anthropologie. T. 128. № 4. Paris.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗМЕНЕНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ КАВКАЗА В 21 ВЕКЕ

Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Дороничева Е.В.
АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 24-18-00971

В начале 2000-х Л.В. Голованова и В.Б. Дороничев впервые предложили общую схему культурно-хронологического развития среднего палеолита этого региона (Golovanova, Doronichev, 2003; Голованова, Дороничев, 2003), а также обобщили известные к тому времени данные о палеоэкологии и стратегиях охоты неандертальцев на Кавказе (Голованова, Дороничев, 2005). Было показано, что распространение мустьерских стоянок в разных регионах Кавказа связано с охотой на стадных мигрирующих копытных животных, преимущественно кавказского горного козла или тура и степного бизона.

На Северо-Западном Кавказе в бассейне р. Кубани, самые ранние комплексы среднего палеолита в нижних слоях 5А–7 в пещере Матузка были определены условно как «архаичный средний палеолит». Более поздние мустьерские комплексы этого региона большинство специалистов стали определять в рамках восточноевропейского микока.

Самая восточная на Северном Кавказе стратифицированная стоянка среднего палеолита была представлена пещерой Ласок в Республике Северная Осетия-Алания, в бассейне р. Терек (Hidjrati et al., 2003). Благодаря работам с 2003 г. в Дагестане экспедиции ИАЭТ СО РАН в Прикаспийском Дагестане было открыто и исследовано несколько стратифицированных стоянок среднего палеолита (Деревянко и др., 2012).

В западной и центральной частях Южного Кавказа вплоть до настоящего времени наиболее древняя индустрия среднего палеолита, которая была определена В.П. Любиным (Любин, 1977) одной из первых на Кавказе, представлена кударско-джручульской группой. Было отмечено сходство этих комплексов с мустье типа хуммалиен в Сирии и мустье типа Табун-D в Израиле.

Более поздние комплексы среднего палеолита в этом регионе были определены как мустье цуцхватского типаи мустье хостинского типа. При этом уровень сходства мустьерских комплексов из пещер Малая Воронцовская и Ахштырская (хостинская группа), и пещер Сакажиа и Ортвала (цхалцительская группа) позволил объединить их в рамках мустье хостинского типа (Голованова, Дороничев, 2003;Голованова, Дороничев, 2005).

В восточной части Южного Кавказа стоянки среднего палеолита до сих пор неизвестны в долинах левых притоков бассейна р. Кура в Грузии и Азербайджане. Цхинвальская группа, представленная материалами шести местонахождений в долине р. Большая Лиахви в Южной Осетии и комплексом верхнего мустьерского слоя 3 пещеры Кударо 3 является самой восточной мустьерской индустрией в этом регионе. Л.В. Голованова и В.Б. Дороничев (Голованова, Дороничев, 2003) отметили сходство этих комплексов с мустье типа Табун-В Леванта и вероятный поздний возраст (КИС 4 – КИС 3) мустье цхинвальского типа.

На Малом Кавказе, самый ранний комплекс среднего палеолита был получен из раскопок Гусейнова слоя III в пещере Азых на западе Азербайджана (Гусейнов, 1984). Все остальные

известные к тому времени на Малом Кавказе и Армянском нагорье стратифицированные комплексы среднего палеолита были отнесены к загросскому мустье (Голованова, Дороничев, 2003). Эталонными для загросского мустье Кавказа были определены ереванский тип (по материалам многослойной стоянки в пещере Ереван I в Армении) и тагларский тип (по материалам многослойной стоянки в пещере Таглар в Азербайджане). Была определена единая линии развития, которая связала ереванский и тагларский типы как ранний и поздний этапы развития загросского мустье этого региона.

Таким образом, к середине 2000-х годов оформилась модель заселения Кавказского региона разными по культуре популяциями неандертальцев с территории Восточной Европы и Юго-Западной Азии. При этом особое место принадлежит памятникам известным в западной и центральной частях южного склона Большого Кавказа, где разными исследователями было выделено несколько типов мустьерских индустрий.

В последующие годы были открыты новые стратифицированные памятники среднего палеолита, опубликованы результаты современных комплексных исследований на стоянках этого периода, а также обобщены данные по хронологии и культурным особенностям среднего палеолита в регионах Кавказа (Pinhasietal., 2012; Monceletal., 2015; Анойкин, 2018; Голованова и др., 2022; Gasparyan, Glauberman, 2022; Doronichevaetal., 2023; Golovanovaetal., 2025). Новый синтез данных по среднему палеолиту Кавказа (см. Gasparyan, Glauberman, 2022) повторил в значительной степени модель заселения этого региона, которая была предложена ранее (см. Голованова, Дороничев, 2003; Голованова, Дороничев, 2005).

Наряду с этим произошли существенные сдвиги в понимании хронологии комплексов среднего палеолита Кавказа, а также влияния вулканизма и экологических стрессов в периоды похолоданий, как и доступности каменного сырья на расселение неандертальцев в этом регионе. Актуальные радиометрические даты определяют появление комплексов среднего палеолита на Кавказе не с микулинского межледниковья (КИС 5e), как считалось ранее (Голованова, Дороничев, 2005), а примерно на 100 тыс. лет раньше, в конце КИС 7 (Дороничев и др., 2025). Антропологические находки свидетельствуют, что распространение комплексов среднего палеолита на Кавказе было связано с неандертальцами. Разработка вопросов происхождения разных комплексов среднего палеолита в различных регионах Кавказа является одной из главных задач нынешнего этапа исследований.

На Кавказе сейчас могут быть выделены две основные фазы развития среднего палеолита: ранний средний палеолит (в период КИС 7 – КИС 5) и поздний средний палеолит (в период КИС 4 – КИС 3). Естественным рубежом между ними является экологический кризис в период ледникового максимума КИС 4 (70–60 тыс. лет назад), во время которого заселение неандертальцами горных регионов Кавказа снизилось до минимума. Конец среднего палеолита на Кавказе надежно определяется около 40 тыс. лет назад

Современные данные позволяют уточнить сделанный ранее вывод о существовании трех крупных культурных ареалов в среднем палеолите Кавказа. На Кавказе эти разные по происхождению и культуре популяции неандертальцев были вовлечены в длительные процессы культурного развития, адаптации к различным экологическим нишам и взаимодействия. Культурная специфичность и территориальность комплексов, которые представляют разные типы мустьерской индустрии, а также контакты, отмеченные между разными по культуре регионами Кавказа (Gasparyan, Glauberman, 2022; Doronichevaetal., 2023) позволяют предполагать сложение межпопуляционной социальной организации, которая существовала у неандертальцев Кавказа вплоть до их исчезновения.

Литература

Анойкин А.А. 2018. Индустрии среднего палеолита в Приморском Дагестане вовремя Marine IsotopeStage 5: региональный контекст // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. Т. 17. № 7.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. 2003. Средний палеолит Кавказа. // Археологический Альманах. Вып. 13.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. 2005. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Ревина Е.И., Поплевко Г.Н., Спасовский Ю.Н., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Широбоков И.Г., Цельмович В.А., Русаков А.В., Лебедева М.П., Симонова Ю.В., Костина Ю.В., Мурый А.А., Курбанов Р.Н. 2022. Динамика климата и модели адаптаций в среднем и верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа. М.

Гусейнов М.М. 1984. Палеолит в Азербайджане (Ранний палеолит) // Каменный век и энеолит Азербайджана. Баку.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. 2012. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск.

Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Дороничева Е.В. 2025. Хронология и культурная вариабельность среднего палеолита Кавказа: синтез данных за последнюю четверть века // Археология евразийских степей. №4.

Любин В.П. 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Л.

Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kurbanov R.N. 2023. Archaeological evidence for two culture diverse Neanderthal populations in the North Caucasus and contacts between them // PLoS ONE. Vol. 18(4).

Hidjrati N.I., Kimball L.R., Koetje T. 2003. Middle and Late Pleistocene investigations of Myshtulagty Lagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia // Antiquity. Vol. 77. No. 298.

Gasparyan B., Glauberman P. 2022. Beyond European boundaries: Neanderthals in the Armenian Highlands and the Caucasus // Updating Neanderthals. Understanding Behavioural Complexity in the Late Middle Palaeolithic.

Golovanova L., Doronichev V. 2003 TheMiddle Paleolithic of Caucasus // Journal of World Prehistory. Vol. 17 (1).

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V. 2025. The Zagros Mousterian in the Zagros, Caucasus, and Armenian Highlands // European Journal of Archaeology. Vol. 28 (3).

Moncel M.-H., Pleurdeau D., Pinhasi R., Yeshurun R., Agapishvili T., Chevalier T., Le Bourdonnec F.-X., Poupeau G., Nomade S., Jennings R., Higham T., Tushubramishvili N., Lordkipanidze D. 2015. The Middle Palaeolithic record of Georgia: A synthesis of the technological, economic and paleoanthropological aspects // L'Anthropologie. Vol. 53(1–2).

Pinhasi R., Nioradze M., Tushabramishvili N., Lordkipanidze D., Pleurdeau D., Moncel M.-H., Adler D.S., Stringer C., Higham T.F.G. 2012. New chronology for the Middle Palaeolithic of the southern Caucasus suggests early demise of Neanderthals in this region // Journal of Human Evolution. Vol. 63.

НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Дороничева Е.В.
АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект №24-18-00971

На Северном Кавказе на сегодняшний день известно более 100 памятников среднего палеолита, однако, большая часть – это местонахождения. Памятников с сохранившимся культурным слоем известно 15. Если проанализировать распространение известных стоянок на карте, то можно отметить очевидную диспропорцию между западной и восточной частями Кавказа. Большая часть известных стоянок этого периода расположена на Северо-Западном Кавказе: это стоянки открытого типа ИльскаяI-II (Щелинский, 2005), Среднехаджохская, Хаджох-2, Бесленеевская-1 и Баранаха-4, пещерные памятники: Матузка и Мезмайская, Кувинская (Голованова и др., 2022), Монашеская и Баракаевская, Губский навес 1 (Любин, 1977). На северном склоне Центрального Кавказа известны грот Сарадж-Чуко в западной части и пещера Ласок (МыштулагтыЛагат)(Hidjratietal., 2003) в восточной части. На северном склоне Восточного Кавказа – стоянка открытого типа Тинит-1 (Анойкин, 2018). Практически все памятники многослойные.

Обращает на себя внимание, что почти половина из известных на сегодняшний день памятников – это стоянки открытого типа. Среди них ИльскаяII, Хаджох-2 (Doronichevaetal., 2023), Среднехаджохская и Бесленеевская – 1 это мастерские, расположенные на источниках высококачественного кремневого и доломитового сырья.

Важно отметить, что за последние 10 лет на Северном Кавказе открыто две новых стратифицированных пещерных стоянки, где хорошо сохранились отложения периода среднего палеолита: Кувинская пещера (2021 г.) на Северо-Западном Кавказе и грот Сарадж-Чуко (2016 г.) (Doronichevaetal., 2022) на Центральном Кавказе. На обеих стоянках проведены или проводятся в настоящий момент междисциплинарные исследования.

Открытие Кувинской пещеры расширило ареал обитания неандертальцев на Северо-Западном Кавказе (Голованова и др., 2022; а также Голованова и др. – в данном сборнике). Данные о продвижении загросскогомустье на Северном Кавказе изучены (например,Дороничева и др., 2020; Doronichevaetal., 2022) на материалах грота Сарадж-Чуко в Приэльбрусье.

Древние обитатели этого региона могли иметь связи с населением Северо-Западного Кавказа, в т.ч. организованные в рамках поставок экзотического для последних сырья – обсидиана, высоко ценившегося в древности.

Грот Сарадж-Чуко был открыт отрядом Северо-Кавказской палеолитической экспедиции АНО «Лаборатория доистории» в 2016 г. Площадь грота более 300 кв.м. Он сформирован в уникальных природных условиях – в вулканических отложениях игнимбритах, и аналогов ему нет на Кавказе в целом.

В стратиграфической колонке выделено 11 культурных слоев, три из которых относятся к периоду среднего палеолита (6В, 6А и 3 – снизу-вверх). Естественнонаучные исследования позволяют определить возраст самого нижнего среднепалеолитического слоя 6В кислородно-изотопной стадией 5. Датирование отложений методом оптико-стимулированной люминесценции определяет возраст слоя 6В от 92 ± 5 до 82 ± 6 тыс.л.н., верх слоя на контакте со слоем 6А имеет дату 78 ± 7 тыс.л.н. (Doronichevaetal., 2022a, Supplementarymaterial).

Из раскопок происходит более 15 тысяч артефактов и более 30 000 фрагментов костей животных. Это одна из самых представительных коллекций среднего палеолита из стратифицированного памятника на Кавказе и в Восточной Европе в целом. До 98% изделий изготовлено из обсидиана, и это первая обсидиановая мустьерская индустрия на Северном Кавказе. На изученном участке стоянки было найдено более 400 орудий.

Слой 6В является наиболее насыщенным (в среднем около 200 изделий на кв. мпри мощности 20 см). Это позволяет сделать вывод, что в период образования слоя в пещере существовала стоянка активного обитания. Неандертальцы занимались интенсивным расщеплением обсидианового сырья и использованием орудий для разделывания охотничьей добычи. На изученном участке стоянки было расчищено три кострища.

Впервые в среднем палеолите Кавказа в гроте Сарадж-Чуко были определены обсидиановые наконечники копий, которые могли применяться при охоте на крупных копытных животных, таких как кавказский горный козел или тур (*Capra caucasica*).На поверхности ряда наконечников был определен битум, использовавшийся древним человеком для закрепления орудий в рукоятки (Doronicheva et al., 2022b).Насыщенность слоя 6В фаунистическими остатками (в среднем около 229 костей на кв. м) говорит о высокой результативности охотничьих стратегий неандертальцев Приэльбрусья.

Литература

Анойкин А.А. 2018.Индустрии среднего палеолита в Приморском Дагестане во время Marine Isotope Stage 5: региональный контекст// Вестник НГУ. Т. 17. № 7. Новосибирск.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Ревина Е.И., Поплевко Г.Н., Спасовский Ю.Н., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Широбоков И.Г., Цельмович В.А., Русаков А.В., Лебедева М.П., Симонова Ю.В., Костина Ю.В., Мурый А.А., Курбанов Р.Н. 2022. Динамика климата и модели адаптаций в среднем и верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа. М.

Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Мурый А.А., Поплевко Г.Н., Иванов В.В., Корзинова А.С., Цельмович В.А., Блэквелл Б.А.Б., Кази М.Ф., Хуанг К.Л.К., Сингх И.К.С., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Шекли М.С., Спасовский Ю.Н. 2020. Грот Сарадж-Чуко в Приэльбрусье (результаты междисциплинарных исследований 2017–2019 гг.). СПБ.

Любин В.П. 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Л.

Щелинский В.Е. 2005. О стратиграфии и культурной принадлежности Ильской стоянки // Четвертая кубанская археологическая конференция. Краснодар.

GolovanovaL.V., DoronichevV.B., DoronichevaE.V. 2025.The Zagros Mousterian in the Zagros, Caucasus, and Armenian Highlands// European Journal of Archaeology. Vol. 28. Iss. 3.

Doronicheva E.V., Golovanova L.V.,Doronichev V.B., Kurbanov R.N. 2022a. Archaeological evidence for two culture diverse Neanderthal populations in the North Caucasus and contacts between them // PLoS ONE. Vol. 4. Iss. 18.

Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Kostina J.V., Legkov S.A., Poplevko G.N., Revina E.I., Rusakova O.Y., Doronichev V.B. 2022b. Functional characterization of Mousterian tools from the Caucasus using comprehensive use wear and residue analysis // Nature: Scientific Reports. 12, 17421.

Doronicheva E.V., Golovanova L.V. Doronichev V.B.,NedomolkinA.G., Tregub T.F., Volkov M., Rusakov A., Korzinova A., Muriy A. 2023. The MIS 4 environmental stress impact on hominin occupation in the northwestern Caucasus: new evidence from the Hadjoh 2 site // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 47.

Hidjrati N.I., Kimball L.R., Koetje T. 2003. Middle and Late Pleistocene investigations of MyshtulagtyLagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia // Antiquity. Vol. 77. № 298.

АНАЛИЗ ИЗОТОПОВ СТРОНЦИЯ В ОБРАЗЦАХ ИЗ ГРОТА СОСРУКО, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ

Дороничева Е.В.[1], Киселева Д.В.[2], Голованова Л.В.[1], Дороничев В.Б.[1]
[1]АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург
[2]Институт геологии и геохимии им. Академика А.Н. Заварицкого УРО РАН, г. Екатеринбург

Работа ведется при поддержке РНФ, проект №22-78-10120П

Среди памятников эпипалеолита Кавказа, грот Сосруко занимает особо важную позицию. Памятник расположен в долине р. Баксан на Центральном Кавказе. Здесь представлена многометровая толща отложений эпохи эпипалеолита: в слоях 15, 12, 10, 8, 7 и 4 изучены каменные индустрии, которые датируются от ок. 28,9–27,5 тыс.л.н. до 12 – 10 тыс.л.н. Грот был открыт С.Н. Замятниным и П.Г. Акритасом, с 2016 г. раскопки на памятнике ведутся под руководством Л.В. Голованової (Голованова и др., 2025).

Изотопный состав изотопов стронция (87Sr/86Sr) скелетных тканей (зубов и костей) позвоночных животных и раковин моллюсков позволяет получать информацию о перемещениях и происхождении людей и вещей, а также моллюсков в различных регионах мира (Ericson, 1985; Müller et al., 2003; Bentley, 2006; Шишлина и др., 2016; Price et al., 2017).

Различные геологические породы имеют различные отношения 87Sr/86Sr в соответствии с долей Sr-содержащих минералов в своем составе и их геологическим возрастом. При выветривании древних пород происходит выделение стронция из минералов с его последующим просачиванием через почву с поровыми водами и поступление в экосистему. Изотопное отношение 87Sr/86Sr характерное для конкретного региона остается неизменным при поступлении из подстилающих пород через почву и пищевую цепочку в костные (зубные) ткани человека и животных, при этом Sr замещает кальцием (Ca) в кристаллической решетке гидроскилапатита – основного минерального компонента зубов и костей (Ericson, 1985; Bentley, 2006).

Для изотопного анализа было отобрано и изучено три образца из грота Сосруко:

1. ССР-2017, с. 7, г. 3, 1184 – Подвеска из зуба копытного.
2. ССР-2021, с. 10, г. 15, 42 – Раковина морского моллюска семейства Cardiidae.
3. ССР-2024, с. 12, г. 9, D-14, 337– Подвеска/бусина из раковины наземного моллюска.

Изотопный анализ стронция образцов из грота Сосруко методом мультиколлекторной масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (МК-ИСП-МС) проведен под руководством Д.В. Киселевой в центре коллективного пользования «Геоаналитик» в Институте геологии и геохимии Уральского отделения РАН (ИГГ УрО РАН). Анализ выполнен сотрудниками лаборатории физических и химических методов исследования. Было проведено сравнение полученных результатов с опубликованными данными и результатами измерения изотопного состава стронция в фоновых образцах, полученными Д.В. Киселевой для Северного Кавказа, в т.ч. современной водой Черного и Каспийского моря и образами из Приэльбрусья (подробнее: Голованова и др., 2025. С. 243–249).

Сопоставление показывает, что изотопные отношения стронция в подвеске из зуба копытного животного (образец 1) и подвеске/бусине из раковины наземного моллюска (образец 3) близко соотносятся с изотопным отношением стронция в фоновых образцах из региона Приэльбрусья, что указывает на их местное происхождение.

Отношение 87Sr/86Sr в раковине морского моллюска семейства Cardiidae из слоя 10 (образец 2) наиболее близко соотносится с водой Черного моря (0,70914; Bista et al., 2021) и отличается от воды Каспийского моря (0,70821; Page et al., 2003). Однако поскольку речь идет

об ископаемой раковине моллюска, то наиболее адекватным для сравнения является изотопный состав стронция в образцах раковин современных моллюсков. Отношения 87Sr/86Sr в образцах раковин современных моллюсков в восточной части Кавказа, включая Прикаспийскую зону Дагестана, варьирует от 0.70727 до 0.70859; большую вариацию (от 0.7074 до 0.7089) это отношение показывает также в образцах раковин моллюсков в Причерноморской зоне Кавказа (Шишлина и др., 2016).

Изотопные отношения стронция близкие к раковине морского моллюска семейства Cardiidae из грота Сосруко дали раковины моллюсков только из одного региона Северного Кавказа – равнинной зоны центрального Предкавказья, включая прилегающую с севера территорию (0.7089–0.7092; Шишлина и др., 2016). Это указывает на район Кумо-Манычской низменности (расстояние от грота Сосруко по прямой около 250 км) как наиболее вероятный регион происхождения раковины, найденной в слое 10 в гроте Сосруко. В период 17–15 тыс.л.н., который соответствует времени формирования слоя 10, Кумо-Манычская низменность служила проливом между раннехвалынским бассейном Каспия иновоэвксинским бассейном Черного моря (Янина, 2012), и, таким образом, обитатели грота Сосруко могли подобрать в этом регионе раковину каспийского происхождения и принести ее на свою стоянку.

Таким образом, применение изотопного анализа к материалам грота Сосруко позволяет дополнительно начертить направления мобильности населения в разные периоды эпипалеолита. Находка раковины морского моллюска семейства Cardiidae в слое 10 Сосруко позволяет предполагать, что обитатели грота в этот период могли иметь контакты с побережьем раннехвалынского бассейна Каспийского моря. Использование раковин морских моллюсков семейства кардиидов в качестве украшений представляет собой устойчивую культурную традицию, которая зародилась в регионе Прикаспия в эпоху эпипалеолита (финал плейстоцена) и стилистически оформилась в период раннего неолита в восточном Прикаспии как традиция изготовления плоских овальных или дисковидных бусин из раковин морских моллюсков семейства Cardiidae (Didacnasp. и др.) с просверленным отверстием (Rigaudetal., 2023).

Литература

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Ревина Е.И., Спасовский Ю.Н., Бачура О.П., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Иванов В.В., Широбоков И.Г., Цельмович В.А., Киселева Д.В., Курбанов Р.Н. 2025. Грот Сосруко – стоянка охотников финала последнего оледенения, опорный памятник палеолита Кавказа. М.

Шишлина Н.И., Ларионова Ю.О., Идрисов И.А., Азаров Е.С. 2016. Вариации изотопного состава стронция в образцах современных улиток восточной части Кавказа // Аридные экосистемы. Т. 22. № 2 (67).

Янина Т.А. 2012. Неоплейстоцен Понто-Каспия: биостратиграфия, палеогеография, корреляция. М.

BentleyR. A. 2006. Strontium Isotopes from the Earth to the Archaeological Skeleton: A Review // Journal of Archaeological Method and Theory. Vol. 13, Iss. 3.

Bista D., Hoyle T.M., Simon D., Sangiorgi F.,Richards D.A., Flecker R. 2021. Sr isotope-salinity modelling constraints on Quaternary Black Sea connectivity // Quaternary Science Reviews. Vol. 273.

Ericson J.E. 1985. Strontium isotope characterization in the study of prehistoric human ecology // Journal of Human Evolution. Vol. 14.

Page A., Vance D., Fowler M., Nisbet E. 2003. Modern Sr isotopic mass balance and Quaternary variation in the Caspian Sea // Geophysical Research Abstracts. Vol. 5.

Price T.D., Meiggs D., Weber M.-L., Pike-Tay A. 2015. The migration of Late Pleistocene reindeer: isotopic evidence from northern Europe // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 9

Rigaud S., Queffelec A., Bourdonnec Le F.X., Kyzy S.A., Ambrose S.H., Ledevin R., Kurbanov R., Buzhilova A., Berezina N., Ziganshin R.H., Shnaider S. 2023. Exploring Hypotheses on Early Holocene Caspian Seafaring Through Personal Ornaments: A Study of Changing Styles and Symbols in Western Central Asia // Open Archaeology.Vol. 9.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА pXRF ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ОБСИДИАНОВОГО СЫРЬЯ: НА ПРИМЕРЕ ГРОТА СОСРУКО В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Дороничева Е.В.
АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

Работа ведется при поддержке РНФ, проект №22-78-10120П

Геохимический анализ обсидиановых артефактов для определения источников поступления сырья на стоянки сегодня особенно активно применяется исследователями (например, Doronichevaetal., 2019; Orangeetal., 2021; Bonsal, Kohút, 2025).

Бесспорно, что неразрушающие образец методы будут в разы предпочтительнее при условии, что они обеспечивают высокую надежность получаемых данных. К таким методам относится и метод pXRF – портативной ренгеновской флуоресценции. С помощью этого метода можно существенно расширить базу анализируемых материалов, в т.ч. за счет возможности работы с большими выборками максимально быстро, а также анализировать музейные коллекции. Метод позволяет:

• анализировать визуально не отличимые виды каменного сырья: кремня и обсидиана.

• pXRF, XRF, ICP-MS, LA-ICP-MS точнее идентифицировать источники.

• pXRF в короткие сроки анализировать большие выборки и определять возможные источники.

• pXRF использовать неразрушающие образец методики.

• pXRF идентифицировать источники «в поле».

• CpXRF возможен анализ музейных коллекций.

Среди памятников эпипалеолита Приэльбрусья, наибольший интерес вызывает грот Сосруко, который расположен менее чем в 100 км по прямой от г. Эльбрус и в ок. 20 км по прямой (без учета современного рельефа) от Заюковского месторождения обсидиана – единственного источника этого вулканического сырья на Северном Кавказе (Doronichevaetal., 2019). Междисциплинарные исследования, проведенные в последние десять лет, свидетельствуют, что стратиграфическая колонка мощностью 12 м включает отложения, коррелирующиеся со всеми климатическими стадиями конца плейстоцена: от гренландских интерстадиалов GI-4 – GI-3 (28.9–27.5 тыс.л.н.), максимума последнего оледенения, раннего дриаса до пребореала раннего голоцена. (Голованова и др., 2025). Здесь наиболее полно представлены все климатические осцилляции финала последнего оледенения, а также все этапы развития культуры финала верхнего палеолита и эпипалеолита.

Для изучения сырьевых стратегий, которые использовал древний человек в разные периоды заселения грота Сосруко, была привлечена комплексная методика (напр., Дороничева, Кулькова, 2016) изучения каменного сырья в археологических коллекциях, обследованы месторождения кремня и обсидиана в регионе, проанализировано сырье в археологических коллекциях, полученных в ходе раскопок Л.В. Головановой в 2017–2021, 2023–2024 гг. Всего автором было изучено более 14 тысяч артефактов из грота Сосруко, а именно из слоев: 3(3 экз.), 4 (173 экз.), 5 (47 экз.), 6 (69 экз.), 7 (1295 экз.), 8 (6418 экз.), 10 (4292 экз.), 11 (21 экз.), 12 (1572 экз.), 14 (3 экз.) и 15 (236 экз.).

Еще в 2017–2020 гг. было изучено Заюковское (Баксанское) месторождение обсидиана – единственное месторождение этого сырья на Северном Кавказе. Проведенные работы (Doronichevaetal., 2019) позволили определить границы концентрации выходов обсидиана, обнаружить четыре пункта обсидиана в пределах месторождения, как на левом, так и на правом

берегу р. Баксан (Заюково 1-4). Во всех четырех изученных местах отбора обсидиан залегал в виде галек, никаких пластовых обнажений зафиксировано не было. Проведенные анализы образцов обсидиана показали единый геохимический состав образцов из разных пунктов месторождения, что позволяет сделать заключение о едином генезисе обсидиановых выходов в пределах месторождения.

Отобранные образцы тогда были проанализированы с помощью спектрометра Thermo ScientificQuant'X EDXRF. Были привлечены данные по месторождениям обсидиана на Кавказе. Исследования показали, что изученные образцы обсидиановых изделий происходят исключительно из месторождения Заюково (Баксан), расположенного в ок. 25–30 км от грота (навеса) Сосруко. Данные были опубликованы (см. Дороничева и др., 2022. С. 427–430. Прил. 1.)

Для нового этапа исследований был привлечен портативный рентгенофлуоресцентный спектрометр Explorer 5000, который был специально откалиброван. Использование портативного спектрометра позволило относительно быстро и неразрушающим образцы методом анализировать большие объемы данных, т.к. анализ одного образца занимает очень небольшое время.

Всего с применением pXRF было проанализировано 2646 артефактов из обсидиана из слоев 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12 и 15 грота Сосруко (подробнее: Голованова и др., 2025. С. 190–212).

Для оценки изменчивости элементного состава образцов обсидиана из Сосруко были использован метод главных компонент. Первые две компоненты охватывают около 77% вариативности в содержании элементов. Первая компонента разделяет образцы преимущественно по содержанию Rb, Sr, Y, Th и Ba. При этом образцы с высоким содержанием Rb, Y, Th, как правило, имеют более низкую долю Sr и Ba. Вторая компонента дифференцирует образцы по доле металлов Ti, Mn, Fe и Zn, имеющих общий вектор изменчивости.

Как показывают проведенные исследования, обсидиан преимущественно поступал из Заюковского месторождения, расположенного примерно в 20 км от грота. Также можно предположить поступление обсидиана из источника КуюнДаг в Грузии, однако это предположение требует дополнительного подтверждения с привлечением других методов. Расстояние от грота Сосруко до КуюнДага (Чикиани, Паравани) по прямой по карте без учета рельефа составляет ок. 240 км.

Литература

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Ревина Е.И., Спасовский Ю.Н., Бачура О.П., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Иванов В.В., Широбоков И.Г., Цельмович В.А., Киселева Д.В., Курбанов Р.Н. 2025. Грот Сосруко – стоянка охотников финала последнего оледенения, опорный памятник палеолита Кавказа. М.

Дороничева Е.В., Кулькова М.А. 2016. Изучение каменного сырья в палеолите: методы и результаты // РА. Вып. 2.

Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Ревина Е.И., Поплевко Г.Н., Спасовский Ю.Н., Иванов В.В., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Широбоков И.Г., Цельмович В.А., Мурый А.А. 2022. Эпипалеолит Приэльбрусья(результаты междисциплинарных исследований 2017-2022 гг.). СПБ.

Bonsal C., Kohút M. 2025. The Carpathian obsidians reconsidered: An application of Portable X-ray Fluorescence Spectrometry (pXRF) // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 65.

Doronicheva E.V., Golovanova L.V.Shackley M.S., Shackley A., DoronichevV. 2019. New data about exploitation of the Zayukovo (Baksan) obsidian source in Northern Caucasus during the Paleolithic // Journal of Archaeological Science: Reports. Iss. 23

Orange M., Le Bourdonnec F.-X., Berthon R., Mouralis D., Gratuze B., Thomalsky J. Abedi A., Marro C. 2021. Extending the scale of obsidian studies: towards a high-resolution investigation of obsidian prehistoric circulation patterns in the Southern Caucasus and North-Western Iran // Archaeometry. Vol. 63 (5).

НОВЫЕ СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ПАЛЕОЛИТА АБХАЗИИ ИЗ ФОНДОВ АБХАЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Джопуа А.И., Мамац-ипа Р.У.
Абхазский государственный музей, г. Сухум, Республика Абхазия

В фонды Абхазского государственного музея в разные годы его существования поступали различные находки, которые представляют большую историческую и научную ценность. Туда поступали находки каменного века, а именно палеолитические находки. Рассмотрим некоторые из них.

Интересным представляется изделие – острие, обнаруженное А.И. Джопуа в 2019 г. в с. Гума (рис. 1, *1*). Материал – цветной кремень (размеры – 9×4,7 см). Заготовка – крупная пластина. Сохранён натуральный коричневый цвет на большей части орудия – в виде пятен патины и корки (на брюшке). Конец обломан. Приёмы создания – скалывание. Ретуширование. Ретушь сосредоточена по краям изделия. Вероятно, приостряющая ретушь. Острие могло применяться в качестве составляющей части копья, но для подтверждения данного предположения необходимо провести трасологические исследования. Данное острие относится к леваллуазскому типу.

В среднем палеолите (мустье) широко распространено мустьерское острие – треугольное, изготовленное на отщепе, острая часть которого образована 2 краями, обработанными односторонней ретушью. В литературе мустьерские острия чаще называют остроконечниками.

Из фонда музея примечателен пластинчатый отщеп, найденный в 1982 г. (рис. 1, *2*) розовато-песочного цвета. Изготовлен из кремня (размеры – 8×4,8 см). Достаточно хорошо сохранился. Края неровные. Образуют в месте схождения клювообразное острие. Преднамеренной ретуши не имеет, но мелкие сколы на них позволяют предположить, что его использовали без дополнительной подправки, возможно, как инструмент для строгания или резания по мягкому материалу, дереву, кости. Относится к среднему палеолиту. Орудие леваллуазского типа.

Прежде чем переходить к Чацкальской коллекции дадим небольшую справку этому местонахождению.

Урочище Чацкал. На подъеме к урочищу в 1,5 км от моста через р. Келасур подобран мустьерский отщеп с крупной односторонней ретушью вдоль края. К юго-востоку от ручья, стекающего с урочища, находится небольшая пещера, в вестибюле и в конечном зале (50 м от входа) которой обнаружены скопления костей пещерного медведя. Накопления вестибюля, достигающие двухметровой толщины, постепенно разрушаясь, осыпаются на дно ущелья. В осыпи помимо костей пещерного медведя найдена пластинка из розового кремня, которая может быть датирована эпохой мезолита (Воронов, 2009. С. 370).

1. 73-141/4а (рис. 1, *3*) – резец на фрагменте пластины. Дистальная часть отсутствует. Черный меловой кремень. Техника – скалывание, нанесение резцового скола.

2. 73-141/4б (рис. 1, *3*) – резец на отщепе. Черный меловой кремень. Техника – скалывание, нанесение резцового скола (3 скола). Присутствует корка.

3. 73-141/4в (рис. 1, *3*) – пластина. Черный меловой кремень. Техника – скалывание. Заготовка патинизирована.

4. 73-141/4г (рис. 1, *3*) – микролит. Цветной кремень. Техника – скалывание. Вероятно, применялась в качестве режущей части составного ножа, учитывая оформленное зауженное

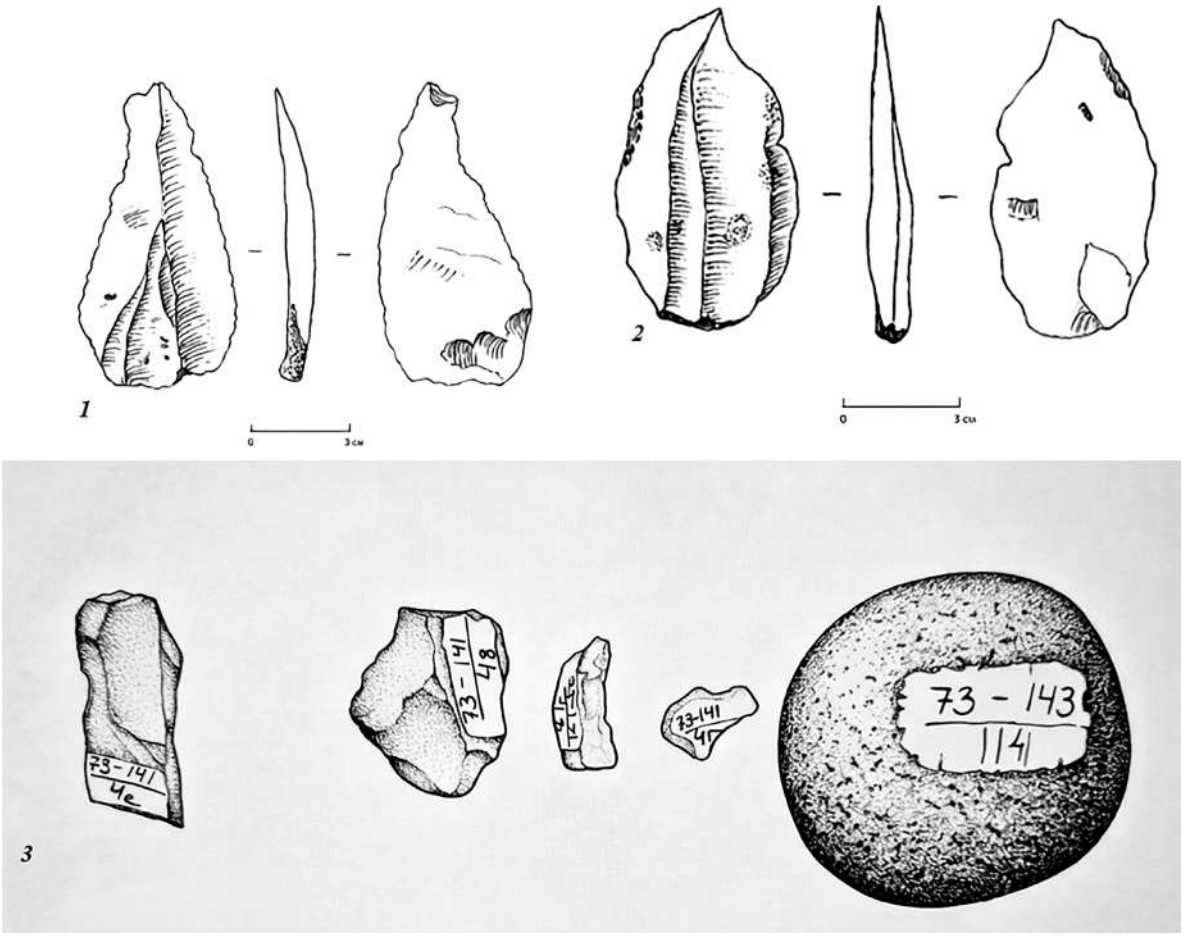


Рис. 1. *1* **–** острие, *2* – отщеп пластинчатый, *3* – чацкальская коллекция

основание и повреждения на лезвии. Во-первых, четко видная приостряющая ретушь по верхнему краю. Во-вторых, оформленное притупливающей ретушью основание (на брюшке прослеживается и частично на спинке). Предмет сделан из цветного кремня (частично сохранился красный цвет). Заготовка патинизирована. По краям прослеживается корка. Время – верхний палеолит (около 40–12 тыс. л.н.) Вероятно, это изделия из кварцита.

5. 73-141/14 (рис. 1, *3*) – терочник или отбойник из гальки.

6. 73-141/3 (рис. 1, *3*) – скребок на отщепе.

Музеи служат важными хранилищами исторических памятников, культурных ценностей и уникальных артефактов, которые помогают нам проследить развитие человеческой цивилизации и понять прошлое. Иногда в процессе археологических раскопок или реставрационных работ случаются неожиданные открытия – так называемые случайные находки. Такие находки могут существенно изменить наши представления о прошлом, открыть новые страницы истории и стимулировать ученых к дальнейшим исследованиям.

Литература

Воронов Ю.Н. 2009. Научные труды. Т. 2. Сухум.

ДОЛЬМЕНЫ И ТИПОЛОГИЯ ПАЛЕОДОЛЬМЕНОВ

Дмитриев А.В.
Независимый исследователь, г. Новороссийск

Казалось бы, в изучении дольменов уже всё ясно. Многочисленные находки в камерах скелетов людей (и даже лошадей) убедили научное сообщество, что это погребальные сооружения эпохи бронзы (Дмитриев, 2024. С. 52). При описании состояния дольменов считалось, что таким оно было и во времена их строительства.

В.И. Марковин отмечает, что «некоторые из памятников окружены каменной наброской, напоминающей по форме курганы» (Марковин, 1978. С 132). Тогда методика их раскопок требует исследования не только основной гробницы, а полного определения конструкций кургана.

Исследуя дольмены В.И. Марковин тщательно обмерял и фиксировал конструкции камер и их детали. Раскапывалось только сохранившееся содержание камер и «портальная» часть пред камерой, но как «погребальный» памятник (гробница с окружающей насыпью) ни один объект изучен не был.

При раскопках В.И. Марковиным дольмена на горе Нексис (Адербиевского) были тщательно описаны конструкция камеры и рисунки на её стенах. В камере находок не было, а в «портальной части» найдены 6 фрагментов керамики (Марковин, 1997. С. 261).

В 2011 г. Д.Э. Василиненко полностью раскопал этот памятник, представляющий один из лучших образцов палеодольменов с дуговидной фасадной стеной из блоков, крепидой, поддерживавшей засыпку и мощёную плитами площадку перед фасадной стеной (рис. 1, *6*).

Новые исследования в конце XX – начале XXI в. показали, что в древности дольмены (камеры) не стояли открыто, а были заключены в башнеобразные конструкции. Это раскопки на р. Озерейке (Кононенко, 2008; Дмитриев, 2007. С. 64–72) и на р. Жане (Трифонов, 2009. С. 115–129). Поскольку заключённые в башнеобразные конструкции камеры являются исходной формой дольменных памятников, было предложено назвать их палеодольменами (Дмитриев, 2022. С. 25–27).

Анализ погребальных конструкций могильника Клады доказывает, что в нём все мегалитические гробницы собраны из плит разрушенных камер палеодольменов. Наиболее раннее «постдольменное» погребение (гробница 5 в кургане 31) датируются 37–34 вв. до н.э. Но оно впущено в уже существовавший курган (Дмитриев, 2024. С. 54). Все погребения, обнаруженные в дольменах, оставлены не строителями дольменов (Эрлих и др., 2022. С. 18). Рубеж 5 и 4 тыс. до н.э. является концом строительства и использования палеодольменов как культовых сооружений.

Дольменом называют саму камеру палоеодольмена и гробницы из его плит (рис. 1, *3*), а также подземные гробницы из камней с использованием деталей камер палеодольменов.

Исследование таких «дольменов» требуют использования разных методик раскопок. Для примера можно взять три случая, когда на поверхности видны контуры камеры со сброшенной покровной плитой. Первый – это палеодольмен в Оленичевой щели, занесённый селевым потоком (рис. 1, *1*).

Во втором случае у пос. Криница на поверхности был виден контур из торца фасадной стены и примыкавших к ней спереди под углом двух приставных плит фасадной стены. Всё вокруг было занесено отложениями селевого потока (рис. 1, *2*). Решив, что дольмен построен в яме, В.Ю. Кононов начал раскопки с разборкой окружения камеры сверху. В результате

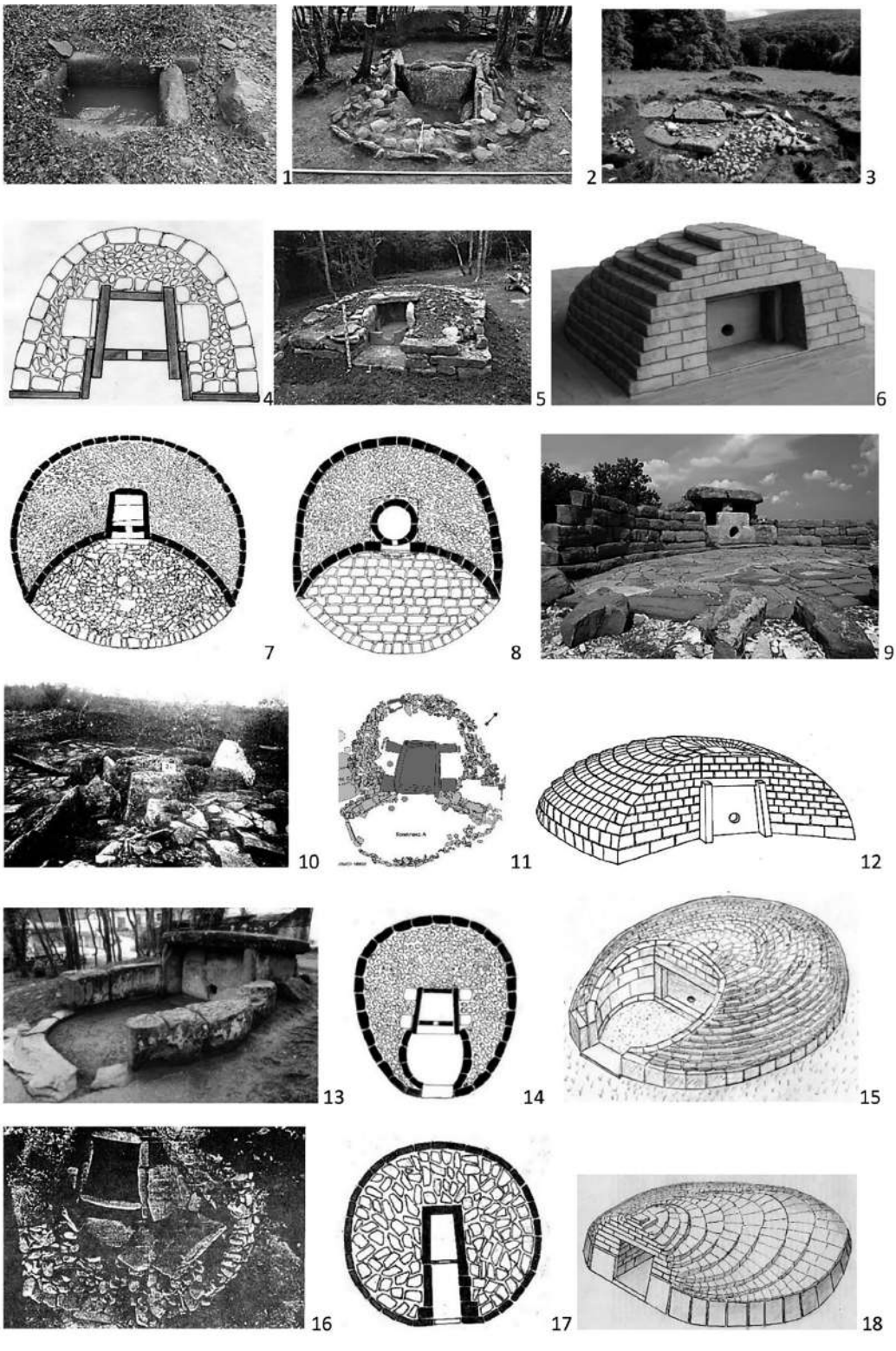


Рис. 1. Палеодольмены, покрытые отложениями селевых потоков (*1, 2*), гробницы из плит палеодольменов (*3*) и типы палеодольменов: *4–6* – тип 1, *7–9* – тип 2, *10–12,* – тип 3, *13–15* – тип 4, *16–18* – тип 5; *1* – Оленичева щель на р. Пшаде; *2, 11* – Криница (по Кононов, 2020. Рис. 1); *3* – могильник Шушук (раскопки А.Д. Резепкина); *4, 10* – Геленджик; *5* – Озерейка; *6* – макет палеодольмена типа 1 (художник О. Белянин); *7* – Жане, дольмен 2; *8* – Жане, дольмен 3; *9* – гора Нексис; *12* – Гузерипль (реконструкция); *13* – Джубга; *14* – Отхара (по: Цвинария, 1990); *15* – реконструкция палеодольмена типа 4; *16* – Псынако (по В.И. Марковину), *17, 18* – Салоницкий хребет (план, по К.А. Глазову) и реконструкция

вся конструкция, окружавшая камеру палеодольмена, была разобрана, как заполнение ямы, без фиксации (Кононов, 2020. С. 236).

В дольменном могильнике Шушук крышки гробниц из плит разрушенных палеодольменов были видны на поверхности (рис. 1, *3*). При раскопках установлено, что гробницы смонтированы в ямах или откосах и засыпаны со всех сторон камнями (Резепкин, 2019. С. 126).

Даже на начальной стадии исследования остатков палеодольменов показали, что они отличаются размерами и качеством исполнения. Для предстоящих исследований важнее проанализировать разнообразие не форм камер, а самих палеодольменов.

Тип 1 (Озерейка). Сначала были выделены палеодольмены типа Озерейки в форме половины параболоида, имеющие прямую в плане фасадную стену и параболическую крепиду. Крепиды башен подобных палеодольменов на Толстом мысу Геленджика, раскопанных И.И. Ахановым, были сложены из блоков «трескуна» – мергеля с большим содержанием глины (рис. 1, *4*). Существует два варианта этого типа с одной или двумя плитами перекрытия камеры и портальной ниши (рис. 1, *5, 6*).

Тип 2 (Жане – Нексис). Раскопки В.А. Трифонова дольменов 2 и 3 группы 1 на р. Жане представили второй тип палеодольменов (рис. 1, *7, 8*). К этому типу относится и палеодольмен 2 на г. Нексис, раскопанный Д.Э. Василиненко в 2011 г. (рис. 1, *9*). Они крупных размеров, фасадные стены дуговидной в плане формы и имеют площадки линзовидной формы, вымощенные плитами. Разница у дольменов этого типа в конструкциях камер. У Жане 2 камера из крупных плит, у Жане 3 камера круглой формы из дуговидных блоков, а на г. Нексис из Т и Г-образных блоков.

Тип 3 (Гузерипль). Палеодольмены с параболической крепидой и трапециевидной в плане фасадной стеной относятся к третьему типу. Это считающийся исследованным В.И. Марковиным дольмен Гузерипль 1 (рис. 1, *12*). К этому типу можно отнести четыре «простых» палеодольмена «с усами» из раскопок И.И. Аханова (Аханов, 1961. С. 142, 143) (рис. 1, *10*). Такую же конструкцию имел палеодольмен, раскопанный В.Ю. Кононовым в Кринице (рис. 1, *11*).

Тип 4 (Джубга – Отхара). К этому типу относится широко известный дольмен в Джубге (рис. 1, *13*). Полностью реконструировать его вид позволили раскопки дольмена 1 в с. Отхара в 1975 г. (рис. 1, *14*: Цвинария, 1990. С. 12–19). Крепида их имеет овальную (яйцеобразную) форму. Камера расположена почти в центре крепиды. К ней примыкает фасадная стена сильно закруглённой формы (рис. 1, *15*).

Тип 5 (Псынако-Солоницкий хребет). Раскопки М.К. Тешева и В.И. Марковина кургана Псынако (Марковин, 2011. С. 28–45) выявили новый тип палеодольмена с короткой прямой фасадной стеной и почти круглой крепидой (рис. 1, *16*). По планировке и общей конструкции близким Псынако является палеодольмен на Солоницком хребте (рис. 1, *17, 18*), схемы и фотографии которого автору присланы К.А. Глазовым, А.С. Кизиловым и М.И. Кудиным.

Возможное назначение палеодольменов. Самым распространённым (массовым) типом палеодольменов является первый. Среди камер этого типа преобладают мелкие и камеры средних размеров. Встречаются они по одиночке, небольшими группами и значительными скоплениями, как на р. Кизинке. На р. Озерейке такие палеодольмены соединены в единые комплексы, объединяющие два–три строения. Вторым по массовости можно считать пятый тип палеодольменов. Сравнительно длинная (3,5–4,5 м) галерея (портальная ниша) скрывала от зрителей действия, проводившиеся в ней. Скорее всего, ритуал проводился скрытно с небольшим количеством участников. Типы 2 и 3, возможно, близки по назначению. Изогнутые края портальных стен как бы концентрируют внимание к происходящему в центре. Обширные площадки, вымощенные плитами, обеспечивали участие большого количества присутствующих.

Самым монументальным является тип 4. Палеодольмены этого типа имели более «парадный» вид и качественное изготовление. Крепиды и фасадные стены изготовлены из хорошо обработанных блоков. Почти закрытый «внутренний» дворик допускал сравнительно

небольшое количество участников ритуала. Зрители только ограниченно могли наблюдать за ним. Если предположить, что боле массовые палеодольмены первого типа служили «домиками душ», то остальные могли быть храмами богов, духов, светил или других высших существ в религии древних строителей палеодольменов.

Помимо использования деталей камер разрушенных палеодольменов в могильнике Клады в первой половине 4 тыс. до н.э., о ранней датировке (период энеолита) палеодольменов говорят и энеолитические находки около них (Дмитриев, 2022. С. 28, 29). Если это предположение верно, то на территории России и Абхазии мы имеем архитектурные сооружения более древние, чем египетские пирамиды. Этим сооружениям необходимо придать государственный статус особо охраняемых памятников истории и культуры. Безусловно, нужна особая методика производства археологических раскопок таких памятников, которая будет уточняться и совершенствоваться по мере проведения работ.

Литература

Аханов И.И. 1961. Геленджикские подкурганные дольмены // СА. № 1.

Дмитриев А.В. 2007. Восстановление двух дольменных комплексовв верховьях реки Озерейки // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. № 1(4). Новороссийск.

Дмитриев А.В. 2022 Дольмены. Заблуждения исследователей и выход из тупика. (Логический анализ выводов) // МИАСК. Вып. 20. Армавир–Карачаевск.

Дмитриев А.В. 2024. О погребальной функции кавказских дольменов // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа. «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. М.

Кононенко А.П. 2008. Дольменный комплекс на г. Серегай близ Новороссийска // XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Владикавказ.

Кононов В.Ю. 2020. Предварительные итоги исследования мегалитической гробницы «Криниц-1» // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала.

Марковин В.И. 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.

Марковин В.И. 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.

Марковин В.И. 2011. Курган Псынако – памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик.

Трифонов В.А. 2009. Дольмены в долине р. Жане // Археологические открытия 1981–2004 гг. Европейская Россия. М.

Цвинария И.И. 1990. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси.

Эрлих В.Р., Клещенко А.А., Гак Е.И., Годизов Г.Л. 2022. Археологический комплекс Шушук – эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней – поздней бронзы // РА. № 1.

ДВУСТОРОННЯЯ ОБРАБОТКА ОРУДИЙ В ИНДУСТРИЯХ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ГАРАДЖА (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН)

Зейналов А.А.[1,2], Кулаков С.А.[3,4], Анойкин А.А.[4], Очередной А.К.[3,4], Лада А.Р.[3], Иванов Я.Д.[3,4], Курбанов Р.Н.[5,6], Идрисов И.А.[7]

[1]Институт археологии и антропологии НАНА, г. Баку
[2]Естественноисторический музей МНОАР, г. Баку
[3]Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
[4]Институт Археологии и Этнографии СО РАН, г. Новосибирск
[5]Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
[6]Институт географии РАН, г. Москва
[7]Институт геологии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 24-18-00941 «Палеолит Понто-Каспия: изменения материальной культуры и природной среды в плейстоцене (археология, хронология, палеогеография)»

Памятник раннего палеолита Гараджа был обнаружен в 2012 году во время работ Гянджа-Газахского отряда палеолитической экспедиции Института археологии и этнографии НАНА под руководством А.А. Зейналова (Зейналов и др., 2022; Анойкин и др., 2022; Зейналов, Кулаков, 2023; Идрисов и др., 2025) на участке северного крыла антиклинали Караджа, и приурочен к хорошо известному в литературе объекту палеогеографии и палеонтологии плейстоцена (Идрисов и др., 2025). Коллекции Гараджи сформированы сборами подъемного материала, сконцентрированного на южном участке береговой линии Мингячевирского водохранилища на расстоянии 0,5 км к востоку от его плотины (Зейналов, Кулаков, 2023). Каменные изделия вместе с остатками фауны и флоры приурочены к сложно построенной толще аллювиальных отложений позднебакинского трансгрессивного этапа (МИС 12 и МИС 11) (Идрисов и др., 2025). Облик коллекций соответствует типологическим параметрам верхнего ашеля. Наличие более поздних материалов в пределах локализации основных участков концентрации находок не зафиксировано.

Вмещающие отложения представлены озерно-аллювиальными осадками, разделяющими пачки морских отложений. Постепенное разрушение всей толщи в целом и, как следствие, обнажение культуросодержащих горизонтов происходит за счет постепенной абразии, сформировавшей широкий пляж на южном берегу водохранилища (ширина пляжа доходит до 150 метров) и обеспечивающей обнажение изделий вместе с фаунистическими остатками на поверхности пляжа. Этот процесс напрямую зависит от заполнения и спуска водохранилища и может быть запущен в любое время года в зависимости от хозяйственных нужд.

Полевые работы на памятнике, включающие фиксацию и сбор подъемного материала, описание стратиграфии и отбор различных образцов проведены с перерывами с 2012 по 2023 год. В пределах сформированной абразией зоны пляжа были выделены три уровня концентрации подъемного материала, которые позже были объединены в два комплекса и названы нижним и верхним согласно их положению в общей стратиграфической колонке Гараджи (Зейналов и др., 2022; Идрисов и др., 2025). Общее количество обнаруженных изделий составляет 451 экземпляр, из которых 126 изделий собраны в пределах нижнего,

наиболее древнего, уровня и 325 изделий – в пределах верхнего уровня. Из всей коллекции большинство (285 экз.) составляют орудия. Орудия в первую очередь представлены разными категориями изделий крупных размеров (до 85 % коллекции): ручными рубилами, колунами (кливерами), пиками (триэдрами), чопперами, сфероидами и скреблами на крупных гальках. Отличия в инвентаре между нижним и верхним комплексами касается только категорий кливеров/колунов и триэдров – все кливеры/колуны связаны только с нижним уровнем, а единственный триэдр – с верхним. Состав остальных категорий инвентаря для обоих уровней сходен (Зейналов, Кулаков, 2023; Зейналов и др., 2023; Идрисов и др., 2025).

Серии двусторонне обработанных орудий представлены категориями ручных рубил и кливеров, особое положение с точки зрения технологии изготовления занимают триэдры. Ручные рубила и кливеры/колуны изготовлены как из целых уплощенных галек, так и из крупных отщепов. В коллекциях присутствуют полные и частичные бифасы как с симметричными пропорциями и одинаковыми по длине лезвийными кромками, так и серия асимметричных разнолезвийных обушковых форм. Наличие небольших серий сколов утончения (или сколов формирования орудий), в основном крупного размера, вместе с переоформленными изделиями, может быть интерпретировано как подтверждение отдельных примеров изготовления изделий в пределах памятника, что не отменяет вероятность транспортировки готовых орудий со стороны. Приемы двусторонней обработки, которые можно зафиксировать на изделиях с хорошо сохранившимися поверхностями, свидетельствуют в пользу частого использования поперечного встречного и альтернативного утончения, а также, реже, базального и дистального продольного утончения, иногда со специально подготовленных площадок. Среди этих приемов доминирует альтернативное утончение, варианты применения которого могли включать в себя и обратную альтернативность. В коллекции выделены группы изделий с разной интенсивностью/сложностью формирования поверхностей, что может быть связано с несколькими причинами – с целенаправленным изготовлением простых форм, на фоне активного серийного изготовления двусторонне обработанных изделий, с прекращением изготовления таких изделий на начальной стадии из-за различных причин, наконец, что менее вероятно, со связью простых двусторонне обработанных форм с какими-то культурными особенностями до сих пор не выявленными в силу тафономической специфики памятника. Вторичная обработка в виде разнофасеточной чешуйчатой ретуши, формирующая лезвийные кромки, встречается в большинстве случаев лишь на предварительно интенсивно утонченных изделиях. Исключением являются чрезвычайно простые формы, завершенность которых демонстрируют именно лезвийные кромки. Одной из таких форм является мелкий кайльмессер типа бокштайн, обнаруженный в пределах верхнего уровня памятника. Асимметричные разнолезвийные двусторонне обработанные изделия формируют облик Гараджи в неменьшей степени, чем симметричные формы, а также серии кливеров/колунов и наличие триэдра. Выделение серии этих изделий должно быть использовано для сравнения обоих комплексов Гараджи с памятниками верхнего ашеля, расположенными на сопредельных территориях (в первую очередь, со стратифицированными комплексами Дарвагчая в Приморском Дагестане). Материалы памятника свидетельствуют о разделении двусторонней обработки уже в верхнем ашеле и начале целенаправленного изготовления асимметричных двусторонне обработанных форм, что могло служить основой для появления ранних индустрий с кайльмессерами – предтечи будущего среднепалеолитического микока не только на юге Центральной и Западной Европы (Blanchard, 1963; Bordes, 1992; Kozlowski, 2002), но и на территории Южного Кавказа.

Литература

Анойкин А.А., Зейналов А.А., Кулаков С.А., Очередной А.К., Идрисов И.А., Курбанов Р.Н., Эйбатов Т.М. 2022. Геоархеологические работы на территории Азербайджанской Республики в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск.

Зейналов А.А., Кулаков С.А., Идрисов И.А., Очередной А.К., Курбанов Р.Н., Анойкин А.А. 2022. Финальный ранний палеолит Азербайджана (по материалам местонахождения Гараджа) // Археология, антропология и этнография Евразии. Т. 50. № 4.

Зейналов А.А., Кулаков С.А. 2023. Колуны в ашеле Южного Кавказа // Stratum plus. № 1.

Идрисов И.А., Янина Т.А., Титов В.В., Зейналов А.А., Кулаков С.А., Лукьянычева М.С., Эйбатов Т.М., Очередной А.К., Анойкин А.А., Курбанов Р.Н. 2025. Возраст и палеогеография раннепалеолитического местонахождения Гараджа (Азербайджан) // Геоморфология и палеогеография. Т. 56. № 1.

Blanchard J. 1963. Bifaces micoquiens (La Micoque et Bellême) // Bull. Soc. Préhist. de France, Vol. 60. N. 1–2.

Bordes F. 1992. Leçons sur le Paléolithique. Vol. 2. Paris.

Kozlowski J.K. 2002. From Bifaces to Leaf Points // Multiple Approaches to the Study of Bifacial Technologies. Philadelphia.

ИЗДЕЛИЯ С ДВУСТОРОННЕЙ ОБРАБОТКОЙ ИЗ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ГУБСКОГО УЩЕЛЬЯ

Иванов Я.Д.[1,2], Беляева Е.В.[1], Кулаков С.А.[1,2], Очередной А.К.[1,2]
[1]Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 24-18-00941 «Палеолит Понто-Каспия: изменения материальной культуры и природной среды в плейстоцене (археология, хронология, палеогеография)»

В каньоне реки Губс (бассейн реки Кубань) в ходе работ 1961–1963 гг. П.У. Аутлевым была обнаружена серия стратифицированных палеолитических стоянок в пещерах и под открытым небом. Наибольшее внимание среди них привлекли Монашеская и Баракаевская пещера, полевые исследования которых продолжили В.П. Любин и Е.В. Беляева. Изучение этих стоянок позволило выявить практически непотревоженные культурные слои с выразительными среднепалеолитическими индустриями, подготовленными на разном кремнёвом сырье. Особое место в коллекциях, полученных в ходе раскопок обеих пещер, занимают двусторонне обработанные и частично двусторонне обработанные орудия (Любин, Аутлев, 1994. С. 135–141; Беляева, 1999. С. 134–137, 141–142). Эта категория изделий выступает основным маркером микокских индустрий Центральной и Восточной Европы, распространённых и на Северном Кавказе (Голованова, Хоффекер, 2000).

Вариабельность двусторонне обработанных орудий в Монашеской и Баракаевской пещерах определяется различными наборами приёмов, использованных для подработки и/или утончения элементов орудий. Первую группу составляют изделия со сплошной двусторонней обработкой. Формирование их поверхностей производилось с нескольких систем скалывания, расположенных вдоль или поперек заготовки. Целые и непереоформленные орудия этой группы чаще всего относятся к асимметричным формам с разноразмерными лезвийными кромками, и относятся к изделиям категории двусторонне обработанных обушковых ножей (*Keilmesser*). Помимо разницы в длине основной и редуцированной лезвийных кромок, фиксируются и отличия во вторичной обработке – основное лезвие часто подготовлено многорядной тщательной ретушью, что выступает дополнительным аргументом в пользу атрибуции этих орудий как двусторонне обработанных ножей.

Остальные группы связаны с частично двусторонне обработанными изделиями. Наибольшее их количество составляют изделия с вентральным продольным утончением основания. Подобные формы характерны для многих среднепалеолитических индустрий, чаще всего утончение направлено на снятие зоны ударного бугорка – наиболее выпуклой части заготовки. В индустриях Монашеской и Баракаевской пещер этот приём отмечен как на различных асимметричных орудиях – угловатых и конвергентных скрёблах, так и, реже, на симметричных остроконечниках. Отдельное место занимают формы, где на вентральную поверхность сняты только небольшие сколы подготовки ударных площадок, в последствии использованных для продольного и поперечного утончений корпуса. Дополнительно, к этой же группе тяготеет серия изделий, которые формально не могут быть отнесены к частично двусторонне обработанным – это орудия с дорсальным (лицевым) продольным и поперечным утончением. Их оформление производилось без подготовки специальных ударных пло-

щадок, но остальные признаки совпадают – помимо создания лезвийных кромок дополнительно обрабатывались и их аккомодационные части. Стоит отметить, что из этой группы исключены орудия, негативы сколов оформления которых могут быть «унаследованы» от изначальной дорсальной огранки заготовки, учтены только негативы сколов утончения с сохранившимся ударным бугорком и снятые после ретушной кромки.

С помощью вентрального утончения в индустриях обрабатывались не только базальные части изделий, но и продольные края. Фиксируются различные приёмы подработки обушковой части, характерные только для асимметричных орудий коллекций, а также примеры изготовления основной или редуцированной лезвийных кромок на вентральной поверхности.

Вынося последнюю группу с вентральным оформлением лезвий за скобки, в индустриях Монашеской и Баракаевской пещер выделяется широкая и выразительная категория изделий, где приёмы двусторонней обработки связаны с формированием или утончением аккомодационной части. Традиционно, такая подработка ассоциирована с возможными вариантами креплений в древки как односторонних (Boëda, 2023. P. 45–59), так и бифасиальных орудий (Замятнин, 1934. С. 212; Очередной и др., 2024), косвенным аргументом к чему могут выступать и мелкие размеры изделий в обеих индустриях. Обоснование такой точки зрения на современном уровне требует экспериментально-трасологического изучения этих материалов и поиска возможных вариантов следов крепления.

Изучение таких изделий в целом позволяет очертить границы единого морфологического комплекса в рамках микокских индустрий Кавказа, где ведущими формами выступают не только двусторонне обработанные орудия, но и различные варианты скрёбел и остроконечников с вентральным и дорсальным утончением. Их сравнение с другими памятниками перспективно для понимания развития этой и других категорий орудий в рамках среднего палеолита.

Литература

Беляева Е.В. 1999. Мустьерский мир Губского ущелья. СПб.

Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф. 2000. Микок на Северном Кавказе // Археологический альманах. № 9. Донецк.

Замятнин С.Н. 1934. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения // Труды II Междунар. конф Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Вып. 5. М.

Любин В.П., Аутлев П.У. 1994. Каменный инвентарь мустьерского слоя // Неандертальцы Гуппского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп.

Очередной А.К., Пугачева Е.В., Тараканов А.С., Лада А.Р. 2024. Верификация структурных особенностей изделий среднего палеолита на примере кайльмессеров Сухой Мечётки // Stratum Plus. № 1. Кишинёв.

Boëda E. 2023. Techno-logic and Technology. A paleo-history of knapped lithic objects. NY.

ПОЗДНЕБРОНЗОВЫЕ КАМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ КРЫМА В СИСТЕМЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ СЕВЕРНОЙ ПОНТИКИ

Кашуба М.Т.[1,2], Кулькова М.А.[1], Кожуховская Ю.В.[1,3], Кульков А.М.[1,4]
[1]Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
[2]Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
[3]Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
[4]Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Работа выполнена при содействии РНФ, проект № 22-18-00065-П

В степных археологических культурах позднего бронзового века Северного Причерноморья и Крыма широко известны каменные конструкции. Зачастую они имеют крупные формы и обнаружены на поселениях (профанная архитектура) и в курганах (сакральная архитектура). Степень их изученности разная. Было установлено, что разнообразные каменные конструкции появились на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века и бытовали до финала эпохи бронзы, то есть в течение всего II тыс. до н.э. Они зафиксированы в ареалах основных археологических культур Северного Причерноморья: бабинской (каменской или каменско-планерской – в Крыму), срубной, сабатиновской и белозерской.

Непогребальная каменная архитектура известна и на Северном Кавказе: она открыта и комплексно изучена на около 300 памятниках, которые по анализу материалов и радиокарбонным датам существовали в начале II – середине I тыс. до н.э. (Reinhold et al., 2017. S. 213–245. Abb. 150; 167).

Позднебронзовые каменные конструкции Северной Понтики изучаются давно, отчего сформировалась обширная отечественная и зарубежная историография. При детальном рассмотрении локальной профанной архитектуры и сопоставлении ее на межрегиональном уровне выявлены общие элементы, что позволило в совокупности изучать жилища, постройки, хозяйственно-производственные конструкции («загоны для скота») и защитные сооружения («стены», например, Каратаево-Ливенцовской крепости). В литературе сложилось устойчивое представление о единой линии их развития, в которую были включены раскопанные стационарные каменные сооружения из Северного Причерноморья и Крыма (Pieniążek, 2012), дополненные комплексами из Северного Кавказа (Reinhold et al., 2017. S. 258 ff. Abb. 176-178, 180). Это был научный прорыв, благодаря которому был подведен итог исследований второй половины XX – начала XXI в.

Между тем, стационарные каменные сооружения крупных форм широко известны в позднебронзовой сакральной (в том числе погребальной) архитектуре, оставленной подвижными/мобильными животноводами и сообществами полукочевого образа жизни. Кратко рассмотрим профанные и сакральные сооружения на примере материалов из Крыма.

Начало позднего бронзового века (первая треть II тыс. до н.э.) характеризуется появлением в разных частях Крымского полуострова поселений с крупными (диаметром до 50 м) конструкциями круглой/овальной формы с каменными основаниями стен, названными «загонами для скота». Они выявлены в Северо-Западном Крыму неинвазивными методами, разведочными и широкомасштабными раскопками (Междисциплинарные…, 2020. С. 42–182; Горошников и др., 2025. С. 94–110), а также при широкомасштабных раскопках в восточной и южной частях полуострова (Бейлин и др., 2018. С. 11–13; Свиридов и др., 2019. С. 187). Их

функциональность («загоны для скота») подтверждена данными естественно-научных анализов на более чем 10 памятниках (Палеосреда…, 2024. С. 124 сл.). Согласно полученным 14С-датам по костям животных из контекстов в культурных слоях и пробам грунта и их сопоставлении с типолого-морфологическим анализом материалов, такие поселенческие структуры в Северо-Западном Крыму появились еще на рубеже III и II тыс. до н.э. (рубеже среднего и позднего периодов эпохи бронзы). Они возникли на новых участках (поселение Тарханкут-22а: 2136–1923 calBC) или на местах предшествующих поселений открытого типа (поселение Тарханкут-18: 2133–1945 calBC) (Междисциплинарные…, 2020. Рис. IV.3.28; Kashuba et al., 2021. Tab. 1).

Одновременно отмечены и крупные формы в сакральной каменной архитектуре. В восьмерковидных (гантелеобразных) и длинных курганах отмечены каменные обкладки и параллельные меридиональные дорожки-выкладки: например, курган 1 у с. Красноармейское (раскопки 1997 г.) (Колотухин, 2003. С. 76. Рис. 9) или курган 1 у с. Мазанка (раскопки 2021 г.) (Ковалев, Горошников, 2025. С. 71–76), а также крупные прямоугольные конструкции из вертикальных каменных плит-ортостатов: курган 3 группы Фонтан-1, курганы 1 и 5 группы Фонтан-2 и курган 1 группы Ивановка (Меньшиков, Рукавишникова, 2025. С. 206–220). Датировка таких сооружений остается в области дискуссий (Тощев, 2007. С. 177), но в свете современных исследований может быть уточнена в пределах посткатакомбного периода (Ковалёв, Горошников, 2025. С. 75). Отмечено, что конструкции экспонировались в открытом виде какое-то длительное время (Меньшиков, Рукавишникова, 2025. С. 215–218). Можно полагать, что такие комплексы функционировали как погребально-поминальные мемориалы.

Эта профанная и сакральная стационарная каменная архитектура была возведена сообществами предположительно позднекатакомбной в северо-западной части полуострова и каменской (каменско-планерской) культуры в восточной и юго-восточной частях Крыма. Продолжительность функционирования таких комплексов пока не определена.

К середине II тыс. до н.э. в среде сообществ срубной и сабатиновской культур фиксируются существенные изменения: в северо-западной и западной частях полуострова появляются десятки новых поселков с каменными жилищами (Бай-Кият I, Бурун-Эли 1) (Колотухин, 2003. С. 102–114), а также с двойными (малым, вписанным в большой) «загонами для скота» (иногда по два таких сооружения на одном памятнике). Одновременно на востоке и северо-западе Крыма получают развитие новые формы сакральной архитектуры. Это крупные четырехугольные конструкции, тройные кромлехи (с диаметром внешнего кольца до 30 м) в Восточном Крыму (Кислый, 1993. С. 162 сл.), а также серия малоизвестных комплексов из северо-западной части Крыма, где выявлены квадратные, овальные и сложные геометрические строения – например, кенотаф в 10-метром кромлехе, вписанном в квадрат с длиной стенок по 45 м (курган 4 могильника Новоозёрное-4, раскопки 2007 г.).

Длительное и многократное использование стационарных жилых и бытовых каменных конструкций в течение второй половины II тыс. до н.э. в Северо-Западном Крыму имеет надежные обоснования. Так, период бытования Багай 1 – долговременного стационарного поселка скотоводов – определен в пределах XV – начала X в. до н.э., что подтверждается анализом материалов и радиоуглеродными датами (Горошников и др., 2025. С. 94 сл.; Кулькова и др., 2024. С. 339–346). Сакральная архитектура, напротив, фактически исчезает с появлением белозерской культуры в Крыму, для которой характерны «плоские» (грунтовые) могильники, где пока не выявлены какие-либо крупные стационарные каменные сооружения (Тощев, 2007. С. 187–206).

Таким образом, стационарные каменные конструкции для профанной и сакральной сфер начали возводить в Крыму на рубеже III–II тыс. до н.э. Крупные хозяйственно-производственные строения («загоны для скота») в течение II тыс. до н.э. не только многократно и длительно использовались скотоводами – носителями разных археологических культур, но также периодически воспроизводились и строились на новых местах. По форме и организации пространства такие постройки оказались наиболее адаптированными для скотоводческой деятельности, как это отмечается в культурах эпохи бронзы – раннего железного века на Кавказе,

прослеживается по данным этнографии кочевников Нового и Новейшего времени (Reinhold et al., 2017. S. 263–266 ff.), а также по каменным сооружениям современных овцеводов (Дейхман, 1947).

На территории Крыма сакральная архитектура, представленная различными формами погребально-поминальных сооружений, которые были построены в позднем бронзовом веке носителями нескольких археологических культур, в значительной степени прекращает функционирование к концу II тыс. до н.э. – в период развития белозерской культуры. Что касается профанной сферы, то можно полагать, что в течение позднего бронзового века в Крыму стационарное каменное строительство было ориентировано, преимущественно, на создание хозяйственно-бытовых сооружений, обновление, реконструкция и возведение которых в большей степени определялись потребностями ведения скотоводческого хозяйства.

Литература

Бейлин Д.В., Кислый А.Е., Михайлов А.М., Рогудеев В.В., Шарапа А.В., Юрочкин В. Ю. 2018. Раскопки поселения эпохи бронзы Госпиталь II в г. Керчи (предварительное сообщение) // Древности Боспора. Вып. 23.

Горошников А.А., Горошникова З.В., Мимоход Р.А., Усачук А.Н. 2025. Комплекс вещевых находок поселения позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму // Кавказ и Циркумпонтийский регион в древности: материалы, исследования, гипотезы. М.

Дейхман Е.К. 1947. Организация работы на овцеводческой ферме. 5-е изд., перераб. (Библиотечка колхозного животновода). М.

Кислый А.Е. 1993. Кромлехи и каменные оградки срубной культуры на Керченском полуострове // Древности Северного Причерноморья и Крыма. Вып. IV. Запорожье.

Ковалёв А.А., Горошников А.А. 2025. Комплекс посткатакомбного времени с «корчагой» и останками человека в насыпи кургана у села Мазанка в Крыму // Связи и взаимодействия культур Циркумпонтийского региона в среднем и позднем бронзовом веке. Выпуск 5. Материалы конференции 22–24 октября 2025 года. М.

Колотухин В.А. 2003. Поздний бронзовый век Крыма. Киев.

Кулькова М.А., Горошников А.А., Горошникова З.В., Стрельцов М.А., Маркова М.А. 2024. Первые радиоуглеродные даты памятника позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму // Археологические вести. Вып. 43.

Междисциплинарные исследования поселений эпохи бронзы Северо-Западного Крыма: коллективная монография (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XIX). СПб., 2020.

Меньшиков М.Ю., Рукавишникова И.В. 2025. Каменные прямоугольные конструкции в основании курганов эпохи бронзы на Керченском полуострове Крыма // Монументальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века. К 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму. СПб.

Палеосреда и культурно-исторические процессы в Северо-Западном Причерноморье в эпоху бронзы – раннем железном веке: первые результаты исследований [коллективная монография]. СПб., 2024.

Свиридов А.Н., Язиков С.В., Топоривская М.А., Фролов В.В. 2019. Раскопки поселения Городище 11 км в 2017 году // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 1. М.

Тощев Г.Н. 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье.

Kashuba M.T., Smekalova T.N., Kulkova M.A., Gurov E.Yu. 2021. New Results of Interdisciplinary Study of Bronze Age Settlements in Northwestern Crimea // Вестник Санкт-петербургского университета. История. Т. 66. № 4.

Pieniążek M. 2012. Architektur in der Steppe. Spätbronzezeitliche Siedlungen im nordpontischen Raum // Universitätsforschungen zur Prähistorische Archäologie. Bd. 211. Bonn.

Reinhold S., Korobov D.S., Belinskij A.B. 2017. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus. Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus // Archäologie in Eurasien. Bd. 38. Bonn.

ПОГРЕБЕНИЯ «АРХОНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ» ИЗ МОГИЛЬНИКА У с. НОГИР РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

Клещенко А.А.
Институт археологии РАН, г. Москва

В 2021 г. Северо-Кавказской экспедицией ИА РАН были исследованы два кургана «Курганной группы №1 у с. Ногир» в Пригородном районе РСО-Алания. В настоящей статье кратко опубликованы и проанализированы материалы кургана №2 этого могильника, упоминавшиеся в сборнике предыдущей конференции (Клещенко, 2024. Рис. 1, *II*).

Курган был раскопан с оставлением трех бровок, ориентированных по оси СЗ–ЮВ. Ширина траншей – 6 м, бровок – 1 м. При раскопках были обнаружены четыре погребения (рис. 1, *а*).

Погребение 1 – основное (рис. I, *б*), перекрыто каменным завалом (2,8×2,4 м). Яма, размерами 1,85×1,25×0,7 м, забутована камнем (рис. 1, *II-а*). Костных останков в погребении не обнаружено.

В СВ части ямы находились четыре лепных сосуда. Самый крупный – горшок желто-коричневого цвета (размеры – 31,5×33 см: здесь и далее при описании сосудов первая цифра обозначает высоту, вторая – диаметр тулова сосуда). Под венчиком – округлый налеп с углублением в центре, на донце – отпечатки текстиля (рис. 1, *II-1*). Внутри этого сосуда находилась небольшая желтоглиняная кружка (7,6×9 см). У корня ручки с обеих сторон – два круглых налепа, на донце – отпечатки текстиля (рис. 1, *II-4*). К Ю от них обнаружен развал сероглиняного горшка с биконическим туловом (11,4×22 см) (рис. 1, *II-2*). Еще южнее лежал небольшой желтоглиняный кувшин (13,3×12,4 см): на уровне корня ручки – прочерченная линия, на донце – отпечатки текстиля (рис. 1, *II-3*).

Погребение 2 – впускное в С часть кургана. Яма, размерами 3,9×2,4×1,3 м, забутована камнем. В центральной ее части находился скелет человека старше 50 лет в сильно скорченной на левом боку положении, головой на СВ. К СВ от него обнаружены кости и зубы МРС (рис. 1, *III-а*).

Здесь же находились развалы четырех лепных сосудов. Самый крупный – горшок серо-коричневого цвета (33×42 см). Под венчиком – два симметрично расположенных налепа в виде горизонтальных выступов с впадиной посередине (3×1,3×0,9 см), на донце – отпечатки текстиля (рис. 1, *III-1*). Внутри него – небольшая желтоглиняная кружка (7,8×10,5 см) с отпечатками текстиля на донце (рис. 1, *III-6*). Южнее находился сероглиняный кувшин с биконическим туловом (20×30,4 см). На верхней части тулова прочерчен орнамент в виде обращенных вверх заштрихованных сеткой треугольников (19 шт.), на донце – отпечатки текстиля (рис. 1, *III-2*). Западнее лежал развал черноглиняного сосуда с полушаровидной ручкой. Полная форма не восстановлена, диаметр его – 28 см, на донце – отпечатки текстиля (рис. 1, *III-3*). Перед погребенным находились еще два сосуда: желтоглиняный кувшин (13,6×15 см) (рис. 1, *III-4*) и сероглиняная кружка (11×16 см) с уступом на уровне корня ручки (рис. 1, *III-5*). К ЮВ от первых четырех сосудов лежал бронзовый листовидный нож размерами 7×2,1 см (рис. 1, *III-7*).

Погребение 3 – основное для первой или второй насыпи, обнаружено к СЗ от погребения 1. По данным стратиграфии (рис. 1, *I-б*) оно совершено с уровня погребенной почвы. Погребение перекрыто каменным завалом неправильной формы. Размеры основной его части – 3×2 м. Под ней находилась яма размерами 2,6×1,6×1 м, забутованная камнем (рис. 1, *IV-а*). В яме зафиксированы зубы и тлен костей черепа ребенка 7–12 лет (рис. 1, *IV-а-8*). По аналогии с погребением 2, скелет здесь мог быть уложен таким же образом.

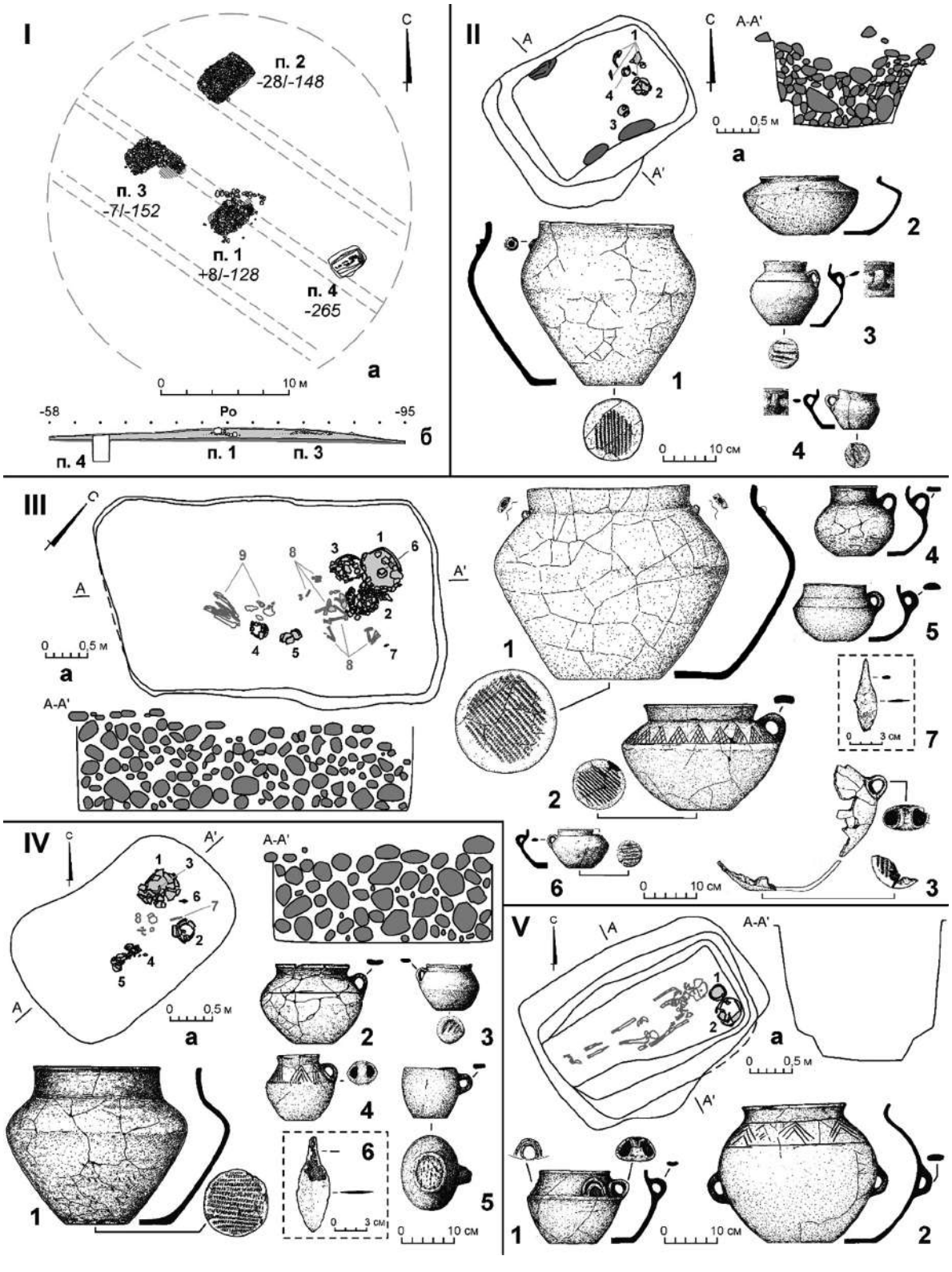


Рис. 1. Курганная группа 1 у с. Ногир. Курган 2.
I – общий план (*а*) и профиль центральной бровки (*б*); *II* – погр. 1: *а* – чертеж и разрез, *1–4* – керамические сосуды; III – погр. 2: *а* – чертеж и разрез, *1–6* – керамические сосуды, *7* – бронзовый нож, *8* – кости животных, *9* – кости человека; *IV* – погр. 2: *а* - чертеж и разрез, *1–5* – керамические сосуды, *6* – бронзовый нож, *7* – кость животного, *8* – кости человека; *V* – погр. 4: *а* – чертеж и разрез, *1, 2* – керамические сосуды

В СВ части ямы были расчищены три лепных сосуда. Самый крупный – горшок серо-желтого цвета (30,4×34,4 см) с отпечатками текстиля на донце (рис. 1, *IV-1*). Внутри него – небольшая желтоглиняная кружка (8,8×10,7 см) с такими же отпечатками на донце (рис. 1, *IV-3*). К ЮВ находился кувшин желтовато-серого цвета (15×19,5 см) с небольшим уступом на уровне корня ручки, на донце – отпечатки текстиля (рис. 1, *IV-2*). Справа от несохранившегося скелета лежали еще два сосуда. Первый – желтоглиняный кувшин (12,5×13 см) с полусферической ручкой. На тулове прочерчен орнамент в виде вписанных друг в друга и обращенных вверх острых углов (6 фигур), подчеркнутых рядом косых насечек (рис. 1, *IV-4*). Второй сосуд – желтоглиняная кружка с закрытым венчиком и овальным в плане туловом (9,5×11/14 см) (рис. 1, *IV-5*). В районе первой группы сосудов лежал бронзовый листовидный нож размерами 9×3,1 см (рис. 1, *IV-6*).

Погребение 4 – впускное (рис. I, *б*) в В часть кургана. Яма размерами от 2,75×1,9 до 2,3×1 м (по дну) и глубиной до 2,5 м была забутована плотным слоем щебня. На дне находился скелет человека 30–40 лет в вытянутом положении на спине, головой на СВ (рис. 1, *V-а*).

У черепа стояли два лепных керамических сосуда: кружка красновато-желтого цвета с биконическим туловом (14×18 см), полусферической ручкой и рельефным орнаментом в виде трех парных дуговидных налепов (рис. 1, *V-1*) и амфора серо-коричневого цвета со сферическим туловом (28×30 см), двумя ручками, расположенными симметрично ниже максимального расширения корпуса, и прочерченным орнаментом в виде вписанных друг в друга прямых углов (7 полных фигур), обращенных вверх и ограниченных горизонтальными линиями (рис. 1, *V-2*).

Обращает на себя внимание, что захоронения №№ 1–3 описанного кургана обладают до мелочей похожими как расположением погребального инвентаря (в первую очередь – сосудов и, в том числе, помещения одного сосуда в другой), так и его морфологией и оформлением; а также одинаковым расположением погребенных и костей животных, ориентировкой ям, их заполнением камнями одинаковой фракции и помещением выкидов из ям в одном и том же месте.

При раскопках и подготовке отчета указанные три погребения были отнесены к так называемой архонской культурной группе финального этапа среднебронзового века, выделенной С.Н. Кореневским и Р.А Мимоходом (Кореневский, Мимоход, 2011. С. 31–70).

Однако предметный анализ всех деталей обряда и погребального инвентаря, а также их сочетаний при сравнении с позднекатакомбными памятниками Осетинской наклонной равнины позволил пересмотреть эту датировку. Дело в том, что в последних встречены многочисленные прямые аналогии ногирским погребениям. Речь идет о целой серии (более 35) захоронений: могильники Чикола I (19/3) и II (4/2,3; 5/2; 6/3,6,7), Пригородный (1/2–4), Архонский (1988: 2/3,4; 1989: 3/2,4,6), Бесланский (погр. 174, 176, 215, 319, 320, 338, 341, 342, 383, 389, 395, 702, 720, 735, 736, 738, 739, 745), Карджинский (1/6,11) (Сафронов, 1981. Рис. 2, *2, 3, 5, 6*; 3, *6*; 5, *3, 4*; 8, *1.2, 1.3, 1.10, 2.2*; 11, *2, 3*; 14, *1, 2*; 15, *1, 3–7*; Кореневский, Мимоход, 2011. Рис. 10; 13, *2*; Ростунов, 1989. Рис. 74, 78, 84; Дзуцев, 2000. Рис. 8, 11; Дзуцев, 2002. Рис. 9; Дзуцев, 2005. Рис. 33–37, 73, 70, 78–81; Дзуцев, 2006. Рис. 77, 89, 103–105; Малашев, 2011. Рис. 33, 43, 45, 253, 254, 265–267, 269, 405, 406, 424, 425, 427–430, 432, 438, 442, 443, 449, 451, 452, 491, 502; Дзуцев, 2003. Рис. 29, 30, 41). Здесь мы имеем дело с полными аналогиями погребениям Ногирского могильника в виде забутовок камнем – в данном случае шахт катакомб, «левобочного» погребального обряда, морфологии (крупные горшки, кружки и кувшины с уступом или прочерченной полосой на уровне корня ручки, шаровидные ручки, кружки с овальным в плане корпусом и др.) и орнаментации (круглые и плоские горизонтальные налепы, «арки», обращенные вверх треугольники, отпечатки текстиля на донце) сосудов, а также их расположения в погребении, в частности – помещения маленькой кружки внутрь большого горшка. Надо отметить, что некоторые из этих деталей присущи и позднекатакомбным памятникам соседних регионов Терского бассейна (могильники Былым, Кишпек, Псычох, Заманкул, Киевское, Павлодольская, Терская, Комарово и др.). Все эти факты однозначно свидетельствуют о синхронности публикуемых здесь комплексов позднекатакомбному горизонту, датирующемуся в рамках XXV–XXIII вв. до н.э.

При этом анализ памятников то же Осетинской равнины показал наличие целой серии погребений в ямах, в той или иной степени аналогичных описанным выше ногирским

комплексам. Это захоронения из могильников Фиагдон I (1/1,3) и III (1/1,3; 2/1,2; 3/1–4; 9/1–3; 10/3; 11/3; 12/1–4,6), Хаталдон I (1/1,2; 2/1,2) и Дзуарикау II (6/2,4) (Караев, 2008. Рис. 60, 65, 86, 284, 285, 288, 290, 291, 339, 350, 351, 358, 364, 365, 375, 381, 383, 384, 390, 417, 426, 427, 438, 440, 445, 447–449, 462, 499, 504, 510, 513–516, 522, 523, 580, 585, 592, 594, 635, 680, 687, 688, 691, 698, 706, 715, 726, 729, 747, 749, 753, 756, 758, 762, 767, 768, 770, 775, 777–779, 781), Архонская (1989: 3/10) (Ростунов, 1989. Рис. 104–106). К этой же погребальной традиции, несмотря на аргументы авторов публикации материалов раскопок, следует относить и часть опубликованных комплексов Архонского могильника (1988: 1/1; 1989: 1/3; 2/1, а также, возможно, 1988: 1/2–4), ранее включенных в «архонскую культурную группу» финала эпохи средней бронзы (Кореневский, Мимоход, 2011. Рис. 2–5, 15–21).

Таким образом, к данной погребальной традиции на территории Осетинской наклонной равнины относятся не менее 30 комплексов, которые можно обозначить как «раннеархонские», но, во избежание путаницы, имеет смысл дать им другое название: например, «ногирская культурная группа» – по названию могильника, материалы которого публикуются в настоящей работе. С одной стороны, она отчасти связана с предшествующей традицией классической северокавказской культуры, а с другой – напрямую соотносится с синхронными позднекатакомбными памятникам Предкавказья (суворовской и восточноманычской культурами). При этом стратиграфия описанного выше кургана 2 указывает на переживание обряда северокавказской культуры в Терском бассейне до третьей четверти III тыс. до н.э. Эти памятники следует выделить в финальный (четвертый) этап эволюции данной культуры (см. статью Д.А. Геворковой и А.А. Клещенко в настоящем сборнике).

Литература

Дзуцев С.Б. 2003. Отчет о раскопках Карджинского кургана эпохи средней бронзы (катакомбная культура) у с. Карджин Кировского района РСО-А в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 36248, 36249.

Дзуцев Ф.С. 2000. Отчет о раскопках Бесланского курганного катакомбного могильника в Правобережном районе РСО-А в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 24335, 24336.

Дзуцев Ф.С. 2002. Отчет о раскопках Бесланского курганного катакомбного могильника в Правобережном районе РСО-А в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 24345, 24346.

Дзуцев Ф.С. 2005. Отчет о раскопках Бесланского курганного катакомбного могильника в Правобережном районе РСО-А в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 36250, 36251.

Дзуцев Ф.С. 2006. Отчет о раскопках Бесланского курганного катакомбного могильника в Правобережном районе РСО-А в 2006 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 36294, 36295.

Караев Б.З. 2008. Отчет о раскопках курганных могильников: «Дзуарикау – II»; «Фиагдон – II»; «Фиагдон – III»; «Хаталдон – I»; «Хаталдон – II» в Алагирском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2008 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 31396–31398.

Клещенко А.А. 2024. Северокавказская культура: современные источники, результаты и перспективы исследования // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Мат-лы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. М.

Кореневский С.Н., Мимоход Р.А. 2011. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М.

Малашев В.Ю. 2011. Отчет об исследовании Бесланского могильника в Правобережном районе Республики Северная Осетия-Алания в 2011 г. // Архив ИА РАН. -1. №№ 30168–30170.

Ростунов В.Л. 1989. Отчет о раскопках курганов у ст. Архонской Пригородного р-на СО АССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. -1. №№ 14245–14247.

Сафронов В.А. 1981. Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии // Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе.

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ НОЖЕЙ И КИНЖАЛОВ КОНЦА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Климушина А.И.
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

В конце среднебронзового века на Северном Кавказе появляются новые типы ножей и кинжалов. Их отличительными признаками являются треугольный вытянутый обоюдоострый клинок и прямые плечики. Посередине клинка многих ножей и особенно кинжалов проходит ребро или валик. Некоторые из них снабжены отверстиями для заклепок, расположенных на черенке и в части случаев – на плечиках. Последняя деталь встречается не только на ножах и кинжалах (далее – НК) этой группы, но и на подобных орудиях с покатыми плечиками и листовидным клинком.

Следует отметить, что НК с прямыми или слегка покатыми плечиками и треугольным клинком изредка встречаются в памятниках Северного Кавказа и Предкавказья в эпоху ранней и начала средней бронзы (Гак, Калмыков, С. 120. Рис. 6, *6*). Но их сходство с НК конца средней бронзы, вероятно, следует относить к явлению конвергенции. По этой причине они не рассматриваются в данной работе.

По ряду морфологических и метрических признаков клинковые орудия конца эпохи средней бронзы могут быть разделены на три группы. К первой из них относятся НК с треугольным клинком, прямыми плечиками и прямоугольным черенком. Плечики у этих экземпляров могут быть расположены как под прямым углом к черенку, так и под тупым.

Ко второй группе относятся НК с теми же признаками, что и предыдущие, но их отличительной чертой является отверстие для заклепки на черенке. Часто оно смещено к концу черенка.

В третью группу входят клинковые орудия со всеми перечисленными признаками предыдущих групп. Но у них имеется еще два отверстия на плечиках. Эти отверстия также предназначались для крепления рукояток.

Изделия всех перечисленных групп широко распространены на территории Северного Кавказа от Дагестана до Закубанья (рис. 1). Наибольшая их концентрация приходится на регионы Северной и Южной Осетии. В степной зоне подобное клинковое оружие встречается крайне редко.

НК первой группы известны из следующих памятников: в Прикубанье – Суворский (к. 9, п. 2) и Усть-Джегутинский (к. 26, п. 3) могильники (Нечитайло, 1979. С. 45, 46. Рис. 49, *1*; Нечитайло, 1978. С. 100. Рис. 39, *112*), погр. из ст. Андрюковской в Закубанье (к. 7) (раскопки Н.И. Веселовского; Иессен, 1951. С. 115. Рис. 51, *2*), Адайдонский могильник из Северной Осетии (Чшиев, 2022. Рис. 7, *4*), Бельтинский могильник № 2 (п. 18) с территории Чечни (Виноградов, Хашегульгов, 1986. С. 9. Рис. 3, *3*), а также погр. из с. Тарки в Дагестане (Смирнов, 1951. С. 254–255. Рис. 14, *4*). Целая серия изделий этой группы есть в коллекциях В.И. Долбежева и А. Коссниерской из североосетинских могильников Верхняя Рутха и Фаскау (Крупнов, 1951. С. 49. Рис. 9, *5*, Рис. 14, *6*; Motzenbäcker,1996. S. 73. Taf. 18, *8*; 20, *3, 5, 6*; 35, *13*). В степной зоне нам известны только две случайные находки: нож из д. Дугино (близ г. Азова) и кинжал из с. Островерховка (Харьковская область, Украина) (Вальчак, 1998. Рис. 1, *1*).

К числу НК второй группы относится целый ряд находок из разных регионов Северного Кавказа. Самые западные комплексные находки представлены предметами из памятника

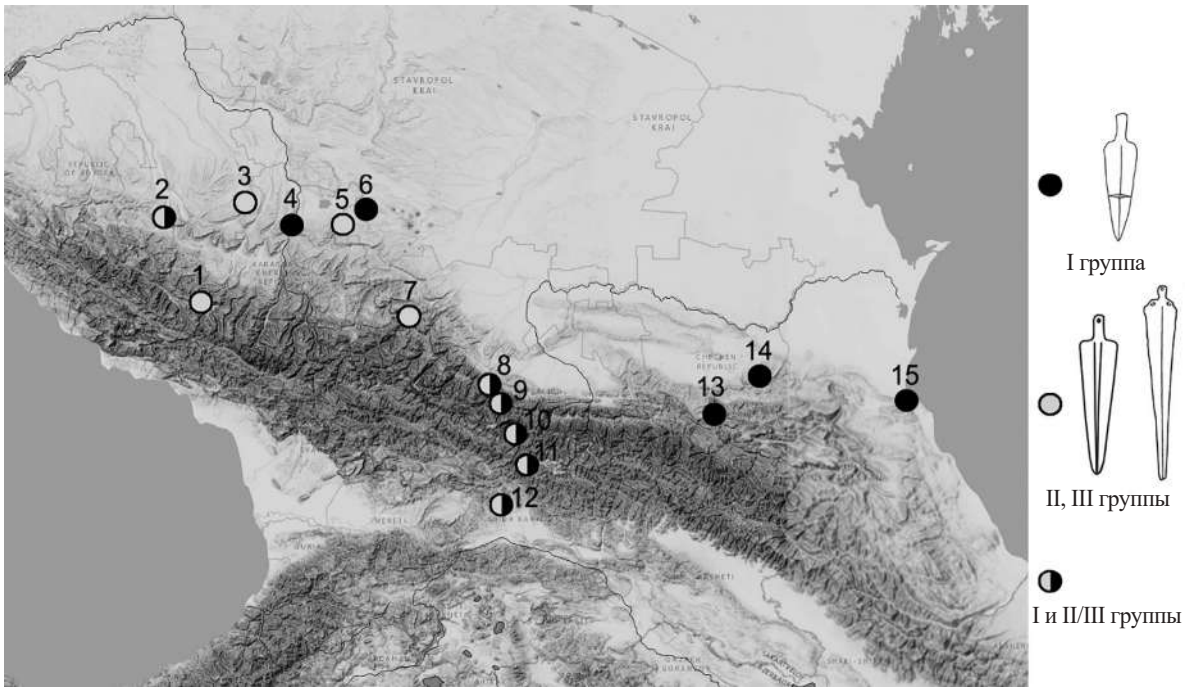


Рис. 1. Карта памятников с кинжалами 1, 2 и 3 групп на территории Северного Кавказа и Южной Осетии: *1* – Лунная поляна-III (к. 4, п. 1 и 2); *2* – ст. Андрюковская (к. 7, к. 8); *3* – с. Удобная (п. 1, п. 2); *4* – Усть-Джегутинский могильник (к. 26, п. 3); *5* – ст. Бекешевская (клад); *6* – Суворовский могильник (к. 9, п. 2); *7* – с. Былым (клад); *8* – могильник Верхняя Рутха; *9* – могильник Фаскау (Галиат); *10* – Адайдонский могильник; *11* – Тлийский могильник; *12* – могильник Нули; *13* – Гатын-Кале (п. 7); *14* – Бельтинский могильник 2 (п. 18); *15* – с. Тарки (погр.)

«Лунная поляна-III» (к. 4, п. 1, п. 2) в Карачаево-Черкессии[1]. Важным экземпляром является кинжал этой группы из Былымского клада в Кабардино-Балкарии (Батчаев, 1980. С. 29. Табл. 1,*3*). Большая серия таких НК известна в уже упомянутых коллекциях из могильников Верхняя Рутха и Фаскау (Motzenbäcker, 1996. Taf. 6, *8, 10*; 7, *3*; 18, *5, 7, 8*; 19, *4, 5, 8, 11*; 20, *1, 2, 4*; 21, *1, 3*).

Следует также выделить во второй группе три случайные находки – кинжала, хранящегося в музее с. Архыз, из ст. Бесленеевской (Краснодарский край) и из г. Ростова-на-Дону (Иессен, 1951. С. 115. Рис. 51, *4*). По форме клинка (узкий и вытянутый) два последних даже более напоминают рапиры, нежели чем кинжалы.

Гораздо реже на Северном Кавказе встречаются НК 3 группы. Нам известны следующие находки: кинжалы из кургана № 8 ст. Андрюковской (Иессен, 1951. Рис. 51, *3*) и Адайдонского могильника, два кинжала из погребений у ст. Удобной, а также один из Бекешевского клада и некоторые другие некомплексные находки. Первые два памятника, вероятно, относятся к концу средней бронзы, остальные – к поздней.

Судя по ряду комплексных находок, НК всех трех групп существовали на Северном Кавказе сравнительно длительное время (конец III – середина II тыс. до н.э.). Более определенно о времени и культурной принадлежности этих изделий сейчас сказать трудно. Однако некоторые исследователи относят комплексы с такими предметами, а именно 1 группы НК, на Западном Кавказе и в Предкавказье к блоку посткатакомбных культур (Мимоход, 2023. С. 26. Рис. 4, *1–3*). На это же время указывают находки таких предметов в памятниках гинчинской и каякентско-хорочеевской культур.

[1] Памятник в настоящее время не опубликован. Благодарю А.В. Субботина за возможность ознакомления с материалами.

К более позднему времени относятся НК второй и третьей групп из дигорских (Рутха, Фаскау, Адайдон и др.) и южноосетинских могильников (ранние могилы Тли, могильники Нули, Квасатали).

Многочисленные аналогии рассматриваемым НК находятся в памятниках Грузии (Самтавро и др.), Армении (Эчмиадзин, Лори-Берд, Кировоканские курганы и др.) и Азербайджане (Аликемектепе).

Кроме Южного Кавказа они имели широкое распространение по всему Ближнему Востоку. Там они появляются еще в конце IV – начале III тыс. до н.э. Надо полагать, что отсюда они проникают на Южный и далее на Северный Кавказ. Судя по тому, что здесь их основная концентрация приходится на Северную и Южную Осетию, основным путем их проникновения на север был Центральный Кавказ.

Хотя большинство НК всех трех групп, вероятно, производились в северокавказских мастерских, они, видимо, были не местного происхождения. Судя по многочисленным аналогиям их корни уходят в закавказские и в конечном итоге – переднеазиатские традиции производства клинкового оружия. Их появление на Северном Кавказе и Предкавказье в конце среднебронзового века может отмечать новую волну влияний с более южных территорий.

Литература

Батчаев В.М. 1980. Клад из селения Былым // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик.

Вальчак С.Б. 1998. Предмет эпохи поздней бронзы – раннего железа из коллекции Восточной Украины и их аналогии // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава. Ч. 1–2.

Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М. 1986. Бельтинский могильник эпохи бронзы (вопросы хронологии) // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный.

Гак Е.И., Калмыков А.А. 2013. Металлический инвентарь курганных погребений позднеямного-раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. М.

Иессен А.А. 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. № 23. М.–Л.

Крупнов Е.И. 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. № 23. М.–Л.

Мимоход Р.А. 2023. Западное и южное Предкавказье в посткатакомбную эпоху: от кубанской культурной группы к невинномысской культуре // РА. № 2.

Нечитайло А.Л. 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.

Нечитайло А.Л. 1979. Суворовский курганный могильник. Киев.

Смирнов К.Ф. 1951. Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. № 23. М.–Л.

Чшиев В.Т. 2022. Коллекция артефактов А. Коссниерской Берлинского музея древней истории и новые материалы некрополя «Адайдон» кобанской культуры в Северной Осетии-Алании // Вестник МОГУ. Серия «История и политические науки». № 5.

Motzenbäcker I. 1996. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Bd. 3. Berlin.

О СТРАТИГРАФИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ПОДКУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 3 ТЫС. ДО Н.Э., ИССЛЕДОВАННЫХ В РЕГИОНЕ КАВМИНВОД

Ковалев А.А.
Институт археологии РАН, г. Москва

В апреле–августе 1951 года краевед, учитель Иван Сергеевич Гумилевский впервые осуществил раскопки на снос кургана эпохи бронзы в Центральном Предкавказье (Константиновское плато, «курган №1») (Гумилевский, 1952). Он, что было большим достижением, сохранил, зачистил и зафиксировал in situ все каменные конструкции, разобрав насыпь ниже уровня предматерика. К сожалению, разрезы насыпи не фиксировались, план велся «кроками», а фотофиксация проводилась раз в неделю (рис. 1, *1, 2*).

В ходе работ у И.С. Гумилевского, который впервые в жизни руководил раскопками, создалось впечатление, что зачищенные им каменные «навалы» над погребениями вместе с остатками каменной наброски по периметру кургана (так называемый кромлех) являются единой конструкцией. По его мнению, погребения якобы устраивались с древнего горизонта последовательно по «спирали» с каменным перемычками между ними (Гумилевский, 1952. С. 25–27). В соответствии с этой концепцией А.П. Руничем и были составлены схематичные планы (для двух этапов раскопок) и разрезы кургана. Один из этих адаптированных планов был опубликован В.И. Марковиным (Марковин, 1960. С. 54), который безоговорочно принял версию И.С. Гумилевского. С этих пор общим местом стало мнение о том, что периферийные могилы в таких курганах якобы устраивались вокруг («у края») первоначальной насыпи с уровня горизонта, отмечались на поверхности каменными «навалами», а затем перекрывались единой земляной досыпкой (Марковин, 1999; Кореневский, 1990. С. 33, 34). Однако, как теперь выясняется, в основе этих представлений лежала неверная интерпретация результатов раскопок «кургана № 1».

Видимо, В.И. Марковин не сравнивал схематичные чертежи А.П. Рунича с фотографиями кургана (в отчете И.С. Гумилевского они были депонированы в отдельном конверте). В то же время составленные из этих отпечатков панорамы (рис. 1, *1, 2*) ясно показывают, что перед нами вовсе не «навалы» камня над могильными ямами, а каменные засыпки внутри могильных ям на перекрытиях ящиков, которые были обнажены при снятии толщи земли снаружи. Эти могильные ямы прорезали так называемый кромлех, который на самом деле является каменной обкладкой полы второй земляной насыпи кургана, так как камни уложены на наклоненную наружу поверхность.

При раскопках «кургана № 2» в 1952 году И.С. Гумилевский оставил две перпендикулярные бровки (Гумилевский, 1958). Тем не менее, фотографии раскопа показывают, что вместо тонких срезов сверху вниз он проводил «заглаживание» стенки бровки, утрачивая при этом сведения о цветовых различиях грунта. Тем более что в бровки попала малая часть погребений. Поэтому о стратиграфии этого кургана можно опять судить только по общим фотографиям раскопа, которые открывают ту же картину, что и в «кургане № 1»: камни над ящиками были уложены в ямах, впущенных с поверхности насыпей.

Преждевременная смерть помешала этому незаурядному исследователю усовершенствовать методику раскопок. При раскопках там же двух курганов в 1965 году (Ртвеладзе, 1967) бровки также были заглажены, а не зачищены. Только фотографии общего вида

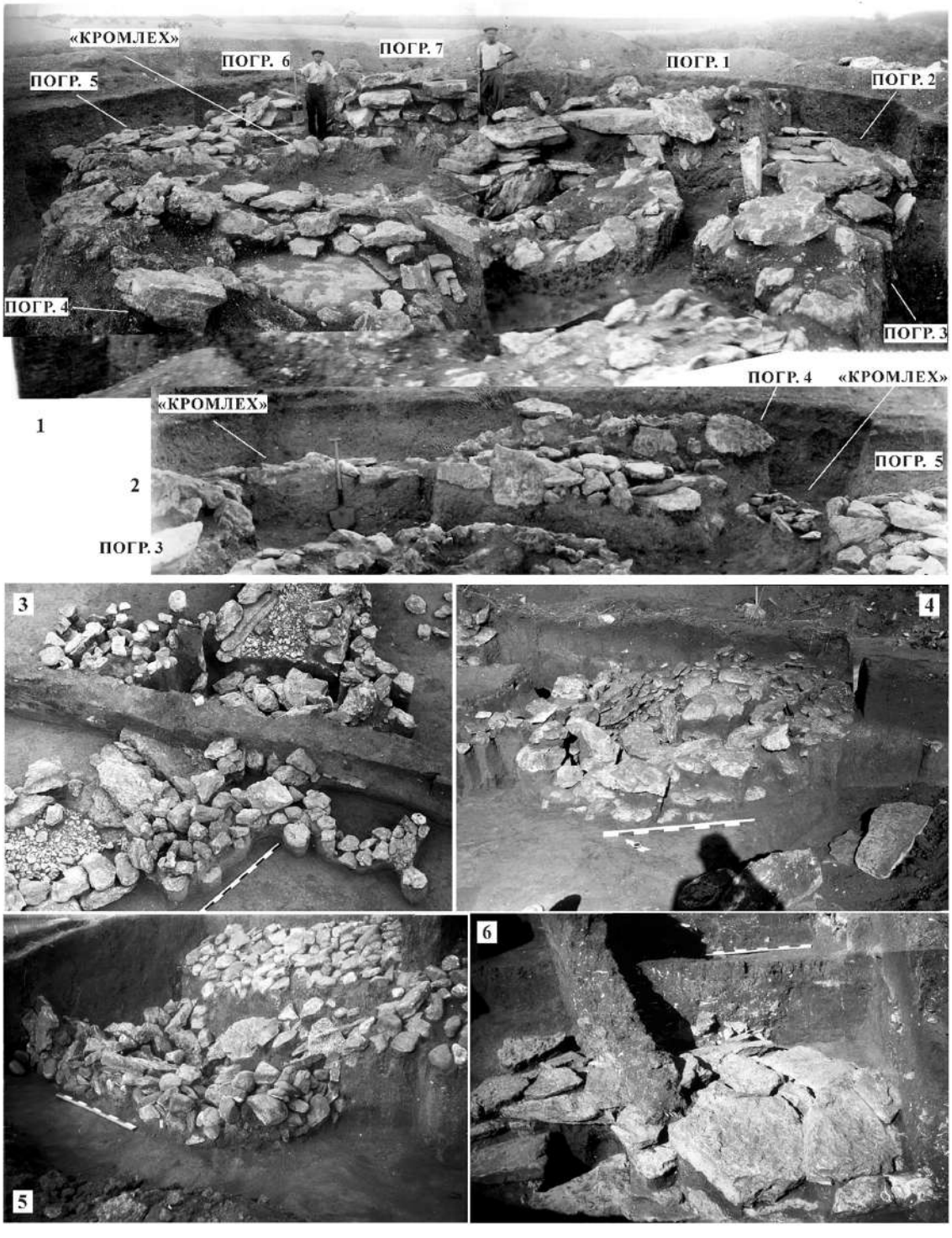


Рис. 1. Фотофиксация процесса раскопок курганов 3-го тыс. до н.э. в регионе Кавминвод: *1, 2* – панорамы зачищенных конструкций «кургана №1» на Константиновском плато: *1* – вид с юго-запада, *2* – вид с северо-востока (коллаж с дополнениями по фото из: Гумилевский, 1952, конверт); *3–6* – камни на перекрытиях впускных погребений второй четверти III тыс. до н.э. и их могильные ямы в разрезах (раскопки А.А. Ковалева): 3 – Занозина Балка 1/2, яма прорезает более светлую гумусную насыпь 11; 4 – Занозина Балка 1/6, яма прорезает насыпь 11 и выкид из центральной впускной могилы 1/12; 5 – Нежинская III 1/4, яма прорезает гумусную насыпь 8 с каменным панцирем; 6 – Нежинская III 1/3 (коллаж), в вырезанных дополнительно бровках прослеживается заполнение могильной ямы пестрой засыпкой из состава предматерикового выкида

каменных конструкций показывают, что перед нами обнаженные снаружи камни засыпки могильных ям, а не «панцири» над ними. Фотографии и чертежи из отчета В.И. Марковина о раскопках на Константиновское плато трех курганов в 1966 году (с оставлением одной бровки) вовсе не дают возможность сделать вывод о стратиграфическом положении большинства периферийных могил, из которых в бровку попала только одна – причем, судя по разрезу, именно впускная в насыпь (погр. 3(7)/ 1) (Крупнов и др., 1967; Марковин, 1999. Рис. 16, 20, 21).

Масштабные раскопки шести курганов с такими же конструкциями в 1980-е годы осуществил под Кисловодском С.Н. Кореневский (Кореневский, 1988; 1990). Опыт этих раскопок отражен в его методическом пособии (Кореневский, 2011. С. 34–41). Автор снимал насыпи бульдозером, оставляя одну центральную бровку. Несмотря на то, что в бровки из погребений попадали единицы, их большинство было сочтено впущенными с уровня древнего горизонта, перекрытыми каменными «панцирями», а затем уже насыпями. Однако при той методике, которой придерживался и рекомендовал в своем пособии ученый (Кореневский, 2011. С. 35), принципиально невозможно установить стратиграфическое положение таких погребений. Автор рекомендует проводить снятие земли бульдозером до появления камней, а затем проводить с этого уровня снятие оставшейся над камнями земли и их зачистку, углубляясь только на месте их залегания. Таким образом, не осуществляется горизонтальная зачистка для выявления возможного контура ямы, но самое главное – не вырезается профиль для вертикальной зачистки сохранившихся остатков грунта над камнями, что могло бы выявить наличие здесь мешаного земляного заполнения – часто еле заметного (см. ниже). В результате не менее 60 погребений в трех курганах за утратой стратиграфической информации были произвольно сочтены как «впущенные с уровня предматерика» (Кореневский, 1988. С. 36, 37, 60, 61, 101–103).

В 1993–1996 годах А.А. Ковалевым при участии С.Н. Савенко были проведены раскопки трех аналогичных курганов в Кисловодской котловине по методике, учитывающей результаты предшествующих работ[1]. При исследованиях была поставлена задача детальной фиксации всех каменных конструкций при максимальном сохранении стратиграфической информации. Курган размечался на восемь секторов, между которыми (желательно до окончания раскопок) сохранялись бровки. На периферии между радиальными устраивались хордовые бровки, а в случае необходимости – дополнительные бровки и разрезы. Грунт между конструкциями сразу выбирался до уровня предматерика[2]. Все планы и разрезы на кургане выполнялись в одном масштабе – 1:10. Таким образом, десятками сквозных разрезов оказались связаны все конструкции и погребения[3]. В ходе раскопок было установлено, что абсолютно все периферийные погребения бронзового века впускались в уже существовавшие насыпи, все каменные «завалы» устраивались внутри могильных ям: на перекрытиях каменных ящиков, деревянных рам или заплечиков, а выше ямы засыпались землей. Однако это надежно фиксируется только при наличии разрезов по грунту, перекрывающему эти каменные «завалы». В большинстве случаев хорошо заметный материковый суглинок из верхней части выкида целиком уходил на засыпку пространства между каменным ящиком и стенками ямы. После укладки поверх ящика плит и каменного «завала» яма засыпалась оставшимся однородным гумусированным грунтом. В отсутствие бровок даже хорошая горизонтальная зачистка не помогла бы выявить контур этих могильных ям на уровне выше каменных «завалов» (рис. 1, *3–6*).

[1] Отчет о раскопках в 1993 году кургана Занозина балка 1 (курган Могильный) передан в научный архив Института археологии РАН, остальные материалы готовятся к передаче на архивное хранение

[2] При этом была установлена возможность использования экскаватора средних размеров. Это существенно ускоряло работы, в то же время позволяя сохранять все камни in situ. Грунт выбирался по секторам, начиная с центра кургана с переносом отвалов на периферию.

[3] На сегодняшний день задача детальной графической фиксации с дополнением разрезов и планов в поле существенно упрощается использованием технологии фотограмметрии (например, Agisoft Metashape).

Литература

Гумилевский И.С. 1952. Отчет о раскопках кургана № 1 на Константиновском плато близ города Пятигорска в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 580.

Гумилевский И.С. 1958. Отчет о раскопке кургана № 2 на Константиновском плато близ города Пятигорска, июль – октябрь 1952 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1495.

Кореневский С.Н. 1988. Нежинские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод // Археологические источники. М.

Кореневский С.Н. 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.

Кореневский С.Н. 2011. Раскопки курганов Предкавказья // Методика полевых археологических исследований. Вып. 3. М.

Крупнов Е.И., Козенкова В.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М., Виноградов В.Б. 1967. Отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3293.

Марковин В.И. 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II-е тыс. до н.э.) // МИА. Вып. 93. М.

Марковин В.И. 1999. Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. М.

Ртвеладзе Э.В. 1967. Отчет о раскопках кургана на Константиновском плато у г. Пятигорска в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3230.

АНАПСКАЯ 9 – НОВЫЙ МОГИЛЬНИК РАННЕЙ БРОНЗЫ
(предварительное сообщение)

Крутоголовенко К.А.[1], Плотников А.А.[2], Мокрушин В.П.[3]
[1]Краснодарское краевое отделение ВООПИиК, г. Краснодар
[2]ООО «Кубаньархеология», г. Краснодар
[3]НАО Наследие Кубани, г. Краснодар

В 2023 г. на грунтовом могильнике Анапская 9 в Краснодарском крае раскопано поселение и погребения эпохи бронзы, перекрытые некрополями эпохи средневековья и раннего железа.

На поселении зафиксировано более 200 хозяйственных ям. Находки в них типичны для майкопской культуры (Крутоголовенко и др., 2025. С. 15–22). В заполнении ям (около 20) обнаружены погребения людей, похороненные в скорченном положении, а также несколько индивидов в неестественных позах.

Также исследованы девять погребений эпохи бронзы, вне хозяйственных ям. Насыпи над ними не обнаружены, но на исходное наличие курганных насыпей указывают косвенные признаки: конструкции могил характерные для подкурганных погребений, бытовые и погребальные комплексы, диаметрально отдаленные от погр. № 26 и №111 (рис. 1, *7а*) и т. п. Курганные насыпи были, очевидно, уничтожены поздними перекопами и плантажной распашкой.

Конструктивные особенности погребений №№ 27, 42, 48, 113 указывают на то, что они, с большей долей вероятности, могли не иметь насыпей вовсе. Инвентарь обнаружен лишь в трех захоронениях: №№ 26, 48, 82.

Погребение № 27. Расчищены кости ног, уложенные вправо, отдельные ребра и позвонки. Судя по останкам, взрослый человек был погребен скорчено головой на ЮЗ (рис. 1, *1*).

Погребение № 42. Подросток погребен скорчено на правом боку головой на юг. Правая рука согнута, кисть под нижней челюстью, левая – согнута под прямым углом (рис. 1, *2*).

Погребение № 113 совершено на правом боку с разворотом влево. Череп покоится на плоском камне и ориентирован на юго-восток. Руки согнуты под прямым углом, кисти – в области живота. Перед черепом обнаружен комок охры и камень, на котором лежала кость животного (рис. 1, *3*). Погребение принадлежало женщине возрастом 30–50 лет. Среди её останков антропологом отмечены кости ребенка 3–5 лет.

Погребение № 48 (рис. 1, *4*). Погребение принадлежит взрослому индивиду, похороненному в положении скорчено на правом боку головой на юг. Руки согнуты, кисти возле нижней челюсти. За черепом располагался лепной горшок, имеющий на плечике ручку-налеп, состоящий из трех пальцевидных выступов (рис. 1, *5*).

Погребение № 82 (рис. 1, *8*) было перекрыто каменным закладом. Могила прямоугольной формы (по дну – 2,10×1,53 м), вытянута по линии север-юг, стенки обложены камнем. На дне могильной ямы отмечена вымостка из щебня – серого мергеля. На камнях заклада найдена костяная проколка (рис. 1, *9*), два зуба КРС (возможно, из слоя поселения). В яме головой на юг погребен мужчина 30–39 лет, в положении скорченно, на спине и с разворотом вправо – скелет 1 (ск. 1). Череп покоился на плоском камне. Локоть правой руки отведен к востоку, кисть – на «животе», кости левой руки смещены. У восточной стенки могильной ямы, обнаружены переотложенные кости двух взрослых индивидов возрастом 35–49 лет (ск. 2 и 3). Возможно, их переместили в сторону в ходе совершения погребения ск. 1. Между ними и ск. 1 найдены астрагал (таранная кость) коровы и астрагал овцы (рис. 1, *9*).

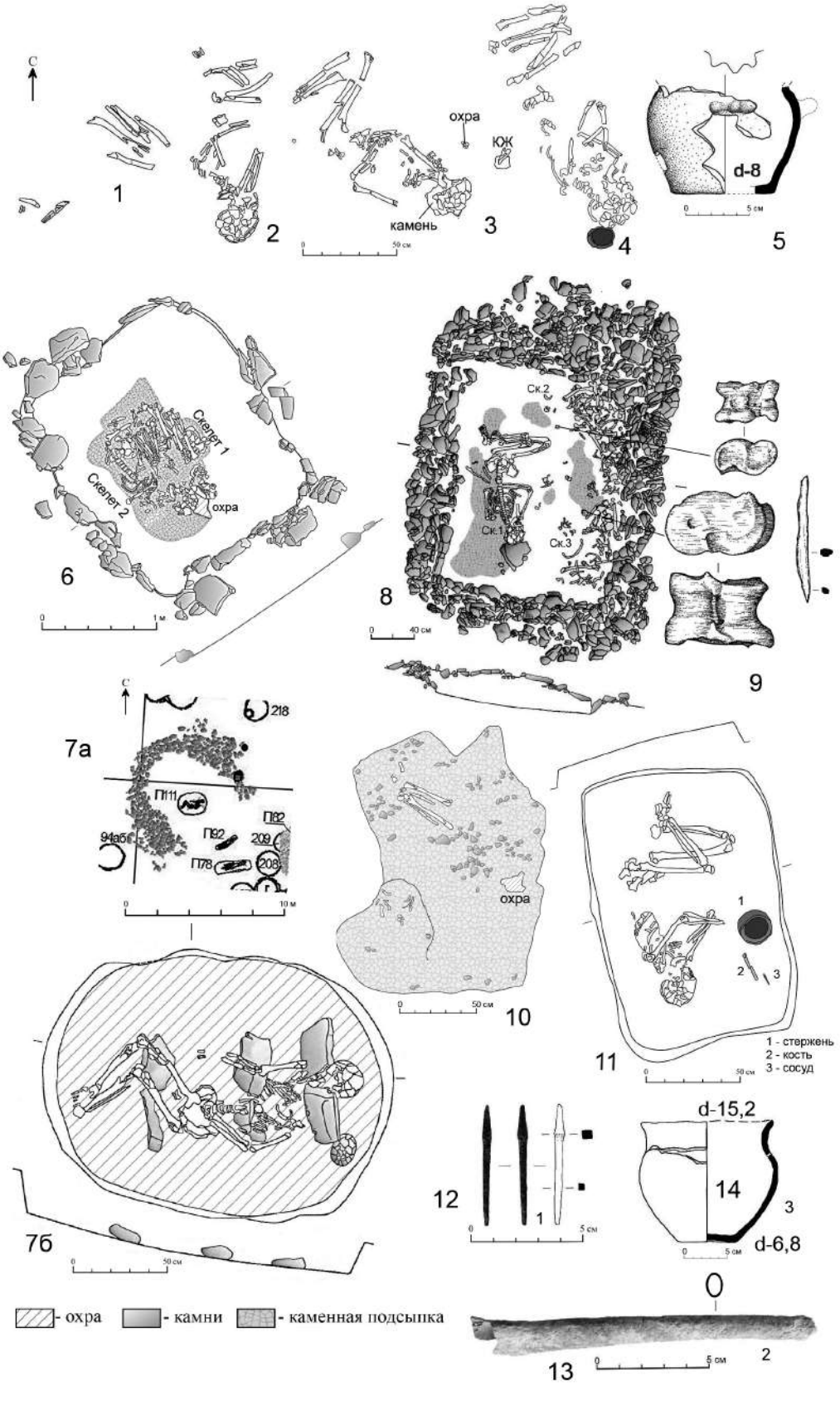


Рис. 1. Могильник Анапская 9. 1 – погребение 27, 2 – погребение 42, 3 – погребение 113; 4–5 – погребение 48, 6 – погребение 83, 7а – кромлех и погребение 111 на общем плане, 7б – погребение 111, 8 – погребение 82, 9 – находки из погребения 82, 10 – погребение 96, 11 – погребение 26, 12–14 – находки из погребения 26; 5, 14 – глина; 9, 13 – кость; 12 – бронза

Погребение № 96 (рис. 1, *10*) находилось под захоронением 82, ниже его дна на 6–15 см. Расчищена аморфной формы площадка из мергелевого щебня (1,72×1,15 м). На ней отмечены отдельные позвонки с обломками ребер, уложенные влево кости ног и пятно охры. Судя по останкам, взрослый человек был похоронен скорчено головой в южный сектор.

Погребение № 83 (рис. 1, *6*) совершено в обложенной камнем квадратной яме (2,2×2,2 м), где головами на юго-восток уложены останки 2 человек старше 45 лет. Черепа смыкались, между ними пятно охры. Ск. 2 (мужчина) скорчен на правом боку с наклоном влево. Руки уложены перед «грудью». Перед ск. 2 находились останки мужского ск. 1, уложенного «пакетом». Череп лежал на основании. Рядом лежали крылья таза, на них параллельно уложены бедренные кости, далее к востоку – две берцовые. За ними, примыкая к ск. 2 и частично его перекрывая, компактно размещены кости рук, а также малые берцовые кости, ребра и позвонки.

Погребение № 26 (рис. 1, *11*) взрослый человек погребен в положении скорчено на правом боку, головой на юг в подпрямоугольной яме, размерами 1,5×1,0 м. Левая рука вытянута к востоку, правая – согнута, кисть под челюстью. Инвентарь: стержень бронзовый (рис. 1, *12*), трубчатая кость животного (рис. 1, *13*), горшок лепной (рис. 1, *14*). Стержень с выделенным упором притупленной головки мог представлять собой стрекало – инструмент, используемый при перегоне скота (Отрощенко, Черных, 1998).

Погребение № 111 обнаружено в центре каменного кромлеха подковообразной формы (рис. 1, *7а*). Диаметр 9,6–7,6 м. На нижнем уровне низа камней, при зачистке горизонта пятно ямы не фиксировалось.

Погребение принадлежит взрослому человеку, который был погребен в скорченном положении на спине с наклоном вправо, головой на восток (рис. 1, *7б*). Могильная яма имеет размеры 1,88×1,39 м. Череп и полусогнутые ноги развернуты вправо, правая рука направлена к коленям, у левой – кисть на тазу. Слева от черепа лежал камень яйцевидной формы (20×15 см). Все дно ямы покрыто слоем охры. Ниже скелетных останков обнаружены шесть каменных плит, которые лежали по две в ряд, перпендикулярно туловищу погребенного индивида. Очевидно, что это основание истлевшего помоста, на котором покоился погребенный.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что в положении скорчено, головой в южном секторе, совершены восемь погребений. У восьми скелетов кости ног сильно согнуты, пятки подтянуты к тазу; восемь – уложены на правом боку либо на спине, но с наклоном вправо (у погр. № 96 – кости ног уложены влево), черепа всех погребенных покоятся на правом виске. Такое трупоположение, в целом, характерно для МНО (Мунчаев, 1975. С. 320; Кореневский, 2004. С. 19). Наличие красной охры отмечено в четырех могилах. У трех могильных ям были выделены углы. Две из них, обложенные камнем, содержали вторичные погребения. Головы двух погребенных покоились на камнях

Основания трех могильных ям были покрыты мелкими камнями. Вымостка галькой, может быть одним из признаков позднего периода бытования майкопской культуры (Кореневский и др., 2024. С. 25).

Оба сосуда из погр. № 26 и № 48 не имеют лощения. Сосуд (рис. 1, *14*) из погр. № 26 подобен сосудам типа IA, предложенным к выделению А.Д. Резепкиным (Резепкин, 2012. С. 57–58. Рис. 26, *1*) для новосвободненских «кубков». Однако, такие сосуды известны также и на майкопских памятниках (Кореневский, 2004. С. 62).

Кости животных – не частая, но хорошо известная находка в майкопских и «ямно-майкопских» погребениях (Кореневский, 2012. С. 29–31).

Среди перечисленных погребений выделяется погр. № 111, совершенное в яме овальной формы, выкопанной с уровня дневной поверхности, окруженной каменными скоплениями и с ложем, на котором покоился погребенный. При этом для этого погребения могут быть отмечены, такие признаки, как ориентация погребенного головой на восток, положение скорченно на спине, наличие кистей рук у таза, наличие охры, покрывавшей всё дно могильной ямы. Эти признаки могут быть связаны с древнеямной погребальной традицией, а возможно, с

протоямным[1] (энеолитическим) обрядом, чему не противоречит наличие подковообразных кромлехов. Также следует отметить, что индивиды, похороненные в погребениях № 82 и № 113, имели аналогичное трупоположение на спине с разворотом в правую сторону (рис. 1, *3, 8*).

Территориально рассмотренные захоронения относятся к псекупскому варианту МНО (Кореневский, 2004), сложные пути формирования и развития которого, кроме прочего, демонстрируют «ямное» влияние (Кореневский, 2004. С. 32).

Литература

Кореневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы и Предкавказья. М.

Кореневский С.Н. 2012. Новые источники о курганном обряде эпох энеолита – раннего периода бронзового века из Ставрополья // Проблемы археологии Кавказа. М.

Кореневский С.Н., Березин Я.Б., Лычагин А.В. 2024. Майкопские курганы на кавминводах. Новые данные // АВЕС. Саратов. Вып. 20.

Крутоголовенко К.А., Плотников А.А., Мокрушин В.П. 2025. Грибовидные очажные приставки-конусы ранней бронзы из раскопок могильника Анапская 9 // XII Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар.

Мунчаев Р.М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Отрощенко В.В., Черных Л.А. 1998. Стрекала как орудия труда и атрибуты власти // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-на-Дону.

Резепкин А.Д. 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.

[1] Малое количество и скудность инвентаря, в рассмотренных погребениях, добавляют долю условности в выводы о их принадлежности к определенному периоду. После датирования естественно-научными методами, возможны некоторые уточнения по отдельным комплексам.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕРНОЙ СТОЯНКИ В ГРОТЕ АХЦУ В 2024–2025 ГОДАХ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Кулаков С.А.[1], Цюань Цянькун[2], Барков Д.А.[3], Гиря Е.Ю.[1], Жамбровская С.А.[3], Кизилов А.С.[4]

[1]Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
[2]Школа археологии, Дзилиньский университет, г. Чанчунь, КНР
[3]Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
[4]Субтропический научный центр РАН, г. Сочи

Работа подготовлена в рамках госзадания FMZF-2025-0007

Пещерная стоянка в гроте Ахцу, расположенная в Адлерском р-не г. Сочи, была открыта А.С. Кизиловым в 2014 г. (Кулаков и др., 2016). В 2015 г. Причерноморская экспедиция ИИМК РАН произвела разведочные работы. Поставленный шурф-зачистка показал, что в гроте сохранилась уникальная стоянка финального палеолита – мезолита, 3-х метровая пачка пещерных отложений содержит четыре культуросодержащих уровня, давших обильные находки артефактов и фаунистических остатков. Первые даты по C_{14} подтвердили предположения о возрасте памятника (Кулаков и др., 2017).

В 2024-2025 гг. Совместная российско-китайская Причерноморская экспедиция ИИМК РАН начала планомерное изучение пещерной стоянки Ахцу. К шурфу 2015 г. был прирезан раскоп 01, площадью более 8 м^2, в северной половине пещерных отложений, южная стена раскопа – начало генерального продольного разреза памятника (рис. 1). Проведённые раскопки стоянки полностью подтвердили наблюдения 2015 г. об открытии нового памятника финального палеолита – «начального» мезолита Северо-Западного Кавказа и дали весьма интересные результаты.

Полевые археологические исследования пещерной стоянки в гроте Ахцу показали присутствие в пещерных отложениях не только культуросодержащих слоёв, но и наличие подлинного культурного слоя, насыщенного находками артефактов и фауны.

Культуросодержащий слой 9 содержит свидетельства первоначального заселения грота в конце плейстоцена, более 15 тыс. лет тому назад.

Культуросодержащий слой 6, подстилающий культурный слой 5, даёт следы начального использования карстовой полости человеческими коллективами в конце плейстоцена.

Культурный слой 5, давший основную массу находок, при малой мощности и огромной насыщенностью артефактами и фауной свидетельствует о долговременном проживании человеческих коллективов в гроте в конце плейстоцена, начале голоцена на протяжении сотен лет.

Культуросодержащий слой 3 является верхней частью культурного слоя 5, которая в голоцене была сильно обводнена и пропитана известью. Затем после высыхания эта часть слоя 5 сцементировалась и превратилась в брекчию, которая очень удачно перекрыла, забронировала и сохранила культурный слой от дальнейшего разрушения.

Культуросодержащий слой 2 пока даёт данные о довольно редких посещениях убежища в какой-то неблагоприятный период начала голоцена.

К сожалению, бронь слоя 3 распространялась не на всю площадь отложений в гроте, что привело к частичному разрушению культурного и культуросодержащих слоёв. Артефакты и фаунистические остатки были переотложены в гораздо более поздний слой 1. Найденные в слое 1 фрагменты керамики свидетельствуют о посещении грота людьми в эпоху бронзы.

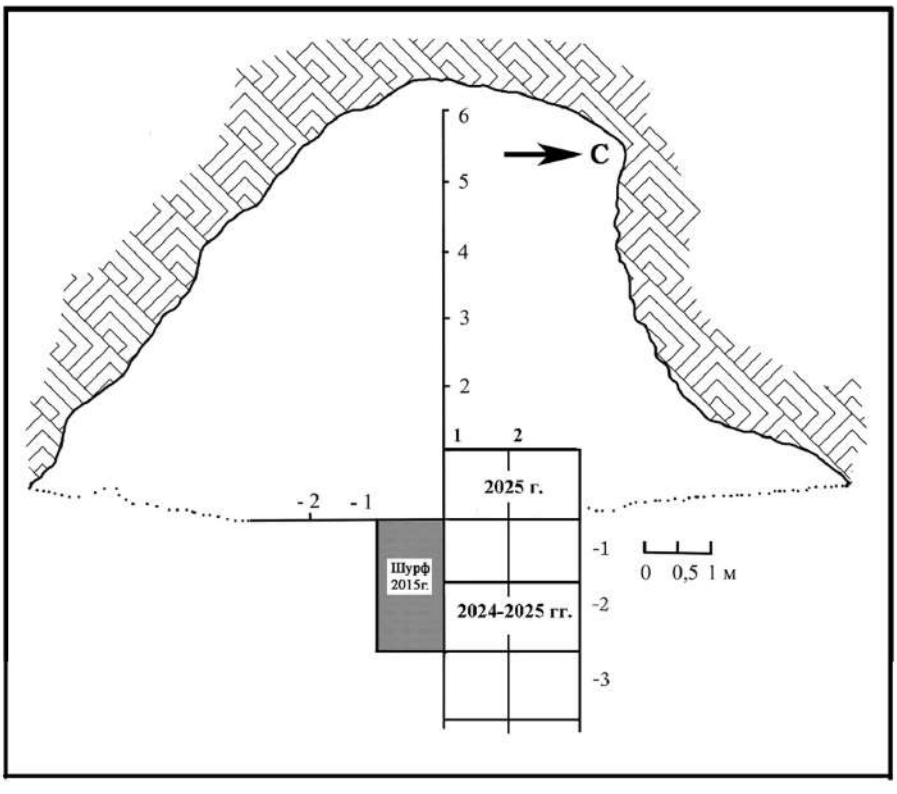


Рис. 1. План грота Ахцу, расположение раскопов

Каменная индустрия пещерной стоянки Ахцу происходящая из всех слоёв рассматривается в рамках одной микролитоидной традиции, существовавшей в Восточном Причерноморье очень долгое время (Кулаков, Дятлов, 2018).

Литература

Кулаков С.А., Дятлов А.С. 2018. Некоторые данные по каменной индустрии грота Ахцу на Северо-Западном Кавказе // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Карачаевск.

Кулаков С.А., Дятлов А.С., Казарницкий А.А. 2017. Открытие нового памятника каменного века на Северо-Западном Кавказе // Труды V(XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул.

Кулаков С.А., Кизилов А.С., Дятлов А.С. 2016. Открытие нового памятника каменного века в Сочинском Причерноморье // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Грозный.

КАВКАЗСКИЕ МЕДНЫЕ СПЛАВЫ В ИЗДЕЛИЯХ БРОНЗОВОГО – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ КРЫМА: ГЕОХИМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кулькова М.А.[1], Кашуба М.Т.[1,2], Кульков А.М.[1,3]
[1]Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
[2]Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
[3]Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 22-18-00065-П

Проведенные комплексные междисциплинарные исследования древних металлических изделий из Крыма (типологические разработки, сопряженные с данными геохимического состава артефактов) позволили не только установить культурную атрибуцию того или иного предмета и определить центр металлопроизводства, но также выявить вероятные источники используемого рудного сырья.

Начало эпохи бронзы на территории Крыма (от последней четверти – конца IV тыс. до н.э.) ознаменовано появлением носителей ямной культуры, представленной на полуострове в основном курганными захоронениями (вопрос о наличии поселений этой культуры остается открытым). По данным ряда исследователей (Тощев, 2007. С. 24–93; Щепинский, 1985. С. 331–336; Щепинский, 2002), материалы крымских памятников отличаются от синхронных древностей степного Причерноморья наличием «кавказского импульса», особенно характерного для позднеямной (кеми-обинской) культуры.

Ранние находки в степном Крыму, относящиеся к ямной культуре, которые можно связать с регионом Кавказа, представлены, например, изделиями из «клада» Сенное (Белогорский район), находящимися в коллекции музея-заповедника «Неаполь Скифский» (Зайцев и др., 2024. С. 22, 54. Рис. 2. Ил. 23.1–23.3). Предметы выполнены из «чистой» меди с небольшой примесью мышьяка (0,15–0,40%), их можно отнести к мышьяковой меди. «Клад» Сенное представляет собой единовременную находку трех предметов (тесло и два шила). На основе морфологии тесла «клад» Сенное был отнесен к концу раннего – началу среднего бронзового века или к первой половине III тыс. до н.э. и связан с кавказско-степными металлургическими центрами.

Другие изученные изделия представлены находками из курганов ямной культуры. Так, бляшки с пуансонным узором (погр. 11) и нож (погр. 12) из кургана 1 могильника Желябовка (раскопки 1986 г.) соответствуют мышьяковой бронзе с содержанием As 0,54–1,51 мас. %. По данным изотопного состава (Pb-Pb) эти образцы близки к рудам Радужного, Тенадонского и Девдоракского месторождений Северного Кавказа (Кулькова и др., 2024. С. 144 сл.).

Для металлических находок из курганов позднеямной (кеми-обинской) культуры отмечаются некоторые отличия по составу. Состав сплава ножа из погр. 5 кургана 3 могильника Перепелкино (раскопки 1980 г.) соответствует мышьяковой бронзе (As 1,55–2,24 мас. %) с включениями в ней капель билина (Ag 83,8 мас. %; Cu 16,62 мас. %). По данным изотопного анализа свинца образец относится к рудам Северного Кавказа, как и фрагменты прямоугольной пластины с пуансонным узором и пронизей из раннекатакомбного комплекса – погр. 4 кургана 1 могильника Фрунзе (раскопки 1984 г.). Одинаковый состав сплава предметов из

разных погребений позднеямной (кеми-обинской) культуры свидетельствует об изготовлении по одинаковой технологии, в одном металлургическом центре и использовании одних и тех же источников руды, что предполагает налаженные и устойчивые производственные связи в этот период.

Ранний этап среднего бронзового века (вторая четверть – середина III тыс. до н.э.) характеризуется развитием катакомбной культурно-исторической общности, с которой тесно связана северокавказская культурой, оставленной степными скотоводческими общностями Предкавказья. В степной зоне Крыма к находкам этой культуры можно отнести ножи ее раннего этапа. Они представлены экземплярами небольшого размера с ромбовидной и/или треугольной формой клинков (Зайцев и др., 2024. С. 23, 24, 63, 64). По составу ножи изготовлены из мышьяковой меди (бронзы). Для некоторых ножей из этих медных сплавов отмечается присутствие остатков штейна, что свидетельствует о выплавке меди из сульфидных руд. Для отдельных находок (шилья), отнесенных к этому периоду, характерен сплав, состоящий из плохо очищенной меди (As, Pb), полученной из сульфидных руд, а также сплавы низколегированной оловом бронзы. Нужно отметить, что в восточной части Северного Кавказа оловянные бронзы начинают появляться с середины III тыс. до н.э. (Эрлих, Гак, 2020. С. 36 сл.). В Закавказье сплавы с оловом появляются в III и преобладают во II тыс. до н.э. Геохимические исследования шила из погр. 17 кургана 36 могильника Красновка (раскопки 1973 г.) катакомбной культуры показали, что состав шила соответствует мышьяковой бронзе, с содержанием As до 1,83 мас. %. По изотопному составу сплава было установлено, что использовались руды из Северо-Кавказского региона (Кулькова и др., 2024. С. 144–147).

В начале позднего бронзового века (первая треть II тыс. до н.э.) на территории Крыма появляются и получают широкое распространение бронзовые изделия из северо-причерноморских очагов (с лобойковско-голоуровскими традициями, новыми красномаяцким и рышештским очагами). Это было обусловлено появлением в Крыму носителей восточно-европейской срубной и северо-причерноморской сабатиновской культур, а позже, в последние века II тыс. до н.э. – белозерской культуры. В этот период связи с Кавказским регионом практически прекращаются.

Переход от эпохи бронзы к железному веку и начало железного века (X–VIII вв. до н.э.) отмечены резкими изменениями культурно-исторического развития и появлением новых культур, носители которых вели кочевой образ жизни (Кашуба, Кулькова, 2023. С. 200 сл.). Захоронения воинов с конской упряжью IX–VIII вв. до н.э. связаны с присутствием в Крыму кочевников-«киммерийцев» раннего железного века. Анализ сплавов бронзовых изделий конского снаряжения, найденных на разных памятниках новочеркасского периода на территории Крыма (Льговское, Кубалач/Сенное), а также случайных находок «киммерийской» узды выявляет разнообразие составов, связанное с функциональным назначением изделий, источниками рудного сырья и технологиями металлообработки. Различия в составе сплавов удил и псалиев из проанализированных комплексов свидетельствуют о разных металлургических традициях и многообразии торговых (обменных) связей. Изделия могли выплавляться из сульфидных, медно-цинковых, полиметаллических руд, а также руд грейзеновых месторождений Северного Кавказа и Карпато-Дунайского бассейна, а также включать переплав и использование лома. Присутствие цинка в некоторых изделиях указывает на возможные контакты с регионами, где разрабатывались полиметаллические руды – например, Закавказьем (Кулькова и др., 2025. С. 79–85).

Редкие находки на полуострове представлены типичными изделиями кобанской культурно-исторической общности Северного Кавказа. Комплект украшений из Бахчисарайского района (булавка, цепь, фибула) изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы (Зайцев и др., 2024. С. 49, 68, 159. Илл. 10). Булавка изготовлена из высоколегированной мышьяком бронзы, в которую был добавлен чистый касситерит, а для изготовления цепочки и фибулы использовались оловянно-свинцовые руды с высоким процентом свинца. Булавка по составу близка к одной из проанализированных «киммерийских» блях. К VIII в. до н.э. обитавшие в

Крыму кочевники-«киммерийцы» имели налаженные контакты с северокавказскими мастерскими, работавшими на разных источниках кавказского сырья, что характеризует хорошо налаженное юго-восточное направление связей.

Таким образом, по данным химического состава медно-бронзовых сплавов изделий из Крымского полуострова можно отметить, что наиболее интенсивные связи с Кавказским регионом имели место в раннем – среднем бронзовом веке, а также в начале железного века.

Литература

Зайцев Ю.П., Кашуба М.Т., Кулькова М.А., Кульков А.М., Тихомиров В.А., Шкрибляк И.И. 2024. Металлические изделия эпохи бронзы – раннего железного века из фондов музея-заповедника «Неаполь Скифский». Находки случайного депонирования (2015, 2018–2023 гг.). СПб.

Кашуба М.Т., Кулькова М.А. 2023. Междисциплинарные исследования погребений ранних кочевников («киммерийцев») на западе «Великой степи» (обзор до 2020-х гг.) // Археологические вести. Вып. 40.

Кулькова М.А., Васильева И.М., Плоткина Ю., Кашуба М.Т., Кульков А.М., Кожуховская Ю.В. 2024. Вероятные источники металла изделий из памятников раннего бронзового века Крымского полуострова по данным химического и изотопного (Pb-Pb) составов // Геоархеология и археологическая минералогия-2024: Материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием имени профессора В.В. Зайкова. Миасс–Челябинск.

Кулькова М.А., Кашуба М.Т., Кульков А.М., Тихомиров В.А. 2025. Химический состав «киммерийского металла» как индикатор межкультурных взаимодействие в начале железного века // Археология Евразийских степей. 2025. № 4.

Тощев Г.Н. 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье.

Щепинский А.А. 1985. Кеми-обинская культура // Археология Украинской ССР. Т. I. Первобытная археология. Киев.

Щепинский А.А. 2002. Памятники кеми-обинской культуры (Свод археологических источников). Запорожье.

Эрлих В.Р., Гак Е.И. 2020. Древнейшие оловянные бронзы на Северо-Западном Кавказе. Новые данные // Восток (Oriens). № 5.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОСТЯНЫХ РЕТУШЕРОВ БАРАКАЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Куприянова М.Д., Иванов Я.Д., Беляева Е.В.
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 23-78-10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности»

До начала XX века древнейшие находки костяных орудий связывались только с эпохой верхнего палеолита, но открытые в ходе исследования материалов Ля Кина многочисленные костяные изделия и другие фаунистические остатки со следами воздействия человека продемонстрировали использование этого материала и в среднем палеолите (Henri-Martin, 1906). К числу первых орудий, выделенных по следам износа, относятся ретушеры, в качестве которых, как показывают материалы стоянки Ля Кина, использовались самые разные фрагменты твердых органических материалов: расколотых эпифизов и диафизов трубчатых костей, черепов, челюстей оленя, зубов лошади (Verna, d'Errico, 2011).

С открытием и изучением новых среднепалеолитических памятников обнаружение таких изделий происходило на разных территориях, в том числе они были обнаружены в пещерных комплексах Кавказа: в Баракаевской (Филиппов, Любин, 1994) и Мезмайской пещерах, пещере Матузка (Голованова, 2017).

Однако существенной проблемой в изучении среднепалеолитических костяных изделий выступает их сохранность, которая становится самостоятельным аспектом изучения. Повреждения поверхностей и краёв часто могут исказить представления о костяной индустрии или уничтожить следы её существования на памятнике. В этом контексте материалы Баракаевской приобретают особую ценность, поскольку здесь было выделено 110 костяных ретушеров, характеризующихся хорошей сохранностью поверхностей. В качестве заготовок, для этих орудий использовались осколки, в 20 случаях с оббивкой краев, для формирования аккомодационной части, в 46 случаях с подскабливанием, используемым для подготовки поверхности.

Методика их изучения включает трасологическое исследование для дифференциации следов и экспериментальную проверку гипотез об образовании их различных генераций, что в совокупности позволяет реконструировать цепочку производства и обосновать варианты приемов изготовления и использования орудий (Щелинский, 1983). Современные методические подходы для изучения ретушеров, включающие в себя трёхмерную геометрическую морфометрию, позволяют уточнить вариабельность и технологию использования ретушеров среднего палеолита (см. The Application of Geometric-Morphometric…, 2020).

На основе различий характера износа, в коллекции выделяются пять функциональных групп, по А.К. Филиппову: 1) ретушеры-отбойники (интенсивная краевая ретушь); 2) отбойники для подправки (кратковременное использование, подправки заранее отретушированного лезвия); 3) орудия для точечного ретуширования (прицельный отжим выпуклыми участками кости); 4) орудия для снятия фасеток (износ на краевых и концевых участках); 5) ретушеры с подготовкой поверхности (следы скобления) (Филиппов, Любин, 1994. С. 142).

На проверку и уточнение функциональной интерпретации коллекции ретушеров Баракаевской стоянки с помощью анализа влияния кинематики и степени сработанности на

формирование зон износа и была направлена экспериментальная работа. В ходе которой ставились задачи поиска подходящей кинематики для более эффективной работы; проверки гипотез о функциональном назначении каждой категории предметов; анализа влияния продолжительности работы на диагностичность износа, подработки поверхности кости (скоблением) на эффективность работы.

В качестве заготовок для экспериментальной работы мы использовали продукты расщепления метаподиальных костей лося в свежем, варенном и подсушенном в условиях комнатной температуры виде. Дополнительными контролируемыми параметрами выступали продолжительность работы, выбор заготовок (по форме обломка, длине, весу), участок кости (плоская, выпуклая поверхность; расположение относительно губчатого вещества; у края или в центре осколка), угол и сила удара.

В ходе экспериментов проводилось несколько серий работ по нанесению краевой ретуши, прицельному снятию чешуек краем ретушера, а также отжиму чешуек выступающими участками кости, отдельно рассматривались различные способы ударного ретуширования, отжима.

Полученные данные свидетельствуют об эффективности использования ретушеров в ударной кинематике, для прикраевой плоской ретуши, а также прицельного снятия чешуек на немассивных заготовках, подновления режущей кромки с заранее подготовленных площадок.

Таким образом, выяснение функции среднепалеолитических ретушеров становится важным проводником в вопросе реконструкции особенностей бытования древнего человека, вторичной обработки каменных изделий, позволяет отразить более полный облик индустрии за счет единого восприятия ее компонентов. Совокупность анализа количества ретушированных орудий, каменного дебитажа и наличие галечных ретушеров, отражает место костяных орудий в индустрии как ситуативных инструментов, использующихся для подправки кромок в технике, сочетающей использование каменного отбойника и более легкого, подручного костяного.

Литература

Голованова Л.В. 2017. Костяные изделия в среднем и верхнем палеолите Кавказа // КСИА. Вып. 246.

Филиппов А.К., Любин В.П. 1994. Костяные ретушеры из мустьерского слоя и пространственное распространение культурных остатков // Неандертальцы Гуппского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп.

Щелинский В.Е. 1983. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Л.

Verna C., d'Errico F. 2011. The earliest evidence for the use of human bone as a tool //Journal of human evolution. Vol. 60 (2).

Henri-Martin L. 1906. Maillets ou enclumes en os provenant de la couche moust´erienne de la Quina (Charente) // Bulletin de la Société préhistorique de France. N. 3(4).

Kolobova K., Rendu W., Shalagina A., Chistyakov P., Baumann M., Koliasnikova A., Kovalev V., Krivoshapkin A. 2020. The Application of Geometric-Morphometric Shape Analysis to the Middle Paleolithic Retouchers from Altai // Quaternary International. № 559.

КАРТА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В.И. МАРКОВИНА

Осипова Е.В.
Институт востоковедения РАН, г. Москва

Владимир Иванович Марковин (1922–2008 гг.) – археолог, доктор исторических наук, чье научное наследие, включая полевые отчеты и публикации, по сей день является опорой для современных специалистов, занимающихся разными хронологическими периодами истории и археологии Кавказа.

Научная деятельность В.И. Марковина была обращена на изучение широкого круга археологических памятников: палеолитические стоянки, погребальные сооружения (дольмены, каменные склепы), поселения, памятники башенной архитектуры и наскального искусства и др. Ученый принимал участие в исследованиях и дискуссиях, связанных с северокавказской культурно-исторической общностью, дольменной и каякентско-харачоевской культурами, внес значительный вклад в изучение истории и культуры вайнахов. Им также были предложены методы изучения дольменных памятников, комплексов башенной и боевой архитектуры и петроглифов.

Данная работа не ставит задачу подробно описать вклад В.И. Марковина, поскольку он неоднократно освещен его коллегами (Мунчаев, 2004; Кореневский, 2004; Амирханов, 2006. С. 3–5), и самим ученым в своей автобиографической публикации (Марковин, 1998). Однако, визуализация в виде карты полевых экспедиций, в которых принимал участие В.И. Марковин в течение своей научной деятельности, является актуальной задачей. Отметим, что на карте представлены основные экспедиционные пункты (с 1948 г.), упоминаемые в полевых отчетах археолога и его учителей (К.Ф. Смирнова, Е.И. Крупнова) (рис. 1).

Географию полевых исследований В.И. Марковина можно дифференцировать в соответствии с темами исследований. На Западном Кавказе (бассейны рек Краснодарского края и Адыгеи) основное внимание уделялось мегалитическим сооружениям. В течение продолжительного времени велись работы по исследованию погребальной и фортификационной архитектуре (каменные склепы, башенные комплексы) Центрального Кавказа (преимущественно на территории Чечни и Ингушетии). Горные районы Дагестана открыли В.И. Марковину местонахождения петроглифов, которые были впоследствии детально зафиксированы археологом. Кроме этого, важным являются упоминания об археологических разведках В.И. Марковина, проведенных на завершающем этапе экспедиционной деятельности в северо-восточной части Прикаспия.

Таким образом, полевыми исследованиями В.И. Марковина была охвачена значительная часть Кавказского региона. Одним из значимых вкладов ученого является создание основ для дальнейшего изучения разнообразных археологических памятников Кавказа. Современные экспедиции опираются на данные, полученные В.И. Марковиным в ходе полевых работ. Опубликованные им материалы – планы, рисунки, чертежи – зачастую являются единственными документальными свидетельствами памятников, уже разрушенных или поврежденных в последние десятилетия. Подготовленная карта наглядно демонстрирует не только масштаб работ В.И. Марковина, но и перспективы дальнейших исследований.

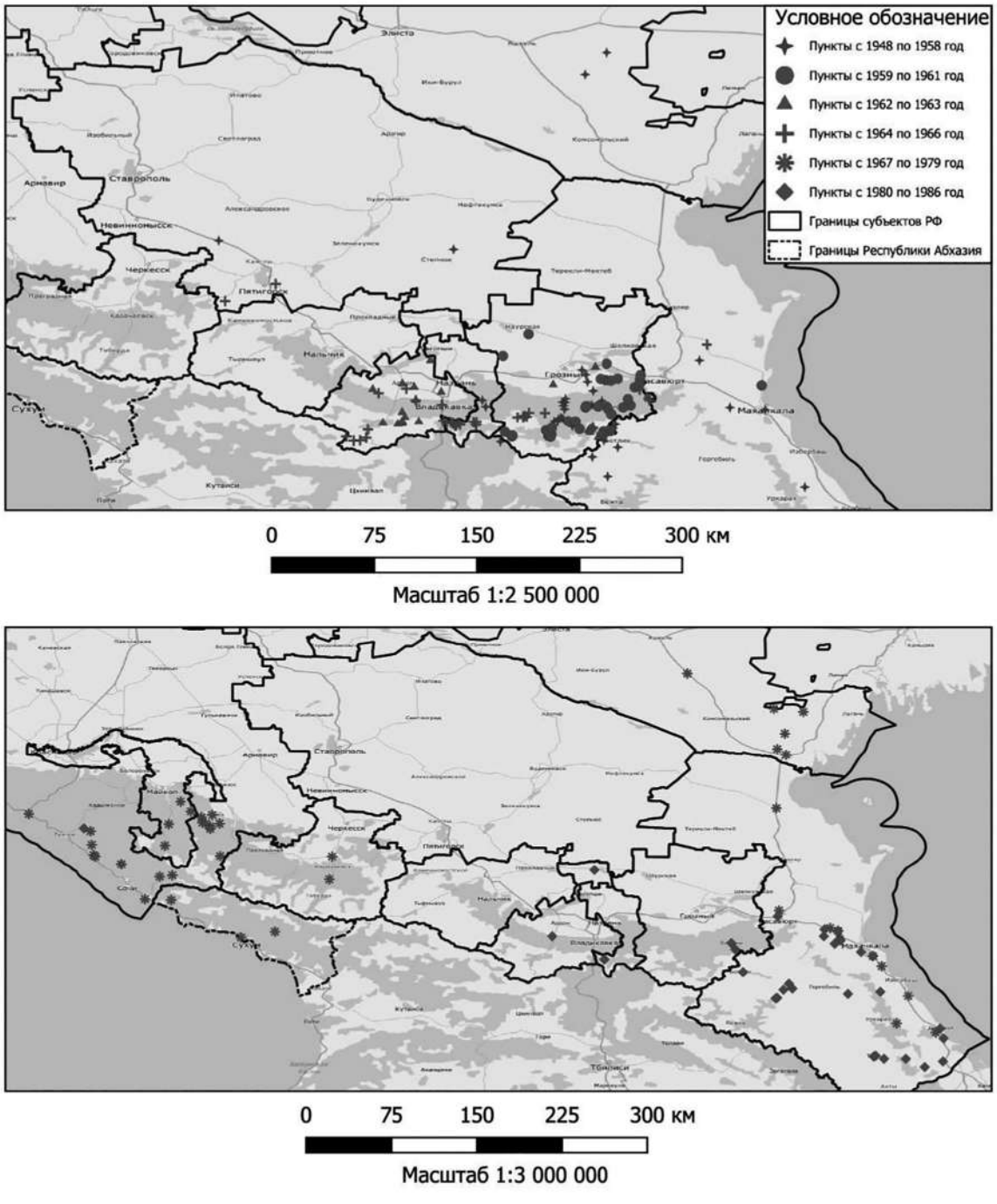


Рис. 1. Карта археологических памятников, в исследовании которых принимал участие В.И. Марковин

Литература

Амирханов Х.А. 2006. Слово об авторе и его книге «Наскальные изображения предгорий Дагестана» // Наскальные изображения предгорий Дагестана. М.

Кореневский С.Н. 2004. Марковин Владимир Иванович – художник-пейзажист Дагестана // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.

Марковин В.И. 1998. Моя жизнь // Древности Северного Кавказа: Сборник статей к 75-летию Марковина Владимира Ивановича. Махачкала.

Мунчаев Р.М. 2004. Марковин Владимир Иванович. Страницы жизни и творчества // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.

КИНЖАЛЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Пелих А.Л.
Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

На территории Кавказа и Предкавказья к северу от Главного Кавказского хребта и к западу от верховьев р. Кубань (далее – бассейн р. Кубани) встречаются кинжалы и обоюдоострые (двулезвийные) ножи позднебронзового времени (далее – ПБВ), которые по их происхождению можно разделить на две основные группы: кавказские и степные восточноевропейские.

На современном этапе их изучения более четкие схемы развития, соотнесенные с абсолютной хронологической шкалой, есть для кинжалов и ножей степного восточноевропейского происхождения. Всего в бассейне р. Кубани найдено не менее 20 подобных предметов и часть одной литейной формы.

Исходя из схемы В.С. Бочкарева, выделившего этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы (Бочкарев, 2017. С. 159–204), кубанские обоюдоострые ножи и кинжалы степных форм, датирующиеся поздним бронзовым веком, разбиваются на ряд хронологических групп (периодов металлопроизводства). При этом ранние (I–III) периоды южно-восточноевропейского металлопроизводства представлены на Кубани предметами, которые для региона Северного Кавказа можно скорее трактовать как промежуточные между периодами средней и поздней бронзы.

IV период металлопроизводства по схеме В.С. Бочкарева соответствует ранней сабатиновской культуре и ахметовскому этапу прикубанского очага металлургии и металлообработки (далее – ПОММ) (Бочкарев, Пелих, 2008. С. 64–6). Он маркируется присутствием в регионе двулезвийных ножей и кинжалов с клинком остролистной формы, с нервюрой, с четко выраженным перехватом и подромбическим плоским перекрестием на узком черенке (клад Батарейка, погребение у г. Крымск, возможно, из музея г. Кропоткин). Это каневский тип по классификации И.Ж. Тутаевой (Тутаева, 2014. С. 23–30). А также наличием двулезвийных ножей и кинжалов с клинком остролистной формы, с нервюрой и кольцевидным упором в основании черенка, отделенным от клинка шейкой (случайные находки из Майкопа и Новороссийска) – кабаковский тип по И.Ж. Тутаевой. Синхронны таким клинкам двулезвийные ножи с клинками остролистной и лавролистной формы, с нервюрой, с плоским черешком с параллельными сторонами без перехвата, плавно переходящим в клинок (клад Батарейка). Они близки КТР Н-10 по Е.Н. Черныху (Черных, 1976. С. 114. Табл. XXXIV, *19–23*).

V период металлопроизводства по В.С. Бочкареву соответствует поздней сабатиновской культуре и удобненскому этапу ПОММ. Он представлен на Кубани клинками макеевского типа по И.Ж. Тутаевой (ножи и кинжалы с клинком лавролистной формы, с нервюрой и кольцевидным упором в основании черенка, отделенным от клинка шейкой) из погребений у ст. Удобная). Также к этому периоду, возможно, относятся часть литейной формы для изготовления кинжалов с упором с поселения на р. Пшиш и случайная находка ножа с поселения Чишхо.

VI период металлопроизводства соответствует раннему этапу белозерской культуры и бекешевскому этапу ПОММ. К нему относится клад из ст. Курчанская с клинком макеевского типа.

Суммарно к VI–VII периодам металлопроизводства, синхронным белозерской культуре и бекешевскому и ольгенфельдскому этапам ПОММ, относятся черенковые ножи, клинки которых имеют параллельные, уплощено-ромбовидные в сечении лезвия (погребения Михайловского, Пролетарского, Степного I могильников).

Кинжалов эпохи поздней бронзы кавказских форм из бассейна р. Кубани известно не менее 15. Они разнообразны. За основу их классификации взята схема западнокобанских кинжалов по В.И. Козенковой (Козенкова, 1995. С. 45–52). Абсолютное большинство кубанских кинжалов кавказских форм относится к подгруппе А и один – к подгруппе Б.

К начальным этапам ПБВ относится клинок типа I,1 подгруппы А: без черешка, с закругленным верхом, треугольной формы с прямыми лезвиями, закругленным острием, уплощенно-линзовидный в сечении, с отверстиями для крепления рукояти (курган ст. Чамлыкская), который можно датировать в пределах середины – третьей четверти II тыс. до н.э.

Началом ПБВ (протокобанским периодом, сопрягаемым с сабатиновской культурой степей и ахметовским-удобненским этапами ПОММ) можно также определить, на основании, в частности, материалов центральнокавказских могильников Адайдон и Верхняя Рутха, кинжал из кургана 7 у ст. Андрюки: с черешком, вытянуто-треугольной формы с прямыми лезвиями, с продольным выступающим ребром посередине лезвия, с нервюрой, уплощенно-линзовидный в сечении (тип II,3 подгруппы А: здесь и далее – по В.И. Козенковой).

Удобненским этапом ПОММ датируются клинки типа II,3 подгруппы А из погребений 1 и 2 у ст. Удобная: с черешком, клинок вытянуто-треугольной формы с прямыми лезвиями, сечение лезвия уплощенно-ромбовидное, с отверстиями для крепления рукояти. Исходя из большей или меньшей схожести с описанными удобненскими, близким временем (но с учетом возможного хронологического люфта вверх и вниз) должны датироваться однотипные кинжалы из кургана 8 у ст. Андрюки, из погребения с р. Гоначхир, из музея Нижнего Архыза (2 шт.) и, возможно, из собрания Зичи.

Бекешевским этапом ПОММ датируется кинжал из эпонимного клада: с черенком, клинок треугольной формы с прямыми лезвиями, сечение лезвия уплощенно-линзовидное, с отверстиями для крепления рукояти (тип II,1 подгруппы А). А также кинжал из клада у ст. Упорная: цельнолитой, с подтреугольным плоским клинком, уплощенно-линзовидным в сечении, рукоятка стержневидная с брусковидным навершием и подтреугольным перекрестием (тип I подгруппы Б), имеющий закавказские параллели.

Бекешевским и ольгенфельдским этапами ПОММ датируется клинок из Ростовского клада кубанского происхождения: без черешка, клинок вытянуто-треугольной формы с прямыми лезвиями, сечение лезвия уплощенно-линзовидное, с отверстиями для крепления рукояти (тип I,1 подгруппы А). С ним можно сблизить клинок из музея Нижнего Архыза, отличающийся от ростовского более вытянутой формой и уплощенно-ромбовидным сечением.

Ольгенфельдский этап ПОММ представлен кинжалами из эпонимного клада: клинок без черешка, с закругленным верхом, подтреугольной формы (резко расширяющийся кверху), заостренным острием, с отверстиями для крепления рукояти, сечение клинка в виде удлиненного ромба. Это – типичные западнокобанские кинжалы, тип I,2 подгруппы А. Однотипен с ними кинжал из ст. Смоленская.

Очевидно, что на основании кубанских материалов необходимо расширение схем кавказских кинжалов типов I и II подгруппы А по В.И. Козенковой.

Литература

Бочкарев В.С. 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. № 2.

Бочкарев В.С., Пелих А.Л. 2008. К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культу-

рах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.): Тез. докл. Междунар. науч. конф. Владикавказ.

Козенкова В.И. 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ; Вып. В2-5, 4. М.

Тутаева И.Ж. 2014. Металлическое клинковое оружие эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья // IX Междунар. археолог. конф. студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: Материалы конференции. Ростов-на-Дону.

Черных Е.Н. 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКОВ КОНСТАНТИНОВСКОГО ТИПА: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Писарик Д.А.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Нижнее Подонье традиционно являлось контактной зоной различных культурных традиций. Период позднего энеолита – раннего бронзового века не был исключением. В это время в Подонье и Подонцовье в результате кавказского влияния формируются памятники константиновского типа, в которых проявляются местные и южные признаки. Несмотря на всю значимость данного феномена, на протяжении уже долгого времени в историографии отсутствует консенсус относительно их культурной принадлежности.

Изучение данных памятников, в первую очередь, связано с именем В.Я. Кияшко, который рассматривал их в рамках самостоятельной синкретической константиновской культуры (далее – КК), сложившейся в результате смешения пришлых кавказских и местных нижнедонских степных элементов (Кияшко, 1974. С. 164). Первоначально она датировалась началом последней четверти III тыс. до н.э., а в более поздних работах – IV тыс. до н.э. (Кияшко, 2013. С. 10).

Очерчивая круг памятников КК, В.Я. Кияшко изначально указывал на собственно Константиновское поселение, энеолитический слой поселения Ливенцовское I и погребения V группы (Кияшко, 1974. С. 104–114). Позднее к ней были отнесены энеолитический горизонт поселения Самсоновское и слои 6 и 7 поселения Раздорское-I, а погребения, в соответствии с переработанной классификацией, соотносились уже с III группой (Кияшко, 1994. С. 76, 77). Ареал КК, таким образом, был локализован на обширном пространстве Подонья и Подонцовья.

С момента выделения КК факт ее существования оспаривался некоторыми исследователями. Так, Д.Я. Телегин рассматривал памятники константиновского типа в рамках отдельной локальной группы среднестоговской культуры, хотя и указывал на значительные отличия нижнедонских энеолитических материалов от типичных среднестоговских Поднепровья (Телегін, 1973. С. 24–27). В последующих работах исследователь, с одной стороны, согласился с выделением КК, с другой – по-прежнему относил памятники ее круга к среднестоговской культуре, отмечая недостаточную конкретизацию константиновского феномена (Телегин, 2001. С. 8, 29).

С выводами Д.Я. Телегина согласился и С.А. Телиженко. Он сопоставил керамический комплекс энеолитического слоя поселения Клешня-3 на Северском Донце с изделиями Константиновского поселения, однако соотнес этот слой с дереивским этапом среднестоговской культуры (Теліженко, 2004. С. 114–157). С.А. Телиженко было выдвинуто предположение о том, что подобные поселения занимали носители среднестоговской культуры, которые на позднем ее этапе подверглись влиянию с юга, что, по его мнению, имело вторичный характер и не указывает на какой-либо синкретизм.

Подобные выводы исходят из специфики константиновских памятников Подонцовья, а также неверного понимания автором стратиграфии поселений Раздорское-I и Константиновское.

В историографии памятники константиновского типа соотносились не только со среднестоговской и константиновской культурами. С.Н. Кореневский включил их в кумо-ма-

ныческую периферию майкопско-новосвободненской общности, определив их как синкретические ямно-майкопские (Кореневский, 2006. С. 36–39). По мнению исследователя, они отражали результат майкопских влияний и миграций в северных степях, что подтверждается погребениями, в которых «ямная поза» сочетается с престижным инвентарем майкопско-новосвободненской общности, и поселениями Раздорское-I и Константиновское, где обнаружены майкопская керамика и глиняные конусы (Кореневский, 2004. С. 94).

С кумо-манычской периферией майкопско-новосвободненской общности памятники константиновского типа связывал и В.С. Яценко. Рассматривая их погребальные комплексы, исследователь выделил для территории междуречья Дона, Маныча и Еи группу погребений Э-III, которую по ряду элементов обряда (погребальная конструкция, керамика, импортные предметы престижа, расположение вещей в могиле) сближал с памятниками основного ареала майкопско-новосвободненской общности. «Немайкопский элемент» в таких захоронениях автор видел в ориентировке и положении погребенного, а также в некоторых категориях инвентаря, что, в свою очередь, связывал с памятниками животиловско-волчанского типа или «ящичными захоронениями» Крыма (Яценко, 2014. С. 57–69).

Дальше всех в этом направлении пошел В.А. Дергачев, который выделил памятники типа Койсуг-Константиновка среди майкопских монокультурных комплексов, являвшихся результатом переселения носителей майкопской культуры при сохранении их культурных доминант (материальной культуры, погребальной традиции и т.п.) (Дергачев, 2022. С. 254, 255).

Тем не менее, ряд исследователей все же придерживается мнения о принадлежности данных памятников к КК. Например, Н.С. Котова, в общих чертах соглашаясь с выводами В.Я. Кияшко, конкретизировала степную подоснову культуры как дереивскую и датировала ее периодом 3850–3350 гг. до н.э. (Котова, 2014. С. 147–151).

Особое внимание исследователями уделялось проблеме погребального обряда КК. Так, Ю.Я. Рассамакин рассматривал подобные захоронения в рамках II погребальной традиции азово-черноморских степей, датируя культуру в пределах IV тыс. до н.э. (Rassamakin, 2004. S. 211–218). Иную схему предложил А.В. Файферт, который сопоставил погребения константиновской культуры с IV обрядово-стратиграфической группой, выделив два основных типа захоронений и три стратиграфических горизонта (Файферт, 2009. С. 236–245; Файферт, 2017. С. 491, 492;). Ее границы исследователем были определенны районом от р. Тузлов до р. Кагальник, включая нижнее течение р. Северский Донец, а также нижнее течение р. Сал на левобережье р. Дон (Файферт, 2017. С. 99–104).

Таким образом, памятники константиновского типа связывались исследователями с тремя различными культурами – с собственно константиновской, с майкопской или ее периферией и со среднестоговской.

Нам представляется, что верной является точка зрения об отнесении памятников константиновского типа к одноименной культуре. Нельзя согласиться с исследователями, включающими их в периферию майкопско-новосвободненской общности или же в майкопскую культуру непосредственно. Само понятие «кумо-манычская периферия майкопско-новосвободненской общности» достаточно абстрактно – оно искусственно объединяет несколько различных культурных традиций. Материальный комплекс КК хоть и отражает результат кавказских влияний на местное степное население, все же оригинален, типологически отличен от майкопско-новосвободненского и связан с местными производственными традициями, хотя имеются и отдельные импорты. Вместе с тем, КК генетически не связана с последующей ямной (Файферт, 2017. С. 108), что также не позволяет считать ее памятники «ямно-майкопскими» (Кореневский, 2006. С. 53–54). Материалы погребальных комплексов и данные стратиграфии поселений могут свидетельствовать о том, что константиновские традиции некоторое время сосуществовали с ямной культурой, которая, в конечном счете, и сменила их.

Неправомерна и атрибуция константиновских памятников как среднестоговских. Несомненно, что КК генетически связана с поздней среднестоговской, однако для нее характерен

отличный материальный комплекс, в котором сочетаются как нижнедонские, так и кавказские традиции. Синкретизм прослеживается не только в керамике III группы, но и в сосудах I и II групп, выделенных по материалам Константиновского поселения. Особое значение имеют т.н. очажные подставки. Показательны также металлические орудия и оружия, произведенные из кавказского металла и морфологически схожие с майкопскими. С южным регионом связаны и кремневые вкладыши, асимметричные наконечники стрел. Помимо этого, у КК имеется свой выразительный погребальный обряд, нехарактерный для памятников Поднепровья.

Не менее важными являются и данные стратиграфии бытовых комплексов – в первую очередь, поселения Раздорское-I, где хорошо прослеживается смена среднестоговского горизонта константиновским. Более того, материалы его константиновских слоев однородны, что не позволяет говорить о «раннем» и «позднем» этапах развития культуры. Наконец, стоит отметить, что материалы верхнего и нижнего горизонтов культурного слоя самого Константиновского поселения не имеют отличий, при этом слой не потревожен, что особо подчеркивал В.Я. Кияшко (Кияшко, 1974. С. 34).

Литература

Дергачев В.А. 2022. Позднее Триполье – Майкоп (с каталогом погребальных комплексов позднего Триполья). Кишинёв.

Кияшко В.Я. 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону.

Кияшко В.Я. 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тыс. до н.э.) // Донские древности. Вып. 3. Азов.

Кияшко В.Я. 2013. Энеолит и период ранней бронзы // Археология Нижнего Дона. Ростов-на-Дону.

Кореневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.

Кореневский С.Н. 2006. Северная, кумо-маныческая периферия майкопской культуры и ее восточно-европейский (ямный) компонент // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области: сборник научных трудов. Оренбург.

Котова Н.С. 2014. Дереивская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев–Харьков.

Телегін Д.Я. 1973. Середньостогівська культура епохи міді. Київ.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. 2001. Среднестоговская и Новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона // Археолого-антропологический анализ материалов и каталог памятников. Луганск.

Теліженко С.А. 2004. Клешня-3 – пам'ятка з керамікою костянтинівського типу на Сіверськодонеччині // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Збірник науковых праць №3. Луганськ.

Файферт А.В. 2009. Погребальный обряд константиновской культуры по данным стратиграфии // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2009 г. Вып. 25. Азов.

Файферт А.В. 2017. Ранний этап ямной культуры эпохи бронзы Нижнего Подонья // Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону.

Яценко В.С. 2014. Памятники энеолита и раннего бронзового века междуречья Дона, Маныча и Еи. Ростов-на-Дону.

Rassamakin Ju.Ja. 2004. Die nordpontishe Steppe in der Kupferzeit // Archaologie in Eurasien. Band. 17. T. I. Mainz.

ЗНАЧЕНИЕ ВОРОНОК В КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Рогудеев В.В.
ГАУК РО «Донское наследие», г. Ростов-на-Дону

Редкие воронки появляются в погребениях ямной культуры. Также они представлены в погребениях всех этапов средней бронзы, кроме самого позднего. Затем воронки исчезают из погребальных комплексов эпохи бронзы. Этот период совпадает со временем появления и широкого распространения скотоводства. На карте (рис. 1, *XII*) видно, что ареал воронок ограничен низовьями Дона, Волги и Предкавказьем. В основном, на позднем этапе, это территория западно-манычской и восточно-манычской катакомбных культур. В работе приведены воронки из опубликованных комплексов и воронки из обобщающих работ, без описания комплексов (Кияшко, 2002. Рис. 84; Шишлина, 2007. Рис. 70, 3–7; 83, 1–3). Часть неопубликованных погребений (по данным Н.М. Власкина) показаны на карте.

При анализе комплексов с керамическими воронками видно их большое разнообразие.

1. Воронки представлены в погребениях всех половозрастных и обрядовых групп катакомбного общества: взрослых и детей, мужчин и женщин; как в больших катакомбах с повозками (Элистинский, 5–9), в больших ямах (с перетяжками) «под повозки» (Чограй VIII, 18–4; Первомайский VII, 36–11), так и в простых катакомбах и ямах, в насыпи кургана; как с многочисленным инвентарем, так и с одной воронкой.

2. Воронки различаются друг от друга по размерам и орнаменту. В ранних комплексах больше воронок маленьких и без орнамента (рис. 1, *X, XI*). Единичный случай орнаментированной воронки (Манджикины-2, 11–2) (рис. 1, *VIII*). Поздние – большие чаши, часто с орнаментом, они стоят в одном ряду с богато украшенной столовой посудой. Эти поздние комплексы расположены по северной окраине манычских культур. О значении керамических воронок. Бытовое применение воронок – облегчение перелива жидкости в сосуды с узким горлом, но таковые неизвестны в этих культурах. Наиболее вероятно, они служили для перелива (молока) в кожаные бурдюки. То есть по какой-то причине эта «техническая» керамика изменилась до нарядной столовой посуды. Поиски информации по этому вопросу в археологии ничего не дало. Обратимся к этнографии кочевников и скотоводов. Ближе всего этнография якутов, где можно увидеть аналогии для отрасли хозяйства, связанного с переработкой молока. Это приготовление кумыса (кобылье молоко) и тарага (молоко всех видов скота) (Саввин, 1948. С. 117–138; Ушницкий, 2016. С. 99). По сведениям 18 века видно, что якуты сохранили язычество «покланяются идолам деревянным и берестяным, а паче солнцу, месяцу и огню» (Окладников, 1948. С. 32). Кумыс считался у якутов напитком и людей, и богов. При приготовлении и распитии кумыса (тарага) употреблялась разная утварь: ведра (берестяные и кожаные), деревянные воронки, мутовки, бурдюки, кубки на ножке, ковши-черпаки, чаши на низком поддоне и т.д. Воронка, с мутовкой внутри, вставлялась в горловину бурдюка. Молоко разбавлялось водой и взбалтывалось мутовкой или раскачиванием бурдюка. Закваску готовили из молока и копченного сухожилия животного, которое, иногда, разбивали колотушкой. Ритуальная связь животного с молоком. Кумысная утварь считалась ритуальной и лучше украшалась (Петрова, 2004). Видимо, ритуальные действия охватывали все производство напитка, от свежего молока до распития кумыса (тарага). Один раз в год, в июне, знатный человек, приготовив достаточно кумыса, собирал весь свой род на праздник и приглашал шамана (Окладников, 1948. С. 45–46).

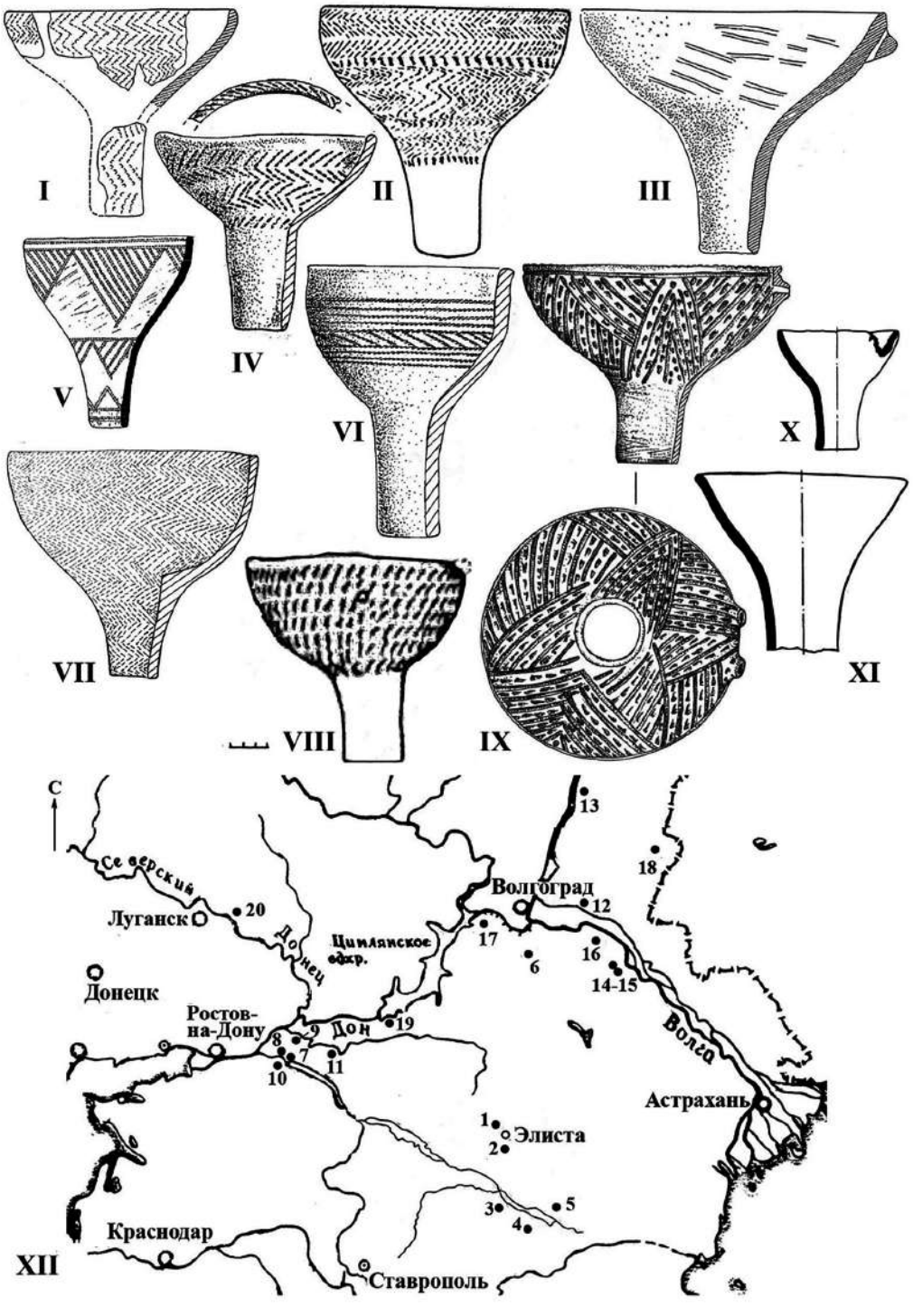


Рис. 1. I – Соленовская, к. 1, п. 6; II – там же, к. 1, п. 19; III – там же, к. 3, п. 8; IV – Кривая Лука XXI к. 1, п. 19; V – Первомайский II, к. 36, п. 11; VI – Эльтон, к. 10, п. 11; VII – Старица, к. 30, насыпь; VIII – Манджикины-2, к. 11, п. 2; IX – Маленький I, к. 2, п. 14; X – Чограй VIII, к. 12, п. 6; XI – там же, к. 18, п. 4; XII – карта-схема с указанием памятников: 1 – Элистинский: 1–3, 5–9, 27–1; 2 – Кермен-Толга: 26–1; 3 – Зунда-Толга-3: 1–9; 4 – Чограй VIII: 12–6, 18–4; 5 – Манджикины-2: 11–7; 6 – Цаца: 3–1; 7 – Спорный: 2–49; 8 – Шахаевская II: 1–8; 9 – Сагванский I: 9–6; 10 – Колдыри: 17–3, 21–8; 11 – Комаров I: 1–1; 12 – Ленинск: 3–4; 13 – Быково I: 14–5; 14 – Кривая Лука XII: 2–12; 15 – Кривая Лука XXI: 1–19; 16 – Старица: 30, насыпь; 17 – Первомайский VII: 36–11; 18 – Эльтон: 10–11; 19 – Соленовская: 1-6; 1–19; 3–8; 20 – Маленький I: 2–14

Таблица 1. Комплексы с воронками

Могильник	Погребение	Инвентарь
Элистинский, к. 1 п. 3	Катакомба, взросл, скорч, лев бок, на В.	Воронка, горшок, нож
Элистинский, к. 5 п. 9	Катакомба, повозка с вещами во входной яме, взросл скорч лев бок на В.	Воронка, 4 выпрямителя стрел, 1 пест, 1 ступа, 1 сосуд, кости 2 быков и 1 сосуд у головы.
Элистинский, к. 27, п. 1	Катакомба, ребенок, вытянут, на Ю	Воронка, обломки горшка, 1 модель колеса, 8 альчиков.
Чограй VIII, к. 12 п. 6	Катакомба, взрослый, скорч, лев бок, на Ю.	Воронка, сосуд, курильница, костяное кольцо, 2 подвески в 1,5 оборота, 2 бусы, фр-т бронзы, кости птицы и овцы.
Чограй VIII, к. 18 п. 4	Катакомба, взросл скорч лев бок, на В. Вещи во входной яме.	Воронка, 2 кувшина, нож, кост шило, ступа, абразив, кости овцы.
Зундо-Толга-3, к. 1 п. 9	Катакомба, кенотаф	Воронка с валиком, 22 шт. костяных бус, комок охры
Кермен-Толга, к. 26 п. 1	Катакомба: 1 – взрослая женщина, скорч, лев бок, на ЮВ; 2– ребёнок, вытянуто, на ЮВ	Воронка, реповидный сосуд, курильница, горшок.
Спорный, к. 2 п. 49	Катакомба, взрослый, скорч, прав бок, на С	Воронка, курильница, нож, шило, пест
Шахаевская II, к. 1 п. 8	Катакомба, 1 – взрослый, скорч, прав бок, на Ю, 2 – взросл кости пакет на В	1 – реповидный сосуд, нож, шило, 2 – воронка, курильница, сосуд.
Быково, к. 14 п. 5	В насыпи, взрослый, скорч, лев бок, на ЮВ	Воронка
Первомайский VII, к. 36 п. 11	Яма большая, взросл, скорчено, левый бок, на СВ	Воронка, миска, сосуд
Соленовская, к. 1 п. 6	Яма большая, кенотаф	Воронка, сосуд, пест, 1 кремневая стрелка
Соленовская, к. 1 п. 19	Яма большая, кенотаф	Воронка, пест, 2 выпрям стрел, абразив, 24 кремневых отщепа.
Соленовская, к. 3 п. 8	Яма большая, кенотаф	Воронка, нож, шило, пронизь медная, пест, ступа, булава, кусок охры.
Маленький I, к. 2 п. 14	Яма маленькая, кенотаф	Воронка, сосуд, альчики, кусок охры, кусок каменного угля, шлак.

Вероятно, воронки, часть каменных орудий (разбивание сухожилий для закваски), нарядная посуда, также отражают ритуальность всего производства молочных напитков в катакомбных культурах. Разнообразие погребений с воронками отражает участие всех членов семейно-родового сообщества в религиозных праздниках. На позднем этапе эпохи средней бронзы вместе с воронками уходит и другая ритуальная керамика – курильницы, явно меняются религиозные представления. Воронки теряют сакральную значимость и исчезают из погребального обряда.

Литература

Кияшко А.В. 2002 Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.

Окладников А.П. 1948. К истории этнографического изучения Якутии. // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск.

Петрова А.Г. 2004. Кумысные сосуды чороны XVIII-XIX вв. (По материалам коллекций Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов) // Автореф. ... дис. канд. искусств. Улан-Удэ.

Саввин А.А. 1948. Якутский кумыс // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск.

Ушницкий В.В. 2016. Старинные технологии изготовления кумыса: якутский, тувинский и кыргызский опыт // Научное обозрение Саяно-Алтая. №4 (16).

Шишлина Н.И. 2007. Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетие до н. э.) // Труды ГИМ. Вып. 165. М.

КОСТИ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБЕНИЯХ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДОНА

Стеганцева В.Я.
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Исследование выполнено по теме государственного задания «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008)

Из этнографических данных известно, что при натуральном хозяйстве использовались все части туши животного, мясо, жир, кровь, субпродукты, сухожилия, кожа, шерсть, кости, рога и копыта. Разумеется, плоть животного не сохранялась в могиле, но кости использовались в полной мере: во-первых, как остатки напутственной пищи, а, во-вторых, как материал для различных поделок.

Более четверти учтенных погребений ранней и средней бронзы Левобережья Нижнего Дона содержали кости животных, которые являлись остатками заупокойной пищи. Подавляющее большинство из них (92 %) составляли кости мелкого рогатого скота: овец и коз. Кости крупного рогатого скота встречались не так часто (7,8 %). И еще реже, буквально в единичных случаях, случались находки костей лошади.

Костное сырье использовалось для изготовления инструментов, украшений, игровых наборов, амулетов, и, возможно, даже музыкальных инструментов. Кроме домашних использовались также и кости диких животных и речных обитателей. Следует отметить, что подготовка кости для облегчения ее обработки достаточно несложная. Необходимо продолжительное вымачивание в горячей воде, после этого кость режется довольно легко.

К инструментам можно отнести различные трубки, изготовленные из трубчатых костей. Среди них есть обрезанные с обоих концов перпендикулярно длине (рис. 1, *18*), некоторые обрезаны с одного конца перпендикулярно, а с другого наискосок (рис. 1, *11, 15*) (Парусимов, 1997а. С. 32–33. Рис. 32), проколки из локтевой кости овцы (рис. 1, *4*) и из расколотых трубчатых костей.

Встречаются пинцеты из костей овцы. Один из них был обнаружен в комплексе Лысянский II к. 1, п. 5 (Парусимов, 1997б. С. 20, 21. Рис. 29) (рис. 1, *12*). Это скол кости овцы, на одном конце которого сохранилась часть эпифиза, а другой конец был стесан и расщеплен. По форме предмет напоминает современную перьевую авторучку. Авторы раскопок считают, что это орудие использовали для нанесения орнамента.

Второй пинцет был обнаружен в комплексе Сагванский I к. 10, п. 7. Он был изготовлен из большой берцовой кости овцы. Дистальный эпифиз был сохранен, а проксимальная часть кости была утончена, срезана снизу, прорезана по центру на несколько сантиметров и пружинила при нажатии.

Известен отжимник из рога лося (Новопалестинский I к. 1, п. 9 – в комплексе с терочником, выпрямителями, 18 отщепами и пятью кремневыми пластинами) и отжимник из рога благородного оленя в погребении мастера-изготовителя стрел (Смирнов, 1983. С. 166).

В погребении Вшивый V к. 1, п. 14 была обнаружена кость овцы со следами обработки (рис. 1, *17*).

Не совсем понятно назначение костяных пластинок, изготовленных из продольно расколотого ребра животного. Внешняя сторона пластинки заполирована, другая – губчатая. В одном случае (Долгий к. 5. п. 9) пластинка размерами 138х12 мм лежала губчатой поверхностью вниз, посередине она была придавлена кучкой мелкого песка светло-серого цвета. В

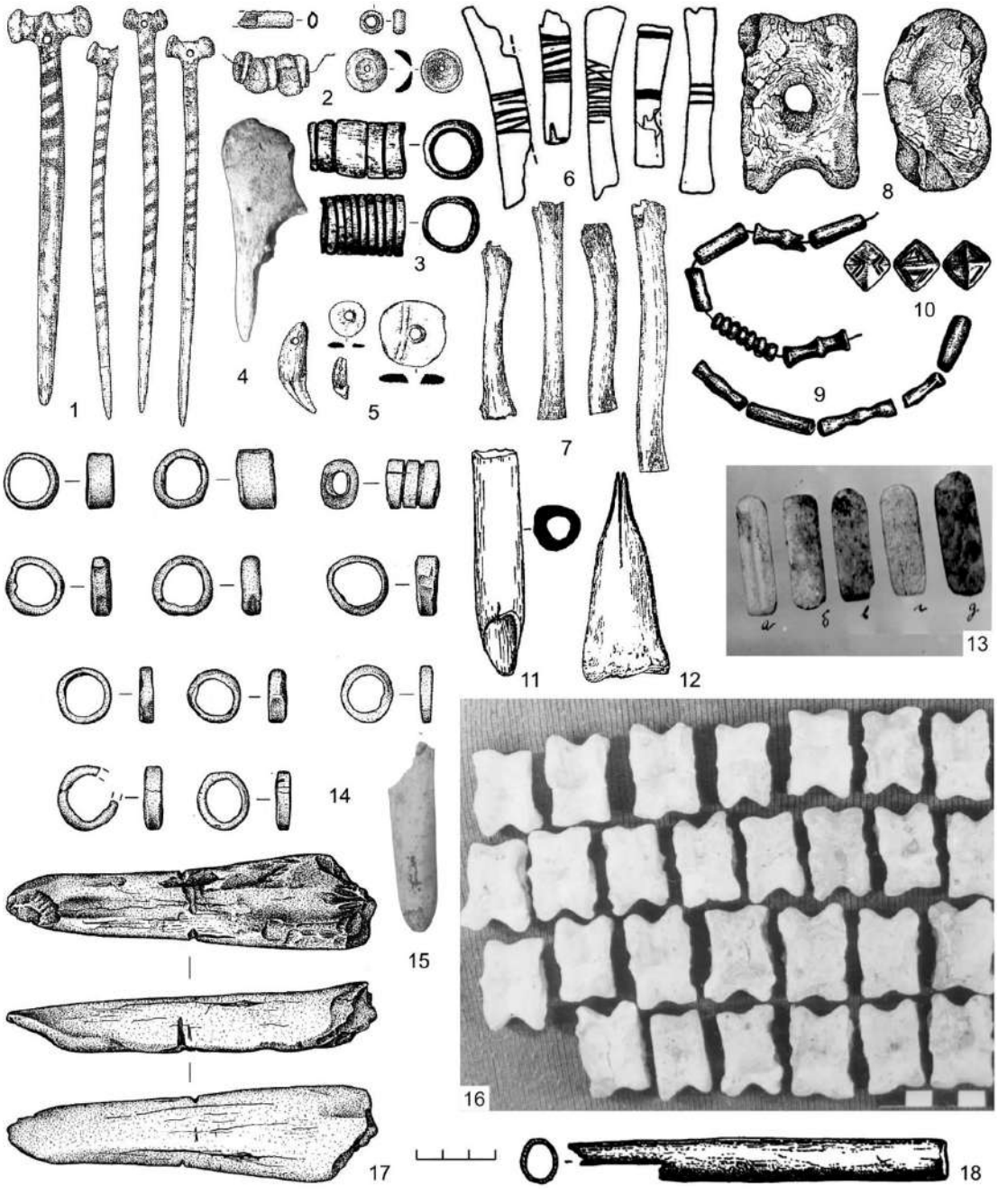


Рис. 1. Варианты использования костного сырья при изготовлении украшений и инструментов: *1* – роговые молоточковидные булавки (Воротилов I к. 1, п. 17); *2* – костяные трубочка и бусина, бусины из глоточных зубов ископаемой рыбы Sparus Spondilus (там же); *3* – пронизи, или заготовки для нарезания колец (Шахаевский II к. 6, п. 3); *4* – проколка из локтевой кости овцы (Кировский IV к. 1, п. 16); *5* – клыки хищника и диски из перламутра раковин с отверстием (Лысянский I к. 2, п. 6); *6* – полированные птичьи кости со срезанными эпифизами и росписью (из разных комплексов); *7* – птичьи кости с эпифизами, срезанными с одного конца (Лысянский II к. 1, п. 5); *8* – астрагал коровы с просверленным отверстием (Вшивый V к. 1, п. 15); *9* – пронизи (Шахаевский II к. 4, п. 3); *10* – игральная кость (там же); *11, 15* – трубочки (Прогресс I к. 2, п. 9; Криволиманский III к. 10, п. 10;); *12* – орудие (Лысянский II к. 1, п. 5); *13* – пластинки из продольно расколотого ребра животного, заполированные с гладкой стороны (Долгий к. 4, п. 8); *14* – кольца из трубчатой кости (Вшивый V к. 1, п. 14); *16* – астрагалы овцы (Долгий к. 4, п. 11); 17 – кость животного со следами обработки (Вшивый V к. 1, п. 34); *18* – трубка (Шахаевский II к. 1, п. 3)

другом случае (Долгий к. 4, п. 8) пять пластинок размерами 40–45×12–15 мм были уложены двумя парами в южном углу камеры, пятая пластинка лежала рядом с восточной парой, к северо-западу от нее и отделенная от пары пластинок кремневым двусторонне ретушированным изделием. Севернее западной пары пластинок находилась кучка песка, возможно, такого же мелкого, как и в комплексе Долгий к. 5, п. 9. Западнее пластинок находилась перевернутая курильница, на ней и вокруг пластинок лежали различные кремневые изделия, а под курильницей – пара «выпрямителей». Эта группа предметов составляла единый комплекс инструментов, в котором «выпрямители» могли выполнять функцию абразивов, а пластинки – функцию заглаживания и лощения, чему, вероятно мог способствовать мелкий песок.

В качестве украшений, возможно и амулетов, изготавливались роговые молоточковидные булавки (рис. 1, *1*), пронизи и кольца из трубчатых костей овцы (рис. 1, *3, 14*), более миниатюрные пронизки (рис. 1, *9*), бусы (рис. 1, *2*), клыки хищников, диски с отверстиями из перламутра речных раковин (рис. 1, *5*), глоточные зубы рыб Sparus spondilus (рис. 1, *2*). Молоточковидные булавки, клыки хищников, диски с отверстиями из перламутра чаще встречаются в погребениях ранней бронзы.

Во многих погребениях ранней и средней бронзы встречаются створки раковин Unio, как в целом, так и фрагментированном виде – в наборах инструментов мастеров-стрелоделов. Из подобных раковин изготовляли перламутровые бусы и бисер.

Изредка обнаруживаются бипирамидальные игральные кости с нарезками (рис. 1, *10*).

В погребениях ранней и средней бронзы находят овечьи, изредка – коровьи астрагалы (рис. 1, *16*). Иногда боковые грани у них опилены, возможно, для удобства игры, бывают просверленные отверстия (рис. 1, *8*). Количество астрагалов иногда очень велико: от 28 (Долгий к. 2, п. 12) до 84 (Долгий к. 5, п. 6) штук и даже до 121 экземпляра (Новый к. 131, п. 37). Чаще всего это детские погребения. Астрагалы в небольшом количестве могут лежать кучкой, но, когда костей этих артефактов много, они образуют целые «вымостки».

Интересным видом инвентаря являются полированные трубчатые птичьи кости (рис. 1, *7*) (Парусимов, 1997б. С. 20–21. Рис. 31). Один эпифиз у них ровно срезан, на этом конце находится полоска красного цвета. А.В. Кияшко рассматривает птичьи кости с обрезанными эпифизами и росписью красной краской (рис. 1, *6*) как одну из категорий инвентаря, сопровождавшей роговые молоточковидные булавки. Он проследил изменения в росписи птичьих костей по выделенным им хронологическим периодам. Простые горизонтальные полосы различной толщины I периода позднеямного – катакомбного времени во II и III периодах позднеямного – катакомбного и раннедонецкого времени дополняются наклонными и даже пересекающимися линиями (Кияшко 1999. С. 146, 148, 152), явно подражая орнаментам на булавках.

Немного удивляет небольшое количество предметов из кости в погребальном обряде ранней и средней бронзы Нижнего Дона. Скорее всего, в повседневной жизни кость как сырье использовали более разносторонне и интенсивно. Pars pro toto – с этим постоянно приходится иметь дело тем, кто изучает культуру по погребальным памятникам.

Литература

Ильюков Л.С. 2001. Редкий тип пояса с перламутровыми дисками из погребения бронзового века // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 г. Вып. 17. Азов.

Ильюков Л.С. 2009. Погребения эпохи ранней бронзы Лысянского могильника // Археологические записки. Вып. 6.

Кияшко А.В. 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.

Парусимов И.Н. 1997а. Раскопки курганов в 1987–90 гг. // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 2. Новочеркасск.

Парусимов И.Н. 1997б. Археологические раскопки в Ремонтненском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 1. Новочеркасск.

Смирнов Ю.А. 1983. Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона. М.

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЯЖКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧОГРАЙ VIII

Усачук А.Н.[1], Кравцова С.Л.[2], Мимоход Р.А.[3]
[1,3]Институт археологии РАН, г. Москва
[2]Ставропольский гос. историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, г. Ставрополь

В 1979 г. в зоне строительства оросительной системы (Арзгирский район Ставропольского края) М.В. Андреевой был раскопан курганный могильник Чограй VIII. В единственном погребении кургана 34 среди инвентаря была найдена роговая пряжка (Андреева, 1986. С. 231, 232). Уникальное изделие было вскоре опубликовано (Андреева, 1986) и на протяжении нескольких десятилетий привлекает внимание многих специалистов, став одной из немногочисленных кольцевидно-широкопланочных пряжек (Братченко, 1995. С. 14, 15), позже – пряжкой группы Чограй-Кевюды (Ч-К) (Калмыков, Мимоход, 2005. С. 223; Мимоход, 2013. С. 105) и получив уточнение культурной и хронологической атрибуции – раннелолинское время (Мимоход, 2013. С. 222).

При сборе и интерпретации трасологических данных по различным пряжкам конца средней – начала поздней бронзы (Усачук, 2007. С. 87– 88; и др.) ощущался пробел в том, что одна из наиболее выразительных пряжек не обработана (Усачук, 2007. С. 87-88; Мимоход, 2013. С. 105). Наконец в январе 2025 г. трасологический анализ чограйской пряжки был проведен в Ставропольском музее-заповеднике, где она хранится (использовался портативный микроскоп MG10085 Zoom 60x–100x). Был выполнен и новый рисунок изделия (рис. 1).

Пряжка сохранилась хорошо. В качестве сырья использован рог Cervidae. Мастер тщательно подошел к выбору заготовки – одинарной роговой пластины. Вполне вероятно, что использовался раскроенный роговой отросток, а не лопата лосиного рога.

Реконструируются первые операции изготовления пряжки: расчленение лосиного рога или участка ветвистых рогов других Cervidae (ср.: Бородовский, 1997. С. 85, 94, 98; Бородовский, 2007. С. 33), разделка полученного сырья, в процессе которой заготовка из двойной пластины (ср.: Бородовский, 1997. С. 86; Бородовский, 2007. С. 33, 34) раскраивалась на одинарные (ср.: Бородовский, 1997. С. 86, 98; Бородовский, 2007. С. 34, 35) и мастер выбирал из получившихся двух пластин ту, у которой оказался наиболее толстый слой компакты.

Пряжка вырезана при помощи металлического лезвия (скорее всего – нескольких лезвий). Вероятно, перед вырезкой сложного изделия сырье размягчалось. Следы резки сохранились в немногих местах. На тыльной стороне пряжки есть небольшой уступ в компакте, оставшийся во время остановки лезвия и перемене давления на материал при резке.

Для изготовления узких пропилов мастер использовал беззубцовое лезвие со сменой углов пиления-перетирания компакты. Только в одном месте сохранились чуть видимые следы абразива. Маленькие углубления в теле пряжки выполнены посредством аккуратного и внимательного сверления. Просмотр этих углублений под увеличением показал, что тонкое сверло мастер старался ставить перпендикулярно плоскости изделия. Судя по четкости стенок каналов, можно сказать, что применялось металлическое станковое сверло. Некоторые маленькие углубления с черно-зеленым оттенком на стенках (возможно, остатки красящего вещества). Углубления большого диаметра в центрах пар полукруглых выступов выполнены тоже сверлением, но затем мастер очень аккуратно расширил их кончиком острого лезвия на глубину до 0,1 см.

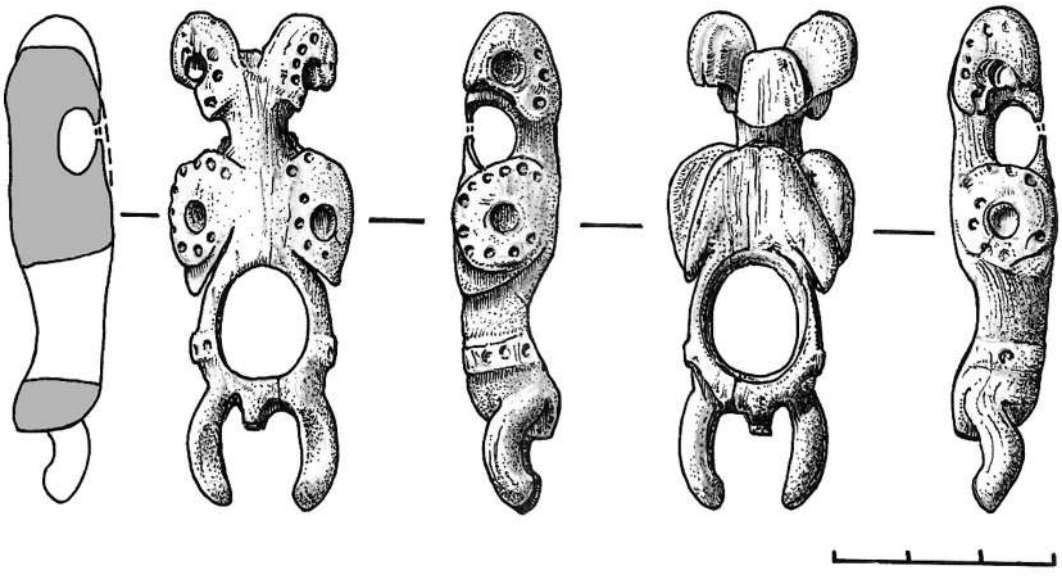


Рис. 1. Рисунок костяной пряжки из погребения 1 кургана 34 могильника Чограй VIII

На следы изготовления наложились интенсивные следы долгого использования (ср.: Андреева, 1986. С. 234). Пряжка оказалась сильно залощенной по всей поверхности (местами эта залощенность превратилась в заполировку). Больше следов заполированности фиксируется на внутренней стороне изделия. Края большого отверстия снаружи постепенно стерлись, заполирован и канал этого отверстия. Сильно стерся и орнаментированный поперечный выступ на торце большого кольца, и орнаментированные участки полукруглых выступов. Но наиболее сработан и разрушен участок небольшого поперечного отверстия в верхней части пряжки.

После трасологического изучения чограйской находки оказалось возможным сравнить процесс изготовления и использования пряжек типа Ч-К в целом (изучены три из четырех пряжек этого типа: Чограй, Кевюды, Темрта). Сырьем во всех случаях служила одинарная роговая пластина. Все мастера особо тщательно выбирали эти пластины – на изделиях нет участков губчатого слоя. Очевидно, заготовки размечались, а только затем мастера аккуратно расчленяли сырье. Судя по плавности и точности следов резки, мы делаем вывод, что полученные заготовки подвергались размягчению: термической обработке или вымачиванию в органических кислотах. На пряжках сохранились следы аккуратной резки острыми металлическими лезвиями. Кевюдский мастер задействовал и кремневое лезвие. Кроме того, мастера использовали и несколько разных сверл для различных операций. Кевюдский специалист умело применил метод последовательного сверления (Усачук, 2007. С. 87). Его темртинский коллега знал и применил этот же метод сверления, но не стал проводить его столь аккуратно и, можно сказать, изящно, как кевюдский. Впрочем, на наш взгляд, это сделано намеренно: некоторая «небрежность» пряжки из Темрты дает своеобразный эффект красоты этой вещи. Изготовление близкого на трех пряжках типа Ч-К точечного орнамента проведено двумя способами. На темртинской пряжке остались следы конического сверла, на чограйской – использовалось сверло, скорее всего, не коническое, а вот два больших и множество маленьких углублений на кевюдской пряжке изготовлены при помощи выборки компакты концом разных лезвий (Усачук, 2007. С. 87).

В целом, все мастера сделали свои пряжки очень аккуратно. Немного необычно, что на двух из прошедших трасологическое изучение пряжках типа Ч-К нет следов абразива, хотя при изготовлении чограйской пряжки такие следы отмечены (да и при изготовлении иных типов лолинских пряжек абразивы применялись). Возможно, аккуратность изготовления кевюдской и темртинской пряжек распространялась и на полную нивелировку следов

изготовления. Чографская пряжка выполнена тоже столь аккуратно, что следы абразива сохранились только в одном месте.

Высокий уровень «мастеров пряжек» проявляется и в нестандартном и уверенном подходе к решению возникающих только в процессе реального исполнения сложных изделий задач (Кевюды, Темрта). В отношении чографского мастера каких-либо изменений по ходу изготовления пряжки не отмечено, процесс шел последовательно и плавно, как задумывался, не требуя переделок. Но при всей опытности чографского мастера мы, анализируя его работу, пришли к выводу, что поперечное отверстие ему следовало чуть сместить вглубь пряжки, поскольку стенка этого отверстия на внутренней стороне изделия оказалась чрезвычайно тонкой и через какое-то время частично сломалась (рис. 1).

На всех трасологически проанализированных экземплярах пряжек типа Ч-К сохранились следы долгой эксплуатации. Об этом свидетельствует не только заполированность и завальцованность пряжек, но и частичная обесцвеченность (высшая форма заполировки костяных предметов) некоторых участков поверхностей изделий, сильное «стаивание» компакты от долговременного трения о мягкий материал. Более интенсивная сработанность всех пряжек фиксируется на их внутренних сторонах. Реконструирование характера крепления всех изделий типа Ч-К подразумевает их использование в виде поясных пряжек и здесь новые трасологические данные по чографской находке не вступают в противоречие с ранее изученными кевюдской и темртинской пряжками.

Литература

Андреева М.В. 1986. Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополья // СА. № 2.

Бородовский А.П. 1997. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск.

Бородовский А.П. 2007. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск.

Братченко С.Н. 1995. Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. СПб.

Калмыков А.А., Мимоход Р.А. 2005. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // МДАСУ. Вип. 4. Луганськ.

Мимоход Р.А. 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.

Усачук А.Н. 2007. Трасологический анализ фигурной пряжки из могильника Кевюды 1 // МИИКНСК. Вып. VII. М.

ВЛИЯНИЕ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНА НИЖНЕГО ДОНА В ПОЗДНЕДОНЕЦКОЕ ВРЕМЯ

Чечина А.Ю.
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
Институт истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург

Пионером в изучении позднекатакомбных древностей выступил В.А. Городцов, впервые обративший внимание на своеобразие погребальных комплексов в курганах на реке Бахмут (Городцов, 1905). Однако качественный скачок в осмыслении этого периода произошел лишь полвека спустя, благодаря исследованиям С.Н. Братченко (Братченко, 1976). Именно он осуществил первое систематическое описание позднекатакомбного времени, введя в научный оборот такие понятия, как бахмутская и ростово-луганская группы, а также зафиксировав воздействие культурных импульсов со стороны Среднего Подонья и Левобережья Дона.

Еще одним ключевым вкладом стала работа А.М. Смирнова, который на материалах украинской части бассейна Северского Донца выделил комплексы с манычской керамикой (Смирнов, 1996). Развивая эту тему, Н.М. Власкин вновь обратился к манычским комплексам на Нижнем Дону и обосновал выделение ростово-луганской группы в ряду левобережных комплексов (Власкин, 2010).

В ранний и развитый периоды эпохи средней бронзы донецкая катакомбная культура представляла собой целостное и монолитное образование. К развитому этапу сформировались четкие традиции погребального обряда и инвентаря (Чечина, 2025). Данная культура играла ключевую роль в культурном развитии не только своего региона, но и сопредельных территорий, включая Средний Дон и его Левобережье: под ее непосредственным влиянием сложилась среднедонская культура, а элементы донецких традиций отчетливо прослеживаются в материалах левобережных погребальных памятников.

Однако в позднекатакомбный (или позднедонецкий) период ситуация в регионе претерпела кардинальные изменения. Для этого времени на территории междуречья Дона и Северского Донца в погребальных памятниках характерно появление ярко выраженных инокультурных элементов. Среди них исследователи выделяют памятники ингульского круга, обратную экспансию среднедонской культуры, элементы культур Прикубанья, а также левобережные комплексы (Братченко, 1976; Смирнов, 1996; Власкин, 2010; Власкин, 2018; Чечина, 2019).

Одним из ключевых изменений позднекатакомбного времени в регионе стало усиление влияния левобережных культур, на что указывает появление манычских материалов далеко за пределами их основной зоны распространения. Ареал памятников с характерной манычской керамикой, включающей реповидные сосуды и курильницы, охватывает не только Нижний Дон и бассейн Северского Донца, но также простирается на запад, в украинские степи, и на юг, вплоть до Прикубанья (Власкин, 2010; Чечина, 2019).

На Левобережье Дона манычские комплексы характеризуются устойчивым «каноном» керамического набора, в который входят курильница, реповидный и высокогорлый сосуды. На правобережье Нижнего Дона этот канон нарушается: реповидные сосуды и курильницы никогда не встречаются в одном комплексе.

Погребения с манычскими реповидными сосудами на Правобережье являются исключительно впускными. Они располагаются преимущественно в южных и юго-восточных секторах насыпей, при этом камеры имеют северную ориентацию. Конструкции катакомб

демонстрируют значительное разнообразие: от классических форм с круглым входным колодцем и овальной камерой до вариантов с прямоугольным колодцем, длинным дромосом и смещённой камерой. В ряде случаев, как, например, в могильнике Мухин II (курган 5 погребение 14) (Беспалый, Беспалый, 2002. С. 92), впускное манычское погребение ориентировано на более раннее захоронение, образуя с ним структурную связь. Керамический инвентарь представлен реповидными сосудами различной величины (диаметр тулова – от 18 до 44 см), которые типологически соответствуют манычской традиции.

Что касается погребений с курильницами, то большинство из них также являются впускными в курганы более раннего времени и расположены в южных и юго-восточных секторах. Однако, в отличие от погребений с реповидными сосудами, в некоторых случаях они выступают в роли основных захоронений в курганной насыпи. Подавляющее большинство катакомб имеют Н-образную конструкцию с прямоугольным входным колодцем и овальной камерой.

Помимо манычских влияний, в позднекатакомбное время на Правобережье отмечаются и другие внешние культурные импульсы. Около двадцати погребальных памятников демонстрируют характерные признаки ингульской культуры. К числу таких признаков относятся: положение погребённых вытянуто на спине, небольшие входные шахты, овальные камеры катакомб, определённые варианты ориентировки, а также специфические формы керамики (Власкин, 2018).

Батуринский компонент проявляется через находки сосудов, изготовленных с примесью дресвы, украшенных зеркальным лощением и орнаментацией, нехарактерной для донецкой традиции. Данные сосуды чаще всего использовались в качестве жаровен (Гугуев, 2019. С. 125).

При этом комплексы иного культурного происхождения довольно заметны в регионе Нижнего Дона, хотя в целом представлены здесь значительно слабее, чем на левом берегу Северского Донца – на территориях Донецкой и Луганской областей. На Левобережье Северского Донца манычские элементы представлены более отчётливо и появляются ещё в предшествующий развитый донецкий период. Ярким примером может служить могильник Кондратьевка (Кульбака, Качур, 2003. С. 29), где ранняя курильница соседствует с кубком. Здесь же зафиксировано значительное количество погребений с уложенными на левый бок костяками. В процентном соотношении наблюдается больше захоронений, содержащих металлический инвентарь, причём сам бронзовый инвентарь отличается большим разнообразием типов. Кроме того, на Левобережье Северского Донца более выражено влияние среднедонской культуры, что находит отражение в находках керамики, неотличимой от таковой в верховьях Дона.

В междуречье Северского Донца и Дона, напротив, комплексы иного культурного происхождения представлены в меньшей степени, а сопровождающий их погребальный инвентарь существенно беднее. Положение костяков на левом боку встречается здесь значительно реже. Влияние среднедонской культуры на данный регион также менее выражено. Заимствованные среднедонские высокошейные сосуды приобретают в местной традиции более плавные очертания, одновременно меняется и характер их орнаментации: становится меньше налепных поясков, появляются нестандартные орнаментальные решения. Так, в кургане Красный Металлист один из среднедонских сосудов был орнаментирован меандром – мотивом, традиционным для ингульской культуры (Ларенок, 2000).

Одновременно с появлением в Нижнем Подонье явно инокультурных погребальных комплексов претерпевает значительную трансформацию и сама донецкая катакомбная культура. На смену ей приходят культурные образования смешанного облика, представленные бахмутской и ростово-луганской группами (Братченко, 1976. С. 60).

Бахмутская группа памятников характеризуется сложным, неоднородным составом. К её основным чертам относятся значительное разнообразие форм катакомбных погребальных сооружений и вариабельность поз погребённых. В керамическом комплексе появляются многочисленные новые формы сосудов, существенно меняется система орнаментации.

Параллельно, в условиях широкого распространения левобережных традиций, формируется своеобразная ростово-луганская группа. Восприняв и переработав такой маркерный элемент, как реповидный сосуд, эта группа сохраняет ряд важных донецких черт: устойчивую ориентировку погребений, традицию использования жаровен, характерные скорченные позы погребённых, а также включение в инвентарь раструбошейных сосудов бахмутского типа. О прочной связи с донецкой культурной традицией свидетельствует и соблюдение норм подкурганной планировки.

Таким образом, культурное развитие Нижнедонского региона в позднекатакомбное время определялось взаимосвязью внешних влияний и внутренней преемственности. Распространение левобережных традиций не привело к простому замещению, а запустило механизм сложной трансформации, результатом которой стало формирование новых, оригинальных культурных моделей, унаследовавших и переработавших как донецкие, так и инокультурные черты.

Литература

Алейников В.В. 2024. Раскопки курганного могильника Ясеневый II в Тарасовском районе Ростовской области в 2006 г. // Курганы катакомбной культуры Подонцовья. Ростов-на-Дону.

Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е. 2002. Курганный могильник Мухин II // Аксайские древности. Ростов-на-Дону.

Братченко С.Н. 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.

Власкин Н.М. 2010. Сравнительная характеристика катакомбных культур манычского типа эпохи средней бронзы // Дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Власкин Н.М. 2018. Новые погребения ингульской катакомбной культуры на Нижнем Дону // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье: XXX Крупновские чтения. Карачаевск.

Городцов В.А. 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославле в 1905 г. Т. 1. М.

Гугуев Ю.К. 2019. Отчет о раскопках курганов в могильниках «Весёлый I» и «Черкасов V» в Аксайском районе Ростовской области в 2018 году. Т. 4 // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 59466.

Кульбака В., Качур В. 2003. Соматичні культи бронзового віку півдня Східної Європи. Маріуполь.

Ларенок П.А. 2000. Охранные раскопки кургана на территории базы производственного объединения «Красный металлист». Ростов-на-Дону.

Смирнов А.М. 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.

Чечина А.Ю. 2019. Погребения с керамикой манычских культур на правобережье Нижнего Дона // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. 2. СПб.

Чечина А.Ю. 2025. Донецкая катакомбная культура в Нижнем Подонье: проблемы изучения и периодизации // Связи и взаимодействия культур циркумпонтийского региона в среднем и позднем бронзовом веке. Вып. 5. М.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАТУСВИНА КРИВИЦА 2 ПОД НОВОРОССИЙСКОМ В 2014 ГОДУ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.
Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск

В 2014 г. были продолжены исследования поселения Катусвина Кривица 2, расположенного на северо-западной окраине ст. Натухаевской г. Новороссийска Краснодарского края. Ориентировочная площадь поселения 16,9 га. Поселение датируется двумя периодами: эпохой ранней бронзы (майкопской культурой) IV тыс. до н.э. и античностью I–IV вв. н.э. Памятник был открыт экспедицией Новороссийского исторического музея-заповедника в 2010 г. (Колпакова, 2012). В 2013 г. были проведены первые раскопки (Шишлов и др., 2015), давшие керамический материал, характерный для других памятников ранней бронзы региона Новороссийска (таких как поселения: Дюрсо 1, Натухаевское 3, Заря 1, Орёл 1, Орёл 3), для которых общим маркером является наличие орнаментации красноглиняных сосудов красно-коричневой краской (Шишлов и др., 2022).

Перед началом работ, нами планировалось продолжить раскоп 2013 г., но внезапно возникло непреодолимое препятствие из-за отказа собственников участков разрешить проведение раскопок на их землях. По этой причине раскоп длиной 46 м, и шириной 4 м, был заложен вдоль юго-юго-западной стороны ул. Фрунзе, вверх по пологому склону. Мощность не повреждённого пахотой культурного слоя поселения составила от 0,7 до 0,3 м. Его толщина зависела от местоположения на склоне, чем выше, тем толщина слоя становилась меньше, что связано с распашкой и смывом грунта вниз по склону. Культурный слой I–IV вв. на исследованном участке совершенно распахан и его наличие фиксируется только в виде отдельных керамических находок. Кроме антропогенного воздействия, существенный вред культурному слою поселения нанесён слепышами (землеройками), которые изрыли его до мозаично – пятнистого вида. Всего при раскопках 2014 г. вместе с прирезками было исследовано 221 м^2 поселения. На вскрытом участке были обнаружены 42 хозяйственные ямы. Ямы визуально фиксировались на уровне материка. Концентрация ям была сосредоточена на двух противоположных частях раскопа. В юго-юго-восточной части раскопа, на площади 50,4 м^2 было отмечено 15 ям, в то время как в западной-северо-западной части раскопа на площади 106,6 м^2 было выявлено 26 ям. Между этими двумя участками, удаленными друг от друга на расстоянии 16 м, (на площади 64 м^2) была выявлена только одна яма. Ямы имели в плане округлые и овальные формы, диаметром от 1–3 м, и глубину от 0,25 до 1,2 м. У трёх ям были зафиксированы ступеньки. Среди всех, выявленных ям, четыре комплекса представлены сдвоенными ямами, у которых одна из ям прорезает стенку и дно другой, два комплекса представлены тремя смыкающимися ямами, еще один комплекс состоял из шести взаимосвязанных ям, остальные 22 ямы являются одиночными. В большинстве случаев заполнение во взаимосвязанных ямах идентично культурному слою поселения, что предполагает их одновременное использование.

Обнаруженные находки представлены керамикой, каменными и костяными изделиями. Основной материал – это фрагменты керамических сосудов 1 и 2 класса по Кореневскому (Кореневский, 2004. С. 22).

Фрагменты венчиков красноглиняных и сероглиняных сосудов из качественной глины без минеральных примесей (1 класса): закрытого типа представлены в основном формой 1

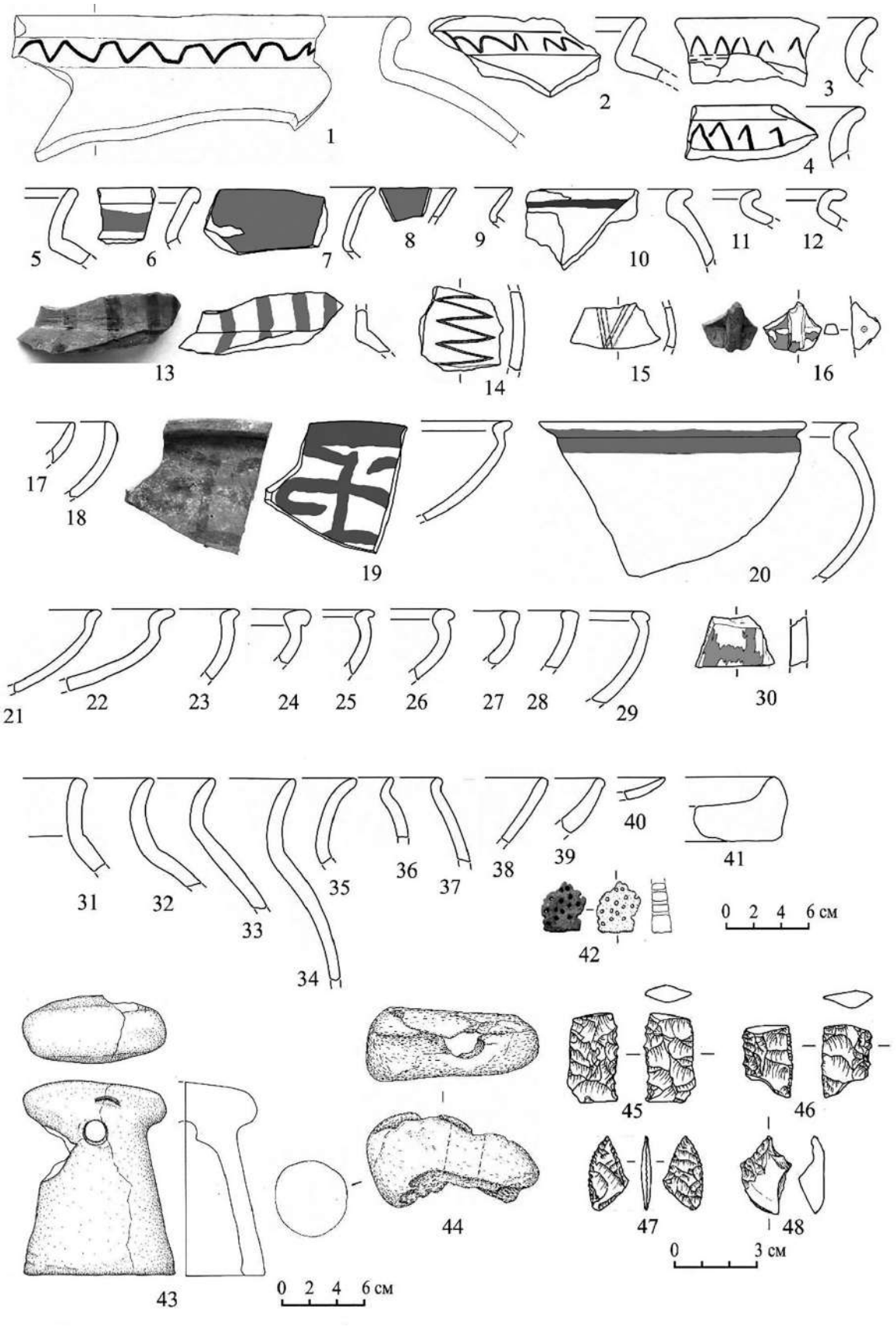


Рис. 1. Поселение Катусвина Кривица-2: *1–42* – фрагменты керамических сосудов, *43* – очажная приставка, *44* – молоток из рога, *45–48* – орудия кремневые

(край с внешней стороны выпуклый, оформлен уплощённым валиком) (рис. 1, *1–6*) и формой 3 (край венчика оттянут наружу, лежит горизонтально) (рис. 1, *10-12*), реже формой 2 (расположен под углом к тулову, внутренний край острым уступом выступает вовнутрь) (рис. 1, *7–9*) (здесь и далее формы венчиков даны по Резепкину) (Резепкин, 2009. Табл. 1. С. 319) и мисок с венчиками формы 2а (венчик сложнопрофильный, расположен под углом к тулову миски, край заовален, внутренняя часть вдаётся вовнутрь) (рис. 1, *19, 21–24*), формы 3 и 3а (край венчика оттянут наружу, лежит горизонтально) (рис. 1, *20, 25–29*) и реже формы 1 (венчик простой, край заовален) (рис. 1, *17, 18*). Встречаются вертикальные ручки-ушки (рис.1, *16*).

Фрагменты венчиков серо-коричневых сосудов из глины с минеральными примесями (2 класса): закрытого типа в большинстве представлены формой 4 (венчик плавно отогнут высоким раструбом, край закруглён) (рис.1, *32–37*), реже формой 5 (шейка высокая, край закруглён) (рис.1, *31*) и мисок формы 1 (венчик простой, край заовален) (рис. 1, *38–40).* Донья сосудов плоские и округло-уплощенные. Кроме горшков и мисок встречаются единичные фрагменты жаровен и цедилок (рис. 1, *41, 42*).

Все миски имеют полусферическую форму и лощение с обеих сторон. Некоторые миски покрыты светлым ангобом.

Часть красноглиняных сосудов 1 класса декорирована. Наиболее часто встречается орнамент, нанесенный тёмно-красной или коричневой краской. Обычны горизонтальные полосы вдоль венчика с внешней и внутренней сторон и горизонтальная полоса вдоль венчика с отходящими от нее вниз вертикальными или наклонными полосами (рис. 1, *6–8, 10, 13, 16, 20, 30*). На одном фрагменте миски орнамент в виде солярного знака – «свастики» (рис. 1, *19*). Реже встречается декор в виде пролощёного зигзагообразного орнамента на горле сосудов закрытого типа (рис. 1, *1–4*). В одном случае он был отмечен на внутренней стороне стенки сероглиняной миски (рис. 1, *14*). Также был зафиксирован процарапанный орнамент из параллельных линий, часть Х-образного знака (рис. 1, *15*).

Кроме фрагментов сосудов керамический материал представлен: колоколовидными очажными приставками-конусами, полыми внутри, с грибовидной головкой (рис. 1, *43*) группы 3 «закубанского» или «псекупского» типа по Кореневскому (Кореневский, 2004. С. 40), а также дисками и лощилами по керамике, изготовленными из стенок сосудов.

Следует отметить обилие каменных предметов: зернотёрки, отбойники, наковальни, абразивы. Найдено небольшое количество кремневых орудий (лезвия серпов, наконечник стрелы, остроконечник и др.) (рис. 1, *45–48*). Зафиксировано большое количество костей животных со следами использования – это лощила-шпатели, проколки. Особо выделим молоток из рога (рис. 1, *44*).

Из собранных в ходе раскопок 2014 г. материалов в Центре археометрии Курта Энгельхорна (Мангейм)[1] было проведено радиоуглеродное датирование двух костных образцов.

MAMS-35396 4676±23BP (1sigma 3514-3375BC), (2sigma 3616-3371BC)
MAMS-36 076 4507± 26 BP (1sigma 3339-3111 BC), (2sigma 3348-3100BC).

Полученные даты соответствуют хронологическим рамкам бытования поселений эпохи ранней бронзы региона Новороссийска, датируемых серединой – концом IV тыс. до н.э. (Шишлов и др., 2022).

Литература

Колпакова А.В. 2012. Отчет об археологических разведках на территории г. Новороссийска Краснодарского края в 2010 г. // Архив НГИМЗ НА-8839. Новороссийск

[1] Выражаем глубокую благодарность директору евразийского отделения Германского Археологического Института господину Свенду Хансену за возможность провести анализы

Кореневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Резепкин А.Д. 2009. Миски из поселений Майкопской культуры. Классификация // Пятая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Гей А.Н. 2015. Поселение Катусвина Кривица 2 – новый памятник майкопской культуры на Западном Кавказе (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 237.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2022. Памятники эпохи ранней бронзы в окрестностях г. Новороссийска // Вопросы археологии Адыгеи. Сборник научных трудов. Майкоп.

АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И САРМАТСКОГО ПЕРИОДА

ОБРЯД ГАДАНИЯ НА КУЛЬТОВЫХ МЕСТАХ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Бакушев М.А.
ООО «Культурное наследие», г. Москва

Изучение ритуальных действий на культовых местах Горного Дагестана является важной задачей для воссоздания сути религиозных воззрений в доисламский период. Тема гадания уже понималась нами в одном из докладов. Речь шла о расплавах бронзовых предметов, по форме которых верующие, предположительно, могли получать ответы на свои вопросы (Бакушев, Борисов, Попов, 2022. С. 125). Гадание также могло осуществляться и с помощью астрагалов (таранных костей) животных.

В интерьере святилища VIII – первой пол. VII вв. до н.э. у с. Хосрех на возвышении шириной 1,15 м у северо-западной стены, под тонкими песчаниковыми плитами, были найдены кости животных, черепа, рога и астрагалы, а также многочисленные предметы. Из 1172 астрагалов 25,3% принадлежали овцам, 2,9% – козам, 40,9% – крупному рогатому скоту и 0,27% – безоаровой козе (Давудов, 1980. С. 277, 283).

Во время разведочных работ на горе Зуберха на культовом месте V–II вв. до н.э. было найдено скопление астрагалов на участке размерами 50×30 см, в котором находилось 11 костей. Из них с левых ног овец – 5, с правых ног овец – 2, с правых ног баранов – 3 и астрагал самки козы – 1.

На культовом месте на горе Берак, относящемся к VII–XV вв. н.э., основную массу найденных костей составляли зубы, астрагалы и фаланги, принадлежащие быкам, овцам, свиньям и лошадям (Круглов, 1946. С. 35).

Скопления астрагалов исследователи чаще всего интерпретируют как игральные или гадательные принадлежности, однако, в настоящее время превалирует контекстная интерпретация. Так, астрагалы из храмов определяются как гадальные кости, найденные в бытовых сооружениях астрагалы имеют утилитарные функции или игровые, а в погребениях – функции амулетов или оберегов (Susnow et al., 2021. P. 75).

Исследователи неоднократно обращали внимание на связь найденных на дагестанских святилищах статуэток с образцами с Ближнего Востока (Д.Н. Анучин, В.И. Марковин, О.М. Давудов, О.А. Брилева), поэтому для нас важны в первую очередь аналогии таких скоплений с памятников Ближнего Востока и региона Средиземноморья, чьи верования и основной пантеон божеств базируются на ближневосточных религиозных представлениях. Используемые с неолитического времени астрагалы появляются в культовых контекстах с эпохи поздней бронзы (Лакхиш и Бет-Шеан в Израиле, Китион на Кипре, Килис-тепе в Анатолии (Sapir-Hen et al., 2023. P. 45), а с раннего железа они чаще всего располагаются в виде скоплений. Так, юге Леванта они обнаруживаются в ритуальных и храмовых комплексах X–IX вв. до н.э.: в открытой чаше в культовой комнате в Мегиддо было найдено 684 астрагала, 2140 астрагалов было обнаружено в культовом сооружении в Таанах; в 2018 г., в Тель-Абель-Бет-Мааке на севере Израиля более 400 астрагалов было найдено в кувшине из слоя X-IX вв. до н.э. (Susnow et al.,2021. P. 91).

В святилище Коммос на Крите, относящемся к VII в. до н.э. были найдены овечьи или козьи астрагалы, на алтаре Афродиты Урании в Афинах было обнаружено 15 астрагалов, семь из которых были сожжены. Астрагалы были найдены в святилище Эроса и Афродиты в Афинах, из святилища Деметры и Коры на Акрокоринфе происходит более 120 астрагалов, в том числе 114 овец/коз, 4 быка и 3 оленя, датирующихся в диапазоне от VI в. до н.э. по IV в. н.э. В пещере Корисьен в Дельфах найдены 23000 астрагалов (Reese, 2013. P. 398–401).

Процесс гадания в святилище описывает греческий автор II в. н.э. Павсаний: «Спустившись от Буры к морю, мы встречаем реку, называемую Бураик; в пещере стоит небольшая статуя Геракла… Тут обычно происходит гадание при помощи таблички и игральных костей. Обращающийся к богу за предсказанием молится перед его статуей, а затем, помолившись, берет кости, числом четыре, большое количество которых лежит перед статуей Геракла, и бросает их на стол. Каждая игральная кость имеет различные знаки, и по табличке дается толкование в соответствии с выпавшими знаками» (Павсаний. VII. 25, 10).

В большинстве случаев найденные астрагалы не имеют знаков на поверхности, однако в некоторых были проделаны сквозные и несквозные отверстия (Клад Тель-Абель-Бет-Маака, гробница в Мегиддо и др.) часть из них – со свинцовыми вставками (святилища Деметры и Коры на Акрокоринфе, в Кабейрионе в Фивах и др.), а некоторые были обточены. Подобные действия в наше время проводятся с астрагалами, предназначенными для игр (русская игра «лодыжки», бурятская «шагай наадан», «альчики» на Кавказе и в Средней Азии и др.). Целью является изменение центра тяжести для того, чтобы кость после броска упала в определенном положении. Не исключено, что положение астрагалов после броска являлось принципом гадания, в том числе и на культовых местах Дагестана, несмотря на то, что обработанных астрагалов здесь не зафиксировано.

В Хосрехском святилище преобладающими по количеству являются астрагалы КРС, тогда как в Леванте использовались лишь астрагалы овец, коз и редко оленей, а в греческих святилищах астрагалы быков, также, как и оленей, составляли подавляющее меньшинство. В более позднем святилище на горе Зуберха также использовались исключительно астрагалы овец и коз. В этой связи можно говорить о локальной особенности Хосрехского святилища. В дагестанских святилищах для гадания также, как и на Ближнем Востоке, не использовали астрагалы свиней, в то время как в Греции в святилище Деметры и в святилище Асклепия в Лиссосе были найдены единичные свиные астрагалы, а в Идейской пещере (Крит) был обнаружен свиной астрагал с серебряной инкрустацией, что также является местной особенностью для конкретных святилищ.

Один из важных выводов заключается в том, что культовые места, были, в том числе, местами общения с божеством, где после молитв и подношения ему жертвенных животных и даров, верующие, очевидно, задавали интересующие их вопросы и посредством гадания получали на них божественные ответы.

Литература

Бакушев М.А., Борисов А.В., Попов Ю.В. 2002. Об одном ритуальном действии на культовом месте на горе Зуберха в центральном Дагестане. // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп.

Давудов О.М. 1980. Хосрехское святилище // Скифо-Сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.

Круглов А.П. 1946. Культовые места горного Дагестана // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XII.

Павсаний. Описание Эллады. Книги I–X. М., 1994.

David S. Reese. 2013. Worked Astragali // From These Bare Bones: Raw Materials and the Study of Worked Osseous Objects.

Sapir-Hen L., Uziel J., Maeir A., Ilan D., Susnow M.A. 2023. Cache of Astragali from Tel Nagila // Atiqot. 112.

Susnow M., Horowitz W., Yahalom-Mack N. 2021. Perforated Astragali in the Levant // Journal of Near Eastern Studies. № 80 (1).

Susnow M., *Marom N., Shatil A., Panitz-Cohen N., Mullins R., Yahalom-Mack N.* 2021. Contextualizing an Iron Age IIA Hoard of Astragali from Tel Abel Beth Maacah, Israel // Journal of Mediterranean Archaeology. 34.1.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПАМЯТНИКА «ТЕАТР» АНТИЧНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «БАЛАН» В ОЧАМЧЫРСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ В 2025 ГОДУ

Белинский А.Б.[1], Габелия А.Н.[2], Днепровский К.А.[3]

[1]ООО «НИИ СевКавАрхеология», г. Ставрополь
[2]Абхазский государственный университет, г. Сухум, Республика Абхазия
[3]Государственный музей Востока, г. Москва

Работы на памятнике, обозначенном как «Театр», проводились с разной степенью интенсивности на протяжении последних восьми лет. Предварительные итоги этих исследований позволили соотнести эту часть памятника, как один из элементов, входящих в состав археологического комплекса «Балан», который располагается в Очамчырском районе Абхазии на территории поселения Балан на берегу залива Искурия в низовьях р. Кодор.

Комплекс «Балан» состоит из цитадели размером приблизительно 150×150 м, возведенной на останце высокой второй береговой террасы, возвышающимся над прибрежной частью более чем на 20 м, обширного поселения у ее подножия, протянувшегося более чем на километр вдоль береговой линии, а также памятника «Театр».

Археологический комплекс «Балан» хорошо датируется концом VII – первой пол. IV в. до н.э. по большой выборке импортной античной керамики, полученной в результате раскопок на цитадели, проходящих на протяжении нескольких лет.

В 2025 г. работы Кодорской экспедиции были сосредоточены на территории предполагаемого театра в 250 м к востоку от цитадели и непосредственно у восточного подножия цитадели.

Геодезические, геофизические (электроразведка) и раскопочные работы на памятнике «Театр» данного комплекса позволили сделать предположение о том, что изначально, объект строился именно как театр. Строителями того времени были проведены значительные земляные работы по изменению конфигурации склона небольшого пересыхающего ручья, и были выстроены «недостающие» для полного соответствия архитектурному облику античного театра элементы и конструкции.

Одним из таких элементов был искусственно возведенный вал высотой более 4 м от современной поверхности «орхестры». Ширина его по подножию достигала 10 м, а длина – более 40 м. Его слегка изогнутая конфигурация и месторасположение дополняли и заканчивали недостающий полный облик как театрона, так и чаши театра в целом.

Зачистка в 2023 г. показала, что верхний слой этого участка покрыт булыжниковым и галечным слоем крепиды на глинистом основании. Местами эти камни размером до 30-40 см проявлялись как ряды, а некоторые скопления окружали лунки, вероятно, от деревянных конструкций, которые могли возвышаться над дневной поверхностью.

В 2025 г. в торцевой части этого крыла театрона был заложен раскоп площадью 24 кв. м. В верхней части вала на глубине 50-60 см от современной поверхности было выявлено скопление различных предметов: развал чернолакового канфара, развал сероглиняного сосуда; железные три наконечника копья, лежащих в плотной связке, виноградный нож, мотыга, фрагмент клинка (кинжала?), боевой топор, фрагменты бронзового браслета, бронзовый колокольчик, оселок. Все предметы несут следы намеренной порчи.

Это скопление находок можно интерпретировать как закладное жертвоприношение. Оно располагалось на строительном слое, внутри вала, состоящего из крупных булыжников, перекрытых сверху щебеночным слоем и галечной крепидой. Оно помещено туда, скорее всего, в процессе сооружения этой конструкции – до окончания строительства. Возможность помещения этого ритуального комплекса с вершины сооружения маловероятно, так как никаких следов ямы над ним не прослеживалось.

В результате работ 2025 г. был получен глубокий разрез в северной стенке торца «вала». Он дал возможность квалифицировать его как рукотворную насыпь, уложенную на материковый останец. На нем на глубине около 2 м находится строительный горизонт, состоящий из крупных, до 35 см в диаметре, окатанных булыжников, перекрытых сверху слоем мелкого щебня, поверх которого, уже непосредственно под дерном, была прослежена крепида из гальки и крупных булыжников.

Эти конструктивные особенности, строительные приемы и используемые материалы однозначно свидетельствуют об искусственном сооружении этого участка театрона. Такой значительный искусственно созданный элемент, учитывая его соотношение с другими архитектурными элементами, еще раз подтверждает гипотезу об этом сооружении, именно, как о театре. С учетом имеющихся теперь новых дат (V – начало IV в. до н.э.), относящихся к найденным здесь предметам из закрытого комплекса, этот объект, наряду с крупной цитаделью и обширным поселением в прибрежной части, является классическим образцом городской застройки в античном мире, и может соотноситься с ранним доэллинистическим периодом существования Диоскуриады, с которой идентифицируется данный археологический памятник.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАЙНИКОВ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО БОСПОРА

Вдовченков Е.В.
Институт востоковедения РАН, г. Москва

На европейском и азиатской Боспоре известно несколько тайников позднеантичного времени, размещенных в катакомбах (склепах).

Катакомба 145, Госпитальная улица, г. Керчь, раскопки В.В. Шкорпила, 1904 г. (Шкорпил, 1907). В катакомбе с тремя лежанками по трем стенам (Шкорпил, 1907. С. 19–20; Засецкая, 2024. С. 32–33) был открыт тайник под порогом входа. В самом склепе были обнаружены только золотая ажурная бусина и стеклянный стакан с синими каплями, а в тайнике оказались собранные вместе разновременные предметы. Здесь наряду с ранними изделиями – такими, как юбилейная чаша с бюстом Констанция II (343 г.), золотой венец с индикацией монеты Гордиана III (238–244 гг.), двупластинчатая фибула с ромбовидной ножкой, – были обнаружены предметы, бытовавшие в пределах конца IV – начала V века. Это пряжки, наконечники поясов, византийские изделия, умбоны, рукоятки и окантовки от щитов, а также индикация монеты Валентиниана II (375–392 гг.). Отсюда же происходят железные удила с серебряными наконечниками и кольцами с зажимами, три навершия мечей, а также металлические окантовки ленчиков седла. Возникает вопрос о формировании этого тайника, и было ли это единовременным событием. Индикация монеты Валентиниана II указывает на то, что это не могло произойти ранее последней четверти IV века. Вопреки мнению А.В. Мастыковой о том, что это схрон грабителей (Мастыкова, 2019. С. 171), еще В.В. Шкорпил отметил, что место тайника было засыпано землей при ограблении.

Катакомба в имении м. Гордиковой, гора Митридат, г. Керчь, случайная находка 1891 г., доследована А.А. Бобринским. В катакомбе три лежанки, в тайнике под правой лежанкой было найдено хорошо известное блюдо с изображением императора Констанция II (Мацулевич, 1926). Помимо блюда, в тайнике находился серебряный сосуд и ложечка (Стржиговский, Покровский, 1892. С. 2–3, план погребения, Z).

Некрополь Фанагории, склеп 315/2019 (Ворошилов, Ворошилова, 2019). В полу камеры склепа под деревянным гробом мужчины был открыт тайник – ямка в полу камеры склепа глубиной и шириной около 10 см, в которую положили длинный всаднический меч с золотым навершием на длинной деревянной рукояти. Престижное оружие имеет восточное происхождение и принадлежит к группе иранских мечей ранней сасанидской традиции (по терминологии И. Боны – «персидских») с перехватом и дисковидным окончанием на навершии (Bóna, 2002. P. 199. Fig. 104; Казанский, 2019. С. 118–119. Рис. 4).

Сближают эти три тайника, помимо хронологической близости и размещения в катакомбе, явно элитарный характер всех трех погребений. В двух из трех тайниках найдены или меч, или характерные навершия мечей.

На мой взгляд, эту традицию – размещения в тайниках парадного оружия, конской упряжи, ценных предметов – можно сближать с погребальной традицией аланской культуры раннего этапа на Кавказе. Подобные обрядовые особенности – расположение тайников в погребении – встречены в могильниках аланской культуры Северного Кавказа, при этом их можно считать специфической чертой ее погребального обряда.

В настоящий момент известны следующие находки. С территории Северной Осетии – Алании – Бесланский могильник (Дзуцев, Малашев, 2016) и могильник Брут 1. В Беслан-

ском могильнике, в курганах 150 и 186 найдены три тайника. В двух случаях уздечные наборы были помещены в ниши, находившиеся в придонной части входных ям под последней или предпоследней ступенькой. Дополнительный тайник в кургане № 186 был сделан в нижней части ступеньки, ведущей в камеру. Датировка всех трех комплексов – середина III в. н. э. (Дзуцев, Малашев, 2016. С. 175).

Братские 1-е курганы (Надтеречный район Чеченской Республики), в ограбленном погребении кургана 63 был найден тайник у задней стенки входной ямы (Малашев и др., 2020. С. 170–171). Этот тайник хронологически близок тайникам из Бесланского могильника.

В захоронениях Брутского некрополя первой половины V в. н.э. тайники были оборудованы как в придонной части входной ямы, так и в стороне от погребения под насыпью (Габуев, 2014. Рис. 2, *24*).

Погребальные комплексы Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья, принадлежащие традиции катакомбных погребений выходцев с Кавказа, также содержат тайники (курган 2 «Аэродром» и курган 8 Комаров II, курган 1 Гремячий III) (Дзуцев, Малашев, 2016. С. 171). Они относятся к середине III – середине IV в. н.э.; все тайники сделаны в стороне от погребения в отдельной ямке под насыпью. Для всех перечисленных комплексов обязательный предмет – присутствие парадных сбруйных наборов.

Я полагаю, что традиция использования тайников в катакомбах пришла на Боспор с Кавказа вместе с носителями традиций аланской культуры. Как было показано выше, тайники могли располагаться по-разному в комплексах аланской культуры – и на Боспоре тоже (два под погребенными, один тайник под порогом входа в камеру). Более того, и на Боспоре, и в памятниках аланской культуры это атрибут элитарных погребений.

О кавказском происхождении традиции тайников свидетельствуют находки характерных наверший так называемых сасанидских мечей/кинжалов (Bóna, 2002. P. 199. Fig. 104; Казанский, 2019. С. 118–119. Рис. 4). Они известны в памятниках аланской культуры Северного Кавказа (см., например: Коробов, Малашев, 2015. Рис. 4, 5; Гаджиев, Шаушев, 2018. Рис. 1). Носители традиции аланской культуры раннего этапа были соседями Сасанидского Ирана, и присутствие у них сасанидского оружия неудивительно. Вместе с ними эти мечи и оказались на Боспоре. Предположение о том, что меч, найденный на некрополе Фанагории «мог быть частью дипломатических даров с востока или завидным трофеем» (Ворошилов, Ворошилова, 2019. С. 179), менее вероятно – именно в связи с тем, что Боспор напрямую с армией Сасанидского Ирана не сталкивался.

Помимо этих двух признаков, о присутствии в позднеантичном Боспоре выходцев с Кавказа свидетельствует керамика и ряд других признаков, которые нуждаются в отдельном рассмотрении. Мигранты заняли весьма высокую позицию в боспорском обществе, но, как это обычно водится, они активно заимствовали местные элементы культуры, что затрудняет их идентификацию. Таким образом, переселенцами на Боспор могли быть не только готы (Казанский, 2020), но и аланы, что позволяет ставить отдельно проблему ирано-германского синтеза, поскольку предметы германского происхождения присутствуют в некрополях Боспора, например, в 145 катакомбе 1904 г.

Литература

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2019. Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация) // КСИА. Вып. 257.

Гаджиев М.С., Шаушев К.Б. 2018. Мечи V в. н. э. из коллекции Ингушского Государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Карачаевск.

Засецкая И.П. 2024. Боспорский некрополь эпохи Великого переселения народов. Последняя четверть IV – начало VII века: каталог коллекции. СПб.

Казанский М.М. 2019. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // Земля наша велика и обильна: сб. ст., посвящ. 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб.

Казанский М.М. 2020. Готы на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов // Боспорские исследования. № 40.

Коробов Д.С., Малашев В.Ю. 2015. Новые комплексы аланской культуры эпохи Великого переселения народов из окрестностей Кисловодска // КСИА. Вып. 241.

Малашев В.Ю., Дзуцев Ф.С. 2016. Парадные сбруйные наборы III в. н. э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.

Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кривошеев М.В. 2020. Исследования могильника «Братские 1-е курганы» в Надтеречном районе Чеченской Республики // Археологические открытия 2018. М.

Мастыкова А.В. 2019. О браслетах с зооморфными окончаниями из могильника Джурга-Оба в Восточном Крыму (эпоха Великого переселения народов) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18. № 2.

Стржиговский И., Покровский Н.В. 1892. Древности Южной России. Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 году. СПб.

Шкорпил В.В. 1907. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИИАК. Вып. 25.

Bóna I. 2002. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe-Ve siècles). Paris.

ВПУСКНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА БРУТ 1 В РСО-АЛАНИЯ

Габуев Т.А., Фризен О.И.
Государственный музей Востока, г. Москва

В 2011 г. Государственный музей Востока проводил исследование курганного могильника на территории Правобережного района РСО-Алания, на окраине села Брут. Всего было раскопано три кургана (№№ 21–23). Курган № 22 содержал 14 погребений. Основным погребением в кургане можно считать катакомбное п. 10, относящееся к эпохе средней бронзы. Остальные погребения впускные. Два погребения (п. 2, п. 5) разрушены и при дальнейшем анализе учитываться не будут. Остальные одиннадцать погребений относятся к раннесарматскому времени. В трёх случаях могильная яма не прослежена (п. 1, п. 4, п. 6) и установить форму погребального сооружения затруднительно. В пяти случаях погребения без сомнения были совершены в катакомбах: в п. 3, п. 7, п. 11, п. 12 сохранились входные ямы, а в п. 13 понижение дна ямы от ног к голове почти на 20 см указывает на то, что она примыкала к камере с ЮВ. К этой группе следует отнести и п. 14, на это указывает понижение дна камеры погребения от ног к голове на 17 см и «уступ» в СЗ углу ямы, который мог бы маркировать вход в камеру. Труднее установить форму могилы у п. 8 и 9. С некоторой долей сомнения п. 9 можно отнести к катакомбам, на это указывает ориентировка погребенного (об этом ниже) и наличие в ногах двух сосудов. Определить конструкцию п. 9 невозможно.

Итак, мы имеем семь катакомб и четыре погребения с неясной конструкцией. Катакомбы можно разделить на две группы (рис. 1, *1*). Первая группа – п. 3, п. 9, п. 11, п. 13; вторая группа – п. 7, п. 12, п. 14. Своды у всех катакомб обрушены.

Первая группа – погребения относятся к катакомбам II типа (по К.Ф. Смирнову), у которых длинные оси камеры и входной ямы находятся на одной прямой или к III типу, производному от типа II, у которых это соотношение осей под углом. Камеры катакомб узкие прямоугольные, ориентированы по линии СЗ-ЮВ с небольшими отклонениями, входные ямы примыкали с сектора В-ЮВ. Погребенные лежали вытянуто на спине головой на СЗ.

Вторая группа – погребения отличаются от первой. Погребение 12 относится к I типу (по К.Ф. Смирнову), у которых длинные оси перпендикулярны, и входная яма примыкала к камере с востока. А вот у п. 7 и п.14 она примыкала с СЗ, и их можно отнести к типу III. Камеры катакомб или овальные (п.7), или подпрямоугольные ориентированы по линии С-Ю (п. 7 ССВ–ЮЮЗ). Погребенные лежали вдоль длинной оси камеры вытянуто на спине головой на юг. Там, где ямы не были прослежены, погребенные были ориентированы: в п.4 головой на СЗ, в п. 6 головой на ЗЮЗ.

Поза погребенных устанавливается в двенадцати погребениях. Погребенные лежали на спине. В п. 1 погребенный лежал с согнутыми вверх коленями, которые завалились направо, и с кистями, уложенными на таз. Во всех остальных случаях погребенные лежали на спине вытянуто с вытянутыми ногами и руками, и только в п. 3 руки были согнуты в локтях и уложены на поясницу.

Попробуем разобраться в хронологии погребений на основе их стратиграфии. Выделяется несколько блоков погребений, связанных между собой. Самое простое это сопоставление п. 10 и п. 13. Погребение 13 впущено в курган, и оно повредило основное в нем п. 10. Следующее сочетание, это п. 4 и п. 7. Грунтовое п. 4 находилось над катакомбой п. 7. Оба погребения не повредили друг друга, и установить их хронологическую последовательность затруднительно. Ещё одно сочетание мы наблюдаем в п. 11 и п. 14. Погребение 14 несколько

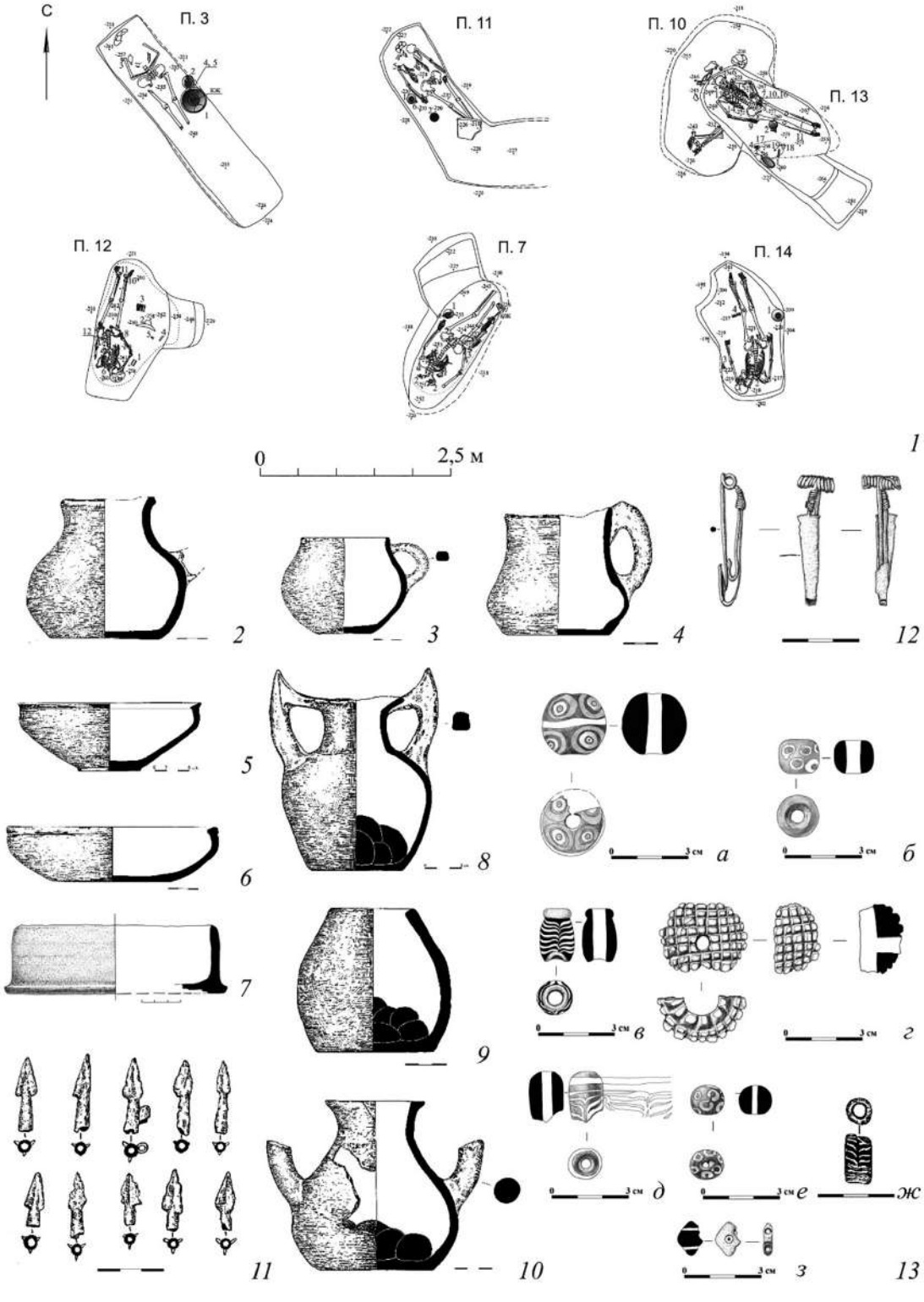


Рис. 1. КМ Брут 1, курган 22: *1* – погребения в катакомбах; *2–10* – керамика (*2* – п. 14; 3, *5* – п. 3; *4, 7* – п. 7; 6, *10* – п. 8; *8* – п. 13; *9* – п. 11); *11* – наконечники стрел (п. 14); *12* – фибула (п. 14); 13 – бусы (*а, в, з* – п. 13; *б, г, д, е* – п. 12; *ж* – п. 9)

перекрывает входную яму п. 11 (всего на 10 см), что позволяет считать его более поздним. Несколько сложнее выглядит стратиграфия погребений 1, 8, 9 и 12. Самым поздним в этом сочетании выглядит п. 1 – оно перекрывает остальные и существенно выше. Самым ранним является п. 12, совершенное в катакомбе. Остатки сохранившегося свода этой катакомбы

ниже дна погребений 8 и 9. Что касается погребений 8 и 9, то п. 9 выглядит более поздним, т.к. оно срезало ступни ног у погребенного в п. 8 и имеет чуть большую глубину залегания.

Основанием для датировки комплексов послужили отдельные экземпляры керамики. Так кувшинчик из п. 14 может соответствовать типу 1 по Б.М. Керефову, отнесенному им к сосудам IIх–I вв. до н.э. (Керефов, 1985. С. 185) (рис. 1, *2*). Две кружки относятся к типу 1 вариант «а» (п. 7) и типу 3 (п. 3) по М.П. Абрамовой и находят аналогии в комплексах III–I вв. до н.э. (Абрамова, 1993. С. 47, 49; Малашев и др., 2021. С. 92. Рис. 18, *9*) (рис. 1, *3, 4*). Ритуальные сосуды, часть из которых содержала от 5 до 8 галек внутри, обнаруженные в п. 4, п. 8, п. 11 и п. 13, являются важным диагностическим признаком для комплексов III–I вв. до н.э. (Малашев, Маслов, 2021. С. 96) (рис. 1, *8, 9, 10*). Бусы, встреченные в 6 погребениях из 10, содержали типы, характерные для III в. до н.э. – II в. н.э., при этом отдельные типы были распространены исключительно в последние два века до н.э. (Алексеева, 1975. С. 71. Табл. 15, *14*; Алексеева, 1978. С. 54, 68. Табл. 32, *22,* 33, *23*; Алексеева, 1982. С. 14; Абрамова, 1993. Табл. 18) (рис. 1, *13*).

Абсолютное преобладание, отмеченное также в рассматриваемых комплексах, железных втульчатых наконечников стрел в составе стрелковых наборов в Центральном Предкавказье в последние века до н.э., как отмечают исследователи, является хорошо известной региональной особенностью северокавказских памятников (Маслов, Красильников, Пятых, 2016. С. 40) (рис. 1, *11*). Появившись в VI в. до н.э., наряду с бронзовыми, начиная уже с III в. до н.э. они становятся исключительными видами практически до рубежа эр, позже, в течение I в. н.э. начинают сменяться железными черешковыми (Керефов, 1985. С. 196, 214; Беглова, Эрлих, 2018. С. 154). В остальном же другие категории инвентаря датируются широко, но в целом укладываются в период III–I вв. до н.э, при том, что нет основания какие-то комплексы с уверенностью относить исключительно к III в. до н.э. Таким образом, анализ погребального инвентаря из данных комплексов позволил датировать их II–I вв. до н.э. При этом только п. 14 в рамках этого периода можно датировать I в. до н.э., так как в погребении была обнаружена бронзовая фибула среднелатенской схемы так называемого «зарубинецкого» типа (Кропотов, 2010. С. 57–58. Рис. 25, *1*) (рис. 1, *12*).

Сопоставление стратиграфических наблюдений с датировкой погребений позволил предположить, что курган № 22 в раннесарматское время использовался для захоронений в значительный по времени период, возможно в несколько десятков лет. Люди, совершавшие более поздние захоронения, не знали о местоположении погребений ранних и невольно нарушали их. Это не позволяет характеризовать к. 22 из Брута 1 как курган-кладбище или грунтовой могильник. Он, скорее всего, соответствует достаточно большой группе впускных погребений раннесарматского времени в Центральном Предкавказье.

Литература

Абрамова М.П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.

Алексеева Е.М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1–12. Т. 1. М.

Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1–12. Т. 2. М.

Алексеева Е.М. 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1–12. Т. 3. М.

Беглова Е.А., Эрлих В.Р. 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М.–СПб.

Керефов Б.М. 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик.

Кропотов В.В. 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.

Малашев В.Ю., Маслов В.Е. 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа // НАВ. Т. 20. № 2. Волгоград.

Маслов В.Е., Красильников К.И., Пятых Г.Г. 2016. Курганы Нижнего Сулака: курган-кладбище № 4 могильника Львовский-VII // Труды Дагестанской экспедиции. Т. IV. М.

ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕПОСТИ АРКАБАШ

Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Таймазов А.И.
Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

Крепость Аркабаш выявлена М.Г. Магомедовым во второй пол. 1970-х гг. при проведении разведок в окрестностях Андрейаульского городища и одноименного курганного могильника в Хасавюртовском районе Дагестана. Памятник получил название по наименованию урочища и был включен им в реестр объектов хазарского времени. Название урочища переводится с тюркского как «верхушка склона»: *арка* – «хребет, склон», *баш* – «верх, вершина, верхушка, макушка». На «Плане земли казенного участка “Аркабаш”», составленном Остроумовым в конце XIX в., памятник фигурирует под названием «К. Герменчикъ», т.е. «курган Герменчик». Этот распространенный топоним переводится с тюркского, как «маленькая крепость, крепостица».

По данным М.Г. Магомедова, крепость Аркабаш «имеет округлую форму диаметром около 50 м. Рельефно сохранившиеся валы на высоту до 3–4 м возвышают крепость над окружающим урочищем. … конфигурация крепости, а также характер защитных сооружений позволяют отнести её к числу аналогичных раннесредневековых памятников Приморского Дагестана» (Магомедов, 1983. С. 201). На топокартах 1950-х гг. крепость обозначена с валами высотой 2,5–3 м и высотой внутри памятника 1,0 м над окружающей местностью, т.е. внутренняя территория памятника имела культурный слой не менее 1,0 м.

На момент осмотра памятника в 2009 г. крепость имела подквадратную форму размерами 70×70 м, с закругленными углами, высота валов доходила до 2,5 м. В 2012 г. была зафиксирована высота сохранявшихся еще валов до 1,5–2 м. На космоснимках 2013 г. и последующих годов, валы уже отсутствуют, территория памятника выделяется светло-коричневым лессовым грунтом на фоне окружающего серозема. На этих же космоснимках вся территория урочища поделена на прямоугольные участки. В результате этих землеотводов, судя по космоснимкам и визуальным наблюдениям, и были безнаказанно уничтожены в 2013 г. валы крепости и его культурный слой. На фотографиях 2020-х гг. территорию крепости обводит зеленоватый травяной пояс, фиксирующий полностью заплывший ров шириной 5–6 м (рис. 1, а).

Памятник находился за южной окраиной г. Хасавюрт на относительно ровной возвышенной территории подошвы восточных отрогов хребта Салатау, расположенного к югу и ЮВ от крепости, с которой на значительные расстояния просматривается Приморская равнина. С запада и востока памятника расположены две сухие балки (носившие в XIX в. соответственно названия Сухая и Воровская) с мелким лесом и кустарником.

В северном и восточном направлении следует постепенное понижение к равнине, в южную сторону – плавное повышение в сторону передовых горных отрогов.

В 2,1 км к востоку от крепости Аркабаш расположен огромный (высотой 10 м) курган Аюку-тюбе, от которого в 2,2 км почти в том же направлении расположено известное Андрейаульское городище. Топографическое взаиморасположение этих трех объектов – крепости, кургана и городища – показывает их территориальную и, очевидно, реальную связи и определенное хронологическое соответствие.

В 2024 г. в рамках спасательных археологических работ в зоне строительства автомобильной дороги «Кавказ» в обход г. Хасавюрт были осуществлены раскопки крепости Аркабаш. На территории памятника был заложен раскоп размером 128×84 м, в площадь которого была включена входящая в зону строительных работ большая часть территории памятника. Учитывая практически полное уничтожение памятника, было заложено пять перекрещивающихся траншей с целью возможного выявления культурного слоя и уровня залегания материка, в

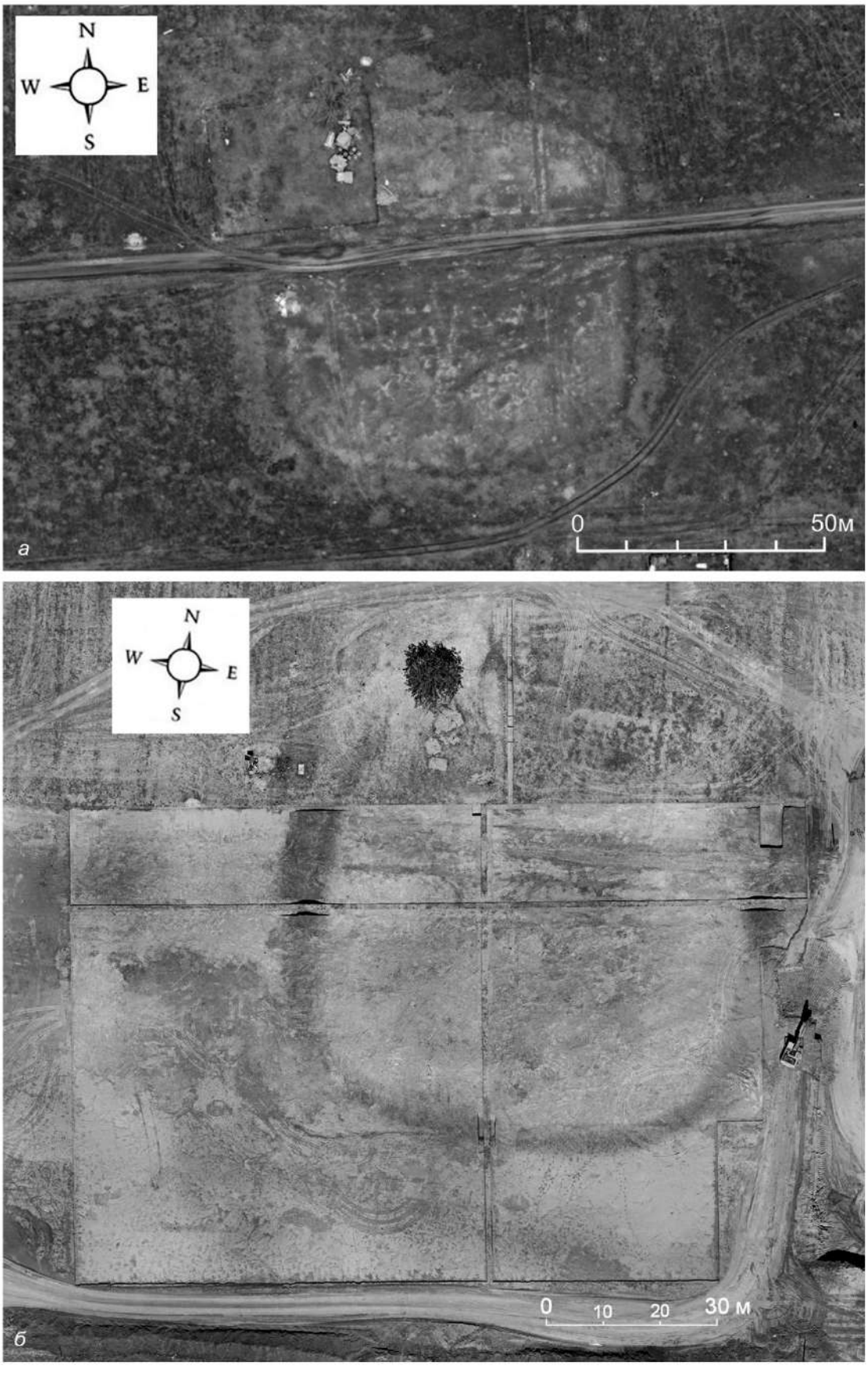


Рис. 1. Крепость Аркабаш: *а* – фото 2023 г.;
б – фото 2024 г. после завершения раскопок

которых наблюдался только материковый плотный лёсс. Полная зачистка территории крепости на уровне материковой поверхности в площади раскопа не выявила пятен хозяйственных ям или иных объектов (рис. 1, б).

Учитывая сохранность крепости, отсутствие снесенных в 2013 г. культурных слоев и валов, основное внимание было сконцентрировано на исследовании окружавших крепость рвов по всем четырем сторонам крепости. Всего было заложено 6 разрезов рвов: по два – на восточной и западной сторонах, по одному – на южной и северной. Серые пятна рва, окаймлявшего крепость, выделялись на фоне светло-коричневого материка. Во всех разрезах наблюдалось сходное заполнение, представлявшее средней плотности серый, темно-серый суглинок с карбонатными новообразованиями.

На восточном направлении глубина рва с пологими, наклонными откосами колебалась в пределах 85–115 см, при ширине 8-9 м. На западном направлении ширина рва с пологими бортами составила 7,8–8,6 м при глубине 90–126 см. На южном участке ров имеет ширину 5,9 м при глубине 1,75–1,8 м, дно ровное, горизонтальное, шириной 2,6–3,2 м; в отличие от других участков, ров здесь имеет развитый характер: его южный (наружный) откос (контрэскарп) – наклонный, относительно крутой (ок. 45°), северный (внутренний) откос, примыкавший к валам, имеет вертикальный эскарп высотой 1,15–1,4 м. На стратегическом северном направлении, обращенном в сторону равнины, ширина рва составила ок. 12 м при глубине по центру до max. 2,0 м; при этом северный (наружный) откос рва имеет пологий характер, тогда как у южного (внутреннего) откоса сначала также наблюдалось плавное понижение, переходящее затем в крутой эскарп высотой ок. 1,0 м.

В заполнении рва выявлен только 21 фрагмент керамической посуды. В разрезе южного рва найден единственный обломок отогнутого венчика красно-коричневого цвета горшка с обильной примесью шамота в тесте, с валиком под венчиком, рассеченным вдавлениями. В разрезах рва на западном направлении обнаружено 20 обломков керамической посуды, в т. ч. в средней части заполнения рва – 14 фр., в придонной части – 6 фр. Представленные образцы маловыразительны, принадлежат различных оттенков коричневым сосудам с хорошим обжигом, с плотным тестом с незначительной примесью песка, иногда с пояском из врезных прямых линий, сосудам с коричневой наружной поверхностью и серым изломом, с примесью шамота в тесте, в т. ч. венчику и горловине горшковидного сосуда, сероглиняному лощеному сосуда с чистым плотным тестом без заметных примесей. Обломки из придонной части рва представлены фрагментами: стенки серо-коричневого сосуда с грубым тестом с примесью шамота; стенок кухонного с серо-черным тестом с примесью песка с серо-коричневой заглаженной поверхностью; трех стенок сероглиняных сосудов со светло-серой лощеной поверхностью, с чистым плотным тестом без заметных примесей. Последние характерны для керамических изделий албано-сарматского времени, ỳже – рубежа эр – первых веков н.э. Очевидно, этим широким хронологическим диапазоном и следует датировать заполнение рва и сам памятник.

Эта дата может определять время возникновения и функционирования данного укрепления, не имевшего развитой фортификации. Обращает внимание отсутствие на близлежащей территории, окружающей крепость между двумя лощинами, курганных насыпей – они ранее наблюдались только на левобережье р. Ярык-су при выходе ее на равнину (Хасавюртовские 11-е курганы раннеаланского времени). Тогда как курганные могильники (Хасавюртовские, Андрейаульский) в большом количестве располагались за пределами урочища Аркабаш. Отметим также, что памятник находится на расстоянии 4 км к западу от Андрейаульского городища, выступающего центральным памятником раннегородского типа этой зоны, на подступах к нему. Не исключено, что крепость Аркабаш хронологически и стратегически связана с Андрейаульским городищем, верхняя дата которого, как ныне представляется, не выходит за рамки раннеаланского времени.

Литература

Магомедов М.Г. 1983. Образование Хазарского каганата: по материалам археологических исследований и письменным данным. М.

ИССЛЕДОВАНИЯ АКТАШСКОГО ГОРОДИЩА

Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Таймазов А.И., Хазамов Д.А.
Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

В 2024–2025 гг. в рамках спасательных археологических работ на участке строительства автодороги «Кавказ» в обход г. Хасавюрт были проведены раскопки северной части открытого в 2023 г. на территории выявленного объекта археологического наследия «Акташ кордон» городища, которому присвоено наименование Акташское городище.

Городище расположено на мысу на левом возвышенном берегу р. Акташ у ее выхода на Приморскую равнину в 0,5 км к востоку от с. Эндери и 0,9 км к СВ от Андрейаульского городища. Размеры городища составляют ок. 290×110 м (рис. 1, *а*). С напольных западной и южной сторон оно ограничено частично заплывшими оборонительными рвами. Западный ров, тянущийся с севера на юг, с относительно крутыми склонами с крутизной около 35°, имеет протяженность около 190 м. Смыкающийся с ним южный ров, следующий к пойме реки по направлению СЗ-ЮВ, имеет протяженность около 180 м. разрез западного рва показал, что он имеет ширину 30 м при первоначальной глубине на данном участке 4,45 м со стороны городища и 3,45 м с напольной стороны. В средней части западный ров имеет перемычку-въезд, шириной ок. 6 м, на городище с западной напольной стороны, по которой ныне проходит грунтовая дорога, следующая почти по направлению запад-восток, спускающаяся в восточной части городища к пойме реки и условно разделяющая городище на две части – северную и южную. Очевидно, городище имело продолжение в северную сторону, но оно было уничтожено при прокладке автодороги «Кавказ».

В северо-западной части городища близ западного рва располагались две курганообразные возвышенности, которые, как было установлено в ходе раскопок, оказались двумя многокомнатными усадьбами конца 1890-х – 1930-х гг. На основе полученных материалов предположено, что обитателями усадеб было переселившееся около 1896 г. население из малороссийских губерний и, вероятно, что это был известный по источникам Акташинский хутор.

В ходе работ на раскопе 2, площадью св.11 тыс. кв. м, заложенном в северной части городища было осуществлено вскрытие культурных напластований мощностью до 1 м на всей площади раскопа. В результате проведенных работ выявлена необычайно высокая насыщенность территории городища хозяйственными ямами, что указывает на активную, долговременную и непрерываемую жизнь на памятнике (рис. 1, *б*). На основе хронологических маркеров (керамика, наконечники стрел, бронзовая булавка и др.) городище предварительно датировано последними веками до н.э. Для уточнения хронологии памятника, более узкой его датировки отобран материал (кости животных, древесный уголь) для последующего радиоуглеродного анализа. Произведено вскрытие всех хозяйственных ям, выявленных в площади раскопа. Выявлено около 600 ям, многие из которых по определенным признакам первично представляли ямы для добычи материкового тяжелого суглинка с высоким содержанием глины, которая, очевидно, шла на изготовление керамических изделий (в первую очередь, посуды), а также турлучной обмазки (с добавлением рубленой соломы) для плетеных и жердевых конструкций.

В результате раскопок получена богатая коллекция керамической посуды, насчитывающая свыше 100 тыс. фрагментов и представляющая полный набор кухонной (горшки, баночные сосуды), столовой (кувшины, миски, плошки, кружки, в т. ч. с зооморфными ручками), тарной и ритуальной (чаши-курильницы с «кармашком», фиалы с орнаментированным врезными

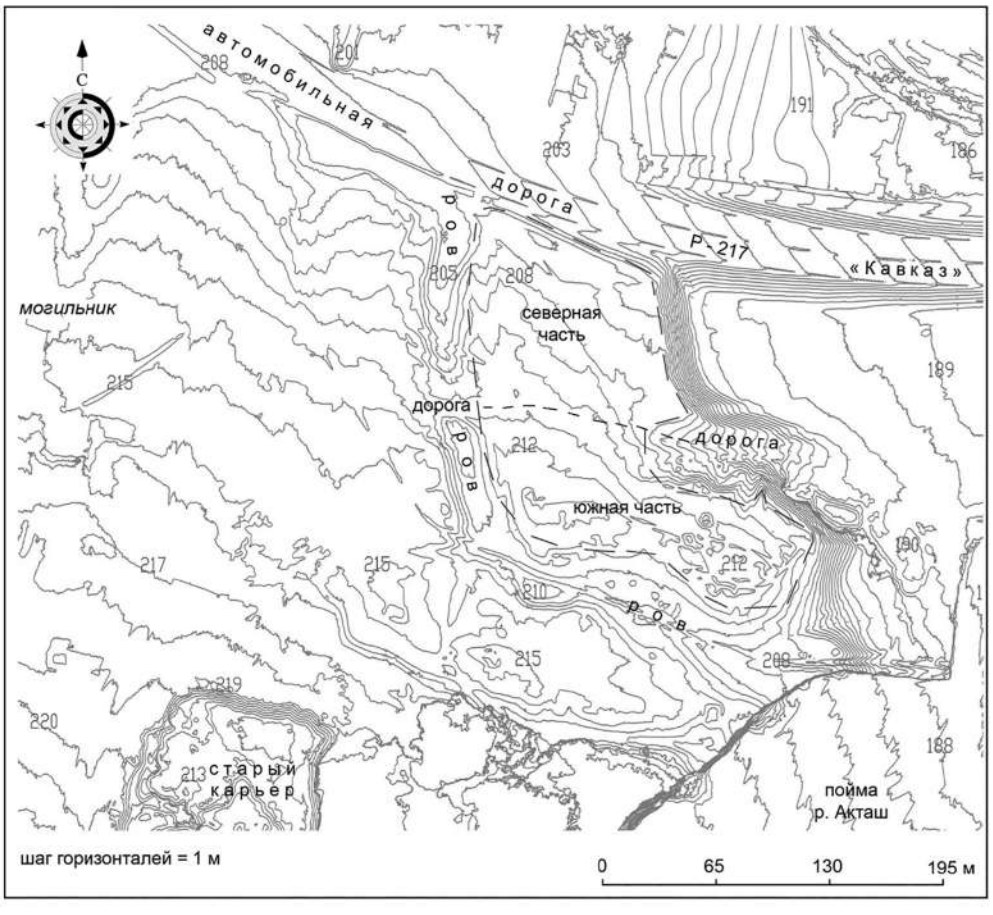




Рис. 1. Акташское городище: *а* – топографический план, *б* – общий вид раскопа 2 в северной части городища

треугольными фестонами широким бортиком, канфаровидные сосуды) керамики. Особо заметим, что значительная часть керамической посуды изготовлена на гончарном круге и подвергнута восстановительному обжигу. В составе керамического комплекса представлено много целых форм. Некоторые образцы кувшинов богато орнаментированы налепным и врезным орнаментом и представляют яркие образцы гончарного декоративно-прикладного искусства, проливающие определенный свет на религиозные представления местного населения.

Следует отметить находки большого количества керамических конусовидных грузил для рыболовных сетей, причем как обожженных, так и необожженных. Среди керамических изделий представлены также крышечки для сосудов, глиняные пряслица, переносной очаг, фигурка животного и др. Отметим большое количество обожженных фрагментов турлучной обмазки, в т. ч. с отпечатками столбов, жердей, прутьев.

Среди материалов городища представлено большое количество каменных орудий труда, включающих многочисленные наковаленки, терочники, песты, зернотерки, точильные бруски, пряслица.

В коллекции археологических находок значительное место занимают изделия из кости – различные проколки, в т. ч. с вырезом-пазом в верхней части, иглы, пряслица, многочисленные подвески из астрагалов МРС с просверленными отверстиями, наконечники стрел втульчатые пирамидальные и черешковый пулевидный, обработанные куски оленьих рогов. Особый интерес представляют находки 20 костяных коньков, как целых, так и фрагментов, изготовленных из метаподиев лошади. Коллекция костных остатков составляет св. 50 тыс. экз., представляющих домашних и диких животных, которая после соответствующего анализа даст возможность охарактеризовать состав стада, определить характер скотоводства, объекты охоты, роль охоты в хозяйственной жизни обитателей.

Изделия из металла представлены несколькими предметами. В яме 206 найдена бронзовая проволочная змеевидной формы серьга с раскованным утолщенным концом, орнаментированным двойными полукругами; в яме 290 – бронзовая круглого сечения булавка длиной 8,9 см с маленьким навершием и расширением с узким отверстием в верхней части; в яме 453а – фрагмент тонкого полукруглого в сечении бронзового браслета с одним заостренным концом. Особо обратим внимание на находку в яме 89 обломка бронзовой булавки с подтреугольной формы пластинчатым навершием со свернутым в трубочку верхом и пунсонным орнаментом в поле, аналогичной найденным в могильниках позднего (заключительного) этапа кобанской культуры, некрополях Северо-Восточного Кавказа IV–II вв. до н.э. (могильники Яман-су, Черкез-кутан, Хабада и др.), а также обнаружение рядом с ямой 214 бронзового трехлопастного втульчатого наконечника стрелы, типичного для савроматской и раннесарматской культур.

Эти предметы и пространный ряд керамических форм являются хронологическими ориентирами для предварительной датировки памятника в рамках III–I вв. до н.э. Вместе с тем, в керамическом комплексе городища наблюдается тесная связь с керамическими формами из курганов-кладбищ равнинно-предгорной зоны центральных и восточных районов Северного Кавказа – памятников типа Чегем-Манаскент, датируемых в диапазоне III в. до н.э. – начало II в. н.э. (Малашев, Маслов, 2021. С. 81–132).

В завершении отметим, что важным стало открытие в ходе археологических наблюдений в зоне земляных работ восточной окраины Акташского могильника, расположенного рядом к западу от городища и представленного погребениями в грунтовых ямах в скорченном положении на правом или левом боку с ориентировкой в южный сектор. Могильник, датируется IV–II вв. до н.э. и характеризует местное аборигенное население, предшествовавшее появлению в регионе в III–II вв. до н.э. носителей памятников типа Чегем-Манаскент.

Литература

Малашев В.Ю., Маслов В.Е. 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20. № 2.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА БРОНЗОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ МОГИЛЬНИКА НОВОЗАВЕДЕННОЕ-II

Геншпринг Д.М.[1], Ениосова Н.В.[2]
[1]Государственный музей Востока, г. Москва
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00108-П проект «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл»

Химический состав металла наконечников стрел из раскопок (под руководством В.Г. Петренко) могильника Новозаведенное-II (третья четверть VII – середина VI в. до н.э.) был исследован в лаборатории кафедры археологии исторического факультета МГУ с помощью неразрушающего рентгенофлуоресцентного энергодисперсионного метода (РФА) на стационарном приборе ArtTAX-BRUKER AXS. Для анализа было отобрано 30 наиболее сохранившихся образцов эпохи раннескифской архаики из трех курганов (7, 13 и 16), 25 из которых типологически относятся к трехгранным (Петренко, Маслов, Канторович, 2006. С. 388–423). На небольших участках поверхности всех экземпляров предварительно механически были удалены зеленые продукты коррозии и слой куприта. Полученные результаты показали, что в пробах содержались сплавообразующие элементы – медь, олово и свинец, а также примеси – никель, цинк, свинец и железо в различных пропорциях. За условную границу искусственного легирования принят 1 % порог содержания элементов.

Все изученные стрелы изготовлены из бронзы: 18 проб относится к трехкомпонентному сплаву Cu-Sn-Pb – оловянно-свинцовым бронзам; 12 экземпляров выполнено из бинарной бронзы – Cu-Sn. Содержание олова варьирует в образцах от 3,29 до 50,48%, а свинец встречается в концентрациях от 0,99 до 38,18% (рис. 1, *1, 2*). Завышенные содержания олова в металле 9 образцов (выше 25%) связаны с невозможностью полностью удалить все продукты коррозии с поверхности механически, межкристаллитной коррозией, затрагивающей глубинные слои металла и неоднородной структурой бронзовых сплавов (дендритной ликвацией), возникающей в процессе литья. Кроме того, в поверхностном слое высокооловянных сплавов (Sn>20%) содержится значительно больше олова, чем в глубине металла из-за эффекта поверхностного обогащения – оловянного выпота. Свинец также подвержен ликвации: он не растворяется в металле, а выделяется в виде округлых включений различного диаметра, вызывая появление участков, обогащенных свинцом. В процессе измерения проб не было возможности избежать этих объективных препятствий, так как облучению подвергалась площадь диаметром 0,2 мм. По причинам, указанным выше, результаты неразрушающего РФА принято относить к полуколичественным (Orfanou, Rehren, 2015. P. 387–397).

Т.Б. Барцева определила, что в Днепровском Лесостепном Левобережье из бинарных оловянных бронз производились наконечники стрел во второй половине – конце VII – начале VI в. до н.э. (Барцева, 1981. С. 32). Двойные оловянные бронзы использовали для изготовления стрел из Краснознаменского могильника, материалы которого относятся к середине-последней четверти VII в. до н.э. и Нартанского могильника, который датируется рубежом VII/VI–V вв. до н.э. (Барцева, 1989. С. 111; Барцева, 1985. С. 120). Результаты, полученные

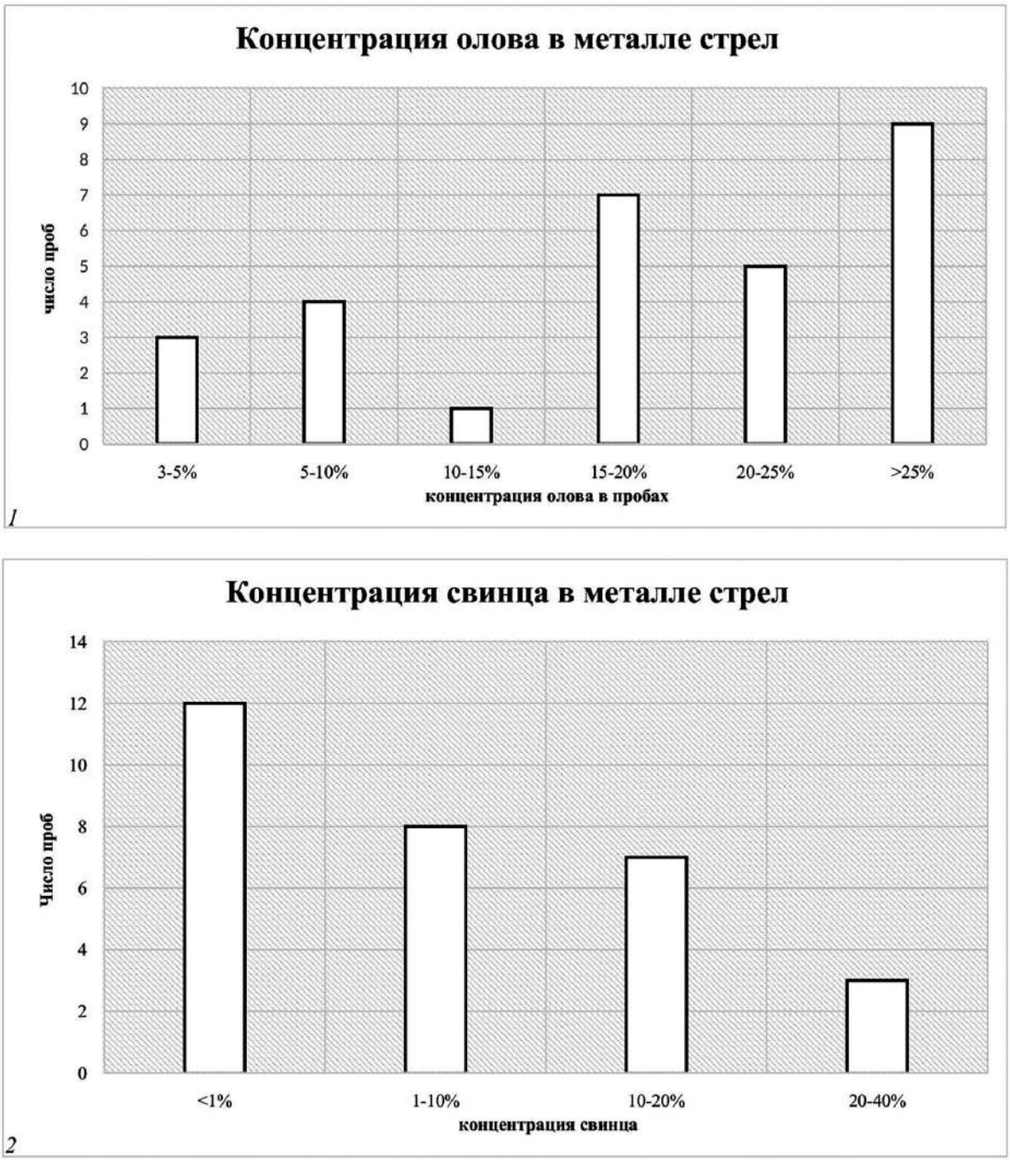


Рис. 1. Гистограммы концентраций олова и свинца в металле наконечников стрел:
1 – интервалы концентраций олова (Sn) в металле наконечников стрел,
2 – интервалы концентраций свинца (Pb) в металле наконечников стрел

для второй хронологической группы, показывают, что на рубеже VI–V вв. и в V в. до н.э. для изготовления стрел на Левобережье начинают использовать оловянно-свинцовые бронзы, которые практически не представлены в синхронных выборках по стрелам в Прикубанье, Пятигорье, на Южном Урале и в Северном Казахстане (Барцева, 1981. С. 34–35).

При сравнении концентрации олова во всех выборках выясняется, что только для наконечников из Новозаведенного II характерна высокая доля сплавов с концентрацией олова, превышающей 20%. Такие сплавы очень хрупкие и не поддаются пластической деформации в холодном состоянии (Равич, 1982. С. 139). Однако высокооловянные бронзы отличаются

высокой твердостью и хорошо полируются: стрелы из такого материала можно сделать очень острыми, то есть обеспечить им оптимальные проникающие свойства благодаря специально добавленному олову (Martinón-Torres et al., 2011. P. 72).

Для сравнения было исследовано 7 наконечников стрел из кургана 2 могильника Новозаведенное-III (раскопан под руководством А.Р. Канторовича и В.Е. Маслова), относящегося к более поздней эпохе (последняя треть V–IV в. до н.э.). В этой выборке преобладают оловянно-свинцовые бронзы со средним содержанием олова (Sn – 9,07–14,83%), концентрация свинца варьирует в широких пределах (Pb – 16,61–30,44%). Несмотря на погрешности, связанные с коррозией, можно предположить, что при изготовлении этих стрел в сплав преднамеренно было добавлено много свинца. Олово – редкий и более дорогой, чем свинец, металл, очевидно, что его стремились экономить. Из оловянно-свинцовой бронзы изготавливали стрелы, уступавшие по твердости высокооловянным, но присадка свинца значительно снижала температуру плавления сплава и добавляла ему жидкотекучесть – способность быстро заполнять литейную форму.

Из элементов-примесей (0,1–1%) в наконечниках стрел из Новозаведенного II были обнаружены никель, цинк, железо и висмут, концентрация которых составляет в среднем десятые доли процента. Сравнивать показатели по микропримесям из новозаведенной выборки с данными, опубликованными Т.Б. Барцевой некорректно, так как чувствительность эмиссионного спектрального анализа, который использовала исследовательница, значительно выше, чем у РФА, что позволило ей определять микропримеси на уровне сотых и тысячных долей процента. Тем не менее можно отметить, что в нашей выборке зафиксированы образцы с более высоким содержанием висмута, никеля и цинка, чем отмеченные прежде для Прикубанья и Ставрополья (Барцева, 1981. С. 28). Присутствие этих примесей в целом свидетельствует об использовании сульфидных руд.

Относительно высокая концентрация цинка, немного превышающая порог легирования (Zn – 1,16 и 1,26 %) зафиксирована у двух образцов из Новозаведенного II (курган 7). Две пробы с содержанием цинка выше 1% есть также в выборке из Днепровско-Карпатского бассейна. Эти стрелы обнаружены в погребении Суручень второй половины VI – нач. V в до н.э. (Топал, 2023. С. 162–163. Tab. 2, № 16, № 18). В обоих случаях цинк попал в металл непреднамеренно. Высокий цинк (от 1 до 10%) изредка фиксируется в медных сплавах Юго-Западной Азии и степного Предкавказья начиная с III тыс. до н.э., но этот сплав не создан искусственно, а получен непреднамеренно при выплавке металла из полиметаллических или медных руд с высоким содержанием цинка в окислительных условиях (Thornton, 2007. P. 124–132). По мнению С.Н. Кореневского, полиметаллические медно-цинковые колчеданные руды характерны для месторождений Закавказья (Кореневский, 2001. С. 162–163).

Таким образом, рентгенофлуоресцентный анализ наконечников стрел могильника Новозаведенное-II продемонстрировал, что оловянно-свинцовые бронзы как основной сплав для изготовления наконечников стрел появляются на памятниках Ставрополья раньше, чем в Днепровском Левобережье. В Нартанском могильнике соотношение оловянно-свинцовых и оловянных бронз в наконечниках стрел было практически одинаковым (Барцева, 1985. С. 120), а в Краснознаменском могильнике в курганах 1 и 9, которые относятся к середине VII в. до н.э., преобладали оловянные бронзы (Барцева 1989. С. 111). Большой разброс в содержании олова, свинца и примесей, а также использование высокооловянных бронз свидетельствует о различных источниках поступления металла в мастерские, выпускавшие однотипные стрелы, обнаруженные в курганах могильника Новозаведенное-II.

Литература

Барцева Т.Б. 1981. Цветная металлообработка скифского времени. М.

Барцева Т.Б. 1985. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан (по данным спектрального анализа) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик.

Барцева Т.Б. 1989. Раннескифский цветной металл в Предкавказье (комплекс «Красное Знамя») // Естественнонаучные методы в археологии. М.

Кореневский С.Н. 1981. Химический состав бронзовых изделий из Тлийского Могильника // СА. № 3.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. 2006. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи. М.

Martinón-Torres M., Xiuzhen Janice Li., Bevan A., Yin Xia, Zhao Kun, Rehren Th. 2011. Making Weapons for the Terracotta Army // Archaeology International. No. 13/14.

Orfanou V, Rehren Th. 2015. A (not so) dangerous method: pXRF vs. EPMA-WDS analyses of copper-based artefacts // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 7. Iss. 3.

Thornton Ch. 2007. Of brass and bronze in prehistoric Southwest Asia //Metals and Mines. Studies in Archaeometallurgy. London.

ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОД КРАСНОДАРОМ. ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Горланов С.С.
Институт археологии РАН, г. Москва

Первые сведения об археологических памятниках на территории станицы Елизаветинской относятся ко второй половине XIX столетия. В 1882 г. были опубликованы Труды предварительных комитетов подготовки V Археологического съезда в Тифлисе. Среди опубликованных материалов присутствовал «Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 году» В.Л. Беренштама. Среди представленных результатов работ были описаны раскопки автора нескольких курганов и городища в окрестностях Екатеринодара (Беренштам, 1879. С. 297–321). Исследователь Кубани Е.Д. Фелицын на протяжении нескольких лет путешествовал по Западному Кавказу, собирая информацию о древностях, и в 1882 г. составил археологическую карту Кубанской области, ставшую первой в своем роде в Российской Империи. На территории, расположенной в окрестностях станицы Елизаветинской, на правом берегу р. Кубань, исследователь нанес на карту 2 городища и несколько курганов (Фелицын, 1882).

В первую очередь внимание исследователей привлекал Елизаветинский курганный могильник, расположенный к востоку от городища и грунтового могильника. Наиболее крупные насыпи, расположенные в юго-восточной части могильника, были исследованы Н.И. Веселовским в 1912–1917 гг. и содержали сложные погребальные конструкции с многочисленным инвентарем. Курганы северо-западной части могильника имеют несколько меньшие размеры, два из них также были исследованы Н.И. Веселовским (Веселовский, 1916. С. 57–59; Веселовский, 1918. С. 151–157).

В 1917 г. Н.И. Веселовский копал и на территории самого городища, ошибочно приняв один из двух холмов (цитаделей) на поселении за курган. Им была раскопана примерно четверть объекта. Вероятно, он понял ошибку и прекратил раскопки. Информация о находках в отчете Н.И. Веселовского отсутствует (Городцов, 1936. С. 172). В 1926–1932 гг. на Елизаветинском городище велись работы М.В. Покровским совместно с Н.В. Анфимовым с привлечением школьников и студентов из Краснодара. Осуществлялись сборы подъёмного материала в обрывах берега старого русла реки Кубани, где на протяжении 600 метров имелись выходы культурного слоя (Покровский, 1931).

В 1929 году М.В. Покровским также была осуществлена расчистка трёх погребений грунтового могильника на краю террасы, на участке, примыкающем к городищу с северо-запада. Все они были совершены в соответствии с меотским погребальным обрядом. Костяки людей находились в вытянутом положении, около черепа или в ногах находилась сероглиняная миска. Помимо керамики в погребениях было встречено бронзовое зеркало, монеты, глиняные таблички, наконечники копий, бусы, подвески, перстни, фрагменты бронзового сосуда. Материал был зарисован, были составлены планы погребений и опись находок. Всего с 1928 по 1931 годы было исследовано 14 погребений (Покровский, 1929).

В 1928–1929 гг. на территории городища проводились небольшие шурфовочные работы Ю.С. Крушкол. В 1928 г. ей были заложены два шурфа, на севере и на юго-западе городища, а в следующем полевом сезоне – на юго-востоке. В результате раскопок были обнаружены

фрагменты керамики, как местной, так и греческой и, по всей видимости, был расчищен пол жилища (Крушкол, 1930. С. 19).

В 1934 г. в станице Елизаветинской производились раскопки 1-ой Кубанской археологической экспедиции АН СССР и МОГАИМКа под руководством профессора В.А. Городцова, в составе которой работали его заместитель – профессор С.Н. Быковский и научные сотрудники Д.Н. Лев, М.В. Покровский и Н.В. Анфимов. Экспедиции удалось раскопать часть обнажившейся в обрыве глинобитной печи (Городцов, 1935. С. 76).

В 1935 году 2-ая Кубанская археологическая экспедиция АН СССР под руководством профессора В.А. Городцова работала в станице Елизаветинской более месяца, с 1 июня по 15 июля. Эти работы, без сомнения, можно назвать самыми крупномасштабными. Были заложены раскопы не только на территории городища, но и на грунтовом могильнике. В.А. Городцовым был составлен план памятника, он предложил разделить городище на две части: «Западное» и «Восточное». Под «Западным городищем» исследователь понимал собственно площадку поселения, под «Восточным» – обширный участок террасы, ограниченный рвом и валом.

Целью работ экспедиции в 1936 году было выяснение планов и форм жилых и хозяйственных помещений и рвов, окружающих два укреплённых холма западного городища: 1) в северо-западной части, 2) во рву, восточнее круглого холма, и 3) восточнее круглого холма (Городцов, 1941. С. 210–214).

В 1934–1935 гг. на грунтовом могильнике исследовано 95 погребений. Самые ранние погребения относятся к концу IV в. до н.э., самые поздние – к началу I в. до н.э. Н.Е. Берлизов и И.Н. Анфимов опубликовали описания раскопанных погребений, используя дневники Н.В. Анфимова, планы части погребений и раскопов, зарисовки находок и таблицы, характеризующие обряд и характер находок из каждого погребения (Берлизов, Анфимов, 2006. С. 121).

В 1937–1951 годах на Елизаветинском городище масштабные работы не велись, только Н.В. Анфимов расчистил две гончарные печи и исследовал несколько грунтовых погребений (Шилов, 1955. С. 230). В 1952 году на памятнике проводил работы Краснодарский отряд Северо-Кавказской экспедиции ИИМК под руководством В.П. Шилова. В результате были весьма тщательно исследованы четыре гончарные печи, вокруг которых был найден надёжно датируемый керамический материал (Шилов, 1955. С. 228–240).

Все раскопанные на Елизаветинском городище курганы были схожи между собой. Н.И. Веселовским везде были найдены: склеповая погребальная конструкция, деревянное перекрытие над ней, опиравшееся на столбы, к погребению вёл дромос, тоже с деревянным перекрытием. Во всех курганах встречалась греческая керамика, предметы защитного и наступательного вооружения, золотые бляшки, сопроводительные человеческие и конские захоронения. На Елизаветинском грунтовом могильнике за все годы работы было исследовано примерно 113 погребений. Также, как и в поселенческих слоях, здесь были обнаружены остатки античной керамики. В погребениях присутствовали амфоры, канфары, амфориски, рыбные блюда и одна мегарская чаша. Из украшений встречались бусы (чаще стеклянные, реже гешировые), браслеты, кольца, перстни, булавки и височные кольца. В одном из женских погребений были обнаружены флакончики и небольших размеров керамические сосудики, похожие на косметические. В инвентаре некоторых захоронений были зеркала. Предметы вооружения были представлены наконечниками стрел, копий и мечами. Также были обнаружены удила и псалии, оселки и ножи, глиняные пряслица и пантикапейские монеты. Последние в нескольких случаях были положены в рот умершему, что является само по себе яркой иллюстрацией влияния греческой культуры на меотскую или, как считают некоторые исследователи, это подтверждает, что на территории Елизаветинского городища помимо меотов проживали боспорские греки.

Елизаветинское городище занимает особое место среди памятников Среднего Прикубанья. Это укреплённое поселение с валом, рвом, цитаделью, грунтовым (рядовым) и курганным (знатным) могильниками, селищем является очень хорошим источником для комплекс-

ного археологического исследования и исторических реконструкций. Учитывая, что после 1952 года масштабные полевые работы на Елизаветинском городище и прилегающих к нему могильниках не проводились, несомненно, современные раскопки могли бы помочь в деле уточнения стратиграфии, планиграфии и хронологии этого без сомнения важного памятника.

Литература

Бернштам А.В. 1879. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1876 г. // Пятый Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета. М.

Берлизов Н.Е., Анфимов И.Н. 2006. Елизаветинский могильник № 1 (по данным рукописного архива Н.В.Анфимова) // МИАСК. Вып. 6. Армавир.

Веселовский Н.И. 1916. Отчёт императорской археологической экспедиции за 1912 год. Петроград.

Веселовский Н.И. 1918. Отчёт археологической экспедиции за 1913–1915 годы. Петроград.

Городцов В.А. 1935. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища в 1934 году (предварительное сообщение) // Советская Этнография. № 3. М.

Городцов В.А. 1936. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. // СА. № 1.

Городцов В.А. 1941. Станица Елизаветинская // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.–Л.

Крушкол Ю.С. 1930. Археологические работы на Кубани и Черноморье (о раскопках Краснодарского и Елизаветинского городищ) // Наука и Техника. № 38. Л.

Покровский М.В. 1929. Краткий отчёт о работах в Кубанском округе Краснодарского края // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 177.

Покровский М.В. 1931. Отчёт о работах на Елизаветинском городище // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794.

Фелицын Е.Д. 1882. Археологическая карта Кубанской области. М.

Шилов В.П. 1955. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам в 1952 г. // СА. № 23.

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КЕРАМИКИ КРУГА ЧОВДАРСКОГО НЕКРОПОЛЯ В ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАКАВКАЗЬЯ

Гусейнова Л.А.
Институт археологии и антропологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

В западной части Азербайджана, в пределах Малого Кавказа, вблизи с. Човдар Дашкесанского района в 2019 и 2021 гг. был исследован крупный некрополь, состоящий из каменных ящиковидных погребений. В ходе раскопок было вскрыто 214 захоронений. В ряде комплексов инвентарь отсутствовал, либо не были зафиксированы костные останки; отдельные погребения оказались полностью безинвентарными (Ашуров и др., 2025).

Количественно преобладают керамические материалы – главным образом глиняные сосуды, а также пряслица и бусины. Всего выявлено 758 сосудов. Их ассортимент представлен кувшинами, мисками, котлообразными сосудами, чашами, кружками, а также сосудами типов кюзе, парч, маслобойка и хейре.

Керамика изготовлялась двумя способами: ручной лепкой и на гончарном круге. Лепные сосуды характеризуются более толстыми стенками и сложной орнаментацией; круговая посуда отличается сравнительно тонкими стенками и тщательной обработкой поверхности. Для декора использованы техники лощения, насечки, резьбы, налепа и гравировки. Орнаментальный репертуар включает геометрические, растительные и зооморфные мотивы. Наиболее сложные композиции зафиксированы преимущественно на лепных сосудах. Среди мотивов встречаются изображения свастики, креста, козла и оленя, чаще всего размещённые на тулове сосудов типа хейре и мисок (Гусейнова, 2022. С. 27).

Радиоуглеродные данные позволяют датировать некрополь XIII–VIII вв. до н.э., однако ограниченность выборки анализов допускает более продолжительный период функционирования комплекса.

В азербайджанской археологии керамика Човдара относится к гедабейской группе Ходжалы–Гедабейской культуры. Вместе с тем её параллели прослеживаются на обширной территории. В пределах Азербайджана аналогичные формы и орнаменты выявлены в Байане, Хачбулаге, Сарван-тепе, Ясты-тепе, Тава-тепе, Зеямчайском и Товузчайском некрополях, Зейликском могильнике, Лешкер-кале, а также в курганах бассейна Гянджачая (Кесаманлы, 1976; Ланери и др., 2025. С. 75; Мусейибли, Наджафов, 2019; Гёйюшова, 2017. С. 172; Гусейнова, 1989. С. 99; Наджафов, 2014.). Полное совпадение наблюдается в формах сосудов типа хейре, мисок и кувшинов, а также в изображениях свастики на грибовидных ручках.

Синхронные материалы получены из Иланлы-тепе, Узун-Реме и Мунджуклу-тепе. В памятниках карабахской группы (Ахмахы, Борсунлу, Бейимсаров, Сарычобан, Палыдлы) сходство проявляется прежде всего в орнаментальной системе, несмотря на различия в технологии обжига (Джафаров, 2020).

Параллели фиксируются и в Нахичевани (Шахтахты, Коланы, Кумлуг, Бояхмет, Газхан). Котлообразный сосуд из Шахтахты практически идентичен сосуду из погребения № 140 Човдара, отличаясь лишь цветом поверхности (Агаев, Рзаев, 2010). В кургане Арвана (Талыш–Муганская культура) выявлены сосуды как ходжалы-гедабейской, так и местной традиции, что свидетельствует о межрегиональных контактах (Агаларзаде, 2024).

За пределами Азербайджана особенно показательные аналогии представлены в Лчашен–Мецаморской культуре. Керамический комплекс некрополя Артик (XIII–XII вв. до н.э.) практически идентичен по форме и орнаментацим човдарским сосудам (Хачатрян, 1963). Сходные черты наблюдаются и в Лчашен–Цителгори культуре. Отдельные формы фиксируются в курганах Лариджана на северо-востоке Ирана; орнаментальные мотивы находят параллели в анатолийской керамике.

Широкий ареал распространения човдарской керамики вновь актуализирует ряд проблем, до настоящего времени не получивших окончательного решения. В частности, остаётся дискуссионным вопрос о роли керамики в формировании понятия «археологическая культура». Следует отметить, что археологическая культура включает такие категории, как различные социальные модели, культурные группы и традиции, технокомплексы, хронологические горизонты и стилевые зоны. В этой связи закономерно возникает вопрос: возможно ли на основании одного лишь сходства керамики говорить о единой культуре?

Наши выводы сводятся к тому, что границы культуры, обозначаемой нами как Ходжалы–Гедабейская, значительно шире, чем это предполагалось ранее. Отсутствие совместных исследований азербайджанских, армянских и грузинских учёных по данной проблематике затрудняет научное обоснование гипотез, касающихся культур позднего бронзового – раннего железного века Кавказа. Мы предполагаем, что Ходжалы–Гедабейская, Лчашен–Мецаморская и Лчашен–Цителгори культуры сформировались в рамках единой археологической культуры, внутри которой выделялись региональные или субкультурные группы. Более того, включение памятников с территорий Армении и Грузии в три группы, традиционно выделяемые в составе Ходжалы–Гедабейской культуры, принципиально меняет представления о структуре данного культурного образования.

В этой связи представляется необходимым как минимум провести чёткую культурную идентификацию указанных комплексов, опираясь прежде всего на систематизацию керамических материалов и их сравнительный анализ.

На данном этапе мы полагаем, что три вышеупомянутые культуры представляют собой единую археологическую культуру, в рамках которой керамика Човдарского некрополя относится к одному из региональных либо субкультурных вариантов. Следует также отметить, что азербайджанские исследователи связывают поздний этап Ходжалы–Гедабейской культуры на территории Азербайджана с формированием культуры Ялойлу-тепе.

Литература

Агаларзаде А.М. 2024. Арванинские курганы эпохи раннего железа // Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвящённой 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. Москва, 22–26 апреля 2024 г. М.

Агаев К., Рзаев З., Оруджов А., Касымова В. 2012. Исследования 2010 года в Шахтахтинском археологическом комплексе // Археологические исследования в Азербайджане. Баку.

Ашуров С., Джалилов Б., Гусейнова Л., Халафова-Алиева Ф., Гасанова В. 2025. Човдарский некрополь. Баку.

Гёйюшова Т. 2017. Итоги археологических исследований Гедабейской археологической экспедиции в Гедабейском районе в 2015–2016 гг. // Археологические исследования в Азербайджане 2015–2016. Баку.

Гусейнова Л. 2022. Аналогии орнаментов човдарской керамики в Карабахе // Шуша-270: Археология, история, этнография и антропология: тезисы республиканской научной конференции, 18 февраля 2022 г. Баку.

Гусейнова М. 1989. Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа (XIV–IX вв. до н.э.). Баку.

Джафаров. Г. 2020. Древний Карабах. Баку.

Кесаманлы Г.П. 1976. Хачбулагский курган с массовым захоронением // Материальная культура Азербайджана. Т. VIII. Баку.

Ланери Н., Джалилов Б., Валентини С., Гусейнова Л., Паппаллардо К., Мендола А., Маммана Р. 2025. Археологический курганный проект Гянджинского региона (2014–2018) // Азербайджанский журнал археологии и антропологии. Т. 1. Вып. 1. Баку.

Мусейибли Н., Наджафов Ш. 2019. Зейемчай.

Наджафов Ш. 2014. Глиняные изделия поселения Ясты-тепе // Археология и этнография Азербайджана. Баку.

Хачатрян Т.С. 1963. Материальная культура древнего Артика. Ереван.

БРОНЗЫ ГОРНОГО ВАРИАНТА ПРОТОМЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Ениосова Н.В.[1], Эрлих В.Р.[2], Леонтьева А.С.[3], Геншпринг Д.М.[1]
[1]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,, г. Москва
[2] Государственный музей Востока, г. Москва
[3]ООО «Культурное Наследие», г. Москва

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00108-П проект «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл»

Активные работы последних лет в горной зоне Республики Адыгея позволили выделить особый «горный» вариант меотской культуры и протомеотских памятников (Эрлих, 2025. С. 370-390). Древнейшим из них является памятник перехода к раннему железному веку – могильник Азишский-1, находящийся на хребте Азиштау выше станицы Даховской. В 2024 году были проведены аналитические исследования металла этого могильника из раскопок 2023 г. (см. Эрлих и др., 2024).

Из четырех погребений Азишского грунтового могильника 1–3 и 10, (IX – первой половины VIII вв. до н.э.) для изучения было отобрано 19 образцов. Трасологическое исследование поверхности находок производилось на стереомикроскопе Zeiss Stemi, определение химического состава металла выполнялось с помощью неразрушающего энергодисперсного рентгенофлюоресцентного безэталонного анализа на стационарном оборудовании с молибденовой трубкой и полупроводниковым детектором ArtTAX-BRUKER AXS. В выборку попали литые массивные бусины, спиральные пронизки, булавки различных типов, бляшки и височная подвеска. Изучено 23 пробы, для проверки диапазона вариаций содержания элементов на поверхности весловидных булавок измерения производились в нескольких точках.

Результаты исследования химического состава металла из Азишского могильника показали, что 18 находок изготовлены из сплавов на основе меди (таб. 1). Несмотря на малый размер выборки, прослеживается корреляция между типами изделий и типом сплава для производства массивных бусин, спиральных пронизок и булавок.

На общем фоне протомеотских бронз для данной выборки характерно отсутствие предметов из мышьяковых сплавов. Однако отметим, что анализу подвергались пока только исключительно украшения. В тоже время известно, что на Северо-Западном Кавказе мышьяковые сплавы в эпоху поздней бронзы и в начале железного века (Николаевский могильник) гораздо чаще использовались для изготовления орудий труда и предметов вооружения (Эрлих, 2007. С. 165-169; Эрлих, Гак, 2020.С. 49, 50).

Из бинарной оловянной бронзы изготовлены три спиральные пронизки (рис. 1, *1–3*). Лигатура олова колеблется в сплаве от 13 до 17 %. Отметим, что подобные изделия из оловянной бронзы известны на Северо-Западном Кавказе еще с начала поздней бронзы (XVIII–XVI вв. до н.э., период Шушук-II) (Эрлих, Гак, 2020. С. 49).

Особенность исследуемой выборки – изделия из сурьмяной бронзы (три массивные бусины и выпуклая круглая бляшка (рис. 1, *10–13*). Процентное содержание сурьмы в сплаве составляет от 1 до 22 процентов. Сплавы меди с сурьмой встречаются на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы (Chernykh, 1992. P. 283, 290). Отметим, что сурьма встречена здесь

Таблица 1. Химический состав металла предметов из Азишского грунтового могильника (курган Азишский-16, 2023 г.)

№	Название	Паспорт	Cu, %	Sn, %	Pb, %	Zn, %	Sb, %	Fe, %	Ni, %	Тип сплава	Техника изготовления
1	Бусина массивная	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 1, нах. 1, опись 35	93,08	0,00	5,82	0,22	0,00	0,00	0,88	Cu-Pb	Литье со вставным стержнем
2	Булавка	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 1, нах. 2, опись 36	85,87	0,00	13,24	0,21	0,00	0,00	0,68	Cu-Pb	Литье
3	Бусина массивная	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 1, нах. 3, опись 37	48,49	0,00	41,28	0,12	9,54	0,00	0,56	Cu-Sb-Pb	Литье со вставным стержнем, литейный брак
4	Булавка	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 1, нах. 4, опись 38	92,86	0,00	6,1	0,22	0,00	0,00	0,82	Cu-Pb	Литье (?)
5	Бусина массивная	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 2 нах. 1, опись 39	78,37	0,00	4,19	0,22	16,43	0,00	0,79	Cu-Sb-Pb	Литье со вставным стержнем, литейный брак
6	Бусина массивная	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 2, нах. 2, опись 40,	76.06	0,00	7,59	0,21	1,11	0,03	0,4	Cu-Sb-Pb	Литье со вставным стержнем, литейный брак
7	Булавка массивная (игла)	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 2, нах. 3 опись 41	73,11	23,96	2,12	0,22	0,00	0,05	0,54	Cu-Sn-Pb	Литье, ковка, пуансонный орнамент на головке
8	Булавка массивная (головка)	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 2, нах. 3, опись 41_1	42,91	51,59	5,24	0,15	0,00	0,12	0,4	Cu-Sn-Pb	Литье, ковка, пуансонный орнамент на головке, лужение (?)
9	Булавка массивная (головка)	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 2, нах. 4, опись 42	47,67	46,93	4,82	0,13	0,00	0,00	0,08	Cu-Sn-Pb	Литье, ковка, пуансонный орнамент на головке, лужение (?)
10	Булавка массивная (игла)	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 2, нах. 4, опись 42_1	71,94	24,3	2,89	0,2	0,00	0,00	0,66	Cu-Sn-Pb	Литье, ковка, пуансонный орнамент на головке, лужение (?)

Продолжение таблицы 1

№	Название	Паспорт	Cu, %	Sn, %	Pb, %	Zn, %	Sb, %	Fe, %	Ni, %	Тип сплава	Техника изготовления
11	Булавка массивная (головка)	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 2, нах. 4, опись 42_2	75,37	21,32	2,30	0,1	0,00	0,00	0,75	Cu-Sn-Pb	Литье, ковка, пуансонный орнамент на головке, лужение (?)
12	Булавка массивная (игла)	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 2, нах. 4, опись 42_3	82,76	15,32	1,29	0,1	0,00	0,03	0,6	Cu-Sn-Pb	Литье, ковка, пуансонный орнамент на головке, лужение (?)
13	Бляшка-скорлупка	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 3, нах. 1, опись 46	64	0,00	13,77	0,2	22	0,03	0,00	Cu-Sb-Pb	Литье по выплавляемой восковой модели
14	Пронизка спиральная	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 3, нах. 2, опись 47	85,71	14,88	0,57	0,1	0,00	0,04	0,4	Cu-Sn	Ковка, навивка на стержень
15	Браслет	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 3, нах.3, опись 48	77,55	20,6	1,09	0,19	0,00	0,05	0,52	Cu-Sn-Pb	Литье по выплавляемой восковой модели
16	Булавка изогнутая	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 3, нах. 4, опись 49	57,67	0,00	41,67	0,14	0,00	0,00	0,52	Cu-Pb	Литье, ковка
17	Пронизка спиральная	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 3, нах.5, опись 50	86,47	13,11	0,37	0,1	0,00	0,05	0,00	Cu-Sn	Ковка, навивка на стержень
18	Бляшка коническая	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 3, опись 53	55,16	42,07	1,66	0,15	0,00	0,61	0,00	Cu-Sn-Pb	Литье по выплавляемой восковой модели
19	Пронизка спиральная	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 10, нах. 1, опись 65	81,04	17.45	0,62	0,19	0,00	0,03	0,67	Cu-Sn	Ковка, навивка на стержень
20	Булавка	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 10, нах. 1, опись 66	96,22	0,00	2,97		0,00	0,04	0,77	Cu-Pb	Литье
21	Бляшка-скорлупка	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 1 0, нах.3, опись 67	66,15	31,69	1,39	0,18	0,00	0,06	0,52	Cu-Sn-Pb	Литье по выплавляемой восковой модели
22	Бляшка	КАЭ-23, Азишский 16, погребение 10, нах. 5, опись 69	67,78	27,22	4,19	0,17	0,00	0,13	0,51	Cu-Sn-Pb	Литье по выплавляемой восковой модели

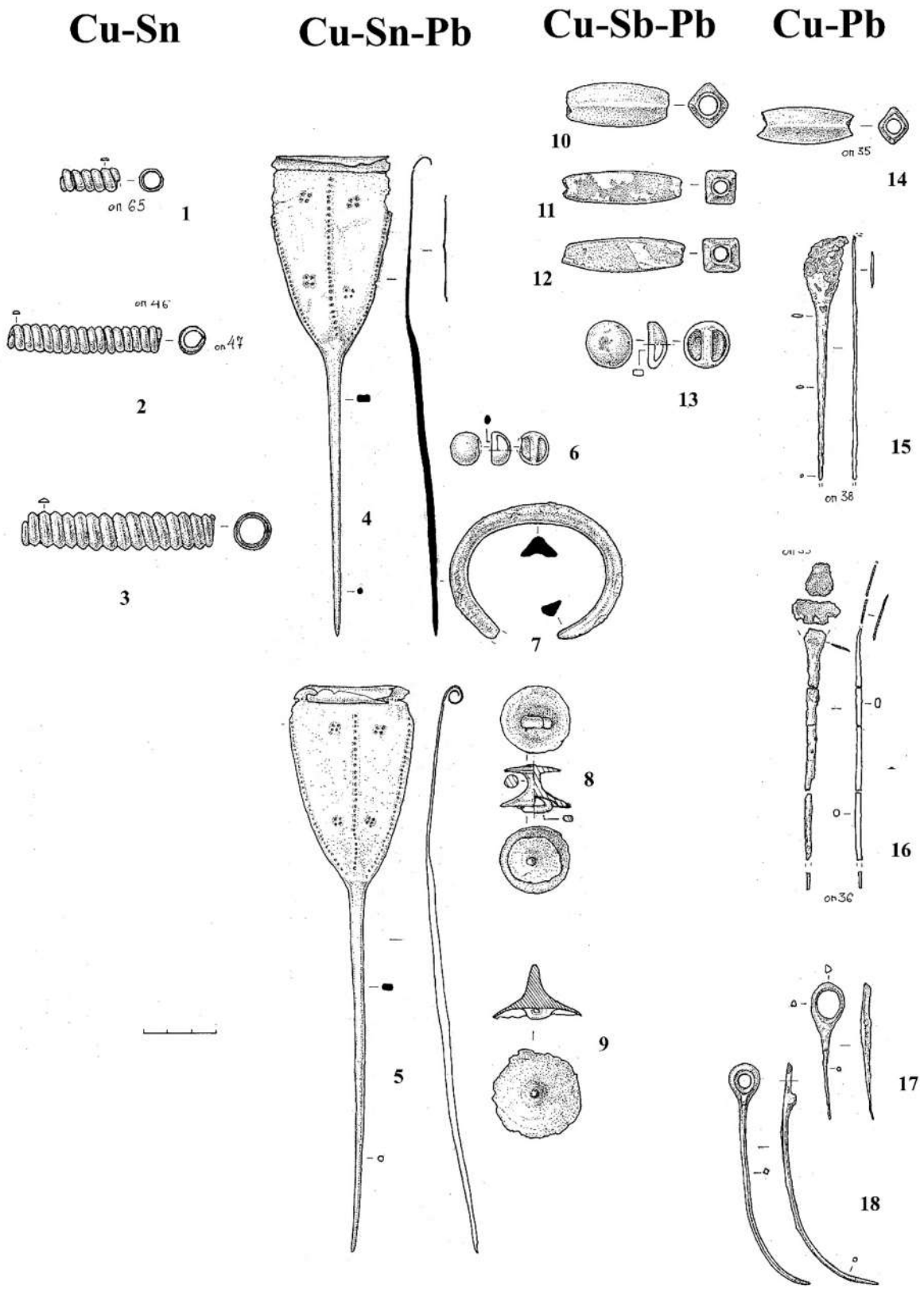


Рис. 1. Бронзовые изделия могильника Азишский-1 по химическим типам сплавов:
1, 6, 8, 17 – погребение 10; *2, 3, 7, 9, 13, 18* – погребение 3; *4, 5, 11, 12* – погребение 2;
10, 14, 15, 16 – погребение 1

пока исключительно в трёхкомпонентных сплавах в сочетании со свинцом Cu-Sb-Pb. Среди протомеотских бронз подобный тип сплава встречен лишь однажды у удил из погребения 14 могильника Фарс (предгорный вариант протомеотской группы памятников), датирующегося последней четвертью VIII в. до н.э. Здесь процентное содержание свинца составило 7 %, а сурьмы 3 % (Эрлих, 2007. С. 401, 406. Рис. 226, *16*. Таб. II. № 8). В сочетании с оловом в протомеотских памятниках сурьма встречена в сплавах трижды в могильнике Фарс – псалий и две бляхи (Эрлих, 2007. С. 401, 406. Рис. 226, *13, 14, 15*. Таб. II. № 1, *5, 11*), один раз в Николаевском могильнике – браслет, и один раз в Кубанском могильнике – рукоять кинжала (Эрлих 2007, Рис. 224, *1*, 228).

Отсутствие примесей мышьяка, серебра и кобальта в металле указывает, что сплав для изделий из Азишского могильника получен не из блеклых руд, а в ходе совместной плавки медной руды и минерала стибнита (сурьмяной блеск), ближайшие месторождения которого имеются в Западном Закавказье в районе Бзыбской Абхазии (Авадхарская группа рудопроявлений) и Горной Раче (Гак, Мимоход, Калмыков, 2014. С. 118). Интересно, что в синхронном Гагринском могильнике также встречается сурьма в трёхкомпонентных сплавах, при этом в них отсутствует свинец и присутствует большой процент олова свыше 10% (Бжания, Бжания, 1991. С. 42. Таб. 3. Ан. 33821, 33822, 33823). Не исключено также, что в медную руду или выплавленную медь добавляли сурьму в металлическом виде (Pike, 2002. P. 90–91).

Второй особенностью исследованной выборки являются двухкомпонентные сплавы медь-свинец, причем доля свинца в сплаве составляет 6-40%. Из сплава этого типа отлиты пять предметов: массивная бусина, две весловидные булавки и две булавки с кольцевидной головкой (рис. 1, *14–18*). Изделия из подобных сплавов пока не встречались в протомеотских памятниках. Важно отметить, что массивные бусы и булавки с кольцевидной головкой являются характерной особенностью «горного» варианта протомеотских памятников.

В уже упомянутом могильнике в городе Гагра свинец также встречается в качестве добавки, дважды он встречен в трехкомпонентых оловянных сплавах, и в одном случае с добавкой мышьяка (Бжания, Бжания, 1991. С. 42. Таб. 5. Ан. 33812, 33814, 33825). Рудопроявления свинца были хорошо известны в позднейшем средневековье на территории Абхазии (р. Гумиста).

Технология. Простые по форме и изготовлению булавки отлиты из свинцовой бронзы (рис. 1, *15, 16*). Крупные весловидные булавки выполнены из сплава с высоким содержанием олова (рис. 1, *4, 5*), придающим металлу серебристый цвет, процесс их производства состоял из цепочки сложных операций: литой заготовке придавали форму путем пластической деформации – вытягивания стержня и проковки широкой пластинчатой части украшения. Весловидная форма головки булавки получена путем вырезания зубилом, затем на нее нанесен пуансонный орнамент, а верхний край скручен в трубочку. Каждая операция была сопряжена с трудностями, вызванными хрупкостью металла – сплав с таким высоким содержанием олова нужно было подвергать промежуточным нагревам – отжигам при определенном температурном режиме.

Единственная височная подвеска из погребения 3 выполнена из высокопробного серебра.

Таким образом, первые результаты исследования химического состава бронзовых изделий Азишского могильника, относящегося к вновь выделенному горному варианту протомеотских памятников, показывают его своеобычность на фоне материалов из протомеотских памятников других локальных вариантов. Это указывает на иные источники поступления меди и легирующих добавок, которые, скорее всего, находились в Закавказье.

Литература

Бжания В.В., Бжания Д.С. 1991. Древний могильник в Гагре. Сухуми.

Гак Е.И., Мимоход Р.А., Калмыков А.А. 2014. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // Nartamongæ, 2014. Vol. XI, N. 1, 2.

Эрлих В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.

Эрлих В.Р. 2025. Горные меоты // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сборник научных трудов к 70-летию профессора И.И. Марченко. Вып.8. Саратов.

Эрлих В.Р., Гак Е.И. 2020 Древнейшие оловянные бронзы на Северо-Западном Кавказе. Новые данные // Восток (Oriens). Вып. 5.

Эрлих В.Р., Леонтьева А.С., Абрамова А.Н. 2024. Новый протомеотский могильник в предгорьях Адыгеи // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 2.

Chernykh E.N. 1992. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. New York.

Pike A. 2002. Analysis of Caucasian Metalwork – the use of antimonial, arsenical and tin bronzes in the Late Bronze Age // The British Museum Occasional papers. No. 121. London.

О ПОГРЕБЕНИЯХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА МОГИЛЬНИКА «АНАПСКАЯ 9»

Иванов А.В.
ООО КубаньАрхСпас, г. Краснодар

В сезон 2023 г. экспедицией НАО «Наследие Кубани»[1] были произведены раскопки 9 тыс. кв. м. площади грунтового могильника «Анапская 9», расположенного в ст-це Анапская, г.-к. Анапа. В результате на грунтовом некрополе исследованы 115 погребений и 237 объектов – от эпохи энеолита – ранней бронзы до средневековья. В основе могильника, как показали раскопки, лежит погребение, окруженное кромлехом, и вероятно, перекрытое насыпью, которая не сохранилась. Затем эта территория входила в хозяйственную орбиту поселения майкопской культуры, здесь же совершались и захоронения. К эпохе бронзы относятся и еще несколько погребений в каменных конструкциях. В южной части раскопа была исследована небольшая группа из 14 комплексов с богатым инвентарем I в. н.э. Самую представительную серию погребений в количестве 45, исследованных на могильнике, составляют комплексы эпохи средневековья. Представленный инвентарный набор, как и погребальный обряд в целом, соотносит средневековые погребения могильника с памятниками второй половины XIII-XIV вв. (Дружинина, 2018).

Из всего множества объектов, исследованных на памятнике, выделяется группа из 33 захоронений эпохи раннего железа, относящиеся к т.н. кругу некрополей Анапы-Новороссийска (Малышев, Горланов, 2020. С. 67–82; Малышев, Новичихин, 2022. С. 162–164; Малышев, Новичихин, 2024. С. 147–160). На настоящее время подобных погребальных памятников в этом районе известно довольно много. Им присущ целый ряд выразительных признаков, среди которых: широкое использование камня в погребальном обряде, совершение захоронений под индивидуальными каменными насыпями, под каменными набросками, закладами, в каменных ящиках, могилах, перекрытых камнем. Таким некрополям также свойственно совершение захоронений в неглубоких могильных ямах, впущенных с уровня древнего горизонта, восточная ориентировка покойных, коллективные захоронения, помещение в могилу фрагментов туши коня, типичное расположение погребального инвентаря на площади могилы и т.д. (Иванов, 2016. С. 264, 265). В целом, большую часть из перечисленного можно увидеть и на могильнике «Анапская 9».

Большая часть захоронений могильника была совершена в грунтовых ямах, перекрытых каменными закладами в виде набросок камней (рис.1, *1*). Таких погребальных сооружений, где надежно устанавливается заклад – 16, что составляет 48,4% от всех исследованных погребений этой группы. Но, вероятно, погребений под закладами было несколько больше, так как часть закладов серьезно пострадала при плантаже. Некую модификацию наброски можно увидеть в одном из погребений подростка, где яма была перекрыта каменными плитками, уложенными перпендикулярно длинной оси могилы. 6 погребений было совершено в каменных ящиках, половина из них была так же перекрыта каменным закладом (рис. 1, *2*).

Подавляющее большинство захоронений индивидуальные. Лишь в 5 случаях зафиксированы парные погребения: в трех случая в ямах под закладами и в двух – в ящиках. Антропологический анализ говорит о том, что в таких погребениях лежали мужчина и женщина. При этом, судя по положению костяков в погребении, женщины либо подхоранивались,

[1] Автор выражает признательность начальнику экспедиции В.П. Мокрушину за возможность использовать материалы раскопок.

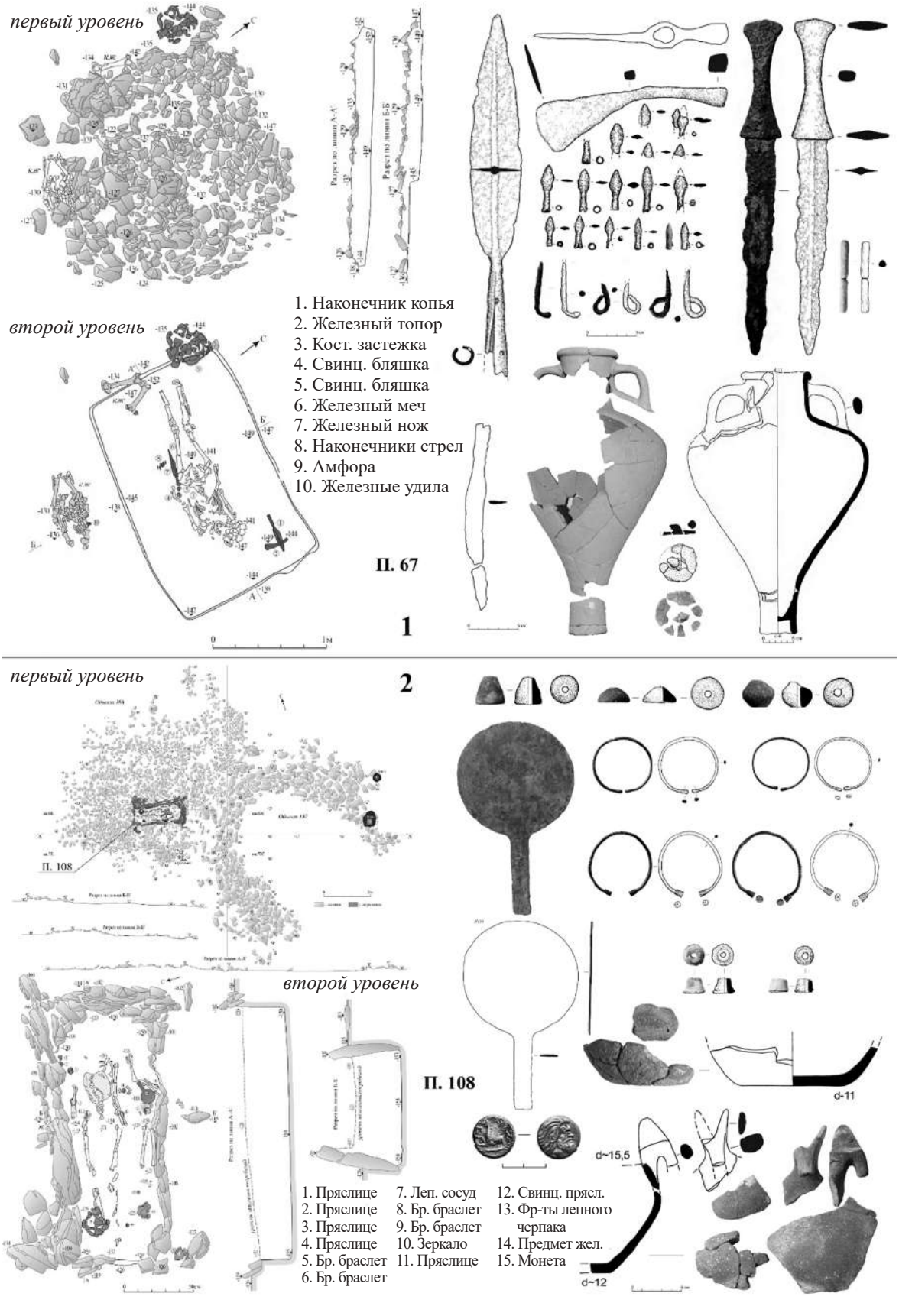


Рис. 1. Грунтовый могильник «Анапская 9»: *1* – погребение № 67 и его погребальный инвентарь; *2* – погребение № 108 и его инвентарь

либо были подвергнуты длительным обрядовым действиям, связанных с манипуляциями с телом усопшего. На могильнике зафиксированы и 6 детских захоронений – 4 в ямах под закладами и 2 в ящиках, также под закладами.

Набор погребального инвентаря довольно устойчив. Чаще всего встречается лепная посуда – горшки, корчаги, миски. Отметим небольшие горшковидные сосуды с отверстиями для подвешивания (курильницы либо котелки), а также черпак с «рогатой» ручкой. Вооружение представлено наконечниками копий, стрел, топорами, мечами-акинаками, из украшений наиболее часто встречаются браслеты, бусы, раковины каури, иногда погребения содержали бронзовые зеркала на ручке, костяные застежки, керамические пряслица, красила. В одном из каменных ящиков находились бронзовые двусоставные стремечковые удила с шипами на грызлах. В погребениях зафиксированы следы напутственной пищи – кости коровы и овцы. В паре случаев погребения сопровождали взнузданные чучело коней.

Планиграфическая ситуация указывает на то, что для этого некрополя не характерно равномерное распространение могил на площади могильника и упорядоченное расположение погребальных сооружений, что придает ему некоторую особенность на фоне других памятников этого региона. Еще одной особенностью могильника является количество погребений с греческими импортными сосудами. Из 33 погребений греческие сосуды либо их фрагменты находились в 8 комплексах, что составляет более 24% – фактически четверть от всех исследованных захоронений.

Шесть погребений содержали амфоры или их фрагменты. Тара из пяти погребений может быть отнесена к амфорам круга Теос/Клазомены последней четверти VII – середины VI в. до н.э. Эти амфоры имеют широкую географию находок (Sezgin, 2012. P. 20, 70; Sezgin, 2017. P. 15), в том числе и в Северном Причерноморье. Известны они и по материалам памятников Черноморского побережья Кавказа и на Кубани (Иванов, Сударев, 2025. С. 101). Еще один сосуд относится к амфорам Самоса архаического типа варианта I-B (Черветери) (Монахов, 2003. С. 27. Табл. 15, *3, 4*). Юсуф Сезгин выделил эти амфоры в группу Sam3, бытовавшую в хронологическом диапазоне 600–550 гг. до н.э. (Sezgin, 2012. P. 184, 185, 195).

В одном из детских погребений находился развал северо-ионийской светлоглиняной расписной амфоры типа Борисфен, который датируется в пределах 580–560 г. до н.э. (Буйских, 2013. С. 49, № 3.44; Буйских, 2019. С. 43–44, 52–53, № 2.1, 2.32, 2.33) и связывается с производством мастерских Теоса. Рядом с местом этого захоронения были обнаружены фрагменты ещё одной северо-ионийской ойнохойи с изображением протомы птицы первая треть VI в. до н.э. (Иванов, Сударев, 2025. С. 103, 104). В еще одном погребении находился довольно редкий лекиф формы «Деянира» (Haspels, 1936. P. 1–6), он датируется 560–550 гг. до н.э.

Весь комплекс инвентаря рассматриваемой нами группы погребений, указывает на то, что этот хронологический пласт могильника «Анапская 9» можно датировать в рамках последней четверти VII – середины VI в. до н.э. При этом, отметим, что большинство захоронений все же было совершено в первой половине VI в. до н.э. В заключение следует сказать о том, что в последнее время особую актуальность приобрела темы эмпориального периода истории Боспора (Сударев, Иванов, 2023. С. 83–92; Сударев, Иванов, 2023, С. 381–387; Малышев, Новичихин, 2023. С. 252–257; Иванов, Каргин, Сударев, 2024. С. 243, 247–249), и предположение о существовании в районе Анапского палеолимана эмпория сейчас является доминирующей исследовательской гипотезой. Материалы могильника «Анапская 9» с греческим импортом доколониальной эпохи и времени образования первых апойкий на Боспоре, в целом, выступают еще одним аргументом в пользу этой гипотезы.

Литература

Буйских А.В. 2013. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев.
Буйских А.В. 2019. Архаическая расписная керамика из Борисфена. Киев.

Дружинина И.А. 2018. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XIV вв. как источник по истории Адыгских народов // Дис. ... канд. ист. наук. М.

Иванов А.В. 2016. Племена региона Анапы–Новороссийска и меоты. Сопоставление // Древности Боспора. Т. 20. М.

Иванов А.В., Каргин Ю.Ю., Сударев Н.И. 2024. Азиатский Боспор до и во время греческой колонизации // Древности Боспора. Т. 29. М.

Иванов А.В., Сударев Н.И. 2025. Амфоры и столовая посуда конца VII – первой половины VI вв. до н.э.в погребениях могильника «Анапская 9» // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону–Таганрог.

Малышев А.А., Горланов С.С. 2020. О погребальных сооружениях населения полуострова Абрау в эпоху раннего железа // Теория и практика археологических исследований. № 4 (32). Барнаул.

Малышев А.А., Новичихин А.М. 2022. Могильник ОПХ «Анапа» – некрополь населения архаической Синдики // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа. Майкоп.

Малышев А.А., Новичихин А.М. 2023. Античная керамика из погребений синдского могильника у ст. Анапской (к вопросу о начальном этапе греко–варварских контактов в Прикубанье и Восточном Приазовье // Античный мир и археология. Вып. 21. Саратов.

Малышев А.А., Новичихин А.М. 2024. Этнокультурные особенности населения южного и юго–восточного побережья полуострова Абрау в VII–II вв. до н.э. // КСИА. Вып. 274.

Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров–экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.–Саратов.

Сударев Н.И., Иванов А.В. 2023. Еще раз к вопросу об эмпориальном периоде на Боспоре // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции. СПб.

Haspels C. H. E. 1936. Attic black–figure lekythoi. Paris.

Sezgin Y. 2012. Arkaik Dönem Ionia Üretimi Ticari Amphoralar. Istanbul.

Sezgin Y. 2017. Arkaik Dönemde Teos’ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler // Anatolia. Vol. 43. Ankara.

МОГИЛЬНИКИ НОВОЗАВЕДЕННОЕ-III И НОВОЗАВЕДЕННОЕ-V И ПРОБЛЕМА ФИНАЛА СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Канторович А.Р.[1], Маслов В.Е.[2]

[1]Московский государственный университет им. Ломоносова,, г. Москва
[2]Институт археологии РАН, г. Москва

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 22-18-00108 – П «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл»

В 2015–2025 гг. Ставропольская экспедиция кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (соавторы раскопок – А.Р. Канторович и В.Е. Маслов) вела раскопки курганных групп Новозаведенное-III и Новозаведенное-V у с. Новозаведенное в Георгиевском городском округе Ставропольского края. Курганные могильники расположены соответственно к 0,65 км к ЮЗ и 2,5 км к СВ от окраин данного села. В обоих случаях в ходе создания курганных групп населением эпохи раннего железа в разные периоды были освоены могильники эпохи бронзы, которые играли значимую роль в местном ландшафте.

Могильник Новозаведенное-III находился на краю высокой надпойменной террасы, в непосредственной близости от кобанского поселения. Земли на площади могильника, возможно, использовались как пахотные (Цховребов и др., 2022).

Могильник возникает в конце V – начале IV вв. до н.э., когда на месте курганов бронзового века (при полном их сносе) и рядом с ними строится серия новых насыпей высотой от 1,5 до 5 м. Немногочисленные хроноиндикаторы, прежде всего образы «звериного стиля» и аттический арибаллический лекиф маркируют время существования памятника от конца V – до середины – третьей четверти IV вв. до н.э. (Канторович, Маслов, 2017). Все захоронения, несмотря на ограбление, можно интерпретировать как погребения воинской знати, вероятно, связанной родственными узами. Данные комплексы демонстрируют определенную преемственность по отношению к памятникам архаического горизонта скифской археологической культуры, и в первую очередь к близлежащей курганной группе Новозаведенное-II, датируемой серединой VII – 1-ой половиной VI в. до н.э. (раскопана под руководством В.Г. Петренко в 1985–2003 гг.). Предварительно просматривается определенная динамика погребального обряда от Новозаведенного-II к Новозаведенному-III в направлении деградации: уменьшаются размеры могильных камер, упрощаются надмогильные конструкции.

Из 10 исследованных насыпей Новозаведенного-III со скифскими захоронениями в 4 были коллективные погребения: в 3 с двумя индивидами, а в одном, наиболее позднем, с тремя. Возможно, что часть погребенных были зависимыми людьми. В пользу такого предположения косвенно свидетельствует коллективное жертвенное погребение женщин и ребенка в кургане № 9 и захоронение подростков и взрослых, относящихся к кобанской культуре у краев насыпей в курганах №№ 3 и 9 (Канторович, Маслов, 2020). На поверхности кургана № 12 было оставлено тело подростка; его скелетированные останки сползли в ров. Всё это косвенно указывает на высокое социальное и, очевидно, межэтническое напряжение, существовавшее в скифскую эпоху. В наиболее позднем кургане группы Новозаведенное-III – в кургане № 12 – в основном погребении была найдена чернолощеная керамика, соответствующая традициям кобанской культуры, а в околокурганном рву – фрагменты ке-

рамической посуды, аналогичной материалам культурной группы «Татарка – Вербовка», появляющейся в конце IV в. до н.э. и демонстрирующей отчетливое прикубанское влияние (Березин, Каминский, Малашев, 2012. С. 87).

Могильник Новозаведенное-V находился на гребне водораздела и был удален от речной поймы не менее чем на 5 км. В этом памятнике были изучены три насыпи, созданные в эпоху средней бронзы (курганы №№ 1–3). В них были совершены многочисленные последующие подзахоронения с досыпками насыпей в эпоху поздней бронзы, а также в скифскую и сарматскую эпохи. Финал скифской эпохи здесь представлен серией захоронений.

Именно, в кургане № 1 – крупнейшей насыпи данной группы – в центре в обширной яме погребения № 2 было устроено коллективное захоронение конца IV – начала III в. до н.э. В связи с этим курган был достроен ввысь и вширь. К сожалению, данное погребение настолько разрушено опустошительным ограблением, что практически никаких деталей проследить не удалось. Можно только констатировать, что в могильной яме помимо человеческих останков находился полный или частичный скелет лошади.

Времени погребения № 2, вероятно, соответствуют комплексы конца IV – начала III в. до н.э. – погребения №№ 11, 12. Это широкие прямоугольные ямы с древесно-камышовым перекрытием, ориентированные по оси запад-восток. Погребенные были уложены головой на запад (№ 11) и на восток (№ 12) на подстилках из тростника. Близ их бедер помещались мечи синдо-меотского типа. В погребениях обнаружены колчанные наборы из наконечников стрел и крюков для подвешивания колчана к поясу. В могилы были также помещены сосуды и заупокойная пища – части туш мелкого рогатого скота вместе с ножами. Также в разрушенном погребении этого периода встречены предметы конской упряжи.

Данная группа воинских захоронений находит очень близкие соответствия в кочевнических памятниках Кубани, которые И.И. Марченко объединил в 1-ю группу своей периодизации, предварительно датировав IV – началом III в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 82–85, 95, 96. Рис. 40, 53, 86, *1–8*). В этой связи, ещё раз, следует особо отметить случай, когда подобное

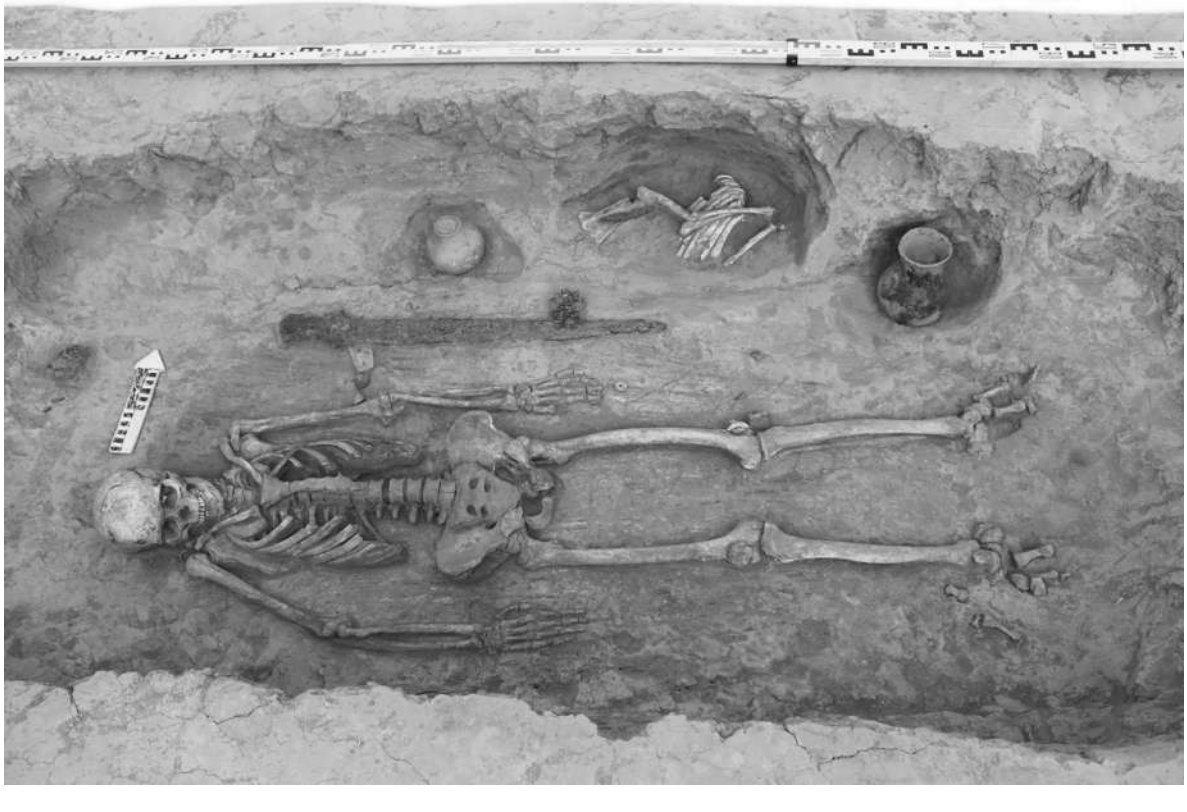


Рис. 1. Воинское погребение скифской эпохи
(могильник Новозаведенное-V, ритуальное сооружение № 2)

захоронение было совершено непосредственно поверх разграбленного раннескифского погребения в кургане № 13 могильника Новозаведенное-II, простоявшего нетронутым около 300 лет (Маслов, 1996).

Кроме того, в пространстве между курганами №№ 1 и 2 было выявлено и частично исследовано ритуальное сооружение № 1, предварительно датированное раннесарматским временем, – площадка, окруженная рвом и, предположительно, валом, к настоящему времени полностью уничтоженным распашкой. К востоку от ритуального сооружения № 1, в непосредственной близости, был выявлен ров-оградка – ритуальное сооружение № 2, окружавшее воинское погребение скифской эпохи 2-й пол. IV в. до н.э. с акинаком (длина более 80 см) и железными втульчатыми наконечниками стрел (рис. 1); возможно, в древности здесь был небольшой курган. Подобные захоронения появляются в степях Предкавказья с конца VI в. до н.э., и, очевидно, отражают перемещение отдельных кочевых групп из Волго-Донского междуречья на юг.

Таким образом, финал скифской эпохи представляется турбулентным периодом, предвосхитившим процессы, происходившие в сарматскую эпоху. Погребальный инвентарь предкавказских комплексов можно разделить на различные составляющие: с одной стороны, набор вооружения, отражающий влияние меотской культуры Кубани, которое в этот период, судя по материалам из разных регионов, становится общим надкультурным фоном; с другой стороны, местная, предкавказская керамика. Присутствуют отдельные импортные сосуды, которые также подтверждают доминирующий западный спектр контактов. О вероятных восточных связях свидетельствуют отдельные наконечники стрел – южноуральский бронзовый граненый пулевидный (найден у подножия кургана № 1) и крупный железный черешковый трехлопастной из погребения № 12 кургана № 1.

Литература

Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. 2012. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка – Вербовка. М.

Канторович А.Р., Маслов В.Е. 2017. Могильник Новозаведенное-III как свидетельство пребывания скифов в Центральном Предкавказье в конце V–IV в. до н. э. // Исторические исследования. Вып. 8.

Канторович А.Р., Маслов В.Е. 2020. Курганный могильник Новозаведенное-III на Ставрополье: взаимодействие скифской и кобанской культур // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: сборник научных статей: в 3 т. Т. 2. Самара.

Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар.

Маслов Е.В. 1996. Впускное погребение из кургана № 13 могильника Новозаведенное-II // Историко-археологически альманах. Вып. 2. Армавир – М.

Цховребов В.С., Канторович А.Р., Маслов В.Е., Ал-Дарраджи М.М. 2022. Сравнение агрохимических показателей современной и погребенной почвы кургана Новозаведенное 3 // Агрохимический вестник. № 4.

КОБАНО-КОЛХИДСКИЕ ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ ТОПОРЫ В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБЕНИЙ

Кокиева А.Р.
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

На территории Кавказа выделены археологические культуры: кобанская (Северный Кавказ) и колхидская (Закавказье) и их локальные варианты. А.П. Мошинский и А.Ю. Скаков предложили термин кобано-колхидской культурно-исторической общности (Мошинский, Скаков, 2023). Для носителей этих культур (или общности) было характерно использование в погребальном обряде бронзовых орнаментированных топоров. Б.В. Техов разработал типологию этой категории материала из Тлийского могильника (Техов, 1988). А.Ю. Скаков собрал наиболее полный каталог опубликованных кобано-колхидских орнаментированных топоров, разработал язык описания их декоративного стиля, относительную хронологию и определил географию распространения (Скаков, 1997а; Скаков, 1997б; Скаков, 2016; Скаков, Чшиев, 2017). Остается не ясным, существовали ли локальные особенности в использовании кобано-колхидских топоров в погребальном обряде.

Погребения, в которых были найдены кобано-колхидские орнаментированные топоры, могут быть разделены на три группы: 1. мужские одиночные погребения с одним топором в инвентаре или коллективные погребения с одним топором в инвентаре, относимом к мужскому костяку; 2. мужские одиночные погребения с несколькими топорами в инвентаре; 3. погребения, в которых перемешаны инвентарь и кости неопределенного числа индивидов.

В группу 1 входят погребения могильников Тли (например, №№ 101 (Техов, 1980. С. 26–27. Табл. 66), 30 (Техов, 1981. С. 7. Рис. 1, 52), 68 (Техов, 1985. С. 9–10. Рис. 108), 23а (Техов, 1980. С. 17. Табл. 39)), Сержень-Юрт (могилы №№ 37 (Козенкова, 2002. С. 25. Табл. 23–24), 38 (Козенкова, 2002. С. 25–26. Табл. 25–26)), Клин-Яр III (погребение № 362) (Belinskij, Härke, 2018. P. 329–330. Fig. 142–143), Эльхотово (погребение № 45) (Скаков, Чшиев, 2017. С. 280–297). Характерная конструкция для этой группы погребений – грунтовая яма прямоугольной формы с округлыми краями или округлой формы, около 1 м в длину и чуть меньше – в ширину, с каменной кладкой вокруг и над погребением, иногда – с деревянными стенками, известно 1 погребение в каменном ящике (Тли, № 263 (Техов, 1981. С. 16–17. Рис. 74)). Внутри погребальной ямы: следы деревянной подстилки, охры, древесного угля, обжига стенок ямы. Погребенный – мужчина в скорченной позе. У черепа погребенного – сосуд со следами жертвенной пищи. Инвентарь представлен большим количеством украшений. Топор лежит рядом с погребенным, выше пояса, другие виды оружия, как правило, находятся в области пояса.

Погребения 1 группы имеют различия в погребальном обряде (например, положение костяка на левом или правом боку, количество сосудов в погребении и материал, из которого эти сосуды изготовлены). Эти различия зафиксированы в литературе о локальных вариантах кобанской культуры. Но, несмотря на эти различия, практика использования одного орнаментированного топора при захоронении мужчины остается единой.

К группе 2 относятся погребение №1 у Аагсты (Лукин, 1941. С. 29–38. Рис. 2. Табл. III–VI) и погребение № 1 у Куланурхвы (Трапш, 1970. С. 102–105. Рис. 3–5. Табл. I). Конструкция этих погребений: грунтовая яма. Погребение у Аагсты (Лукин, 1941. С. 29–38. Рис. 2.

Табл. III–VI) было частично разрушено, зафиксированы следы облицовки камнем и куски охры внутри. Предположительно, погребение детское. Найдено три топора, два из них – орнаментированные. В погребении 1 Куланурхвского могильника (Трапш, 1970. С. 102–105. Рис. 3–5. Табл. I) лежал костяк взрослого мужчины в вытянутом положении на спине. По обе стороны от костяка располагались топоры, из которых один неорнаментирован, другой – с зооморфной скульптурой на обухе, еще три были с гравировкой. В инвентарь погребений этой группы входит большое количество украшений, но нет оружия (кроме топоров).

Погребения 3 группы: Дгваба (яма №2) (Микеладзе и др., 1995. С. 41–43. Табл. 53–56), Эргета II (погребение № 4) (Apakidze, 2009. S. 407–408. Taf. 206–210), Эргета III (погребение № 4) (Apakidze, 2009. S. 408–410. Taf. 214–216), Эргета IV (погребение № 1 (Apakidze, 2009. S. 410. Taf. 218–219), № 2 (Apakidze, 2009. S. 410–411. Taf. 218, 220): грунтовые, не имеющие четкой формы ямы, площадью от 10 до 64 кв. м, в заполнении которых были перемешаны кости и инвентарь. В инвентаре этой группы на единичные экземпляры топоров приходятся сотни фрагментов хозяйственных орудий.

Выделенные группы позволяют предположить существование как минимум двух разных погребальных практик, связанных с кобано-колхидскими орнаментированными топорами. Группа 1 отражает ту, которая была распространена преимущественно в горной зоне. Она предполагала захоранивание мужчин с одним топором и была единой для носителей разных вариантов культур. Группа 2 показывает, что существовала также практика захороне-ния одного мужчины с несколькими орнаментированными топорами. Эта практика была распространена на побережье Черного моря.

Группа 3, локализующаяся также на побережье Черного моря, но чуть южнее группы 2, представлена памятни-ками, на материале которых практика использования кобано-колхидских орнаментирован-ных топоров в погребальном обряде не может быть убедительно восстановлена.

Литература

Козенкова В.И. 2002. У истоков горского менталитета (могильник кобанской культуры у аула Сержень-Юрт. Чечня) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М.

Лукин А.А. 1941. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Труды отдела истории первобытной культуры. Государственный Эрмитаж. Т. I. Л.

Микеладзе Т.К., Мигдисова Н.П., Папуашвили Р.И., Чубинишвили Н.Т. 1995. Колхидская экспедиция // Полевые археологические исследования в Грузии в 1987 году. Тбилиси.

Мошинский А.П., Скаков А.Ю. 2023. Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие ее понятия // Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Вып. 16. Ставрополь – М.

Скаков А.Ю. 1997а. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М.

Скаков А.Ю. 1997б. Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник // Дисс. … канд. ист. наук. М.

Скаков А.Ю. 2016. Обзор новых находок кобано-колхидских орнаментированных топоров // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Марии Николаевны Погребовой. М.

Скаков А.Ю., Чшиев В.Т. 2017. Новый комплекс с орнаментированным кобано-колхидским топором (погребение 45 могильника Эльхотово) // КСИА. Вып. 246.

Техов Б.В. 1980. Тлийский могильник I (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси.

Техов Б.В. 1981. Тлийский могильник II (комплексы IX – первой половины VII вв. до н. э.). Тбилиси.

Техов Б.В. 1985. Тлийский могильник III (комплексы второй половины VII–VI вв. до н. э.). Тбилиси.

Техов Б.В. 1988. Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси.

Трапш М.М. 1970. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии // Труды. Т. 1. Сухуми.

Apakidze J. 2009. Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur 1600–700 v. Chr. T. 1–2 // Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 24. Rahden – Westf.

Belinskij A.B., Härke H. 2018. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994-1996 in the Iron Age to early medieval cemetery // Archäologie in Eurasien. Bd. 36. Bonn.

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ЛЕВОПОДКУМСКИЙ 1 БЛИЗ КИСЛОВОДСКА

Коробов Д.С.
Институт археологии РАН, г. Москва

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 24-28-01024

Курганный могильник Левоподкумский 1 был открыт автором в ходе анализа аэрофотоснимка, сделанного в сентябре 1971 г., на котором отчетливо прослежены контуры типичного «земляного» городища раннего этапа аланской культуры Подкумское 2, которое сопровождается могильником из распаханных курганных насыпей. Проведенные в мае 2012 г. Й. Фассбиндером (Мюнхенский университет, ФРГ) магнитометрические измерения позволили выявить не менее 25 ровиков квадратной формы, которые окружали небольшие курганы, а также три десятка позитивных магнитных аномалий, маркирующих бескурганные захоронения (Коробов и др., 2014). В течение четырех сезонов 2012–2013 и 2024–2025 гг. производились раскопки данного памятника, в ходе которых исследовано шесть подкурганных (кур. 1, 2, 14, 15, 18 и 19) и 10 грунтовых захоронений (погр. I–X), а также один ритуальный комплекс в виде крупного рва (Коробов и др., 2014; Коробов, 2025). Практически все погребения были ограблены в древности.

Курганные насыпи были окружены ровиками квадратной и трапециевидной формы, которые имели перемычки с южной стороны. В одном случае (кур. 2) прослежены перемычки по углам ровика с юго-западной и юго-восточной стороны. Захоронения в курганах и вне их совершались в разных по конструкции погребальных сооружениях[1]: катакомбах типа I (кур. 2), типа II (кур. 1, 15, погр. V), типа IV (кур. 14, 18 и 19; погр. VII, IX и X), типа VII-3 (погр. II–IV); подбое (погр. VIII) и грунтовой яме с заплечиками (погр. VI). Некоторые курганные погребения сопровождались захоронениями лошадей, устроенными во входных ямах катакомб (кур. 1, 2, 14, 18). Среди погребального инвентаря, уцелевшего после ограбления, встречаются наконечники копий и фрагменты мечей, детали конского снаряжения, предметы одежды (прежде всего, фибулы), поясные и обувные пряжки и наконечники ремней, стеклянные и каменные бусины, керамические сосуды (кружки, миски, кувшинчики, горшки). Некоторые из этих предметов дают возможность установить достаточно узкую дату совершения захоронения. Так, предварительный анализ погребального инвентаря позволил определить следующие хронологические рамки устройства отдельных погребений: втор. пол. II – нач. III в. н.э. (погр. VIII), пер. пол. – сер. III в. (кур. 14, 18, погр. II, III и X), пер. пол. IV в. (кур. 1 и 2), сер. IV в. (погр. I), посл. чет. IV – нач. V в. (кур. 15). В остальных захоронениях предметов погребального инвентаря, которые могли бы быть использованы в качестве хроноиндикаторов, найдено не было.

Стоит отметить некоторые культурные особенности исследованных погребений Левоподкумского 1-го могильника. Так, большинство из них относится к культурной группе «Подкумок-Хумара», для которых характерны разнотипные камерные погребальные сооружения, отличные от классической Т-образной катакомбы аланской культуры Северного Кавказа. К последним можно отнести лишь погребение в кур. 2 и, с некоторыми оговорка-

[1] Используется типология катакомбных сооружений, разработанная К.Ф. Смирновым (1972) и уточненная и дополненная М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашевым (Мошкова, Малашев, 1999; Малашев, 2021).

ми, погребенных в кур. 1, антропологический тип которых и найденный в ней набор керамики соответствует стандартам этой культуры. В связи с этим возникает интересная особенность других изученных подкурганных захоронений, погребальные сооружения которых относятся к типу IV (кур. 14, 18 и 19), который отмечен в качестве ведущего для культурной группы «Подкумок-Хумара» (Малашев, 2021). Они устроены под курганными насыпями, окруженными ровиками квадратной и трапециевидной формы, что является безусловным свидетельством культурного влияния раннеаланской общности Центрального Предкавказья. Другим подобным свидетельством может быть находка бляшки сбруйного набора в кур. 18, которая имеет аналогии среди предметов аланского звериного стиля Бесланского могильника (Коробов, 2025. С. 266; Коробов и др., 2026). Есть и очевидные признаки обратного влияния культурных традиций населения группы «Подкумок-Хумара» на представителей аланской культуры Кисловодской котловины – это захоронения лошадей во входных ямах погребений и присутствие смоловидного вещества, которое было обнаружено в пяти комплексах могильника (кур. 14 и 18, погр. III, IV, V) (Коробов, 2025. С. 271–272).

Исследования Левоподкумского 1-го могильника носили комплексный характер. Прежде всего, проводилась цифровая фиксация раскопанных участков и отдельных погребений, а также некоторых находок, что имело целью создание трехмерной ГИС, объединяющей разные пространственные уровни исследованного памятника – от общего ландшафта до отдельной находки (Коробов и др., 2025). Особое аналитическое исследование было проведено с обнаруженной в кур. 18 сбруйной бляхой, выполненной из двух наложенных друг на друга тисненых пластин: внутренней из сплава на основе меди и внешней из сплава золота и серебра (Коробов и др., 2026). Проводятся исследования химического состава кусочков смоловидного вещества и найденных предметов из цветного металла.

Особое внимание было уделено антропологическим материалам могильника. Помимо классических исследований методами остеометрии и краниометрии, сотрудниками лаборатории RSSDA были сделаны трехмерные модели сохранившихся черепов погребенных (https://rssda.su/workdata/rsf-24-28-01024/skulls/). Были также проведены изотопные исследования костей и зубов исследованных индивидов. К моменту подготовки данной публикации были

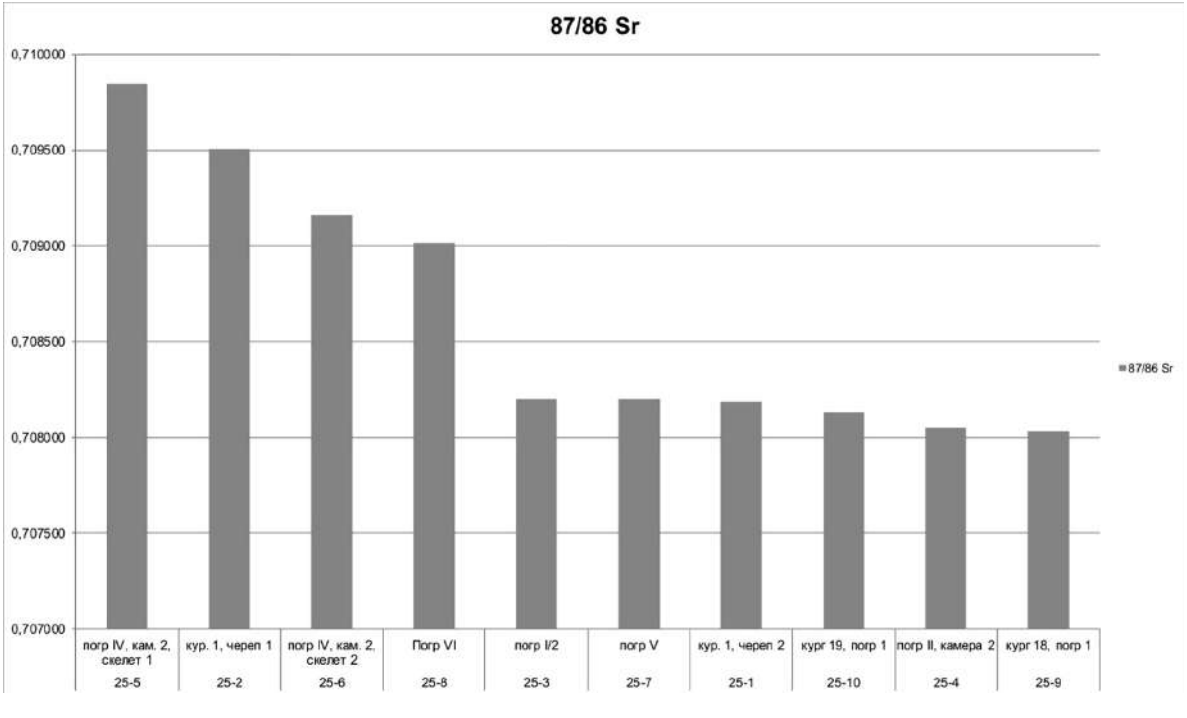


Рис. 1. Результаты анализа изотопного состава Sr в образцах из могильника эпохи Великого переселения народов Левоподкумский 1

получены результаты анализа стронция[2] из 10 погребений (кур. 1, 18; погр. I, II, IV, V и VI), которые показали присутствие населения с инородным происхождением по сравнению с местными изотопными сигналами (рис. 1).

Проведенные комплексные исследования курганного могильника Левоподкумский 1 позволили выявить новые аспекты во взаимодействии местного (культурная группа «Подкумок-Хумара») и пришлого (раннеаланского) населения Кисловодской котловины в эпоху Великого переселения народов.

Литература

Коробов Д.С. 2025. Курганный могильник Левоподкумский 1 близ Кисловодска: предварительные итоги комплексного исследования 2024 г. // КСИА. Вып. 278.

Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й. 2014. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. Вып. 232.

Коробов Д.С., Романенко Е.В., Свойский Ю.М., Пичугина А.А., Уральская А.Н., Гирич А.П. 2025. Цифровое документирование могильника эпохи Великого переселения народов Левоподкумский-1 в Кисловодской котловине: от фотограмметрии к трехмерной ГИС // Теория и практика археологических исследований. Т. 37, № 4.

Коробов Д.С., Белькевич Е.В., Мамонов Н.А. 2026. Уникальная находка III в. н.э. из Кисловодской котловины // РА. № 1.

Малашев В.Ю. 2021. Памятники типа «Подкумок-Хумара» // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград.

Смирнов К.Ф. 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1.

[2] Анализ выполнен сотрудниками Лаборатории физических и химических методов исследования Института геологии и геохимии им. академика А.Н. Заварицкого УрО РАН.

КОНСКАЯ УЗДА ИЗ ПРИКУБАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.
Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Работа подготовлена при содействии РФФИ и КНФ,
проект № 24-18-20014

Конской узде из исследованного нами в 1998–2001 гг. меотского Прикубанского могильника IV – начала III вв. до н.э. пока не было посвящено сводной работы. В отдельных статьях рассматривались комплексы с бронзовой зооморфной уздой, выполненной в меото-скифском зверином стиле (Лимберис, Марченко, 2018), которой, как правило, сопутствовали железные удила со строгими насадками (Лимберис, Марченко, 2019). В настоящем исследовании описываются распространённые у меотов в IV в. до н.э. типы двухдырчатых псалиев, изготовленных из железа и бронзы. Особенная ценность всадниических комплексов из этого могильника состоит в том, что все они сопровождались амфорами разных центров производства (Монахов и др., 2021), что позволило определить узкие датировки погребений и в дальнейшем использовать предметы узды (как и другой инвентарь) в качестве надёжных хроноиндикаторов.

Железные псалии:

Стержневидные псалии с 8-образным расширением в средней части были найдены в погребениях № 129 и № 138. Псалии имеют стержни круглого сечения.

Из погребения №129 происходят удила с псалиями, стержни которых расширяются к концам, и строгими насадками варианта С. Комплекс по амфорам Фасоса и Менды датируется 375–340 гг.

Удила с аналогичными псалиями и насадками варианта А из погребения №138 (рис. 1, *1*), с которыми совместно найдены амфоры Фасоса, Менды и неустановленного центра с грибовидным венцом, относятся к 375–350 гг. В комплект узды входили две бронзовые литые полусферические бляшки и литой наносник, изображающий «ушастую птицу».

Стержневидные псалии с ромбовидным расширением в средней части из комплекса № 209 (рис. 1, *2*) нужно отнести к отдельному варианту. От других стержневидных псалиев они отличаются квадратным сечением стержней. Удила снабжены строгими насадками варианта А. В погребении присутствовали амфоры Менды и Синопы 385–370 гг.

Г-образные с 8-образным расширением, найденные в трёх погребениях, представлены разными вариантами оформления концов круглых в сечении стержней.

У псалиев из погребения №324 (рис. 1, *3*) нижние концы – длинные, верхние – короткие, расширяются от места сгиба и заострены на концах. Удила снабжены строгими насадками варианта А. На черепе лошади лежал бронзовый налобник с выступами, форма которого восходит к скифским прототипам V в. до н.э. Датируется комплекс по амфоре Менды 380-ми гг.

Псалии из погребения № 384 (рис. 1, *4*) имеют длинные небрежно загнутые верхние стержни. На удила также были надеты строгие насадки, но из-за плохой сохранности их вариант не установлен. Дата комплекса определяется двумя амфорами (Менда и неустановленный центр) и скифосом «беглого» стиля не позднее 370-х гг.

Верхние короткие концы псалиев из погребения № 352 (рис. 1, *5*) раскованы в небольшие ромбовидные лопасти. Нижние стержни – длинные, слегка изогнутые. Строгие насадки представлены вариантом А. На основании хронологии амфор Менды и Гераклеи комплекс отнесён к 370-е гг.

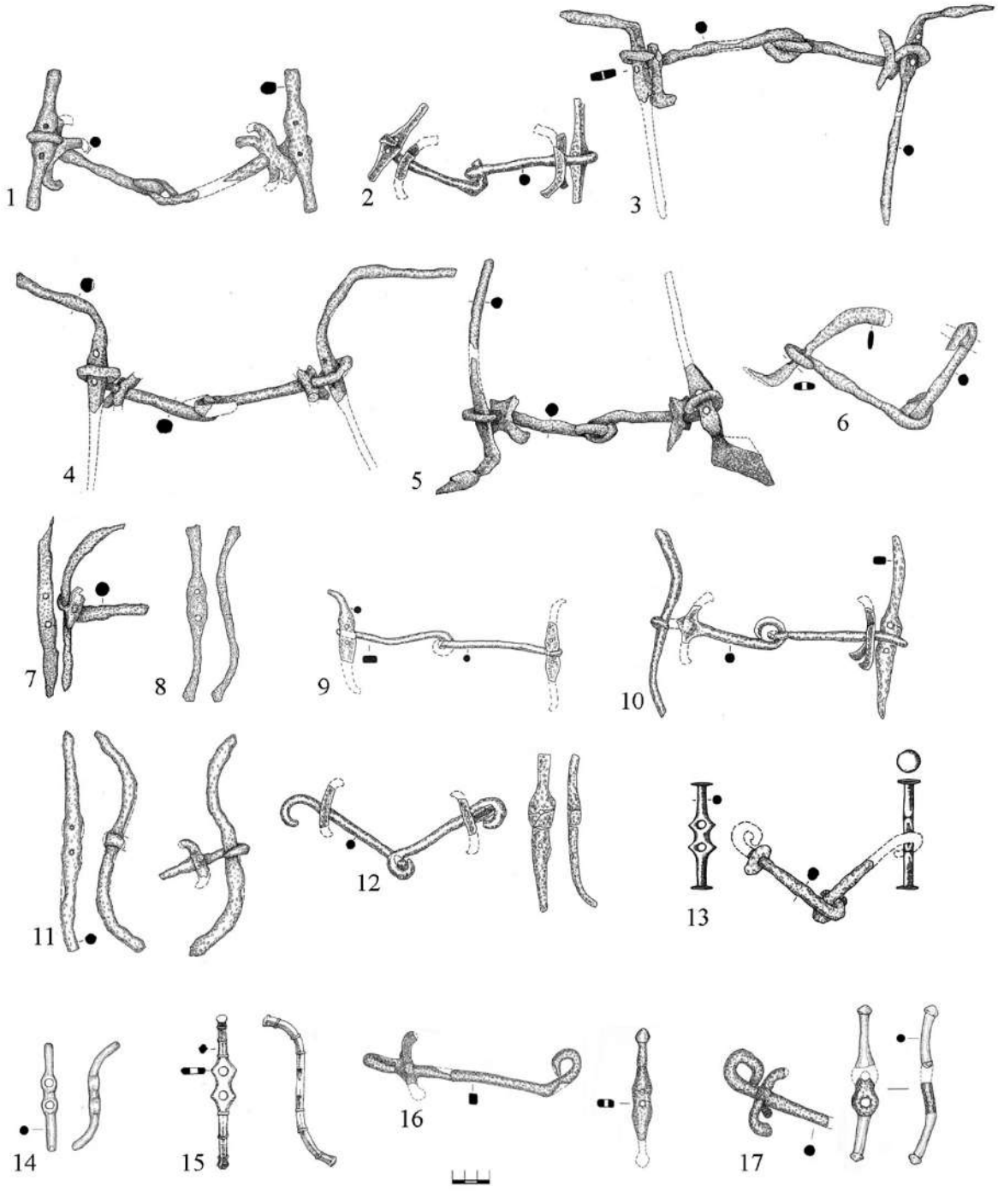


Рис. 1. Удила и псалии из Прикубанского могильника:
1 – п. 138; 2 – п. 209; 3 – п. 324; 4 – п. 384; 5 – п. 352; 6 – п. 336; 7 – п. 265; 8 – п. 201; 9 – п. 216; 10 – п. 405; 11 – п. 235; 12 – п 88; 13 – п. 171; 13 – п. 224; 15 – п. 172; 16 – п. 167
(все удила – железо, 1–11 – железные псалии; 12–14 – бронзовые псалии;
15, 16 – биметаллические псалии)

Особый тип, условно сотнесённый с Г-образным, представляет собой псалий из погребения № 265 (рис. 1, *7*), один конец, которого немного утолщен и плавно отогнут, а противоположный – прямой. Средняя часть псалия ровная, плоская, без расширения. От удил сохранился фрагмент с частью крестовидной насадки. Датировка комплекса по амфоре Менды установлена в пределах 350-х –360-х гг.

S-овидные псалии со слабонамеченным 8-образным расширением в средней части представлены шестью наборами из четырёх погребений.

У сохранившегося псалия из погребения №78 (рис. 1, *8*) круглые в сечении стержни плавно изогнуты, с немного расширенными утолщенными концами. Узкая хронология комплекса по амфорной таре (Фасос, Менда) ограничена 395–380 гг.

Псалии из ограбленного в древности погребения № 201 (рис. 1, *9*) имели короткие, довольно резко отогнутые в разные стороны, концы круглого сечения. Сохранившиеся сосуды позволяют датировать этот комплекс широко – в пределах IV в. до н.э.

Две пары удил с псалиями этого типа и строгими насадками варианта А происходят из захоронения двух лошадей №216 (рис. 1, *10*). Стержни псалиев гладкие, прямоугольные в сечении. У одной пары стержни плавно отогнуты, у второй – слабо загибаются на концах. Других находок в захоронении не обнаружено, поэтому погребение датируется, как и весь могильник, IV – началом III в. до н.э.

В погребении № 405 (рис. 1, *11*) также найдено две пары удил с псалиями, стержни которых имеют выраженный S-видный изгиб. Сечение стержней круглое, сохранившиеся окончания немного утолщены (возможно, «шишечки»). Крестовидные насадки относятся к варианту А. По амфорам Менды комплекс относится к 375–350 гг.

В удилах из захоронения №336 (рис. 1, *6*) сохранился один псалий, который по загнутым в разные стороны концам, вероятно, также нужно отнести к S-видным. Но окончания у него оформлены по-разному: один конец, раскованный в узкую плоскую лопасть, плавно отогнут, другой также раскован и загнут под прямым углом в противоположную сторону. Амфорная тара (Менда, неустановленный центр) датирует погребение 375–350 гг.

С-видные псалии представлены в двух погребениях.

Удила из погребения №235 (рис. 1, *12*) имели пару псалиев с прямоугольными в сечении дужками, утончающимися к концам. Строгие насадки, скорее всего, относятся к варианту А. Амфоры Гераклеи и Менды относятся к 360-м гг.

Удила и псалии из погребения № 328 практически полностью разрушились. Сохранилась средняя расширенная часть одного псалия с двумя отверстиями. Совместно найдены бронзовые детали узды: зооморфная нащёчная бляха, подпружная пряжка и несколько бусин. По амфоре Фасоса комплекс датируется 380-ми гг.

Бронзовые псалии с двойным расширением в центре:

Стержневидные псалии из комплекса № 88 (рис. 1, *13*) имеют в средней части двойное расширение в виде двух ромбов, на концах круглых в сечении стержней – плоские «шляпки». Вариант строгих насадок не установлен из-за плохой сохранности. Здесь же находился бронзовый наносник в виде «орлиноголового грифона». Датировка погребения определена по амфорам Фасоса, Менды и неустановленного центра производства в пределах 380–360 гг.

Г-образные псалии. В ограбленном в древности погребении №202 был найден круглый в сечении псалий с 8-образным расширением, загнутый конец которого оформлен в виде ноги копытного животного (Лимберис, Марченко, 2018. С. 101. Рис. 4). Вариант строгой насадки не определяется. По двум книдским амфорам данный комплекс следует датировать 360–350 гг.

Г-образные псалии с ажурными пластинами были найдены в 8 погребениях (№№ 33, 39, 159, 224, 236, 394, 402, 427). Все зооморфные изображения на пластинах выполнены в прикубанском «елизаветинском стиле». Датировки всадниических погребений с такими псалиями, ограниченные, в основном, второй четвертью – серединой IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2018. С. 100–102. Рис. 1–3, 5–9), в настоящее время несколько уточнены в связи с корректировкой хронологии амфорной тары (Монахов и др., 2021). Практически все удила из перечисленных комплексов были снабжены строгими насадками (Лимберис, Марченко, 2019. С. 163–167. Рис. 1, 2, 4).

S-овидные псалии найдены в двух погребениях.

Псалий из комплекса №171 (рис. 1, *14*) имеет гладкие, плавно отогнутые стержни круглого сечения и хорошо выраженное 8-образное расширение в средней части. Сохранилась

половина удил без строгой насадки. Погребение сопровождалось амфорой Аканфа 375–325 гг.

Псалий выраженной S-видной формы из комплекса № 224 (рис. 1, *15*) имеет двойное ромбовидное расширение, отогнутые концы, четырёхгранные в сечении, орнаментированны тремя узкими рельефными валиками, оканчиваются маленькими округлёнными «шляпками». Вторая пара удил из этого погребении снабжена Г-образными псалиями с ажурными щитками. Удила со строгими насадками сильно фрагментированы. Хронология комплекса по амфорам Фасоса и Книда ограничивается рамками 360–350 гг.

Биметаллические псалии с 8-образным расширением в центре:

Стержневидный железный псалий из погребения № 172 (рис. 1, *16*) имеет на одном конце округлую бронзовую «шишечку» (второй конец утрачен). От удил сохранилось одно звено с крестовидной насадкой варианта А. Две амфоры Менды ограничивают хронологию погребения 370-ми гг.

Псалии S-овидные из погребения № 167 (рис. 1, *17*) имеют изогнутые бронзовые стержни, концы которых заканчиваются коническими «шишечками». Центральная же часть псалиев – железная. Строгие насадки относятся к варианту А. Другие детали узды представлены литыми бронзовыми бляхами и ворворкой. Амфоры Гераклеи и Менды относятся к 390–380 гг.

Литература

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2018. Хронология погребений с конской упряжью в зверином стиле из Прикубанского могильника // Вестник Волгоградского государственного университет. Т. 23. № 3.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2019. Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь.

Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына). Саратов.

ПОДБОЙНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ РЕБЕНКА В КОБАНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ У СЕЛА НИЖНИЙ КУРКУЖИН

Марченко Ю.В.
Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

С 2022 года Северо-Кавказская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа исследует в селе Нижний Куркужин грунтовый кобанский могильник IX–VII вв. до н.э. Памятник располагается в Баксанском районе Кабардино-Балкарской республики.

Всего на данный момент исследовано 56 грунтовых ям. Основное их количество (52) располагалось в раскопе 2. Дважды зафиксированы парные захоронения, остальные погребения были одиночными. В 47 случаях мы можем достоверно установить позу погребенного. Необычным является доминирование вытянутых на спине захоронений (40). Только семь человек были положены в скорченном положении на боку, несмотря на то, что именно это положение умерших характерно для погребального обряда кобанской культуры.

Что касается типов погребальных ям, то здесь мы имеем дело с исключительным для кобанского могильника разнообразием. На данный момент мы можем говорить о следующих типах грунтовых захоронений: простые ямы (19), ямы со ступеньками (11), ямы с заплечиками (5), подбойные ямы (5) и яма с уступами (1). Особенно интересно, что другие подбойные захоронения кобанской культуры на данный момент не известны.

Из пяти подбойных ям только в одном случае был похоронен взрослый человек – мужчина 35–45 лет (погребение 2). Помимо прочего слева на поясе у мужчины располагался биметаллический кинжал с круглой в сечении рукояткой и бронзовой бутеролью на сохранившихся ножнах. В погребении 15 были обнаружены кости подростка 15–16 лет с очень интересным набором сопроводительного инвентаря – круглодонным кубком, отщепами кремня, оселком, железным ножом и набором из 17 астрагалов.

Погребения в подбойных ямах № 30, 34 и 53 были детскими. Погребение 30 нарушено соседним захоронением 4. Подбой 34 сильно разрушен, возможно, при ограблении. И только детское подбойное погребение 53 было обнаружено нами в состоянии in situ и поэтому представляет для нас особый интерес.

При сооружении захоронения было потревожено более раннее погребение (№ 49), от которого сохранились только фрагменты черепа. В связи с этим сложно сказать, к какой яме относилась уложенная здесь речная галька. На дне подбойной ямы головой на юго-восток вытянуто на спине лежал костяк ребенка возрастом 5 +/- 1,5 лет (определение сотрудника НИИ и Музея антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ имени М.В. Ломоносова Куприковой К.Ю.). Правая рука ребенка вероятна была слегка согнута в локте, кости левой руки сохранились очень плохо. В погребение было поставлено четыре керамических сосуда. За головой ребенка стоял небольшой круглодонный кубок, а в ногах располагались орнаментированная чернолощеная корчага (рис. 1), биконический кубок и миска. Вплотную к костям черепа в несколько рядов лежали украшения из раковин каури.

Вероятно, они были нашиты на головной убор. Комплексы с изделиями из каури в районе черепа известны нам и по раскопкам могильника Верхний Куркужин (Марченко, 2019. С. 523–537). На каури лежало небольшое украшение из сурьмы, аналогов которому пока не найдено. На шее ребенка находилась массивная бронзовая гривна и несколько ожерелий. Одно из них состояло из 28 полусферических бронзовых бляшек, второе – из сердоликовых бусин и бисера различного размера (>80 экз.). Также здесь присутствовали две низки – из сурьмяного бисера и из костяных пронизей–трубочек.

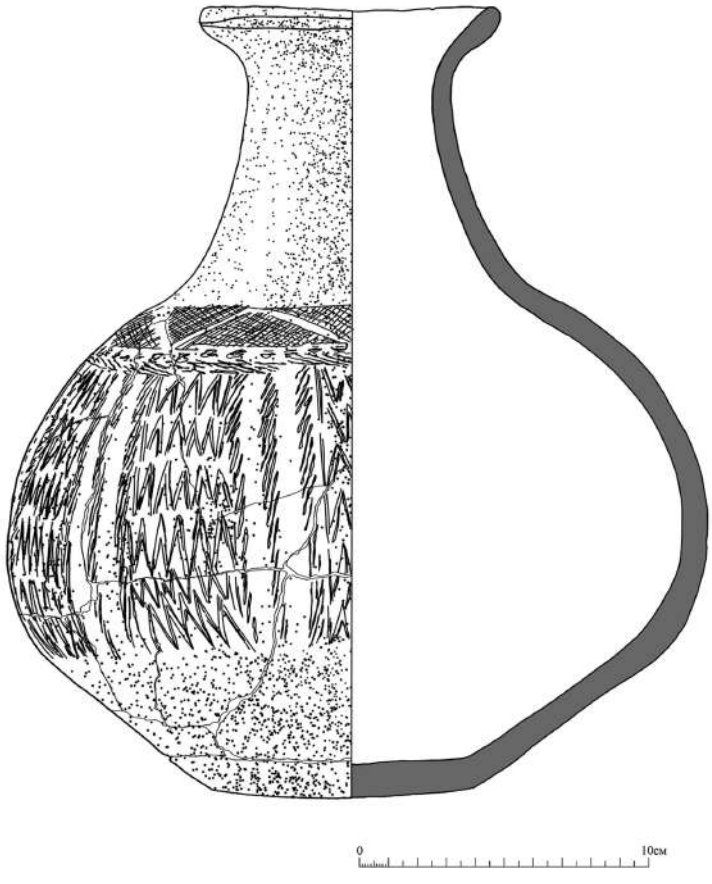


Рис. 1. Чернолощеная корчага с орнаментом из погребения 53 могильника Нижний Куркужин (рисунок выполнен В.А. Михайловой)

В целом следует подчеркнуть, что в данном случае вещевой набор повторяет сопроводительный инвентарь из взрослых захоронений. И по сопроводительному инвентарю рассмотренный комплекс можно отнести к середине VII в. до н.э. А подбойные захоронений у кобанцев – это феномен, требующий осмысления.

Литература

Марченко Ю.В. 2024. Импортные изделия в погребениях раннескифского времени (по материалам могильника Верхний Куркужин) // Ученые – наследники пророков: сборник статей к 80-летию Михаила Борисовича Пиотровского. Т. 1. СПб.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ В РАННЕСКИФСКОЕ ВРЕМЯ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Мокрушин В.П.[1], Нарожный Е.И.[2]
[1]НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар
[2]Карачаево-Черкесский государственный университет, г. Карачаевск

С лепной чернолощеной посудой VII–VI вв. до н.э., хорошо известной на южных окраинах Ставропольской возвышенности и территории Северной Осетии, соотносятся древности из раскопок 2009 г. на поселении Кишпек-2, выявленном к северу от г. Нальчик (Мокрушин, Нарожный, 2020. С. 129–131; Мокрушин, Нарожный, 2024а). На нем обилием материала привлекает внимание яма №88 (кв. 11 и 12), откуда происходит сужающийся железный прут длиной 22 мм, предположительно – фрагмент стержневидной прямоугольной в сечении (3×7мм) булавки (рис. 1, *1*).

В ней же засвидетельствован мелкий осколок, принадлежавший круглодонному кубку с резко отогнутой шейкой, либо, скорее всего, – хорошо профилированной миске с максимальным диаметром 13,8 см (рис. 1, *11*). Она находит аналогии в Каменномостском могильнике (погр. № 9 и № 11). Сопровождающий инвентарь (в первом случае – каменный молоток, а во втором – «бронзовый наконечник дротика … с раскованной втулкой») не позволяет датировать названные захоронения позднее середины VII в. до н. э. (Батчаев, 1974. С. 101–102. Рис. 23, *12–14*; 24, *3, 6*, *8*). Наша миска, как и находки из некрополя, украшена частыми вертикальными «столбиками», выполненными с применением «многоконечного орнаментира», снабженного острыми шипами; их, в данном случае, – 2, но обычно бывает больше, до – 5. Такой способ декорирования является традиционным для рассматриваемого региона в раннескифский период.

В яме № 88 присутствовали также 2 обломка, вероятно, от одной миски (тип VI, по Деопик и Крупнову) с аккуратными тонкими резными линиями по тулову. Скомпонованное из них изображение включает 2 ряда ромбиков, в большинстве плотно заштрихованных изнутри; на некотором удалении от устья разместилась полоска мелких косых насечек (Мокрушин, Нарожный, 2024б. Рис. 2, *17, 18*). Близкие соответствия данному предмету есть среди вещественных остатков, добытых на Змейском поселении в 1957 и особенно в 2013–14 гг. (Крупнов, 1960. С. 148, 150. Табл. XXII, *3, 4*; Деопик, Крупнов, 1961. С. 20. Рис. 6, *3*; Бакушев, 2021. С. 12. Рис. 3, *17, 29*, 4, *1, 2*, 5, *2*, 6, *6*, 8, *10*, 10, *2*, 27, *17*).

На названном памятнике обнаруживаются параллели и «налепу наподобие усеченного конуса» (рис. 1, *12*) с обводкой по периметру в виде неправильного концентрического овала (Бакушев, 2021. С. 11. Рис. 4, *10, 17*). Последний нанесен «многоконечным орнаментиром», который, просматривается и на рисунках керамики со Змейского поселения: это, прежде всего, стенка корчаги (?) с парой сходящихся под углом полосок; каждая собрана из плотно сомкнутых трех прямых линий. Не исключено наличие таких же отпечатков еще на серии обломков (Бакушев, 2021. С. 12–14. Рис. 4, *15*, 5, *17*, 9, *5*, 13, *7*).

В той же коллекции усматривается сходство и с другими остатками гончарной продукции из ямы № 88 (Бакушев, 2021. С. 13, 14. Рис. 11, *8,* 12, *2*, 22, *7, 8*). Имеется в виду тонкостенный кувшинчик (?) с раздутым туловом (рис. 1, *13, 14*); его плечико занимает широкая однообразная рифленая зона из прерывистых неряшливых горизонтальных бороздок толщиной до 3 мм. На двух осколках от горшка с резко отогнутым верхним краем засвидетельствована похожая композиция из совсем узких бороздок, завершавшаяся снизу «бахромой» – густо расставленных в один ряд мелких наклонных насечек (рис. 1, *9, 10*).

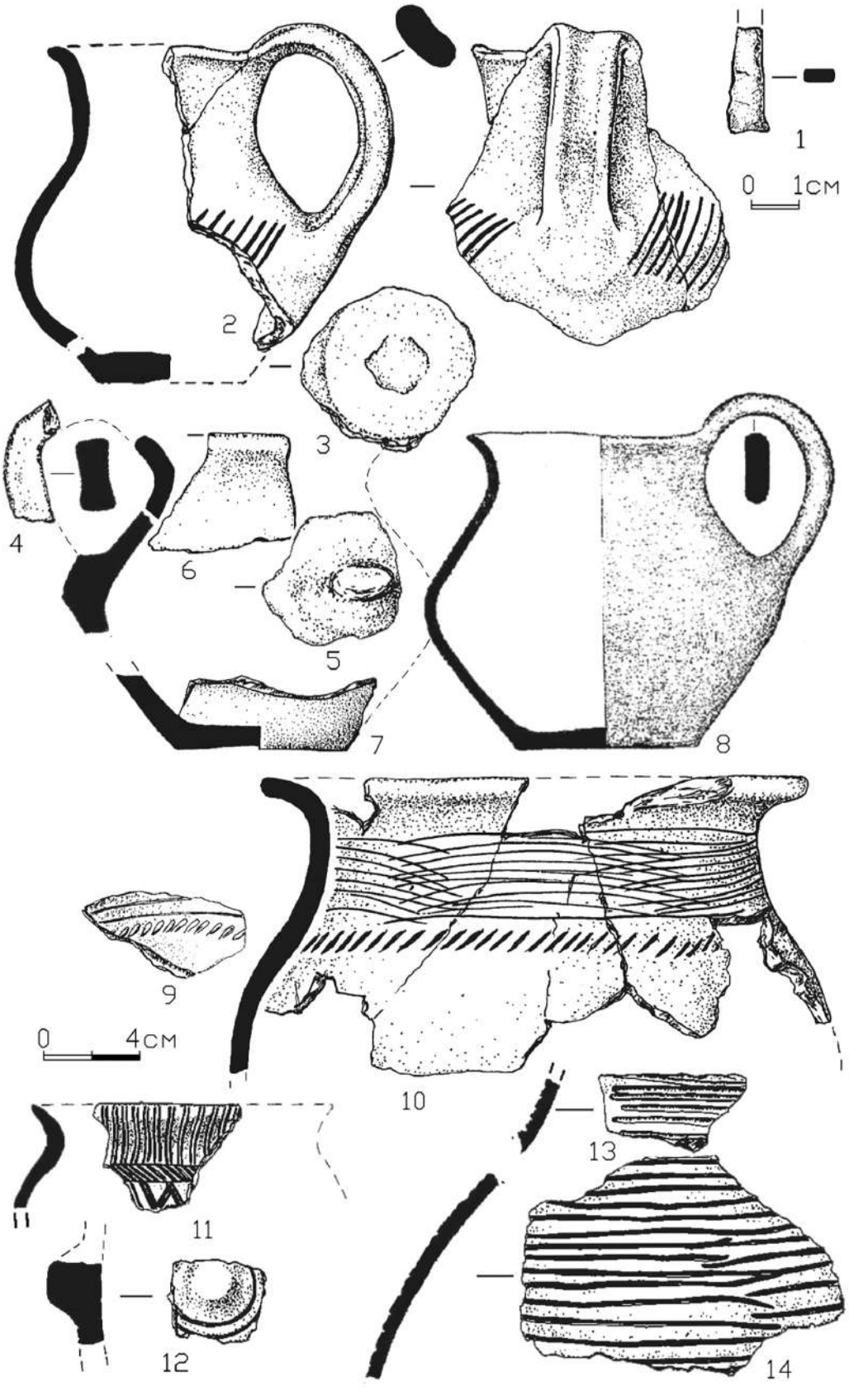


Рис. 1. Поселение «Кишпек-2»: 1 – Железный прут, масштаб увеличен в 2 раза. Остальное – керамика: 2, 3–5, 9–11, 13, 14 – яма № 88; 6 – кв. 12, пласт 2; 7 – кв. 11, пласт 0; 8 – кружка, Эльхотовский могильник, погр. № 76 (по Чшиеву, 2017 г. Рис. 14, *б*)

Особенно интересны 2 кружки с узким дном. Первая, представленная парой мелких черепков, реконструирована по аналогии с находкой из погребения № 76 Эльхотовского могильника (рис. 1, *4-8*). К ней же, возможно, относятся донышко и венчик, залегавшие рядом, в культурном слое. Сохранность второго экземпляра существенно лучше (рис. 1, *2, 3*). Прилепленные к их венчикам уплощенно-овальная и подпрямоугольная в сечении ручки поднимаются над устьем емкости, а потом круто изгибаясь наподобие петли прикрепляются к основанию плечика.

Почти идентичные изделия многочисленны на Змейском поселении (Бакушев, 2021. С. 11, 13–16. Рис. 3, *12 ,16, 19*, 4, *3*, 11, *6*, 13*, 14*, 16, *3*, 18, 5, 23, *20, 22*, 25, *1*), а на Эльхотовском могильнике (IX – начала VII в. до н.э.) они отмечены в большинстве из 59 расчищенных тут в 1996–2005 гг. захоронений (Чшиев, 2016. С. 62. Рис. 1, *2*; Чшиев, 2017а. С. 193, 194, 196. Рис. 2, *2*, 3*, 2, 3,* 4, *2, 3, 10, 11*; Чшиев, 2017б. С. 23–26; Чшиев, 2017в. С. 14. Рис. 1, *2, 3, 10, 11*, 3, *3*, 4, *21*; Чшиев, 2019. С. 83. Рис. 8. Верхний ряд; Фидаров, Чшиев, 2004. С. 194–195. Рис. 9, *2*, 10, 20).

К сожалению, результаты работ на Змейском поселении, просуществовавшем до начала VII в. до н.э., опубликованы выборочно; удревнение его возраста до X–XII вв. до н.э. требует аргументации. Если же исходить из уже обнародованной информации, памятник функционировал в одно время с расположенным фактически по соседству Эльхотовским могильником и демонстрирует с ним явное сходство; вполне очевидно, что оба памятника принадлежали одной и той же группе населения.

Литература

Бакушев М.А. 2021. Новые исследования Змейского поселения кобанской культуры // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Вып. 2. Владикавказ.

Батчаев В.М. 1974. К вопросу о датировке Каменномостского могильника (в свете раскопок 1971 г.) // Материалы по археологии Дагестана. Т. 5. Махачкала.

Деопик Д.В. Крупнов Е.И. 1961. Змейское поселение кобанской культуры // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1. Орджоникидзе.

Крупнов Е.И. 1960 Древняя история Северного Кавказа. М.

Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. 2020. Хозяйственный комплекс в центральной части поселения «Кишпек-2» // МИАСК. Вып. 18. Армавир-Краснодар.

Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. 2024а. Кобанские орнаментированные миски // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. «XXXIII Крупновские чтения». М.

Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. 2024б. Керамика раннескифского времени Центрального Предкавказья // МИАСК. Вып. 22. Армавир-Карачаевск.

Фидаров Р.Ф., Чшиев, В.Т. 2004. Новые материалы бытовых памятников кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии // МИАСК. Вып. 3. Армавир.

Чшиев В.Т. 2016. Массивные кружки биконических очертаний кобанской культуры и кувшинчики «кавказского гальштата» // Международный научный журнал «Символ науки» № 8.

Чшиев В.Т. 2017а. Контакты племен – носителей восточного и центрального вариантов кобанской археологической культуры по материалам памятников предгорий Северной Осетии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 3. Ч. 1. Тамбов.

Чшиев В.Т. 2017б. Эльхотовский могильник как эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Чшиев В.Т. 2017в. Керамические сосуды редких форм из погребений Эльхотовского могильника кобанской культуры // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 9. Ставрополь.

Чшиев В.Т. 2017г. Эльхотовский могильник как эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии // Дисс. … канд. ист. наук. Владикавказ.

Чшиев В.Т. 2019. Эпоха поздней бронзы и раннего железа. Кобанская культура // История Осетин. Т. 1. Владикавказ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗЦОВ АНТИЧНОЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ТАХМАЗИ

Мустафаев Л.Х.
Национальный Музей Истории Азербайджана, г. Баку, Азербайджан
Университет Хазар, г. Баку, Азербайджан

На северо-востоке Азербайджана имеется ряд археологических памятников, относящихся к позднеантичному и раннесредневековому периодам. Одним из таких памятников является поселение Тахмази, обнаруженное в 2022 г. на территории села Сабатлар Губинского района. Жители села называют это место городищем Тахмази. Село Сабатлар расположено в Рустовской котловине, на равнинной местности на правом берегу р. Валвала. До обнаружения памятника археологические исследования здесь не проводились. Археологических памятников античного периода в регионе не так много и в отличие от раннесредневековых памятников северо-восточного Азербайджана памятники античного периода изучены слабо.

Археологические исследования в северо-восточном Азербайджане начались ещё в начале XX в., но масштабы этих работ были невелики. Первые исследования здесь провели А.К. Алекперов, Я.А. Пахомов, И.М. Джафарзаде и С.М. Газиев (Халилов, Кошкарлы и др., 1991. С. 9). В конце XX в. в регионе были проведены крупные археологические изыскания (раскопки и разведки) под руководством Дж.А. Халилова. В ходе этих работ были получены ценные материалы, имеющие большое значение для изучения материальной культуры, в т.ч. керамики. Позднее раннесредневековые керамические изделия северо-восточного Азербайджана рассматривались А.Ш. Оруджевым. Азербайджанские археологи внесли вклад в исследование различных вопросов археологии и истории региона: бытовых и погребальных памятников, хозяйственной жизни и быта населения, различных ремесел, в т.ч. гончарства, духовной культуры и погребальных обрядов, религиозных верований, а также торгово-экономических и культурных связей Кавказской Албании в античный и раннесредневековый периоды (Xəlilov, Aslanov, 1973. S. 176–184; Халилов, 1975. С. 58–59; Халилов и др., 1981. С. 72–76; Халилов и др., 1982. С. 25–28; Xəlilov, 2006. S. 101–114; Xəlilov, 2009; Xəlilov, 2011. S. 209–211; Xəlilov, Cəfərova, 2013. S. 223–231; Xəlilov, 2015. S. 261–266).

Городище Тахмази занимает площадь около 15 га. За последние годы строительство дороги, распределение земли государством среди сельского населения и сельскохозяйственные работы изменили ландшафт местности. По этой причине не удалось определить точные контуры памятника. Скорее всего, поселение занимало бóльшую площадь. Наряду с поселением Тахмази, на его восточной стороне, поднимающейся по склону горы через лес, в местности Тахтара был обнаружен участок могильника. Эти могилы были разрушены во время строительства дороги в 1990-х гг. Сельчанам удалось собрать часть разбросанных вокруг материалов: два керамических кувшина, железные наконечники стрел, фрагменты ножей, несколько бронзовых украшений. Эти находки позволили отнести данный могильник к позднеантичному периоду.

Кроме того, за последние годы на обоих памятниках были собраны различные фрагменты керамики, обожжённые кирпичи размером 34x34x8 см, большое количество зернотерок, наконечники стрел, браслеты, сельскохозяйственные орудия и т.д. Находки относятся к указанному периоду и характерны для северо-восточного Азербайджана (Xəlilov, Aslanov, 1973.

S. 101–114; Xəlilov, 2011. S. 223–231; Mustafayev, 2015. S. 299–308; Мустафаев, 2023. С. 81–90; Мустафаев, 2024. С. 100–107). Образцы керамики с памятников Тахмази и Тахтара имеют сходные характеристики с образцами керамики, найденными в Губинском, Гусарском и Хачмазском районах северо-восточного Азербайджана (Orucov, 1989; Халилов, 1985. С. 107–126, 131–132, 136–151; Mustafayev, 2018. S. 204–213).

В ходе сравнительного анализа собранных материалов установлено, что поселение Тахмази существовало как крупное городище, которое прекратило свое существование в VIII–IX вв. Подъёмный материал, относящийся к позднему средневековью, дает основания говорить о том, что и в это время территория также обживалась (Mustafayev, 2022. S. 195–200; Мустафаев, 2023. С. 81–90; Мустафаев, 2024. С. 100–107). Образцы керамики античных и раннесредневековых памятников северо-восточного Азербайджана обладают характерными особенностями и отличаются от керамики, представленной на других археологических памятниках Азербайджана.

Образцы керамики Тахмази и Тахтара поздней античности и раннего средневековья имеют следующие признаки:

а) керамика формовалась вручную, без использования гончарного круга; в состав глины входили с примеси мелкого и крупного песка;

б) качество обжига сосудов среднее или высокое, с красным, желтоватым, черным, серым обжигом; иногда встречаются и сосуды с низким качеством обжига;

в) орнаментация керамических сосудов асимметричная, неровная; внешняя поверхность керамических сосудов покрывалась глубокими гребенчатыми расчесами и штриховкой;

г) некоторые керамические сосуды покрывались ангобом и не имели орнаментации;

д) показательными предстают сосуды для жидкостей, имеющие сливной желоб, по обеим сторонам которого расположены налепы-«глазки», придающие сосудам зооморфный облик; они имеют сходство с кувшинами-ойнохоями, распространёнными в Кавказской Албании в античный и раннесредневековый периоды.

Литература

Мустафаев Л. 2023. Новые археологические памятники Губа–Хачмазского региона // Этнокультурное наследие Кавказской Албании (сборник статей). № 4. Баку.

Мустафаев Л.Х. 2024. Новый археологический памятник Сасанидского периода в Северо-Восточном Азербайджане // Маргулановские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 23–25 мая 2024 г. Барнаул–Павлодар. Т. 2. Алматы.

Халилов Дж.А. 1975. Могильник у с. Рустов Кубинского района и его место в культурных связях Дагестана и Азербайджана // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала.

Халилов Дж.А., Аразова Р.Б., Ахундов Т.И., Кошкарлы К.О. 1981. Об археологических памятниках Северо-Восточного Азербайджана // Доклады АН АзССР. Т. XXXVII. № 12.

Халилов Дж.А., Аразова Р.Б., Ахундов Т.И., Кошкарлы К.О. 1982. Новые памятники Северо-Восточного Азербайджана // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1978 г.). Баку.

Халилов Дж.А. 1985. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку.

Халилов Дж.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б. 1991. Археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана. Баку.

Mustafayev L.X. 2015. Quba rayonunun Püstəqasım kəndindən əldə edilən təsadüfi arxeoloji tapıntılar. Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi 2015. Bakı.

Mustafayev L.X. 2018. Keramika istehsalında varislik (Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi və Quba Tarix Diyarşünaslıq Muzeyinin materialları əsasında) // «Muzey, arxiv və kitabxanalarda qorunan milli dəyərlərin tədqiqi, təbliği, qorunması və bərpası» adlı II Respublika elmi konfransının materialları. Bakı.

Mustafayev L.X. 2022. Azərbaycanın şimali-şərq regionunda aşkar edilən Təhməzi yaşayış yerinin tədqiqatları // «Elm tarixi və elmşünaslıq: fənlərarası tədqiqatlar» mövzusunda Beynəlxalq elmi konfransın materialları (14 oktyabr 2022-ci il, Bakı, Azərbaycan). AMEA Elm Tarix İnstitutu. Bakı.

Xəlilov M.C. 2006. Albaniyanın ilk orta əsr bütpərəst torpaq qəbir abidələri // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. № 2. Bakı.

Xəlilov M.C. 2009. Albaniyanın qəbir abidələri (IV–X əsrlər). Bakı.

Xəlilov M.C. 2011. VI Sandıqtəpə və Gicanoba abidələrinin tədqiqi (Quba və Qusar rayonları) // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2010. Bakı.

Xəlilov M.C., Cəfərova E.B. 2013. I Sandıqtəpədə tədqiqatlar (Quba rayonu) // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2012. Bakı.

Xəlilov M.C. 2015. Sandıqtəpə abidələr kompleksində tədqiqatlar (2013–2014-cü illər) Quba rayonu // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2013–2014. Bakı.

Xəlilov C.Ə., Aslanov Q.M. 1973. Sırt-Çiçidə arxeoloji tapıntılar // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. VII c. Bakı.

Orucov A.Ş. 1989. İlk orta əsrlərdə Azərbaycanda dulusçuluq. Bakı.

КОМПЛЕКС КАВКАЗСКИХ БРОНЗ С ПОЛУОСТРОВА АБРАУ

Новичихин А.М.[1], Смекалова Т.Н.[2]
[1]Анапский археологический музей, г. Анапа
[2]Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-18-00088,
https://rscf.ru/project/23-18-00088

Весной 2012 г. в Анапский археологический музей был передан комплекс бронзовых предметов, найденный в горном массиве между Анапой и Новороссийском на территории полуострова Абрау, и, предположительно, являющийся остатками инвентаря разрушенного погребения. Комплекс (коллекция КМ 13178/1-3) состоит из трех предметов – двух фибул и браслета (рис. 1)

Фибулы (рис. 1, *2*) представляют собой пару одинаковых застежек, с «зеркальным» расположением конструктивных элементов. Равномерно изогнутая спинка фибул украшена резным орнаментом в виде зон тройных поперечных колечек, среднее из которых покрыто насечками, и валиков с продольными насечками. Внешние стороны приемников украшены гравированными волютами. Оба изделия снабжены пружинами в два оборота, иглы обломаны.

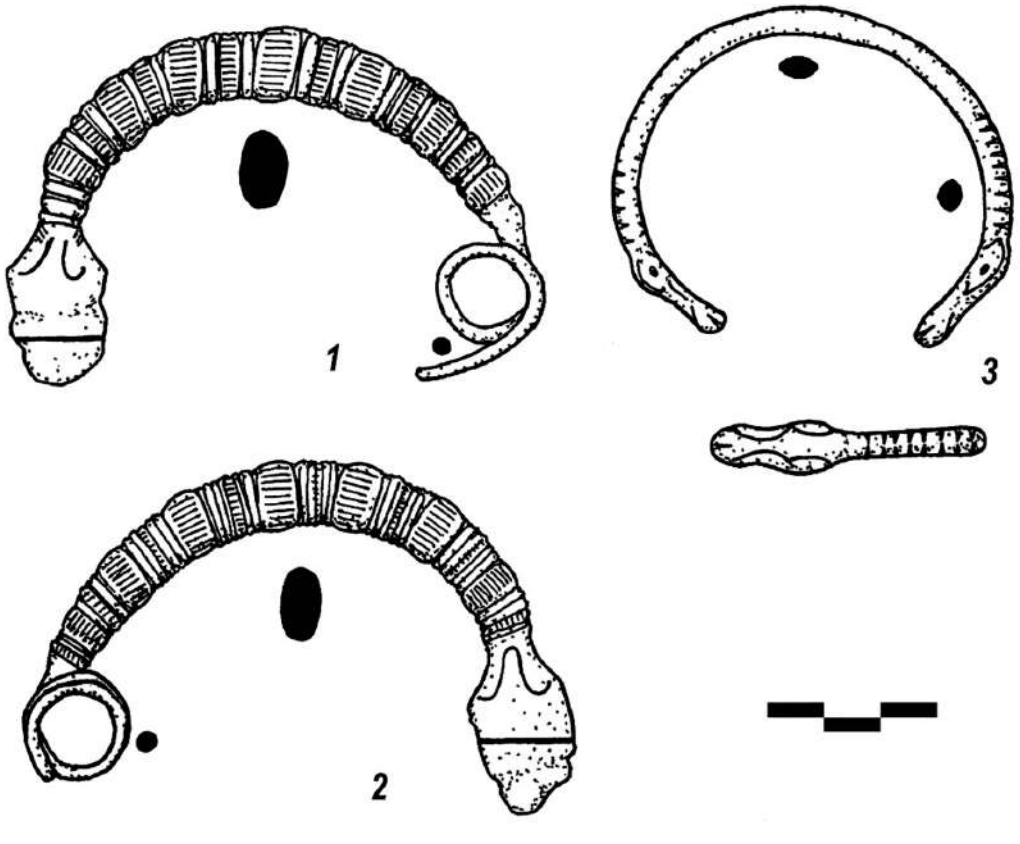


Рис. 1. Комплекс бронзовых предметов с полуострова Абрау;
1, 2 – фибулы; 3 – браслет

Браслет (рис.1, *3*) из овальной в сечении проволоки, несомкнутые концы оформлены в виде скульптурных головок животного с губастой пастью и крупными поджатыми ушами. За головками внешняя поверхность изделия украшена поперечными насечками.

Фибулы относятся к группе кавказских дуговидных фибул, ближайшие аналогии им происходят из памятников VI–V вв. до н.э. западного варианта кобанской культуры – 3 вариант I типа по классификации В.И. Козенковой. Фибулы этого типа обычно встречаются в погребениях парами – одна левосторонняя, другая правосторонняя, такие комплекты застежек сопровождали погребения воинов высокого ранга (Козенкова, 1998. С. 74. Табл. XXV, *7–12*). Особенностью публикуемых фибул является двухвитковая пружина: в ареале кобанской культуры фибулы такой конструкции представлены единичными экземплярами (Техов, 1973. С. 144. Рис. 1, 15).

Украшенные изображениями голов животных браслеты с орнаментацией в виде поперечных насечек хорошо известны в памятниках Кавказа раннего железного века. Ближайшие аналогии публикуемому происходят из комплексов ранней (VIII–VI вв. до н.э.) группы погребений могильника колхидской культуры Гуадиху в Абхазии (Трапш, 1969. Табл. III, *11, 12*).

Таким образом, комплекс предметов с полуострова Абрау может быть датирован VI–V вв. до н.э. Круг указанных аналогий указывает на его связь с древностями кобано-колхидского круга.

Состав сплава фибул и браслета представляет большой интерес в связи с изучением вопроса о древней металлургии кобано-колхидской культурно-исторической общности. Исследование элементного состава этих предметов проводилось методом неразрушающего безэталонного рентгеновского флуоресцентного анализа (РФА) непосредственно в Анапском археологическом музее на аппаратуре отдела естественно-научных методов в археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Для измерений использовался энергодисперсионный спектрометр Mistral M1 (Bruker). Результаты исследования состава металла приведены в таблице 1.

Из рассмотрения полученных данных следует, что обе фибулы изготовлены из качественно одинаковой высокооловянной бронзы, однако содержание олова в одной из них (КМ 13178/2) – 42,67 % – в 3 раза больше, чем в другой (КМ 13178/2) – 14,11 % (см. табл. 1, *3* и *6*). В связи с тем, что исследуемые фибулы являются парными, зеркально- симметричными и, очевидно, были изготовлены в одной мастерской, вероятно, следует предположить, что

Таблица 1. Состав сплава двух фибул и браслета из Анапского археологического музея, в масс. %.

№ п/п		Cu	Ni	Fe	Ag	As	Pb	Sb	Sn
Фибула, КМ 13178/2									
1		45,71	0	0,72	0,50	0,61	1,38	0,61	50,46
2		62,47	0	0	0,31	0,86	1,01	0,48	34,88
3	Среднее	54,09	0	0,36	0,41	0,73	1,19	0,54	42,67
Фибула, КМ 13178/1									
4		86,21	0	0	0	0,25	0,48	0,07	12,99
5		83,75	0	0	0	0,25	0,68	0,09	15,24
6	Среднее	84,98	0	0	0	0,25	0,58	0,08	14,11
Браслет, КМ 13178/3									
7		33,46	0,47	9,04	0,50	0,27	21,33	1,51	33,41
8		33,72	0,60	9,13	0,55	0,64	18,99	1,55	34,81
9	Среднее	33,59	0,54	9,09	0,53	0,46	20,16	1,53	34,11

сплав составлялся самим мастером из лома каких-то старых изделий и слитков олова, поэтому рецепт оловянной бронзы не был строго выдержан.

Мастером, вероятно, руководило желание сделать фибулы наиболее привлекательными. Высокооловянный медный сплав обладает замечательными декоративными качествами, а также значительной коррозионной стойкостью и твердостью, способностью к полировке (Равич, 2004. С. 72). Небольшое количество свинца добавлялось в сплав для улучшения литейных свойств, обрабатываемости резанием и для облегчения нанесения изображений методом гравировки.

Состав сплава браслета с головами животных существенно отличается от сплава фибул тем, что в него добавили избыточное количество свинца – пятую часть от всего состава (табл. 1, *9*). Со свинцом, очевидно, ассоциирована сурьма, содержащаяся в сплаве в количестве 1,53 % (табл. 1, *9*), которая может являться рудной примесью. Довольно много в сплаве железа (9,09 %), что не может быть связано с поверхностным загрязнением.

Нам удалось найти только один пример исследования состава сплава подобных дуговидных однопружинных фибул, правда, относящихся к более раннему времени (вторая половина VIII–VII в. до н.э.), из собрания Государственного Эрмитажа (Васильева, Кашуба, 2017). Эти выразительные фибулы с тремя скульптурными бараньими головками происходят с территории Кавказа. Одна фибула со следами доливки (ремонта) иглы была найдена в Кобанском могильнике в Северной Осетии (инв. № 1731/46), другая – в с. Новый Афон в Абхазии (инв. № 1291/152). Они были отлиты по утрачиваемым моделям, а затем приемник и пружина с иглой откованы. Согласно результатам РФА дужка фибулы из Кобанского могильника была изготовлена из оловянной бронзы с небольшими примесями свинца, сурьмы и мышьяка (табл. 2, строка 1). Доливка иглы с пружиной была выполнена из аналогичного сплава, что может служить подтверждением проведения ремонта в той же мастерской и тем же мастером (табл. 2, строка 2). Фибула из Нового Афона выполнена из похожей оловянной бронзы (табл. 2, строка 3).

Таблица 2. Состав сплава фибул с головками баранов из собрания Государственного Эрмитажа, в масс. %. По: (Васильева, Кашуба, 2017. С. 98).

Инв. №	Деталь	Cu	Fe	Ag	As	Pb	Sb	Sn
1731/46	Дужка	Осн.	Сл.	Сл.	<0,61	<0,8		15–20
	Игла	Осн.	Сл.	Сл.	1–2	1–2		12–14
1291/152		Осн.	Сл.	?		1–2	0,25	8–9

В целом мы видим определенное сходство в составе сплава исследуемых фибул с полуострова Абрау и фибул с бараньими головками (ср. табл. 1, *1–6* и 2). Особенно близки, почти идентичны, сплавы фибулы (КМ 13178/1) и обеих фибул из Государственного Эрмитажа. Это может говорить о длительности металлургических традиций кобано-колхидской культурно-исторической общности, когда на протяжении двух веков рецептуры высокооловянных бронз для изготовления фибул не менялись.

Состав сплава браслета разительно отличается от сплава фибул. Очень высокое содержание свинца в оловянно-свинцовой бронзе в целом не характерно для раннего времени (VI–V вв. до н.э.), хотя, как отмечает Т.Б. Барцева, в V в. до н.э. оловянно-свинцовые бронзы уже встречаются так же часто, как и оловянные бронзы (Барцева, 1981. С. 90). Возможно, что браслет изготовлен из привозного сырья западного происхождения.

Существование в раннем железном веке устойчивых контактов населения полуострова Абрау с носителями кобанской и колхидской культур, при которых характерные для этих

культур предметы попадали в район Анапы и Новороссийска, уже отмечались (Малышев, Новичихин, 2022. С. 174). Вводимый в научный оборот комплекс кавказских бронз – очередное тому подтверждение.

Литература

Барцева Т.Б. 1981. Цветная металлообработка скифского времени. М.

Васильева Е.Е., Кашуба М.Т. 2017. Разыскания по двум кавказским фибулам раннего железного века // Записки ИИМК РАН. № 16.

Козенкова В.И. 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М.

Малышев А.А., Новичихин А.М. 2022. Полуостров Абрау в эпоху раннего железа // Hyanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 4. М.

Равич И.Г. 2004. К вопросу о происхождении и применении зеркал сарматского времени с валиком по краю диска // Исследование и консервация памятников культуры. М.

Техов Б.В. 1973. О появлении и развитии кавказской дуговидной фибулы // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Трапш М.М. 1969. Древний Сухуми // Трапш М.М. Труды. Т. II. Сухуми.

ЗУБОЧЕЛЮСТНЫЕ ПАТОЛОГИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ НЕСКОЛЬКИХ СЕРИЙ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ)

***Перевозчикова А.А.*[1,2], *Березина Н.Я.*[1]**
[1]Научно-исследовательский институт и музей Антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
[2]Кафедра антропологии, биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 25-18-00322

О характере питания древнего населения позволяет судить большое количество современных естественно-научных методов, например, анализ стабильных изотопов, анализы растительных и животных компонентов зубного камня, изучение ДНК микробиома полости рта, или изучение состава липидов керамики. Однако, проведение лабораторных исследований не всегда возможно в силу разных причин. Более того, перечисленные методы являются разрушающими, что крайне нежелательно при изучении редкого материала. В данной работе анализ патологий зубочелюстной системы предлагается как один из альтернативных и/или дополнительных методов оценки качества жизни, состояния здоровья и особенностей пищевого рациона древнего населения.

В анализ вошли палеоантропологические коллекции представителей кобанской археологической культуры, полученные в результате раскопок трех могильников: Гастон Уота (VII–IV вв. до н.э, республика Северная Осетия), Заюково-3 (VIII–V вв. до н.э, республика Кабардино-Балкария), а также Тлийского могильника (эпоха поздней бронзы – скифское время, Южная Осетия).

Для учета зубочелюстных патологий использовался бланк Шультца (Schultz, 1988), переведенный и адаптированный Н.Я. Березиной. В тезисах представлены результаты анализа частот таких изменений как кариес, зубной камень, эмалевая гипоплазия, стертость эмали жевательной поверхности. Эти признаки частично ассоциированы с воздействием внешней среды на организм и могут отражать образ жизни как отдельных индивидов, так и группы в целом. Половозрастные определения выполнены согласно стандартной методике (Алексеев, 1964; Алексеев, Дебец, 1966), принятой в палеоантропологии. Сравнительный анализ частот зубочелюстных патологий в мужской и женской подгруппах в случае каждой из выборок не проводился в связи малой численностью исследованных индивидов. Для учета взаимосвязи возраста с изменениями в патологическом профиле было принято решение разделить выборку на три возрастных группы: 1 – от 15 до 25 лет, 2 – от 25 до 45 дет, 3 – от 45 лет и старше.

Общее количество зубов на серию Гастон Уота составляет 289 шт. (на 39 индивидов) (табл. 1). Встречаемость зубного камня в процентном соотношении достаточно равномерно распределена по возрастным категориям с пиком во второй возрастной группе, что указывает на активное образование камня, начиная с молодого возраста. Кариес встречается редко. Стертость эмали жевательной поверхности закономерно увеличивается с возрастом. Показатель выраженной стертости (4 балла и выше) появляется в 2,7% у молодежи и возрастает до 45,2% у взрослых. У пожилых показатель достигает 80,7%. Наибольшая частота

Таблица 1. Частоты зубочелюстных патологий серии Гастон-Уота, зубной счет

Возрастная группа	Общее кол-во зубов	Зубной камень	Кариес	Стертость (4+)	Гипоплазия
1 (15–25 лет)	75	29,3% (22)*	2,7% (2)	2,7% (2)	6,7% (5)
2 (25–45 лет)	157	33,1% (52)	5,1% (8)	45,2% (71)	1,3% (2)
3 (45+)	57	29,8% (17)	1,8% (1)	80,7% (46)	Не обнаружено

Прим. *В скобках указано абсолютное количество зубов с патологией.

эмалевой гипоплазии фиксируется среди молодых (6,7%), затем она резко падает. Это может говорить об изменениях окружающей среды в один их периодов существования группы, или о том, что индивиды с гипоплазией реже доживали до зрелого возраста.

Таблица 2. Частоты зубочелюстных патологий серии Тлийского могильника, зубной счет

Возрастная когорта	Общее кол-во зубов	Зубной камень	Кариес	Стертость (4+)	Гипоплазия
1 (15–25 лет)	13	23,1% (3)	(0)	0,0% (0)	(0)
2 (25–45 лет)	49	16,3% (8)	4,1% (2)	42,9% (21)	(0)
3 (45+)	24	16,7% (4)	(0)	70,8% (17)	(0)

Общее количество зубов в Тлийской серии составляет 86 шт (на 5 индивидов) (табл.2). Распространенность зубного камня относительно невысокая и стабильная во всех возрастных группах (16-23%). Небольшой пик у молодежи может быть статистической погрешностью из-за малого размера выборки. Кариес встречается редко. Единичные случаи зафиксированы только среди взрослых (4,1%). Выраженная стертость эмали жевательной поверхности, как и в серии Гастон Уота, закономерно увеличивается с возрастом: резкий рост от 42,9% у взрослых и 70,8% у пожилых. Это может указывает на схожую диету в обеих группах. Эмалевой гипоплазии в выборке не отмечается.

Таблица 3. Частоты зубочелюстных патологий серии Заюково-3, зубной счет

Возрастная когорта	Общее кол-во зубов	Зубной камень	Кариес	Стертость (4+)	Гипоплазия
1 (15–25 лет)	125	4% (5)	0,8% (1)	3,2% (4)	2,4% (3)
2 (25–45 лет)	154	11% (17)	3,2% (5)	41,6% (64)	3,2% (5)
3 (45+)	58	8,6% (5)	1,7% (1)	86,2% (50)	1,7% (1)

Общее количество зубов в серии Заюково-3 составляет 337 шт. (для 24 индивидов) Зубной камень распространен слабо, в группе у взрослых выражен немного сильнее (11%). Этот показатель значительно ниже, чем в серии Гастон Уота. Не исключено, что подобные результаты могут быть связаны с региональными особенностями почв, в которых были совершены погребения, где зубной камень мог быть разрушен тафономическими процессами Кариес встречается редко. Частота сопоставима с таковой по Тлийскому могильнику (2,3%) и почти в 2 раза ниже при сравнении с серией из могильника Гастон Уота. По стертости зубной системы также, как и в остальных выборках наблюдается резкая возрастная прогрессия частоты встречаемости высоких баллов - от 3,2% у молодежи до 41,6% у взрослых и 86,2% у пожилых. Это самая выраженная возрастная динамика среди всех исследованных могильников, что может объясняться тем, что количество зубов внутри выборки самое большое. Гипоплазия эмали встречается с умеренной частотой с пиком у взрослых. Этот показатель выше, чем в серии Тли. Таким образом, при относительно хорошем общем здоровье зубов,

представители популяции Заюково-3 подвергались высокой абразивной нагрузке, приводящей к максимальной среди всех популяций стертости в пожилом возрасте. При этом частота кариеса в Заюково-3 может указывать на диету с низким содержанием углеводов, т.е. на умеренное потребление зерновых и/или отсутствие в рационе сладких продуктов (мёда и пр.), что сближает эту группу с выборкой из Тли.

Для достоверного понимания пищевых стратегий представителей кобанской археологической культуры в пределах различных археологических памятников требуется дальнейшее изучение зубочелюстных патологий с увеличением исследовательской выборки.

Литература

Алексеев В.П. 1966. Остеометрия: методика антропологических исследований. М. 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М. 128 с.

Schultz M. 1988. Paläopathologische Diagnostik. In: Knussmann R (ed) Handbuch der vergleichenden Biologie des Menschen, Band 1: Methoden. Stuttgart. P.480–496.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КЕРАМИКИ ЗИЛЬГИНСКОГО ГОРОДИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА КР-2)

Пичугина А.А.
Институт Археологии РАН, г. Москва

Классификация раннеаланской керамики была разработана Д.В. Деопиком в 1987–1989 гг. (Аржанцева, Деопик, 1989). Несмотря на признанную эталонность, массовый керамический материал Зильгинского городища, на основе которого была разработана классификация, в настоящий момент анализируется ограничено, часто лишь при сопоставлении с материалами других комплексов (Габуев, Малашев, 2009).

Автором был проведен комплексный анализ массового керамического материала Зильгинского городища, обнаруженного при работах на раскопе Карьер Раскоп-2 (далее – КР-2). Керамический комплекс этого раскопа включает 25 тыс. профилированных фрагментов, которые были внесены в керамическую опись Северо-Осетинской экспедиции с 1987 по 1990 гг. (Аржанцева, 1987; Аржанцева, 1989; Внуков, 1990). Нумерация пластов дается сверху вниз.

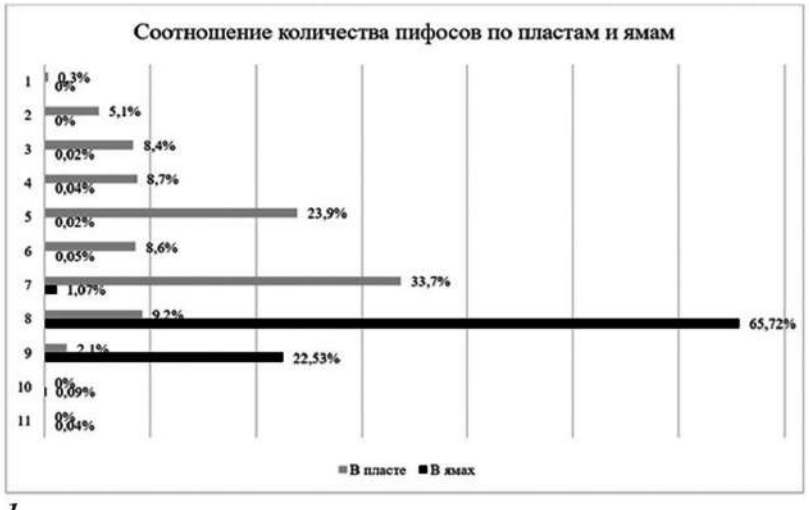
Опись легла в основу базы данных керамических находок и геоинформационной системы (далее – ГИС), связанной с ней. База данных составлена в программе Microsoft Excel. Ее ключевыми признаками выбраны: категория керамики (кувшин, миска, горшок и т.д.) и место обнаружения (квадрат, пласт). Задачам ГИС отвечала программная среда ArcGIS 10.3. В качестве пространственной основы была использована сеть квадратов в локальной системе координат, повторяющая контуры и размеры КР-2.

Основные методы анализа – это дескриптивная статистика и анализ плотности планиграфического распределения керамики. Стратиграфическое распределение рассчитывалось в процентах для каждой категории керамики. Например, пифосы составляют значительную часть керамического комплекса городища Зильги, насчитывая на раскопе КР-2 5610 фрагментов. Анализ распределения находок выявил резкую диспропорцию между различными археологическими контекстами (*рис*. 1, *1.*): лишь 10% общего количества (585 фр.) происходят из пластов, тогда как подавляющее большинство – 90% (5025 фр.) сосредоточено в комплексах ям. Их находки охватывают пласты 1-9 с пиком концентрации в пластах 7–8. Примечательно, что в ямах они встречаются в более широком диапазоне пластов 3–11, причем исключительно в ямных контекстах в нижних пластах 10–11.

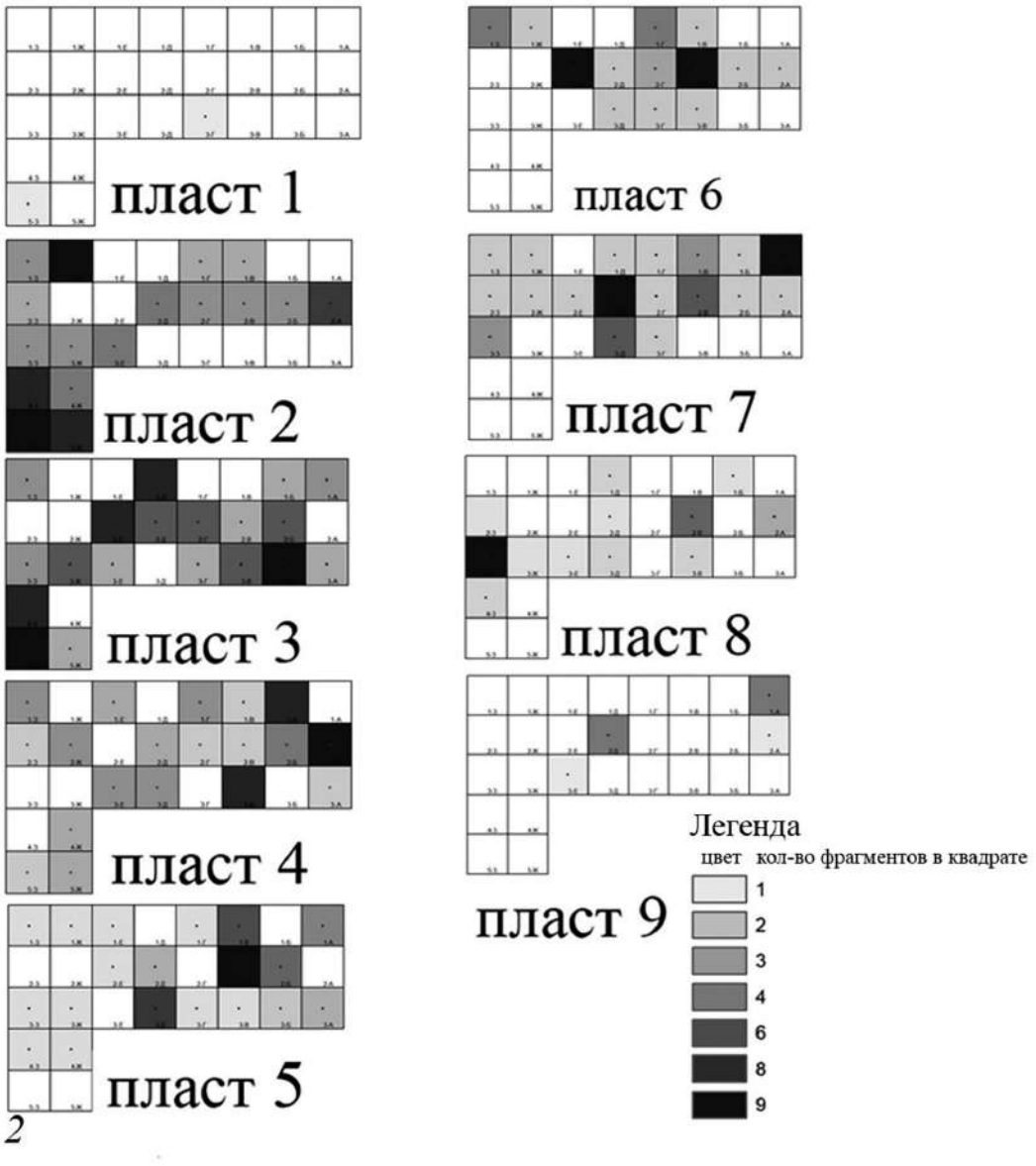
Сравнение подобного стратиграфического описания для каждой категории керамики позволило выделить хронологически более ранние и поздние керамические комплексы:

1. Ранние типы сосудов, которые встречаются только в пластах 7–11, представлены типами ГЧ-10, Кружка-2, Крышка-2, корчага 1 типа, сероглиняный кувшин (Деопик, 1988). Исходя из формы венчика ГЧ-10 (прямой, вытянутый вверх, в керамической классификации назван «кастрюлей»), можно предположить, что сосуществование этого типа горшков с крышкой типа 2 не случайно, а связано с тем, что они использовались совместно.

2. Поздние типы сосудов, которые встречаются исключительно в пластах 1–6 – ГЧ-9, кружка лепная, Крышка-1, кувшины с цилиндрическим горлом. Исходя из формы венчика ГЧ-9 (прямой, вытянутый, как у ГЧ-10, но более короткий, тоже относится к условной форме «кастрюли»), можно предположить, что он напрямую наследует ГЧ-10, но следом за изменением формы венчика меняется и форма крышки для него – появляется крышка типа 1, которая наследует крышке типа 2.



1



2

Рис. 1. Распределения керамики Зильгинского городища: *1* – соотношение количества пифосов по пластам и ямам, *2* – плотность распространения пифосов

Пласт 7 может рассматриваться как ключевой хронологический репер, условно разделяющий керамический комплекс на раннюю и позднюю группы в связи с тем, что в стратиграфической колонке памятника он маркируется отчетливым слоем пожара, имеющим сплошное распространение по всей исследованной площади КР-2 (Аржанцева, 1987).

В связи с тем, что пространственные данные ограничены номером квадрата и пласта, для анализа плотности распределения находок применялся способ с локализацией их в условных центрах квадратов. Анализ плотности распространения выполнялся с помощью функции Kernel Density. Анализируется планиграфическое распространение керамики отдельно в культурном слое и в ямах. На микроуровне сравнивалось распространение каждого типа сосуда по пластам на всей площади раскопа, анализировались участки обнаружения и участки, не содержащие находок. На макроуровне сравнивалось распространение сосудов всех категорий относительно друг друга в жилых зонах КР-2.

Для редких категорий керамики получается выделить зону концентрации в пределах 1–2 пластов, но не более. Не получилось выделить зоны концентрации таких категорий, как столовая и кухонная посуда. Общая тенденция – отсутствие четкой пространственной связи между типом керамики и определенной частью раскопа. Сравнение комплексов керамики разных жилых зон показывает, что в каждой зоне используется одинаковый набор керамики – столовой и кухонной.

Этот вывод подтверждает стратиграфический анализ, который показывает, что керамический комплекс Зильгинского городища состоит из характерного набора форм, которые сосуществуют на протяжении всего периода жизни на городище – это кувшины, миски М-1 и М-2, а также кружка типа 1. Интересно, что для горшков, при всей их распространенности, нет типа, который присутствовал бы во всех пластах городища.

Анализ статистики и планиграфии показывает, что для пластов 1–2 по всей площади КР-2 характерно значительное сокращение квадратов, в которых обнаружена керамика (рис. 1, *2*). С пласта 3 к пласту 1 все типы керамики демонстрируют снижение количества и плотности распространения в слое. Это дополняется отсутствием ям в пластах 1 и 2, при том, что они характерны для всех остальных пластов, что позволяет выделить в пластах 1–2 «период запустения». Можно констатировать, что это признак спада интенсивности жизни в этой части Зильгинского городища

Таким образом, в ходе нашего анализа было выделено три последовательных хронологических периода: верхний (пласты 1–2), средний (пласты 3–6) и нижний (пласты 7–11). Разделение между нижним и средним периодами маркируется выраженным слоем пожара на границе пластов 6–7, что дало основание для выделения двух основных фаз развития керамического комплекса – ранней и поздней.

Литература

Аржанцева И.А. 1987. Отчет о работах на Зильгинском городище в Правобережном районе Северо-Осетинской АССР в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №13142.

Аржанцева И.А. 1989. Отчет о работах на Зильгинском городище за сезон 1989 г. Керамические описи. Т.5 // Архив ИА РАН. Р-1. № 15460.

Аржанцева И.А., Деопик Д.В. 1989. Зильги – городище начала I-го тысячелетия н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока: археологические источники. М.

Внуков С.Ю. 1990. Отчет о работах на Зильгинском городище в 1990 г. (Северная-Осетинская АССР). Т.6. Описи керамики и находок. // Архив ИА РАН. Р-1. №17075.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.

Деопик Д.В. 1988. Керамика центрального Предкавказья в I-IV вв н.э. по материалам городища Зильги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Ч. II. М.

О НАХОДКЕ УНИКАЛЬНОЙ СИТУЛЫ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ Р. ВЕРБОВКА (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ОКРЕСТНОСТИ г. СТАВРОПОЛЯ)

Прокопенко Ю.А.
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

В 2024 г. в районе р. Вербовка (северо-западные окрестности г. Ставрополя) случайно было обнаружено скопление различной величины фрагментов из листовидной бронзы. Нашедшими все находки были собраны и в дальнейшем сданы в отдел археологии Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. При внимательном рассмотрении принесенных предметов было выяснено, что они являются деталями бронзового сосуда. Фрагменты относятся к его горловой части, тулову и поддону. Фрагменты сильно деформированы (горло с плечиками сверху частично вдавлены внутрь тулова; край горла волнистый; край плечиков на месте перегиба загнут вверх (а не вниз), на поверхности тулова фиксируются вмятины; края поддона разорваны и сплющены), отсутствуют части горла и тулова (рис. 1, *1, 3*).

Несмотря на деформацию фрагментов, форма сосуда определяется как ситула, имеющая широкое расширяющееся вверх горло с загнутым наружу краем венчика, покатые плечики с хорошо обозначенной линией перехода в тулово реповидной формы, сужающееся ко дну, и поддон усечено-конической формы. Общая (предположительно) В – 28–29 см; В горла – 5 см; Д венчика – 30–31 см; наибольший Д тулова – 38–39 см; В поддона – 2,8 см; Д поддона (предположительно) – 16–17 см.

Судя по особенностям крепления, тулово сосуда было сформировано из четырех бронзовых листов трапециевидной формы, соединенных посредством вертикальных рядов бронзовых выпуклых заклепок округлой формы шляпками внутрь. Горло также имеет четыре вертикальных соединения. На горло сверху было надето кольцо из железного дрота (сохранился фрагмент – Т – 0,5 см. Возможно, край сосуда был загнут и обжат по кольцу так, что оно оказалось внутри получившегося канала (рис. 1, *1*).

Цельнолитые петлевидные бронзовые ручки (Д – 6,8 см; Ш – 1,1–1,2 см) приклепаны (заклепки округлой формы – Д – 1,8 см; В – 0,4 см) – одним концом в месте перехода плечиков к горлу, вплотную к последнему, другим – немного ниже ребра перехода плечиков в тулово. Верхняя часть ручек оформлена в виде объемных зооморфных головок (изображение собаки?), обращенных наружу, с вытянутыми притупленными мордами и ушами остролистной формы.

Узкий поддон усечено-конической формы имеет загнутый (вверх) по окружности край. Следует отметить оригинальный способ крепления поддона к тулову. Нижний край конуса тулова находился в желобе (по окружности), образованном стенкой поддона и его загнутой частью. Затем все три пластины – слоя были скреплены заклепками (рис. 1, *1, 2, 3*).

Таким образом, ситула имеет сложную по технологии конструкцию – горло, поддон и развертка тулова из четырех отдельных листов выполнены посредством обычного крепления заклепками; края развертки тулова и частично горло крепились заклепками – шляпками внутрь. Венчик сосуда является трубкой-каналом для железного дрота.

Подобные сосуды в других районах распространения ситул пока не выявлены. Особо следует отметить уникальность данного котла с зооморфными ручками. Это пока единственный случай находки ситулы, у которой верхние части ручек оформлены в виде объемной морды зверя (а не только уши) – направленной вовне – по направлению от сосуда. В

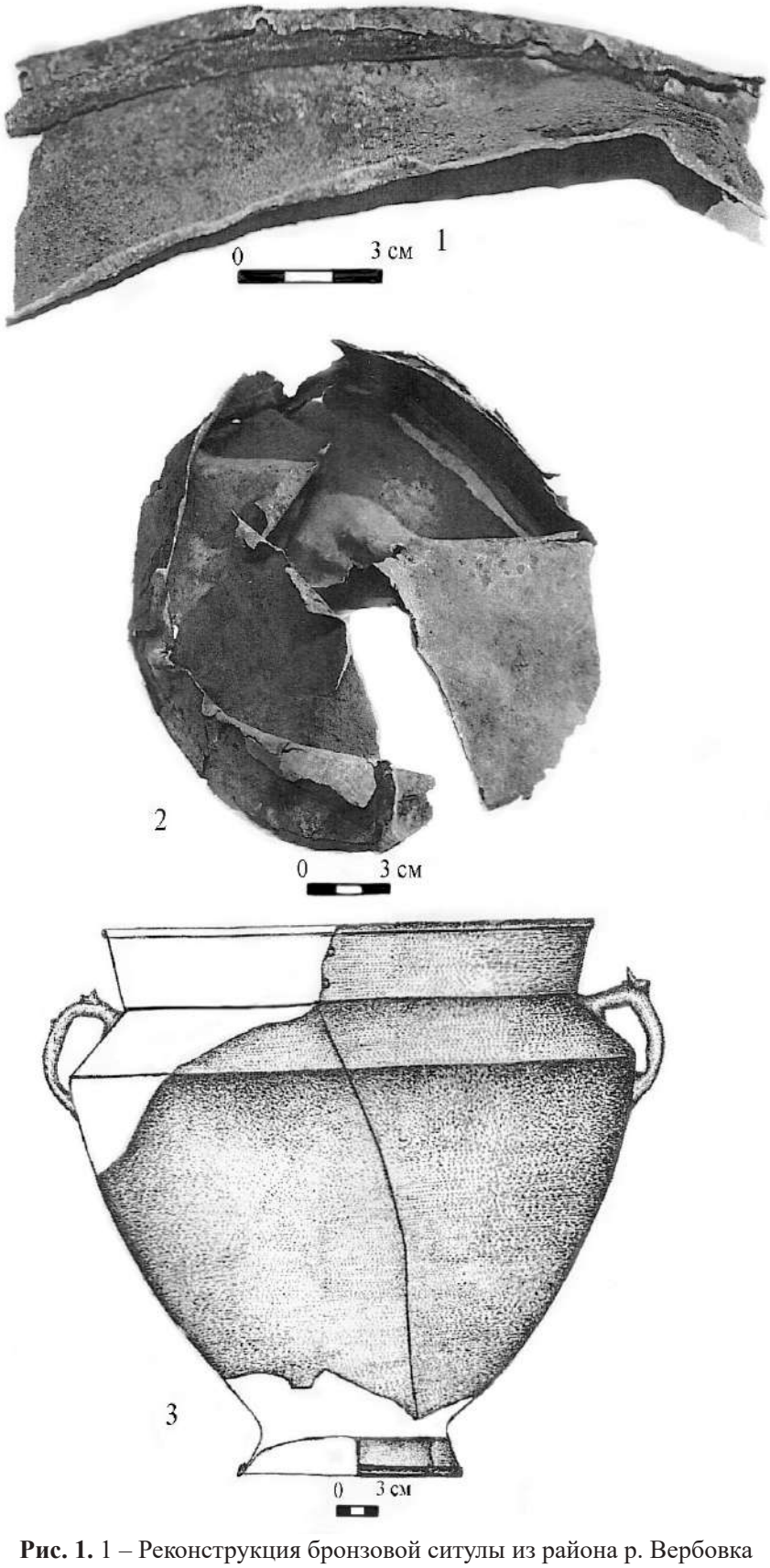


Рис. 1. 1 – Реконструкция бронзовой ситулы из района р. Вербовка (северо-западные окрестности г. Ставрополя) и ее фрагменты: часть горла с фрагментом каркасного кольца из железного дрота, 2 – поддон, 3 – реконструкция ситулы

данном случае также впервые зафиксирован прием использования круглого каркаса (из кованого железного стержня) для укрепления венчика сосуда. Возможно, это местное явление.

В настоящее время производство клепаной бронзовой посуды (в том числе ситул) большинством исследователей локализуется на южных склонах Большого Кавказа (Галанина, 1997. С. 150; Техов, 2002. С. 182–183; Петренко, 2006. С. 84; Эрлих, 2007. С. 84; Эрлих, 2011. С. 512 и др.). Здесь центральнокавказские мастера на протяжении веков изготавливали металлическую посуду разных форм по собственной традиции, пользуясь постоянными методами формирования донца, поддона, техникой соединения отдельных частей, изготовления ручек и их оформлением (Техов, 1977. С. 73–75; Техов, 1980. С. 227, 241–242; Эрлих, 2011. С. 510–512; Соручану, Савва, 2020. С. 151 и др.). Возможно, отсюда заготовки сосудов (бронзовые листы и др.) поставлялись на Ставропольскую возвышенность, где они собирались в сосуды в мастерских местных городищ кобанской культурно-исторической общности (Грушевское городище, Томузловское городище и др.). Поэтому здесь фиксируются в ситулах элементы, не известные в Закавказье, Прикубанье и Поднепровье (соединение листов ковкой – кург. 3 мог. Красное Знамя; использование 4-х листов, а не двух; иная трактовка зооморфного изображения на ручках; использование железного каркаса для укрепления горла и др. – ситула из района р. Вербовки).

Литература

Галанина Л.К. 1997. Келермесские курганы. «Царские погребения раннескифской эпохи» М.

Петренко В.Г. 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва–Берлин–Бордо

Соручану Т., Савва Е. 2020. Металлические сосуды между Карпатами и Западным Алтаем в эпоху бронзы и раннего железного века I–II // Tyragetia Internanional. T. II. Chişinău.

Техов Б.В. 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.

Техов Б.В. 1980. Тлийский могильник. Т. I. Тбилиси.

Техов Б.В. 2002. Тайны древних погребений. Владикавказ.

Эрлих В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.

Эрлих В.Р. 2011. Бронзовые ситулы из элитных погребений Кавказа как пример внутрикавказской коммуникации (к вопросу о центре производства и верхней дате бытования) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). СПБ.

ЕЛИЗАВЕТИНСКИЕ КУРГАНЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Рябкова Т.В.
Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

Елизаветинские курганы – это большой курганный могильник в 19-ти километрах от Краснодара, на юго-восточной окраине станицы Елизаветинской на берегу реки Кубань. Могильник относится к расположенному неподалеку Елизаветинскому городищу – мощному укрепленному поселению V–I веков до н. э, население которого активно торговало с Боспором. По архивным и опубликованным Археологической комиссией данным, на протяжении 1912–1917 гг. Н.И. Веселовским здесь было исследовано семь курганов (ОАК, 1916. С. 57–59; ОАК, 1918. С. 148–157). Меньше всего известно о так называемом «Последнем» кургане, который был раскопан в 1917 г. Материалы Елизаветинского могильника передавались в Государственный Эрмитаж из ГАИМК на протяжении 1924 – 1927 гг., но, к сожалению, до сих пор не введены в научный оборот полностью. Несмотря на то, что «они сразу приобрели широкую известность благодаря грандиозности могильных сооружений, царской пышности погребального обряда и разнообразию погребальных приношений… из гигантской коллекции, включающей в себя порядка 3200 находок[1], до сих пор опубликовано не более двух десятков» (Галанина, 2003. С. 89).

М.И. Ростовцев в 1925 г писал, что вся группа Елизаветинских курганов была исследована Н.И. Веселовским с большой тщательностью, со всех погребений были сняты планы и сделаны фотографические снимки, и подчеркивал, что все «старшие» (крупные?) курганы содержали сходные подкурганные конструкции: в глубокой яме, впущенной в материк и перекрытой деревянным настилом сооружался массивный каменный склеп, тоже покрытый деревом, содержавший основное погребение. Дополнительные погребения людей и лошадей находились вне каменного склепа. В яму вел дромос, крытый деревом. Насыпь обычно окружал ров. Исследователь отнес эти курганы к IV в. до н. э. (Ростовцев, 1925. С. 319–320, 326).

По данным «Проекта зон охраны объекта археологического наследия (памятника археологии) федерального значения «Елизаветинское городище и могильник IV–II вв. до н. э.», ныне на двух участках могильника (Северо-Западный и Юго-Восточный) насчитывается 15 курганных насыпей, еще 13 разрушенных насыпей удалось выявить по архивным данным. Из сохранившихся крупными размерами отличаются четыре (Жуковский, 2013. С. 7). При осмотре могильника летом 2023 и 2025 гг. удалось уверенно отождествить лишь два больших кургана на территории Елизаветинского лесхоза – Северный и Южный (раскопки 1913–1914 гг.) благодаря их расположению и соответствию описаниям. Еще две значительные по размерам насыпи находятся на территории домовладений близ перекрестка улиц Садовая и Дубинская, рвов вокруг насыпей не заметно.

Через 35 лет к теме Елизаветинских курганов вновь обратился М.И. Артамонов. Он указал на большое число элементов античного происхождения, наличие склепов и многочисленных конских захоронений во всех насыпях, а также женские сопровождающие погребения (Артамонов, 1966. С. 39–40).

Длительное время внимание исследователей привлекали лишь некоторые предметы из этих коллекций: панафинейская амфора (Пиотровский, 1924. С. 81; Галанина, 1962; Beazley,

[1] Материалы Елизаветинского могильника составляют 10 коллекций (1386 инв. №№, 3361 предмет).

1956. P. 411), панцирь с изображением Медузы (Веселовский, 1918. С. 1–8; Черненко, 1968. С. 50–52; Артамонов, 1966. С. 109, Виноградов, 2005. С. 264-271), тарные амфоры (Монахов, 1999. С. 165. Табл. 65), предметы конского снаряжения (Переводчикова, 1980; Переводчикова, 1987. С. 54–56; Канторович, Эрлих, 2006. С. 102–103).

Работа по введению в научный оборот всех материалов этих коллекций была начата Л.К. Галаниной (Галанина, 2003; Галанина, 2005; Галанина, 2010). На основании сравнительного анализа золотых украшений ей удалось наметить хронологические позиции разных комплексов. Курганы 1912 и 1915 гг. были отнесены к третьей-четвертой четверти IV в. до н.э., Северный курган (1914 г.) к концу IV в. до н.э., Последний (1917 г.) – к третьей четверти IV в. до н. э. (Галанина, 2003. С. 94–95). Самый древний среди Елизаветинских – Южный курган 1913 г. датируется в границах 390 г. до н.э. по находке гераклейской и фасосской амфор (Монахов и др., 2019. С. 51).

В настоящее время работа по публикации и атрибуции находок из Елизаветинских курганов продолжается и преподносит сюрпризы. Так, найденные в Южном кургане (1913 г.) рядом со знаменитой панафинейской амфорой «черепки посуды чернолаковой с желтыми фигурами…», оказались двумя сосудами – кратером, который следует атрибутировать Флорентийскому мастеру и датировать не позднее 450 г. до н.э. и фрагментами большой аттической вазы – краснофигурной гидрии конца V в. до н.э., круга Мастера Прономоса. Сопоставление функциональных особенностей и сюжетов росписей трех аттических ваз из Южного Елизаветинского кургана указывает на их осмысленный подбор, поскольку каждая связана с символикой разных черт греческого аристократа, с которым, вероятно, и соотносил себя варварский вождь (Рябкова, Петракова, Букина, 2024). Недавно в Фотоархиве ИИМК РАН были обнаружена фотография склепа из Последнего кургана (1917 г.), на которой видны тщательно вытесанные квадры (Вахтина, 2025. Рис. 6). Из Северного кургана (1914 г.) происходит сердоликовая камея с изображением женской фигуры и костяные пластины от шкатулки или саркофага, публикация которых еще предстоит. Надеемся, что реставрационные работы и архивные изыскания позволят со временем полностью ввести в научный оборот материалы Елизаветинских курганов.

Литература

Артамонов М.И. 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л-Прага.

Вахтина М.Ю. 2024. О каменных склепах Елизаветинских курганов (раскопки Н. И. Веселовского в 1912–1917 гг.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 8.

Веселовский Н.И. 1918. Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы // ИАК. Вып. 65. Петроград.

Виноградов Ю.А. 2005. Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников: мат. междунар. науч. конф. СПб.

Галанина Л.К. 1962. Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л.

Галанина Л.К. 2003. Золотые украшений из Елизаветинских курганов в Прикубанье // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 36.

Галанина Л.К. 2005. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н.э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 37.

Галанина Л.К. 2010. Конское снаряжение из коллекции елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н. И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 38.

Жуковский М.О. 2013. Проект зон охраны объекта археологического наследия (памятника археологии) «Елизаветинское городище и могильник IV–II вв. до н. э.» (станица Елизаветинская, Елизаветинский сельский округ, г. Краснодар, Краснодарский край). М.

Канторович А.Р, Эрлих В.Р. 2006. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М.

Монахов С.Ю. 1999. Греческие амфоры в Причерноморье Комплексы керамической тары VII–II в. до н.э. Саратов.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Саратов.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1912 г. 1916. Петроград.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1913–1915 гг. 1918. Петроград.

Переводчикова Е.В. 1980. Прикубанский вариант скифского звериного стиля // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Переводчикова Е.В. 1987. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. № 4.

Пиотровский А.И. 1924. Панафинейская амфора Елисаветинского кургана // Известия РАИМК. Т. 3. Л.

Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.

Рябкова Т.В., Петракова А.Е., Букина А.Г. 2024. Набор аристократа из Южного Елизаветинского кургана // Археологические вести. Вып. 44.

Черненко Е.В. 1968. Скифский доспех. Киев.

Beazley J.D. 1956. Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford.

ШЛЕМЫ КУБАНСКОГО ТИПА НА «ОЛЕННЫХ КАМНЯХ» ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Садыков Т.Р.[1], Блохин Е.К.[1], Каспари Дж.[2]
[1]Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
[2]Бернский университет, г. Берн, Швейцария

Работа подготовлена в рамках ФНИ ГАН FMZF-2025-0008 и FMZF-2025-0012.
Полевые работы проводились совместно с РГО в рамках договора №12/04/ 2024-ИИМК

Исследований о шлемах кубанского типа множество, в том числе есть и недавние общие сводки (Алексеев, 2019; Скорый, 2024). Их происхождение от шлемов Северного Китая эпохи Западного Чжоу к настоящему времени является наиболее вероятной гипотезой (Варенов, 1992). В то же время пути и механизмы этого распространения пока остаются недостаточно ясными, что, конечно же, является следствием немногочисленности находок, особенно в восточном ареале, где в хорошо документированном контексте найдены единицы. Кроме широчайшего географического распространения важной особенностью этого типа является достаточно узкий хронологический диапазон, то есть, возможно, распространение этих шлемов является следствием конкретного исторического события.

В 2024 году при раскопках кургана Туннуг (Республика Тыва) в каменной насыпи непосредственно над центральными погребениями зафиксирована целая серия фрагментов каменных стел. Компактное расположение стел исключает их использование как простого строительного материала. Наиболее вероятная реконструкция – использование стел как части масштабной инсталляции, приуроченной к похоронным или поминальным ритуалам на поверхности кургана, включающим в себя также многочисленные конские и человеческие жертвоприношения (Sadykov et al., 2024b). Стелы разнотипны, некоторые не имеют прямых иконографических параллелей в других памятниках (Sadykov et al., 2024a), и к настоящему времени наиболее вероятная гипотеза заключается в том, что несколько достаточно далеких друг от друга сообществ совместно построили этот курган, что и обусловило разнообразие представленного в нем археологического материала. Подобного рода реконструкция ранее была предложена и для культурно близкого памятника Аржан 1 (Грязнов, 1980). Как бы то ни было, если это и открытый культурно, то хронологически это однозначно закрытый археологический комплекс. Он уверенно датируется концом IX – началом VIII вв. до н.э. (Sadykov et al., 2020) и относится уже к «скифскому» типу памятников с полностью сформированной «скифской триадой» (Sadykov et al., 2025).

На двух фрагментах стел из этой серии достаточно реалистично изображены шлемы (рис. 1). Стелы сделаны из неравномернозернистого песчаника и наряду с ожерельями из крупных бусин, представленными на обеих стелах, на одной из них также обозначены три косые полосы на месте лица, а на другой – чекан и налучье на поясе. Все это однозначно относит эти стелы именно к кругу «оленных камней», при том, что в целом для этого типа изваяний такой предмет крайне нехарактерен. В недавнем практически исчерпывающем каталоге отмечен только один оленный камень, верхняя часть которого интерпретируется как шлем (Turbat et al., 2021. P. 119), но там совсем другая иконография.

Конечно же, предмет на «оленном камне» может быть отображен через призму художественной стилизации, он может быть условным в размерах и пропорциях, но в данном случае на шлемах однозначно представлены все основные конструктивные элементы. Четко

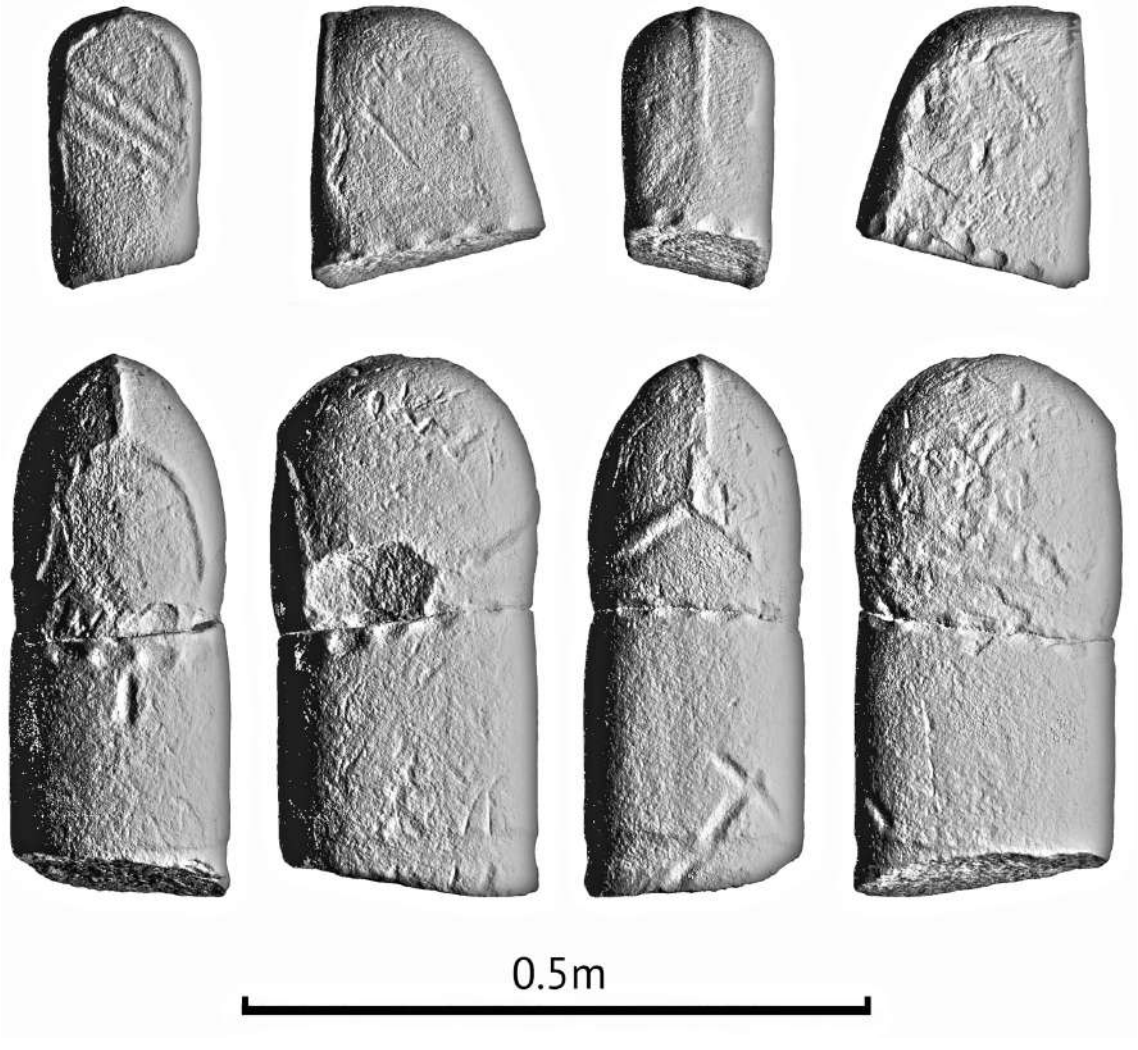


Рис. 1. Фрагменты стел с поверхности кургана Туннуг

прослеживаются валики (ребра жесткости) по краям и по центральным осям, явно показаны лицевые и затылочные вырезы. По основным морфологическим характеристикам это именно бронзовые литые шлемы. Небольшой петли на макушке, характерной для этого типа, нет, но в каменном изваянии, наверное, она и не могла бы быть воплощена. Фронтальные части шлемов не содержат надбровных дуговидных вырезов, что сближает их в большей степени с северокитайскими находками (напр.: Комиссаров, 1988. Рис. 66), а не с более поздними «кубанскими».

Таким образом, не позже начала VIII вв. до н.э. на закате эпохи Западного Чжоу цельнолитые бронзовые шлемы попадают в еще только формирующуюся кочевническую среду. Территориально курган Туннуг ближе к Северному Китаю, чем к Северному Кавказу, но культурно относится уже к «раннескифскому» типу памятников, строители которого приняли участие в распространении «триады» по всему евразийскому степному поясу. По всей видимости, не все воины «аржанского союза племен» использовали бронзовые шлемы. Возможно, они были характерны только для какого-то одного из сообществ, построивших в Туве курганы Аржан 1 и Туннуг. И это сообщество, или его часть, могла со временем откочевать далеко на запад, принеся с собой эту очень специфичную традицию, значимую, возможно, не только функционально, но и символически. И, что не менее важно, распространение этого типа шлемов могло происходить независимо (и, возможно, раньше) от распространения «скифского звериного стиля» (Садыков, 2025), который в начале VIII в. до н.э. уже зафиксирован в Туве, но свойственен еще далеко не всем кочевникам.

Литература

Алексеев А.Ю. 2019. Шлем «кубанского» типа из Келермесского могильника (раскопки 1993 г.) // Нижневолжский археологический вестник. 18(2).

Варенов А.В. 1992. К проблеме китайско-кубанских контактов (по материалам бронзовых шлемов) // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб.

Грязнов М.П. 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.

Комиссаров С.А. 1988. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск.

Садыков Т.Р. 2025. «Аржанский горизонт» как локальный субкультурный исторический феномен // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Т. 2.

Скорый С.А. 2024. Некоторые размышления о восточноевропейских и центральноазиатских боевых оголовьях эпохи ранних кочевников // Археология Казахстана. № 23.

Sadykov T., Caspari G., Blochin J. 2020. Kurgan Tunnug 1 – New Data on the Earliest Horizon of Scythian Material Culture // Journal of Field Archaeology. Vol. 45(8).

Sadykov T., Blochin J., Taylor W., Fomicheva D., Kasparov A., Khavrin S., Malyutina A., Szidat S., Caspari G. 2024a. A spectral cavalcade: Early Iron Age horse sacrifice at a royal tomb in southern Siberia // Antiquity. Vol. 98 (402).

Sadykov T., Blochin J., Asochakova E., Fedorova D., Caspari G. 2024b. A new type of Early Iron Age stela from Tuva (Inner Asia) // Archaeological Research in Asia. Vol. 38.

Sadykov T., Blochin J., Khavrin S., Caspari G. 2025. Expanding the corpus of the earliest Scythian animal-style artefacts // Antiquity. FirstView.

Turbat Ts., Gantulga J., Bayarkhuu N., Batsukh D., Turbayar N., Erdene-Ochir N., Batbold N., Tselkhagarav Ts. 2021. Deer stone culture of Mongolia and neighboring regions. Monograph. Volume 3. Ulaanbaatar.

КОМПЛЕКС ГЕРЗЕУЛСКОЙ КРЕПОСТИ

Саканиа С.М.[1], Требелева Г.В.[2]

[1]Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа АНА, г.Сухум
[2]Институт археологии РАН, г.Москва

Работа выполнена при поддержке РНФ, выполнены в рамках проекта № 22-18-00466-П, https://rscf.ru/project/22-18-00466

Герзеульская крепость – известное укрепление. Крепость занимает узкий извилистый гребень у начала подошвы Герзеульского хребта. Она длинная – около 500 м, и узкая – в районе 50–60 м. Само село Герзеул еще в XIX веке было крупным торговым центром: здесь проходила дорога, которая вела к верховьям рек Кодора и Чхалты и далее к перевалам на Северный Кавказ.

Впервые эту крепость упоминает М.М. Иващенко (Иващенко, 1926. С. 11). Детальное описание дает В.П. Пачулиа, а также отмечает, что на территории села зафиксированы следы керамических труб водопровода (Пачулиа, 1964. С. 41; Пачулиа, 1968. С. 88, 160). В 1973 и 1976 гг. на крепости проводились раскопки под руководством О.Х. Бгажба и Ю.Н. Воронова (Бгажба, Воронов, 2009). По результатам данных раскопок авторы датируют крепость VII–VIII веком (Бгажба, Воронов, 2009. С. 455), а храм – XI–XII вв., или даже XIV в. (Бгажба, Воронов, 2009. С. 457).

Мы посетили данную крепость в июле 2024 г. Цель посещения была скорее туристической, никакие работы проводить на крепости не планировали. Однако, внимательный осмотр крепости вызвал ряд вопросов, относительно той информации о крепости, которой мы обладали.

В первую очередь эти вопросы были связаны с так называемой церковью, и в целом, с датировкой данного комплекса.

Предполагаемая церковь имеет ориентации апсиды на юг, что абсолютно не характерно для христианских храмов. При тщательном рассмотрении сооружения видно, что оно было двухъярусным: на юго-западной стороне сооружения находится вход в заваленное помещение, которое хорошо наблюдается с внешней, юго-западной стороны. В юго-западной части кладка стены возведена на скале. Завершается четким углом из хорошо обтесанных камней. В ней же мы наблюдаем и квадратное отверстие, напоминающее отверстия от перевязочных балок на башне Алахаш-абаа на Маркульском городище.

Южная стена сложена в технике opus mixtum: четко наблюдаются полноформатные кирпичи римского типа, полноразмерные, in situ. Такая же кладка наблюдается и в привратной башне

В целом, обращаясь к литературе относительно техники opus mixtum мы видим, что мнения у разных ученых расходятся. Й. Ирмшер и Р. Йоне (Ирмшер, Йоне, 1989. С. 263, 575) относят эту технику к периоду Римской империи (I–III вв.), В.М. Зубарь и Л.В. Седикова пишут, что она была распространена на территории провинциальных центров Византии, главным образом в IV–VI вв.» (Зубарь, Седикова, 2008. С. 656). С.Б. Сорочан относит ее распространение к V – началом VI в. (Сорочан, 2005. С. 964. Рис. 353). Таким образом мы видим, что данная техника характерна для античного периода, а не для средневековья. В средневековье кирпичи, как правило, использовались уже в нерегулярной кладке, что мы и наблюдаем на втором этаже помещения: единственный кирпич в кладке северо-восточной стены.

А вот регулярная кладка opus mixtum присутствует также в арках нижнего этажа «склепов» – помещения водохранилища, в котором позже, при раскопках Ю.Н. Вороновым и О.Х. Бгажба были обнаружены множественные захоронения (Воронов, 2009. С. 458). В данное помещение со стороны «храма» идет керамическая водопроводная труба. Само помещение покрыто гидрофобным раствором в три слоя, толщина каждого из которых – 3 см. Перекрыто помещение было куполом – следы арочного перекрытия фиксируются по сохранившейся кирпичной кладке. С северо-западной и юго-восточной сторон от основного квадрата

данного водохранилища сохранились «рукава» с арочными перекрытиями, в котором наблюдается чередование толстых (8 см) и тонких (4 см) кирпичей в кладке.

Торцевая северная стена внизу вырублена в скальной породе, выровнена и наращена кирпичом.

Кроме данного водохранилища на территории крепости фиксируется еще одна цистерна, в которой стоит вода до сегодняшнего дня.

Таким образом, вся сумма данных факторов: римско-византийская кладка opus mixtum, наличие водопровода и цистерн для сбора воды – т.е. всех признаков римского акведука, позволяет отнести данную крепость к римскому времени – времени базирования здесь римских войск, но никак не к средневековому периоду. Отсутствие же находок раннего времени при раскопках крепости можно объяснить тем, ограниченным характером полевых работ и тем, что в последующие эпохи, большая часть культурного слоя могла быть просто уничтожалась при ремонтах и бытовании.

Тоже самое касается и интерпретации центрального сооружения как храм. Да, возможно, в более поздний период оно и могло быть неким подобием храма, так как в нем появляются некие изменения. К таковым можно отнести пилястры в северо-западном углу, хорошей кладки и хорошей тески. Они не похожи стилистически и по качеству отделки на основные стены, предполагаемого храма, но в целом, изначально данное помещение, конечно храмом не было и несло административную функцию.

Конечно, данная крепость требует своего детального изучения будущем и масштабных раскопок. Говорить о времени ее сооружения точно пока очень рано. Но можно выдвинуть ряд гипотез.

В первую очередь обращает на себя внимание, так называемый, Герзеульский клад, найденный еще в 1926 г, содержащий более 500 монет, чеканенных от периода правления Нерона (54–68 гг.) до Люция Вера (161–169 гг.). А.Н. Зографом дата зарытия Герзеульского клада определена в пределах 161–182 гг. н.э. примерно 168 г. (Зограф, 1951. С. 106).

Нужно отметить также, что период правления Антонинов (138–192 гг.) – это период активных военных действий в Колхиде: согласно «Истории Августов» в это время идут военные столкновения с аланами [HA.Pius. 5.5], в которых активное участие принимает XV легион (Перевалов, 2007. С. 8), расквартированный в Питиунте. Учитывая, что, что Герзеул лежит на непосредственной дороге к перевалам на Северный Кавказ, в земли алан, думается более чем логичным, возведение здесь римской крепости.

Второй версией может быть дата III-IV вв. – периоды правления Диоклетиана (284–305 гг.) и Константина (307–337 гг.) – периода, когда Римская империя в целом переходит к обороне и создает большую часть своих крепостей (Карелин, 2010. С. 9).

Литература

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. 2009. Памятники села Герзеул // Воронов Ю.Н. Научные труды в семи томах. Т. II. Сухум.

Иващенко М.М. 1926. Великая Абхазская стена // Известия Абхазского научного общества. Вып. IV. Сухум.

Ирмшер Й., Йоне Р. 1989. Словарь античности. М.

Сорочан С.Б. 2005. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) // Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков.

Зубарь В.М., Седикова Л.В. 2008. История археологических исследований и некоторые итоги изучения южного района Херсонеса – Херсона // Материалы IV Судакской международной конференции. Т. III. Киев–Судак

Пачулиа В.П. 1964. В краю золотого руна (исторические места и памятники Абхазии). М.

Пачулиа В.П. 1968. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.

Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 16. М.

Перевалов С.М. 2007. Легионы кавказского лимеса // Вестник Владикавказского НЦ РАН. № 4.

Карелин Д.А. 2010. Римская фортификационная архитектура в Египте I в до н.э. – V в н.э. // Дис. ... канд. искусств. наук. М.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ ЦЕБЕЛЬДИНСКОЙ КРЕПОСТИ И ЕЕ ХРАМОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Саканиа С.М.[1], Требелева Г.В.[2], Юрков Г.Ю.[3]

[1]Абхазский институт гуманитарных исследований им.Д.Гулиа АНА, г. Сухум
[2]Институт Археологии РАН, г. Москва
[3] ФИЦ ХФ РАН, г. Москва

Работа выполнена при поддержке РНФ, выполнены в рамках проекта № 22-18-00466-П, https://rscf.ru/project/22-18-00466

Цебельдинской крепости посвящено много разных трудов (Миллер, 1909; Бгажба, Воронов, 2009; Хрушкова, 2002. С. 291–321; Пачулия, 1968. С. 89–90, 160). археологически она изучалась с 1977 г. до начала 1990-х гг. (Воронов, Бгажба, 1985; Воронов, Бгажба, 1987; Хрушкова, 1982). Однако, до сих пор остаются спорные вопросы. В частности, одним из таковых являются ее вопросы датировки. Второй важный момент: во всех публикациях рассматривается, в первую очередь западная часть крепости, а восточный участок остается без внимания. Л.Г. Хрушкова в своей книге подробно описывает три церкви, тогда как в крепости расположено четыре храма: три в западной части на храмовом холме, и четвертая – в восточной части. Здесь, с юга фиксируются стены с примыкающим к ним помещением, и на возвышенном плато – руины храма.

Храм однозальный, с прямоугольной снаружи, и прямоугольной с закругленными углами внутри апсидой (рис. 1). Подобные храмы на территории Абхазии не многочисленны: пять храмов в селе Поквешь Очамчирского района, и один в с. Ацхыда, в Ткварчальском районе. (Требелева и др., 2024. С. 77–84). Узкая географическая локализация позволяет предположить, что эти храмы синхронны. Храмы с прямоугольной внутри апсидой появляются в Византии в X в., но особого распространения не получают. Так пишет о подобных храмах В.В. Седов: «Само происхождение прямоугольных апсид в Византии остается загадочным <…> Возможно, такая форма в средневизантийское время возникла сама, из художественных нужд: например, из желания подчеркнутой цельности» (Седов, 2019. С. 45). В XII в. подобный тип храмов проникает в Польшу, а уже оттуда на Русь. Но на Руси они выступают чаще с закругленными углами (Седов, 2019. С. 40–41), а вот в Польше – с полностью прямыми внутри апсидами (Седов, 2019. С. 42). Поэтому, учитывая узкую территорию распространения, а также ряд других признаков у некоторых храмов, и более тесные связи с Византией, нежели у Руси и Польши, думается, что храмы с такой формой апсиды возникли именно в X в. и связаны с мастерами из Византии. Но в целом данная традиция не нашла широкого распространения и угасла.

В целом, возвращаясь к нашему храму, стоит отметить, что храм облицован хорошо тесанными камнями песчаника. На южной и северной стенах сохранились следы пилястр, маркирующие наос: одна пара в восточной части у начала алтарной преграды, вторая пара примыкает к западной стене. Вдоль продольных стен в наосе сохранились каменные скамьи.

С западной стороны к существующему храму, уже позднее был пристроен нартекс: камни и блоки не перевязаны, а приложены друг к другу, при этом нартекс уже основного храма и имеет трапециевидную форму, четко фиксируется пороговый камень между нартексом и основным храмом.

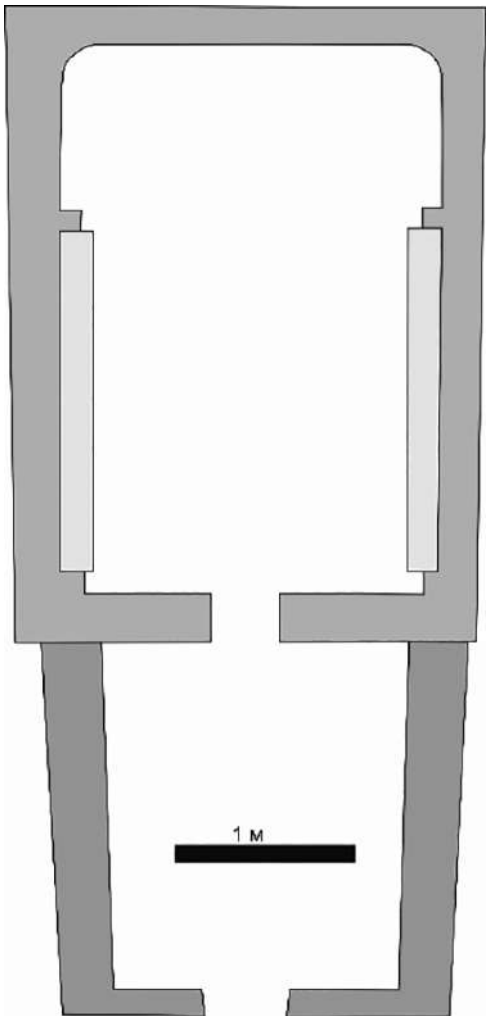


Рис. 1. План храма в восточной части крепости

Таким образом мы четко по данному храму можем выделить отдельный строительный период для X века, и, более поздний, возможно в XII–XIII в.

Минимум два строительных периода мы можем фиксировать и на каменном помещении, которое примыкает к южной оборонительной стене в восточной части. Его внешние размеры: 5 м длина, вдоль линии стены, и 3 м ширина. В центре длинной стены, во внутренней части крепости, когда-то располагался арочный вход, позже заложенный. Ширина проема этого входа – 1,85 м, высота – более 2-х м. Точное назначение данного помещения неизвестно, так же, как и причины закладывания проема. С восточной стороны в помещения наблюдается пролом, не исключено, что на месте более раннего узкого входа. Без детальных расчисток и раскопок сказать пока сложно.

Обращает на себя внимание сочетание в кладке башен и стен восточной части участков, сложенных из нерегулярных, разноразмерных колотых камней, из крупных, хорошо обтесанных камней, в регулярной кладке. Но данная регулярная кладка отличается от зафиксированной в западной части крепости римской кладки opus incertum: нет такого строгого соблюдения рядов в панцирях с заглаживанием неровностей раствором и подчеркнутого декорирования швов. Таким образом, в целом, учитывая типы кладок мы можем выделить не менее трех строительных периодов основных стен, хотя представляется, что их было больше.

Обращаясь к вопросу о датировке этих хронологических периодов, думается необходимо обратить внимание на следующие факторы: наличие бани, цистерн для сбора воды и водопроводов, однозначно связывает сооружение данной крепости с Римской фортификацией. Кладка типа opus incertum активно применяется в Риме со II в. н.э. (Lugli, 1957. P. 25, 258, 314). В целом, выделяются три основных крупных периода строительства крепостей Римом на своих границах: период правления Антонинов (96–192 гг.), периоды правления Диоклетиана (284–305 гг.) и Константина (307–337 гг.) (Карелин, 2010. С. 9), при императоре Юстиниане I (527–565 гг.). Думается справедливой критика Хрушковой Л.Г. (Хрушкова, 2002. С. 318–319) гипотезы Воронова Ю.Н. и Бгажба О.Х. о том, что крепость была возведена при императоре Юстиниане, так как во многочисленных источниках о его деятельности в Колхиде (Прокопий Кессарийский, Агафий Миринейский) данный факт не нашел в них отражения. Более того, мы абсолютно согласны, что храм № 2 в крепости относится к раннему типу (IV–V вв.) храмов: об этом свидетельствует его форма и состав связующего раствора (примесь песка 7%). Таким образом, крепость, ее основные стены были возведены либо на рубеже III – начале IV вв., при Диоклетиане или Константине, либо мы не исключаем и II в. Тем более, что в период 138 – 192 гг. согласно «Истории Августов» идут активные военные действия против алан [HA.Pius. 5.5], в которых принимает участие XV легион (Перевалов, 2007. С. 8), расквартированный в Питиунте. А дорога на основной перевал через Кавказский хребет пролегает именно на данном пути. Косвенно об этом может свидетельствовать и находки монет II в. в погребениях Цебельдинского могильника и обнаружение так называемого Герзеульского клада.

В любом случае, думается, что вопросы датировки крепости и ее строительных периодов рано считать решенными, они требуют детальных исследований в будущем.

Литература

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. 2009. Главная крепость Апсилии // Воронов Ю.Н. Научные труды в семи томах. Т. II. Сухум.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. 1985. Материалы по археологии Цебельды (итоги исследования Цибилиума в 1978–1982 гг.). Тбилиси.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. 1987. Крепость Цибилиум – один из узлов кавказского лимеса юстиниановской эпохи // Византийский временник. Т. 48.

Карелин Д.А. 2010. Римская фортификационная архитектура в Египте I в до н.э. – V в н.э. // Дис. ... канд. искусств. наук. М.

Миллер А.А. 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. № 33.

Пачулиа В.П. 1968. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.

Перевалов С.М. 2007. Легионы кавказского лимеса // Вестник Владикавказского научного центра РАН. № 4.

Седов В.В. 2019. О происхождении древнерусских храмов с прямоугольными алтарными выступами // РА. № 3.

Требелева Г.В., Саканиа С.М., Глазов К.А., Кизилов А.С., Юрков Г.Ю. 2024. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Том II. Храмы предгорной части Восточной Абхазии (Гульрипшский, Очамчирский, Ткуарчальский и Гальский районы). Спб.

Хрушкова Л.Г. 1982. Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977–1979 гг.) // Византийский временник. Т. 43.

Хрушкова Л.Г. 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.

Lugli G. 1957. Tecnica edilizia romana. Roma.

ПАРА ВСАДНИКОВ НА РУКОЯТИ КИНЖАЛА ИЗ АДАЙДОНСКОГО МОГИЛЬНИКА: КОСМОГОНИЧЕСКИЕ ПОТЕНЦИИ

Салбиев Т.К.
Владикавказский научный центр РАН, г. Владикавказ

Изучение проблемы этногенеза осетинского народа показало, что ключевую роль для ее решения приобретает разграничение осетинского языка – иранского (индоевропейского) по своему происхождению, и осетинской этнической культуры, тесно связанной с кавказским миром. Вот почему вопрос культурно-исторической преемственности населения Большого Кавказа должен решаться комплексно и не обойтись без привлечения данных смежных наук, включая и археологию (Происхождение ..., 1967. С. 3). С этой точки зрения несомненный интерес представляет скульптурная композиция, расположенная на навершии рукояти бронзового кинжала из погребения 37 Адайдонского могильника (рис. 1). Этот артефакт был обнаружен археологом В.Т. Чшиевым в 2007 году при раскопках могильника в верховьях Алагирского ущелья Северной Осетии-Алании и уже введен им в научный оборот (Чшиев, 2016. С. 176). Подобная композиция, изображающая парные фигурки коня и всадников, не является уникальной, будучи представленной в искусстве кобанской и колхидской культур, и хорошо известна специалистам (Вольная, 2011. С. 79). Однако вопрос интерпретации этого скульптурного изображения еще во многом остается открытым, хотя парный характер всадников ясно указывает на ее связь с близнечным мифом. Все же и в этом случае возможны различные версии мифа.

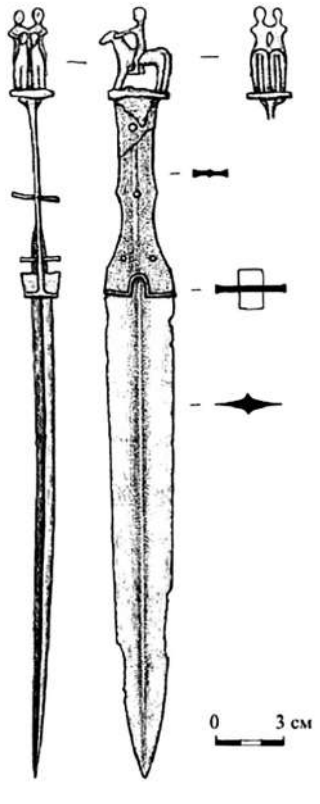


Рис. 1. Бронзовый кинжал из погребения № 37 Адайдонского могильника (по Чшиев, 2016. С. 178)

В.Т. Чшиев уже обратил внимание на то, что одна из антропоморфных фигур заметно больше другой (Чшиев, 2016). В связи с этим рассматриваемая композиция и была, вероятно, интерпретирована как визуальная иллюстрация мифа о первой человеческой паре (Сокровища Алании, 2011. С. 16). В этом случае близнечная пара была бы связана с образом андрогина, идущего из глубокой архаики. Между тем более убедительным представляется толкование, относящее эту пару к двум братьям, поскольку всадничество предполагает более высокий уровень развития культуры, в которой уже произошло одомашнивание лошади. Кроме того, у меньшего из всадников отсутствуют женские вторичные половые признаки: грудь и широкие бедра. Да и сама посадка верхом носит мужской характер, хотя можно было бы ожидать посадку боком, известную как «амазонка». Наконец, при интерпретации должно с необходимостью учитываться и расположение этого скульптурного изображения на рукояти кинжала. Тем самым становится возможным рассматривать ее в более широком ритуально-мифологическом контексте.

В рамках предлагаемого подхода сам кинжал предстает одним из алломорфов, то есть структурных вариантов древа жизни или мировой горы и может считаться воплощением мировой оси (axis mundi). Согласно В.Н. Топорову гора в мифологии часто воспринимается как «образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства». Примечательно, что по своей трехчастной структуре Мировая гора ясно соотнесена не только с тремя горизонтальными космологическими зонами (небом, землей и хтоникой), но и с разграничением по вертикали, когда противопоставляются жизнь и смерть (Топоров, 1987. С. 311). Тем самым пара всадников оказывается на вершине Мировой горы: и потому будет связана как с небом (астральными символами) и зоной жизни, так и с хтоникой, то есть зоной смерти, что вполне ожидаемо для «орудия убийства». Если теперь допускать, что кинжал имел ножны, а археологические данные свидетельствуют об их наличии, то его навершие могло получать двоякое осмысление в зависимости от того, в каком положении он находился. Археологам хорошо известно, что подобные ножны могли быть как из свернутой в трубку листовой бронзы, так и деревянными, но обтянутыми кожей. Второй тип ножен редко сохранялся до наших дней, однако на наличие ножен также могли указывать полукруглой формы пазы, имеющиеся по обе стороны основания рукоятки (Техов, 2002. С. 23, 200, 202). Таким образом, если лезвие кинжала было вложено в ножны, то его рукоятка и, соответственно, расположенная на ней близнечная пара, оказывалась на этом свете, на светлой стороне и была связана с миром живых. Если же его вынимали из ножен, то в руке своего владельца кинжал становился орудием смерти, а обсуждаемая пара оказывалась на его темной стороне, соответствующей тыльной стороне ножа или обуху топора, так и называемых по-осетински *cægat*, то есть буквально «теневая сторона, север» (Абаев, 1958. С. 296). Описанная двойственность хорошо гармонирует с представлениями, обнаруживаемыми в солярном близнечном мифе.

Меньший из всадников будет соотносим с солнцем на восходе, а более крупный – с солнцем на закате. Примечательно, что закатное солнце называется по-осетински «солнцем мертвых» (*mærdty xūr*) (Абаев, 1989. С. 246). Весьма показательным в этом отношении оказывается обращение и к эпическому материалу. С одной стороны, имеем связанную с солярным мифом близнечную пару сыновей патриарха Уархага – Ахсара и Ахсартага. В сказаниях постоянно оговаривается момент рождения старшего при первом петушином крике, а второго – при втором петушином крике, когда зашла утренняя звезда (Нарты кадджытæ ..., С. 25), то есть на рассвете. Нельзя в этой связи не упомянуть и того, что осетинский культ изобилия, патроном которого выступает адаптированная христианская пара архангелов Михаила и Гавриила – *Mykalgabyrtæ / Mikalgaburtæ* также имеет связь как с миром живых, так и с миром мертвых. По сей день эта традиция представлена в живой осетинской обрядности. Обращение к парному патрону изобилия в конце ритуального пира в равной степени характерно как для моления по радостному поводу, так и в случае с поминками по усопшему. Для самого этого культа также характерна парность, так он отмечается четыре раза в год, при этом каждые четыре семьи режут одного быка (Абаев, 1973. С. 138–139). Не составит труда привести и другие примеры, что может быть сделано в будущем при более развернутом исследовании рассмотренной проблемы.

Культурно-историческое наследие кобанской археологической культуры, действительно, может быть еще обнаружено у осетин в их этнографическую эпоху, в языковой семантике, эпосе, обрядности. Эта преемственность носит ритуально-мифологический характер и способна устоять при взаимодействии с мировыми религиями. Предлагаемый вывод носит предварительный характер и нуждается в проверке на широком культурно-историческом материале.

Литература

Абаев В.И. 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л.
Абаев В.И. 1973. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том II. Л.

Абаев В.И. 1989. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.

Вольная Г.Н. 2011. Изображение фигурок коня с всадником в искусстве кобанской и колхидской культур // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова. Сухум.

Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. 2003. Дзæуджыхъæу.

Происхождение осетинского народа. 1967.Орджоникидзе

Сокровища Алании. 2011. М.

Техов Б.В. 2002. Тайны древних погребений: Археология. История. Этнография. Владикавказ.

Топоров В.Н. 1987. Гора // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М.

Чшиев В.Т. 2016. Об одной скульптурной композиции в материалах кобанской и колхидской культурно-исторических общностей // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. К 70-летию В. Г. Ардзинба: Материалы одноим. международной научной конференции. Сухум.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МАРКУЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ ПО ДАННЫМ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Требелева Г.В.[1], Кайтамба М.Д.[2], Юрков В.Г.[1,3]

[1]Институт археологии РАН, г. Москва
[2]Абхазский государственный университет, г. Сухум, Республика Абхазия
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Работа выполнена при поддержке РНФ, выполнены в рамках проекта № 22-18-00466-П, https://rscf.ru/project/22-18-00466

Современные археологические исследования требуют комплексного подхода и получение информации не только из найденных артефактов, но и всего комплекса ландшафта. Одним из способов получения информации о ландшафте является палинологический анализ.

В 2021 г. на городище был вскрыт комплекс пифосов, часть из которых была целая. Заполнение данных пифосов представляло собой смесь грунта, камней и керамики. На палинологический анализ были отобраны 9 образцов из трех пифосов.

Пробы были взяты из донной, средней и верхней частей сосудов, заполненных грунтом. Образцы характеризовались очень низкой концентрацией пыльцевых зерен и спор. Часть микрофоссилий была сильно деформирована. В образцах встречались и переотложенные формы.

Наибольшее количество пыльцы и спор содержалось в образцах из средней и донной части в пифосе №1. Сохранность пыльцевых зерен средняя.

Таксономический состав пыльцы и спор отражает свидетельствует о произрастании на прилегающей территории к городищу широколиственных лесов из дуба (*Quercus* sp.), бука (*Fagus orientalis*), ольхи (*Alnus* sp.) с участием граба, каштана, клена, ореха, лапины. В подлеске произрастали лещина (*Corylus avellana)*, грабинник (*Carpinus orientalis*), паддуб (*Ilex* sp.), сумах (*Rhus* sp.), кизил (*Cornus* sp), плющ (*Hedera* sp.). В палиноспектре в составе хвойных пород присутствует пыльца пихты (*Abies Nordmanniana*), ели (*Picea orientalis*) и сосны (*Pinus sylvestris*), скорее всего, занесенная из более высоких растительных зон.

Особо интересным оказалось достаточно высокое присутствие в палиноспектрах пыльцы винограда (*Vitis sp.*). Это может свидетельствовать, что жители городища занимались производством вина. Виноград произрастал в прилегающем к городищу лесу, а, возможно, в районе поселения росли виноградники, выращенные человеком.

В составе трав и кустарничков присутствуют виды, в том числе приуроченные к нарушенным местообитаниям, т.е. являющиеся сорными растениями. Споровые представлены, преимущественно, однолучевыми папоротниками и орляком.

Палинологический анализ исследуемых образцов показал, что несмотря на активную хозяйственную деятельность вокруг городища произрастал смешанный широколиственный лес с вечнозелёным подлеском.

Следующим объектом, где проводились палинологические исследования стал участок раскопа у стены № 2. Она представляет собой остаток каменной кладки на северном краю первого плато. Ее максимальная высота над дневной поверхностью составляет 1,5 м, длина 4, толщина – 1,3 м.

С южной стороны стены вдоль видимого ее участка был заложен небольшой раскоп, шириной 2 метра. Раскопки здесь показали в основном присутствие керамики цебельдинского периода (III–VII вв.), и небольшое количество керамики раннего периода, скорее всего раннего античного. Из-за небольшого количества и невыразительности фрагментов точно датировать не удалось.

На анализ были отобраны образцы из трех участок, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга из южного, западного и северного борта раскопов. Исходя из этого, стоило предполагать, что результаты в образцах будут схожи. Однако это оказалось не так. Первое, что обратило на себя внимание: крайне низкое содержание пыльцы и спор в образцах из северного борта: из участка грунта, расположенного непосредственно под кладкой, что не позволило получить репрезентативных палиноспектров.

Второе, разные результаты при анализе образцов из южного и западного борта раскопа. Так, в западном борту во всех полученных спорово-пыльцевых спектрах отмечается господство лесных палеоландшафтов, а именно, значительное преобладание пыльцы древесных пород – 52–78% от общего состава пыльцы и спор, причем среди данной группы отмечается высокое содержание пыльцы ольхи (*Alnus* sp.). Большое распространение имели широколиственные леса грабовые или дубово-грабовые леса с примесью липы, ольхи, вяза, бука. В подлеске лесных формаций главную роль играла лещина (*Corylus* sp.), грабинник (*Carpinus orientalis*), плющ (*Hedera sp*.). В понижениях рельефа значительные площади занимали ольшаники. В травянисто-кустарничковом ярусе произрастали разнотравно-злаковые сообщества и папоротники.

В полученных образцах из срединной части южной стены раскопа в спорово-пыльцевом спектре преобладает пыльца трав и кустарничков – 71% от общего состава, с преобладанием пыльцы злаков и астровых. Состав пыльцы древесных пород и кустарников характеризует растительность широколиственного леса, в котором произрастали дуб (*Quercus* sp.), бук (*Fagus orientalis*), граб (*Carpinus caucasica*), липа кавказская (*Tilia caucasica*), лещина (*Corylus* sp.), бересклет (*Euonymus sp*.), сумах (*Rhus* sp.), плющ (*Hedera sp*.). Пыльца плюща составляет – 30 % в составе древесных и кустарников.

В отличие от спорово-пыльцевого состава полученного материала из восточной борта, где пыльца ольхи (*Alnus* sp.) значительно преобладала во всех образцах, тогда как в образцах из южного борта пыльцевые зерна ольхи единичны. Исключением является образец, отобранный у привершинной части южного борта, где пыльца *Alnus* sp., значительно, преобладает в составе древесных пород.

Подобное различие состава пыльцы в образцах нам пока объяснить трудно. Возможно, это связано с тем, что оползни, фиксирующиеся на плато городища по-разному повлияли на последовательность слоев: где-то больше ушло грунта, где-то меньше, отсюда возникли смещения в стратиграфии. Тем более, что есть разница в составе образцов и по гранулометрическому анализу, и по содержанию органических веществ и карбонатов в образцах из разных бортов. В целом, конечно же, потребуются дополнительные исследования.

Но уже данные проведенного исследования позволяют все же выявить некоторые важные моменты.

В образцах из обоих бортов мы видим наличие плюща, который покрывал стволы деревьев. В травянисто-кустарниковом ярусе спорово-пыльцевого состава преобладают злаки (Poaceae), астровые (Asteraceae) в образцах из обоих бортов. Большое количество злаков позволяет предположить наличие возделываемых полей, скорее всего просо, если судить по нашим ранее проведённым анализам изотопов азота и углерода у погребенных на храме (Требелева, Шведчикова, 2019. С. 172; Trebeleva et al., 2022. P. 378). В образцах из южного борта присутствуют также гречишные (Polygonaceae) и бобовые (Fabaceae). Высокое содержание пыльцы астровых также может быть связано с хозяйственной деятельностью: многие представители данного семейства являются рудеральными растениями.

Отдельно стоит сказать об обнаружении в образцах нижнего горизонта из южного борта спор сальвинии водоплавающей, которая произрастает в водоемах. В образцах из западного

борта также в нижних слоях встречалась пыльца прибрежно-водных растений. Так как мы говорим о территории на горном плато, то наличие водоема здесь исключается. Появление этой пыльцы и спор можно связать с антропогенной деятельностью: заносом пыльцы и спор вместе с принесенной водой, или возможно с илом, который могли добавлять в качестве удобрения.

Обобщая полученные результаты, можно охарактеризовать климатические условия как влажные, умеренно-теплые и теплые. Выделить следующие области хозяйственной деятельности: выращивание злаковых (проса) и виноградарство. А в ранний период своей истории (колхидский период и/или ранняя античность), мы можем наблюдать подъем на вершину плато воды или ила из прилегающих водоемов.

В целом исследования планируется продолжать.

Литература

Требелева Г.В., Шведчикова Т.Ю. 2019. Захоронения на территории Маркульского храма// Hyranis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Вып. 1. М.

Trebeleva G.V., Yurkov G.Yu, Kizilov A.S., Glazov K.A., Shvedchikova T.Yu. 2022. Complex Investigation (GIS, Photogrammetry, and Natural-Scientific Methods) of the Northwestern Colchis Historical and Cultural Landscape in the Late Antique and Medieval Times // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy: Proceedings of 7th Geoarchaeological Conference. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Miass.

КЕРАМИКА МАРКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА ИЗ СЛОЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ (РАСКОП «ПИФОСЫ»)

Требелева Г.В., Клемешова М.Е., Коновалова М.А., Касинцева Е.О.
Институт археологии РАН, г. Москва

Работа выполнена при поддержке РНФ, выполнены в рамках проекта № 22-18-00466-П, https://rscf.ru/project/22-18-00466

В 2024 г. на Маркульском городище, расположенном в предгорной зоне Восточной Абхазии, на раскопе «Пифосы» был открыт слой IV–III вв. до н.э. Сейчас это самый ранний слой городища, относящийся к эпохе античности. К настоящему времени на памятниках этого региона отсутствуют четкие маркеры, позволяющие разделить слои IV–III и II–I вв. до н.э. На городищах с ранними материалами они обычно рассматриваются обобщенно как слои эллинистического времени IV–I вв. до н.э. Характеристика керамических материалов этого памятника позволяет начать выделение керамики, относящейся именно к IV–III вв. до н.э. В задачу исследований входило выделение особенностей керамики этого времени на городище, первичная характеристика гончарных традиций местной керамики по методике А.А. Бобринского, получение информации о минеральном составе керамических изделий с помощью рентгенофазового анализа (РФА). Для исследований было отобрано 77 профильных фрагментов.

Всего в слое было обнаружено 250 профильных фрагментов керамики: пифосов, различной круговой и лепной посуды. Импортных греческих изделий среди них менее 1 % – венчик хиосской амфоры 4 в. до н.э. (рис. 1, *1*), 2 венчика рыбных блюд без лакового покрытия (рис. 1, *2*) и 4 стенки чернолаковой столовой посуды.

Исследования по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978; Бобринский, 1999) проводились на базе лаборатории «История керамики» Института археологии РАН с помощью микроскопа МБС-10, с основным используемым рабочим увеличением 4,8×–32×. С помощью технико-технологического анализа по этой методике исследовано 55 образцов. РФА выполнен в ВИМС им. Н.М. Федоровского (Москва) на дифрактометре Tongda TD-3700 (Китай). Этим методом исследовано 20 образцов.

Основные полученные результаты:

1. В керамической коллекции обнаружено 6 фрагментов сосудов колхидской культуры VIII–VII вв. до н.э. (рис. 1, *3–8*). Среди них два фрагмента ручек «с ушками» (рис. 1, *3–4*) (Куфтин, 1950. Табл. 55, *1, 2, 4*), стенка пифоса с каннелюрами (рис. 1, *5*) (Габелия, 2014. С. 79. Табл. XXXI, *1*). Аналогии этим материалам присутствуют в верхнем горизонте Тамышского (Габелия, 2014. С. 74–75, 77. Табл. XXIX, *2*, XXXI, *1,* XXXVI, *3, 5, 6*) и на Бамборском (Габелия, 2014. С. 92–98. Табл. XXV, *3, 9*) поселениях. Это позволило предположить наличие слоя этого времени на Маркульском городище, что подтвердилось в следующем сезоне. На другом участке был открыт слой с материалами колхидской культуры.

2. Местная керамика относится к следующим категориям: тарная (пифосы), кухонная (горшки, котлы), столовая (миски, кувшины). Столовая посуда очень немногочисленна – 4 венчика мисок (рис. 1, *9–12*), 2 венчика кувшинов. Одна из мисок (рис. 1, *9*) является подражанием средиземноморской керамической продукции. Среди керамики не обнаружены миски с вертикальными ручками и кубки, регулярно встречающиеся в эллинистическом слое Эшерского городища (Шамба, 1980. С. 18, 28–29, 32).

3. Горшков выделено 6 типов (рис. 1, *13–19*). Самый многочисленный из них тип 5 (13 экз.) (рис. 1,*17,18,19*) очень близок по форме к горшкам колхидской культуры VIII–VII вв. до н.э.:

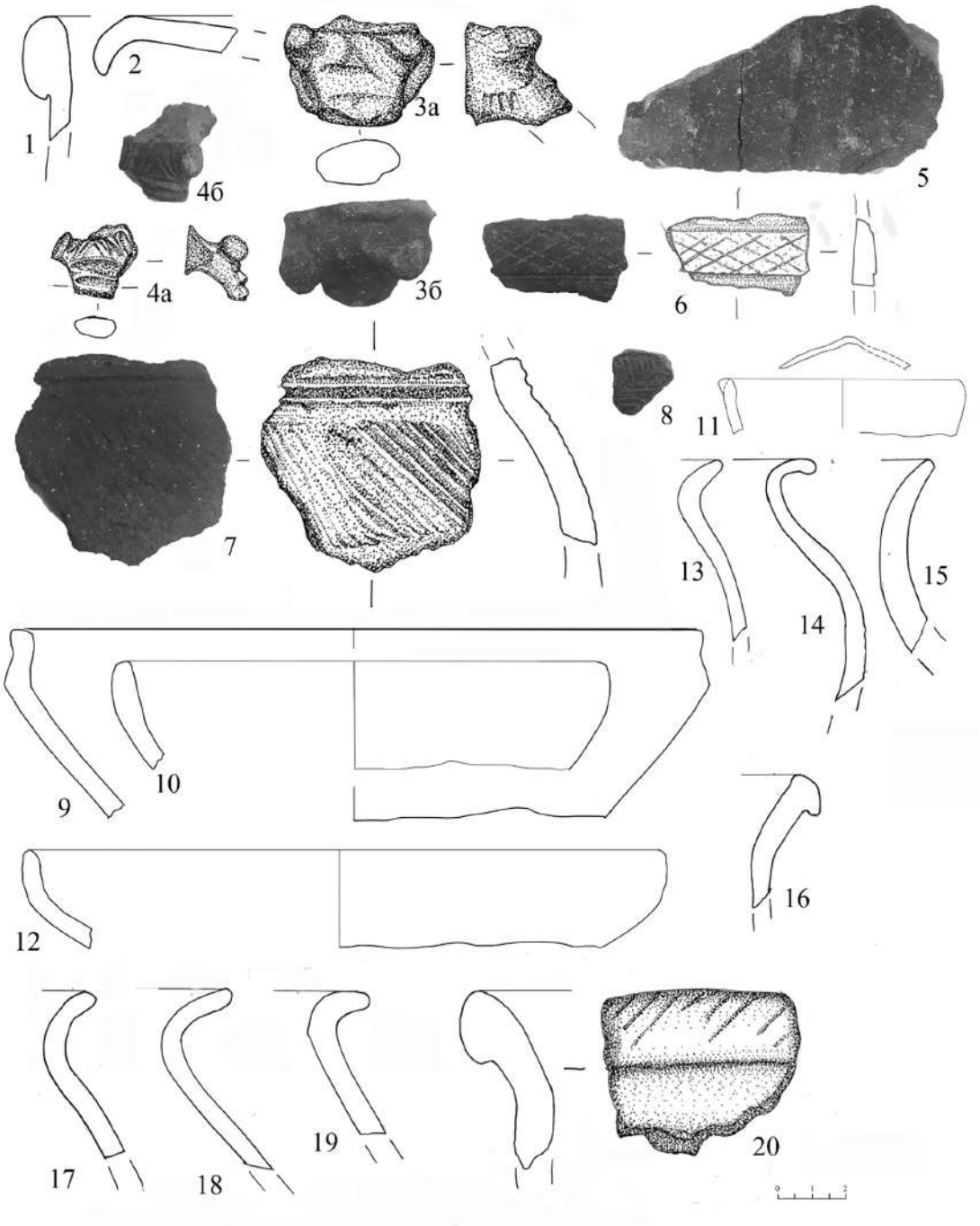


Рис. 1. Керамика из слоя IV–III вв. до н.э. Маркульского городища:
1, 2 – греческая импортная керамика, *3–8* – керамика Колхидской культуры VIII–VII вв. до н.э., *9–20* – местная керамика

Эшерского городища (Куфтин, 1949. Табл. XIX), верхнего горизонта Тамышского (Габелия, 2014. Табл. XXX, *5–6*, *15*, XXXI, *8–11*) и Бамборского (Габелия, 2014. Табл. XIV, XV, *6–7*) поселений. Это позволяет предположить существование преемственности гончарных традиций среди населения этой территории с VIII–VII вв. до н.э. до эпохи эллинизма.

4. Среди местной керамики IV-III вв. до н.э. много сосудов, изготовленных в смешанной технике: методом ручной лепки, но с задействованием некоторых функций гончарного круга (Бобринский, 1978. С. 27), предварительно, на уровне РФК-1 – РФК-2. В данной выборке таких фрагментов около 12%. Это явление нуждается в отдельном углубленном изучении.

5. Составы формовочных масс представлены в таблице 1.

Таблица 1. Составы формовочных масс керамики из слоя IV–III вв. до н.э.
(сокращения: ФМ – формовочная масса, Гл – глина, П – песок,
Др (кальцит) – дресва из кальцита, ОР – органический раствор)

Состав ФМ	Колхидская культура	IV–III вв. до н.э.
Гл + ОР	5	32
Гл + П + ОР	1	16
Гл + Др (кальцит) + ОР	–	1
Всего	6	49

Анализ составов ФМ показал, что большая часть керамики колхидской культуры и IV-III вв. до н.э. изготовлены из сильно- или среднезапесоченных глин по рецепту «глина + ОР» (67,3 % обр.). Только 31% керамики изготовлен по рецепту «глина + песок + ОР». Для нее чаще использовалась средне- или слабозапесоченная глина. Для всех изделий преобладало использование высоко- или среднеожелезненных глин (65,5% обр.). Венчик пифоса (рис. 1, *20*) изготовлен из ФМ «глина + дресва из кальцита + ОР».

6. Основным видом обработки поверхности является заглаживание (91% образцов). Встречается расчесывание внешней поверхности гребенчатым штампом (9% обр.). Лощение в целом нехарактерно (2,3%): только на одном сосуде каждой эпохи.

7. Колхидская керамика вся обожжена в восстановительной атмосфере. У сосудов IV-III вв. до н.э. в окислительной атмосфере обожжены 51%, в восстановительной 21%, в полувосстановительной 28% образцов.

8. Рентгенофазовый анализ показал, что у части образцов нет или очень мало (менее 1%) содержание рудных минералов (гематита и гётита), которые, по результатам предшествующих исследований, являются маркером изготовления керамики в местном геологическом районе междуречья Кодора и Ингура. К ним относятся рыбные блюда, которые и по другим признаками являются импортными, часть колхидских фрагментов, венчик средневекового кувшина, один из горшков типа 5. Нужно предполагать, что эти сосуды были сделаны не в районе Маркульского городища. В большинстве образцов присутствует небольшое количество пироксена, который ранее не фиксировался почти ни в одном фрагменте плинфы, пифосов, глины и песка с Маркульского городища. Возможно, эти сосуды были сделаны также не на самом городище. Наличие анатаза в двух образцах пифосов, обожженных в окислительной атмосфере, подтверждает наблюдения о невысокой температуре обжига местной керамики, не достигающей часто 600°С, поскольку в диапазоне 600–700°С анатаз преобразуется в рутил. Фазы кристобалита, муллита и шпинели, присутствующие в образцах рыбных блюд и фрагмента блюда или тарелки, таким образом, дополнительно указывают на их неместное происхождение, т.к. эти минеральные фазы появляются только при температуре обжига не менее 900–1100°С. Применение РФА, таким образом, позволяет уточнить информацию о происхождении керамики и местных традициях ее изготовления.

Литература

Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.

Бобринский А.А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара.

Шамба Г.К. 1980. Эшерское городище. Тбилиси.

Габелия А.Н. 2014. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум.

Куфтин Б.А. 1949. Материалы к археологии Колхиды. Т. 1. Тбилиси.

*Куфтин Б.А.*1950. Материалы к археологии Колхиды. Т. 2. Тбилиси.

ВЕРА ИВАНОВНА ГОРЕМЫКИНА – АРХЕОЛОГ И ИСТОРИК: ПЕРИОД РАБОТЫ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Фоменко В.А.[1], Тубаев М.А.[2]
[1] Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, г. Нальчик
[2] Фонд сохранения культурного и природного наследия, г. Нальчик

Горемыкина Вера Ивановна (1920–2012 гг.), известный советский историк и археолог, доктор исторических наук. Основные вехи ее жизни и деятельности кратко рассмотрены в работах Е.Г. Муратовой, Ю.А. Ортановой и одного из авторов этих строк (Муратова, 2017; Фоменко, 2017; Муратова, Ортанова, 2020).

Целью настоящей работы является более детальное рассмотрение научно-преподавательского аспекта нальчикского периода биографии Веры Ивановны (1957–1961 гг.).

В 1957 году Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт был преобразован в университет и, соответственно, возникла необходимость в собственном преподавателе-археологе.

К тому времени В.И. Горемыкина уже была не только опытным преподавателем, но и квалифицированным археологом-полевиком, кандидатом исторических наук (Горемыкина, 1952), способным руководить студенческой археологической практикой.

В КБГУ Вера Ивановна начала работать старшим преподавателем на кафедре всеобщей истории с 1957 г. Осенью того же года она, совместно с сотрудником Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института П.Г. Акритасом, работала в археологической экспедиции по изучению древней торгово-обменной дороги в горах Кабардино-Балкарии.

С 1958 по 1961 гг. В.И. Горемыкина возглавляла археологические экспедиции КБГУ, работавшие на территории ряда районов республики и в городе Нальчике (Горемыкина, 1959; Горемыкина, 1960а; Горемыкина, 1961а; Горемыкина, 1962). Материалы этих раскопок, к сожалению, опубликованы лишь частично (Горемыкина, 1961б; Горемыкина, 1965).

К наиболее интересным памятникам, изучавшимся Верой Ивановной, можно отнести древнее поселение VIII–VII вв. до н.э. и I–IV вв. н.э. у селения Этоко в Зольском районе. В 1960 и 1961 гг. здесь работала экспедиция КБГУ. Были заложены шурфы на цитадели городища, созданной в сарматское время. На этом холме усеченно-конусовидной формы до середины XIX в., вероятно, находилось изваяние Дука-бек (Чеченов, 1969. С. 20–21; Фоменко, 2017. С. 112). Вполне возможно, что одной из целей данных исследований были поиски следов нахождения здесь этой уникальной статуи местного знатного воина.

В экспедициях, возглавляемых В.И. Горемыкиной, получали первый опыт полевых исследований студенты университета – будущие археологи Кабардино-Балкарии, например, А.Х. Нагоев. Они учились находить и изучать не только различные типы памятников (городища, могильники, курганы), но проводили исследования аварийных памятников. Например, раскапывался частично разрушенный курган эпохи бронзы в парке г. Нальчика (Горемыкина, 1960б).

Однако в 1962 г. Вера Ивановна переехала в Белоруссию и стала работать в Минском государственном пединституте на кафедре всеобщей истории. Постепенно ее научные интересы сосредоточились на разработке теоретических проблем изучения раннесредневекового европейского общества (Горемыкина, 1970; Горемыкина, 1987).

Малоизученной остается биография одного из учеников Веры Ивановны. Руслан Николаевич Ступников, выходец из нынешнего Зольского района КБР, после окончания университета работал в школе в далеком Забайкалье (видимо, попав туда по распределению). Р.Н. Ступников организовал в 1960-х гг. изучение местных археологических памятников и создал школьный музей. Известны его публикации, посвященные разведкам в Кабардино-Балкарии (Ступников, 1961; Ступников, 1976) и раскопкам в Забайкалье (Ступников, 1974). В 1970-х гг. он вернулся в республику и участвовал в экспедициях Кабардино-Балкарского НИИ (в частности, в верховьях реки Баксан), был соавтором научных отчетов о раскопках (Мизиев, Ступников, 1977; Батчаев, Керефов, Ступников, 1978). Далее научная биография Руслана Николаевича не прослеживается.

Таким образом, несмотря на то, что в Кабардино-Балкарском государственном университете В.И. Горемыкина работала недолго – с 1957 по 1961 гг., она внесла существенный вклад в воспитание будущих специалистов-археологов, а также в изучение разновременных памятников Кабардино-Балкарии.

Литература

Батчаев В.М., Керефов Б.М., Ступников Р.Н. 1978. Отчет об археологических раскопках 1977 года в районе селений Былым и Хулам // Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. Инв. № 2275.

Горемыкина В.И. 1952. Боспорское государство в первые века нашей эры: (I в. – первая четверть III в.) // Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л.

Горемыкина В.И. 1959. Отчет об археологических разведках Кабардино-Балкарского государственного университета на территории Кабардино-Балкарии. 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1707, 1707а.

Горемыкина В.И. 1960а. Отчет об археологических работах в 1959 г. на территории Кабардино-Балкарской АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 1873,1873а.

Горемыкина В.И. 1960б. Отчет о раскопках кургана бронзового века в парке г. Нальчика // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Вып. 5. Нальчик.

Горемыкина В.И. 1961а. Отчет о работе археологической экспедиции Кабардино-Балкарского государственного университета за 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2045, 2045а.

Горемыкина В.И. 1961б. Памятники эпохи бронзы и раннего железа на территории Кабардино-Балкарской АССР // Краеведческие записки. Вып. I. Нальчик.

Горемыкина В.И. 1962. Отчет о работе археологической экспедиции Кабардино-Балкарского госуниверситета в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2235, 2235а.

Горемыкина В.И. 1965. Поселения бронзового и железного века на территории Центрального Предкавказья // Тезисы докладов на научно-теоретической конференции 1965 г. в Минске. Минск.

Горемыкина В.И. 1970. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск.

Горемыкина В.И. 1987. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе: опыт историко-теоретического исследования на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси // Автореф. дис. … д.и.н. Ленинград.

Мизиев И.М., Ступников Р.Н. 1977. Отчет об археологических работах у гор. Тырныауз КБАССР в 1976 г. // Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. Инв. № 2240.

Муратова Е.Г. 2017. У истоков подготовки археологов в Кабардино-Балкарском государственном университете // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сборник статей. В 2 т. Т. 1. Чебоксары.

Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А. 2020. Советские историки «второго плана»: случай Веры Ивановны Горемыкиной // Кавказология. № 3. Нальчик.

Ступников Р.Н. 1961. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Зольского района и Пятигорья // Сборник студенческих научных работ Кабардино-Балкарского государственного университета. Вып. 2. Нальчик.

Ступников Р.Н. 1974. Плиточные могилы у ст. Оловянной Читинской области // Древняя Сибирь. Материалы по истории Сибири. Вып. 4. Новосибирск.

Ступников Р.Н. 1976. Следы прошлого // Ленинский путь (газета на кабардинском языке). 28.10.1976. Нальчик.

Фоменко В.А. 2017. Из истории археологического изучения территории Кабардино-Балкарии: археолог и историк Вера Ивановна Горемыкина // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. № 1 (32). Нальчик.

Чеченов И.М. 1969. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик.

НОВОЕ ПРОТОМЕОТСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ГОРАХ АДЫГЕИ

Эрлих В.Р., Фризен О.И.
Государственный музей Востока, г. Москва

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00108-П проект «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл»

Протомеотские поселения практически не исследовались широкой площадью. Исключение составляет второй (верхний) слой поселения Красногвардейское II, которое было исследовано Э.С. Шарафутдиновой еще в 1983–1985 гг. (Шарафутдинова, 1989. С. 46–73).

В настоящее время, в результате проводимых археологических работ последних лет в горной зоне Республики Адыгея была открыта серия памятников меотской культуры, которая позволила выделить особый «горный» вариант протомеотских и меотских могильников и святилищ (Эрлих, 2025а. С. 270–290). Наиболее ранним из них является могильник времени перехода к раннему железному веку «Азишский-1», который характеризует выделяемый сейчас «горный» локальный вариант протомеотской группы памятников.

Памятник открыт в 2023 г. А.С. Леонтьевой при исследовании кургана «Азишский-16» эпохи ранней бронзы на хребте Азиштау над станицей Даховской Майкопского района. Грунтовый могильник протомеотского времени перекрыл насыпь этого кургана. В 2023 г. исследовано 9 погребений этого могильника (Эрлих и др., 2024). В 2024 г. исследование могильника было продолжено за счет средств гранта РНФ и открыто еще 15 погребений времени перехода к РЖВ.

Следует заметить, что могильник существенно отличается от протомеотских могильников других локальных вариантов. Все погребения вытянутые, одиночные, положенные прямо на скалу с небольшой каменной оградкой или заглубленные в специально выдолбленную в скале ямку. Прослеживаются ряды могил – предположительно семейные участки близких родственников. Интересно, что погребенные на севере вскрытого участка могильника обращены головой на юг, а на юге раскопа – на север. Между ними имеется два погребения, обращенные головами на запад. В погребениях отсутствуют предметы вооружения и керамические сосуды. Прослежены два основных костюмных набора: во-первых, с булавками с кольцевидным навершием, спиральными пронизями и, во-вторых, с «весловидными» булавками с массивными бусами-пронизями. Для могильника (и, очевидно, «горного» локального варианта протомеотских памятников) характерен ряд артефактов, практически не встречающихся в других локальных вариантах. Это бляшки типа «Гагра», браслеты типа «Хаджико», бронзовые однолезвийные ножи с отверстиями в черенках, массивные бусы-пронизи четырёхгранной формы, булавки с кольцевидным навершием. Анализ металла показал присутствие в составе сплава у ряда изделий сурьмы, а также бинарные сплавы с примесью свинца, что до сих пор было не характерно для протомеотских бронз.

В 2025 г. было продолжено исследование памятника с целью поиска западной границы и расчищено еще два безынвентарных погребения №№ 32 и 33. В то же время в ряде западных квадратов могильника были открыты поселенческие структуры (скопления керамики и костей животных), которые прослеживались в западных квадратах раскопа еще и в 2024 г. В процессе раскопок в квадратах Д4 и Д5 было обнаружено жилище, синхронное могильнику. Судя по выявленным остаткам, его площадь превышала 50 кв. м. Основная часть жилища находилась в квадрате Д5. Юго-западный угол жилища образован естественным выходом скалы. В квадрате Д4 прослежен фундамент северной стены комплекса, проходящей по ли-

нии запад-восток. Интересно, что прямо под стеной было обнаружено в скальной ямке безынвентарное погребение № 33, возможно являющееся строительной жертвой.

Квадрат Д5 полностью занят комплексом жилища. Здесь обнаружено большое количество костей диких и домашних животных, среди которых встречены кости косули, кабана, волка, рыси, зайца-русака, КРС, овцы/козы, свиньи, лошади)[1]. Все это характеризует состав стада и охотничьи предпочтения жителей «усадьбы».

Наибольший интерес представляют остатки четырех очагов, обнаруженных в этом квадрате, которые выделяются по пятнам печины. Следует отметить, что протомеотские очаги практически до настоящего времени не были известны. Два очага имели в своей конструкции камень. Наилучшим образом сохранился центральный очаг № 1 (рис. 1, *1*). Он имел форму неправильного овала с размерами 1,3х0,9 см. Очаг сложен из камней известняка. В центре очага находился мощный слой печины – результат многократного использования. О том, что данный очаг был центром жилища, а также и культовым местом, говорит и тот факт, что к западу от него обнаружены культовые предметы – рога косули и крупного козла, имеющие следы обработки. Расчистка этого очага показала, что он сложен из плоских камней со следами подтёски, возможно, зернотерок. На плоских камнях среди частей печины обнаружен развал кухонного сосуда, фрагменты которого, очевидно, служили, как для выравнивания поверхности, так, возможно, и для более длительного сохранения тепла. Поверхность очага была покрыта слоем глины и выравнена так, что внешние камни образовывали невысокий бортик (Эрлих, 2025б. С. 142. Рис. 3). Как мы указали выше, это первая находка очагов на протомеотском поселении. В протомеотском слое еще одного поселения Красногвардейское-II, раскопанного широкой площадью, очаги обнаружены не были, хотя Э.С. Шарафутдинова упоминает о строительных остатках, глинобитных полах с обмазкой, свидетельствующих о том, что раскопом было затронуто жилище (Шарафутдинова, 1989. С. 51). В то же время, в нижнем, «кобяковском» слое эпохи финальной бронзы этого поселения исследовательницей был найден очаг. Судя по его описанию, он был глинобитный, округлых очертаний диаметром 70–80 см. Он представлял собой развал из кусков обожжённой глиняной обмазки и нескольких, растрескавшихся от воздействия огня, крупных галек. Таким образом, очаг в «кобяковском» жилище также имел бортик из камней с обмазкой внутри. Автором раскопок указано, что этот очаг после очередного «ремонта» перекрыл «ритуальную яму», сооруженную в жилище (Шарафутдинова, 1989. С. 48).

На Северном Кавказе синхронные очаги эпохи финальной бронзы и начала раннего железного века исследованы в жилищах кобанцев. На поселении Сержень-Юрт (восточный вариант кобанской культуры) в помещении 1, имевшем общую площадь около 80 кв.м (9х9 м), также было обнаружено четыре очага. Два из них находились в «центре дома» и были «сооружены из камней», они имели размер 0,7х0,5 м. Рядом с очагами были расчищены почти целые сосуды. Два других очага находились в северном и северо-восточном углах помещения. Они были «сложены из глинобитных блоков высотой 12-14 см и камней» и имели форму квадрата размерами 1х1 м. «Внутри очаги заполнены золой и обломками посуды» (Козенкова, 2001. С. 12).

На поселениях западного варианта кобанской культуры также характерны очаги «открытого типа», сложенные из камней. Они обнаружены на поселении Уллугобаганалы 2, Грушевском и на поселении «Подкумский мост» (Козенкова, 1989. С. 64). Таким образом, можно утверждать, что по особенностям конструкции очаги жилищ «горного» локального варианта протомеотской группы памятников близки открытым очагам кобанцев, что, вероятно, обусловлено сходными природными условиями жизни этих древних сообществ.

Обнаруженные в слое жилища находки, представляли многочисленные фрагменты кухонной посуды (горшки, миски) (рис. 1, *2*) и столовой посуды, представленной черпаками и их ручками (рис. 1, *5, 8*). Последние орнаментировались гребенчатым штампом, косой штриховкой, композициями из отпечатков ногтей и горизонтальных полос. Интересны находки стенок черпака с ромбическими композициями, образованными мелким гребенчатым

[1] Определение научного сотрудника Кавказского биосферного заповедника Ю.Н. Спасовского.

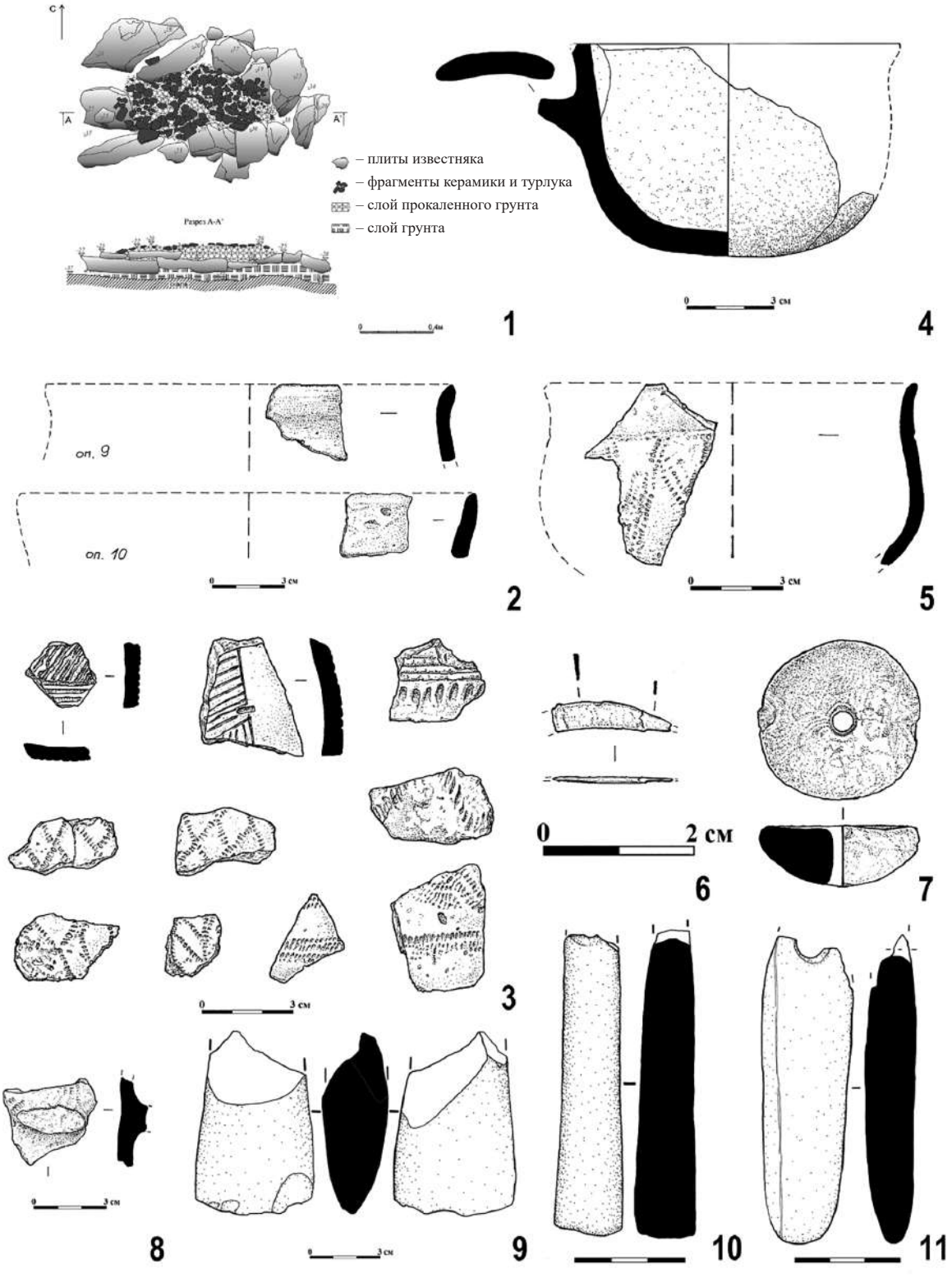


Рис. 1. Материалы из усадьбы на могильнике Азишский-1:
1 – план и разрез очага № 1, *2–11* – находки из культурного слоя*;*
2–5, 8 – керамика, *6* – бронза, *7* – кость, *9–11* – камень

штампом (рис. 1, *3*). Орнамент, нанесенный гребенчатым штампом, выделяет керамику этого памятника от орнаментальных композиций на протомеотских черпаках других локальных вариантов (Ср. Эрлих, 2007. С. 332, 333. Рис.140).

Встречен также неорнаментированный археологически целый чернолощеный черпак (рис. 1, *4*).

Из других находок можно отметить находки фрагментов двух однолезвийных бронзовых ножей (рис. 1, *6*), подобных найденным в могильнике. Найдены два фрагментированных оселка с частично утраченным отверстием в верхней части (рис. 1, *10, 11*). Они также имеют аналогии в погребальных комплексах могильника. Из других находок в слое жилища можно указать несколько каменных зернотерок, каменные отбойники, тесло и костяное пряслице (рис. 1, *7, 9*). Встреченный в слое жилища материал позволяет синхронизировать вновь открытую усадьбу и протомеотский могильник «Азишский-1», который предварительно датирован IX – первой половиной VIII в. до н.э.

Непосредственная близость жилой усадьбы к могильнику позволяет полагать, что для горного локального варианта протомеотских памятников характерны кладбища «усадебного типа» подобные могильникам бзыбского варианта колхидской культуры.

Литература

Козенкова В.И. 1989. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. В 2–6. Вып. 3. М.

Козенкова В.И. 2001. Посёлок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.

Шарафутдинова Э.С. 1989. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века на Кубани. // Меоты – предки адыгов. Майкоп.

Эрлих В.Р., Леонтьева А.С., Абрамова А.Н. 2024. Новый протомеотский могильник в предгорьях Адыгеи // История, археология и этнография Кавказа. Т. 20. No 2.

Эрлих В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.

Эрлих В.Р. 2025а. Горные меоты // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сборник научных трудов к 70-летию профессора И.И. Марченко. Вып. 8. Саратов.

Эрлих В.Р. 2025б. Об очагах протомеотских жилищ. // Четвертые Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти д.и.н., проф. С.Л. Дударева. Армавир, Ставрополь.

КРУЖКИ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3

Яганова З.Э.
Институт гуманитарных исследовании Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик

Исследование могильника Заюково-3 выявило более сотни погребений кобанской культуры, отражающих широкий спектр погребальных традиций и керамических форм. За десятилетний период раскопок было обнаружено лишь три керамические кружки предскифского времени, что подчёркивает их редкость и особое значение в погребальном обряде западно-кобанских племён.

На примере кружек из погребений 17, 55 и 67 можно проследить формирование новых культурных традиции на могильнике Заюково-3, характерных для предскифского времени.

Погребение 17 принадлежало мужчине и представляло собой грунтовую яму. Погребённый был уложен на правый бок в скорченном положении. Инвентарь состоял из оселка, сурьмяной полусферической бляшки, двух железных булавок, бронзовой пронизи, двух бронзовых слитков и керамической кружки. (Кадиева, Вальчак, Демиденко, 2020. С. 167).

Кружка усеченно-биконической формы с выраженным ребром со слегка отогнутым венчиком, выделенной шейкой и плоским дном. Кружка имеет высокую ручку (рис. 1, *1*). Верхний прилеп ручки осуществлён к верхнему краю венчика, нижний – к ребру. По тулову расположен орнамент в виде линии из горизонтальных насечек и пояса из разнонаправленных треугольников, составленных из небрежно прочерченных линий (Кадиева, Вальчак, Демиденко, 2020. С. 176).

Кружки, близкие по форме к изделию из погребения 17, В.И. Козенкова в своей классификации выделяет в разновидности «в» западного варианта кобанской культуры и датирует их VI–V вв. до н.э. Подобный сосуд встречается в 1 погребении Тамгацикского могильника (Козенкова, 1998. С. 101–102; Кадиева, Вальчак, Демиденко, 2020. С. 176). В свою очередь, А.А. Кадиева, С.В. Вальчак и С.В. Демиденко, датировали погребение 17 предскифским временем, если быть точнее, последним десятилетием VIII – первой половиной VII в. до н.э. (Кадиева, Вальчак, Демиденко, 2020. С. 177).

Погребение 55 представляло собой грунтовую яму. Обнаруженный костяк был уложен на спину и принадлежал женщине. Погребальный инвентарь состоял из 2 бронзовых булавок, 4 трубчатых пронизок, 2 бляшек, бронзового кольца, зооморфной подвески и керамической кружки (Кадиева, Демиденко, 2018. С. 192–193).

Кружка имеет слегка отогнутый венчик, высокую выделенную шейку, шаровидное тулово с закругленным ребром и круглое дно (рис. 1, *2*). Высокая ручка, верхний прилеп которой был осуществлён к краю венчика сосуда, нижний – к середине тулова. На шейке сосуда имеется орнамент из 9 групп семечковидных вдавлений, образующих вертикальные сдвоенные линий. На плечиках и верхней части тулова орнамент представляет собой пояс из сетчатой штриховки.

Погребение 67 представляло собой грунтовую яму. Судя по размерам и отсутствию человеческих костей, погребение принадлежало ребёнку, предположительно девочке. В яме были обнаружены керамическая кружка и нагрудный убор, состоящий из 5 бронзовых витых пронизок и 5 бронзовых полусферических бляшек.

Кружка с высокой ручкой и шаровидным туловом с закругленным ребром. Венчик отогнут, шейка высокая, дно округлое (рис. 1, *3*). Прилеп осуществлён также, как и на двух предыдущих кружках[1].

Кружки из погребений 55 и 67 значительно отличаются от кружки из погребения 17. Прямых аналогий им найти не удалось. Наиболее близкие по форме сосуды относятся к разновидности кружек «б» по В.И. Козенковой, датированным IX–VIII вв. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 101).

Как уже отмечалось выше, в описанных захоронениях был обнаружен стандартный погребальный набор классического этапа западного варианта кобанской культуры, состоящий из бронзовых булавок, подвесок, пронизок и бляшек. На могильнике Заюково-3 подобный инвентарь часто встречается, как в погребениях в составе ожерелий, так и вне комплексов. К примеру, в погребении 148, встречаются такие же бронзовые цилиндрические спиралевидные пронизки и бронзовые бляшки, как и в погребениях 55 и 67. А.А. Кадиева и соавторы датировали погребение первой половиной VIII в. до н.э. (Кадиева, Вальчак, Демиденко, 2020. С. 63).

Кружки из погребений 55 и 67 близки к круглодонным кубкам. В классификации В.И. Козенковой среди кубков разновидности «в» приведён сосуд с небольшой петлевидной ручкой из пещеры на горе Шисса (Джисса) близ ст. Зеленчукской. Исследовательница рассматривала подобные сосуды, как промежуточную форму между кубками и кружками и датировала их концом II – началом I тыс. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 99).

Можно предположить, что кружки из погребений 55 и 67 могильника Заюково-3, также представляют собой переходный тип, характерный для населения долины Баксан. Необходимо учесть то, что в западно-кобанских древностях, в том числе и в материалах могильника Заюково-3, преобладают керамические кубки, тогда как кружки являются традиционной посудой центрального варианта кобанской культуры (Мошинский, 2023. С. 108; Кадиева, Вальчак, Демиденко, 2024. С. 24, 26; Яганова, 2024. С. 38). Не исключено, что речь может идти не о прямом импорте готовых изделий, а о восприятии морфологической модели и её адаптации в рамках местной гончарной традиции.

В погребении 55 костяк был уложен вытянуто на спину, что характерно для раннего этапа функционирования могильника Заюково-3 и, вероятно, восходит к традициям позднего бронзового века (Кадиева, Демиденко, 2018. С. 195). В то же время погребение 17, датируемое последним десятилетием VIII – первая половина VII в. до н.э., демонстрирует уже иные черты погребального обряда, где погребённый был уложен в скорченном положении, а сопровождавшая его кружка отличается более геометризированной формой.

Таким образом, изменения в морфологии сосудов, по-видимому, отражают сложные процессы взаимодействия локальных традиций и внешних влияний в предскифский период. Однако на современном этапе исследования представленные материалы не позволяют однозначно связать трансформацию керамического комплекса с изменениями в погребальном обряде, поскольку скорченный обряд продолжал доминировать наряду с присутствием вытянутых захоронений.

Литература

Кадиева А.А., Вальчак С.Б., Демиденко С.В. 2020. Мужские погребения предскифского времени с керамическими наборами на могильнике Заюково-3 // КСИА. Вып. 258.

Кадиева А.А., Вальчак С.Б., Демиденко С.В. 2024. Погребения с бронзовыми копьями на могильнике Заюково-3 // Открытия и успехи кавказской археологии. М.–Нальчик.

Кадиева А.А., Демиденко С.В. 2018. Вытянутые погребения предскифского времени из могильника Заюково-3 // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и в средневе-

[1] Автор благодарит Анну Анатольевну Кадиеву, руководителя Объединённой Северо-Кавказской археологической экспедиции, за предоставленные неопубликованные материалы могильника Заюково-3.

ковье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы конференции. Карачаевск.

Кадиева А.А., Демиденко С.В., Емкужев А.А. 2020. Погребение предскифского времени с бронзовым нагрудным набором из могильника Заюково-3 // Кавказология. Нальчик.

Козенкова В.И. 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. Т. 5. М.

Мошинский А.П. 2023. Керамика предкобанской эпохи из Горной Дигории // Макариевские чтения: Петровская эпоха и русское православие: (350-летию Петра Великого – русского императора). Вып. 29.

Яганова З.Э. 2024. Плоскодонные кубки предскифского времени из могильника Заюково-3 // Открытия и успехи кавказской археологии. М.–Нальчик.

ТАМГОПОЛЬЗОВАНИЕ У САРМАТОВ, АЛАНОВ И ОСЕТИН: О ХАРАКТЕРЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Яценко С.А.
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Вопрос о преемственности в использовании кланово-семейных эмблем от сарматов к осетинам и их соседям еще актуален и не вполне прояснен, хотя сам механизм преемственности в целом понятен (Яценко, 2001. С. 12–14). Ряд особенностей древнего тамгопользования может быть уточнен благодаря архаичным эпическим сюжетам и недавним ритуалам. Таковы отдельные камни со скоплениями на перекрестках дорог, где путники оставляли каждый раз небольшое приношение (Нарты, 1957. С. 16, 67–68, 397). В отношении старых надгробий и стел иноэтничных соседей иногда допускалось специально низвергать их (Яценко, 1998. С. 72). Кроме основы корпуса форм знаков, сохранялись и другие элементы древней традиции. Так, у сарматов и осетин тамги обычно использовались кланами «благородного» происхождения. Кроме тамг, у осетин еще недавно сохранялась традиция делать фигурные надрезы на ушах домашних животных, известная еще кочевникам скифской эпохи («пазырыкцы»).

В городах Боспора строительством башен занимались местные или столичные власти. Это в Танаисе сопровождалось нанесением на их торцах или даже на тамге царя с сарматским именем пар знаков местных сарматских кланов (надписи 192 и 236 гг. н.э.) (Яценко, Шевченко, Усенко, 2022. Рис. 14, *I*; 17, *II*; 20). Но те же пары тамг мы видим на боевых башнях Осетии (Яценко, 2023. Рис. 12, *1, 4*), а также на жилых в контактной зоне Джейрахского ущелья (Дзаурова, 2019. С. 280–282, 298; Яценко, 2025. Рис. 3, *3, 5*; 4, *3–4*). Скопления эмблем на одной плите на башне вполне обычны для обеих традиций (Богданов, Астафьев, 2023. Рис. 1–2; Винокуров, Яценко, Чореф, 2024. Рис. 4; Яценко, 2025. Рис. 2, *1*), хотя в недавнее время крупные плоские плиты использовались редко, поэтому их чаще наносили на нескольких соседних камнях. Как в эллинско-сарматской среде, так и у осетин в домовладениях знатных лиц тамги изображались в одном из внутренних помещений (Сокольский, 1976. С. 42) или на фасаде жилого дома (Яценко, 2023. Рис. 15, *3*).

Пары тамг рядом известны и на склепах в римское время (Соломоник, 1959. № 34; Яценко, 2019. Рис. 9, *3*) и на фамильных склепах осетин (Яценко, 2023. Рис. 9, № 1). Скопления при склепах сарматами размещались внутри, недалеко от входа (Соломоник, 1959. № 52; Яценко, 2001. Рис. 24, *f*), а у осетин – на наружном фасаде (Яценко, 2023. Рис. 10, 11). Дело в том, что боспорские склепы были скрыты курганной насыпью, а фасады осетинских доступны обозрению. Плиты со скоплением знаков размещали и в зоне кладбищ, и на них всегда имелись более древние инокультурные сюжетные изображения. Таковы серия прежних греческих надгробий в Пантикапее (Корпус, 2004. №№ 79, 89, 357, 424) и плита с лабиринтом на краю могильника Махческа (Яценко, 2024. Рис. 2, 6). В обеих традициях тамга могла размещаться на условной груди фигуры умершего (Соломоник, 1959. №№ 20, 22; Яценко, 2014. Рис. 3, *3*, 4, *6*; Андиев, Андиева, 1960. С. 215. Рис. 1).

В обеих традициях бытовали перстни-печатки с тамгой (Архипов, Симоненко, 2004; Марзоев, 2021). При изображении основной тамги у лабиринта она помещена справа у входа (Яценко и др., 2019. С. 301. Рис. 1, *2*; Яценко, 2024. Рис. 6). Эмблемы при зоо- или

антропоморфной фигуре также известны у сарматов (Сокольский, 1976. Рис. 31; Яйленко, 1987. С. 152; Корпус, 2004. № 424; Яценко, Шевченко, Усенко, 2022. Рис. 6, 10), у связанных с ними кангюйцев (Яценко и др., 2019. С. 201. Рис. 1, *2–3*), и у осетин (Яценко, 2024. Рис. 11, *1–2*). Сохранение подобных «мелочей» в традиционных практиках особенно показательно.

Некоторые элементы традиции менялись или исчезали из-за заметных различий условий жизни в Степи и горной зоне Северного Кавказа, а также из-за конкуренции с соседями. Так, у сарматов и в позднейшей Малой Скифии, затем – у аланов видим серию тамг у входа в пещеры или гроты (Соломоник, 1959. №№ 57–58; Рунич, 1983. Рис. 1; Михайлов, 1994) (в Джинальском гроте лишь 4–5 из 12 типов тамг идентичны таковым у поздних жителей округи Кисловодска, и это простые, распространенные формы). Однако скопления знаков пока не выявлены в осетинских святилищах в гротах горной зоны. Изображения сарматских тамг на скалах в удаленных местностях (Дагестан, Северо-Восточный Прикаспий, Центральный Казахстан) (Богомолов, 1970; Яценко и др., 2019. С. 312. Рис. 3) были, вероятно, свидетельствами дальних военных акций. Но в XVI–XIX вв. для осетин они не были возможны. В I–III вв. н.э. в античных городах серии тамг наносились нередко на каменных блоках общественных зданий (видимо – у входа в них и у городских ворот). В горных селениях осетин после гибели городской культуры Алании подобными объектами стали комнаты для гостей – кунацкие (на дверях) (Яценко, 2023. Рис. 5–9), фасады и углы боевых башен (у которых иногда устраивали встречи и банкеты). В условиях, когда высокодоходным коневодством и торговлей лошадьми занимались лишь в немногих фамилиях, исчезла актуальность мечения конской упряжи, популярная у «благородных» кланов сарматов.

Литература

Андиев Б., Андиева Р. 1960. Осетинский орнамент. Орджоникидзе.

Архипов А.А., Симоненко А.В. 2004. Перстень царя Инисмея // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб.

Богданов Е.С., Астафьев А.Е. 2023. Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама» (Западный Казахстан) // Археология Казахстана. № 2.

Богомолов Г.И. 1970. Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан) // КСИА. Вып. 124.

Винокуров Н.И., Яценко С.А., Чореф М.М. 2024. Серия тамг на сосуде с городища Артезиан: контекст находки // Stratum plus. № 6.

Дзаурова Т.А. 2019. Ингушский национальный орнамент. М.

Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. 2004. СПб.

Марзоев И.-Б.Т. 2021. Дамгъӕ. Фамильные знаки собственности у осетин // Алания от А до Я. Владикавказ.

Михайлов Б.Д. 1994. Сарматские знаки на холме Каменная Могила в Северном Приазовье // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Нарты. Эпос осетинского народа. 1957. М.

Рунич А.П. 1983. Наскальные рисунки и тамги в Джинальском гроте у Кисловодска // Советская этнография. № 4.

Сокольский Н.И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.

Соломоник Э.И. 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Яйленко В.П. 1987. Несколько греческих граффити и «сарматская» надпись из Березани // Античная балканистика. М.

Яценко С.А. 1998. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // РА. № 3.

Яценко С.А. 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.

Яценко С.А. 2014. Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I-III вв. н. э. // МАИАСП. № 6.

Яценко С.А. 2019. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I–IV вв. н.э. // Stratum plus. № 4.

Яценко С.А. 2023. О некоторых группах осетинских и аланских тамг // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Ставрополь.

Яценко С.А. 2024. Несколько осетинских объектов с тамгами // NARTAMONGÆ. T. XIX. Владикавказ.

Яценко С.А. 2025. Ингушские каменные сооружения с сериями тамг // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 18. Ставрополь.

Яценко С.А., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Табалдыев К.Ш, Баратов С.Р., Ильясов Дж.Я., Бабаяров Г.Б. 2019. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд.

Яценко С.А., Шевченко Е.Б., Усенко В.П. 2022. О серии каменных плит с сарматскими тамгами из Одесского археологического музея // Stratum plus. № 6.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПО ДАННЫМ ДИСКРЕТНО-ВАРЬИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ)

Абрамова А.Н.
Институт востоковедения РАН, г. Москва

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, https://rscf.ru/ project/23-18-00869/ «Мамлюки на Северном Кавказе в XIV–XVI вв.»

Благодаря широкомасштабным раскопкам, развернувшимся в последние годы на территории Краснодарского края, началось накопление не только археологической информации, позволяющей лучше понять особенности погребального обряда и традиций народов в разные эпохи обитавших на данной территории, но и палеоантропологических данных, расширяющих наши знания об этногенетических процессах, протекавших на Юге России в древности. Вплоть до недавнего времени краниометрические данные составляли основу наших знаний об облике местного средневекового населения (см. наприм.: Алексеев, 1974; Герасимова, Тихонов, 2003). Однако, в последнее время стали накапливаться данные и по другим системам признаков (Батиева, Кашибадзе, 2020. С. 106–111; Петрова, 2023).

Автором настоящей работы были изучены три коллекции, происходящие с территории Северо-Восточного Причерноморья. Два памятника «Гос. № 258» (округа ст. Натухаевской) и «Гостагаевская-1» располагавшиеся на расстоянии 7 км друг от друга на границе муниципальных образований городов Анапа и Новороссийск. Оба могильника были исследованы в 2014–2015 гг. и датированы серединой XII–XIII вв. (Верещагин, Верещагина, 2017. С. 328; Верещагин, Голубев, 2020). В ходе краниометрического исследования было установлено, что обе выборки не отличаются друг от друга с точки зрения морфологии черепа, в результате чего было решено для дальнейшего изучения их объединить (Абрамова, 2024).

Более поздний памятник, вошедший в документацию под названием Катусвина Кривица и давший материал для настоящего исследования, расположен на западной окраине станицы Натухаевской и был изучен Л.Э. Голубевым в 2023 г. Судя по обряду, население, погребенное на данном могильнике, исповедовало ислам и было отнесено автором раскопок к адыгам-натухаевцам, проживавшим на территории Северо-Восточного Причерноморья в XVIII–XIX вв. (Голубев и др., в печати). Морфологически наибольшее сходство данное население показало с выборкой из Широкой щели, синхронной могильнику Катусвина Кривица, и относимой исследователями к представителям адыгейских племен, а также с объединенной выборкой, происходящей из обсуждаемых выше средневековых памятников (Абрамова, 2024).

Учитывая то, что средневековые памятники и могильник Нового времени расположены в непосредственной близости друг от друга, нами было решено сравнить эти две серии с помощью системы дискретно-варьирующих признаков черепа. Методика, изучающая аномалии черепа, имеющие наследственный характер, и в меньшей степени, чем краниометрические данные, подверженная эпохальной изменчивости, позволяет сравнивать диахронные серии, как, например, в настоящей работе (Мовсесян, 2005. С. 129). Способы изучения, под-

счета и фиксации признаков были описаны нами ранее, поэтому не будем здесь на этом подробно останавливаться (Абрамова, 2025).

Для сравнения двух серий применялся метод χ2 (хи-квадрат), расчеты которого проводились в программе Statistica 10. Там, где количество наблюдений составляло меньше 20, значения рассчитывались с поправкой Йейтса. Для сравнения был подобран набор признаков, который принят в московской школе краниофенетики (Мовсесян, Мамонова, Рычков, 1975; Мовсесян, 2005), при этом, от части признаков нам пришлось отказаться в силу малочисленности наблюдений (табл. 1).

Таблица 1. Частоты дискретно-варьирующих признаков черепа у населения XII–XIII вв. и XVIII–XIX в., погребенного близ станицы Натухаевской

Признак	«Гос. № 258» и «Гостагаевская-1»			Катусвина Кривица			p
	N	n	P	N	n	P	
Sutura frontalis (metopica) все нормы	51	6	0,118	29	1	0,035	0,4
Foramen supraorbitale (все морфы)	41	19	0,463	27	16	0,593	0,4
Foramen frontale (все нормы)	38	7	0,184	28	4	0,143	0,9
Spina trochlearis	23	5	0,217	20	8	0,400	0,3
Foramen infraorbitale accessorium	13	1	0,077	18	6	0,333	0,2
Os zygomaticum bipartitum	30	0	0,000	24	0	0,000	1,0
Os Wormii suturae coronalis (C1-C3)	15	2	0,133	13	0	0,000	0,5
Foramen parietalis (все нормы)	47	33	0,702	29	18	0,621	0,6
Foramen tympanicum	39	2	0,051	24	3	0,125	0,6
Os postsquamosum	36	8	0,222	20	5	0,250	0,9
Os asterii	33	9	0,273	15	3	0,200	0,9
Os Incae (все морфы)	51	2	0,039	28	1	0,036	0,6
Os triquetrum	49	0	0,000	29	1	0,035	0,8
Sutura mendosa	40	0	0,000	22	2	0,091	0,2
Os apicis lambda	49	7	0,143	28	6	0,214	0,6
Processus interparietalis squamae occipitalis	53	4	0,076	29	1	0,035	0,8
Os Wormii suturae lambdoidae (L1-L3)	33	20	0,606	19	15	0,790	0,3
Canalis condylaris	30	19	0,633	20	17	0,850	0,2
Facies condylaris bipartitum	22	1	0,046	22	0	0,000	1,0
Canalis hypoglossalis bipartitum	32	9	0,281	26	8	0,308	0,9
Tuberculum precondylare	33	2	0,061	26	2	0,077	0,8
Foramen mentale accessorium	47	1	0,021	27	1	0,037	0,7
Canalis mylohyoideus	40	3	0,075	28	5	0,179	0,5

Всего по системе дискретно-варьирующих признаков изучено 56 черепов, происходящих из средневековых могильников и 29 из могильника Катусвина Кривица.

Проведенное сравнение двух групп населения, обитавших в разное время близ станицы Натухаевской, не дало различий высокой достоверности ни по одному из привлеченных нами признаков. Является ли полученный результат свидетельством генетического единства населения, обитавшего на этой территории с эпохи средневековья вплоть до XIX в. без привлечения новых данных по другим средневековым выборкам Северо-Восточного Причерноморья, сказать сложно. Однако, в пользу вывода о несменяемости населения, обитавшего на данной территории, говорит ранее отмеченное сходство этих двух групп по данным краниометрии.

Литература

Абрамова А.Н. 2024. Население Север-Восточного Причерноморья Нового времени поданным палеоантропологии // Вопросы археологии Адыгеи. Сборник научных трудов. Майкоп.

Абрамова А.Н. 2025. Половозрастная структура средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 3.

Абрамова А.Н. 2025. Население Северного Причерноморья и Прикубанья раннего железного века в свете краниофенетических признаков // Археология Евразийских степей. № 1.

Алексеев В.П. 1974. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М.

Батиева Е.Ф., Кашибадзе В.Ф. 2020. К антропологии средневекового населения Северо-Западного Кавказа (по материалам могильника Аушедз) // В поисках неслучайной изменчивости. Сборник статей в честь 90-летия Генриэтты Леонидовны Хить. СПб.

Верещагин В.В., Верещагина Е.Л. 2017. Средневековые курганы с каменными оградками под Новороссийском // Археологические записки. Вып. 9.

Верещагин В.В., Голубев Л.Э. 2020. Всадники шегаков // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Герасимова М.М., Тихонов А.Г. 2003. Новые краниологические данные к проблеме происхождения адыгов // Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. Москва, Салтыковка (20–22 сентября 1994). М.

Голубев Л.Э., Середа О.В., Токарев В.А. В печати. Раскопки курганов № 2 и № 3 курганной группы «Катусвина Кривица-3» в станице Натухаевской Краснодарского края в 2024 году // Археологические Открытия 2024 г. М.

Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. 1975. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. Вып. 51.

Мовсесян А.А. 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.

Петрова К.А. 2023. Особенности демографической структуры населения Кубани в золотоордынский период (по материалам могильника Натухаевское 5) // РА. № 1.

ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС БЖИЛЮА В СЕЛЕ АНХУА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2024–2025 гг.

Архимандрит Дорофей (Дбар), Сангулия Г.А.
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа АНА, г. Сухум, Республика Абхазия

В течение третьего и четвертого сезонов археологических раскопок на руинах храмового комплекса Бжилюа (с. Анхуа, Гудаутский район) основные работы были сосредоточены в церкви комплекса (о первом и втором сезонах см.: Дорофей Дбар, Сангулия, 2024. С. 296–298). Были расчищены лицевая сторона южной стены зала и западного притвора, южный притвор, наружная часть апсиды и северо-восточная часть северного придела (рис. 1, *1*).

Конструктивные элементы. Ширина западного притвора меньше ширины зала храма, образуя заплечик шириной 21 см. В пространстве между западным и южными притворами обнаружены две архитектурные детали: фрагмент ствола каменной колонны (H – 45 см, D – 25 см, рис. 1, *2*) и фрагмент каменного конька (L – 28 см, рис. 1, *3*). На торцевой стороне конька, под нишей, высечен крест. Вероятно, эта деталь завершала фасад южного притвора.

В конце южной стены западного притвора обнаружена вымостка из каменных плит, отличающихся по материалу от основной кладки. Предназначение данной вымостки остаётся невыясненным.

Конструктивно южный притвор имел две стены – западную и восточную, – встроенные в южную стену церковного зала. Южная сторона притвора оставалась открытой. С северной стороны в зал храма вел проход (шир. – 155 см), который, очевидно, был оборудован деревянной дверью. Перекрытие притвора представляло собой свод из легкого камня (травертина) и было покрыто массивной каменной черепицей. Вдоль внутренней стороны западной и восточной стен располагались пристенные каменные сиденья (L – 1,6 м, шир. – 35 см). Ниже уровня напольного покрытия обнаружены две погребальные камеры.

Апсида церкви не выражена вовне (прямая, шир. – 5 м). На внешней стороне апсиды обнаружена погребальная камера.

Восточная стена северного придела отступает от края алтарного восточного фасада на 80 см. Здесь было обнаружено наибольшее количество фрагментов плоской керамической черепицы. Это позволяет предположить, что северный придел был покрыт керамической черепицей. Также обнаружен целиком сохранившийся каменный оклад узкого оконного проёма (H – 106 см, шир. основания – 77 см; рис. 1, *4*). На северной стене придела зафиксирован дверной проём с пазами для монтажа дверной коробки.

Завал (культурный слой). По всей площади раскопа был обнаружен завал, состоящий из: 1) фрагментов кровельного покрытия: черепицы и плит каменной кровли; 2) элементов каменного конька кровли; 3) фасадных блоков; 4) фрагментов каменных подоконников и отливы к ним; 5) строительных блоков из известняка и ноздреватого травертина; 6) лома различной керамической посуды; 7) фрагментов чеканных окладов иконы и книги; 8) металлических крестов; 9) наконечников стрел; 10) гвоздей и других изделий из железа; 11) фрагментов стеклянных изделий.

Погребения. В полу южного притвора обнаружены две погребальные камеры. Из гробницы № 1 извлечены четыре черепа, прочие костные останки и инвентарь: 1) медная застежка для книги (см. ниже); 2) медный наперсток (D – 15 мм, рис. 1, *5*); 3) нож с прямой спинкой (L – 173 мм, рис. 1, *6*). Из гробницы № 2 извлечены четыре черепа и прочие костные

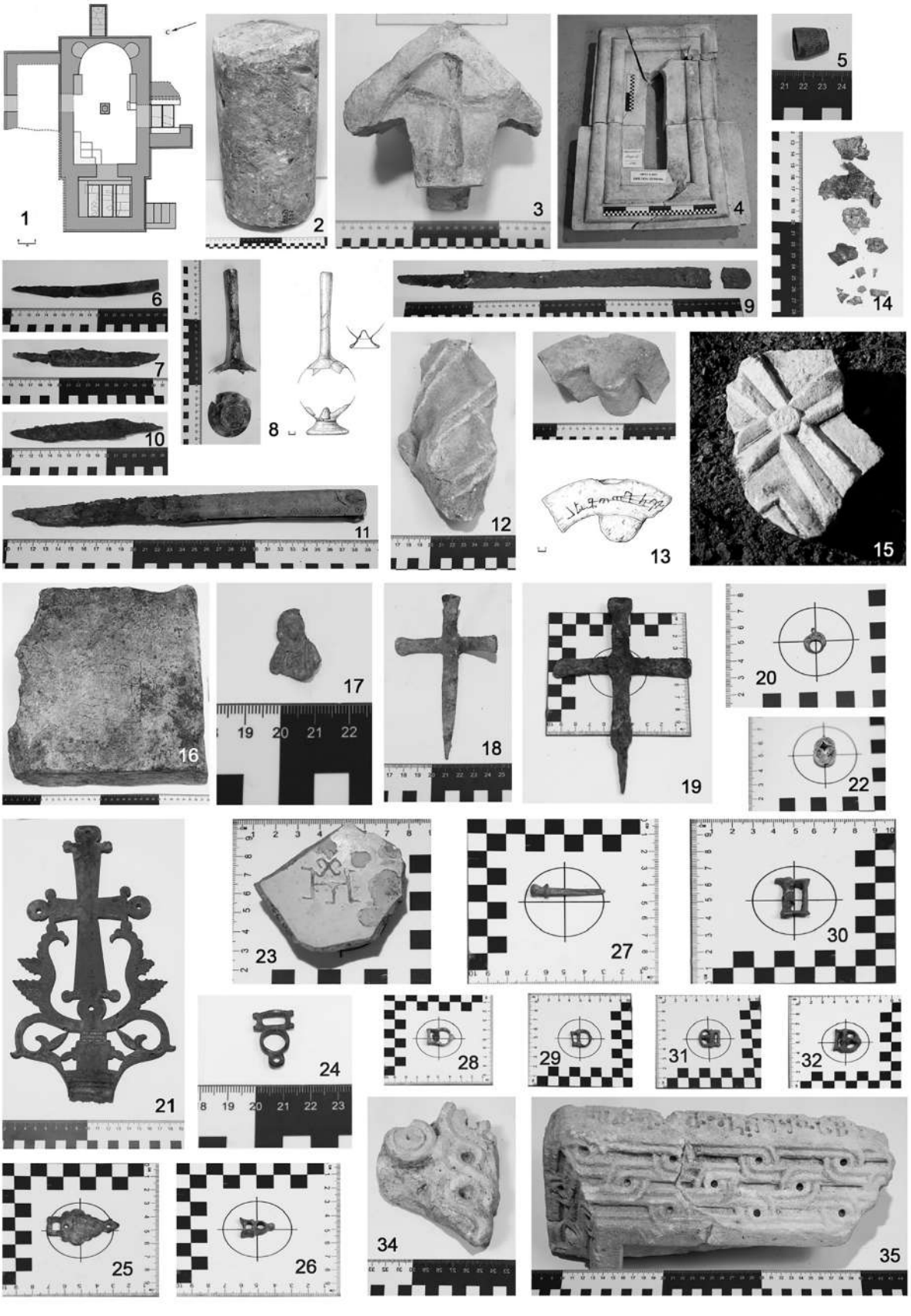


Рис. 1. Церковь Бжилюа в с. Анхуа: 1 – план церкви,
2–35 – индивидуальные находки

останки, а также инвентарь: 1) нож с прямой спинкой (L – 150 мм, рис. 1, *7*); 2) стеклянный сосуд (бальзамарий) (рис. 1, *8*).

Вдоль южной стены церкви, к востоку от южного притвора, было обнаружено одиночное погребение. В области бедра был найден меч (сабля?) (L – 555 мм, рис. 1, *9*).

Погребальная камера обнаружена и у внешней стороны алтарной апсиды, ориентирована по оси восток-запад. Извлечены четыре черепа, прочие костные останки и инвентарь: 1) нож с прямой спинкой (L – 160 мм, рис. 1, *10*); 2) нож с прямой спинкой и костяной ручкой (L – 282 мм, рис. 1, *11*).

Все погребальные камеры обнаружены в нарушенном состоянии в результате предшествовавшего несанкционированного проникновения и разграбления.

Особые находки. 1. Архитектурная деталь (рис. 1, *12*). 2. Фрагмент архитектурной детали (рис. 1, *13*), с надписью на асомтаврули. 3. Фрагменты серебряного оклада книги (Евангелия) (рис. 1, *14*). 4. Фрагмент известняка с рельефным крестом (15×20 см, рис. 1, *15*). 5. Каменная плита (35×35×9,5 см, рис. 1, *16*), с врезными рисунками. 6. Литой образ евангелиста Иоанна Богослова (22×15 мм, рис. 1, *17*). 7. Металлические кресты (рис. 1, *18*, *19*). 8. Серебряная серьга (подвеска?) (рис. 1, *20*). 9. Декорированный медный крест (320×168 мм, рис. 1, *21*), аналогичные имеются на дверях церкви XI в. в Амальфи (Италия). 10. Золотая подвеска (рис. 1, *22*). 11. Фрагмент донца глазурованной керамической чаши с монограммой Михаила Палеолога (1259–1282) (D – 46 мм, рис. 1, *23*). 12. Три медные книжные застежки (рис. 1, *24*, *25*, *26*). 13. Медный стилус (40 мм, рис. 1, *27*). 14. Шесть различных пряжек (рис. 1, *28–33*). 15. Фрагмент архитектурной детали с орнаментом (рис. 1, *34*). 16. Фрагменты архитектурной детали с орнаментом и надписью на асомтаврули (L – 350 мм, рис. 1, *35*; предварительное прочтение надписи: ⴱⴰⵊⵑⵜⵆⵏⵘⵛⵒⵛⵖ ⵏⵘⵁⵔ ⴰⵏⵘⵘⵛ (В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО).

Предварительные выводы. Археологические данные подтверждают предложенную ранее датировку храмового комплекса Бжилюа XI в.

В этот период на престол абхазских царей восходят абхазские Багратиды. Начинает ощущаться влияние Тао-Кларджетской школы храмостроительства на церковное зодчество на территории Абхазии. При этом сохраняется влияние греков, которые в то время контролировали Анакопию, частью которой являлась и Анхуа. Сочетание этих политических и культурных событий нашло отражение в архитектурных и художественных особенностях изучаемого храмового комплекса.

Ряд археологических находок, в том числе фрагмент чаши с греческой монограммой, свидетельствует об активном функционировании комплекса Бжилюа в XII–XIV вв.

Обнаружение трех книжных застежек свидетельствует о наличии в церкви Бжилюа как минимум трех церковных книг. Найденный стилус указывает на то, что храмовый комплекс Бжилюа мог служить центром грамотности и книжности.

Наличие предметов вооружения в погребальных камерах позволяет предположить, что не все погребенные являлись церковнослужителями. Вероятно, часть захоронений принадлежит ктиторам и воинам – представителям местной элиты.

Обнаружение второй каменной плиты (рис. 1, *16*) с врезным игровым полем для игры «Мельница» и другими рисунками позволяет предположить, что эти плиты могли быть выполнены теми же лицами, которые создали средневековые петроглифы в гроте Агца, расположенном неподалеку от исследуемого объекта (Бжания, Аджинджал, Дэвлет, 1990. С. 112–115).

Литература

Бжания В.В., Аджинджал Б.М., Дэвлет Е.Г. 1990. Новые исследования в гроте Агца // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР: тез. докл. международ. конф. М.

Дорофей (Дбар), архимандрит, Сангулия Г.А. 2024. Средневековый храмовый комплекс Бжилюа в с. Анхуа (Абхазия): итоги археологических раскопок 2022–2023 гг. // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – пер. четверти XXI в. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. М.

ГОНЧАРНЫЕ ГОРНЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ «ХАМБИ-ИРЗИ-3» И «ХАМБИ-ИРЗИ-5» НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ р. СУНЖА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

***Ахмаров А.У.*[1]*, Гугуев Ю.К.*[2]**

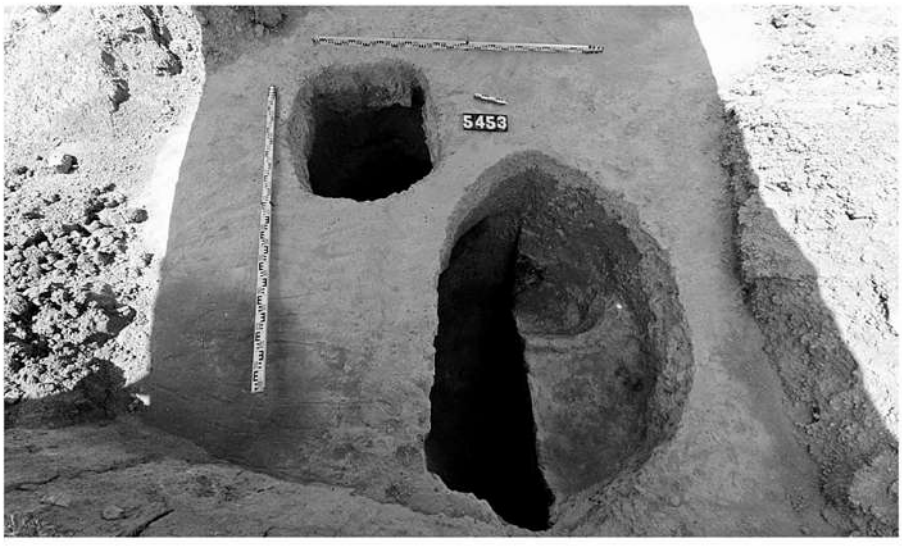
[1]*Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный*
[2]*ООО «Археос», г. Ставрополь*

В 2025 г. сотрудники Центра археологических исследований Академии наук Чеченской Республики проводили раскопки поселений «Хамби-Ирзи-3» и «Хамби-Ирзи-5» в Ачхой-Мартановском муниципальном районе Чеченской Республики к юго-западу от с. Хамби-Ирзи. Памятники расположены приблизительно в 100 м друг от друга на низком правом берегу реки Сунжа (Чеченская равнина) и приурочены к ровной левобережной площадке её безымянного притока. В ходе работ была исследована не вся территория названных поселений, а лишь пересекавшая их с севера на юг полоса шириной 18 м, которая соответствовала границам землеотвода под трассу межпоселкового газопровода.

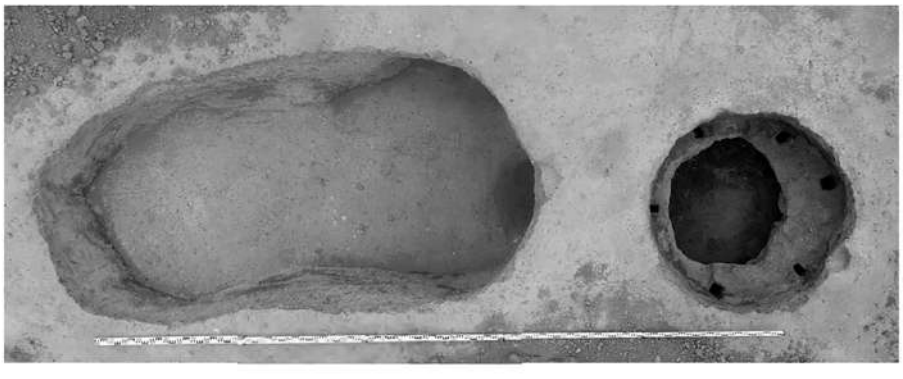
В докладе речь пойдёт, главным образом, о трёх древних гончарных горнах, два из которых (1 и 2) были исследованы на поселении «Хамби-Ирзи-3» (участки 24 и 27) и ещё один на поселении «Хамби-Ирзи-5» (участок 12).

Горны 1 и 2 (рис. 1, *1, 2*) принадлежали к вертикальному типу и были подземными. Они состояли из предгорновой ямы (у горна 1 эту роль выполняла хозяйственная яма, специально засыпанная примерно на треть своей глубины), короткого горизонтального загрузочного канала для топлива, круглой в плане топочной камеры с низким сводом и расположенной точно над ней и имевшей бóльшую высоту обжигательной камеры аналогичной формы со стенками, вертикальными в нижней части. Верхняя их часть, возможно, выступавшая на дневную поверхность, не сохранилась. Камеры были разделены непрокопанным слоем материковой глины, максимально мощным у их стенок, а к центру более тонким за счёт некоторого повышения свода топочной камеры. В этом слое были проделаны узкие вертикальные округлые в поперечном сечении воздуховодные каналы – продухи. В горне 1 их было пять. Они располагались симметрично: один в центре, четыре у ССВ, ВЮВ, ЮЮЗ и ЗСЗ стенок обжигательной камеры. В горне 2 возле стенок обжигательной камеры имелось шесть аналогичных каналов. Вероятно, ещё один(?) находился в центре, но здесь разделительный слой глины обрушился в топочную камеру. Стенки загрузочного канала в дне предгорновой ямы горна 1 были покрыты толстым слоем обмазки, из которой также вылепили бортик канала, незначительно возвышавшийся над дном. В горне 2 такой конструктивной детали зафиксировано не было.

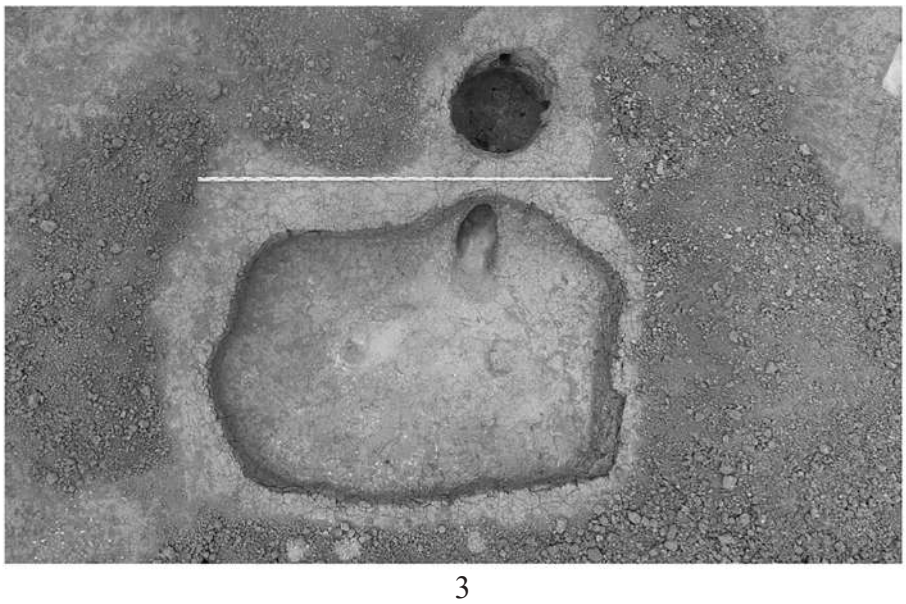
Целую керамическую продукцию, обожжённую в горнах последней, из них извлекли. Однако в заполнении горнов сохранились многочисленные обломки гончарных сероглиняных (восстановительного обжига) изделий. Типологически определимые фрагменты принадлежат средним и крупным одноручным кувшинам с эйнохоевидным сливом, крупным двуручным кувшинам, мискам с довольно высоким туловом и слегка загнутым внутрь, скруглённым краем, кружкам, нелощёным горшкам и корчагам с отогнутым, декорированным косыми насечками венчиком, пифосам. Сосуды орнаментированы неглубоким, сплошным, линейным или образующим разной ширины полосы вертикальным и сетчатым лощением,



1



2



3

Рис. 1. Гончарные горны средневековых поселений на правобережье р. Сунжа в Чеченской Республике: *1* – поселение «Хамби-Ирзи-3». Гончарный горн 1. Вид с ВСВ; *2* – поселение «Хамби-Ирзи-3». Гончарный горн 2. Вид сверху; *3* – поселение «Хамби-Ирзи-5». Гончарный горн. Вид сверху

прямыми горизонтальными и волнообразными желобками, круглыми налепами-лепёшками; нелощёные горшки, корчаги и пифосы – прямой и волнообразный горизонтальной гребенкой, сплошной или в виде многочисленных полос. Точно такая же керамика, включая отдельные целые и археологически целые формы (два пифоса, двуручный кувшин), в большом количестве обнаружена в хозяйственных ямах поселения. Технологически (грубоватая формовочная масса, круг медленного вращения, стыковочные швы на внутренней поверхности сосудов, крепление ручек кувшинов и кружек через отверстие в стенке – «штифт») и по морфологии вся она типична для аланской культуры.

Отметим отсутствие в горнах и в целом на памятнике некоторых выразительных типов (мисок с загнутым бортиком, кувшинов с расширяющимся желобчатым горлом, кувшинов с валикообразным венчиком и др.), характерных как для аланского керамического комплекса Северного Кавказа и Нижнего Дона (поселения на территории г. Азова, открытые в последние два с половиной десятилетия) II–IV вв. н.э., так и для раннесредневековой аланской посуды VII–IX в. (например, кувшинов/кружек с «раздутым» в нижней части туловом). По формам (кувшины с эйнохоевидным сливом) и орнаментации (специфическое линейное и полосчатое лощение) керамика поселения «Хамби-Ирзи-3» напоминает гончарную сероглиняную посуду позднего Боспора (Танаис, Горгиппия, Фанагория, Гермонасса, Ильичёвское городище и др. памятники Таманского полуострова), которая в массе своей также, несомненно, являлась аланской. Поэтому вышеописанные горны и сопутствующий им керамический материал поселения можно предварительно датировать в пределах V–VI вв. н.э.

На поселении «Хамби-Ирзи-3», помимо горнов, были обнаружены несколько ям, которые служили миникарьерами для добычи керамической глины. Одно из открытых здесь полуземляночных сооружений предположительно также могло быть связано с керамическим производством. Таким образом, данный памятник, скорее всего представлял обособленное поселение аланских гончаров.

Горн, исследованный на поселении «Хамби-Ирзи-5» (рис. 1, *3*), конструктивно был аналогичен вышеописанным, но отличался несколько более крупными размерами предгорновой ямы, в центре которой, на ступенчатом понижении дна, была расчищена нижняя часть округлого тандыра из слабообожжённой глины. Продухов, в основном, разрушившихся при просадке материкового слоя, разделявшего обжигательную и топочную камеры, вероятно, было пять. Они располагались симметрично: один в центре и четыре у З, С, В и Ю стенок обжигательной камеры.

Из заполнения горна происходили многочисленные профильные фрагменты и стенки гончарной красноглиняной (окислительного обжига) керамики: горшков и корчаг, в том числе двуручных, средних кувшинов со сливами, видимо, в основном, одноручных, и крупных двуручных кувшинов (некоторые, возможно, имели третью ручку на горле). Фрагменты такой же посуды были собраны на поселении до раскопок (подъёмный материал), а также происходили из одной из хозяйственных ям. Вся она высококачественная, тонкостенная, изготовлена на гончарном круге быстрого вращения с использованием навыков вытягивания, о чём свидетельствует горизонтальное спиралевидное рифление на внутренней поверхности сосудов. Наружная поверхность нелощёная, но заглажена, как правило, весьма тщательно. Формовочная масса очень тонкая, плотная, без видимых примесей. Ручки кувшинов и горшков крепятся к сосуду посредством прилепливания к внешней поверхности. Рельефные знаки и отпечатки доски круга с наружной стороны доньев отсутствуют. Технологически данные сосуды заметно отличаются от аланских (например, от керамики поселения «Хамби-Ирзи-3»), что, вероятно, связано с влиянием более восточных очагов гончарства (Дербент и другие центры), где с эпохи раннего средневековья применялись технологии керамического производства, отличающиеся от местной кавказской и восходящие к античной. Однако формы (горшки/корчаги/пифосы с плавно отогнутым венчиком, одноручные и двух-трёхручные кувшины-эйнохои с рас-

ширяющимся кверху горлом, корчаги с ручками), зональность декора, его элементы и мотивы (горизонтальные и наклонные валики с косыми вдавлениями личиночным штампом и без них; желобки; вертикальное, наклонное и сетчатое полосчатое лощение; полосы, волны и дуги горизонтальной гребёнки) указывают на определённую преемственность с аланской керамической традицией раннего железного века и раннего средневековья данной территории. Показательно и конструктивное сходство гончарных горнов на двух соседних памятниках, относящихся к разному времени. Вышеописанная красноглиняная керамика широко распространена на средневековых городищах и поселениях Восточного Предкавказья (равнинных) и Кавказа (горных). Возможно, она датируется концом раннего и началом развитого средневековья (X – первая половина XIII вв.) с «заходом» в ордынское время.

ПОЛОВЕЦКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

Бабенко В.А.
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Предпринятое Т.М. Минаевой картографирование половецких каменных изваяний позволило выделить отдельные группы половецких памятников в Центральном Предкавказье, включая памятники на северо-восточных склонах Ставропольской возвышенности (Минаева, 1964. Рис. 4).

Первое свидетельство о наличии здесь изваяний относится к 1569 г. Очевидец похода турок на Астрахань в 1569 г. описывает «поля Можарские» (округу города Маджара), а также стоящие здесь остатки каменных строений и каменные изваяния (Записки…., 1872. С. 472).

О древностях приманычской зоны было известно и в XVII в.: «А ниже Алалы (Барханчак. – *В.Б.*) пала в Кулауз (Калаус. – *В.Б.*) истока ис колодезеи Какуйгыр (Айгурка. – *В.Б.*). А по правой стороне по тому стоку люди каменныя болваны, против той соли, что емлют азовцы» (Книга…, 1950. С. 86).

Необходимо уточнить локализацию соленого озера, соль из которого «емлют азовцы». Выше по тексту дается описание этого озера: «А с верху реки Монача с левыя стороны озеро, а в том озере емлют соль азовцы и черкасы пятигорские и Казыева улуса татаровя» (Книга…, 1950. С. 86). Вероятно, озером, соль из которого использовали жители Нижнего Подонья и всего Центрального Предкавказья (ногайцы Малой Ногайской орды и кабардинцы Пятигорья) являлось Можарское соленое озеро, входящее в систему пересыхающих бессточных озер восточной части Кумо-Манычской впадины. Его как место масштабной добычи соли описали П.С. Паллас (Кавказ..., 2010. С. 249) и участник Кумо-Манычской экспедиции К.И. Костенков (Костенков, 1868. С. 73).

Т.М. Минаева поместила условные знаки каменных изваяний в устье р. Айгурка на ее правом берегу. Здесь имеются выходы ракушечника, из которого половцы могли изготавливать изваяния. На наш взгляд, территория проживания половцев должна быть расширена на все северо-восточные склоны Ставропольской возвышенности от долины р. Калаус вплоть до Кумо-Манычской впадины. В ходе раскопок на правом берегу Восточного Маныча был исследован ряд половецких погребений и святилище в кургане 4 курганного могильника «Чограй IX». Оно функционировало в золотоордынское время (Атавин, Андреева, 1998. С. 231–232, 234. Рис. 1).

Южная граница территории, занимаемой данным половецким объединением, нуждается в уточнении в связи с наличием половецких погребений домонгольского и золотоордынского периодов на восточных склонах Ставропольской возвышенности в долинах левых притоков р. Кумы – Мокрой Буйволы и Томузловки. Среди них выделяется погребение 3 из кургана 1 курганного могильника «Буденновск-5» с фрагментом распрямленной бронзовой гривны (Бабенко, 2019. С. 229–231, 239, 240. Рис. 3, 4, *1*).

Давно обсужда ется проблема пребывания половцев в Прикумье. Основанием являются сведения И.-А. Гильденштедта о половецких изваяниях в окрестностях Маджара, нуждающиеся в уточнении.

И.А. Гильденштедт приводит сведения о маршруте из Царицына в Маджар через Ергени, долины Калауса и его правого притока Айгурки и долину Буйволы: «От Кок Айгир (долина Айгурки. – *В.Б.*) 10-й день пути идет на Хан Шокрак, т.е. Ханский колодец, покрытый большим камнем… Вокруг этого колодца стоят многочисленные статуи… На 11-й день достигают заблаговременно к полудню реки Бибала (Мокрая Буйвола. – *В. Б.*) и расположенного у нее большого холма Хантибе, и оттуда вдоль Бибала к вечеру достигают Маджара» (Гильденштедт, 2002. С. 305).

Урочище Хан Шокрак локализуется в окрестностях с. Спасское Благодарненского городского округа. Западнее с. Спасское А.И. Твалчрелидхе отмечал балку Колодезную, а в 8 верстах северо-восточнее села – т. н. «Пробитый» колодец (Твалчрелидзе, 1991. С. 452), что свидетельствует о наличии здесь источников пресной воды, дефицитной в междуречье Кумы и Восточного Маныча. А.П. Семилуцкий приводит сведения о наличии у «Пробитого колодца» каменной плиты с надписью на «непонятном языке» (Семилуцкий, 1897. С. 249). Местность Хантибе можно локализовать к юго-востоку от с. Спасское, в долине р. Мокрая Буйвола.

Сведения И.А. Гильденштедта о каменных изваяниях у колодца Хан Шокрак необходимо соотнести с его сведениями о каменных изваяниях «на северной стороне Бибала, на 40 верст западнее, или выше Маджара», которые он упомянул, описывая каменное изваяние в долине р. Ташла (Гильденштедт, 2002. С. 298). К сожалению, из текста И.А. Гильденштедта непонятно, о скольких святилищах идет речь. Учитывая, что он сравнивает изваяние в долине р. Ташлы (Гильденштедт, 2002. С. 298), с изваяниями на северной стороне Бибала (Гильденштедт, 2002. С. 298), а изваяния у колодцев Хан Шокрак с изваянием в долине р. Ташла как сопоставимые (Гильденштедт, 2002. С. 305), можно предположить, что он упоминает два последних объекта как один объект с разными географическими привязками. Локализация «на северной стороне Бибала» подразумевает расположение объекта не только на северном берегу р. Мокрая Буйвола, но и на некотором удалении от нее.

Сведения И.А. Гильденштедта подтверждаются и уточняются данными карты И.Ф. Трускотта «Карта представляющая Кубань сочинял И. Трескот» (Карта…, 1783). На ней в междуречье рек Айгурка и Мокрая Буйвола показаны колодцы Кок Айгир и колодцы Хан шокрак.

Предложенное уточнение локализации упомянутого И.А. Гильденштедтом половецкого святилища не изменяет представление о территории обозначенного половецкого объединения. Несомненно, что оно контролировало долину р. Мокрая Буйвола. В золотоордынский период половцы частично сохранили свои кочевья, о чем свидетельствуют святилища Хан Шокрак и Чограй IX. На территории городского кладбища и кочевнического могильника Маджара в начале XX в. были раскопаны кочевнические погребения (Бабенко, 2024. С. 263).

Литература

Атавин А.Г., Андреева М.В. 1998. Половецкое святилище из Ставрополья // Материалы и исследования по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. М.

Бабенко В.А. 2019. Средневековые погребения из кургана 1 курганного могильника Будённовск-5 в Ставропольском крае // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 17. Саратов.

Бабенко В.А. 2024. Кочевники в Маджаре и в его округе // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. М.

Гильденштедт И.А. 2002. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.

Записки Одесского общества истории и древностей. Вып. 8. 1872. Одесса.

Карта, представляющая Кубань, 1783 / сочинял И. Трескот; вырезывал Е. Худяков. 1:168 000. СПб.

Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. 2010. Вып. III. Нальчик.

«Книга Большому чертежу». 1950. М.-Л.

Костенков К.И. 1868. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи // Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.

Минаева Т.М. 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 11. Ставрополь.

Семилуцкий А.П. 1897. Село Покойное Ставропольской губернии, Новогригорьевского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 23. Тифлис.

Твалчрелидзе А.И. 1991. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Репринт из дания 1897 г. Ставрополь.

АРХИТЕКТУРА ГРУЗИНСКИХ ЦЕРКВЕЙ ВЕРХОВИЙ АРДОНА В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Белецкий Д.В.
Независимый исследователь, г. Москва

На территории исторической области Двалети (Туалгом) известно более десятка средневековых храмов, принадлежащих к грузинской школе «высокой» архитектуры. Большинство этих сооружений утрачено в древности, сохранившись лишь в виде вторично использованных блоков травертина-«ширими». До нас дошли, в руинированном состоянии, лишь два таких памятника. Это датируемые началом XI века Зругский (Хозиты-Майрам) и Тлийский храмы (Долидзе, 1954. С. 119–126; Долидзе, 1958. С. 767–774). В 2019 году стартовали реставрационные работы на указанных объектах (мастерская «Скифос»), в рамках которых проведены дополнительные архитектурные обследования. Они позволили выявить ряд значимых артефактов, имеющих принципиальное значение для реконструкции изначального облика памятников.

Ключевым открытием стало обнаружение среди блоков от разрушенных стен Зругского и Тлийского храмов каменных кронштейнов, изначально располагавшихся на фасадах на уровне нижнего обреза карнизов (рис. 1, *1*). Эти кронштейны являются прямым свидетельством применения здесь безгвоздевой кровельной конструкции на деревянных слегах. Прежде церкви с аналогичными подкарнизными каменными кронштейнами и, соответственно, с деревянными безгвоздевыми кровлями были известны исключительно в бассейне реки Риони, в регионах Рача и Имерети. Там зафиксировано не менее десяти подобных памятников (напр., Земо Крихи, Квирикецминда, Земо Бари, Тузи, Зенобани), датируемых X–XI веками (Цинцадзе, 1964. С. 62–63). (рис. 1, *2*)

Существует обоснованное научное мнение, что деревянное покрытие церквей было непрерывной региональной особенностью Рачи (Туманишвили, Нацвлишвили, Хоштария, 2012. С. 200). В других регионах Грузии подобное конструктивное решение встречалось значительно реже. Это коррелирует с лесистостью Западной Грузии (в отличие от засушливой Восточной) и развитыми здесь традициями деревянного строительства. Следы деревянных кровель в Зруге и Тли являются свидетельством того, что строительный лес был и в Двалети. Это находит подтверждение в предании о заселении Мамисона осетинами, согласно которому в позднее средневековье территория Туалгома была покрыта лесом.

Важная находка – следы внутристенных камер, находившихся в угловых утолщениях алтарной части Зругского храма на уровне конхи. Пол этих камер был расположен несколько выше ее основания. Сохранились лишь незначительные фрагменты их внутренних стен, что не позволяет с уверенностью определить точную конструкцию и конфигурацию этих помещений. (рис. 1, *5*)

В отличие от четырех других внутристенных камер Зруга, имеющих дверные проемы в апсиду, камеры третьего яруса не имели выхода внутрь храма. Следов каких-либо проемов или шахт, через которые в них можно было попасть, не обнаружено. Неясно также, имели ли они окна. Эти камеры могли быть нефункциональными полостями, устроенными для экономии строительного материала и облегчения массива кладки – подобная практика известна в грузинском и армянском зодчестве. Однако гладкая обработка плит на сохранившихся участках стен камер наводит на мысль о возможном использовании последних в качестве тайников.



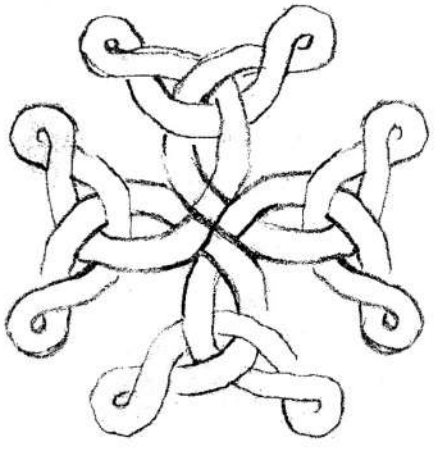
1



2



3



4



5

Рис. 1. 1 – Тлийский храм. Подкарнизный кронштейн. Фото 2022 г., 2 – церковь в с. Тузи. Рача-Лечхуми. XI в., 3 – Тлийский храм. Фрагмент тимпана. Фото 2022 г., 4 – Тлийский храм. Изображение креста на тимпане. Эскизная реконструкция, 5 – Зругский храм. Фотография 1934 г. (СОИГСИ. Научная библиотека. 902 6к. Х89). Стрелками показано расположение надсводных камер

Помещения, расположенные над алтарной конхой, известны еще в двух северокавказских памятниках грузинской архитектуры, сохранивших верхние части: в храмах Тхаба-Ерды и Датуна. В Тхаба-Ерды доступ в надсводную камеру осуществлялся из апсиды по вертикальной шахте. Неизвестно, было ли у этого надалтарного пространства внешнее освещение – следов окон не прослеживается. В Датуна механизм подъема в надсводную камеру неясен, но само помещение освещается специально устроенными проемами в восточном щипце.

Возможность проникновения в такие помещения и их освещение свидетельствуют об их функциональности, иначе они были бы полностью изолированы. Можно осторожно предположить, что в надсводные камеры Зруга и Датуна проникали через кровлю, сдвигая доски или плиты покрытия, но этот вопрос остается открытым.

Отмечу, что в архитектуре Грузии и Армении подобные внутристенные и надсводные полости и камеры, вероятно использовавшиеся как тайники, встречаются довольно часто. Тем не менее, обобщающей работы, посвященной этому интересному явлению, по сей день не существует.

Не менее важной находкой в Тлийском храме стал фрагмент блока с резным изображением равностороннего креста[1] (рис. 1, *3, 4*). Наиболее вероятно, что это часть тимпана входного портала (Долидзе, 1958. С. 771. Рис. 4). Крест, выполненный в виде переплетающихся жгутов, вписан в круглый медальон. В архитектуре Южного Кавказа можно найти множество параллелей этому изображению, но на территории северокавказского региона это первая подобная находка.

Еще до начала реставрационных работ в Тли были обнаружены фрагменты оконных наличников. Они, как и частично сохранившийся in situ портал, состояли из нескольких параллельных валиков и аналогичны известному по фотографиям западному наличнику Зруга (см. напр.: Белецкий, 2013. Рис. 2). Фрагменты сходных по форме обрамлений проемов выявлены среди остатков храмов селений Кесатикау и Тиб. Судя по всему, последние два памятника также следует датировать началом XI века.

Очевидное сходство в декоре упомянутых построек может объясняться условиями заказа (в т.ч. общие образец и традиция). Но это не является свидетельством работы одной артели – в первых двух примерах, отличающихся лучшей сохранностью, прослеживаются различия в технологическом подходе (например, в обработке плит внешнего панциря).

Таким образом, обладающие общими чертами древние церкви Зруга и Тли (а также, возможно, Кесатикау и Тиба), тяготеют к кругу памятников Западной Грузии. Это дополнительно подтверждает, что Двалети/Туалгом, и особенно стратегически важное Мамисонское/Жгельское ущелье (где известно о существовании как минимум пяти ранних храмов, включая Тлийский и Тибский), является регионом, тесно связанным с верховьями Риони как в культурном, так и в этническом плане. Жители селения Глола в Горной Раче считаются выходцами из Двалети и потомками картвелоязычных двалов (см. напр.: Автандилашвили, 2012. С. 374–376, 379 и далее). По преданию, из окрестностей этого селения переместился в Цей знаменитый Реком (см. напр.: Рехвиашвили, 1999. С. 10). На территории Рачи и Двалети пересекалось несколько важных перевальных путей, и именно в таких регионах возводились высококачественные постройки, требующие значительных вложений. По количеству древних христианских церквей область Двалети/Туалгом сопоставима со многими высокогорными районами Большого Кавказа (Хеви, Горная Рача, Сванети и т.п.), что является следствием их схожей истории[2].

Литература

Автандилашвили Г. 2012. Взгляд на Двалети из Горной Рачи: о происхождении двалов и их языке // Труды Института истории Грузии Тбилисского государственного университета им. Иване Джавахишвили. VI. Тбилиси. (на грузинском яз.)

[1] Передан в фонды Национального музея Республики Северная Осетия-Алания.

[2] См. также доклад Д.В. Белецкого «Темплон Зругского храма» в этом же сборнике.

Белецкий Д.В. 2013. Новые данные о Зругском храме // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе. Материалы V Международных Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь.

Долидзе В.О. 1958. Архитектурный памятник Тли – новый документ культурных взаимоотношений Грузии с Двалетией // Сообщения АН ГССР. Т. XXI, № 6. Тбилиси.

Долидзе В.О. 1954. Хозита-Майрам – документ культурных связей Грузии с народами Сев. Кавказа // Сообщения АН ГССР. Т. 15. № 2. Тбилиси.

Рехвиашвили С. 1999. Братство горных рачинцев и горцев Двалети // РАЭО. №7 (55). Тбилиси (на грузинском яз.).

Цинцадзе В. 1964. Памятник архитектуры Земо-Крихи // Ars Georgika. № 6. Тбилиси. (на грузинском яз.).

Туманишвили Д., Нацвлишвили Н., Хоштария Д. 2012. Мастера-строители в средневековой Грузии. Тбилиси. (на грузинском яз.).

Цинцадзе В. 1964. Памятник архитектуры Земо-Крихи // Ars Georgika. № 6. Тбилиси. (на грузинском яз.)

ТЕМПЛОН ЗРУГСКОГО ХРАМА И ЕГО ПАРАЛЛЕЛИ В КАМЕННОЙ ПЛАСТИКЕ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА РИОНИ

Белецкий Д.В.
Независимый исследователь, г. Москва

Зругский храм (Хозиты-Майрам) – известный памятник грузинского зодчества начала XI века, находящийся в верховьях реки Ардон на территории исторического общества Двалети/Туалгом. Архитектура храма находит параллели среди построек, расположенных в бассейне реки Риони (Имерети и Рача-Лечхуми), с которым Двалети связана перевалом[1].

В 1973 году в рамках проекта реставрации Зругского храма археолог Е.Л. Хворостова проводила археологические обследования памятника (Хворостова, 1990). В ходе работ в интерьере были обнаружены значительные фрагменты гипсового, покрытого высококачественной резьбой темплона (алтарной преграды). В публикации, посвященной результатам раскопок Зруга, Хворостова дала графическую реконструкцию преграды и предложила относить ее ко второй половине XII – началу XIII века, то есть к более позднему времени, чем постройка самого храма. Одним из аргументов для датировки стало то, что темплон примыкал к штукатурке с росписью, которую искусствовед А. Вольская отнесла ко второй половине XII века (Вольская, 1954. С. 397–398).

В настоящее время фрагменты зругской преграды хранятся в фондах Национального музея Республики Северная Осетия. В 2022 году автор доклада имел возможность провести их натурное обследование и частичные обмеры. Это, а также привлечение нового архитектурно-археологического материала, открытого лишь в последние десятилетия, позволило уточнить изначальные формы темплона, скорректировать дату его создания, а также связать преграду с памятниками соседнего с Двалети региона Грузии.

Общая композиция зругского темплона и декоративное оформление его отдельных частей в целом типичны для грузинских алтарных преград, созданных в промежутке с XI до XIII веков. В преграде имелся только один проход; по сторонам от него располагались четыре орнаментированные плиты (из которых сохранились две), между ними и по торцам были помещены подквадратные в сечении столбики. Выше были установлены цилиндрические, на кубических основаниях, колонки, служившие опорой для арочного антаблемента. От последнего дошло до нас несколько фрагментированных блоков, не учтенных в прежней реконструкции (Белецкий, 2013. С. 8). Судя по ступенчатой форме их верхней части, на антаблементе могли располагаться дополнительный фриз и архитравная балка, как это видим, например, в преградах в Спети и Патара Они (Шмерлинг, 1962. С. 61, 64). Однако материалов для полной реконструкции темплона Хозиты-Майрам пока недостаточно.

Нижняя и средняя части зругской преграды – плиты, столбики и колонки – сплошь покрыты тонкой высококачественной резьбой (рис. 1, *1*, *3*, *5*). Подавляющее большинство параллелей орнаментированным деталям зругского темплона находится среди памятников XI века региона Рача-Лечхуми. Так, например, изображение четырехстороннего «процветшего креста» со стилизованными листочками, украшавшее одну из плит Зруга, в разных

[1] См. доклад Д.В. Белецкого «Архитектура грузинских церквей верховий Ардона в свете новейших исследований» в этом же сборнике.



Рис. 1. Столбики: 1. Зруг. 2. Гунда; Колонки: 3. Зруг. 4. Земо Бари.
Плиты: 5. Зруг. 6. Гунда; 7. Тимпан с изображением креста из церкви с. Бари.
Фонды Краеведческого музея муниципалитета Они. Грузия

вариантах известно в Рача-Лечхуми на фасадах церквей (Бари, Патара Они, Мравалдзари) и на алебастровых преградах (Боква, Гунда, Схиэри) (рис. 1, *6*, *7*). Все эти памятники датированны XI веком (см. напр: Лапидарные надписи, 1980. С. 67–69. Рис. 43, 46; Давитая, Рехвиашвили, 2022. С. 11–12. Рис. 2–4). А само исполнение некоторых стилизованных листочков на зругской плите явно родственно орнаментальному мотиву «клиновидных листьев», который в грузинской архитектуре появляется в середине X века и существует порядка ста лет, до середины XI столетия (Хоштариа, 2010. С. 39–50).

Чрезвычайную близость деталям зругской преграды представляют не публиковавшиеся ранее фрагменты цилиндрической колонки из Земо Бари и столбика из Гунда, хранящиеся в фондах Краеведческого музея муниципалитета Они, также датирующиеся XI века[2] (рис. 1, *2*, *4*). Сходство в техническом и художественном исполнении указанных фрагментов с деталями зругского темплона позволяет предполагать работу одной бригады резчиков по камню и гипсу и в верховьях Риони, и в Двалети. Соответственно, время создания зругской преграды можно отнести не к XII–XIII вв, а ко времени постройки самого храма, то есть к первым десятилетиям XI столетия.

Однако архитрав преграды, от которого сохранились фрагменты фестончатых арок с умбонами, производит впечатление несколько иного стилистического подхода: он лишен орнаментальной резьбы, а на его гладкой лицевой поверхности сохранились следы сплошной плотной раскраски (читаются два цвета: красная охра и «рефть»). Использование цвета в декорации резных преград известен (напр. Гони, Ицихе, Земо Бари), но характер его применения отличается: в указанных примерах детали декора окрашены скупо и выборочно, без сплошной заливки. Приплющенная и несколько вялая форма арок зругского архитрава свидетельствует, на мой взгляд, об отходе от классической традиции и находит аналогии среди памятников предмонгольского времени. Параллель дают, например, фрагменты арок темплона из Мериа (Шида Картли), датированные Р.О. Шмерлинг XIII веком (Шмерлинг, 1962. Рис. 68). Можно предположить, что верхняя часть преграды Зругского храма переделывалась позднее. Во всяком случае, пазы от горизонтального бруса, армировавшего архитрав, проходят сквозь штукатурку с росписью XII века, нарушая изображения фигур святителей. Впрочем, в связи с недостаточным количеством фактического материала вопрос о поздней реконструкции преграды остается открытым. Если же он найдет подтверждение, предстоит определить, когда точно реконструкция была совершена.

Алтарные преграды домонгольского времени в Грузии сохранились в основном каменные. Гипсовые примеры встречаются редко, причем подавляющее их большинство известно именно в Верхней Имерети и в Раче-Лечхуми. Несомненно, это связано с многочисленными месторождениями гипса в бассейне Риони и, в частности, в Раче-Лечхуми (Минеральные ресурсы..., 1933. С. 94–97; Сухарев, 1979. С. 97). Указанные в докладе параллели с резьбой зругской алтарной преграды еще раз указывают на культурную связь Двалети с Верхней Имерети, Рачей и вообще с бассейном Риони.

Литература

Белецкий Д.В. 2013. Новые данные о Зругском храме // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе. Материалы V Международных Свято-Игнатиевских чтений. г. Ставрополь. 14 мая 2013. Ставрополь.

Вольская А.И. 1954. Фрагменты фресковой живописи грузинского храма «Хозита Майрам» в Северной Осетии // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Т. XV. № 6. Тбилиси.

[2] Приношу искреннюю благодарность А. Рехвиашвили, указавшему на эти артефакты и давшему ценные консультации.

Давитая М., Рехвиашвили А. 2022. Фрагменты алтарных преград из Рачи, обнаруженные в последние десятилетия // Искусство и гуманитарные науки – Arts and Humanities. № 4 (526). Тбилиси (на грузинском яз.).

Минеральные ресурсы ССР Грузии. 1933. Тифлис.

Лапидарные надписи. Корпус грузинских надписей. 1980 // Надписи Западной Грузии (IX–XIII вв.). Т. II. Ч. 1 Тбилиси. (на грузинском яз.).

Сухарев Г.М., Тарануха Ю.К. 1979. Полезные ископаемые Кавказа. М.

Хворостова Е.Л. 1990. Археологические исследования Зругского храма в Северной Осетии // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. III. М.

Хоштариа Д. 2010. Орнамент клиновидных листьев в грузинской архитектуре // Academia. № 1. Тбилиси. (на грузинском яз.).

Шмерлинг Р.О. 1962. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси.

ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ ПОЯСНОГО НАБОРА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 134 МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3

Белькевич Е.В.
Государственный Исторический Музей, г. Москва

В погребении 134 могильника Заюково-3[1] на погребенном мужчине в районе меча были найдены накладки, ременные наконечники и пряжки, которые по типам, технике исполнения и декору можно разделить на группы по принадлежности, видимо, к двум поясным ремням и/или подвесам от меча.

Отдельную группу предметов, определенно, принадлежащих к одному поясному набору составляют, кроме литой пряжки, 9 накладок двух типов (одно- и двучастные), и 9 наконечников – один крупный, 6 средних и два малых, выполненных в одной технике и имеющих сходное декоративное оформление. Все они выполнены в технике штамповки (тиснения), состоят из двух слоев металла – основа из медной тонкой пластины и верхний слой – из серебряной золочёной фольги, внутри заполнены мастикой, к кожаному ремню крепились на штырьки.

Все накладки и наконечники поступили в реставрацию в различной степени сохранности – как цельные, так и фрагментированные с утратами. Именно это обстоятельство дало нам возможность измерить толщину металла основы и фольги, проследить все составные части и технические приемы, использованные при их создании. Выбранная методика реставрации предусматривала только механическую расчистку поверхности, что позволило в процессе работы проследить особенности поверхности металла накладок и наконечников. Расчистка производилась до этапа, когда появлялась опасность утраты поверхности с золочением, таким образом сохранились недочищенные участки, которые могут быть дочищены в будущем с появлением более совершенных и безопасных для хрупкого археологического металла методов. Для исследования поверхности и состава металлов и мастики из заполнения, были применены следующие методы: микроскопия в отраженном свете с помощью стереомикроскопа Hund Wiloskop; определение состава элементов в образцах производилась методом рентгенофлуоресцентной (РФА) спектроскопии на приборе ПРФА МетЭксперт (Анализатор рентгенофлуоресцентный портативный)[2]; для определения состава мастики применена ИК-спектроскопия на приборе ИК Фурье-спектрометр ФТ-801 (Simex)[3]. В результате определен состав металла всех составных частей предметов, составлена схема этапов создания накладок и ременных наконечников. Далее приведены полученные результаты на примере одного типа накладки, наиболее многочисленно представленного в данном наборе (6 экземпляров). Накладки U-образной формы, покрытые по краю орнаментом из пояса полусферических выступов, имитирующих крупную зернь, далее к центру из гладкого пояса, рубчатого пояса и U-образного выступа в центре, с четырьмя семечковидными углублениями, составляющими косой крест (рис. 1, *1*) Наиболее близкая аналогия происходит из

[1] См. статью Кадиева А.А., Демиденко С.В., Гончаров С.А. «Предметы с ременной гарнитурой VII в. Из погребения 134 могильника Заюково-3» в данном сборнике.

[2] Исследования проводились в секторе Технико-технологической экспертизы ГИМ.

[3] Определение состава элементов в образцах методом энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии проведены в Научном Центре ИОФ РАН при участии зав. аналитическим центром Л.Д. Исхаковой с использованием сканирующего электронного микроскопа (JSM-5910 LJELOL), в отраженных электронах, в режиме Z-контраста.

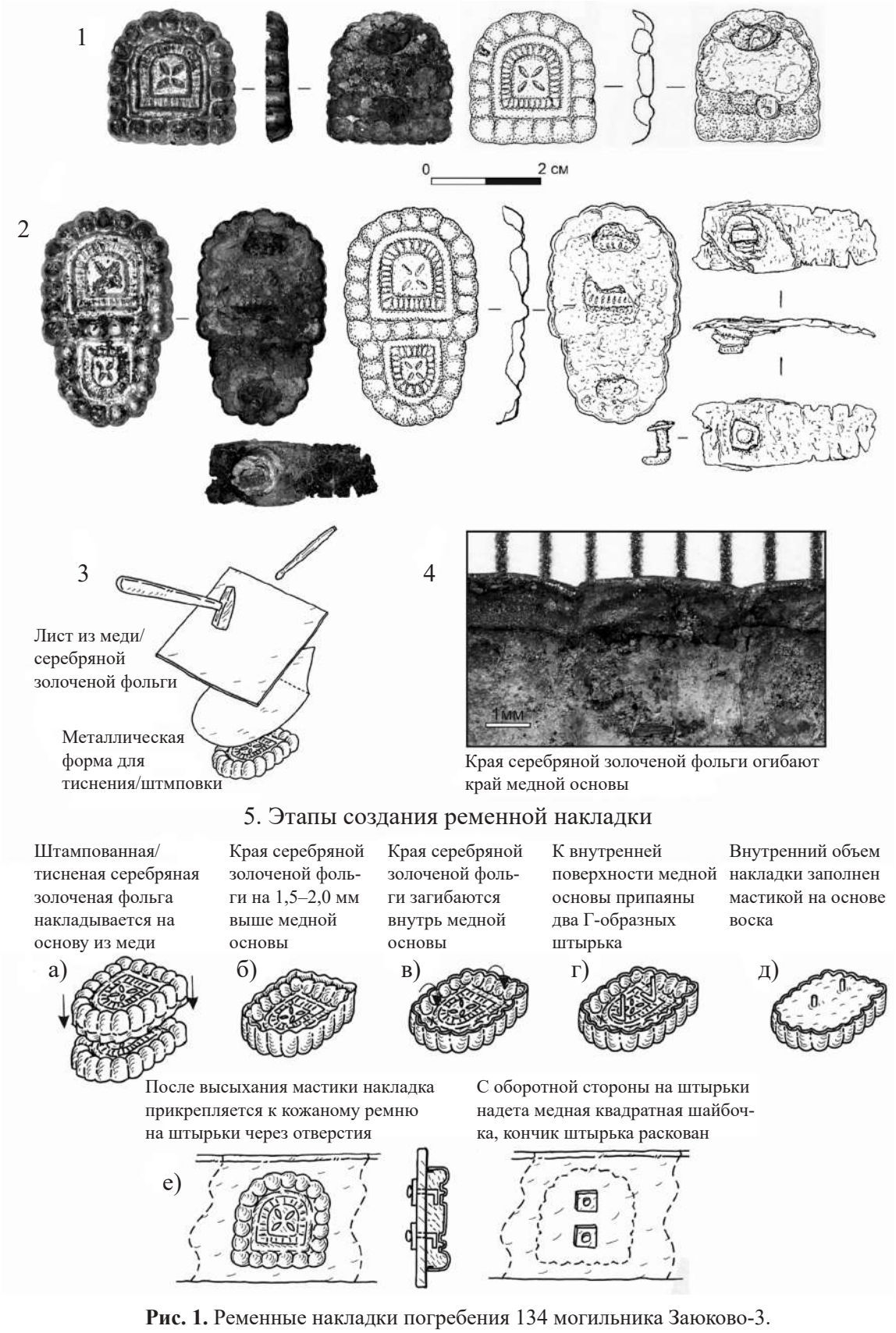


Рис. 1. Ременные накладки погребения 134 могильника Заюково-3.
1 – серебро с золочением, медь, мастика на основе пчелиного воска; 2 – серебро с золочением, медь, мастика на основе пчелиного воска, кожа; 3 – этап штамповки/тиснения элементов накладки; 4 – макросъемка края стенки накладки с внутренней стороны; 5 – этапы создания накладки (Художник Ф.А. Ярин)

коллекции К.И. Ольшевского из Камунты (Уварова, 1900. Таб. CXXIV. С. 14–16). Накладки состоят из двух слоев. Верхний слой – декоративный из серебряной золочёной фольги (толщиной ок. 0,04–0,05 мм). Способ золочения – предположительно методом наложения золотой фольги на серебряную и проковкой при нагреве. Штамповка или тиснение производилось по металлической литой матрице (предположительно из сплава на основе меди – бронзы или латуни) (рис. 1, *3*). Подобные матрицы найдены в памятниках этого времени в захоронениях на территории Восточной и Западной Европы (Racz, 2013. S. 373; Racz, 2014. S. 16. Abb. 10). Перед штамповкой из медного листа и серебряной с золочением фольги вырезалась заготовка, необходимого для будущей накладки размера и формы (Racz, 2014. Taf. 49). Серебряная золочёная фольга с тиснением наложена на повторяющую узор и форму пластину из меди (ок. 0,08–0,1мм) (рис. 1, *5а*). Верхняя пластина по краям загнута внутрь и огибает края медной основы на 1,5–1,8 мм (рис. 1, *4, 5 б, в*). С внутренней стороны на некоторых накладках прослежены остатки (на части накладок углубления в мастике или следы) от медных штырьков-заклепок (рис. 1, *1, 2*). След от штырьков продолговатый, поскольку нижняя часть была согнута и прижата к внутренней стороне медной пластины для увеличения площади соприкосновения при пайке и более прочного крепления внутри заполнения (рис. 1, *2*). Элементный состав проб, взятых с внутренней поверхности медной основы из мест, где сохранился след от пайки, показывает преобладание олова в пробах (Sn 30–60%) и свинца (Pb 23–43%), которые входили в состав припоя, в то время как пробы вдали от этих мест показывают практически полное их отсутствие в металле основы, либо минимальное присутствие (не более 2,2%). Штырьки были припаяны к внутренней стороне основы (рис. 1, *5г*). Внутренний объем накладки был заполнен мастикой так, что кончики штырьков торчали из заполнения (рис. 1, *5д*). По результатам ИК-спектроскопии можно сказать, что в состав заполнения входит пчелиный воск, соединения кальция (возможно, мел и фосфаты из костных останков захоронения), а также различные почвенные соединения и продукты коррозии меди. После высыхания мастики накладки крепились к кожаному ремню через отверстия при помощи штырьков. С обратной стороны ремня на штырек надета квадратная медная шайбочка, кончик раскован (рис. 1, *2*, *5е*).

Таким образом, проведенные в процессе реставрации исследования позволили определить технику создания накладок и наконечников, составить схему этапов их создания, определить все материалы, из которых они состоят. Для уточнения полученных результатов в дальнейшем планируется проведение металлографических исследований, а также дополнительное изучение для выяснения способа золочения фольги и техники штамповки (тиснения). По итогам работы предполагается расширенная публикация с более подробным и детальным представлением данных исследований всех составных частей поясного набора.

Литература

Уварова П.С. 1900. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества // МАК. Вып. 8. М.

Racz Z. 2013. Sind Goldschmiede in den „Goldschmiedegräbern“ der Awarenzeit bestattet? // Macht des Goldes, Gold der Macht: Herrschats- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum. Weinstadt.

Racz Z. 2014. Die Goldschmiedegraber der Avarenzeit. Mainz.

ПОЛИВНАЯ ЧАША С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЖЕНЩИНЫ-ПТИЦЫ ИЗ РАСКОПОК НА ГОРОДИЩЕ САМОСДЕЛКА

Болдырева Е.М.
Государственный исторический музей, г. Москва

Городище Самосделка – известный многослойный памятник археологии в дельте Волги. Работы здесь ведутся непрерывно с 2000 г. За время исследований было вскрыто более 1000 кв. м площади памятника и зафиксированы хронологические горизонты хазарского, домонгольского и раннего золотоордынского времени. Были выявлены и исследованы различные типы объектов: жилые и нежилые хозяйственные сооружения, ямы, уличные и внутридомовые тандыры, очаги, колодцы, городские площади и улицы и др.

Работы 2017 г. пришлись на средний уровень в стратиграфии памятника. Были обнаружены такие объекты как юртообразное жилище с пахсовыми стенами и кирпичным цоколем, прямоугольные жилые сооружения с суфой и тандырами, а также два смежных сооружения с общим внутренним двориком. По общей стратиграфии памятника и локальному археологическому контексту сооружение с внутренним двориком датируется XI–XII вв. Часть находок оттуда была опубликована ранее (Болдырева, Белькевич, 2023. С. 95–99).

В одном из помещений этого сооружения были обнаружены фрагменты поливной красноглиняной чаши с росписью в технике сграффито по белому ангобу под зеленой поливой, изображающей сидящую птицу с женской головой (рис. 1). Фрагменты этой чаши собирались несколько лет и были разбросаны в радиусе 10 м, но основная ее часть была найдена в границах постройки. Чаша была склеена, а небольшой недостающий фрагмент догипсован и затонирован. Морфологически сосуд представляет собой широко распространенную на городище форму чаш на поддоне с вырезанной полостью и резким вертикальным перегибом-бортиком в верхней части тулова. Край венчика утончен, закруглен и слегка отогнут наружу. H чаши – 11,5 см, d дна – 12 см, d венчика – 31 см. Прозрачная травянисто-зеленого оттенка глазурь нанесена на тонкий слой белого ангоба по внутренней поверхности чаши и снаружи до перегиба стенки сосуда.

На лицевой стороне сосуда выгравирована птица с женской головой. Видны когтистые лапы, хвост, левое крыло и дополнительное оперение, возможно символизирующее распущенный хвост или второе крыло. На тонкой шее широкое круглое лицо подчеркнуто монголоидного облика с изогнутыми бровями, тонким прямым носом, небольшим ртом и точками в центре щек. Лицо обрамляют уложенные волосы и высокий головной убор. Вся композиция вокруг головы заключена в овальный контур, который может передавать нимб.

Иконография данного сюжета в географическом и хронологическом диапазоне довольно обширна. В исламском искусстве ирано-среднеазиатского региона изображения подобных существ встречаются как на керамике, так и на предметах торевтики. Серебряное блюдо X века с изображением мифологического существа с телом и птицы и человека (сирена) происходит из д. Большая Аникова в Приуралье. Б.И. Маршак локаловал ее происхождение из области Мавераннахра (Маршак, 2017. С. 131–133. Рис. 115–115). Аналогичной хронологической и географической интерпретации придерживался В.П. Даркевич (Даркевич, 1976. С. 29–30. Табл. 29). Также с территории Приобья происходит серебряный кувшинчик второй пол. XII–XIII вв. иранского происхождения со сценами охоты. В одном из орнаментальных



Рис. 1. Городище Самосделка. Сооруж. № 55. Чаша. Глина, полива

медальонов здесь присутствует изображение сказочной птицы с головой человека (Даркевич, 1976. С. 47–48. Табл. 37, *9*).

Наиболее ранние глазурованные сосуды с изображением человекоподобных существ с крыльями известны среди материалов X – нач. XI в. на городище Канка (Ташкентская область) (Ильясов и др., 2016. Кат. № 457). В целом более широко подобные сюжеты распространены на иранской глазурованной и неглазурованной керамике XII–XIII вв. (Ильясов, Имамбердыев, 2013. С. 13. Рис. 1). Среди поливной керамики сирийского происхождения второй пол. XII в., изготовленной в технике лакаби, также известны подобные образы – сосуды выставлены экспозиции музея Виктории и Альберта в Лондоне. С территории Кавказа

опубликованы две чаши из раскопок в Восточной Грузии, где они датируются XI–XII вв. (Мицишвили, 1969. С. 82. Табл. XVIII–XIX).

Аналогичные рассматриваемой чаше по составу теста, морфологии и ряду других косвенных признаков сосуды, но с другим орнаментом происходят из историко-географической области Ширван. Большое количество подобных сосудов было обнаружено при раскопках в Дербенте. Поэтому, вероятнее всего, данная чаша являлась импортом, привезенным с территории Закавказья или Северо-Восточного Кавказа в XI–XII вв.

Литература

Болдырева Е.М., Белькевич Е.В. 2023. Шкатулка с железной окантовкой из раскопок на городище Самосделка в Астраханской области // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции. Астрахань.

Даркевич В.П. 1976. Художественный металл Востока VII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.

Ильясов Д., Имамбердыев Р. 2013. Мифологические образы на глазурованной керамике Шаша // San'at. Журнал Академии художеств Узбекистана. № 4 (61). Ташкент.

Маршак Б.И. 2017. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПБ.

Мицишвили М.Н. 1969. Поливная керамика в древней Грузии (IX–XIII вв.). (на груз. яз.). Тбилиси.

Ильясов С.Р., Ильясов Дж.Я., Имамбердыев Р.А., Исхакова Е.А. 2016. «Нет блага в богатстве…». Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX–XII веков. М.

НУЗАЛЬСКАЯ ЧАСОВНЯ В ПЕРЕПИСКЕ Е.Г. ПЧЕЛИНОЙ С К.А. БЕРЛАДИНОЙ И Д.П. ГОРДЕЕВЫМ (1946–1966 гг.)

Бондарь Л.Д.
Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

Трех кавказоведов: археолога Евгению Георгиевну Пчелину (1895–1972 гг.), искусствоведа и этнографа Ксению Акимовну Берладину (1894–1960 гг.), искусствоведа и художника Дмитрия Петровича Гордеева (1889–1968 гг.), – связывали не только профессиональные интересы, но и настоящая дружба.

Знакомство Е.Г. Пчелиной с Д.П. Гордеевым и К.А. Берладиной состоялось в 1920-е гг. во время ее проживания Тбилиси (Цуциев, Бондарь, 2025. С. 89). К. А. Берладина же была знакома с Д.П. Гордеевым по совместной работе в Харьковском университете на кафедре истории европейской культуры; позже они оказались связаны общей судьбой как репрессированные (Бондарь, Цуциев, 2023а. С. 62), и оба поселились в итоге на Кавказе: Д.П. Гордеев – в Тбилиси, К.А. Берладина – в Орджоникидзе. Многими годами позже квартирная хозяйка К.А. Берладиной в Орджоникидзе говорила ей о Е.Г. Пчелиной и Д.П. Гордееве как о друзьях, «каких у других нет» (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 138. Л. 15).

Дружба ученых окрепла в 1950-е гг., когда К.А. Берладина с большими трудностями защищала в Тбилиси кандидатскую диссертацию (Бондарь, Цуциев, 2025), а стартом их научного общения стала встреча в 1946 г. в Нузале, где Е.Г. Пчелина руководила археологическими работами, а К.А. Берладина занималась изучением фресок памятника.

После возвращения Е.Г. Пчелиной в Ленинград между исследовательницами завязалась переписка: сохранилось около восьми десятков писем К.А. Берладиной к Е.Г. Пчелиной в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) за 1946–1960 гг. (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 99) и четыре ответных письма: два отпуска в СПбФ АРАН и два письма в Научном архиве Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 176).

Дискуссия по вопросам Нузальской часовни красной нитью проходит через их переписку 1950-х гг. Большое влияние на интерпретации К.А. Берладиной оказывал Д.П. Гордеев. Его мнение мы узнаем опосредованно, через письма К.А. Берладиной, которая общалась с ним как лично, во время своих поездок в Тбилиси, так и через переписку: как писал Д.П. Гордеев Е.Г. Пчелиной в 1965 г., в его архиве имеются письма К.А. Берладиной «о Нузальском памятнике» (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 115. Л. 69). Письма Д.П. Гордеева к Е.Г. Пчелиной хранятся в СПбФ АРАН (65 писем за 1958–1966 гг.: СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 115), однако они более позднего времени, и аргументы Д.П. Гордеева «от первого лица» для 1950-х гг. в материалах СПбФ АРАН не обнаруживаются. Большой блок писем Е.Г. Пчелиной к Д.П. Гордееву (1949–1968 гг.), а также его переписка с К.А. Берладиной (1925–1960 гг.) хранится в Киеве, в фонде Д.П. Гордеева в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины (ЦГАМЛИ. Ф. 208. Оп. 2. Д. 170) и сегодня трудно доступна (Цуциев, Бондарь, 2025).

Основная дискуссия этих трех исследователей сводилась к следующему: Е.Г. Пчелина полагала, что Нузальская часовня является местом захоронения Давида Сослана, в то время как Д.П. Гордеев и вслед за ним К.А. Берладина это отрицали, опираясь на анализ ктиторских портретов, идентифицированных на северной стене часовни. Второй вопрос, который пыталась решить К.А. Берладина, – какой художественной традиции следовал художник Нузала, грузинской или греко-византийской.

Уже в 1950 г. К.А. Берладина «загорелась» идеей издания сборника, посвященного Нузальской часовне, и подключила в Орджоникидзе коллег к продвижению этого вопроса, а сама активно разрабатывала структуру книги и формировала круг авторов. К участию в сборнике предполагалось привлечь, помимо Е.Г. Пчелиной, Б.В. Скитского и Т.Б. Мамукаева. К 1960 г. материал был в основном собран, а его издание планировалось в Ленинграде, так что курирование этого вопроса взяла на себя Е.Г. Пчелина. Однако 17 июля 1960 г. ушла из жизни К.А. Берладина, и работа встала (Бондарь, Цуциев, 2023б).

Вместе с тем, письма Д.П. Гордеева к Е.Г. Пчелиной свидетельствуют о том, что идея сборника Е.Г. Пчелиной не была оставлена. В СПбФ АРАН хранится документ «Часы и дни работы над “Сборником” Д[авид] Сослан и Нузальская часовня» (21 сентября – 9 декабря 1964 г.) (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 847). Именно в 1964 г. в письмах Д.П. Гордеева появляется это тема. В письме от 3 ноября 1964 г. (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Л. 53) читаем: «Буду рад ознакомиться со «Сборником» и высказать о нем свое мнение». Ученый был готов присоединиться к работе, однако из-за затянувшейся болезни не мог включиться в полную силу («Простите, но Вам и Мамукову [Мамукаеву] придется подождать...»: Там же. Л. 54). Работа Д.П. Гордеева осложнялась тем, что, по его признанию, сам он никогда не видел росписи лично – только по зарисовкам и фото, которые ему присылала К.А. Берладина, а потому одной из стоявших перед ним задач было знакомство с копиями, которые снимали тбилисская художница Т.С. Щербатова-Шевякова и ее сестра М.С. Шейблер (Щербатова) (Бондарь, Цуциев, 2023б).

Тогда родилась идея привлечь к работе над сборником Т.С. Шевякову (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 115. Л. 62, 69), а в марте 1965 г. оправившемуся от болезни Д.П. Гордееву удалось обсудить с ней этот вопрос. Стало известно, что копии были раскуплены различными учреждениями. Одна из них, сделанная М.С. Шейблер, хранится в Национальном музее РСО-Алания (Бондарь, Цуциев, 2023б. С. 74. Рис. 1). Т.С. Шевякова проявила интерес к сборнику и выразила готовность лично списаться по этому вопросу с Е.Г. Пчелиной (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 115. Л. 71–71 об), однако материалов по этому поводу в СПбФ АРАН не обнаружено.

Теперь уже Е.Г. Пчелина «горела» сборником (из письма Д.П. Гордеева 1965 г.: «восхищен неистощимой энергией Вашей» (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 115. Л. 77), была увлечена мыслью о написании исследования о великой царице Тамаре. Д.П. Гордеев ее идеи (хотя и не все) поддерживал, но по состоянию здоровья и возрасту активно включиться в работу не мог, оказывая, между тем, консультационную и посредническую помощь. Он готов был доработать материал К.А. Берладиной, изложить свое мнение о фресках; особо ратовал за качественное издание в сборнике иллюстраций.

Все же и на этот раз работа над сборником не завершилась. Последнее письмо Д.П. Гордеева в бумагах Е.Г. Пчелиной датировано 6 мая 1966 г. (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 115. Л. 85), а в 1968 г. и этот единомышленник Е.Г. Пчелиной ушел из жизни. Сборник так и не увидел свет, но обширные материалы по его подготовке, сформированные в несколько десятков архивных дел (в том числе совместное исследование Д.П. Гордеева и К.А. Берладиной «Об отличиях росписи Нузальской часовни от грузинской традиции»), хранятся в СПбФ АРАН (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 822–831, 853–903) и ждут своего часа.

Литература

Бондарь Л.Д., Цуциев А.А. 2023а. «Пока живы, надо жить с радостью...»: Евгения Георгиевна Пчелина и Ксения Акимовна Берладина // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 4. СПб.

Бондарь Л.Д., Цуциев А.А. 2023б. Дискуссия о нузальской часовне в переписке К.А. Берладиной с Е.Г. Пчелиной // Kavkaz-Forum. Вып. 16 (23).

Цуциев А.А., Бондарь Л.Д. 2025. Е.Г. Пчелина, К.А. Берладина, Д.П. Гордеев: из переписки // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 5. СПб.

«СКЛАД» ТАРНЫХ СОСУДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ПОСЕЛЕНИЯ «МАРХОТСКИЙ ХРЕБЕТ 2» (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Василиненко Д.Э.[1], Крюков Д.С.[2]

[1]НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар
[2]ООО «Кубаньохранкультура», г. Краснодар

В 2016–2017 гг. на территории г.-кур. Геленджик отрядом ООО «Кубаньохранкультура» под руководством Д.С. Крюкова был исследован участок поселения «Мархотский хребет 2».

На исследованной площади обнаружено 57 полностью или частично сохранившихся тарных сосудов, загубленных в грунт и 33 круглых в плане ямы, предназначенных для установки сосудов. 42 тарных сосуда были компактно сгруппированы. По своим морфологическим особенностям тарные сосуды были объединены в несколько условных групп.

Группа 1. Крупные сосуды с массивным трапециевидными в сечении венчиками небольшого выноса, сферическими туловами и профилированными цилиндрическими ножками (рис. 1, *1, 2*). Горла и плечики части пифосов украшены валиками с круглыми вдавлениями. Отмечены нижние части, декорированные валиками-обручами.

Морфологически схожие пифосы выделены И.Б. Тесленко в группы II (Тесленко, 2015. С. 135, 136. Рис. 9, *2*, 2) и III, тип 1 (Тесленко, 2015. С. 136–138. Рис. 9, *3, 4*, 11, 15, *3, 4*, 16, *3*). Появление их отнесено к XII–XIII вв., время их бытования – до последней четверти XV в. (Тесленко, 2017. С. 146, 154). Е.А. Армарчук схожие пифосы были отнесены к типу 1. Аналогии указаны в слоях второй пол. XI – начала XII в. и XIII–XIV вв. Таманского городища (Армарчук, 2017. С. 12, 14, 15. Рис. 1, *1–3, 5, 6*, 4, *1*). Верхняя хронологическая граница этих пифосов подтверждена нахождением их в комплексах Херсона последней четверти XIII в. и в составе груза корабля последней трети XIII в. из бухты Судак-Лимен (Тесленко, 2017. С. 145, 146).

По мнению авторов, нижняя хронологическая граница пифосов группы II нуждается в уточнении, о чем свидетельствует нахождение подобных в «складе» поселения «Мархотский хребет 2» совместно нижними частями пифосов, декорированными валиками-обручами. Нижняя часть декорированного подобным образом пифоса найдена в «складе» на территории поселения Варваровка 3 близь г. Анапы. Он был датирован IX–X вв., возможно – XI в. (Василиненко, Жупанин, 2023. С. 58, 60, 62. Рис. 5).

Группа 2. Пифосы с внешними поверхностями, покрытыми разнонаправленными рифлениями-расчесами, с низкими цилиндрическими ножками (рис. 1, *3, 4*). Один из пифосов украшен по плечикам концентрическим пояском с медальонами.

Схожие пифосы выделены среди материалов поселений Андреевская щель 1 и 2, Глебовском и Борисовском поселениях. Время функционирования поселений отнесено к XII–XIV вв. (Армарчук, 2017. С. 8–10, 13, 14. Рис. 9, *3, 6, 7*, 4, *3*, 5, *2*, 8, *8,* 9). Подобные же фрагменты пифосов происходят из слоя крепости Годлик (Иванова, 1997. С. 62, 64. Табл. XX, XXII). Здесь они датированы XIII–XIV вв. либо XII–XIII вв. (Иванова, 1997. С. 59, 62, 64. Табл. XX, XXII; Бармина, 1997. С. 69, 70). Также они известны в культурном слое крепости Мамай-Кала, датированном XII – первой пол. XIV в. (Василиненко, 2017. С. 272, 273). Достаточно близкие аналогии керамики пифоидного типа происходят из культурного слоя Анакопийской крепости. Суммарно они датированы в широком хронологическом диапазоне

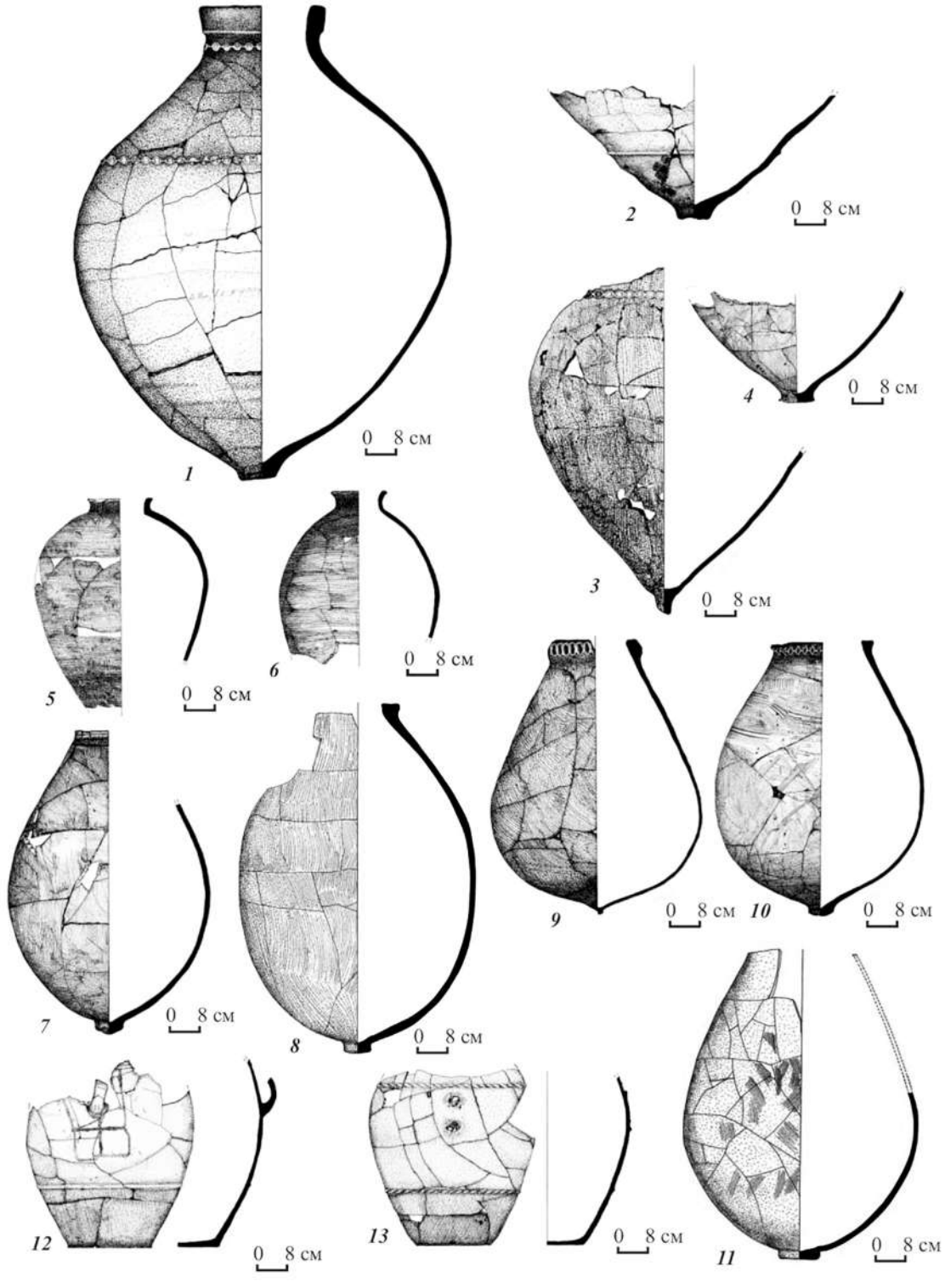


Рис. 1. Тарные сосуды с поселения «Мархотский хребет 2»: *1, 2* – группы 1; *3, 4* – группа 2; *5, 6* – группа 3; *7, 8* – группа 4; *9–11* – группа 5; *12, 13* – группа 6

с VII по XI–XII вв. (Бгажба, 1977. С. 10, 12. Рис. VII). Схожие фрагменты отмечены в помещении 2б дворца Лыхны и отнесены Л.Г. Хрушковой к X–XII вв. (Хрушкова, 1998. С. 19. Рис. 3, *1, 3*, 4, 12, 14).

Группа 3. Сосуды тарные (корчаги?) меньшего размера (рис. 1, *5, 6*). Стенки также покрытыми разнонаправленными расчесами. Часть сосудов можно соотнести с сосудами, выделенными Е.А. Армарчук в типы 3, 4 (Армарчук, 2017. С. 12, 3. Рис. 3*, 3*, *4*, 7*, 6*).

Группа 4. Сосуды тарные (корчаги?) (рис. 1, *7, 8*). Тулова яйцевидной формы. Максимальные диаметры приходится на середину высоты сосуда. От центра тулов верхние части сужаются, плавно переходя к венчику. Венчики слегка расширяющиеся, трапециевидные либо слегка отогнутые. Ножки невысокие, трапециевидные.

Группа 5. Сосуды тарные (корчаги?) (рис. 1, *9–11*). Сосуды каплевидной формы, расширяющиеся в нижней трети и плавно, без выделенного горла переходящие в слегка утолщенный венчик.

Прямые аналогии морфологий корчаг групп 4, 5 не установлены.

Группа 6. Двуручные корчаги (рис. 1, *12, 13*). Подобные преимущественно использовались в качестве урн для кремационных погребений Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв. (Армарчук, 2014. С. 54. Табл. 6) и Западного Закубанья X–XII вв. (Успенский, 2015. С. 153). Фрагменты корчаг крайне редки в культурных слоях поселений на этих территориях (Армарчук, 2017. С. 22). Совместное нахождение фрагментов подобной корчаги на поселении «Железнодорожное 2» с амфорой на плоско-вогнутом дне подтверждает их бытование вплоть до второй пол. XIII в. (Майко, Василиненко и др., 2014. С. 331).

Принимая во внимание приведенные датировки, следует констатировать наличие в составе «склада» на поселении «Мархотский хребет 2» тарных сосудов, датируемых в широком хронологическом диапазоне, от XI в. до второй пол. XIII в.

Большая часть сосудов (группы 4, 5), несомненно, местного производства, изготовлены в гончарных мастерских, ориентированных на абхазские импорты.

Выделенные группа 1, видимо, представляет импорты, вероятно, из Южного Причерноморья или же из неизвестных на сегодняшний момент керамических центров Крыма, группа 2 – скорее всего, происходит с территории Абхазии.

Литература

Армарчук Е.А. 2017. Керамика Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII веков. М.–СПб.

Бармина В.Э. 1997. Сравнительный анализ керамического материала средневековых памятников Кавказа и Крыма (предварительные данные по материалам ЛАЭ) // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конференции, посвященной итогам исследования Лооской археологической экспедиции УРГУ в Лазаревском р-не г. Сочи. Екатеринбург.

Бгажба О.Х. 1977. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми.

Василиненко Д.Э. 2017. Газария за пределами Газарии: к вопросу о характере и интенсивности торговых контактов местного населения Северо-Восточного Причерноморья с италийскими торговцами // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле. Т. II. Барнаул.

Василиненко Д.Э., Жупанин О.Ф. 2023. Комплекс средневековых пифосов на территории поселения Варваровка-3 // Древности Боспора. Т. 28.

Иванова С.Н. 1997. Керамический комплекс крепости «Годлик» // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конференции, посвященной итогам исследования Лооской археологической экспедиции УРГУ в Лазаревском р-не г. Сочи. Екатеринбург.

Майко В.В., Василиненко Д.Э., Соков П.В., Тищенко И.Б. 2014. Материалы к типологии, хронологии и клеймению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и Западного Закубанья) // Боспорские исследования. Керчь. Вып. XXX.

Тесленко И.Б. 2015. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев.

Успенский П.С. 2015. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник // Дисс. … канд. ист. наук. М.

Хрушкова Л.Г. 1998. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО БАСТИОНА СУХУМСКОЙ КРЕПОСТИ В 2024 г.

Габелия А.Н., Счастный Д.А., Джопуа И.А., Кайтан Ш.Г., Авидзба Д.З., Мамац-ипа Р., Маршан Б.

Абхазский государственный университет, г. Сухум, Республика Абхазия
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия, г. Сухум, Республика Абхазия

Сухумская крепость бастионного типа (Сухум-Кале) – многослойный памятник османской фортификации XVIII века, где представлены материальные следы жизни, начиная от ранней античной эпохи. Он традиционно находится в центре внимания исследователей истории Сухума. В разные годы на территории крепости было зафиксировано пребывание греков, римлян, византийцев – об этом свидетельствуют постройки, керамика, орудия. Систематическое археологическое изучение памятника продолжается уже более 20 лет под руководством А.Н. Габелия. Работы сконцентрированы на внутренней территории цитадели и позволили получить важные данные о её планировке и хронологии.

В полевом сезоне 2024 г. исследования были расширены и перенесены на периферийные оборонительные узлы с целью сравнения полученного археологического материала с находками предыдущих лет из центральной части крепости. Ключевым объектом стал ранее не изучавшийся северо-западный бастион, со стороны ул. Ю.Н. Воронова (рис. 1, *1*). Его исследование началось с масштабной подготовительной расчистки, поскольку внутреннее пространство за многие десятилетия оказалось полностью заброшено: оно заросло деревьями и кустарником, а в послевоенный период (после Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг.) долгое время использовалось как несанкционированная свалка. Мощность новейших напластований, состоявших из земли, песка и мусора, была особенно значительной в восточной части помещения и достигала около 2 м.

После удаления наносного слоя на южной внутренней стене бастиона были выявлены два ранее неизвестных архитектурных элемента: ниша прямоугольной формы, расположенная в углу, и арка, выложенная булыжником и служившая опорой для наращенной стенки. Объектом детального изучения в 2024 г. стала прямоугольная ниша (рис. 1, *1а*), которая была полностью засыпана землей. В грунте визуально фиксировалось большое количество артефактов, включая обломки керамики, кости животных и фрагменты османских курительных трубок. В процессе расчистки выяснилось, что всё пространство ниши занимает завал, состоящий из нескольких стратифицированных слоев.

Слой 1 (представлен холмиком над нишей высотой 120 см): рыхлый завал из земли черного цвета, перемешанной с битой керамикой (плинфа, черепица), осколками крупных булыжников, фрагментами керамики с поливой зеленого цвета, костей крупных и мелких животных, двух ядер шрапнели разных диаметров. На границе первого и второго слоев отмечены остатки современного мусора, которые следует связывать, как и появление самого холмика, с деятельностью черных археологов в 1990-х – 2000-х гг.

Слой 2 (–10 см): представлен скоплением битой строительной керамики по всей площади и костей животных. Находки: половинка пушечного ядра и замок от кандалов (рис. 1, *1б*).

Слой 3 (–70 см): песок с морским щебнем и раковинами моллюсков (рапан, устрица). Слой насыщен обломками разнообразной посуды (пифосы, горшки, кувшины), курительными трубками, фрагментами тонкого стекла и керамики с поливой зеленого и желтого цветов,

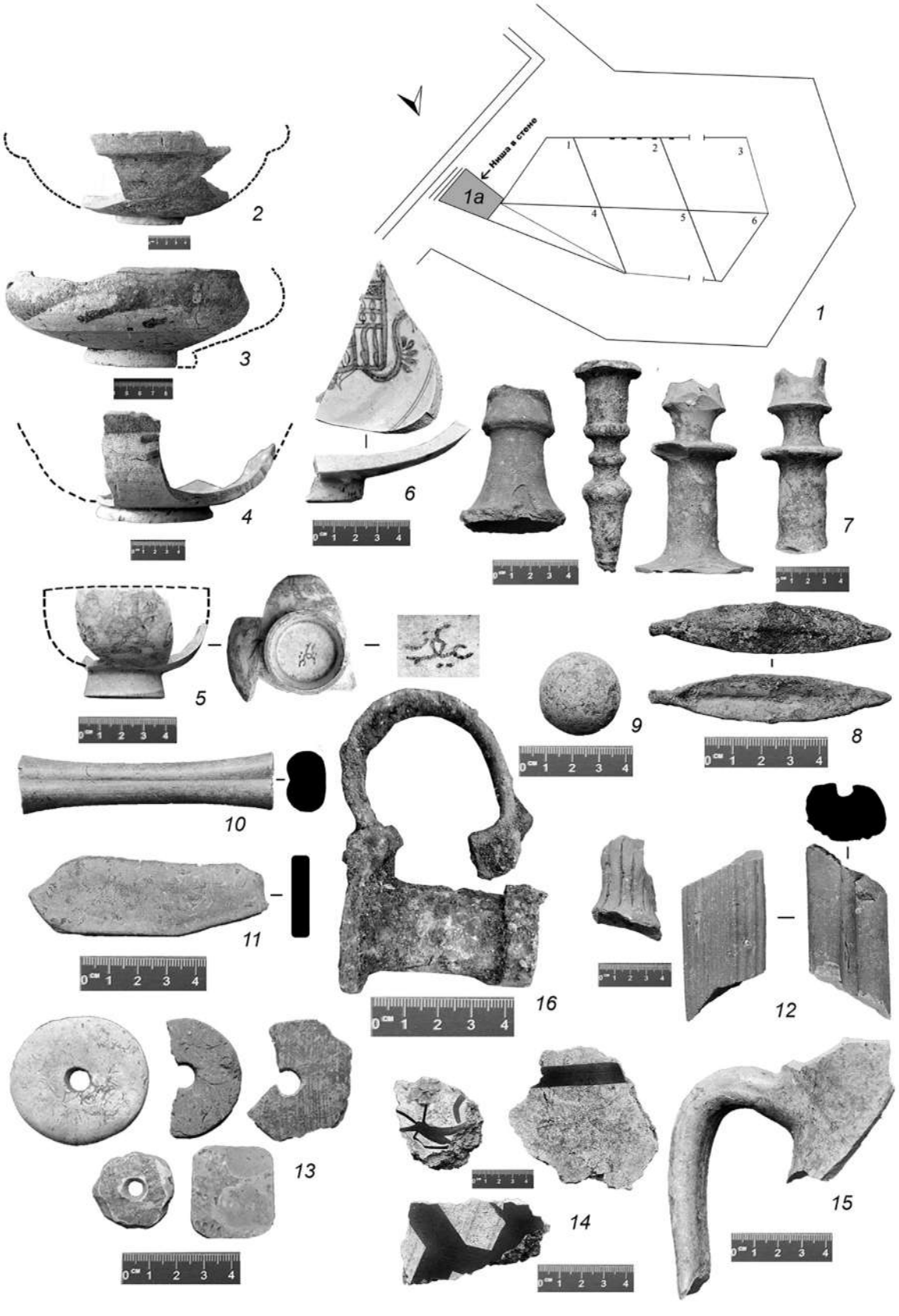


Рис. 1. Сухумская крепость. Северо-западный бастион. Находки из раскопа

поливных и красноглиняных подсвечников (рис. 1, *7*), фрагментами бело-глиняной керамики (фаянс) (рис. 1, *6*). Встречаются и фрагменты строительной керамики (черепица красного и желтого цвета, плинфа разной толщины). Довольно многочисленны и железные изделия (нож, кованые гвозди, кресало, две обувные подковы, шрапнель). В слое присутствует большое скопление костей животных (крупный и мелкий рогатый скот представлен преимущественно челюстными костями с зубами, трубчатыми костями, фалангами, ребрами, рогами, лопатками и фрагментами черепной коробки; встречаются трубчатые кости птицы).

Слой 4 (–90 см): более плотный песчано-глинистый слой с угольками. Среди находок выделяется бело-глиняная керамика (фаянс) с синей росписью и арабской надписью (рис. 1, *5*).

Слой 5 (–110 см): плотный слой бело-желтого цвета с повышенным содержанием извести и обломков известняка. Находок меньше: фрагменты штукатурки с рисунком из темных и красноватых полос, образующими геометрические узоры (рис. 1, *14*), редкие обломки столовой керамики, курительных трубок и стеклянных изделий. Найден обломанный поливной подсвечник и поврежденный подсвечник из цветного металла (рис. 1, *7*). Слой заканчивается естественным каменным основанием.

Таким образом, северо-западный бастион впервые введен в научный оборот. Выявленные архитектурные детали расширяют представления о внутреннем устройстве крепостных сооружений Абхазии рассматриваемого периода, а новый археологический материал из ниши, предварительно датируемый XVII–XIX вв., представляет исключительную ценность для сравнительного анализа, хронологии и реконструкции бытовой жизни крепости в османский и более поздний периоды. Детальное описание и анализ индивидуальных находок из ниши являются задачей дальнейшей камеральной обработки материалов.

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ САСАНИДСКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ ДЕРБЕНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА XLVI)

Гаджиев М.С. [1]***, Абдулаев А.М.*** [1]***, Будайчиев А.Л.*** [1]***, Шаушев К.Б*** [2]
[1]*Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала*
[2]*ООО «НПЦ Туризм и краеведение», г. Махачкала*

В 2023 г. Дербентская экспедиция провела спасательные раскопки в приморской части города, носившей в XVI–XIX вв. наименования перс. Шехер-Юнан («Греческий город») и Дубара («Две стены»). Эти названия известны по письменным источникам, а также экспликациям к гравюрам и планам города. В результате работ были получены новые данные для характеристики системы обороны, исторической топографии и городской структуры Дербента сасанидского времени.

Раскоп XLVI (14×6 м) был заложен на реконструируемой ул. Строительной в месте пересечения ею линии несохранившейся на данном участке на современной дневной поверхности северной городской оборонительной стены, возведенной в 568–569 гг. (рис. 1, *а*). Уже при снятии балластного слоя и последующей зачистке был выявлен верхний ряд обнажившейся массивной каменной конструкции – стены, расположенной перпендикулярно к линии северной городской стены и сложенной в характерной сасанидской сложной орфостатной технике кладки, аналогичной кладке укреплений Дербента сер. VI в.

Верхние культурные напластования в раскопе были потревожены современными коммуникациями и перекопами, нарушившими существовавший средневековый культурный слой. Средневековые артефакты из слоя представлены фрагментами сфероконусов, черепицы, показательной керамикой, относящимися к домонгольскому периоду.

Ниже залегал массив желтовато- и серо-коричневого глинобита, образовавшегося в результате разрушения кирпичной кладки располагавшейся здесь *сырцовой оборонительной стены* сер. V в. На большей части раскопа толщина этого массива составляет только 12–24 см, в отдельных местах слабо прослеживались сырцовые кирпичи. В западной части раскопа сохранившаяся высота выявленной сырцовой стены (рис. 1, *б*) достигала 60–90 см (6–8 рядов кладки) при прослеженной толщине до 8 м (стена уходит в юго-западный борт раскопа). Она сложена из кирпичей размером 40–42×40–42×10–11 см цепным способом, с горизонтальными швами толщиной 1–2 см и вертикальными швами толщиной до 4 см. С северо-западной стороны кладка сырцовой стены вертикально обрывается и к ней примыкает забутовка из камня, щебня, кусочков известкового раствора, заполнивших пространство шириной ок. 1 м между остатками сырцовой стены и каменной северной оборонительной стены города. Сырцовую стену и слой глинобита подстилал слой мелкозернистого морского песка толщиной 15–20 см, ниже которого шел скальный пласт. Являлся ли этот слой субструкцией под сырцовую стену или представляет собой естественное накопление песка при высоком стоянии моря – остается неясным.

Работами 2023 г. впервые были зафиксированы остатки сырцовой фортификации к СВ от железной дороги, т.е. в приморской части города. Впервые же она была зафиксирована Б.Н. Засыпкиным в 1932 г. к западу от железной дороги на протяжении ок. 700 м (Пахомов, 1933. С. 44). В 1937 г. ее осмотрел М.И. Артамонов, отнесший ее строительство ко времени шаханшаха Йездигерда II (439–457 гг.) (Артамонов, 1946. С. 137). В дальнейшем на основе сопоставления данных археологии и письменных источников время строительства сырцовых укреплений было конкретизировано – вторая половина – конец 440-х гг. В 568–569 гг. к

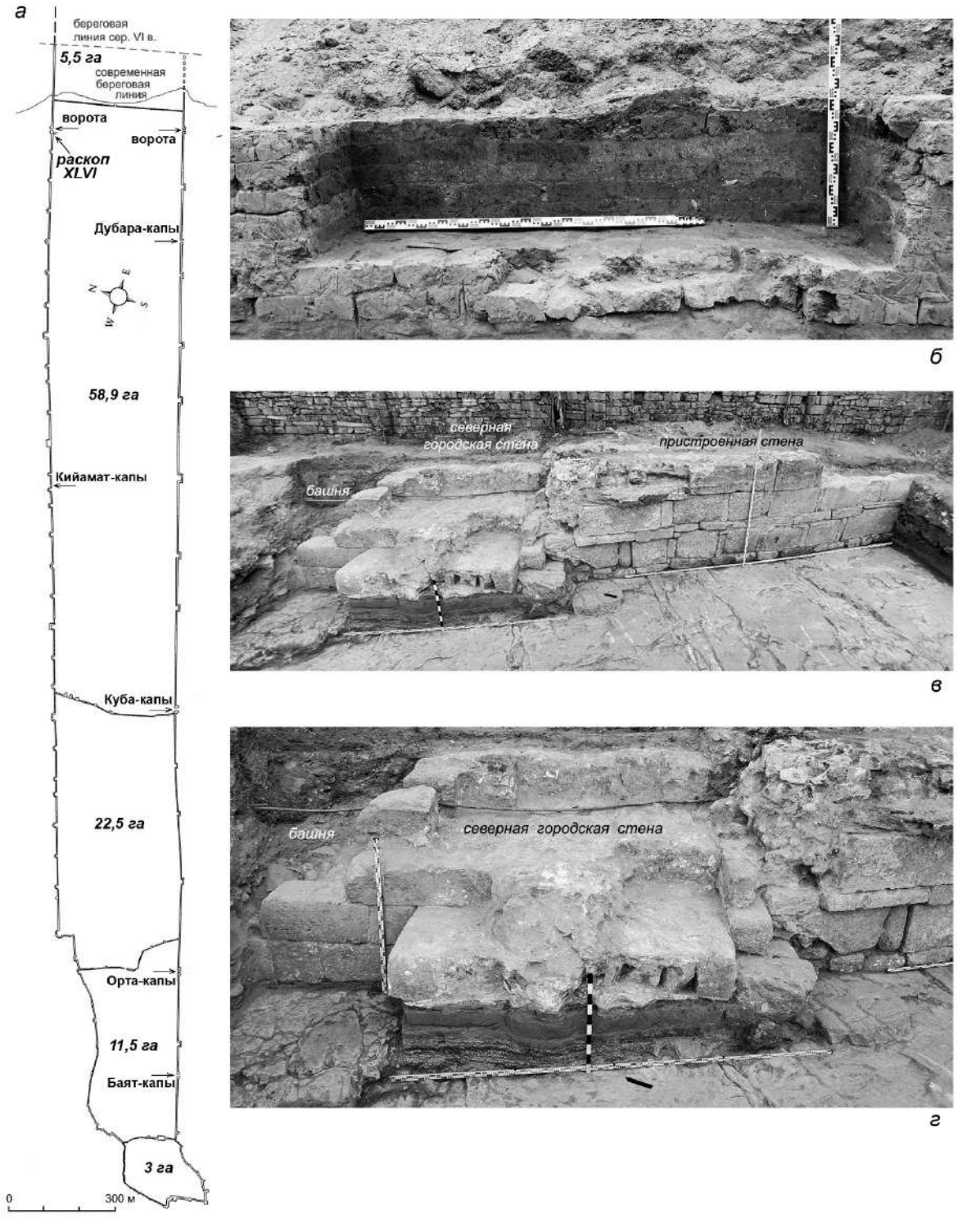


Рис. 1. Дербент. Раскоп XLVI: *а* – план Дербента сер. VI–VII вв.; *б* – остатки сырцовой стены, вид с СВ; *в* – остатки каменных северной городской стены, башни и монументальной стены, вид с ЮЗ; *г* – остатки каменных северной городской стены и башни, вид с ЮЗ

ней с наружной стороны была пристроена каменная северная городская оборонительная стена Дербента. В результате работ 2023 г. были выявлены остатки этой каменной стены и связанных с ней башни и монументальной стены «пристройки».

Остатки каменной северной оборонительной стены (рис. 1, *в, г*) расположены точно на линии ее сохранившейся на значительном протяжении видимой части, следующей по направлению ЮЗЗ–СВВ, и прослежены на двух участках, между которыми имеется разрыв протяженностью 2,0–2,3 м, возникший в результате разрушения современными земляными работами. Лучшую сохранность имеет северо-восточный участок. Прослеженная длина остатков стены составляет 3,12–3,4 м, один ее край (северо-восточный) уходит в северо-восточный борт раскопа; толщина стены на уровне фундамента и цоколя составляет 2,98–3,0 м; сохранившаяся высота стены (вместе с забутовкой) – max. 1,54–1,62 м (3 ряда кладки основания). Выявленное основание стены сложено сухой панцирной кладкой из крупных отесанных прямоугольных блоков-квадров ракушечника с забутовкой бутовым и частично отесанным камнем на крепком известковом растворе.

Остатки башни (рис. 1, *в, г*) расположены почти перпендикулярно к оборонительной стене и имеют с ней конструктивную перевязку начиная со второго ряда кладки, что документирует их единовременное сооружение. Башня сложена в той же сложной орфостатной технике. При этом оборонительная стена и башня имеют единое тело. Высота башни составляет max. 1,30 м (3 ряда кладки), ее прослеженный вынос, уходящий в северо-западный борт раскопа, составляет ок. 1,7 м.

Выявленная *монументальная стена* (рис. 1, *в*) пристроена к юго-восточной грани оборонительной стены не строго перпендикулярно, а под небольшим углом. Стена сооружена впритык, без конструктивной перевязки, на скальном основании, что указывает на ее относительно более позднее возведение. Прослеженная длина стены составляет 9,5 м, сохранившаяся высота – до max. 2,3 м (5 рядов кладки). В пределах раскопа оказались ее юго-западный фас с панцирем и забутовка при максимально прослеженной ширине (толщине) стены 2,5 м. Стена, как и другие каменные сасанидские укрепления Дербента, возведена в той же технике, но в ней первый (нижний) и третий ряды представляют кладку из плашмя уложенных плит (рис. 1, *в*).

Изучение картографического материала показало, что данная монументальная стена, вновь открытая в ходе раскопок, еще была видна в 1930-х гг. – она показана на плане Дербента 1932 г., на фотографиях этого времени, а также на ряде планов города XVIII – первой пол. XIX в.

Также на некоторых планах в месте стыка двух стен показана небольшая башенка, немного выступающая за грань стены. Это дает основание интерпретировать открытый небольшой участок стены, сооруженный вперевязку с северной оборонительной стеной и направленный в северо-западную сторону, именно как башню. Очевидно, что она представляла левую привратную башню располагавшихся здесь городских ворот. Эти ворота, расположенные на линии северной оборонительной стены и фланкированные небольшими башнями, имеющими в плане четверть круга, показаны на ряде планов города 1720-х гг. Ныне можно датировать данные ворота временем сооружения северной городской стены, т.е. самым концом 560-х гг.

Это были единственные городские ворота в северной оборонительной стене, возведенные в период ее строительства, не считая узкого, малозаметного и хорошо зачищенного прохода у стыка куртины и башни 50, также сооруженного одновременно с постройкой стены и прилегающей башни и позже получившего наименование араб. Баб ал-Кийама, тюрк. Кийамат-капы, перс. Дар-и Кийамат («Ворота Судного дня») (рис. 1, *а*).

Расположение ворот в нижней части Дербента, частично выявленных в раскопе, находит объяснение в продуманной и спланированной системе структуры и обороны города. Ясно, что это была узловая точка обороны, расположенная в необживавшейся части города, который был разделен поперечными стенами на четыре части – верхнюю, среднюю, нижнюю и приморскую. Перпендикулярно пристроенная к северной оборонительной стене и

располагавшаяся рядом с воротами стена представляла дополнительный элемент обороны города. Напротив этих ворот на расстоянии ок. 350 м в южной стене также располагались ворота, от которых частично сохранилась только застроенная привратная прямоугольная башня.

При удачном штурме единственных ворот северной городской стены противник оказывался замкнутым буквально в четырех стенах: между северной и южной (городскими) и средней и нижней (приморской) поперечными стенами. Свободная от застройки, значительная по площади (ок. 60 га) территория нижней части города могла использоваться как для размещения здесь таможенного контроля и купеческих караванов, так и в военно-стратегических целях – для крупного, рассчитанного на несколько тысяч воинов, военного лагеря.

Литература

Артамонов М.И. 1946. Древний Дербент // СА. № VIII.

Пахомов Е.А. 1933. Крупнейшие памятники сасанидской строительства в Закавказье // Проблемы ГАИМК. № 9–10.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Гадиев У.Б.
ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова», г. Назрань

Вторая половина XIX в. характеризуется началом активных археологических исследований в Ингушетии. Первые такие изыскания состоялись в плоскостной части Ингушетии, где в 1879 г. в преддверии V Археологического съезда (1881 г.) в окрестностях селений Назрань, Базоркино и Кантышево активную археологическую деятельность развернули В.Б. Антонович и В.Л. Беренштам (Семенов, 1930. С. 203–204; Калоев, 1960. С. 216, 219). При этом в Горной Ингушетии в указанное время археологические работы носили более интенсивный характер. Все они связываются с именами В.И. Долбежева и В.Ф. Миллера.

В 1886 г. В.И. Долбежев, археолог, преподаватель Владикавказского реального училища, обнаружил и исследовал каменно-ящичные могильники в окрестностях селений Лежги, Еголкас и Могогаали, датируемые X–XIII вв. (ОАК, 1891. С. 115; Виноградов, Марковин, 1966. С. 29). Чуть позже, в 1889–1890 гг., он же открыл еще один каменно-ящичный могильник X–XIII вв. у с. Мецхал, а также обнаружил и археологически изучил широко известный науке Гоустский катакомбный могильник аланской культуры (Семенов, 1930. С. 202; Семенов, 1963. С. 10). Кроме того, В.И. Долбежев обследовал позднесредневековый могильник Челиш-Кив, представлявший собой захоронения в трехъярусном наземном склепе (Долбежев, 1892. С. 133–140).

Как было отмечено, в рассматриваемое время в Горной Ингушетии научные разыскания проводил и археолог, член Петербургской академии наук В.Ф. Миллер. Ученый не только занимался археологическим исследованием памятников археологии, но и также обследовал местные архитектурные объекты. В поле зрения автора оказался ряд разнотипных средневековых погребальных комплексов, в числе которых склепы и каменные ящики у с. Шуан, Таргимский 1-й склеповый могильник, мавзолей Ауша-Сели, Хайрахский 1-й склеповый могильник, склеп с открытой поминальной камерой у с. Таргим, Кейрахский ядрообразный мавзолей и др. (Миллер, 1888. С. 5, 6, 9, 27–32). В.Ф. Миллер сосредоточил свое внимание и на культовых объектах. В той или иной мере археологом исследовались средневековые объекты Шуанское святилище Тушоли, Эгентинский храм-святилище Галь-Ерды, храм Албы-Ерды, причем работы на них сопровождались также съемкой планов и зарисовками. Отдельно стоит упомянуть храм Тхаба-Ерды, которому автор посвятил особое внимание (Миллер, 1888. С. 3–5, 8–21, 32). Ценные сведения В.Ф. Миллер собрал также и по жилищно-оборонительным объектам данной зоны. Так, исследователь дает характеристику и описание жилых и боевых башен архитектурных ансамблей Морч, Хамхи, Таргим, Хайрах, Верхний Пялинг, Ний, Аршауг и Цори (Миллер, 1888. С. 7–9, 35, 38, 40).

Литература

Виноградов В.Б., Марковин В.И. 1966. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР: (Материалы к археологической карте) // Труды Чечено-Ингуш. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы при Совете Министров Чечено-Ингуш. АССР. Т. 10. Грозный.

Долбежев В.И. 1892. Могильник Челиш-Кив // СМОМПК. Вып. 13. Отд. I. Тифлис.
Калоев Б.А. 1960. Чеченцы // Народы Кавказа. Т. 1. М.
Миллер В.Ф. 1888. Терская область. Археологические экскурсии // МАК. Вып. 1. М.
Отчёты Императорской Археологической Комиссии за 1882–1888 годы. 1891. СПБ.
Семенов Л.П. 1930. В. И. Долбежев, как археолог-кавказовед. Владикавказ.
Семенов Л.П. 1963. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный.

НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА БЛИЗ пос. ЮЖНАЯ ОЗЕРЕЕВКА г. НОВОРОССИЙСКА

Голубев Л.Э.[1], Баранюк А.В.[2]
[1]Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп
[2]Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, г. Краснодар

В 2024 г. специалистами ООО «КУБАНЬПРОЕКТРЕСУРС» совместно с отделением Краснодарского краевого отделения ВООПИК производились охранно-спасательные раскопки на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение «Южная Озереевка Восточное», относящегося к эпохе античности (Голубев, 2025). В процессе работы было выявлено, что бытовой памятник перекрывает курганный могильник X–XIII вв., который долгие годы подвергался плантажной распашке под виноградники и поэтому утратил визуальные признаки насыпей. Большая часть погребений разрушена, а инвентарь был растащен по всей площади распашки. Погребения на памятнике совершались по обрядам кремации и ингумации. Больше всего пострадали от распашки могилы с трупосожжениями, совершённые в урнах и без них в неглубоких ямах.

На территории памятника были зафиксированы четыре находки нательных крестов, обнаруженные в контексте погребений и как индивидуальные находки (скорее всего из разрушенных захоронений). Наибольший интерес представляют крестики так называемого «скандинавского» типа (далее – КСТ) (Марков, Зайцева, 2020. С. 347–365; Чуракова, 2017. С. 159–177).

Один крест из медного сплава был найден в кремационном погребении 30 из раскопа 2 и подвергся ритуальной порче (рис. 1, *1*). Изделие имело трёхчастные округлые окончания с вдавленными углублениями в каждом «лепестке». В центре крестовины сквозное отверстие. Изделие почти равностороннее, горизонтальная перекладина короче вертикальной, на торце верхней перекладины петелька с кольцом для подвешивания. От центра креста, по вертикальной перекладине, идут по два луча-бороздки по краям. Верхний край вертикальной перекладины ритуально обломан ближе к середине. Размеры: вертикальная перекладина с петелькой – 4,4 см, горизонтальная – 3,1 см; Средняя ширина трёхчастных окончаний 1,1 см, толщина 0,2 см.

Второй крест этого же типа был найден в площади раскопа 1 в кв. О/18, на уровне второго штыка и, вероятно, происходил из разрушенного погребения (рис. 1, *2*). Представлял собой КСТ с трёхчастными круглыми окончаниями с вдавленными углублениями в каждом. В центре крестовины круглое углубление. Изделие почти равностороннее: горизонтальная перекладина короче вертикальной, на торце верхней перекладины петелька с кольцом для подвешивания. От центра креста по вертикальной перекладине идут по два луча-бороздки по краям. Размеры перекладин: вертикальная с петелькой – 4,4 см, горизонтальная – 3,1 см. Средняя ширина трёхчастных окончаний – 1,1 см, толщина – 0,2 см.

Фрагмент креста, аналогичного вышеописанным из могильника в Южной Озереевке, был найден в районе Мысхако в 8 км от Южной Озереевки в конце XIX в. (рис. 1, *7*) (Сизов, 1889. С. 76–77, фототипия XI, *14*). Еще два аналогичных КСТ хранятся в фондах Новороссийского исторического музея-заповедника (НМ 6299/14, Ю.Оз-99, № 71). Один медный фрагмент такого креста был поднят вне контекста А. В. Дмитриевым в Южной Озереевке во время раскопок кремационного могильника XIII в. в 1999 г. (рис. 1, *6*); другой – золотой, был найден в окрестностях станицы Натухаевской в 1977 году также А.В. Дмитриевым (рис. 1, *5*).

Все четыре КСТ по А.Ю. Чураковой выделяются в I и II типы с датировкой X–XI вв. (Чуракова, 2017. С. 168).

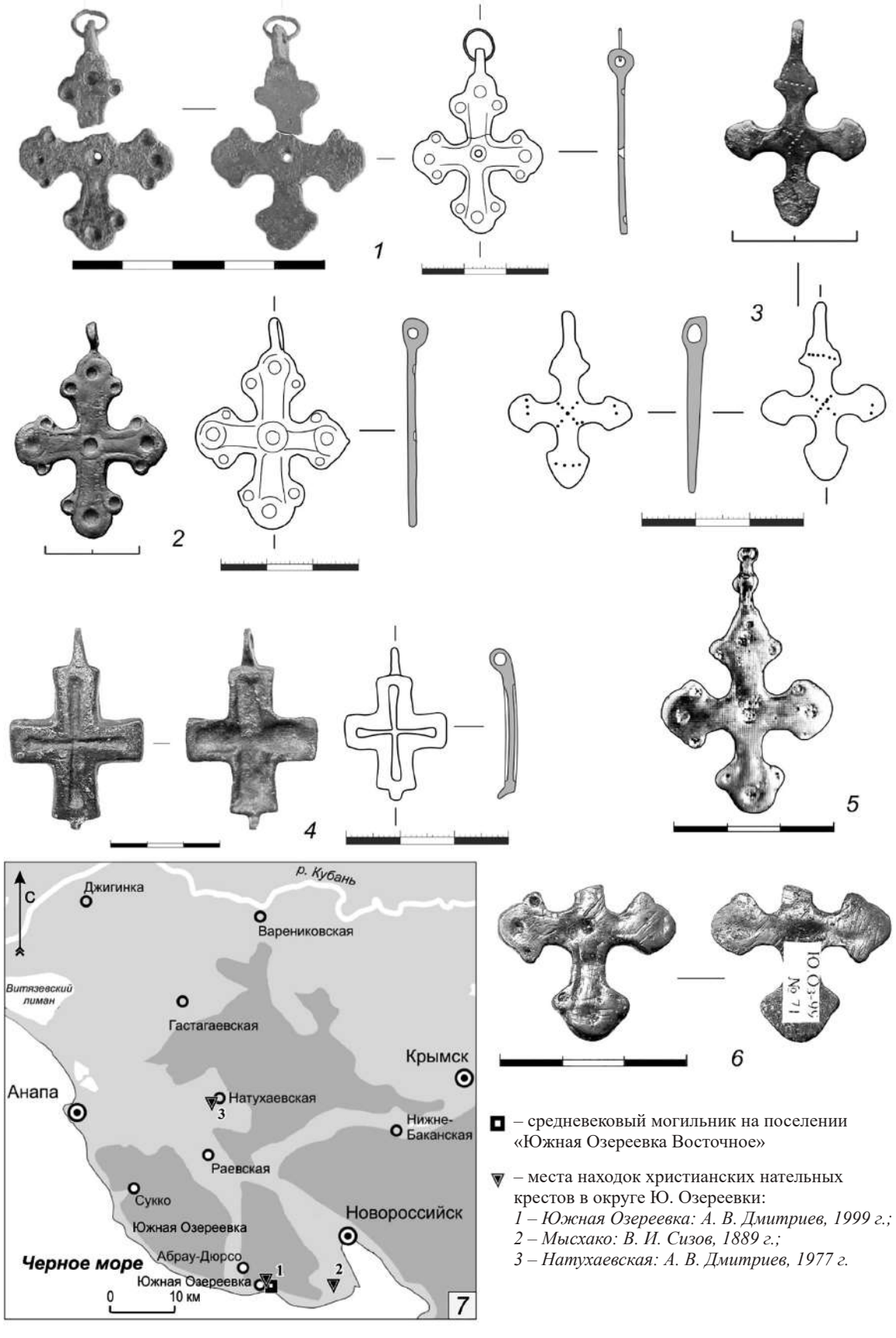


Рис. 1. Нательные кресты: *1–4* – Южная Озереевка, 2024; *5* – Натухаевская, 1977; *6* – Юж Озереевка, 1999; *7* – карта находок крестов в окрестностях пос. Ю. Озереевка

В кв. П/19 (Раскоп 1) был найден бронзовый крестик близкий по облику к КСТ (рис 1, *3*): равносторонний, с подромбическими окончаниями по вертикальной перекладине, на верхнем крае которой находится петля для подвешивания. Горизонтальная перекладина на конце расширяется в овальные окончания. По центру крестовины пуансонными вдавлениями изображён «Андреевский» косой крест. На треугольном расширении под петлей пуансоном изображён знак «V». Размеры перекладин: вертикальная – 2,7 см, горизонтальная – 2,3 см. Толщина на перехватах – 0,4 см, на расширениях горизонтальных – 0,6 см, вертикальных – 0,8 см. Петля 0,6×0,5×0,2 см. По форме данное изделие можно отнести к КСТ (Марков, Зайцева, 2020. С. 358. Рис. 7, *6*), однако его оформление пока не находит явных аналогий. Крест из кв. П/19 (Р. 1) можно отнести к типу III с датировкой XI–XIII вв. (Чуракова, 2017. С. 168).

КСТ распространены на территории Древнерусского государства, так и в пределах Скандинавии, общая датировка хождения от X в. – до середины XIII в. (Станюкович, Осипов, Соловьев, 2003. С. 28). Большинство исследователей склонны считать, что эти изделия можно отнести к признакам дружинного сословия, хотя они встречаются как в мужских, так и женских погребениях в Скандинавии и Руси (Чуракова, 2017. С. 165–166). Есть предположение, что подобные крестовидные привески первоначально имели западно-сарматское происхождение, связанное не с христианским культом, а с солярным или растительным сакральным миром древних кочевников (Виноградов, 2023. С. 7–14).

В погребении 51 раскопа 2 была найдена одна половинка равностороннего прямоконечного миниатюрного креста-энколпиона (рис. 1, *4*). Изделие литое четырехстороннее с прямыми перекладинами, вертикальная длиннее горизонтальной. Внутри, по внутреннему контору, штихелем прорезан крест. На верхнем торце вертикальной перекладины петля для подвешивания, снизу петелька для второй створки обломана. Обратная сторона полая. Размеры: вертикальная перекладина 2,1×0,6×0,2, горизонтальная – 1,9×0,6×0,2 см, петелька 0,5×0,15, отв. – 0,22 см. Схожие кресты-энколпионы, выявленные в основном на территории современной Украины датируются XII – 1-й пол. XIII вв. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 171–173, Табл. 102).

Найденные предметы личного благочестия на территории могильника «Южная Озереевка Восточное» говорят, что в XI – 1-й пол. XIII вв. христианство было распространено среди населения Северо-Восточного Причерноморья, хотя и носило синкретичные особенности, связанные с пережитками язычества. Нательные кресты «скандинавского» типа можно связать с контактами местного населения с Русью даже после исчезновения Тмутараканского владения на Таманском полуострове.

Литература

Виноградов А.Е. 2023. Крестовидные подвески «скандинавского» типа как маркеры этнокультурных процессов: новый взгляд на старую проблему // Вестник Костромского государственного университета. Т. 29. № 4.

Голубев Л.Э. 2025. Отчет о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение «Южная Озереевка Восточное» в пос. Южная Озереевка г. Новороссийска Краснодарского края (в печати).

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.

Макаров Н.А., Зайцева И.Е. 2020. Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополья: новые находки // Археологические вести. Вып. 28.

Сизов В.И. 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. II. М.

Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М. 2003. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. М.

Чуракова А.Ю. 2017. Подвески – кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси XI–XII вв. // Élite ou Égalité… Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПБ.

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ КРЕПЛЕНИЯ ТИСНЕННЫХ РЕМЕННЫХ НАКЛАДОК ВТОРОЙ ПОЛ. VII–VIII вв.

Гончаров С.А.
Государственный Исторический Музей, г. Москва

Среди многочисленных типов крепежей тисненных накладок Центрального Кавказа вт. пол. VII–VIII вв., выделяются два типа, бытование которых прослеживается в смежных, но не тождественных временных рамках. Первый тип представляет собой «омегообразные» петли, сделанные из согнутой пластинки (рис. 1, *1а*). Второй тип представляет собой «восьмеркообразные» шпеньки, согнутые из округлой в сечении проволоки (рис. 1, *2б*). Впервые эти крепления были подробно описаны на материалах кат. 6 могильника Архон Э.Ю. Шестопаловой (Шестопалова, 2023. С. 132–133).

Наиболее распространенным в период геральдических ременных гарнитур являлось крепление на крупные П-образные скобы: п. 341 Клин-Яра III, кат. 68 Садона, п. 134 Заюково-3 (рис.1, *7–10, 13–14, 15–17*). В это время начинают встречаться и крепления в виде «омегообразных» петель. Они встречены в кат. 97 Нижнего Джулата, где возможно выступали креплением рассыпавшихся тисненных накладок (рис. 1, *2–6*) (Абрамова, 1972. С. 59). В качестве крепежей они встречены в кат. 68 могильника Садон (рис. 1, *18*) (Кадзаева, 2018. С. 342. Рис. 1).

С рубежа VII–VIII вв. фиксируются «восьмеркообразные» проволочные крепления (п. 4 и 5 могильника Директорская Горка) (рис. 1, *21–25*). Набор Галиатского склепа содержит как пластинчатые «омегообразные» крепежи, так и проволочные «восьмеркообразные» (рис. 1, *26–27*). При этом ременные накладки с «омегообразными» крепежами относятся к раннему погребению, а «восьмеркообразные» к позднему погребению склепа (Гончаров, *в печати*). Оба типа крепления представлены и в кат. 6 могильника Архон (рис. 1, *28–30*) (Шестопалова, 2023. С. 132–133). Только «восьмеркообразные» крепления представлены в кат. 2 могильника Хулам (рис. 1, *31–32*). Этот же тип крепления относится к кат. 76 могильника Даргавс (рис. 1, *33*).

Возможно увеличение в VIII в. использования «восьмеркообразных» креплений связано с изменением состава заполнения тисненных накладок. Подавляющая их часть в VII в. заполнена легкоплавкими сплавами на основе олова и свинца. Этот сплав не только укреплял накладку, но и фиксировал скобы, шпеньки и петли, припаянные к накладкам с оборотной стороны (Шаблавина, 2007. С. 133–139; Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 18–21).

Заполнение легкоплавким сплавом можно предполагать для кат. 29 и 314 могильника Клин-Яр III и для кат. 68 могильника Садон (Флеров, 2000. С. 42–45. Рис. 39, *16–20*; Кадзаева, 2018. С. 342. Рис. 1, *5–8, 10, 20, 22*; Belinskij, Härke, 2018. P. 238–247. Fig. 57, *1–6*). Геральдические накладки конской сбруи п. 134 могильника Заюково-3 (вт. пол. VII в.) заполнены оловянно-свинцовым сплавом (рис. 1, *13–14*). Однако стоит отметить, что тисненные накладки поясного набора п. 134 Заюково-3, выполненные в стилистике крупной грануляции, заполнены не оловянно-свинцовым сплавом, а органическим составом, содержащим воск и известь (рис. 1, *11*).

Работа с материалами ременных гарнитур кон. VII – первых трех четвертей VIII в. позволяет утверждать, что в это время большая часть накладок заполнена органоминеральной мастикой. Наиболее вероятно использование мастики в материалах п. 4 и 5 Директорской Горки (Абрамова, 1982. С. 138. Рис. 4). Заполнение мастикой встречено в материалах Галиатского склепа, кат. 2 могильника Хулам, кат. 76 могильника Даргавс (Кадиева, 2012. С. 105;

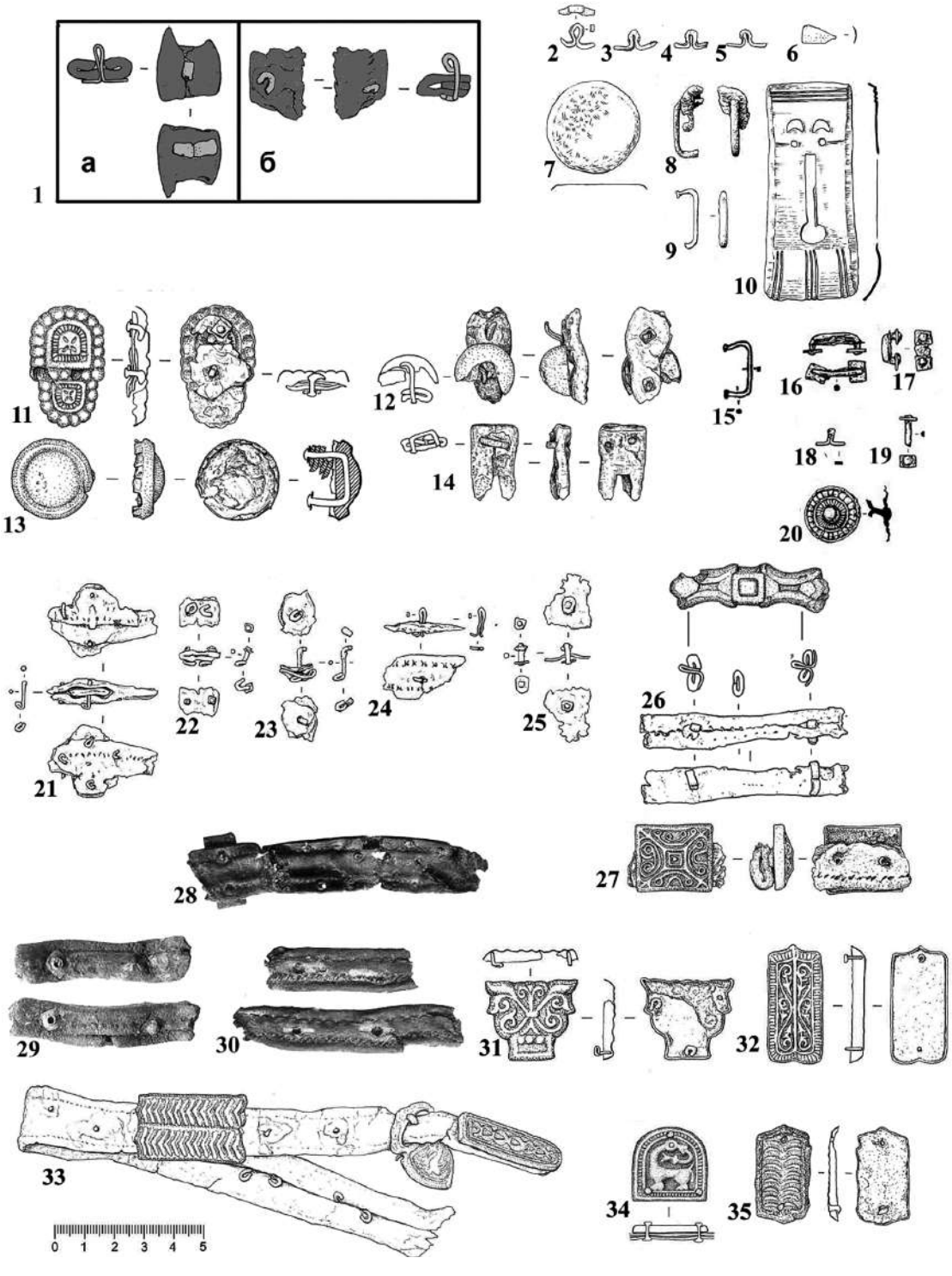


Рис. 1. Ременные гарнитуры с тисненными накладками с территории Центрального Кавказа второй половины VII – начала IX вв. *1* – основные типы креплений тисненных накладок VIII в.: а – «омегообразное» крепление из согнутой пластинки, б – «восьмеркообразное» крепление из согнутой проволоки; *2–20* – ременные гарнитуры с тисненными накладками из погребений середины – второй половины VII вв.: *2–6* – Нижний Джулат, кат. 97, *7–10* – Клин Яр III, п. 341 (Belinskij, Härke, 2018), *11–14* – Заюково-3, п. 134, *15–20* – Садон, кат. 68 (Кадзаева, 2018); *21–35* – ременные гарнитуры с тисненными накладками рубежа VII–VIII – конца VIII в.: *21–25* – Директорская Горка, п. 5, *26–27* – Галиатский склеп, *28–30* – Архон, кат. 6 (Шестопалова, 2023), *31–32* – Хулам, кат. 2, *33* – Даргавс, кат. 76, *34–35* – Песчанка: *34* – кат. 5, *35* – кат. 4

Чеченов, 1987. С. 111; Дзаттиаты, 2014. С. 46). Судя по описанию в отчете «отвердевшей пасты», подобное заполнение отмечается и в кат. 6 Архона (Шестопалова, 1997. С. 32). Мастиковое заполнение накладок встречено в кат. 4–5 Песчанки, однако стоит отметить, что накладки из Песчанки крепятся на сквозные шпеньки, что характерно и для литых гарнитур этого могильника (рис. 1, *34–35*).

Представляется, что для вт. пол. VII в. характерны заполнения как из легкоплавких металлов, так и мастиковое при большем распространении первого варианта (п. 134 Заюково-3, кат. 29, 341 Клин-Яра III, кат. 68 Садона). Для крепления элементов гарнитур используются Г и П-образные крупные штифты и скобы округлого или подпрямоугольного сечения. Также в это время существуют «омегообразные» крепежи из согнутых узких пластинок (кат. 11 Чми, кат. 97 Нижнего Джулата). Начиная с рубежа VII–VIII вв. получают распространение «восьмеркообразные» крепежи из тонкой округлой в сечении проволоки с подогнутыми концами (п. 5 Директорской Горки). В это время уходит техника заполнения тисненных накладок легкоплавким сплавом, и большинство накладок заполняется мастикой, что характерно для ременных гарнитур периода предсалтовских горизонтов (Галиата, кат. 6 Архона, кат. 2 Хулама). Параллельно с этим в ряде случаев продолжают использоваться «омегообразные» крепежи из согнутой пластинки, однако их количество невелико.

Литература

Абрамова М.П. 1972. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик.

Абрамова М.П. 1982. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. Вып. 2.

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П. 2017. Находки матриц для изготовления деталей геральдических поясов в древностях рязано-окских финнов // Stratum plus. № 5.

Гончаров С.А. (*в печати*). Ременная гарнитура из Галиатского склепа 1935 г. // Нижневолжский археологический вестник.

Дзаттиаты Р.Г. 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ.

Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова О.В., Фонякова Н.А. 1997. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб.

Кадзаева З.П. 2018. Катакомба с прессованными и литыми ременными деталями из Садонского могильника // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Карачаевск.

Кадиева А.А. 2012. Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре Галиатского склепа 1935 г в Дигорском ущелье (Северная Осетия) // РА. № 1.

Флёров В.С. 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребённых // Труды Клин-Ярской экспедиции. Вып. I. М.

Чеченов И.М. 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3. Нальчик.

Шаблавина Е.А. 2007. Техника изготовления художественных металлических изделий раннесредневекового Боспора // Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Шестопалова Э.Ю. 1997. Отчет о раскопках Архонского катакомбного могильника в Алагирском районе РСО-Алания в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22131.

Шестопалова Э.Ю. 2023. Кожаные изделия из погребения аланского воина // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 117: «Плетет судьбу веретено». СПб.

Belinskij A., Härke H. 2018. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994−1996 in the Iron Age to early medieval cemetery // Archäologie in Eurasien. Bd. 36. Bonn.

ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ СОХТА (РЕСПУБЛИКА ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ): ПОПЫТКА ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТУРКЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО УБРАНСТВА

Ендольцева Е.Ю.[1], Дрыга Д.О.[2], Алборов Б.А.[3], Табуева Н.Г.[4]
[1]Институт востоковедения РАН, г. Москва
[2]Российский университет дружбы народов, г. Москва
[3]Добровольное общество охраны памятников, г. Квайса
[4] Юго-Осетинский государственный университет, г. Цхинвал

Работа подготовлена при содействии фонда РНФ № 25-18-00669

В задачи нашей группы входило визуальное изучение остатков церкви у с. Сохта, фотофиксация и обмеры фрагментов сохранившейся архитектурной декорации, создание трехмерных моделей каждого из них и создание трехмерной гипотетической модели здания церкви и его декоративного убранства.

Выработка принципов реконструкции осложняется скудостью сохранившихся источников. Не сохранилось никаких письменных или графических свидетельств, археологические работы никогда не проводились.

Использовались только методы визуального осмотра и фотофиксации, сбор сведений об истории руин среди сельских старожилов, а также подбор архитектурных, иконографических и стилистических аналогий.

Сведения по истории церкви содержатся только в книге 1975 г. (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 88–91). Исследователи относят ее к X в. (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 88). Некоторые упоминания о фрагментах архитектурной декорации есть в каталоге 2017 г. (Dadiani, Khundadze, Kvachatadze, 2017. P. 133. № 222–225).

Мы провели наземную фотограмметрическую съемку местности для фиксации взаимного расположения элементов конструкции церкви, а также определения размеров ее и отдельных камней. В итоге был сделан ортофотоплан центральной круглой площадки с фрагментами кладки восточной апсиды и трехмерные модели 15 фрагментов архитектурной декорации.

Р. Меписашвили и В. Цинцадзе опубликовали план церкви (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 88. Ил. 78). Сейчас он не читается. Если верить этому плану, церковь занимала большее пространство, чем сохранившаяся сейчас вытоптанная площадка, окруженная поздней импровизированной оградой. Нами был обнаружен лаз, который ведет в подземную крипту, обозначенную на плане.

Поэтому в основу предлагаемой гипотетической реконструкции положен план Р. Меписашвили и В. Цинцадзе, интегрированный в рельеф сохранившейся площадки. В качестве точки привязки взят вход в крипту у основания восточной апсиды.

Большая часть фрагментов рельефов, упомянутых Р. Меписашвили и В. Цинцадзе, обнаружены на вытоптанной площадке. По мнению грузинских исследователей, «фрагменты эти не одновременны, одни относятся к X веку, другие к XI в.» (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 88). Все они были использованы в предлагаемом варианте реконструкции фасадов.

Анализ сохранившихся фрагментов позволил выстроить типологические ряды некоторых элементов конструкции (арочный вход в южную галерею, южный портал основного объема, оформление восточного фасада).

В кладке импровизированных ворот ограды, выложенной в недавнее время, обнаружены фрагменты ступенчатых пилястр, поддерживавших конху апсиды, и пазы для алтарной преграды.

В модели учитывались значимые аналогии (ближайшие географические и хронологические), размер деталей, их возможные функциональные и конструктивные особенности.

Таким образом, эта была зальная церковь с двумя парами ступенчатых пилястр в интерьере, полуциркульным сводом, двускатной крышей, восточной апсидой, утопленной в толще стены (с двумя полукруглыми нишами), с южной и, возможно, северной сводчатыми галереями.

По локальной традиции, северный фасад церковных зданий лишен окон, дверей и каменной резьбы. Если верить плану основного объема церкви (без боковых галерей), опубликованному Р. Меписашвили и В. Цинцадзе, с западной стороны входа не было. Действительно, часто в христианских храмах этого региона вход (как и галерея или притвор) располагается только с южной стороны. На западном фасаде обычно появляются щелевидные окна. Аналогии – западный фасад без дверей, но с небольшим круглым окном церкви в Армазе (IX в.) и западные фасады без дверей, но с щелевидными окнами в церквях Богоматери и св. Георгия в Ахалсопели (X в.). Размер щелевидного окна на нашей реконструкции соотносится с размером фрагмента навершия с изображением всадника, который помещен на южном фасаде (рис. 1).

Плита с надписью, упоминающей строителей церкви, могла быть помещена как на южном фасаде у входа (церковь св. Георгия в Армазе (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 17)), св. Георгия в Эреде (X в.) (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 52, 53), церковь в Додоте (X – нач. XI вв.) и др. (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 59–60), так и на западном фасаде (церковь в Додоте) (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 61). У нас она помещена на западном фасаде.

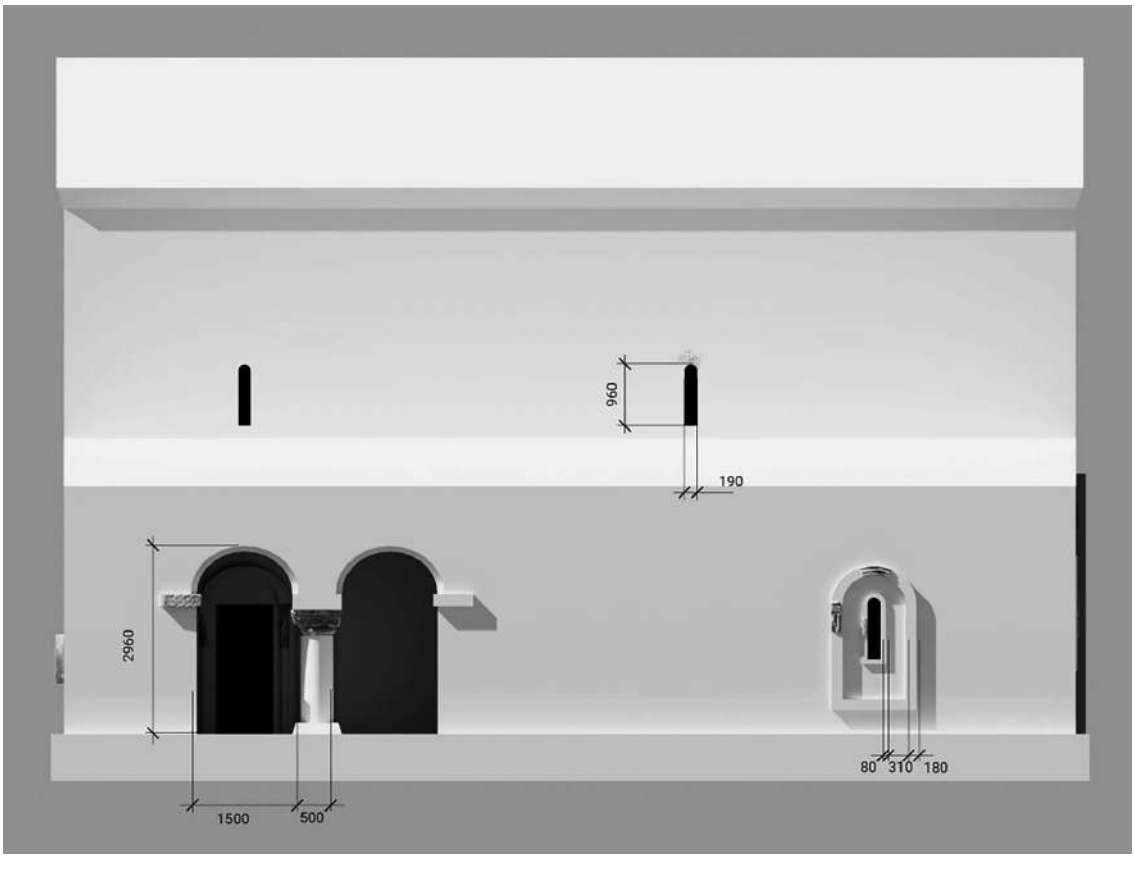


Рис. 1. Реконструкция архитектурного убранства южного фасада церкви в с. Сохта (Е.Ю. Ендольцева, Д.О. Дрыга, И.Б. Шигаев)

Южный фасад, согласно распространенной практике, украшен торжественно. Здесь есть два щелевидных окна на стене основного объема (в простенках между пилястрами), галерея с двухарочным входом и окном. По аналогии с южными фасадами церквей в Додоте и св. Георгия в Эреде и Берис-сакдари в Эреде. Обе церкви находятся неподалеку от села Сохта (Ендольцева, 2024. С. 234). Вероятно, основания арок входа в галерею опирались на камни-архитравы с плетеным геометрическим орнаментом, как это сделано в церкви в Додоте. Размеры капители и фрагмента с плетеным геометрическим орнаментом не противоречат данному предположению. Найденные фрагменты полуколонок и полуколонок с капителью могли украшать портал входа из галереи в основной объем церкви. Такое декоративное решение распространено в этих местах в церковной архитектуре X – нач. XI вв. К примеру, портал основного объема церкви в Кацхи.

Размеры и форма трех фрагментов (сдвоенные полуколонки с капителью с арочным мотивом, дугообразный валик и небольшой фрагмент с корзиночным плетением) складываются в композицию обрамления окна галереи по образцу окна южной галереи церкви св. Георгия в Эреде (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 55. Рис. 45).

Композиция восточного фасада (процветший крест и более крупный фрагмент с корзиночным плетением) повторяет композицию восточного фасада церкви Берис-сакдари в Эреде (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 65. Рис. 55).

Фрагмент с вертикально расположенными парами хищных птиц, терзающих квадропедов, напоминает декоративные схемы, популярные в средневековом церковном зодчестве Армении. Его место в модели храма не определено.

Получившаяся гипотетическая трехмерная модель церкви в селе Сохта удачно вписывается в контекст строительной традиции для культовой архитектуры X в. – нач. XI в. в Кударо (Кударское ущелье среднего течение реки Джоджора, ныне Дзауский район Южной Осетии) и на прилегающих территориях (Западная Грузия).

Все результаты работ выложены на сайте, связанном с официальным сайтом Института востоковедения РАН, https://arch.ivran.ru/sohta_temple.

Литература

Ендольцева Е.Ю. 2024. «Дней связующая нить…» Традиционные мотивы в христианском искусстве Кавказа (вдоль Большого Кавказского хребта) в послеарабский период (IX–XI вв.). Архитектурная пластика. М.

Ендольцева Е.Ю., Дрыга Д.О., Алборов Б.А., Шигаев И.Б. 2025. Церковь в с. Надарваз (X в., Республика Южная Осетия): опыт виртуальной реконструкции архитектурного убранства // Проблемы сохранения объектов культурного наследия и новейшие цифровые технологии: Сб. м-лов кр. Стола. М.

Меписашвили Р., Цинцадзе В. 1975. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии – Шида-Картли. Тбилиси.

Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. 2017. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi.

ЗАКАВКАЗСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР В ПИСЬМАХ Э.Л. ГРУЗДЕВА К Н.Я. МАРРУ: КОНТЕКСТ НАПИСАНИЯ И СУДЬБА ОТПРАВИТЕЛЯ

Застрожнова Е.Г.
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, г. Санкт-Петербург

Личный фонд вице-президента АН СССР, кавказоведа, археолога, академика Н.Я. Марра (СПбФ АРАН. Ф. 800), является неисчерпаемым источником информации по самым различным направлениям гуманитарного знания, от изучения памятников Армении до организационных основ академической науки 1920-первой половины 1930-х гг. Крайне важно также и то, что по материалам фонда четко прослеживается реализация архивной политики Главного архивного управления НКВД по учету и хранению документов «врагов народа» – ученых, общественных и политических деятелей, арестованных в ходе следственных процессов 1930-х гг. В каждом из институтов АН СССР был свой Секретный отдел, в котором хранилась документация ограниченного доступа, к которой в середине 1930-х гг. были присоединены личные документы репрессированных сотрудников. По истечении пятилетнего срока хранения эти материалы передавались в общий Секретный отдел по АН СССР, располагавшийся в Ленинграде в Главном здании Академии наук на Университетской набережной, 5. По истечении трех лет хранения эти материалы в свою очередь передавались на постоянное хранение в Секретный отдел Ленинградского областного архива Октябрьской революции (ул. Воинова, 34). Так 19 февраля 1939 г. из документов фонда Н.Я. Марра, хранившихся на тот момент в кабинете Марра в ИИМК АН СССР, в Секретную часть были переданы все письма корреспондентов – историков, археологов, филологов, политических деятелей, в том числе и людей из ближайшего окружения И.В. Сталина – осужденных по различным пунктам ст. 58 УК СССР в 1931–1937 гг. (среди них – Г.И. Боровка, В.Н. Бенешевич, А.С. Бубнов, Н.И. Бухарин, А.С. Енукидзе, Ф.В. Кипарисов, Н.И. Троцкая и др.).

По не совсем понятным сейчас причинам не были изъяты и уцелели письма члена президиума Закавказского филиала АН СССР, научного сотрудника Института востоковедения АН СССР Э.Л. Груздева[1], арестованного в 1936 г. и расстрелянного 2 ноября 1937 г. в составе «Соловецкого этапа» в урочище Сандармох (Груздев, 1933). Всего в деле отложилось три письма, все написанные на бланке Закавказского филиала АН СССР: от 27 июля 1933 г., 3 октября 1933 г. и 13 октября 1933 г. Письма не только не опубликованы, но и не были вплоть до марта 2025 г. востребованы исследователями.

На основании материалов Секретной части АН СССР известно, что первое письмо были написано Э.Л. Груздевым после получения им личной записки от заведующего сектором кавказских языков Института языка и мышления АН СССР Н.Ф. Яковлева[2], который

[1] Эйзер Львович Груздев (Эйзер Лейбович Груздев-Радин) (1905–1937) историк; аспирант, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР; член президиума Закавказского филиала АН СССР (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а (1925). Д. 6-Г. Л. 819). Арестован 15 мая 1936, приговорен 12 декабря 1936 в 10 годам ИТЛ по ст. 58-8,11, отбывал срок в Соловецком лагере. После 25 августа 1937 по директиве Н.И. Ежова арестован повторно, входил в состав «Соловецкого этапа» из 1116 заключенных. Расстрелян 2 ноября 1937 в урочище Сандармох Карельской АССР. Реабилитирован 14 июля 1956.

[2] Николай Феофанович Яковлев (1892–1974) лингвист-кавказовед, фонолог и социолингвист, проф. Московского института востоковедения; председатель Технографической комиссии Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (СПбФ АРАН. Ф. 2 Оп. 11 Д. 444).

предупреждал о грядущем визите в Тифлис Н.Я. Марра (Разная переписка, 1933. Л. 296) и его недовольстве в связи с увольнением из Кавказского историко-археологического института АН СССР своих учеников – С.Н. Какабадзе[3] и Д.П. Карбелашвили[4].

Письмо датировано 27 июля 1933 г., начинается с извинений по поводу прямого обращения к Н.Я. Марру и содержит в первой части подробный отчет о научно-организационной работе Закавказского филиала АН СССР и всех его секторов за 1932 г. Вторая часть письма состоит из подробного описания ситуации, предшествовавшей увольнению упомянутых научных сотрудников института, которое было связано со «склокой» между С.Н. Какабадзе, Д.П. Карбелашвили и Г.Б. Пичикианом[5]. Согласно описанию Э.Л. Груздева «склока с обвинениями в контрреволюционной деятельности переросла Филиал и пошла гулять по всем учреждениям, вплоть до прокуратуры», ввиду чего «политический авторитет Академии наук в Закавказье был поставлен под удар» и пришлось принять меры по увольнению С.Н. Какабадзе и Д.П. Карбелашвили из филиала до приезда самого Н.Я. Марра. В оправдание подобного решения он указывает на сложность своего положения и специфику условий работы, призывая Н.Я. Марра оценить его действия уже после приезда в Тифлис (Груздев, 1933. Л. 3).

В небольшом письме от 3 октября 1933 г. Э.Л. Груздев пишет о проведении работ по планированию работ филиала на 1934 г. (Груздев, 1933. Л. 4), упоминая также об отправке с этим письмом записки К. Орагвелидзе[6] о приеме у И.В. Сталина (в письме отсутствует. – *Е.З.*).

Письмо, датированное 13 октября 1933 г. также посвящено вопросам научного и финансового планирования работ филиала на 1934 г., а также процессу реорганизации, который обсуждался на 11 октября 1933 г. на заседании бюро Закавказского краевого комитета под председательством Л.П. Берии. В тексте письма приводится описание речи Л.П. Берии и его высокой оценки деятельности Н.Я. Марра как руководителя филиала. В письме упоминаются также последствия «склоки», когда со стороны Г.Б. Пичикиана распространялись «клеветнические и ложные» сведения о «притеснении» филиалом Историко-археологического Института, которым Э.Л. Груздев просил не верить (Груздев, 1933. Л. 5). В завершении письма он обращался к Н.Я. Марру с просьбой о поддержке перед Президиумом АН СССР сметы филиала на 1934 г. и выделении 9 человек из яфетического кружка в аспирантуру при филиале. К сожалению других документов, адресованных Н.Я. Марру от Э.Л. Груздева, не сохранилось, и дальнейший комплексный анализ архивных документов, в частности сохранившихся писем С.Н. Какабадзе, Д.П. Карбелашвили и К. Орагвелидзе к Н.Я. Марру позволит получить более развернутую информацию о 1933–1934 гг. в истории Закавказского филиала АН СССР.

Судьба самого Э.Л. Груздева сложилась трагичным образом, 15 мая 1936 г. он был арестован (Дело Груздева, 1936. Л. 1) и приговорен по ст. 58-10, 58-11 к 10 летнему

[3] Сергей (Саргис) Несторович Какабадзе (1886–1967) историк, археолог, палеограф; профессор. Научный сотрудник Кавказского историко-археологического института АН СССР (СПбФ АРАН. Ф. 4 Оп. 4 Д. 3756).

[4] Давид Полиевктович Карбелашвили (1893–1938) научный сотрудник II разряда Кавказского историко-археологического института АН СССР (СПбФ АРАН. Ф. 4 Оп. 4 Д. 3759). Расстрелян в 1938, проходил по грузинским «сталинским спискам».

[5] Галик Богарович (Гачиг Багратович) Пичикиан (1882–1937) научный сотрудник I разряда Кавказского историко-археологического института АН СССР; заместитель директора Института истории, материальной культуры, языка и литературы народов Закавказья им. Н.Я. Марра при Грузинском филиале АН СССР (Тбилиси) (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3889).

[6] Карло (Карл) Шеварденович Орагвелидзе (1902–1937), общественный деятель, ректор Тбилисского университета. Арестован 31 июля 1937 по обвинениям в ведении контрреволюционной и террористической деятельности, 9 ноября 1937 приговорен к расстрелу. Реабилитирован 6 января 1956.

заключению в исправительно-трудовом лагере[7]. Срок начал отбывать в Соловецком лагере, который 20 февраля 1937 г. был реорганизован в Соловецкую тюрьму особого назначения. Часть заключенных была вывезена на материк и переотправлена в другие лагеря (Белбалтлаг, Ухтпечлаг, Воркутлаг и др.), другая часть была переведена на строгий режим. Согласно директиве Н.И. Ежова, направленной в тюрьмы Главного управления Госбезопасности от 19 августа 1937 г., необходимо было реализовать операцию по повторному репрессированию заключенных, осужденных за шпионскую, террористическую и антисоветскую деятельность. Основное количество подобного «контингента» пришлось на Соловецкую тюрьму – на рассмотрение Троек НКВД были переданы дела 1116 заключенных, приговоренных полным составом к расстрелу на трех заседаниях 9, 10 и 14 октября 1937 г. Из этого списка был составлен «первый соловецкий этап», расстрелы которого производились в урочище Сандармох с 27 октября по 4 ноября 1937 г. Эйзер Львович Груздев был приговорен к расстрелу 9 октября, расстрелян 2 ноября 1937 г. (Дело Груздева, 1936. Л. 157) за два дня до завершения этой немыслимой по жестокости операции. Судебное дело в отношении Э.Л. Груздев было закрыто 14 июля 1956 г. ввиду отсутствия состава преступления.

Литература

Груздев Э.Л. 1933. Груздев Эйзер Львович. Письма к Н.Я. Марру, Тифлис. 27 июля – 13 октября 1933 г. // СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 280

Дело Груздева, 1936. Дело Груздева-Родина Эйзера Львовича. В 10 томах. Т.3. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-15086.

Разная переписка, 1933. Разная переписка. Сведения о научно-исследовательской работе и переписка с ОГПУ и другими организациями об отстранении от работы социально-вредных элементов // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 28. Д.18

[7] Архивно-уголовное дело, заведенное в отношении Э.Л. Груздева находится на хранении в архивном отделе Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-15086), материалы дела предполагаются к развернутой публикации в научной статье.

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕНОЙБЕРСКОЕ 1 В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 2022–2023 гг.

Зиливинская Э.Д.
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

В 2022–2023 гг. Институт археологии РАН проводил охранно-спасательные археологические раскопки на Верхненойберском 1-м поселении в Гудермесском районе Чеченской Республики. Работы по объекту: «Строительство и реконструкция автомобильной дороги М-29 «Кавказ» – из Краснодара через Грозный, Махачкалу до границы с Азербайджанской Республикой» проводила Кавказская археологическая экспедиция под руководством В.Ю. Малашева, непосредственным руководителем работ являлась Э.Д. Зиливинская. Общая площадь раскопок составила 57707,18 м².

Верхненойберское 1-е поселение располагается в равнинной части Чечни возле поселка Верхний Нойбер в 15 км к юго-востоку от Гудермеса. Датируется оно XVII – первой половиной XIX в. В зону строительства попало не само поселение, а его сельскохозяйственная округа. На исследованной площади отсутствовал сплошной культурный слой. На отдельных участках встречались сооружения и ямы, вокруг которых находились пятна культурного слоя мощностью 3–5 пластов.

На всей площади было исследовано около 70 построек. Они представляли собой заглубленные в материк сооружения подпрямоугольной или подовальной формы, по периметру которых находились столбовые ямы (рис. 1, *1, 2*). Аналогичные ямы, расположенные рядами, были обнаружены и в дне углублений. В части из них в дне по центру была прокопана канавка. Сооружения в среднем, небольшие, размерами 5-6×3–4 м, но встречаются и более крупные, длиной до 15 м. В стенках некоторых сооружений были зафиксированы топочные камеры в виде прямоугольных в плане ниш с прокаленными стенками и дном. Стены этих сооружений, скорее всего, были легким, каркасными, возможно, турлучными. На короткие столбы, вкопанные в заглубленное дно котлована могли быть положены доски. По канавкам от топок шел горячий воздух и обогревал пол. Такое предположение позволяет сделать анализ конструкции одного из самых крупных сооружений (рис. 1, *1*). Оно имело сложную форму и сложную конструкцию. В сооружении имелась одна топка, горячий воздух из которой отапливал 5 отсеков (помещений). Стены этих помещений имели фахверковую конструкцию, то есть состояли из вертикальных столбов и жердей, пространство между которыми было заполнено глиной. Размеры постройки 9,6×9,6 м. От топки вдоль всей постройки шла канавка шириной 30–50 см и глубиной 50–55 см. Она была перекрыта досками, которые с двух сторон были обмазаны глиной.

В отдельных постройках небольшая печь находилась посредине помещения. В одной из них найден обгорелый початок кукурузы. Исследованные сооружения, скорее всего, представляли собой сезонные постройки для обработки сельхозпродукции. В них могли сушить кукурузу и другие зерновые. По этнографическим данным известно, что чеченцы «очень любили жареные зерновые – «цай». Из прожаренного зерна кукурузы делали толокно – «цу», которое употребляли с молочными продуктами, а также смешанным с маслом с добавлением творога – «цун мажиргиш» … Толокно приготовлялось также из молотых жареных зёрен ячменя, проса, ржи» (Шавлаева, 2006. С. 238). Сооружения с дымоходами, возможно, были предназначены для копчения мяса. Копчение мяса и колбас также является одним из способов заготовки продуктов (Шавлаева, 2006. С. 236; Осмаев, 2016. С. 96).

Еще один тип сооружений, найденных при раскопках – это так называемые «топочные камеры». Они представляли собой прямоугольные, сильно вытянутые ямы с ровными



1



2



3

Рис. 1. Верхненойберское 1-е поселение: *1, 2* – сооружения; *3* – яма-карьер

отвесными стенками и горизонтальным дном. Длина их составляла 4–5 м, ширина 50–60 см и глубина 1–1,3 м. Стенки и дно камер были прокалены до красного цвета, в заполнении было много золы. Никаких следов производства рядом с ними найдено не было. Скорее всего, они также были предназначены для заготовки каких-то продуктов, например, жаренья мяса. Этнографы отмечают различные способы заготовки мяса впрок. Одним из них является «кIаро». При этом способе в угли, оставшиеся после огня, укладывали целые туши дичи и животных, и оставляли на несколько дней. Обуглившиеся тушки, покрытые толстым слоем угля, хранили долго (Шавлаева, 2006. С. 235).

Также на исследованной территории находилось большое количество различных ям. Отличительной особенностью большинства из них являются неровные стенки с большим количеством ниш и подбоев и неровное дно, изрытое ямами меньших размеров. Эти ямы, скорее всего, были выкопаны для добычи глины.

Среди них выделяется яма 2. Она прослеживалась уровне материка как огромное пятно горелого слоя черно-красного цвета и золы. Яма диаметром 9,8 м имела круглую форму, общая глубина ее достигала 4 м (рис. 1, *4*). Верхняя часть заполнения на глубину до 2,0 м состояла из горелого слоя, состоящего из прокаленного докрасна суглинка и прослоек серой золы, древесных угольков и копоти. В нижней части находился желтый рыхлый материковый суглинок. Яма имела неровные стенки, которые ступенчато опускались ко дну, и в вертикальных их поверхностях находились многочисленные ниши. Дно ямы также было неровным, в нем были выкопаны ямы различных размеров. С южной стороны были сделаны четыре большие ступени. По всей вероятности, она являлась карьером для выборки глины. Этим объясняется неровная конфигурация ее стенок и наличие большого количества ям, ниш и «закопушек», из которых вынимали глину. Для того, чтобы было удобнее заходить в карьер с южной стороны были сделаны ступени. Впоследствии яма была превращена в свалку.

Интересным объектом, найденным на Верхненойберсом-1 является нитка водопровода из керамических труб. Предположительно она вела от источника, расположенного на склоне возвышенности, к поселению.

Наиболее многочисленная категория археологического материала, полученная при раскопках Верхненойберского 1-го поселения, – керамика. Основное количество керамического материала относится к XVIII – первой половине XIX вв. Представлены почти исключительно столовые формы: кувшины, кружки, чаши и миски. Достаточно редкой находкой является большой сосуд для сбивания масла. Керамика изготовлена с использованием гончарного круга быстрого вращения. Обжиг производился в окислительной атмосфере, что придавало сосудам красный и оранжевый цвет. Сосуды орнаментированы росписью ангобом красного или красно-коричневого цвета. Изредка встречаются сосуды, изготовленные с применением обжига в восстановительной атмосфере: они серого или коричневого цвета и декорированы росписью ангобом черного цвета. Помимо этого, обнаружены фрагменты поливной керамики. В целом, данная посуда характерна для памятников Восточного Кавказа и повсеместно встречается на территории современных Чеченской Республики и Республики Дагестан.

Индивидуальные находки достаточно разнообразны, что характерно для бытовых памятников Нового времени. Они представлены железными ножами, керамическими пряслицами, оселками, железными скобами, различными предметами из кости, в том числе, деталями детских люлек – костяных трубочек (сунаков), стеклянных бус и др. Существенную часть индивидуальных находок составляют фрагменты керамических курительных трубок, что связано с влияниями культуры Турции.

Литература

Шавлаева Т.М. 2006. Из истории развития культуры хозяйственной деятельности чеченского народа (XIX – начало XX вв.) // Дисс. ... д-ра. ист. наук. Грозный.

Осмаев М.К. 2016. Чеченцы: обычаи, традиции, обряды (историко-культурные аспекты проблемы). Грозный.

МЕТАЛЛООБРАБОТКА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА: ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ И СВЯЗИ

Исмаилова А.З.
Национальный музей истории Азербайджана, г. Баку
Азербайджанский Государственный Университет Культуры и Искусств, г. Баку

Металлообработка в Азербайджане имеет богатую историю, о чем свидетельствуют как результаты археологических раскопок, так и письменные источники. Прежде чем говорить о металлообработке средневекового периода, следует кратко взглянуть на историю этой хозяйственно-экономической отрасли в Азербайджане.

Азербайджан является одним из древних центров металлургии, и начало использования металла здесь восходит к эпохе энеолита (V–IV тыс. до н. э.). Использование металла открыло новую страницу в истории человечества, способствовало развитию производительных сил и общества.

Изучение металлических изделий, обнаруженных в ходе археологических раскопок, проведенных на памятниках периода раннего металла, сформировало широкое представление о занятиях и хозяйственной жизни населения в V–III тыс. до н. э. (Rüstəmova, 2021. S. 34). В результате геологических и археологических изысканий на территории Южного Кавказа было определено, что здесь имеется достаточное количество месторождений медной руды. Высокая концентрация первичных месторождений меди на данной территории создала условия для широкого распространения металлообработки и ее продукции. К таким центрам металлообработки на территории Азербайджана можно отнести районы Гедабек-Гянджа, Карабах, Талыш, а также Зангезурский и Гарадагский районы. Обнаружение в Мингечевире пяти металлургических печей, относящихся ко второй пол. II тыс. до н.э., демонстрирует древность и уровень развития металлургии на территории Азербайджана (İbrahimov, 1988. S. 13), наряду с собственно бронзовыми изделиями.

Если первые шаги в развитии художественной металлообработки относятся к эпохе ранней и средней бронзы, то её расцвет приходится на эпоху поздней бронзы – раннего железа. Особенно отчётливо это видно на образцах, относящихся к Ходжалы-Гедабекской культуре. Тенденцию поступательного исторического развития металлообработки можно увидеть и в изделиях торевтики периодов античности и раннего Средневековья. Так, на территории Кавказской Албании известны очень уникальные образцы художественной металлообработки.

В последующие периоды Средневековья мы можем отчётливо видеть развитие художественной металлообработки, искусства торевтики, бронзолитейного и медно-чеканного ремесел.

Изделия металлообработки Азербайджана средневекового периода хронологически группируются следующим образом:

1) Ранний исламский период (VIII–X вв.);
2) Сельджукский период (XI – начало XIII в.);
3) Монгольский период (XIII–XIV вв.);
4) Послемонгольский период (XV в.);
5) Период Сефевидов (XVI–XVII вв.).

По своему назначению средневековые художественные металлические изделия делятся на следующие группы:

1) предметы домашнего обихода;

2) оружие и доспехи;

3) украшения.

По сравнению с художественной керамикой, главным образом, поливной, образцов художественной металлообработки, относящихся к периоду Средневековья, обнаружено в ходе раскопок очень мало. Одна из причин этого заключается в том, что металл плохо сохраняется в почве, другая причина – во вторичной переработке металла. Отметим, что сельджукский период в Азербайджане является самым ярким периодом с точки зрения развития художественной металлообработки. Изделия торевтики раннего исламского периода не очень богаты и были обнаружены в основном в средневековых городах Бейлаган, Шамкир, Шабран.

Сельджукский период с его богатыми материалами ясно отражает культуру производства того времени. Миграция ремесленников в XI – начале XIII в., торговые связи ещё больше расширяют культурные влияния и связи между различными регионами. В этот период мы можем отчётливо наблюдать культурные влияния Хорасанской школы металлообработки в Центральной Азии на примере изделий торевтики, изготовленных в Нахчыванской и Ширванской областях Азербайджана. Как по технологии изготовления, так и по художественной обработке поверхности, эти изделия подтверждают свою принадлежность к общетюркской культуре. Сравнение средневековых торевтических изделий Азербайджана с современными им изделиями из Афганистана не оставляет сомнений в их принадлежности к Хорасанской школе.

Так, в период между 1957 и 1978 гг. Итальянская Археологическая Миссия опубликовала в виде каталога изделия художественной металлообработки, обнаруженные во время исследований, проведённых в Афганистане. Сравнение этих материалов с художественными металлическими изделиями, обнаруженными в Азербайджане, ясно показывает, что они принадлежат к одной и той же школе металлообработки, как по технологии изготовления, так и по мотивам на них (Laviola, 2020). То же самое можно отнести и к образцам торевтики времен Сельджукского султаната Анатолии. Кроме того, аналогичные выводы можно сделать и о художественных металлических изделиях, обнаруженных в Центральной Азии (Художественная культура ..., 2012).

Говоря об историографии материалов этого периода, нельзя не упомянуть статью акад. И.А. Орбели, директора Государственного Эрмитажа в 1934–1951 гг., под названием «Албанские рельефы и бронзовые котлы». По его словам, после падения Албании часть населения переселилась в Дагестан, в горные районы Кавказской Албании, привнеся с собой традиции ремесленного искусства. Он считал, что «переселенцы обосновались в северных горных областях Албании, охватывающих территорию современного Южного Дагестана... Среди этих албанцев, которые ушли в горы, были и предки нынешних жителей Кубачи». Орбели писал о литых бронзовых котлах: «Они являются самым ценным документом, заполняющим этот важный пробел в том, что мы знаем о формировании и развитии искусства Сельджуков» (Орбели, 1938. С. 308). Сравнение бронзовых котлов сельджукского периода, найденных в Азербайджане, с кубачинскими котлами показывает, что последние отличаются относительно большими размерами, орнаментикой.

В средневековых городах Азербайджана, в частности, в Шемахе, в ремесленном квартале X–XII вв. были обнаружены мастерские гончаров, кузницы, остатки печей, орудия труда, заготовки и отходы производства, что позволило получить многочисленные свидетельства ремесленного металлообрабатывающего производства (Azərbaycan arxeologiyası, 2008. S. 38). Это даёт основание говорить о местном развитии и производстве в области металлообработки в Азербайджане в период развитого Средневековья. Наряду с местным производством, эта отрасль также развивалась под влиянием культурно-торговых связей.

В заключении следует сказать и о высоком развитии художественной металлообработки в государстве ширваншахов Дербенди (1382–1538), о чем свидетельствуют, в частности, доспехи ширваншахов Халилуллаха I (1417–1465) и его сына Фаррух Йасара (1465–1500), хранящиеся в музее Эскери (Askeri Müzesi) в Стамбуле.

Литература

Орбели И.А. 1938. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели. Ленинград.

Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. 2012. Т. III. Самарканд–Ташкент.

Azərbaycan arxeologiyası. 2008. VI cild. Bakı.

İbrahimov F. 1988. Azərbaycanın orta əsr şəhərlərində metalişləmə sənəti (IX–XIII əsrlər). Bakı.

Laviola V. 2020. Islamic metalwork from Afganistan (9th-13th century). The Documentation of the IsMEO Italian Archaeological Mission. Roma.

Rüstəmova L. 2021. Azərbaycan ərazisində erkən metallurgiya vənmetalişləmənin inkişaf mərhələləri // Tarix, İnsan və Cəmiyyət-2021. № 2 (32). Bakı.

ПРЕДМЕТЫ С РЕМЕННОЙ ГАРНИТУРОЙ VII в. ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 134 МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3

Кадиева А.А.[1], Демиденко С.В.[2], Гончаров С.А.[3]
[1,3] Государственный Исторический Музей, г. Москва,
[2] Институт археологии РАН, г. Москва

Могильник Заюково-3 расположен на скальном мысу у слияния рек Баксан и Кёнделен (КБР). Памятник датируется X в. до н.э. – IX в. н.э. Среди исследованных комплексов выделяется катакомбное погребение 134.

Камера катакомбы выдолблена в скале и ориентирована по линии З–В. На дне камеры были обнаружены следы двух костяков. Мужской костяк 1 лежал вытянуто на спине в центре камеры головой на СВ. Женский костяк 2 лежал скорченно на правом боку у восточной стенки камеры. Вдоль костяка 1 был помещен железный меч. Поверх меча был разложен пояс (рис. 1, *1–14*).

Литая щитковая пряжка (рис. 1, *1*) обладает овальной рамкой с вытянутым приемником для язычка. Обойма неподвижная с вогнутыми бортами в верхней части и подтреугольным окончанием. Щиток орнаментирован канавкой V-образной формы и канавкой по периметру.

В составе пояса обнаружено шесть арковидных тисненых позолоченных накладок (рис. 1, *3*). В центре – арковидный щиток с X-образным изображением. От него отходят лучевые насечки. Композиция окаймлена валиком. Внешний периметр украшен грануляцией. Также в составе пояса известно три двущитковые накладки, обладающие той же орнаментацией (рис. 1, *2*). Двущитковые накладки, судя по сохранившемуся на одной из них малому ремню, могли фиксироваться не только вертикально, но и горизонтально. Накладки заполнены минерально-органической мастикой и крепились на Г-образные штифты.

Основной ремень завершался наконечником U-образной формы, выполненным в той же стилистике. С оборотной стороны наконечник закрыт плоской бронзовой пластиной (рис. 1, *9*). Встречено шесть малых вытянутых наконечников (рис. 1, *7*), и два коротких малых наконечника (рис. 1, *5–6*). На одном из дополнительных ремней расположена пропеллеровидная накладка (рис. 1, *4*).

Ряд близких аналогий накладкам с крупной грануляцией и X-образным декором известен в коллекции К.И. Ольшевского из Камунты (Уварова, 1900. Таб. CXXIV, *14–16*).

Схожие накладки, тисненые из бронзы, происходят из п. 4 Директорской Горки (Абрамова, 1982. С. 145–146. Рис. 6, *23–24*). Накладки этого типа не представлены за пределами Северного Кавказа и связаны с местной серией, подражающей византийским образцам.

Тисненые подражания крупной грануляции встречены на округлых накладках кат. 18 м. Мокрая Балка и кат. 29 м. Клин-Яр III (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 72–73. Рис. 32, *8*; Флёров, 2000. С. 42–45. Рис. 39, *25*). Кат. 29 м. Клин Яр III относится к периоду IIIб древностей Кисловодской котловины по периодизации В.Ю. Малашева и датируется И.О. Гавритухиным ок. 6502–680/720 гг. (Малашев, 2001. Рис. 59; Гавритухин, 2001. С. 48).

Также в составе пояса обнаружена лировидная железная пряжка с пластинчатой обоймой (рис. 1, *10*), длинный коробчатый наконечник и такой же малый наконечник (рис. 1, *13–14*), две овальнорамчатые пряжки с вытянутым приемником для язычка, неподвижной

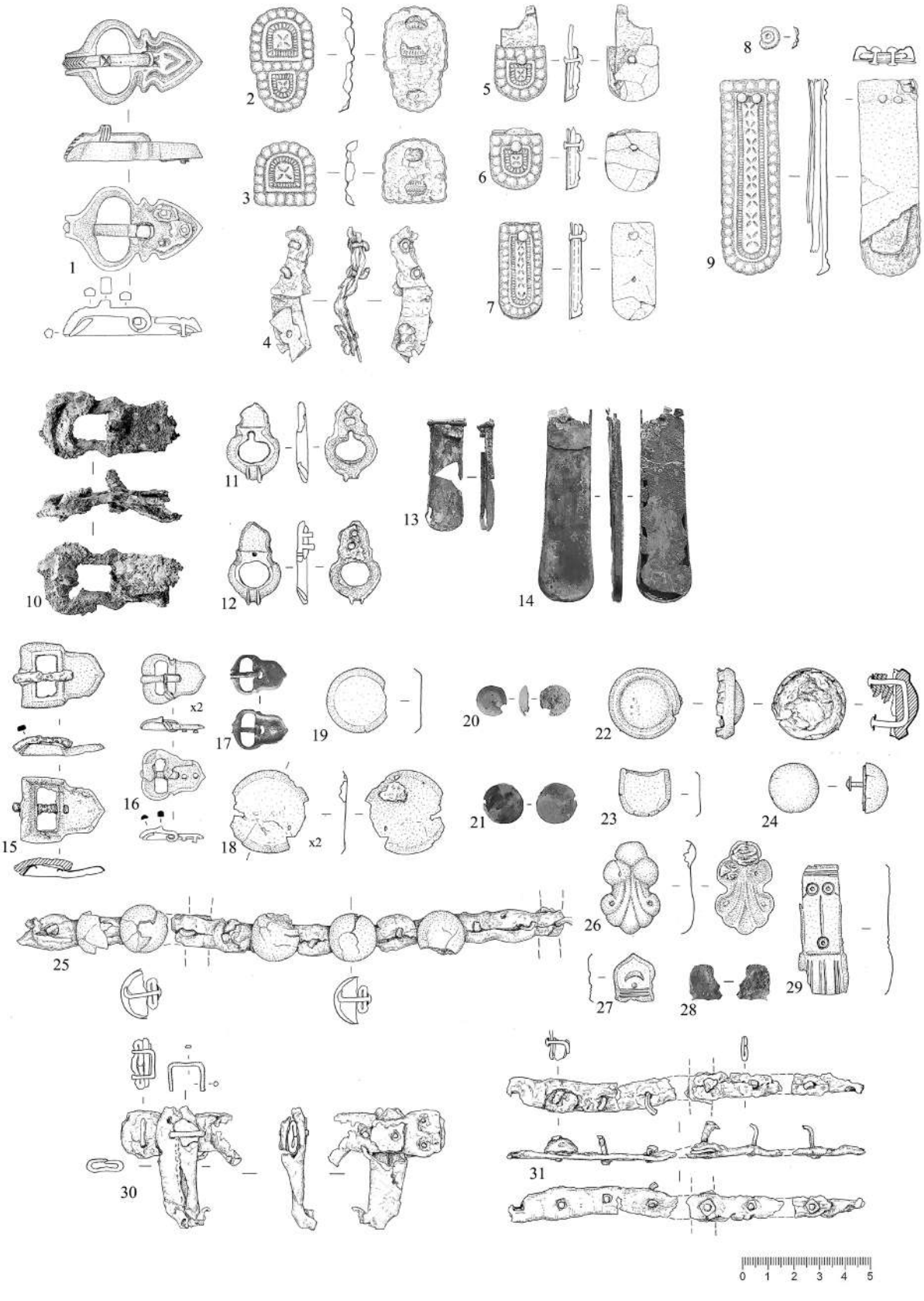


Рис. 1. Детали ременной гарнитуры п. 134 м. Заюково-3. *1, 11, 12, 14, 17* – бронза; *16* – серебро; *15, 18–29* – серебро, свинцово-оловяный сплав; *2–9* – серебряная позолоченная фольга, бронза, органоминеральная мастика; *30–31* – бронза, кожа

обоймой с прогнутыми боками и килевидным окончанием (рис. 1, *11–12*). Использование подобных пряжек для фиксации меча известно в погребениях раннеаварского периода (Balogh, Wicker, 2012. P. 569–560. Abb. 11).

У головы погребенного 1 были помещены седло с кольчужной накладкой, стремена со спрямленной подножкой, трехлопастные наконечники стрел и детали конской сбруи (рис. 1, *15–31*).

Накладки сбруи изготовлены в технике тиснения и заполонены оловянисто-свинцовым сплавом. Крепление осуществлялось на Г и П-образные шпеньки, выполненные из прямоугольного в сечении дрота.

Среди накладок конской сбруи выделяются дисковидные округлые накладки со скошенным краем (16 шт.) (рис. 1, *18–20*), умбоновидные накладки (4 шт.) (рис. 1, *22*), полусферические накладки (более 80 шт.) (рис. 1, *24–25*). Наконечники ремней представлены тисненными образцами с изображением личины и рифленным валиком в нижней части (4 шт.) (рис. 1, *29*).

Набор накладок, включающий округлые накладки со скошенным краем, полусферические накладки и трапециевидные ременные наконечники находит аналогии в сбруйных наборах аланской культуры: кат. 29 Клин-Яра III, кат. 68 Садона, кат. 341 Клин-Яра (Флёров, 2000. С. 42–45. Рис. 39, 16–18; Кадзаева, 2018. С. 342. Рис. 1, *6, 25, 27, 34*; Belinskij, Härke, 2018. P. 238–247. Fig. 57, *1–6,* 62, *41/42*). Кат. 29 и 341 м. Клин-Яр отнесены В.Ю. Малашевым к периоду IIIб (Малашев, 2001. Рис. 59). К этому периоду тяготеет и кат. 68 м. Садон.

Аналогии накладке в виде строенных полусфер с отходящей от них пятилепестковой пальметтой (6 шт.) (рис. 1, *26*) встречены в п. 10 Кудыргэ (Гаврилова, 1965. Табл. XVIII, *18*), а также в конской сбруе из Жана-Аула (Худяков, Кочеев, 2000. С. 111).

Расположение вышеперечисленных типов накладок в погребении позволяет связать их с украшением конского оголовья.

Полусферические накладки в ряде случаев зафиксированы *in situ* на сдвоенных ремнях отдельно от деталей оголовья. Их расположение позволяет связать их с накрупными ремнями. Умбоновидные накладки находят аналогии в поясном наборе п. 1 к. 2 Березовского могильника (Скарбовенко, Сташенков, 2000. С. 170, 174. Рис. 5, *2–4*). Золотые умбоновидные накладки встречены в составе конской сбруи из к. 13 п. 1 Дорофеевки (Круглов, 1992. Рис. 3, *8*). Расположение этих накладок в п. 134 могильника Заюково-3 позволяет предположить их использование при декоре перекрестий накрупных ремней (рис. 1, *22, 26, 30*).

Относительная датировка погребения тяготеет к периодам IIIб и IIIв Древностей Кисловодской Котловины. Абсолютные даты могут находиться в зоне второй половины VII в., при тяготении к третьей четверти столетия.

Литература

Абрамова М.П. 1982. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. Вып. 2.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.

Гаврилова А.А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л.

Гавритухин И.О. 2001. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. Приложение 1. М.

Кадзаева З.П. 2018. Катакомба с прессованными и литыми ременными деталями из Садонского могильника // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Карачаевск.

Круглов Е.В., 1992. Хазарские погребения на р. Аксай // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград

Малашев В.Ю. 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.

Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А. 2000. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Краеведческие записки. Вып. 9. Самара.

Уварова П.С. 1900. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 8. М.

Флёров В.С. 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных // Труды Клин-Ярской экспедиции. Вып. I. М.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. 2000. Чатырская мумия // Археология, антропология и этнография Евразии. № 3 (3).

Balogh Cs., Wicker E. 2012. Avar nemzetségfő sírja Petőfiszállás határából // Thesaurus Avarorum. Régészeti tanulmányok Garam Éva tiszteletére. Budapest.

Belinskij A., Härke H. 2018. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994−1996 in the Iron Age to early medieval cemetery (Archäologie in Eurasien, 36). Bonn.

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ ВЛИЯНИЯ В КУЛЬТУРЕ СТЕПНЫХ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В ПОСТГУННСКОЕ ВРЕМЯ

Казанский М.М.[1], Мастыкова А.В.[2]
[1]Национальный Центр Научных Исследований (CNRS), г. Париж
[2]Институт археологии РАН, г. Москва

В древностях степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) на Северном Кавказе, как и во всей степной зоне Восточной Европы четко выявляются два импульса культурного влияния: средиземноморский/ранневизантийский и центральноазиатский.

Средиземноморское влияние проявляется в появлении престижной поясной гарнитуры инкрустационного стиля. Сразу же надо отметить, что такая характерная гарнитура хорошо известна не только у кочевников восточноевропейских степей (Казанский, 2020. С. 104, 105), но и у оседлых варваров, в частности у северокавказских алан (Казанский, Мастыкова, 2018). В степном Предкавказье в Хасавюрте в 1888 г. (тогда Хасавюртовский округ Терской области, ныне г. Хасавюрт в республике Дагестан) кладоискателем под насыпью каменного кургана был обнаружен тайник (?), в нём находились золотые вещи с красными камнями и аметистами (рис. 1, *1–9*), стеклянный сосуд с тремя ручками (разбит), серебряный «поднос», серебряная «кружка с крышкой» (проданы находчиком). Остальные вещи попали в Эрмитаж (Рукописный архив ИИМК РАН, ДАК, Фонд 1, Дело 22 за 1888 г., листы 31–34А; Фотоархив ИИМК РАН, Фонд Н VII, № 113; ОАК 1882–1888, с. CCCXXXII)[1]. Среди этих вещей находился элемент средиземноморской гарнитуры – накладка или щиток пряжки из золота прямоугольной формы с большим красным кабошоном в центре (рис. 1, *3*), явно ранневизантийский, насколько можно судить по сирийским параллелям позднего V – первой половины VI в. (Kazanski, 1994. P. 153; Kazanski, Mastykova, 1999. P. 540, 542. Fig. 25, *3*).

Дорогие престижные вещи из Средиземноморья попадали к восточноевропейским варварам самыми разными путями: военная добыча, покупки, подарки. Интересно сообщение о владетельнице савир Боарикс (Иоанн Малала, XVIII), которая получила от Юстиниана соответствующее ее рангу одеяние, видимо сопровождавшееся инсигниями власти. Последнее предположение подтверждается известными свидетельствами о дарении таких инсигний царям вассальных народов (напр.: Агафий III. 15).

С другой стороны, в степных древностях имеются и явные следы центральноазиатских влияний. Особое внимание привлекает такая находка как Татарка – балка Каряжка (близ г. Ставрополь) (рис. 1, *10–19*). В 1924 г. здесь были обнаружены человеческие кости, янтарные бусы, пряжки, калачевидная серьга, бляха полихромного стиля и обломки других предметов с таким же декором, мелкие обрывки золотого листа. Предметы найдены разными лицами, их принадлежность к единому закрытому комплексу возможна, но недоказуема (Засецкая, 1975. С. 52, 53. Кат. № 33, 34; Засецкая, 1994. С. 173. Табл. 17, *3–12*, 18, *2*). К.М. Скалон обоснованно идентифицировала один из найденных предметов (рис. 1, *19*) как окончание гривны (Скалон, 1962). Обычно эту находку относят к гуннскому времени, однако найденная там же пряжка скорее датируется 520/530–600/610 гг. (подробнее см.: Казанский, 2020. С. 104).

[1] Пользуемся случаем поблагодарить Вадима Андреевича Алекшина (ИИМК РАН) за ценную помощь в работе с архивными документами.

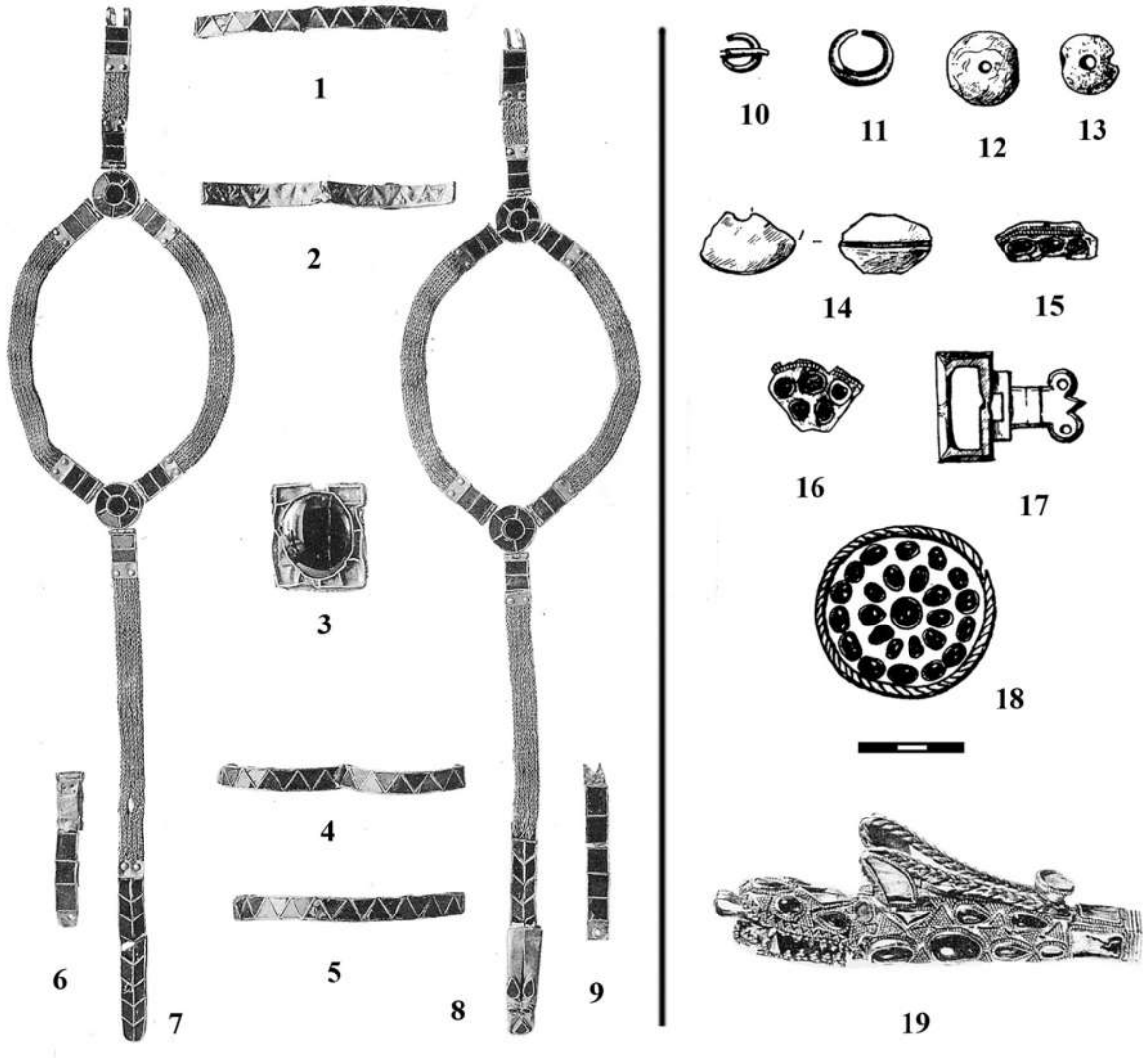


Рис. 1. Вещи из находок в Хасавюрте (1–9) и в Татарке – балка Каряжка (10–19):
1–9 – по Kazanski, Mastykova, 1999. Fig. 25;
10–19 – по Засецкая, 1994. Табл. 17: *3–12*; 18: *2*

Наконечник гривны в виде головы дракона из Татарки имеет наиболее близкие параллели в курганном погребении Кара-Агач из Центрального Казахстана (Козырев, 1905. С. 27), что уже неоднократно отмечали исследователи (Скалон, 1962; Засецкая, 1994. С. 66, 67). Эта параллель, скорее всего, указывает на центральноазиатское происхождение данной категории украшений. В возможности такой гипотезы убеждает, например, и находка колье с зооморфными окончаниями полихромного стиля где-то у оз. Иссык-Куль, в Киргизии, в районе пос. Боконбаево (Ажыматов, 2014). Стоит упомянуть и две гривны с зооморфными окончаниями из «вождеского» погребения середины – второй половины IV в. в Тугозвоново в Алтайском крае (Уманский, 1978. С. 149–151. Рис. 20, 21).

О восточном происхождении гривны из Татарки свидетельствует и его орнамент – треугольники из зерни между камнями – кабошонами (рис. 1, *19*). Напомним, что в эпоху Великого переселения народов в восточноевропейских степях к востоку от Днепра получают широкое распространение предметы женского убора, украшенные камнями и зернью – это полихромный стиль 1 по И.П. Засецкой (см.: Засецкая, 1982). В некоторых степных погребениях «восточной» зоны уже в гуннское время (конец IV – середина V в.), таких как Марфовка, Ленинск, Зеленокумск, были найдены полихромные украшения, интерпретированные

как окончания гривен или иных пекторальных украшений. Такие вещи очень редко попадают на территории к западу от Днепра, т.е. в зону степей, контролировавшейся Аттилой и его предшественниками. Вещи стиля Засецкая 1 имеют параллели, а возможно и прототипы в уборе кочевников Средней Азии (Казанский, Мастыкова, 2009. С. 120, 121, 125, 126). Действительно, они хорошо представлены на территории Казахстана и Сибири. Назовем в качестве примеров такие находки как уже упоминавшаяся гривна из кургана Кара-Агач, диадема из кургана 19 на могильнике Канаттас в Центральном Казахстане, обкладки и бляхи из восточноказахстанской находки Боровое или пряжка из погребения Тугозвоново в Южной Сибири.

Воздействие центральноазиатской престижной культуры может быть связано в первую очередь с восточным происхождением ряда кочевых народов, таких как оногуры, сарагуры, уроги (угры), савиры (Казанский, 2020. С. 116-118; там же библиография).

Литература

Ажыматов З. 2014. Об утраченных артефактах и черных копальщиках // Радио Азыттык. [Электронный ресурс]. URL: https://rus.azattyk.org/a/26733298.html (дата обращения 26.03.2025).

Засецкая И.П. 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. Ленинград.

Засецкая И.П. 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М.

Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.). СПБ.

Казанский М.М. 2020. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXV.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2009. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем. СПБ.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2018. Ранневизантийские пряжки на Кавказе (середина V – середина VI в.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновский чтения. Карачаевск.

Козырев А.А. 1905. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 16.

Отчет Императорской Археологической Коммиссии за 1882–1888 годы. 1891. СПБ.

Скалон К.М. 1962. Изображение дракона в искусстве IV–V веков // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXII.

Уманский А.П. 1978. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.

Kazanski M. 1994. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // Archéologie Médiévale. T. XXIV.

Kazanski M., Mastykova A. 1999. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e– 6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. Bd. 5.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ПЕЩЕРНЫЙ СКЛЕП И МОГИЛЬНИК» В С. КОБАН ПРИГОРОДНОГО РАЙОНА РСО-АЛАНИЯ В 2023 ГОДУ

Керцева Г.Н.[1], Керцев Р.Ю.[2]
[1] Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ
[2] Комитет по охране и использованию объектов культурного наследия РСО-Алания, г. Владикавказ

В 2023 г. ООО «Гера» (открытый лист Г.Н. Керцевой) проводило археологические разведки на территории объекта культурного наследия федерального значения «Пещерный склеп и могильник» в с. Кобан Пригородного района Республики Северная Осетия-Алания, на ЮВ склоне г. Тбаухох, на ЮЗ периферии с. Кобан, ниже аула Верхний Кобан, на мысу, образованном слиянием Гизельдона с р. Сагтыдон. Разведка проходила на территории с. Верхний Кобан от скалы у башни Кануковых до р. Сагтыдон и от ганаха Кануковых до дороги Кобан – Гизельдонская ГЭС. В XIX в. это были земли алдаров Кануковых, на которых находился могильник, давший название кобанской культуре. Грунтовые погребения и погребения в каменных ящиках, относящиеся к кобанской культуре не обнаружены. Могильник расхищен (возможно, целиком) ещё до начала XX в. В результате археологических разведок было исследовано 16 000 кв. м, заложено 3 шурфа размерами 1×1,5 м.

На левом скалистом склоне долины р. Гизельдон, в 150–200 м к ЮЗ от с. Кобан, на скале, возвышающейся на 25–30 м над дорогой Кобан-Кахтисар, расположена сторожевая башня Кануковых. Южнее башни Кануковых, на скальных полках, видны полуразрушенные строения – нависающее над бездной Кобанское укрепление. В одном из них уцелел дверной проем. Северо-западнее, примерно в 100–150 м выше башни Кануковых, находится укреплённая усадьба – ганах (замок) Кануковых.

На территории разведок были обнаружены ОКН от эпохи бронзы до позднего средневековья (рис. 1).

«Пещерный склеп 1» пристроен к скальному вертикальному выступу, сложенному из известняков, который является ЮЗ стеной этого склепа. Пещерный склеп принадлежит фамилии Кануковых (Хъаныхъуаты заппадз). Он расположен рядом с ганахом Кануковых, у подножья горы, возвышающейся над усадьбой, и склеповым могильником. Протяжённость скального выступа – 30 м с СЗ на ЮВ. В нём встречаются карстовые пещеры. В одной из таких пещер были найдены антропологические останки. Пещерные склепы получили широкое распространение на Северном Кавказе еще в эпоху раннего средневековья. Пещерные склепы Северной Осетии относятся XIV–XV вв. н.э. (Кокиев, 1928. С. 26, 41, 64. Рис. 6; Тменов, 1984. С. 9). Исходя из того, что этот «Пещерный склеп» именуется «склепом Кануковых» (Попов, 2021. С. 126), можно предположить, что там могли хоронить и позднее, на рубеже XVII–XVIII вв., когда семья Кануковых основала с. Верхний Кобан.

«Пещерное погребение 1» находится в 55 м к ЮЗ от ЮЗ угла современного строения на месте ганаха Кануковых. Погребения находятся в узкой пещере карстового происхождения глубиной 4 м, рядом с ней – навес длиной 2,5 м и глубиной от 0,70 до 0,90 м. На площадке навеса и у входа в пещеру фиксируются антропологические останки. Здесь была найдена красноглиняная керамика XVI–XVII вв. Аналогичная керамика (кувшины) с продоль-

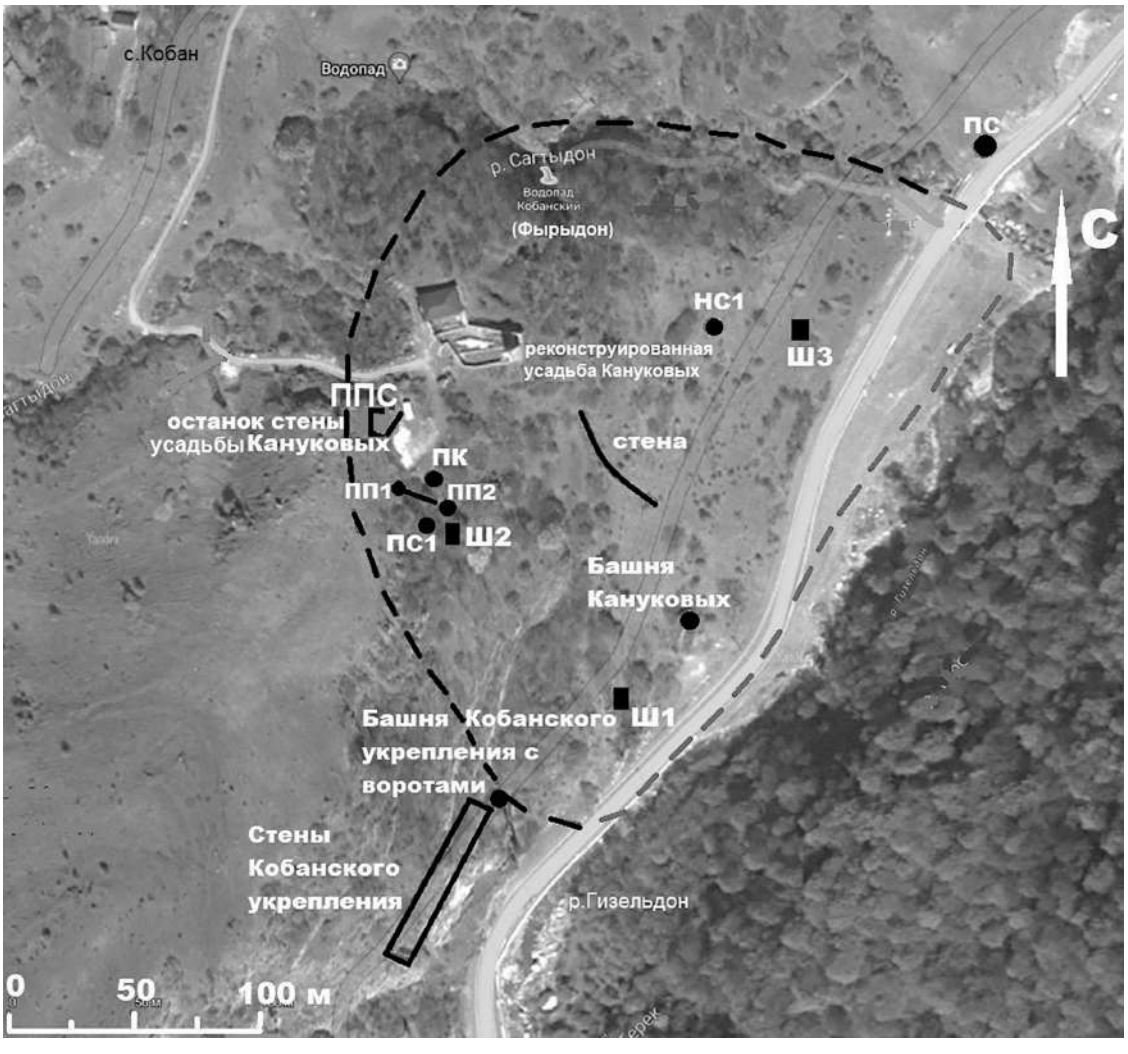


Рис. 1. Археологические, архитектурные памятники и шурфы в окрестностях ОКН федерального значения «Пещерный склеп и могильник» в с. Кобан (Карта SAS-planet): Ш1– шурф 1; Ш2 – шурф 2; Ш3 – шурф 3. ПС1 – пещерный склеп 1; ПП1 – пещерное погребение1; ПП2 – пещерное погребение 2. НС1 – наземный склеп 1. ППС – полуподземный склеп. ПС – подземный склеп. ПК – погребение в колодце. Сплошными линиями показаны стены строений. Пунктиром обозначена зона разведок

ным лощением встречается в Змейском катакомбном могильнике X–XIV вв. (Сокровища Алании, 2011. Рис. 340, 342) и в Даргавсе XVI–XVII вв. (Тменов, 1979. С. 78–79, 86, 94–95. Рис. 13).

«Пещерное погребение 2» находится в 55 м к ЮЮЗ от ЮЗ угла современного строения на месте ганаха Кануковых, в лесу на склоне. Внешние размеры пещеры – 3,2×2,6 м, внутри высота – 1,0 м, ширина – 1,6 м, глубина – 1,4 м. Под невесом на глубине 1,3–1,4 м находятся антропологические останки.

Пещерные погребения и пещерный склеп отделены от ганаха Кануковых невысокой сложенной насухо из разноразмерных необработанных камней стеной длиной 16 м.

«Погребение в колодце» (VII–IV вв. до н.э.) относится к кобанской культуре (Алексеева, 1949). Оно находится на склоне, в 49 м на ЮЮЗ от ЮЗ угла современного строения на месте ганаха Кануковых, в 4 м к СЗ от «Погребения в пещере 2». «Погребение в колодце» представляет собой яму овальной формы размерами – 2,90×3,90 м и глубиной 1,24 м. Сохранилась ЮВ стена, сложенная насухо из камней размерами 20–30×40 см, два более

крупных камня СЗ стены (один на месте стены размерами 50×30 см, другой у центра ямы размерами 80×40 см). Находки и антропологический материал не выявлены.

Руинированный **«Наземный склеп 1»** (XIV–XVIII вв.) (Тменов, 1995. С. 107) находится на склоне г. Кайсыны Кахыр, в 60 м на СЗ от полотна дороги, между Гизельдонской ГЭС и с. Кобан, в 125 м на север от башни Кануковых. Склеп представляет собой квадратную в плане постройку размерами 1,90×1,90 м, его сохранившаяся высота – 0,90 м. Толщина стен – 40 см. Входное отверстие было с восточной стороны. За башенным склепом обнаружена сероглиняная керамика.

В окрестностях ОКН федерального значения также был выявлен **полуподземный склеп**, расположенный в 35 м к ЮЗ от ЮЗ угла ганаха Кануковых. В 25 м к СВ от пересечения р. Сагтыдон и автодороги находится **подземный склеп**.

Между наземным склепом и башней Кануковых сооружена стена из разноразмерных необработанных камней, сложенных насухо. Она находится на склоне, перпендикулярно дороге Гизельдонская ГЭС – с. Кобан, в 30 м к СЗ от башни Кануковых и в 40 м к ЮЗ от наземного склепа. Длина стены – 50 м.

Шурф 1 был разбит в 35 м к ЮЗ от башни Кануковых, над дорогой Кобан – Гизельдонская ГЭС. В шурфе была найдена керамика серо-коричневого цвета VII–VI вв. до н. э. Скорее всего здесь находилось кобанское поселение.

Шурф 2 заложен на склоне, в 10 м ЮВ от пещерного склепа и в 75 м к югу от ЮЗ угла новостроя на месте ганаха Кануковых. Он находится рядом с «Пещерным склепом». В нём обнаружена керамика охристого цвета IV в.

Шурф 3 заложен на склоне холма над автодорогой «Подъезд к Бремсбергу» между с. Кобан и Гизельдонской ГЭС, в 30 м к ЮВ от наземного склепа. В шурфе 3 обнаружены крупные горизонтальные каменные плиты размерами 40×60×15 см, возможно, от стен строений, и два красноглиняных фрагмента керамики XIV–XVIII вв.

Благодаря разведкам на территории ОКН «Пещерный склеп и могильник» в с. Кобан были выявлены как погребальные, так и поселенческие памятники, датируемые временем от кобанской культуры (керамика в шурфе 1, «Погребение в колодце») до позднего средневековья. На территории разведок отмечается разграничение в виде сложенных насухо каменных стен между различными зонами, предположительно между поселением и могильником.

Литература

Алексеева Е.П. 1948. Культура погребений в «колодцах»: Опыт периодизации памятников поздне-кобанской эпохи: Тезисы дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Л.

Кокиев Г.А. 1928. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ.

Попов К.П. 2021. Достопримечательности Северной Осетии-Алании: природные и культурные. Владикавказ.

Семёнов Л.П. 1963. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный.

Сокровища Алании. 2011. М.

Тменов В.Х. 1984. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе.

Тменов В.Х. 1995. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ.

ПРИМЕНЕНИЕ АРХИВНОЙ АЭРОФОТОСЪЕМКИ СЕРЕДИНЫ XX в. ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ БОЛЬШОГО СОЧИ

Кизилов А.С.
Федеральный исследовательский центр
«Субтропический научный центр Российской академии наук», г. Сочи

Работа подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ СНЦ РАН
FGRW-2024-0002, № госрегистрации 124022000096-2

Важным этапом в воссоздании достоверной исторической картины по результатам археологических исследований является локализация изучаемых объектов на карте. Однако, в процессе урбанизации территорий многие объекты были безвозвратно утрачены, а поскольку система фиксации расположения памятников XIX–XX вв. зачастую была крайне несовершенна, то точная локализация многих из них сейчас, зачастую, практически невозможна.

Говоря об архитектурных объектах на территории Большого Сочи, построенных в XIX в., наиболее крупными являлись крепости Черноморской береговой линии – форты Святого Духа, Навагинский, Головинский и Лазаревский. Эти крепости, в свою очередь, являлись ориентирами, относительно которых в первоисточниках были отмечены еще более ранние архитектурные сооружения (памятники) на прилежащих территориях (Ворошилов, 2008. С. 193, 233). В отличие от форта Навагинского, от которого сохранился значительный фрагмент крепостной стены, позволивший локализовать его на плане города (Кизилов, Глазов, 2017. С. 108), остатки других крепостей были полностью и безвозвратно утрачены.

Тем не менее, работа с вновь появившимися в доступе архивными фотодокументами позволила нашей исследовательской группе точно локализовать расположение утраченных крепостей на современных картах. Использование материалов трофейной аэрофотосъемки Люфтваффе военной разведки фашистской Германии помогла выявить ныне утраченные фрагменты фортификационных сооружений, существовавшие в период Великой Отечественной войны, и их точную географическую привязку к сохранившимся в наши дни маркерным объектам современной транспортной логистики и планировкам городских кварталов.

Так, на фотографии шпионской фотосъемки 1942 г. с немецких самолетов четко видна геометрия расположенных около реки Мзымта остатков крепостного вала форта Святого Духа (рис. 1, *1*). Соблюдая масштабное соответствие объектов, с помощью компьютерной графики было сопоставлено его расположение на современных спутниковых картах и аэрофотоснимках Люфтваффе. Наложение конфигурации крепостных стен и современной городской застройки позволило определить точные границы крепости (Кизилов, Кочарский, 2024. С. 91). На фотоснимке Люфтваффе хорошо просматривалась часть сохранявшихся на тот период крепостных валов (рис. 1, *1, 2*), что позволило совместить с геометрической точностью существующий архивный план всего укрепления на карте (рис. 1, *3*). На снимке также хорошо видны первые улицы Адлера, конфигурация которых сохранилась до наших дней без изменения (рис. 1, *4*). Послойное наложение имеющихся снимков позволило с высокой точностью совместить контуры крепости с современными кварталами города (рис. 1, *5*).

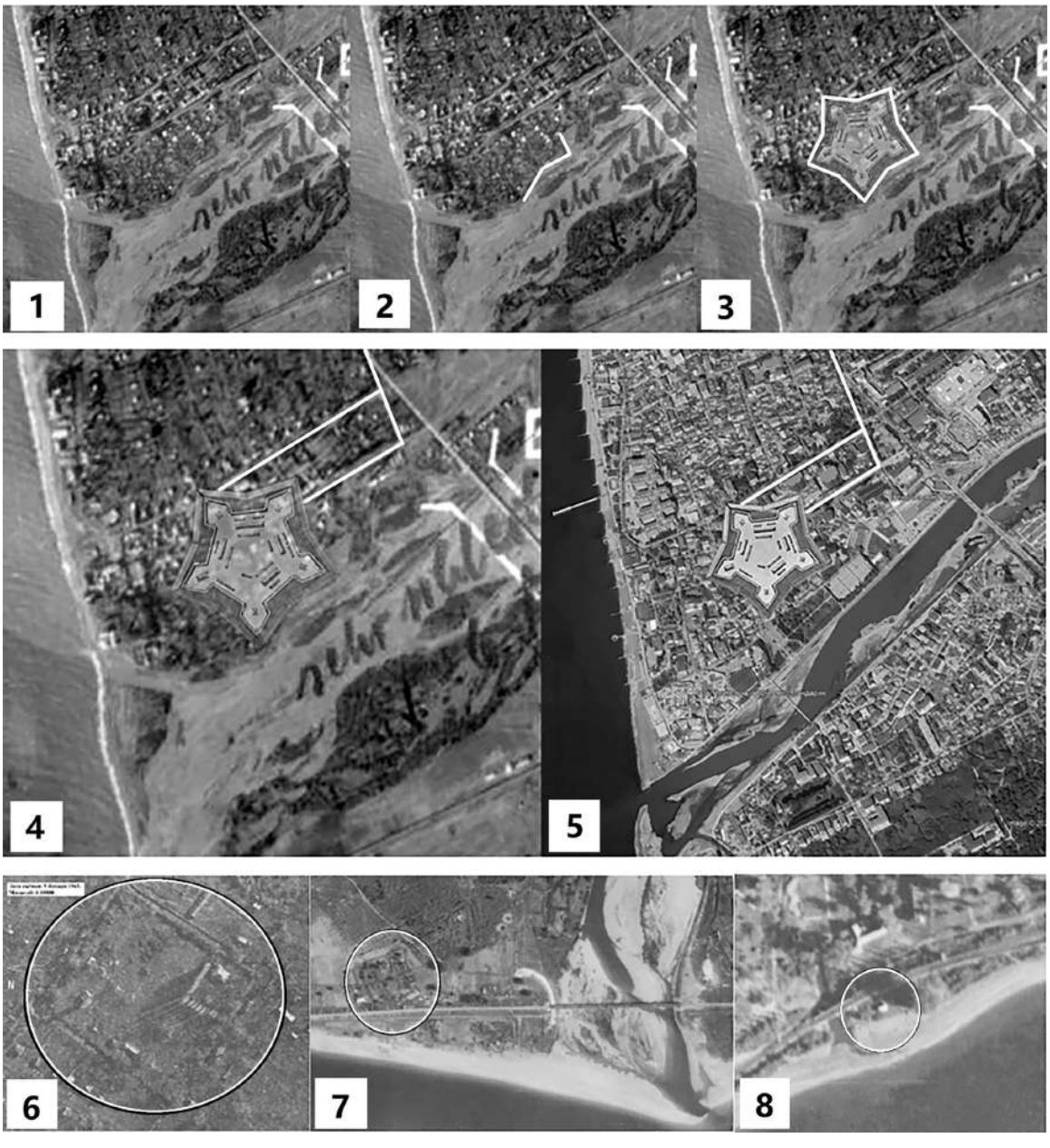


Рис. 1. Сопоставление аэрофотосъемки 1942–43 гг. с археологическими объектами Большого Сочи: 1, 2, 3 – определение контуров форта Святого Духа на территории Адлера в 1942 г.; 4, 5 – локализация контуров форта Святого Духа в зоне современной застройки; 6 – аэрофотосъемка контуров форта Лазарева; 7 – аэрофотосъемка контуров форта Головина; 8 – аэрофотосъемка контуров южной апсиды храма в поселке Хоста (Краснодарского края)

Аналогичная ситуация складывается с фортами Головина и Лазарева, контуры которых также хорошо просматриваются на фотографиях 1942–43 гг. (рис. 1, *6, 7*). Следует отметить, что очертания русла реки и конфигурация морского побережья в данных случаях не являются строгими ориентирами, поскольку за десятки лет они изменили свои первоначальные контуры. Более надежными маркерами локализации утраченных объектов можно считать линию железной дороги и мосты, неизменившиеся автомобильные магистрали и старые градообразующие улицы населенных пунктов.

Применим подобный метод поиска утраченных объектов и к памятникам средневековья. Согласно имеющимся обобщенным данным, на территории Большого Сочи существовало

около тридцати средневековых храмов, из которых на сегодняшний момент археологически сохранились лишь одиннадцать (Кизилов и др., 2019. С. 162). В качестве примера локализации можно рассмотреть утраченный средневековый храм в Хосте, фактические данные о его расположении можно было почерпнуть только по фотографиям из справочной книги Ф.П. Доброхотова и отчета А.П. Лебедянской (Виноградов, 2020. С. 14). Последние исследования показали, что, судя по всему, в настоящее время церковь находится под железнодорожной насыпью у пансионата «Кавказ», близ восточного торца его корпуса (Железнодорожная ул., д. 14) (Виноградов, 2020. С. 14). Корректировку в данную локализацию внес уникальный документ аэрофотосъемки Люфтваффе 1942 г. На фотографии в прибрежной полосе хорошо просматривается фрагмент циркульного контура развалин южной апсиды храма (рис. 1, *8*). Вероятно, что по причине неудачной освещенности на других вариантах снимков Люфтваффе этого участка берега, четкие контуры развалин не были заметны.

В настоящее время на локализованном участке берега располагается Хостинское Поисково-Спасательное Подразделение ЮРПСО МЧС России, территория которого имеет ограниченный режим доступа. После зимних штормов 2020 г. из глинистого участка берега неподалеку от впадения в море ручья «Видный» автором статьи был обнаружен фрагмент средневековой плинфы толщиной 4 см, который был исследован на предмет его состава (Кизилов, 2023. С. 53). Макросъемка показала, что тесто состоит из хорошо отмученной глины, аналоги которой в строительной керамике на территории Большого Сочи пока еще не выявлены.

На нынешнем этапе в работе по локализации контуров археологических объектов задействованы аэрофотоснимки Люфтваффе, на которых показаны частично сохранившиеся развалины крепости у реки Годлик и крепости Мамай-Кале у реки Псахе. Данное исследовательское направление имеет большие перспективы, поскольку многие археологические объекты в середине XX в. еще имели сохранившуюся надземную часть, и их дальнейшая точная локализация представляет вполне реалистичную и решаемую задачу.

Благодарности. Автор благодарит за содействие в проведении полевых исследований К.А. Глазова и М.Н. Кудина.

Литература

Виноградов А.Ю. 2020. Неизвестный крестово-купольный храм X века в Хосте (Краснодарский край) // Архитектурное наследство. № 72.

Ворошилов В.И. 2008. История убыхов. Майкоп.

Кизилов А.С., Глазов К.А. 2017. Определение границ древней крепости в центре Сочи по материалам археологических и историографических исследований. // Социально-экономическое развитие населения западного Кавказа в древности и средневековье. VII «Анфимовские чтения» по археологии западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Краснодар.

Кизилов А.С., Кочарский Л.С. 2024. Информационное обеспечение и бизнес-внедрение историко-культурного маршрута «Форт Святого Духа» // Известия Субтропического научного центра Российской академии наук. № 4–4.

Кизилов А.С., Кудин М.И., Глазов К.А., Марков Д.Н. 2019. Неучтенные и вновь выявленные средневековые храмы Большого Сочи // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Анапа.

Кизилов А.С. 2023. Средневековые храмы в долине устья реки Хоста – выявление, описание и локализация на местности // Известия Субтропического научного центра Российской академии наук. № 3–4.

ПОГРЕБЕНИЕ С ПЕРНАЧОМ ИЗ РАСКОПОК НУЗАЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

Крутоголовенко К.А.
Краснодарское краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, г. Краснодар

В ходе раскопок Нузальского грунтового могильника в каменных ящиках в Алагирском районе (Крутоголовенко, 2022) исследовано погребение № 80 в каменном ящике, ориентированном по линии северо-запад – юго-восток (рис. 1). В плане ящик подпрямоугольной формы, сложен из плит серого сланца. Параметры его камеры: около 170–175×45–60 см, глубина – 40–45 см. Стенки толщиной 3–8 см слегка наклонены наружу, их стыки местами промазаны раствором из глины, большей частью смытой на дно могилы и застывшей между тазом и коленями погребенного. Северная продольная стенка состоит из двух крупных плит и, распирающих их, мелких камней. Часть южной стенки составляет боковая сторона «материкового» валуна. Дно ящика выровнено относительно склона к р. Ардон.

Мужчина старше 55 лет погребен вытянуто на спине головой на северо-запад. Череп покоиться на затылке, слегка завалился назад – истлевшая подушка (?). На лицевых костях остатки тонкой материи, изначально полностью покрывавшей голову. Кости рук находятся вдоль «тела», кисти у тазобедренных суставов. Кости рук расположены вдоль «тела», кисти находятся у тазобедренных суставов. Кости ног вытянуты, при истлевании стопы упали вправо. Костяк и вещи покрыты участками белого известкового налета – результат неоднократного затопления, что отмечено и для других каменных ящиков могильника.

Инвентарь. За черепом слева лежала каменная плитка. На грудной клетке обнаружены фрагменты мешочка из ткани, на левой ключице – пуговица с петлей. Между южной стенкой и плечом захороненного лежал железный пернач с обломками рукояти, расположенными вдоль костей руки. На поясничных позвонках – фрагменты шнурков-тесемок и железной пряжки. Слева на тазу найдены: нож, стержень, бритва, кресало и кожаный кисет. Под тазом справа, при разборе костей, найден гребень.

№ 1[1] – подпрямоугольная каменная плитка из серого сланца (рис. 1, *1*). В других погребениях отмечено, что такие камни перекрывают деревянный кубок-потир (рис. 1). Очевидно, эта плитка также была крышкой несохранившегося сосуда.

№ 2 – мешочек тканевый, квадратный в плане, углы прямые. Края ткани подогнуты внутрь и прошиты (рис. 1, *2*). Внутри небольшие двудольные семена, очевидно, просо, зафиксированное в других погребениях могильника (Сергеев и др., 2024. С. 334–335).

№ 2А – круглая полая пуговица-бубенчик с проволочной петелькой, из низкопробного серебра с фрагментами нитей и ткани (рис. 1, *2а*). Через пуговицу перекинута петля из тонкого плетенного шнурка. На двух противоположных от застежки концах, фрагменты ткани увеличиваются. Возможно, застежка являлась элементом плаща.

№ 3 – железный пернач, сильно кородирован, расслаивается, местами поверхность раздута твердыми черными пузырями, указывающими на контакт железа с водой (рис. 1, *3*). Навершие массивное, имеет восемь ударных граней, примыкающих к верхней плоскости втулки. Лопасти в форме трапеции, в сечении подпрямоугольные. Верхние грани, от места соединения со втулкой, слегка опущены вниз. Лопасти занимают чуть боле половины длины

[1] Здесь и далее №№ соответствуют номерам на рис. 1.

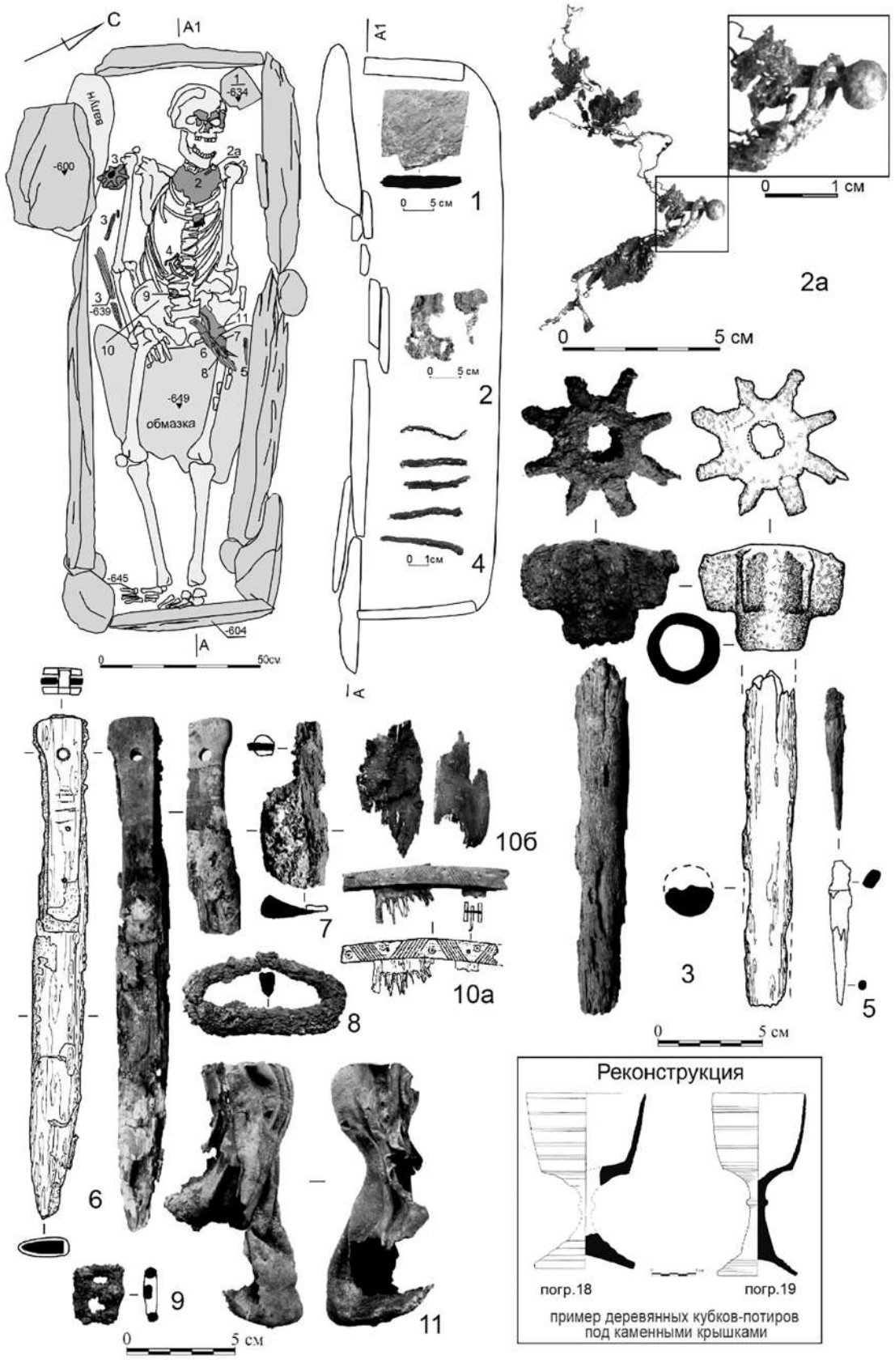


Рис. 1. Погребение № 80. План с разрезом, находки. 1 – камень; 2, 4 – ткань; 2а – ткань, белый метал; 3, 5, 7 – железо, дерево; 6 – железо, дерево, кожа, бронза; 8, 9 – железо; 10а – кость, дерево, бронза; 10б – дерево; 11 – кожа

втулки. Деревянная рукоять, круглая в сечении, выполнена из лиственного дерева[2]. Размеры: 7,2×4,5 см, диаметр втулки – 3,5 см; отверстие – 1,7 см. Рукоять – длина сохранившейся части – 27 см, её сечение – 2,5×2 см.

№ 4 – фрагменты (5 шт.) узких шнурков-тесемок, плетенных из нитей (рис. 1, *4*). На трех у края завязан узел. Схожи с так называемыми китайскими пуговицами.

№ 5 – железный стержень (рис. 1, *5*). Черенок округлый в сечении, имеет следы деревянной рукояти, край его приострен. Рабочая (ударная?) головка в сечении уплощена, выступает вверх от края ручки на 1,4 см. В других погребениях могильника такие стержни также находились рядом с кресалом.

№ 6 – нож железный (рис. 1,*6*), острием был направлен «в ноги». Лезвийная часть помещена в деревянные ножны, обтянутые кожей. Деревянная рукоять с ручкой «современного типа» (Дружинина, 2018) из двух плашек, крепилась бронзовыми штырьками, дополненными бронзовой трубочкой у края, вероятно для подвешивания ножа.

№ 7 – бритва железная с деревянной ручкой (рис. 1, *7*). Лезвие трапециевидное в плане, углы скруглены, спинка переходит в плоский длинный черешок, с двух сторон к нему прикреплены плашки деревянной ручки, сегментовидными в сечении.

№ 8 – кресало железное калачевидное, лапки сомкнуты (рис. 1, *8*).

№ 9 – пряжка железная подпрямоугольная в плане, язычок прямоугольный в сечении крепится к длинной части рамки, огибая её (рис. 1, *9*).

№ 10 – деревянный гребень с резными костяными пластинами спинки (рис. 1, *10а*). Сохранился с фрагментами деревянного футляра со следами кожаной обкладки (рис. 1, *10б*). Костяные плашки узкие, немного изогнутые, покрыты зонами косых бороздок (слева направо – 7–8–9 шт.). Бороздки, направленны зигзагом, образуют между собой треугольники, с циркульным орнаментом посередине. Костяные детали соединены с гребнем бронзовыми штырьками. Большая часть иголок гребня утрачена.

№ 11 – фрагмент кисета, очевидно, для кресала и стержня (рис. 1, *11*). Выкроен из цельного куска кожи, сложенного пополам и прошитого мелким потайным швом внутрь. В верхней части отверстия для шнурка, однако широкий след от стягивания расположен под ними. Кожа твердая и хрупкая. Сохранился в виде закрытого мешочка – верхняя половина стянута гармошкой.

Перчатка в захоронении указывает на высокий статус покойного (см. напр.: Дружинина, Чхаидзе, 2020. С. 219–220). Необходимо отметить, что в группе погребений (чуть менее 100), к которым относится рассматриваемое, какое-либо другое тяжелое оружие не обнаружено. Широкое распространение этого вида вооружения на Руси и в Европе происходит в XVI в. (Негин, 2022. С. 133).

Нож имеет поздний признак – ручку «современного типа». Таких ручек нет у ножей, найденных в более ранней группе Нузальского могильника, относящейся к XIV в. Бритвы и стержни там также не обнаружены. Аналогичные бритвы, преимущественно, датируются XVI–XVII вв. (Дружинина, 2018. С. 343. Рис. 92, *8*). С этим же широким временным отрезком соотносится поздняя группа захоронений в западной части раскопа 2020 г., где находилось погребение № 80. Однако, учитывая его расположение на границе с могильником XIV в., циркульный орнамент на гребне и прочие косвенные признаки, нельзя исключать раннюю хронологическую позицию рассмотренного комплекса, среди погребений Нузальского могильника ориентированных головой на запад.

Литература

Дружинина И.А. 2018. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов // Дисс. ... канд. ист. наук. М.

[2] Определено Л.Н. Грищенко (ИА РАН), работа над образцом рукояти продолжается.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. 2020. Шестопёр из аланского святилища Реком. Древние памятники, культуры и прогресс. A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores. М.

Крутоголовенко К.А. 2022. Раскопки средневекового могильника в поселке Нузал // Археологические открытия 2020 год. М.

Негин А.Е. 2022. Находки средневековых булав в Нижегородском Поволжье // МАИАСП. № S1. Нижневартовск.

Сергеев А.Ю., Бабенко А.Н., Крутоголовенко К.А., Кулаков А.А. 2024. Археоботанические материалы из Нузальского могильника (РСО-Алания) // XXXIII Крупновские чтения «Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века». М.

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ ЗМЕЙСКОГО МОГИЛЬНИКА (РАСКОПКИ В.Л. РОСТУНОВА). К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ И ХРОНОЛОГИИ

Кузина И.Н., Албегова (Царикаева) З.Х.
Институт археологии РАН, г. Москва

Исследование выполнено в рамках госзадания ИА РАН
(№ НИОКТР 122011200266-3)

Змейский могильник аланской культуры находится в Кировском районе Республики Северная Осетия-Алания, у стратегически важного с древности горного прохода (Эльхотовских ворот), лежащего на пути из Предкавказья в Закавказье. Могильник известен с конца XIX в., с 1953 г. на нем ведутся раскопки (Бакушев, Леонтьева, 2021. С. 6–7). В целом памятник датируется 2-й пол. X–XIV в.

В 1983 г. раскопки на могильнике вел В.Л. Ростунов. Он исследовал 33 катакомбы, 5 грунтовых и 7 конских погребений. Бусы содержались в 29 катакомбах (ок. 870 экз.), одна бусина найдена в конском погребении. Для изучения были доступны 577 экземпляров стеклянных бус, ставших предметом этого исследования.

С.Н. Савенко (Савенко, 2017. С. 118) датировал данный участок Змейского могильника сер. – 2-й пол. XI – нач. XII в., а также отметил наличие от 2 до 4 предметов более раннего времени в катакомбах № 76 (3 шт.), 78, 80 (4 шт.), 95, 98, 114 (рис. 1). По одному архаичному признаку содержали катакомбы № 77, 93, 104, 107а, 116. Узкое датирование катакомб осложняется тем, что они зачастую являлись коллективными усыпальницами, кости нередко смещены при подзахоронениях и перемешаны. Выделение самых ранних и поздних бус в камерах может сыграть важную роль в уточнении хронологических рамок комплексов в целом. Исследование стеклянных бус показывает, что некоторые экземпляры появляются раньше середины XI (рис. 1, *1–12*).

Северокавказские бусы X–XIII вв. изучались мало. Часть стеклянных бус Змейского могильника опубликована О.В. Добровой и А.С. Леонтьевой (Доброва, Леонтьева, 2020).

Основные приемы изготовления стеклянных бус соответствуют определенным технологическим традициям, по ним можно с наибольшей долей вероятности предполагать регионы их происхождения. В исследуемой выборке присутствуют бусы шести технологических групп: из тянутой трубочки (без декора и с декором) – 74%. Из них бисер – более 207 экз.; из одноцветных палочек 2%; изготовленные навивкой 29%; изготовленные путем однократного обертывания без декора – ок. 4%; дутые бусы 0,2%; бусы из мозаичной палочки 0,9%.

Выделенные группы имеют разнообразные формы: округлые, ребристые, граненые. Само разнообразие технологических групп говорит о различных источниках поступления стеклянных бус в изучаемый регион. Так, бусы из тянутых трубочек и палочек – изделия массового производства – связывают с ближневосточной традицией (рис. 1, *7, 9*, *10, 11*). Бусы, изготовленные навивкой, принадлежат более широкому кругу ремесленных центров – они известны практически во всех регионах, где так или иначе работали со стеклом. Мозаичные экземпляры могли привозить из Египта, с юга Италии или Ближнего Востока (рис. 1, *4*).

Декор описываемых бус разнообразен как по элементам, так и по материалу: помимо стекла, изделия разных технологических групп украшались металлической фольгой – золотой и серебряной.

Бусы Змейского могильника находят аналогии в европейских и, в частности, древнерусских памятниках. Так три рыбовидные бусины, с сердцевиной из металлической трубочки, находят аналогии в Гнёздово под Смоленском, где датируются X в. (рис. 1, *6*; Доброва, 2017).

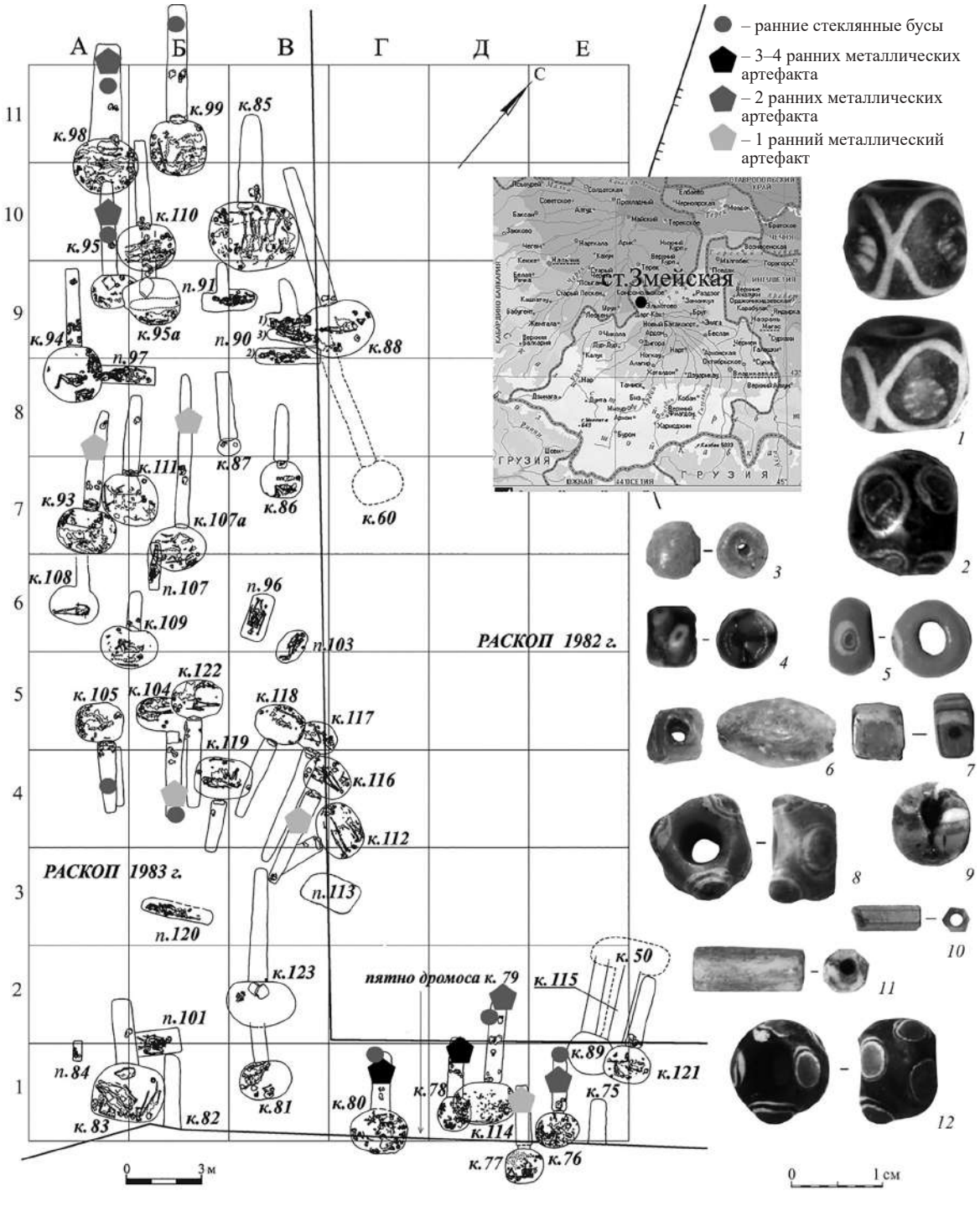


Рис. 1. План участка Змейского могильника (квадратная сетка нанесена авторами статьи). Раскопки В. Л. Ростунова 1983 г. и стеклянные бусы X – первой половины XI в. из катакомбных погребений: 1, 4, 5 – кат. 95; 2 – кат. 98; 3, 7, 10 – кат. 76; 6 – кат. 80; 8 – кат. 104; 9 – кат. 105; 11 – кат. 99; 12 – кат. 114

Широко распространены в Восточной Европе темные бусы с глазками в петлях (рис. 1, *1*). Полосатые бусины из тянутой трубочки и палочки также имеют более раннюю дату на европейских памятниках – X – нач. XI в. (рис. 1, *7, 9*). К этому же времени можно отнести бусы из тянутых трубочек с металлической фольгой, именно с золотой, с хорошей прозрачности верхним стеклом (рис. 1, *3*). За пределы I тыс. не выходят так называемые бородавчатые бусы (рис. 1, *8*).

Таким образом, ранние находки, включая бусы, указывают на начало формирования этого участка Змейского могильника до сер. XI в., возможно, с заходом в X в. (Бакушев и др., 2021. С. 369). Наибольшая концентрация таких находок у ЮВ границы участка, в самом высоком месте всей исследованной площади могильника, предполагает локализацию самых ранних катакомб еще выше по склону.

Для определения торговых связей и путей показательно отсутствие двух типов византийских бус – хронологических маркеров конца X–XI в.: так называемых белоромбических призматических и битрапецоидных и родственных им с белыми поясками; ягодовидных, битрапецоидных кобальтового стекла без декора с разными пропорциями. Также представлены ранними вариантами единичные навитые бусы с золотой фольгой. Перечисленные типы связывают со столичными византийскими мастерскими, на погребальных памятниках Восточной Европы они составляют целые ожерелья. Ю.Л. Щапова (Щапова, 1991) приводила кобальтовое стекло в качестве показателя византийской экономической экспансии на территорию Руси с конца X в. Для земель к востоку и северо-востоку от нее такие типы бус (вместе с золото- и серебростеклянными) рассматриваются как маркеры расширения славянского влияния.

Перечисленные типы не встречаются и в Волжской Болгарии (Захаров, Кузина, 2008), что объясняется особенностями экономических связей и путей поступления бус в Аланию и Волжскую Болгарию.

До конца X в. практически на всей территории Европы бытовали одинаковые типы бус, такая же ситуация существовала в Кавказском регионе. Позднее, с расширением византийского влияния фиксируются четкие различия. На территорию Руси, включая современный Русский Север и Северо-Запад, византийские бусы поступают днепровским путем и по его ответвлениям. Наборы бус Змейского могильника отличаются от древнерусских памятников этого периода по составу и количеству (Захаров, Кузина, 2008), что указывает на иные торгово-экономические связи. Подтверждением тому служат находки монет в древнерусских погребениях.

Для Алании очевидны тесные торговые связи с Южным Кавказом, где в начале II тыс. наблюдается подъем городов, ремесла и торговли, в первую очередь, связи с ближайшим соседом – Грузией. Видимо, преимущественно оттуда в район Эльхотовских ворот, важного транзитного пункта на пролегавшем через Дарьял в Предкавказье пути, поступали стеклянные бусы.

Литература

Бакушев М.А., Леонтьева А.С. 2020. Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Т. I. М.

Бакушев М.А., Борисов А.В., Доброва О.П., Леонтьева А.С. 2021. К вопросу о хронологии погребальных комплексов Змейского катакомбного могильника // КСИА. Вып. 263.

Доброва О.П. 2017. Бусы из погребений по обряду ингумации Гнёздовского могильника // Поволжская археология. № 4 (22).

Доброва О.П., Леонтьева А. С. 2020. Приложение 1. Бусы Змейского катакомбного могильника из раскопок 2013–2014 гг. // Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Т. I. М.

Захаров С.Д., Кузина И.Н. 2008. Вещевой материал Мининского археологического комплекса: Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.

Савенко С.Н. 2017. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н.э. // Археология евразийских степей. Вып. 24. Пятигорск–Казань.

Щапова Ю.Л. 1991. Византия и Восточная Европа. Направления и характер связей в IX–XII вв. (по находкам из стекла) // Византия, Средиземноморье, Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византинистов. М.

МЕТОДИКА РЕСТАВРАЦИИ И ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БЛЯШЕК КОНСКОЙ СБРУИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 134 МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3

Кузнецова В.П., Соломатина Н.В.
Государственный Исторический Музей, г. Москва

Конская сбруя из погребения 134, могильника Заюково-3, состоящая из кожаных ремней с серебряными накладками с заполнением представляет интерес с точки зрения изучения технологии изготовления и выявления конструктивных особенностей (рис. 1, *1, 2*). Тонкие серебряные бляшки и кожа часто находятся в сильно разрушенном состоянии в погребениях, что осложняет возможность анализа и реконструкции. Цель данного исследования – проанализировать состав металла бляшек и их заполнения, выявить особенности технологии изготовления.

Было отреставрировано и исследовано примерно 60 предметов, относящихся к конской сбруе.

При реставрации использовался стереомикроскоп Hund Wiloskop в отраженном свете при увеличении ×6,7 до ×45. Для фиксирования следов – электронный микроскоп Carl Zeiss Stemi 200 dc с камерой AxioCam ERc5s и оптический микроскоп Olympus BX51 с камерой Leica DFC420C с увеличением ×50 и ×100.

Состав металла бляшек и их заполнения, определение металла шпенька и шляпки одной из полусферических бляшек, исследовался при помощи следующих методов:

– Микроскопия в отраженном свете с помощью стереомикроскопа Hund Wiloskop (Helmut Hund GmbH, Wetzlar),

– Микрохимический анализ,

– ИК-спектроскопия на приборе ИК Фурье-спектрометр ФТ-801 (Simex)

– Определение состава элементов в образцах методом энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии с использованием сканирующего электронного микроскопа (JSM-5910LV, JEOL), в отраженных электронах, в режиме Z-контраста.

Перед изучением проводилась комплексная реставрация, включавшая в себя подбор фрагментов, склейку, укрепление хрупких бляшек и фрагментов кожаных ремней и механическую расчистку внешней поверхности бляшек от почвенных наслоений и рыхлых продуктов коррозии. В реставрацию комплекс поступил в виде отдельных предметов и конгломератов, взятых в погребении.

При первичном осмотре выявлено заполнение у всех видов бляшек, частично сохранившееся или практически утраченное. Масса заполнения представляет из себя твёрдое серое вещество, покрытое трещинами. На внешней стороне некоторых видов бляшек обнаружены следы, оставленные при изготовлении. На оборотной стороне в бляшках, где заполнение утрачено – поверхность вытянутых ременных наконечников имеет более чёткий оттиск, чем на внешней стороне. Толщина бляшек составляет в среднем 0,1 мм. Металл, использованный для создания основы бляшек, состоит из сплава на основе серебра. Заполнение – масса из свинца и олова, в которую утоплены шпеньки из чистой меди (рис. 1, *3*). В полусферических бляшках присутствует дополнительный слой из массы – смесь мела с воском.

Сохранилось 20 фрагментов кожаных сбруйных ремней различной степени сохранности. Размер фрагментов от 1,5 до 14,5 см. В том числе 4 перекрестья ремней. В это количество не вошли остатки ремней на оборотной стороне металлических бляшек.

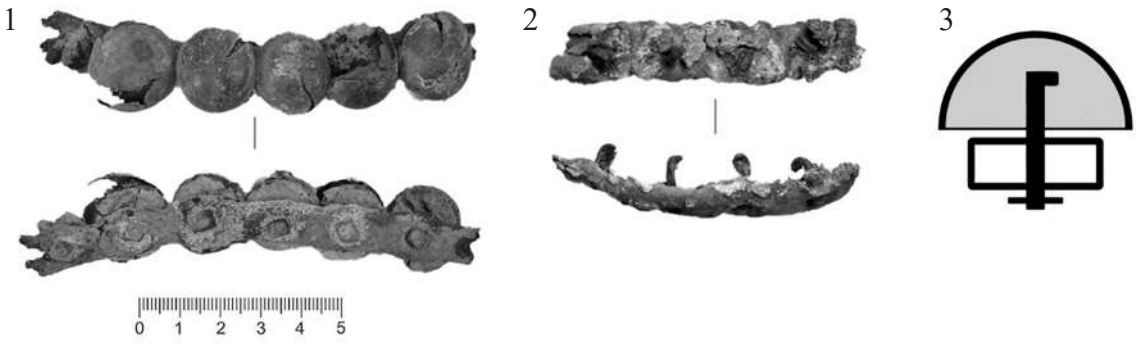


Рис. 1. *1–2* – ремни конской сбруи п. 134 м. Заюково-3,
3 – схема устройства тисненной накладки, прикрепленной к ремню

На основании визуального осмотра можно предположить, что для изготовления ремней применялась кожа, подвергнутая жировому дублению. Лицевая поверхность кожи рыхлая, на сохранившихся участках имеет характерный светлый оттенок. Толщина кожевенного материала варьируется в диапазоне от 1,5 до 2,0 мм. Ширина ремней 8,1–11,97 мм, толщина 1,3–3,5 мм.

Было проведено исследование технологии изготовления сшивной нити одного из фрагментов ремня. Диагональные стежки шва длиной около 3 мм расположены на расстоянии около 2–2,5 мм. При этом они расположены таким образом, чтобы быть наименее заметными, и выходят на поверхность на 1 мм (0,55–0,9 мм). Расстояние от края полоски кожи до прокола около 1,5 мм. Сшивная нить очень плотная, монолитная, не разделяется на волокна. Вероятно, жильной природы[1].

В результате проведённых работ удалось выяснить состав металла и заполнения бляшек. Бляшки состоят из серебра, внутренний объём заполнен легкоплавким сплавом на основе свинца и олова. В полусферических бляшках, помимо металлического заполнения присутствует органо-минеральная мастика из мела и воска. Шпеньки двух типов: г-образные и п-образные выполнены из чистой меди.

Сбруйные ремни были изготовлены из светлой кожи жирового дубления. Для изготовления ремней, полоску кожи складывали по длине с загибом краёв на лицевую сторону. Края продольного шва сшивались малозаметным швом жильной ниткой. Шов проходил по центру вдоль ремня, под декоративными накладками. В местах перекрестий ремешок прорезался, сквозь него продевался другой, и они скреплялись штифтами или скобками. Бляшки на ремнях располагались вплотную друг к другу. Расстояние между штифтами крепления около 15,0 мм. Ремни были изготовлены так, что виден был только пышный декор из металлических бляшек, кожаная основа была скрыта под ними (рис. 1, *1, 2*).

[1] Исследование нити проводилось заведующей мастерской реставрации тканей Отдела реставрации фондов ГИМ, художником-реставратором высшей категории Мамоновой А.А.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА КАРИ ЦАГАТ

Лазарев М.Н.[1], Березина Н.Я.[2]

[1, 2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
[1, 2]НИИ и Музей антропологии имени Д.Н. Анучина, г. Москва

Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 25-18-00322)

Проблема происхождения народов Кавказа остается одной из наиболее сложных и дискуссионных в научной литературе. Практически все важнейшие события, разворачивающиеся на Северном Кавказе на протяжении полутора тысяч лет историческая традиция связывает с именем алан. Изучение именно этого пласта населения наиболее актуально для понимания этногенеза современных народов Кавказа, поскольку на территории современной Осетии сохранились не только язык и религия, но отчасти и культура средневековых алан.

Материалом для данного исследования послужила серия погребений из средневекового аланского могильника Кари Цагат из коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ, переданная с согласия автора раскопок к.и.н. А.П. Мошинского. Средневековый аланский могильник Кари Цагат, датированный археологами IX–XI вв., находится в труднодоступном Дигорском ущелье республики Северная Осетия-Алания на горном склоне под высоким скальным обрывом. Характерной особенностью некрополя является периодичность его использования в разные временные периоды (археологами выделено три периода). Два погребальных комплекса относятся к дигорской культуре (II тыс. до н.э.), 2 погребальных комплекса, которые оказались безинвентарными и резко отличающимися по погребальному обряду, вероятно, относятся к сарматскому времени (III–II вв. до н.э.), остальные 24 погребения и все культовые комплексы относятся к аланской эпохе (IX–XII вв. н.э.) (Кадиева, 2011; Мошинский, 2015).

В основном, исследуемый материал представляет собой сильно фрагментированные краниологические материалы с включением небольшого количества посткраниальных частей скелета.

В исследовании были использованы методики, принятые в классических палеоантропологических работах. Исследования серии Кари Цагат проводилось по следующим системам признаков: половозрастные характеристики, краниометрические, дискретно-варьирующие и остеометрические признаки, маркеры стресса (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Богатенков, 2003; Мовсесян, 2005).

В соответствии с разной сохранностью скелета количество изученных по разным методикам индивидов варьирует.

Для половозрастной характеристики популяции был изучен 131 индивид, 50 черепов было исследовано по краниоскопической методике, а измерить удалось лишь 44 черепа и 15 посткраниальных скелетов, маркеры стресса удалось изучить на 35 черепах.

Исследуемая серия не соответствует некоторым критериям палеопопуляции (Алексеев, 2008), следовательно, давать сравнительную оценку большинству палеодемографических характеристик некорректно. Одним из параметров, доступных для изучения, является средний

возраст смерти. Так, средний возраст смерти у мужчин составил 39,5 лет, у женщин – около 37,9 лет. Средний возраст в целом во взрослой группе – 36,9 лет. Процент детской смертности не менее 24,8 %, но этот показатель не может быть принят как окончательная характеристика, так как существует вероятность, что часть детских костяков не попала в коллекцию, что видно из заниженного показателя младенческой смертности 13 %.

Для понимания особенности изученной выборки в системе изменчивости популяций Северного Кавказа по краниометрическим признакам был проведен канонический дискриминантный анализ. Для сравнения были привлечены группы разных археологических культур, которые жили в этом регионе раньше или синхронно (табл. 1). Представлено распределение выборок в пространстве 1 и 2 КП, суммарно описано около 55 % межгрупповой изменчивости. Черепа исследуемой группы оказались более грацильными, в отличие от других аланских групп, что и нашло отражение в результатах межгруппового анализа. Изученная выборка отличается от других аланских серий по 2 КП, для изученной выборки характерно высокое лицо с сочетанием невысокой мозговой коробкой, узким носовым отверстием и высокой глазницей (рис. 1).

Что касается остеометрических данных, то анализ продольных размеров длинных костей конечностей группы Кари Цагат показал их достоверно б**о**льшую длину на фоне синхронных аланских серий. Реконструкция длины тела по разным формулам показала выраженный половой диморфизм: длина тела в мужской группе по всем формулам составила примерно 170 см, а в женской группе – около 160 см, что, по одной из теорий, может говорить о хорошей адаптированности группы к окружающей среде.

Анализ частот дискретно–варьирующих признаков был применен для изучения степени схожести с синхронными и диахронными сериями. Для сравнения был выбран ряд призна-

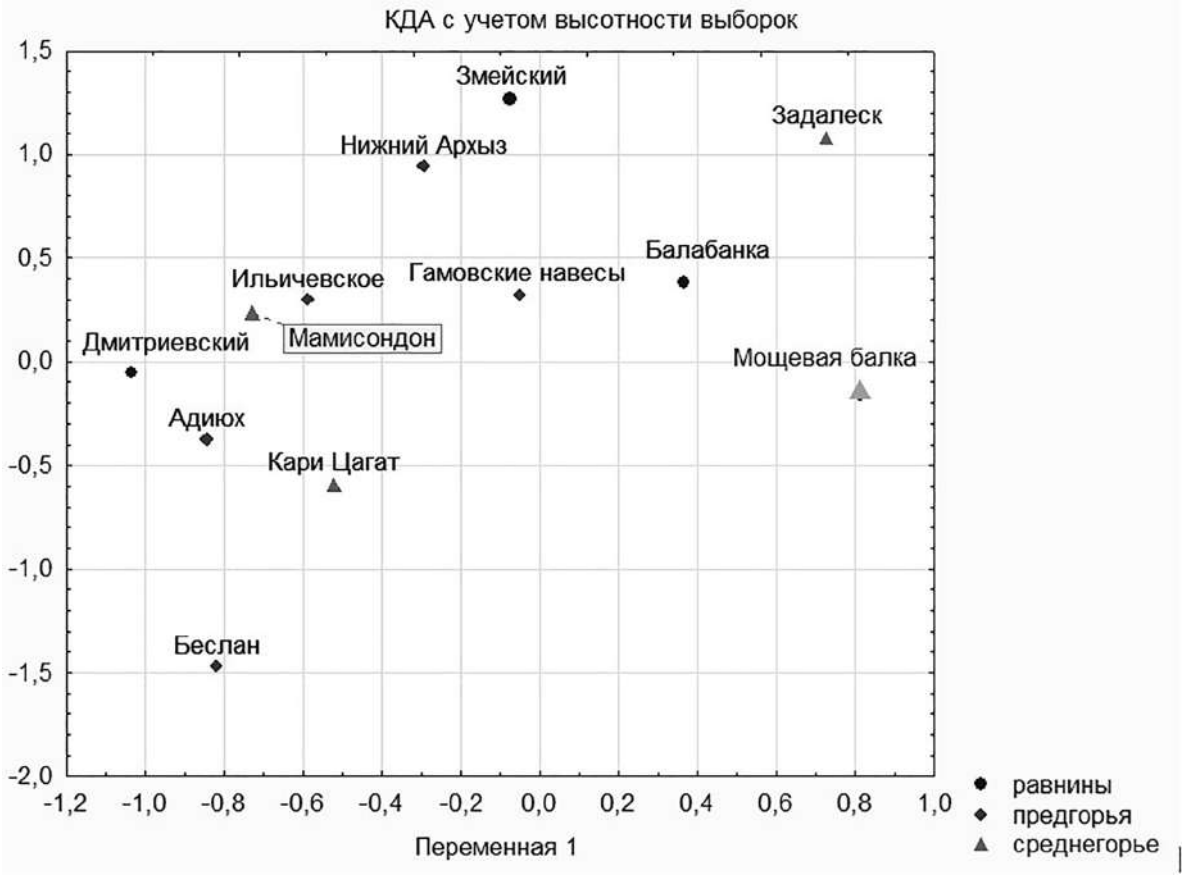


Рис. 1. Сравнение серии Кари Цагат по краниологическим данным с синхронными аланскими могильниками методом канонического дискриминантного анализа.

ков, которые безошибочно определяются любым исследователем, в том числе и на фрагментированном материале. Можно заметить повышенные показатели частот выбранных признаков у серии Кари Цагат в отличие от других изучаемых групп. Данные результаты для серии Кари Цагат возможно объясняются изолированностью группы и «эффектом основателя».

Частота встречаемости маркера *cribra orbitalia* – поротических изменений крыши глазницы, часто ассоциируемого с анемиями различного происхождения – довольно высокая в детской части серии, что, однако не может строго приниматься ко вниманию в связи с низкой численностью останков, доступных к изучению. Во взрослой части группы частота встречаемости *cribra orbitalia* невысока – всего 17,9%.

Результаты половозрастной диагностики дают возможность предположить, что изученное население не испытывало негативного внешнего воздействиями и в целом было хорошо адаптировано к условиям проживания в горной местности. Грацильность краниологического комплекса, а также завышение частот некоторых дискретно-варьирующих признаков черепа в серии Кари Цагат на фоне индивидов других аланских могильников сходного времени может отражать изоляцию группы и «эффект основателя». Результаты остеометрических исследований показали, что группа характеризуется достаточно большими размерами длинных костей конечностей на фоне равнинных серий, что может являться следствием как внутренних («эффект основателя»), так и внешних (условия окружающей среды) процессов.

Табл. 1. Археологические памятники, используемые для сравнительной характеристики

#	Название серии	Регион	Датировка	Арх. культура	Автор публикации	Высота н. у. м.
1	Кари Цагат	Северная Осетия	IX–XI вв.	Аланская культура	Материалы статьи	~1600 м
2	Задалеск	Северная Осетия	VII–IX вв.	Аланская культура	Герасимова, 2023	~1300 м
3	Беслан	Северная Осетия	II–IV вв.	Аланская культура	Герасимова, Суворова, Фризен, 2009	~ 500 м
4	Дмитриевский могильник	Белгородская обл.	VIII–X вв.	Аланская культура	Кондукторова, Сегеда, 1990	~ 110 м
5	Мощевая Балка	Карачаево-Черкесия	VIII–IX вв.	Аланская и местная горская	Герасимова, 1986 Алексеев, 2009	~ 938 м
6	Змейский	Северная Осетия	X–XIV вв.	Аланская культура	Фризен, 2024	~ 300 м
7	Гамовские навесы (объед.)	Краснодарский край	VIII–IX вв.	Аланская культура	Герасимова, 2019	~ 500 м
8	балка Балабанка	Краснодарский край	VIII–X вв.	Аланская культура	Герасимова, 2019	~ 400 м
9	Ильичевское	Краснодарский край	X–XII вв.	Аланская культура	Герасимова, 2019	~ 700 м
10	Нижний Архыз	Карачаево-Черкесия	X–XII вв.	Аланская культура	Алексеев, 1974	~ 700 м
11	Адиюх	Карачаево-Черкесия	X–XII вв.	Аланская культура	Алексеев, 1974	~ 750 м
12	Мамисондон (группы 1 и 2)	Северная Осетия-Алания	VII–IX вв.	Местная горская	Березина, Бужилова, Решетова, 2012	~ 1600–1700 м

Невысокие частоты маркера стресса согласуются с выводом об относительно хорошей адаптации населения, оставившего памятник Кари Цагат, к условиям окружающей среды.

Результаты приведенного комплексного исследования серии Кари Цагат характеризуют относительно благоприятную обстановку, не сопряженную с длительными войнами, изнуряющими нагрузками и эпидемиями.

Литература

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.

Алексеев В.П. 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.

Алексеев В.П. 2008. Избранное: в 5 т., Т. 3: Историческая антропология и экология человека. М.

Богатенков Д.В. 2003. Палеодемография Мистихали // Влахи. Антропо-экологическое исследование (по 196 материалам средневекового некрополя Мистихали). М.

Кадиева А.А. 2011. Погребальный обряд могильника Кари Цагат (Дигорское ущелье, Северная Осетия) // Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир-Краснодар-М.

Мовсесян А.А. 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.

Мошинский А.П. 2015. Средневековые погребения Кари Цагат с двойным перемещением останков погребенных // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 7. Ставрополь.

ПОМИНАЛЬНО-ПОСТПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЗМЕЙСКОГО МОГИЛЬНИКА

Леонтьева А.С.
ООО «Культурное Наследие», г. Москва

Под поминально-постпогребальной обрядностью на Змейском могильнике понимается проведение обряда в дромосе – месте, посещаемом неоднократно. Атрибутами обряда являются останки погребенных, заупокойная пища, посуда и некоторые другие элементы погребальной практики. Здесь не упомянуты другие предметы погребального инвентаря, найденные во многих дромосах катакомб, потому как автор считает, что они не являются тризновыми, а попали в дромосы в ходе ограбления камер.

Главной категорией поминально-постпогребальной обрядности в дромосах змейских катакомб была посуда: здесь зафиксированы столовые кувшины с носиком-сливом (водолеи) и кувшины без водослива, миски, столовые/кухонные горшки и кружки.

При учете количества сосудов, представленных в дромосах катакомб, за одну единицу принималась только целая форма, в редких случаях фрагментированный сосуд, если он определим до типа. В 280 дромосах из 610 катакомб Змейского могильника зафиксировано 608 сосудов, из которых 74 позиции во фрагментах не определимы до типа сосуда. Выделяются три основные зоны, где оставлялись сосуды: в начале дромоса, в середине и у заклада на разной глубине (табл. 1).

Таблица 1. Количество и местоположение сосудов в дромосах Змейского могильника

Тип	Общее кол-во	У заклада	В середине	В начале	Лежащими на боку	Стоящими	В заполнении	На полу	У длин. стенки слева от входа	У длин. стенки справа от входа
Водолеи	422	189	114	42	313	14	191	80	42	45
Кувшины без слива-носика	134	61	26	18	91	2	62	25	10	19
Кружки столовые	21	14	6		12	6	2	8	3	3
Горшки кухонные	15	6	5	2	5		9	2		2
Кружки кухонные	10	2	5	1	8		3	4	2	3
Миски	4	2	1			2	1	1		
Горшки столовые	3	1	1		1		1			

Для проведения поминального обряда в дромосах обычно использовались водолеи, чаще их оставляли у заклада. Расположение сосудов на различных глубинах дромоса предполагает, что их помещение в дромос происходило не в момент совершения каждого последующего погребения в камере, а в рамках поминальных практик, осуществлявшихся либо сразу после очередного подзахоронения, либо спустя время после прекращения активной погребальной деятельности. Сосуды, обнаруженные в верхних горизонтах заполнения дромоса, интерпретируются как свидетельства завершающего этапа функционирования катакомбы, когда посещения были связаны исключительно с поминальными обрядами. Данное предположение исключает сценарий неоднократного раскапывания и последующей засыпки дромоса для каждого нового погребения в камере.

Выделяются две группы жертвенных животных, использовавшихся в обряде: кости КРС и МРС (прежде всего, барана). Иногда в отчетах указаны просто «кости животных». В 26 дромосах выявлены бараньи черепа, челюсти, зубы, ребра, лопатки, плечевые, трубчатые кости, астрагалы и позвонки. В 13 дромосах указаны просто «кости животных». В 12 дромосах найдены ребра, плечевые кости, фрагменты черепов, челюстей, трубчатые кости, лопатка, шейный позвонок, заплюсна КРС. Из шести дромосов происходят трубчатые кости, фрагмент таза, шейный позвонок или неопределимые кости МРС. В шести дромосах обнаружены как кости барана, так и неопределимые или определимые кости КРС/МРС. Зачастую кости животных находятся в дромосах вместе с углями.

В 56 дромосах зафиксированы угли в виде мелко рассеянных частиц на протяжении всей длины/глубины дромоса или в виде скоплений. Перед лазом в шести дромосах выявлено скопление углей, что свидетельствует о преднамеренном разжигании костра у заклада. Именно этим действием объясняется наличие копоти или золы на закладах. В четырех катакомбах X–XI вв. имеются следы золы на закладах. Жернова из пяти катакомб XII–XIII вв. имеют следы огня на поверхности.

На основе анализа этнографических данных можно предположительно реконструировать структуру поминального обряда. Скорее всего, родственники и знакомые погребенных в Змейском могильнике приходили к открытому дромосу катакомбы с бараниной, козлятиной или говядиной. Это находит параллели в кавказской этнографии. Так, у лакцев обычай зарезать барана существовал в момент выноса умершего из дома. Считалось, что данное действие отвлекало злую силу, собиравшуюся около покойного, на кровь, чтобы его душа ушла чистой (Булатов, 1990. С. 37). В день Вознесения осетины закалывали барашка, варили его дома, голову и ноги, как и все остальное относили на кладбище (Кокоева, 2015. С. 122).

В дромосах некоторых катакомб Змейского могильника зафиксированы следы угля, который возможно использовался перед или во время проведения обряда. Ритуальные действия с водой могли включать обрядовое омовение, «поение» умерших или разбрызгивание воды по дромосу, что можно рассматривать как форму бескровного жертвоприношения. Кроме того, в сосудах иного типа могли приноситься другие пищевые жертвы. Разжигание костров у входа в погребальное сооружение (заклада) не было повсеместным, но отдельные случаи такого рода зафиксированы.

Для интерпретации этих обрядовых деталей привлекаются этнографические параллели, однако следует отметить, что прямые аналогии затруднительны. Удаленные, в пространственном и временном отношении, данные, например, верования народов Дагестана о ритуальном вызывании дождя через связь с миром мертвых (Булатов, 1990. С. 88), не могут служить прямыми параллелями, но указывают на возможное символическое значение воды в погребальном контексте. Более близкие схожие черты обряда прослеживаются в осетинской этнографии, где углю и огню в поминальной практике приписываются очистительные и охранительные функции, а также смысл «согревания» покойного, как при обращении: «Согрей свои холодные руки над этим костром, ведь солнце тебе уже не светит» (Цахилов, 2007. С. 364). Обряд «кормления» умерших и духов предков, сопровождавшийся совместной трапезой живых, также имеет широкие исторические корни и мог способствовать социальному взаимодействию между мирами (Текуева, Нальчикова, 2019. С. 26–28).

Таким образом, на основе археологических данных и с учетом осторожного привлечения этнографических аналогий, можно предположить, что поминальный обряд, фиксирующийся при раскопках змейских катакомб X–XI вв., представлял собой сложный комплекс действий, включавший очищение и охрану пространства (уголь), жертвоприношения (вода, пища) и коммуникацию с потусторонним миром (огонь, трапеза). Вероятно, каждый этап обряда сопровождался произнесением молитв.

В XII–XIII вв., в условиях изменения политической и конфессиональной обстановки, обрядовые практики на Змейском могильнике претерпели трансформацию. Ритуальные действия, судя по находкам 24 поминальных комплексов раскопа 1, совершались вне дромосов на дневной поверхности, образуя специальные поминальные площадки (Бакушев, Леонтьева, 2020. Т. 1. С. 242–245). Кухонные сосуды с остатками жертвенной пищи (кости быка, птицы из семейства врановых, осетровые бляшки, куриное яйцо) преднамеренно закапывались в грунт между погребениями или на окраине могильника. Это может свидетельствовать о существенной перестройке ритуальной системы и пространства при сохранении общей идеи жертвенных приношений.

На основании анализа археологических данных Змейского могильника можно сделать вывод, что в X–XI вв. поминальная обрядность, вероятно, представляла собой сложный, структурированный ритуал, совершавшийся в дромосах и включавший жертвенные приношения пищи и посуды, очистительные действия с использованием огня и, возможно, ритуальное использование воды. В XII–XIII вв., в связи с изменением политической и конфессиональной обстановки, эта система претерпела трансформацию: основные ритуальные действия сместились на специальные поминальные площадки за пределами катакомб, что может свидетельствовать о перестройке ритуального пространства при сохранении самой идеи жертвенных приношений предкам.

Литература

Бакушев М.А., Леонтьева А.С. 2020. Змейский катакомбный могильник (Материалы раскопок 2013–2014 гг.). В 2-х томах. М.

Булатов А.О. 1990. Пережитки домонотеистических религий народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала.

Кокоева А.Б. 2015. Погребальный обряд осетин как этнокультурный феномен // Дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ.

Текуева М.А., Нальчикова Е.А. 2019. Поминальная жертва и поминальная пища в традициях народов Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. Вып. 33 (72).

Цахилов О.Л. 2007. Погребальный ритуал осетин в прошлом и настоящем // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Т. 17. № 43–1.

ЖРЕЧЕСКИЕ ПОСОХИ ИНГУШЕЙ

Мадуров Д.Ф.[1], Султыгов Р.М.[2]
[1]ООО «Наследие», г. Москва
[2]Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева, г. Магас

В 2024 г. в ходе работы Пуйской археологической экспедиции был исследован склеп № 6. Среди примечательных находок выделяются фрагмент трезубца из рога серны (рис. 1, *а*) и части двух серебряных бубенчиков *гургал* (*инг.*) «колокольчик, бубенчик» (рис. 1, *б*). В этнографических описаниях все эти элементы реконструируются, как части жреческого посоха *1аса*.

Стиль предметов и приемы обработки металла указывают на местное производство найденных бубенчиков. При исследовании Башни № 3 был обнаружен железный наконечник нижней части посоха *бухь* (*инг.*) (рис. 1, *в*). Согласно местной традиции, шесты с такими наконечниками метались во время новогоднего обряда после возвращения из храма (Цароева, 2016. С. 92).

В обиходе ингуши имеют несколько видов посохов: *хьокх* – «жердь»; *серг* – «прут»; *геми* – «дротик»; *гебаг1* – «копье»; *гIадж* (*й, й*) – «палка старика»; *ццув* – «вымпел, сноп, статуэтка», священный белый флаг – *ныч*; священная хоругвь – *т1ема байракх*; копье с бунчуком, знак командира отряда – *бунчакх* (Бузуртанов, 2025. С. 525). В рамках совершения погребального обряда на могиле устанавливается шест с зеленым полотнищем *алам бекъ (бéкъа)*. Вероятнее всего, данный термин является арабизмом. В то же время *бекар* (*инг.*) можно перевести как «звучание, звон».

В обряде на горе Мят-сели описывается *бейрах* в виде белого флага с колокольчиками, хранившегося на горе Матхох у часовни «маленького Мят-сели». «Подобный флаг имел место почти при всех больших мольбищах, а также (с траурным полотнищем) в похоронных и поминальных обрядах. При решении возникших между селениями споров о межах существовал обычай обносить «бейрах» по спорной границе, как сильнейшее доказательство правоты» (Газиков, 2018. С. 544, 545; Цароева, 2016. С. 61). В последнем случае шест ставится у храма Мятцели, по завершении обрядов жрец уносит шест обратно в часовню Баин-Сели (Вертепов, 1903; Мифы…, 2003. С. 185–186). Праздник на Столовой горе описывают Чах Ахриев, А. Базоркин, М. Льянов (Ахриев, 1996. С. 13–100; Базоркин, 1996. С. 139–149; Льянов, 2005. С. 14–21; Дзарахова, 2007. С. 116–119.

На храмах и «солнечных склепах» как, например, на храме Дялите у башенного комплекса Дошхакле, можно видеть камень (два камня) с дырой (образующие дыру) на фасаде. Чаще всего они предназначаются для крепления хоругви – белого флага.

1аса – ингушский посох жреца. В этнографических описаниях это шест с белыми (цвет сакральной чистоты) лентами заканчивающийся трезубцем и бубенчиками (колокольчиками) на нем; «…белый цвет олицетворял воду, женщину, землю, красный − огонь, кровь, мужчину» (Акиева, 2013. С. 214). В *эльгуц* (*эльгыц*) (выложенный из камня подземный склеп с дверью), наряду с рогами животных, кладут белые значки *ныч* (Цароева, 2016. С. 54).

Цlайн-саг (*цlай-саг, ц1*) – жрец «человек обряда, человек святилища, чистый человек». (Цароева, 2016. С. 56; Бларамберг, 2012. С. 319). Помимо посоха *к* атрибутам жреца относятся деревянный молот и доска. Известно использование этих предметов при совершении

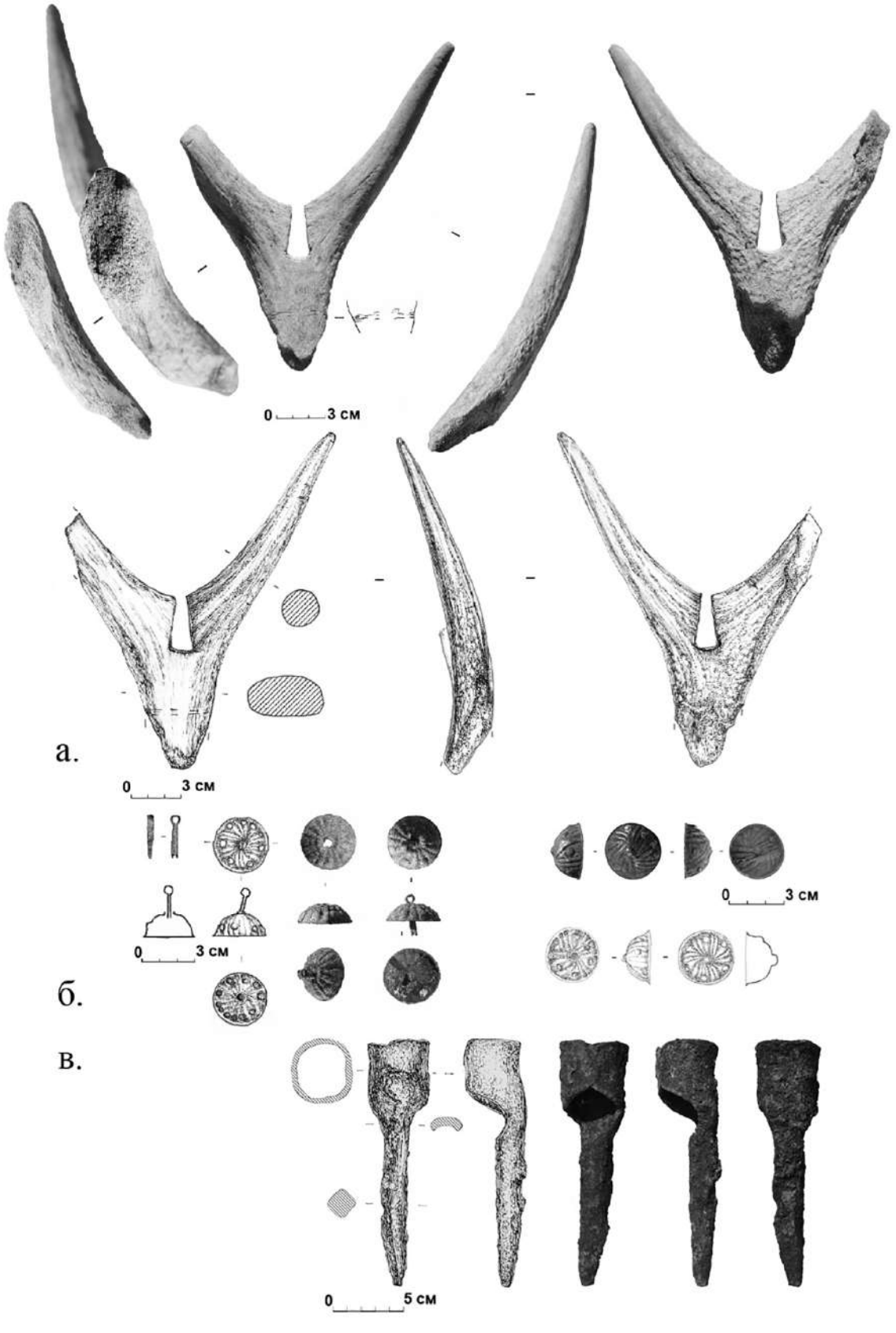


Рис. 1. *а* – навершие посоха *1аса*; *б* – два серебряных бубенца *гургал*; *в* – нижний железный наконечник посоха *бухь*

обряда во время молитвы Мятцели. Во время молитв и *синнел* «жертвоприношение» жрец держал в руках ковш с *йий* (пиво) или *них* (сидр).

Древко жезла часто изготавливалось из дерева *турс* (Gardenia). *Турс* (инг.) «щит, защита». Посох *турс г1адж,* в силу его охранительных свойств, клался под колыбель, из него делали костыль для плуга (Агиева, 2007. С. 50). Посохи изготавливались и из других сортов дерева, например, из липы. В качестве аналогии приведем посох *1аса* с навершием в виде женской головы из храма Тушоли у с. Кок.

Столпообразные святилища *сиелинг*, где хранился *бейрах*, часто устанавливались там, куда ударила молния. Само название святилища связано именем громовержца Селы (Газиков, 2022. С. 547). Столпообразные святилища ингуши называют *Ц1у*; «в его честь вайнахи устраивают ежегодные празднества в один и тот же день» (Алироев, Маргошвили, 2006. С. 417). Подобные святилища раньше были украшены рогами животных и колокольчиками (Кодзоев, 2015. С. 94; Крупнов, 2008. С. 235).

Во время обрядов на рогах жертвенных бычков вешали белые ленты (Дахкильгов, 1991. С. 173–174). На жилой башне № 3 (Пуй) есть петроглиф с изображением морды быка с квадратным пятном на лбу и двумя зигзагообразными лентами на роге. Белые ленты символизировали молнии бога грозы Селы, отчасти этим можно объяснить их зигзагообразность. В кабардинском нартском сказании о Сосруко говорится: «Ударяя, словно молния [длиною] в девять змей» (речь идёт об ударах, которые наносил Сосруко во время игры в шуратлес), а также связь получеловека-полузмеи с огнём в сюжете о добывании огня» (Ардзинба, 2015. С. 57).

По сведениям Султыгова Абу Бакра Закировича (г. Назрань), в 2001 г. он подобрал жреческий шест длиной 1.8 м в ныне разрушенном наводнением *сиелинге.* В высшей точке шеста из липы с утолщением в верхней части в условной манере был вырезан человек, а за ним спирально вниз спускались изображения зверей: ирбис, медведь, волк, кабан и неопределимое зооморфное существо.

Руины овального в плане (1,2–1,5×2 м) каменного *сиелинга* находились на левом берегу р. Гулойхы (WGS 84: С 42°48.4189' В 44°56.5215', h; балт. система высот: 1213 м). Высота конструкции составляла около 2 м (с полуразрушенной частью стены около 90 см), с сохранившейся на 30% крышей. По всей видимости, рассматриваемый *сиелинг* использовался для хранения бейрах и был неотъемлемым элементом ритуала восхождения молящихся к храму. В округе этого *сиелинга* лишь один храм – Тхаба Ерды. Он использовался в позднем средневековье для ингушских обрядов (Бларамберг, 2012. С. 329).

Литература

Агиева Л.Т. 2007. Традиционные народные представления ингушей, связанные с исчислением времени // Вопросы истории Ингушетии. Исследования и материалы. Вып. 6. Магас.

Акиева П.Х. 2013. Архетипы цветовидения ингушей // Лавровский сборник: Материалы XXXVI–XXXVII Средневазиатско-Кавказских чтений 20212-2013 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПБ.

Алироев И.Ю., Маргошвили Л.Ю. 2006. Кистины. М.

Ардзинба В.Г. 2015. Кавказские мифы, языки, этносы // Собрание трудов в 3-х тт. Том III. М.

Ахриев Ч. 1996. Ингуши (предания, верования и поверья) // Ингуши. Саратов.

Базоркин А. 1996. Горское паломничество // Ингуши. Саратов.

Бларамберг И. 2012. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.

Бузуртанов Р.Х. 2025. Кавказский нартский эпос. Т. 1. Назрань.

Вертепов Г.А. 1903. В горах Кавказа // Терский сборник. Вып.6. Владикавказ.

Газиков Б.Д. 2018. Сборник сведений об ингушах. Кн. 2. М.

Газиков Б.Д. 2022. Сборник сведений об ингушах. Ростов-на-Дону.

Дахкильгов И.А. 1991. Мифы и легенды вайнахов. Грозный.

Дзарахова З.М-Т. 2007. Этнокультура как основание формирования национального самосознания ингушей // Дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала.

Дзаурова Т.А-Х. 2019. Ингушский национальный орнамент. Г1алг1ай къаман г1арчош. М.

Кодзоев Н.Д. 2015. О происхождении топонима «Хамхи» // Вестник Археологического центра. Вып. V. Назрань.

Крупнов Е.И. 2008. Средневековая Ингушетия. Магас.

Льянов М. 2005. На празднике Мят-Села // Башни эти – гордость моя. Назрань.

Мифы. Обрядовый фольклор. 2003 // Антология ингушского фольклора. Т. 1. Назрань.

Цароева М. 2016. Пантеон ингушей. М.

К ВОПРОСУ О СЕЛЬСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ГОРОДОВ ТАВРИКИ И ТАМАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X–XII вв.

Майко В.В.
Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

Историческая ситуация, сложившаяся на территории восточной Таврики и Таманского полуострова после окончательной гибели Хазарского каганата в середине X в., имела ряд существенных отличий. Главная из них заключалась в том, что многочисленные сельские поселения салтово-маяцкой культуры на востоке Крымского полуострова, в связи со значительным увеличением печенежской угрозы к середине X в. полностью прекращают свое существование. Жизнь продолжается только в крупных городах Сугдее и Боспоре, торговое значение которых значительно возрастает. За все время археологических исследований пока можно назвать не более десятка пунктов, на месте бывших сельских поселений, где найдены единичные монеты второй половины X–XII вв., а также подводные находки синхронных амфор (Майко, 2014. С. 47–50), так или иначе тяготеющих к портам этих единственных в восточной части полуострова городов.

Другая ситуация фиксируется на Таманском полуострове. Изучение сельской округи средневековой Тмутаракани в древнерусский и византийский периоды показало наличие здесь более семидесяти различных объектов интересующего нас времени (Паромов, 2003. С. 168–169. Рис. 11). Вряд ли все их можно считать полноценными поселениями, не исключено, что во многих случаях речь идет о разбросанных на большом расстоянии друг от друга усадьбах. Благодаря разведкам и масштабным охранным раскопкам последнего десятилетия число этих поселений увеличилось. Впервые появилась возможность делать аргументированные выводы не только об основных этапах их существования, но и исторической планировке.

Наиболее показательными являются поселения Виноградный-12, Вышестеблиевская-16, Вышестеблиевская-16а и Соленый III. Частично они введены в научный оборот. Опубликованы и проанализированы основные категории находок поселения Виноградный-12, практически все объекты и археологический материал поселения Вышестеблиевская-16 и только короткая информация о поселении Вышестеблиевская-16а и Соленый III (Мыц, Соловьев, 2018. С. 97–122; Пономарев, Соловьев, 2024а. С. 137–152; Пономарев, Соловьев, 2024б. С. 171–201; Прокофьев, 2018. С. 248–256).

Анализ археологического материала из поселения Виноградный-12 позволил исследователям сделать аргументированный вывод о том, что все они возникают в позднеантичное или хазарское время. В середине X в. многие комплексы носят следы поспешного оставления жителями, но какие-либо следы пожаров или других катаклизмов не фиксируются. Жизнь на этих же поселениях с использованием одних и тех же построек через короткий промежуток времени возобновляется и продолжается, как минимум, до конца XI в. Этот период наивысшего экономического расцвета сельских поселений (Мыц, Соловьев, 2018. С. 117, 120).

Материалы раскопанных объектов поселения Виноградный-12, которые еще предстоит ввести в научный оборот, Вышестеблиевская-16, и, особенно, хозяйственные комплексы по-

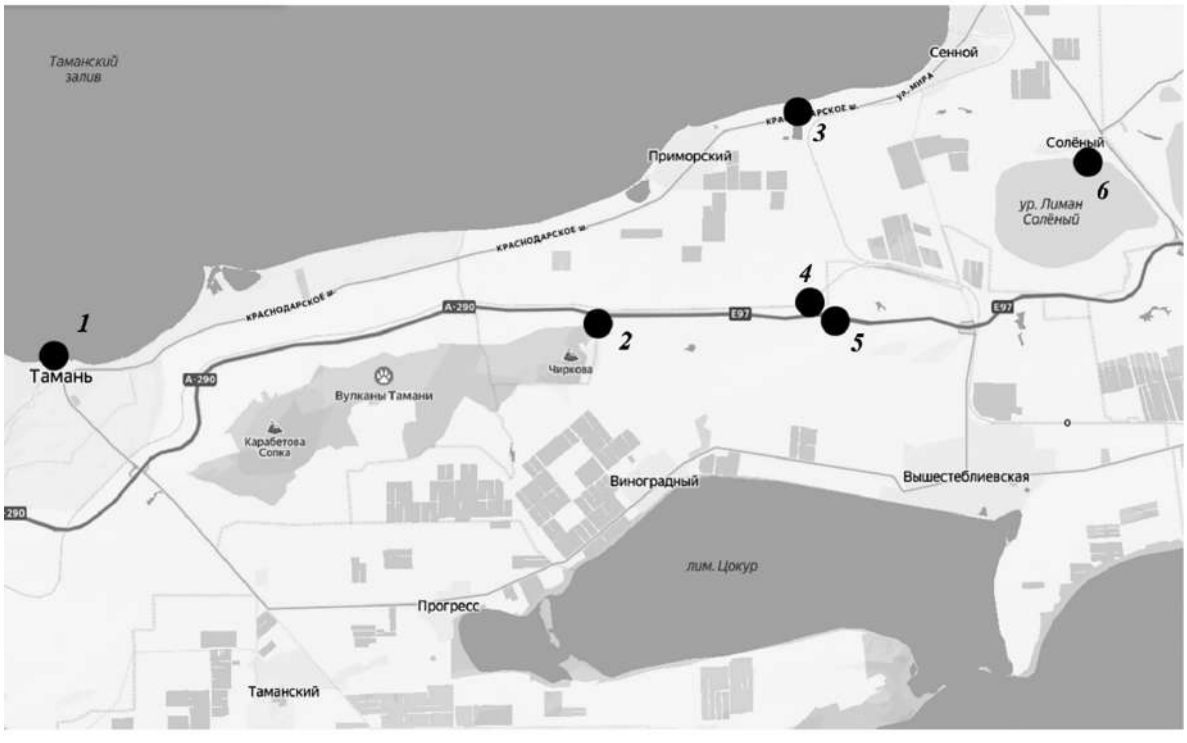


Рис. 1. Поселения сельской округи Тмутаракани второй половины X–XI вв., исследованные широкими площадями в 2015-2018 гг.: *1* – Таматарха-Тмутаракань; *2* – поселение Виноградный 12; *3* – Фанагория, *4* – поселение Вышестеблиевское-16а, *5* – поселение Вышестеблиевское-16; *6* – поселение Соленый III

селения Вышестеблиевская-16а свидетельствуют о наличии усадебной планировки поселений. Она состояла из домов на каменных цоколях, включавших несколько жилых и хозяйственных помещений и крупного хозяйственного двора с многочисленными и разными по функциональному назначению ямами. Не исключено, что дворы ограждались специальным рвом, а их размеры могли доходить до 50×35 м.

Говоря об особенностях сельских поселений округи Тмутаракани необходимо отметить их долговременный характер. Вместе с тем, некоторые поселения, такие, как Вышестеблиевская-16а, функционировали, судя по всему, только в Тмутараканский период. В керамических комплексах значительно преобладают воротничковые амфоры, высокогорлых кувшинов значительно меньше, нежели в синхронных слоях Тмутаракани, практически полностью отсутствует гончарная тонкостенная кухонная керамика при полном доминировании местных лепных и подправленных на круге горшков.

Вероятно, власть и влияние русских Тмутараканских князей и находившаяся в городе дружина в течение второй половины X–XI вв. позволяла контролировать городскую округу, обеспечивая стабильное развитие сельских поселений.

Литература

Майко В.В. 2014. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев.

Мыц В.Л., Соловьев С.Л. 2018. Население Таманского полуострова в средние века (по материалам раскопок 2016 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. № 8.

Паромов Я.М. 2003. Поселения и дороги на Таманском полуострове в VII–XIII веках. Тмутараканский период (X – начало XIII вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М.

Пономарев Л.Ю., Соловьев С.Л. 2024а. Усадьба СК-I второй половины IX в. – первой половины X в. на поселении Вышестебливская-16 на Таманском полуострове (по материалам раскопок 2016 г.) // Археологические вести. Вып. 44.

Пономарев Л.Ю., Соловьев С.Л. 2024б. Усадьбы СК-II, СК-III, СК-IV и СК-V второй половины IX – первой половины X вв. поселения Вышестеблиевская-16 (по материалам раскопок в 2016 г. на Таманском полуострове) // Бюллетень ИИМК РАН. № 16.

Прокофьев Р.В. 2018. Соленый III – рядовое сельское поселение округи древнерусской Тмутаракани // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы Международной археологической конференции. Краснодар.

СЕРЬГИ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ РАННЕГО ЭТАПА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕМ ТЕРЕКЕ

Малашев В.Ю.[1], Кадзаева З.П.[2]
[1] Институт археологии РАН, г. Москва
[2] Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

В предлагаемой публикации рассматриваются серьги из раскопок 2018–2019 гг. могильников Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I раннего этапа аланской культуры, расположенных на территории Моздокского района РСО-А и Надтеречного района ЧР. Октябрьский I вместе с Братскими 1-ми курганами образуют единый некрополь; различие в названиях связано с нахождением единого памятника на территории двух субъектов федерации и, как следствие, различия их наименований в учетной документации. Материалы некрополей (323 комплекса) являются опорными для выделения локального варианта аланской культуры Среднего Терека; хронологические рамки исследованных погребений – III – первая пол./сер. V в. (Малашев и др., 2018. С. 195–206; Малашев и др., 2020. С. 439–460). Обнаруженные в захоронениях серьги подразделяются на 9 разновидностей.

1. *Серьги в виде кольца с окончаниями без дополнительного оформления* (6 экз.) (рис. 1, *1–3*). Одно или оба окончания заостренные. Происходят из к. 1418 и к. 1424 могильника Братские 1-е курганы, к. 19 и к. 40 могильника Октябрьский I, к. 1061 могильника Киевский I, датирующихся от первой пол. III по третью четверть IV в.

2. *Серьги в виде кольца с раскованными окончаниями, оформленными в виде ушек с отверстиями* (2 экз.). Входят в состав инвентаря п. 780 могильника Октябрьский I (рис. 1, *4, 5*), датирующегося первой пол. III в. Их аналогии известны в Бесланском могильнике (к. 559, к. 599, к. 838), они относятся также к первой пол. III в. (Джанаев, 2011. Рис. 312, *11/1;* 845, *2;* 1707, *1*).

3. *Серьги в виде кольца, одно из окончаний которого оформлено в виде спирали* (3 экз.) (рис. 1, *6–9*). Происходят из к. 39 могильника Братские 1-е курганы, к. 842 и к. 771 могильника Октябрьский I, хронология которых оценивается в рамках III в. Аналогичные серьги входят в состав ряда комплексов (к. 589, к. 572, к. 622, к. 700) Бесланского могильника (Джанаев, 2011. Рис. 1366, *5, 6;* 2057, *6*; 2465, *3;* 2311, *4*) и п. 95 могильника «Хасавюртовские 1–4 курганы», относящегося к курганному некрополю Андрейаульского городища (раскопки В.Ю. Малашева 2025 г.), и укладываются в те же хронологические рамки.

4. *Петлевидные серьги с длинными разомкнутыми концами* (6 экз.) (рис.1, *10–12*). Встречены в к. 69, к. 1452 могильника Братские 1-е курганы и к. 767, к. 826 могильника Октябрьский I; погребения датируются от первой пол. III в. по третью четверть IV в. Имеют значительное количество аналогий преимущественно в памятниках Северного Кавказа (Карабудахкентский могильник, Буйнакский курган, Подкумский могильник, Нижний Джулат, Чегемский курган-кладбище, могильник Ассиновские курганы, могильники Бетимохк, Галайты-2, Паласа-сыртский могильник, Бережновский могильник) с широкой датировкой в рамках I – первой пол./сер. V в. н.э. (Малашев и др. 2015. С. 90–91. Рис. 200, *1–14*).

5. *Цельнолитые серьги с полиэдрической бусиной* (4 экз.) (рис. 1, *13–14*) происходят из к. 456, к. 463, к. 749 могильника Киевский I первой пол./сер. V в. Они имеют широкий круг аналогий в памятниках преимущественно гуннского времени от Северного Кавказа до Подунавья; в регионе продолжали бытовать и в VII в. (Гаджиев, 2002; Мастыкова, 2009; Малашев и др., 2015).

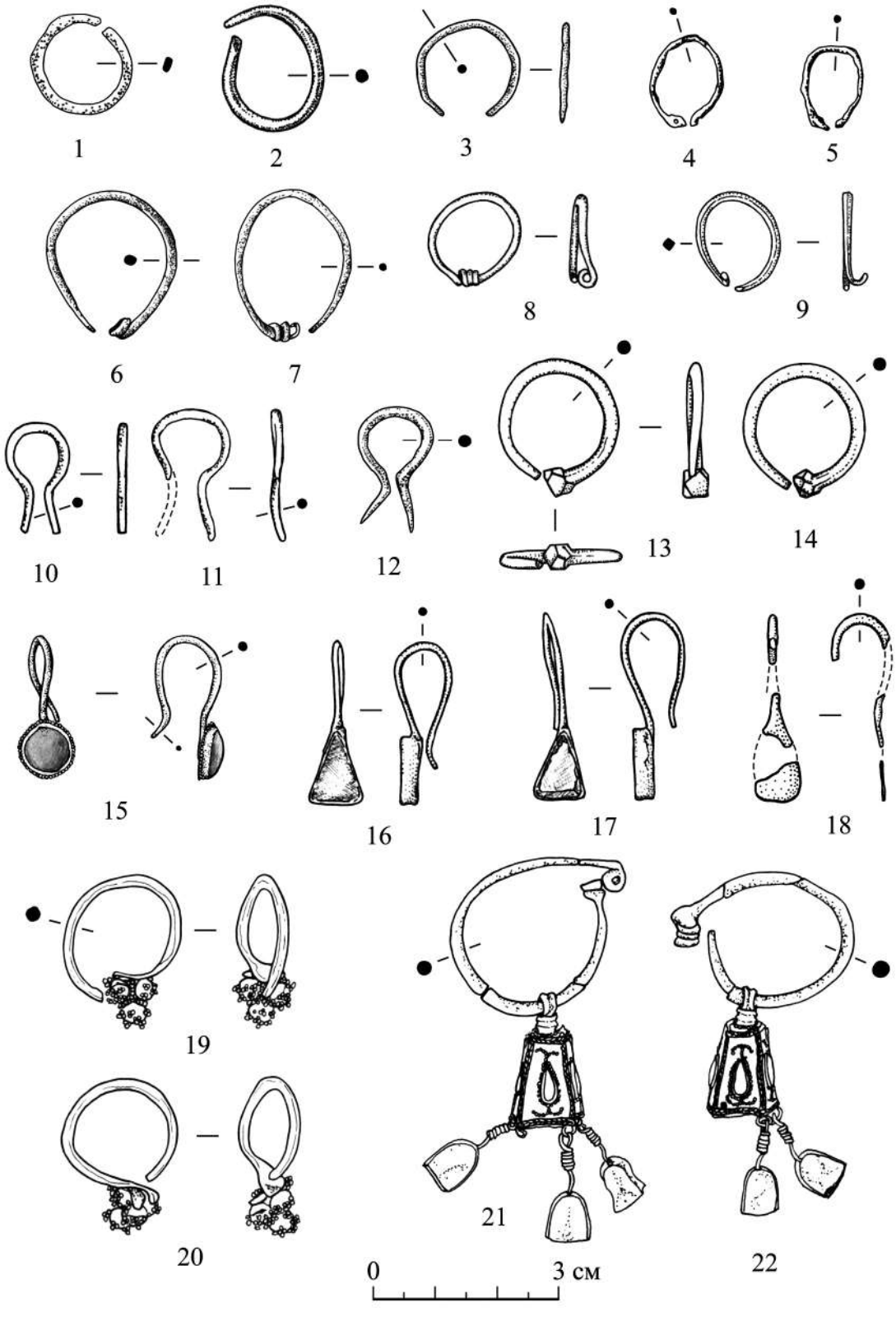


Рис. 1. Серьги из могильников Братские 1-е курганы (1, 6, 7, 10–12, 19-22), Октябрьский I (2, 4, 5, 8, 9, 15-18) и Киевский I (3, 13, 14)

6. *Серьги с расширением одного из окончаний округлой формы и вставкой.* Пара золотых серег происходит из к. 839 могильника Октябрьский I (рис. 1, *15*), датирующегося второй пол. III в. Серьги имеют петлевидную дужку, к которой припаяна дисковидная пластина с гнездом для стеклянной вставки; по периметру каст декорирован рядом зерни.

7. *Серьги с расширением одного из окончаний каплевидной или треугольной формы со вставкой и без нее* (3 экз.)**.** Отсутствие у отдельных экземпляров каста со вставкой может быть обусловлено как его утратой в результате ограбления, так и изначальным отсутствием в случае, когда предмет являлся упрощенной модификацией более дорогого образца. Пара серег с петлевидной дужкой, к которой припаяна треугольная пластина с гнездом для сердоликовой вставки, происходит из п. 849 могильника Октябрьский I (рис. 1, *16, 17*), датирующегося третьей четвертью IV в. Аналогичная серьга со стеклянной вставкой и пара серег с каменными вставками встречены соответственно в п. 1 к. 1246 и к. 60 Паласа-сыртского могильника, синхронизируемых с хронологической группой 1 данного памятника (сер. – вторая пол. IV в.) (Гмыря, 1993. Рис. 23, *5, 6*; Малашев и др., 2015. Рис. 200, *25*. С. 118). Еще одна подобная серьга обнаружена в п. II могильника Брут 2 второй пол. IV – первой пол. V в. (Габуев, Малашев, 2009. Рис. 103, *6*). Возможно, исходными для них являются более сложные и роскошные образцы из некрополей Крыма (Малашев и др., 2015. С. 93). Серьга с расширением без каста обнаружена в п. 848 могильника Октябрьский I (рис. 1, *18*) и происходит из комплекса третьей четверти IV в. В качестве аналогии укажем находки из к. 60 Паласа-сыртского могильника (Гмыря, 1993. Рис. 23, *10, 11*), синхронизируемого с хронологической группой 1 (сер. – вторая пол. IV в.).

8. *Золотые серьги с подвеской в виде грозди из шариков, украшенных зернью* (2 экз.). Встречены в к. 54 могильника Братские 1-е курганы (рис. 1, *19, 20*) первой пол. III в. Подобные серьги с подвеской в виде грозди из трех и более шариков происходят из комплексов первой пол. – сер. III в. могильников Бесланского, Брут 2 и связаны с ювелирными традициями Передней Азии и Закавказья (Джанаев, 2011. Рис. 1196, *17/1*; 1973, *10*; 2751, *2*; Малашев, 2011. Рис. 490, *9*; Габуев, Малашев, 2009. С. 137. Рис. 139, *17–20*). В двух случаях они имеют дополнительные «шумящие» подвески к шарикам уплощенной полуэллипсоидной формы.

9. *Серьги с пирамидальными подвесками* (2 экз.) (рис. 1, *21, 22*). Происходят из к. 54 могильника Братские 1-е курганы первой пол. III в. Они также имели дополнительные «шумящие» подвески, аналогичные упомянутым выше (Джанаев, 2011. Рис. 1196, *17/1*; 1973, *10*).

В заключение отметим, что разновидности серег 6–9 отражают контакты и культурные влияния с Закавказьем и Крымом. Серьги разновидностей 1–4 распространены не только в регионе, но и в памятниках средне- и позднесарматской культур. В отношении серег с полиэдрической бусиной (разновидность 5) есть основания предполагать их генезис на северокавказской основе (Малашев и др., 2015. С. 91–92).

Литература

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.

Гаджиев М.С. 2002. Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.

Гмыря Л.Б. 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала.

Джанаев Э.Г. 2011. Отчет об исследовании Бесланского курганного катакомбного могильника в Правобережном районе Республики Северная Осетия-Алания в 2011 г. (в зоне строительства автомагистрали М 29 «Кавказ» на участке обхода г. Беслан) // Архив ИА РАН. Р-1. № 29675-29693.

Малашев В.Ю. 2011. Отчет об исследовании Бесланского могильника в Правобережном районе Республики Северная Осетия-Алания в 2011 г. (в зоне строительства автомагистрали М-29 «Кавказ» на участке обхода г. Беслан) // Архив ИА РАН. Р-1. № 30168–30170.

Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кадзаева З.П. 2020. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 2.

Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кривошеев М.В. 2018. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 4.

Малашев В.Ю., *Гаджиев М.С., Ильюков Л.С.* 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала.

Мастыкова А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.

О ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ДОСПЕХАХ ИЗ ЦОЙ-ПЕДЕ В ГОРНОЙ ЧЕЧНЕ (ЕЩЕ РАЗ О «ТУСХАРОЙСКИХ» НАХОДКАХ)

Мамаев Х.М.[1], Бекмурзаев С.-Х.Х.[2, 3], Мамаев Р.Х.[4]
[1]Независимый исследователь, г. Грозный
[2]Департамент государственной охраны культурного наследия Министерства культуры ЧР, г. Грозный
[3]Археологическая лаборатория ЧГУ им. А.А. Кадырова, г. Грозный
[4]Независимый исследователь, г. Москваа

В 2019 г. археологи ЦАИ ИГИ АН ЧР проводили обследование землеотвода в районе расположения погрангородка «Тусхорой» у одноименного селения в Итум-Калинском районе ЧР. Объекты археологического наследия тогда обнаружены не были, однако в ходе работ были получены сведения, касающиеся так называемых «тусхоройских» доспехов, якобы найденных ранее в округе этого населенного пункта.

Речь идет о комплексе позднесредневекового защитного вооружения – кольчатом панцире, шлеме и металлической маске, переданных в 2001 году пограничниками СКРУПС РФ в Ставропольский краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве и опубликованных в 2008 г. Ю.А. Кулешовым (Кулешов, 2008), которые в информационных и краеведческих изданиях ЧР стали связываться с военным предводителем из Тусхороя Амри Бока, как найденные в окрестностях этого селения. Однако в местных публикациях присутствовали утверждения, вызвавшие сомнения в достоверности сведений у специалистов, знакомых с позднесредневековыми погребальными памятниками Горной Чечни.

Дело в том, что еще в 2009 г. окрестности этого селения были обследованы ставропольскими археологами А.Б. Белинским и С.Н. Савенко в связи с намеченным развертыванием здесь погрангородка. В ходе работ было зафиксировано несколько археологических памятников (Белинский, 2009), однако никаких сведений об обнаружении таких незаурядных артефактов тогда получено не было. Кроме того, в документе о передаче этих предметов в Ставропольский краеведческий музей в 2002 г. (акт № 146 от 16 октября 2002 г.) Тусхарой вообще не упоминался[1].

Очевидно, поэтому в первой публикации Ю.А. Кулешова местом находки доспехов было названо Аргунское ущелье Чеченской Республики «…в районе дислокации Итум-Калинского погранотряда» (Кулешов, 2008. С. 94), а затем в статье о боевой маске появилось упоминание самого райцентра Итум-Кале (Кулешов, 2009. С. 165), после чего рассматриваемый комплекс стал именоваться итум-калинским «кладом» (Кулешов, 2018. С. 193)

Выяснение реального места и истории обнаружения доспехов стало возможным только недавно – после публикации книги «Кавказский излом», написанной участником событий конца 90-х – начала 2000-х гг. в Итум-Калинском районе ЧР В.И. Городинским (Городинский, 2019).

Не вдаваясь сейчас в детали полемики ее автора со сторонниками тусхоройского «происхождения» этих предметов, приведем цитату из этого издания: «… лучше меня (В.И. Городинского. – *Авт.*), да еще генерал-майора В.Н. Золотухина место и обстоятельства обнаружения этого уникального артефакта (имеется в виду весь комплекс. – *Авт.*) никто не знает.

[1]Авторы выражают признательность С.Н. Савенко, работавшему тогда заместителем директора Ставропольского музея за полученные сведения, а также активное участие в вопросе о передаче рассматриваемых находок в Национальный музей ЧР.

…Из его (В.Н. Золотухина. – *Авт.*) рассказа следовало, что, высадившись 20 декабря 1999 года в этот район (Цой-Педе. – *Авт.*) … военнослужащие стали быстро создавать систему оборонительных сооружений на горных склонах левого берега реки Аргун. На третий или четвертый день… кто-то из военнослужащих принес… кольчугу, шлем с металлической маской, которые они откопали при оборудовании своей позиции. Там же они нашли человеческие останки и деревянный крест. Само место, где были обнаружены эти находки, чеченцы называют Цой-Педе, что в переводе на русский язык означает «Город мертвых». Этот древний некрополь расположен в нескольких километрах от российско-грузинской границы, у места слияния рек Мешихи и Аргун» (Городинский, 2019. С. 267–268).

Таким образом действительное место находки этого комплекса ныне сомнений не вызывает – это давно известный археологам и один из крупнейших на Северном Кавказе средневековых склеповых могильников Цой-Педе в Малхисте.

Вместе с тем пока остались неясными ввиду разночтений в материалах такие вопросы, как само место находки на территории некрополя, детали этой археологической ситуации – характер погребения и т.д. Так, если у В.И. Городинского вместе с предметами упоминаются и останки погребенного, то в пояснительной записке (легенде) к акту передачи находок, составленной сотрудниками отдела фондов Ставропольского музея, отмечено отсутствие таковых на месте находки , но при этом указан каменный склеп-тайник (подземный? – *Авт.*), в котором были обнаружены доспехи рядом с деревянным крестом. «Деталь» последнего была также передана в музей, но, там, к сожалению, как указано в пояснительной записке, будучи сильно поврежденной жуком-точильщиком, она не сохранилась. Правда, не исключено, что это была часть деревянной крестовидной конструкции, использованной в качестве опоры для крепления кольчуги и шлема с маской.

Вместе с тем здесь необходимо напомнить о неоднократно отмеченных в литературе применительно к горной Чечне еще с первых десятилетий прошлого века следах былого присутствия т.н. этнизированного христианства (о исследованиях и публикациях по этому поводу смотри, например: Виноградов, Бараниченко, 1984 и др.), что в отношении Цой-Педе еще раз подтвердилось, в частности, недавним обследованием остатков христианского храма на территории могильника (Белецкий, Исаев, 2024). Поэтому полагаем, что рассмотренная ситуация, с учетом очевидной неординарности цой-пединского комплекса, нуждается в дальнейшем изучении.

Литература

Белинский А.Б. 2009. Отчет по теме: Проведение научно-исследовательских археологических работ (разведок) по объекту «Военный городок Пограничного управления ФСБ России по Чеченской Республике с местом дислокации в н.п. Тусхорой» и «Вертолетная площадка Пограничного управления ФСБ России по Чеченской Республике с местом дислокации н.п. Бечик». Ставрополь.

Белецкий Д.В., Исаев С.Х. 2024. Христианская церковь комплекса Цой-Педе // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного кавказа, посвященные 120-летия со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. М.

Виноградов В.Б., Бараниченко Н.Н. 1984. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI–XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.

Городинский В.И. 2019. Кавказский излом. Пограничник в операциях в Чечне. Москва.

Кулешов Ю.А. 2008. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // Военная археология. Сборник материалов семинара при ГИМ. Вып. 1. М.

Кулешов Ю.А. 2009. Новая находка боевой маски на территории Российской Федерации // Acta Militaria Mediaevalia V. Kraków – Sanok.

Кулешов Ю.А. 2018. Уникальный позднесредневековый шлем с юга России // Военная археология. Сборник материалов семинара при ГИМ. Вып. 4. М.

АНАЛИЗ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПЛИНФЫ И НАНЕСЕНИЯ ЗНАКОВ В РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД (ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ): МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

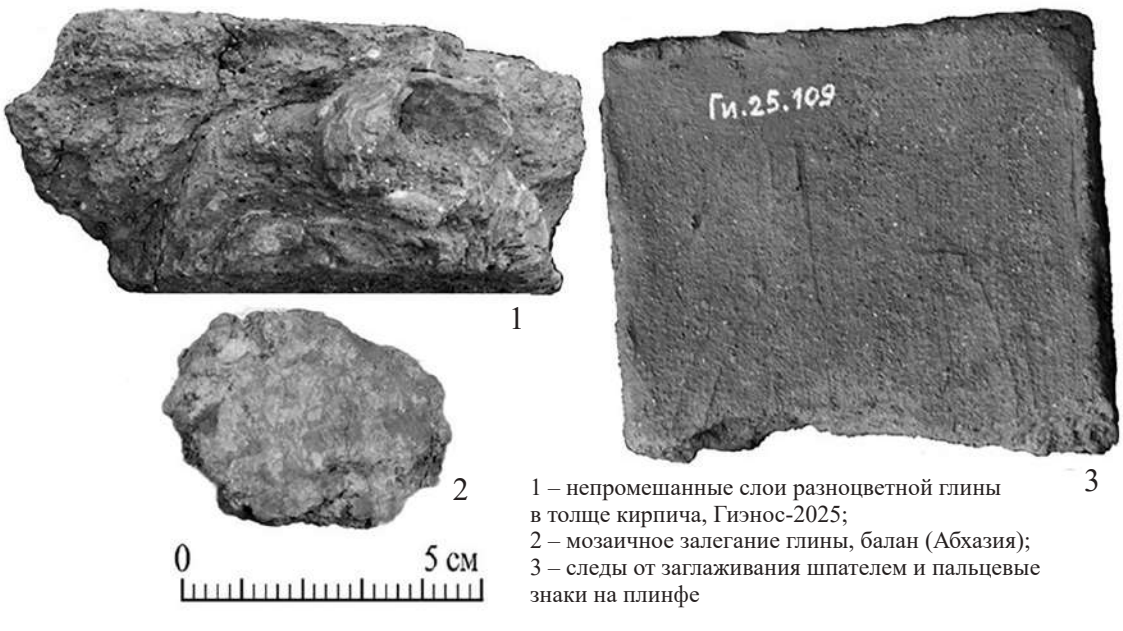
Митрохина К.Л.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Поселение Гиенос, расположенное на северо-западной окраине современного г. Очамчира (Абхазия), было открыто в 30-х гг. XX в.; тогда же два из трех холмов поселения были срыты (Воронов, 1976). Впоследствии на сохранившемся восточном холме раскопки велись в 1977 и 1981–1985 гг., затем – с 2019 г. и по сей день.

В центре холма располагается небольшой византийский однонефный храм, датируемый V–VII вв. Фундамент храма сложен из гальки, скрепленной раствором, стены – из плинфы и гальки (в забутовке) (Скаков и др., 2022).

Технологическое изучение керамических материалов дает ценную возможность выйти на социальное измерение жизни древних (Sillar & Tite, 2000). Технологическое исследование плинфы из завалов обрушившегося храма в Гиеносе и сохранившихся фрагментов кладки начато в августе 2025 г. на материалах раскопок 2024–2025 гг. Ниже приводятся первые результаты исследования.

Сырье и глиноподготовка. Формовочная масса исследованных плинф изобилуют примесями (песок, ракушка, галька). В толще изделий заметно глиняное зерно и прослойки разных цветов (с различным содержанием оксида железа в глиняной матрице, (рис. 1, *1*). Сильно замусоренное и неоднородное по цвету залегание красножгущихся глин типично



1 – непромешанные слои разноцветной глины в толще кирпича, Гиэнос-2025;
2 – мозаичное залегание глины, балан (Абхазия);
3 – следы от заглаживания шпателем и пальцевые знаки на плинфе

Рис. 1. Особенности глинистого сырья и шпательное заглаживание плинф

для вторичных аллювиальных залежей Колхидской низменности. Колхская хозяйственная и строительная керамика столетиями делалась практически без глиноподготовки; сырье тщательно очищалось лишь для изготовления более «парадной» посуды. Это технологически корректно: присущая местным глинам высокая формуемость (способность удерживать большое количество включений в матрице без ущерба для изделий) (Глушков, 1996) делает тонкую очистку необязательной, а естественные примеси обеспечивают армирование материала грубых керамических изделий. Хотя глинники, откуда бралось сырье для строительства этого храма, не обнаружены, исследованные гончарные глины неподалеку (городище Балан, экспедиция ЦАВАрх НИУ ВШЭ 2018–2023 гг.) показывают, что такой тип залегания сырья в регионе распространен (рис. 1, *2*), а фрагменты грубой кухонной посуды (сковороды, очажные подставки) обнаруживают большое, даже визуальное, сходство по материалу с плинфами Гиэноса.

Формовка. Плинфы имеют стандартные размеры с некоторыми колебаниями, чуть разными углами прилегания стенок, что указывает на использование нескольких набивочных форм и, следовательно, на работу несколько мастеров (мастерских) кирпичников.

Сами изделия, помимо размеров, отличаются наличием/отсутствием ручного сглаживания углов. Часто, из-за непромешанности глины и небрежной набивки, мы видим по сколам и нижней постели последовательность действий при набивке глины в форму. Плохая подготовка сырья, определенный размер формы, небрежная набивка обычно сочетаются – четко виден один из ремесленных «почерков», условно – Мастер 1 (плинфы этого типа отличаются, по понятным причинам, и худшей сохранностью). К сожалению, большинство материала происходит из завалов, и сохранившиеся участки кладки (где видны лишь боковины и поверхность верхнего слоя кирпичей) невелики, поэтому статистику установить трудно. Тем не менее, доступные обмеры плинф *in situ* позволяют предполагать, что разные кирпичники работали одновременно.

В ряде случаев формы ставились на песчаную подложку, чаще – на более-менее утрамбованную поверхность земли; на сегодня четкое соотношение с ремесленными «почерками» выявлено лишь в одном случае – Мастер 1 песчаной подложкой не пользовался.

Верхняя постель плинф заглаживалась: в ряде случаев неширокой дощечкой-шпателем, в ряде случаев пальцами и ладонями с увлажнением (рис. 1, *3*). На узких (вполовину стандартной ширины) плинфах часто встречается более тщательно заглаженный пальцами прямоугольный участок, назначение которого непонятно.

Сушка. В условиях субтропической Абхазии – яркое солнце, ливневые дожди, обильная роса и т.д. – сушка изделий из глины требует обустроенной площадки, как минимум защиты от подтекающей воды, крыши от солнца и росы. Если мы сможем найти производственный участок, там обязательно будут столбы от подобных навесов. Кроме того, плоские изделия в процессе сушки необходимо периодически переворачивать, чтобы их не «повело». На множестве плинф имеются характерные пальцевые следы манипуляций еще во влажном виде. В целом, сушка плинф проводилась без нарушения технологии – мы нашли лишь одну, изогнутая форма которой свидетельствует, что ее забыли переворачивать, но, тем не менее, пустили в дело.

Обжиг. Обжиг подобных объемных изделий из подобной глины требует достаточно совершенной керамической печи – специализированной, способной достичь температуры 900°С и выше с хорошим воздухообменом для равномерности обжига и с хорошей футеровкой (теплоизоляцией), позволяющей делать длительную выдержку на конечной температуре обжига. В целом, изученные плинфы обожжены или хорошо, или удовлетворительно; стоит отметить, что в окрестностях Гиэноса находили следы керамических производств разных эпох (Куфтин, 1950), да и находки печей римского и средневекового времени в регионе (Джопуа, Нюшков, 2012) подтверждают суждение о развитом производстве.

Следы и знаки. Помимо ремесленных следов (отпечатков пальцев и следов от шпателей, следов от удаления особо крупных камешков инструментом – углом деревянного шпателя, палочкой и т.д.) на плинфах встречаются и намеренно нанесенные знаки, классификацией

которых в настоящее время занимается И.В. Скакова. Часть из них, с большой долей вероятности, представляет собой ремесленные метки, назначение большинства которых е установлено. Подавляющее большинство знаков нанесено на влажную, реже – на кожетвердую глину (о чем можно судить по глубине и качеству следа и наличию/отсутствую валика) пальцем, либо острым инструментом. Дальнейшая группировка плинф по видам отминочных форм и технологическим «почеркам» позволит заняться сопоставлением видов знаков с выделяемыми мастерскими.

Литература

Воронов Ю.Н. 1976. Гиенос // СА. № 4.

Герасимова В.В., Ильяшенко С.М., Клочко А.А., Митрохина К.Л. 2024. Регионально-геологический подход к локализации районов древнего керамического производства (на примере анализа материала коричневоглиняных («колхидских») амфор // Древняя керамика Евразии: от сосуда к культуре. Материалы конференции (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2024 г.). СПб.

Глушков И.Г. 1996. Керамика как археологический источник. Новосибирск.

Гузман И.Я. 2012. Химическая технология керамики. М.

Джопуа А.И., Нюшков В.А. 2012. Из истории гончарного производства древней и средневековой Абхазии // Абхазоведение. Археология, история, этнография. № 7. Сухум.

Куфтин Б.А. 1950. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. Археологические изыскания в Рионской низменности и на Черноморском побережье 1935 и 1936 годов. Тбилиси.

Салахов А.М. 2016. Современные керамические материалы. Казань.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Скакова И.В. 2022. Новые исследования древнего Гиеноса (Абхазия) // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации: XXXII Крупновские чтения. Майкоп.

Jeffra C.D. 2015. Experimental approaches to archaeological ceramics: unifying disparate methodologies with the chaîne opératoire // Archaeological and Anthropological Sciences. № 7.

Sillar B., Tite M.S. 2000. The challenge of ‘technological choices’ for Materials science approaches in archaeology // Archaeometry. Vol. 42 (I). Oxford.

КОЖАНЫЙ САПОГ ИЗ ХАСАУТА. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ

Осипов Д.О., Соломатина Н.В., Мамонова А.А.
Государственный Исторический музей, г. Москва

Кожаный сапог, ныне широко растиражированный в литературе и на сайтах исторических реконструкторов, обнаружил в 1958 году пятигорский краевед А.В. Рунич, обследуя раннесредневековое городище и скальный могильник в долине Хасаута. Сапог был обнаружен в одном из скальных захоронений вместе с набором культовых предметов, переданных впоследствии в государственный Исторический музей (Рунич, 1971. С. 167–178). Из краткого описания очевидно, что найденные в погребении сапоги были сшиты по сложной выкройке с использованием декоративной техники кожаной мозаики, а верх голенища (козырек) обшит тканью. Орнаментированный сапог и детали костюма из этого могильника, неоднократно упоминаются в публикациях, посвященных раннесредневековым торговым связям населения Северного Кавказа (Кузнецов, 2014. С. 27–29; Иерусалимская, 1992. С. 6–7).

Поводом снова обратится к этой теме послужила статья К.А. Руденко отметившего, что «техника изготовления подобных сапог достаточно подробно описана в литературе (Руденко, 2019. С. 157–171). Однако, как показывает проведенное нами исследование, других подобных сапог и, тем более, их подробного описания, не существует. Восполнить этот пробел возможно с помощью подробного описания кроя, декоративной техники, тщательного обследования кожевенного сырья и шовного материала, проведенных на современном уровне с использованием естественнонаучных методов.

Для исследования, реставрации и уточнения атрибуции в Отдел реставрации фондов Исторического музея были переданы 19 фрагментов кожаных изделий из сыромятной и дубленой кожи с остатками швов и вышивкой (рис. 1). Текстильные детали обнаружены на двух кусках сыромятной кожи.

Толщина дубленой кожи 0,7–1,0 мм, сыромятной около 0,3–0,6 мм. Макросъёмка лицевой поверхности дубленой кожи и сравнение с доступными базами, позволяют предположить, что изделие сшито из кожи козы.

Голенище размером 56,5×38 см состоит из трех деталей – верх голенища (козырек), и две половины передняя и задняя часть, соединенных выворотным швом в виде фигурных скобок с втачным кантом. Низ задней части голенища декорирован элементом в виде растительного орнамента выполненный в технике мозаики, также оформлен втачным кантом. По верхнему краю «козырька» голенища и по верхнему краю задней части сохранились следы и проколы от шва «через край».

Нижняя часть сапога размером 25,0×18,0 см, сшита из двух деталей со швом на подошве, в который также вшит втачной кант. По бокам, в пяточной части, частично сохранились декоративные элементы в виде стрелок. На носке, с одной стороны, сохранилась часть боковой вытачки. Швы на подошве и в местах вшивания декоративных элементов идентичны.

На данный момент выявлено несколько видов соединительных швов, включая декоративный шов с выпушкой. Фигурным швом с кантом, оформлены соединение нижней части с голенищем, боковые швы на голенище и небольшая декоративная деталь, точное место которой пока не определено. Во всех случаях шов соединяет две детали, края которых загнуты на изнаночную сторону на 2 мм. Между этими деталями вставлена полоска красной кожи



Рис. 1. Общий вид фрагментов кожаных изделий до реставрации

шириной 5 мм, образующая узкий кант контрастного цвета, повторяющий все изгибы рисунка шва.

Все слои кожи прошиты жильной нитью швом «вперед иголку» очень мелкими стежками размером 0,8–1,5 мм.

В секторе технико-технологической экспертизы Исторического музея и группе оптической спектроскопии Центра спектральных исследований Новосибирского института органической химии им. Н.Н. Ворожцова СО РАН, были проведены технико-технологические исследования фрагментов обуви[1]. В результате жидкостной хроматографии установлено, что образцы кожи были обработаны танинами, что указывает на растительное дубление и окрашены в красный цвет (следы Мареной красильной).

Конструктивно близкой аналогией сапогам из Хасаутского могильника являются остроносые кожаные сапоги с мягкой подошвой из Нижнего Архыза и Мощевой Балки (Доде, 2001, С. 15; Иерусалимская, 2012. С. 232–233). Однако более точной аналогией следует считать сапоги с характерным фигурным швом, на ногах всадника с ловчей птицей, изображенного на центральном медальоне серебряного блюда (Руденко, 2019. С. 188). Аналогичный конный охотник изображён на серебряном блюде найденном в Прикамье (Смирнов, 1909. Рис. 157). Оба блюда относятся к группе ранневенгерских сосудов, которую полнее всего охарактеризовала Н.В. Фёдорова (Fedorova, 1990). Оба изображения объединяет мотив фигурной скобки на боковом шве сапога. Упомянутые выше сосуды принадлежат к одной ранневенгерской группе и датируются в пределах второй трети IX в., когда собственно венгерский стиль только начал складываться (Сокровища Приобья. 2003. С. 119, № 55).

[1] В работе принимали участие сотрудники сектора технико-технологической экспертизы Отдела реставрации фондов ГИМ – к.х.н Лантратова О.Б., эксперт I категории Мамонов Н.А., эксперт II категории Нестеркова Е.В., специалист по обеспечению сохранности музейных предметов, к.б.н. Петушкова Ю.А., зав. сектором Шулинина А.В; с.н.с. Группы оптической спектроскопии Центра спектральных исследований Новосибирского института органической химии им. Н. Н. Ворожцова СО РАН, к.х.н. Карпова Е.В.

Выводы о технологии пошива, видовому определению кожевенного сырья, исследованию фрагментов текстиля, являются предварительными. Работа по их изучению продолжается.

Литература

Доде З.В. 2001. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.

Иерусалимская А.А. 1992. Кавказ на Шелковом пути. СПб.

Иерусалимская А.А. 2012. Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шёлковом пути. СПб.

Кузнецов В.А. 2014. Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина в свете алано-осетинской проблемы. Владикавказ.

Руденко К.А. 2019. Опыт реконструкции венгерского парадного мужского костюма и конского снаряжения эпохи «Великой Венгрии» (по изобразительным и археологическим источникам) // Археология Евразийских степей. № 1. Казань.

Рунич А.П. 1971. Скальные могильники в окрестностях Кисловодска // СА. № 2.

Смирнов Я.И. 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Имп. Археологической Комиссии ко дню 50-летия ее деятельности. СПб.

Сокровища Приобья. 2003. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард-СПб.

Fedorova N. 1990. Silverrvare of «Magna Hungaria» // Congressus Septinrus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ МАМИСОНСКОГО УЩЕЛЬЯ (VII–IX вв. н.э.)

Перевозчикова А.А.[1,2], Абрамова А.Н.[3]
[1]Научно-исследовательский институт и музей Антропологии МГУ имени М.В.Ломоносова, г. Москва
[2]Кафедра антропологии, биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
[3]Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 25-18-00322

В последние годы происходит активное наращивание темпов исследования археологических объектов, расположенных в Республике Северная Осетия-Алания (РСОА). Наиболее полно изучено раннесредневековое население Мамисонского ущелья (Березина, 2018). Однако исследования подобного рода в РСОА единичны. Поэтому любая информация о внешнем облике и образе жизни населения, в древности обитавшего на современных территориях РСОА, позволяет по-новому взглянуть на этнокультурные процессы, протекавшие здесь в прошлом. Данное предварительное сообщение ставит своей целью проанализировать половозрастную структуру населения, обитавшего на территории Мамисонского ущелья в VII–IX вв.

Авторам были изучены две палеоантропологические серии, полученные в результате раскопок памятников, расположенных в Алагирском районе (Мамисонкое ущелье, РСОА). Одна из исследованных выборок получена экспедицией под руководством Керцевой Г.Н. и Чшиева В.Т в 2023 году в ходе раскопок памятника «Могильника между селениями Камсхо и Лисри № 2». Из 122 погребальных сооружений эпохи средневековья (VII–IX вв. н.э.) для палеоантропологического исследования было доступно лишь 38 скелетов (14 мужчин, 11 женщин, 13 детей). Вторая серия происходит из могильника VII–IX вв. н.э. у святилища Дамбадели/Мады Майрам также изученного Чшиевым В.Т. в 2024 году. Объем исследуемой выборки составил 47 индивидов (16 мужчин, 14 женщин, 3 подростка, 14 детей).

Половозрастные определения в каждой выборке выполнены согласно классическим методическим указаниям (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). В случае вышеупомянутых памятников для полноценных палеодемографических реконструкций количества изученных индивидов недостаточно. Однако даже на основе таких фрагментированных данных при условии совместной интерпретации позволительно сделать приблизительные выводы о половозрастной структуре средневекового населения Мамисонского ущелья.

Табл.1. Сравнительные данные по половозрастной структуре погребенных в границах исследованных могильников Мамисонского ущелья

Показатель	Камсхо-Лисри	Дамбадели / Мады Майрам
Всего индивидов	38	47
Мужчины	14 (56% взрослых)	16 (53.3%)
Женщины	11 (44% взрослых)	14 (46.7%)
Ср. возраст смерти (М)	41 год	35 лет
Ср. возраст смерти (Ж)	37 лет	32 года
Детская смертность (% от всех)	34%	~30%
Дожившие до 45+	16%	3%

Для женской подгруппы из могильника между селениями Камсхо и Лисри средняя продолжительность жизни составила 37 годам, для мужской подгруппы этот показатель достигает 41 года. Наблюдается неравное соотношение полов в выборке с преобладанием мужчин над женщинами. Процент индивидов, переживших 55-летний рубеж, составил 16%, что является относительно высоким показателем для раннесредневековых групп.

Детская смертность 34%, при этом почти треть приходится на детей до 1 года. Обращает на себя внимание полное отсутствие юношей и девушек от 13 до 18 лет, однако, о причинах такого распределения нам трудно рассуждать в условиях неполноты информации.

Для выборки могильника у святилища Дамбадели процент детской смертности составил около 30%, из которых те же 30% – дети, не дожившие до 1 года. Средний возраст смерти составил 35 лет среди мужчин и 32 года в случае женской подгруппы. Такая разница является незначительной, что не часто наблюдается в средневековых обществах. Мужчин в выборке несколько больше (53,3%), чем женщин (46,7%). Лишь 3% людей пережили 45-летний рубеж, что может говорить о несовершенстве исследуемой выборки в силу ее малочисленности, или же о неблагополучных условиях жизни в обсуждаемый период.

Если же мы сопоставим данные по двум могильникам, то соотношение полов в пределах каждого памятника является стандартным для поселенческих групп. Средняя продолжительность жизни населения, оставившего могильник между селениями Камсхо и Лисри № 2 оказывается несколько выше, чем у погребенных на Дамбадели. Наблюдаемая на памятниках картина детской смертности также типична для средневековых палеогрупп. Она объясняется как увеличением плотности населения в пределах поселений с сопутствующим ухудшением санитарно-гигиенической обстановки и возросшей инфекционной нагрузкой, так и неблагоприятными внешними условиями (Богатенков с соавт., 2003). Сравнение полученных данных по населению, оставившего некрополь у святилища Дамбадели, с результатами Н.Я. Березиной по могильнику Мамисондон позволяет говорить о существовании некоторого «среднестатистического» палеодемографического профиля населения Мамисонского ущелья в VII–IX веках с низкой продолжительностью жизни и невысокой долей пожилого населения. “Могильник Камсхо-Лисри № 2” резко выделяется на фоне двух других выборок высокой продолжительностью жизни, обусловленной значительной долей пожилых людей.

Таким образом, анализ половозрастной структуры двух раннесредневековых могильников, расположенных в Алагирском районе РСОА, в случае каждого из памятников демонстрирует классические признаки общества с традиционным укладом жизни, т.е. типичный для эпохи средний возраст смерти для мужчин и женщин, стандартное соотношение полов, а также весьма характерный для этого времени процент детской смертности.

Литература

Алексеев В.П. 1966. Остеометрия: методика антропологических исследований. М.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.

Богатенков Д.В. 2003. Палеодемография Мистихали // Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.

Березина Н.Я. 2010. Демографические особенности раннесредневекового населения Северной Осетии (по материалам могильника Мамисондон) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. (4).

Березина Н.Я. 2018. Раннесредневековое население Центрального Кавказа по данным антропологии (на примере изучения могильника Мамисондон) // Дис. … канд. биол. наук. М.

ЕЩЕ РАЗ О ФИГУРКАХ ВСАДНИКОВ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АЛАН

Савенко С.Н.
Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск

Бронзовые фигурки всадников зарекомендовали себя как один из знаковых предметов раннесредневековой аланской культуры Северного Кавказа. Исследователи неоднократно посвящали им специальные статьи или развернутые сюжеты в очерках и монографиях. В результате была наработана объемная фактура по направлениям рассмотрения и трактовки этой особой разновидности предметов. Но широкий ряд аспектов реализован с различной полнотой и детальностью, многие версии интерпретаций выдвинуты в виде гипотез, и в понимании фигурок осталось немало неразрешенных вопросов.

В сообщении не ставится непосильная задача детального рассмотрения всех наработок. Оно касается только нескольких позиций фиксационного и интерпретационного характера. Для рассуждений применяются не только обнародованные в печатном виде комплексы и варианты интерпретаций, но и неопубликованные иллюстрированные описания и версии из машинописных статей и другой документации кавминводского археолога-краеведа А.П. Рунича.

1. Число обнаруженных фигурок всадников относительно невелико. Г.Е. Афанасьев в 1973 г. говорил о 17 экземплярах (Афанасьев, 1973.С. 36). В.Б. Ковалевская в 1995 г. отмечала до 40 всадников, но в табличном своде З.Х-М. Албеговой и В.Б. Ковалевской приведены данные только о 30 фигурках (Албегова, Ковалевская, 2011. С. 287–289. Табл. 2–4). В последнее время число известных образцов увеличилось всего на 2-3 единицы случайных или объявлено-случайных находок. Нам не известны фигурки, выявленные при раскопках памятников региона позже 1980-х гг. Всадники редки в закрытых комплексах. Еще меньше достоверных ситуаций, когда предметы соотносились с конкретными погребенными. Понятно, что такое положение обедняет источниковую базу и ограничивает возможный спектр интерпретации предметов, но, конечно, не отрицает целесообразность продолжения их изучения.

Следует подчеркнуть давно замеченную узколокальную специфику распространения данных предметов в близких по времени и по территории катакомбных могильниках, к примеру, в насыщенной ими Кисловодской котловине, где их нет в серии масштабно раскопанных памятниках V–VIII вв. н.э. Эта ситуация пока не получила объяснения, хотя она вряд ли случайна. Допустимо предполагать их связь с представителями особых относительно небольших групп или социально-профессиональных слоев.

2. Для определения назначения данной разновидности предметов важен учет основной видо-отличительной особенности – отсутствие петелек и отверстий для подвешивания или крепления. Этим они отличаются от подвесок, решм и т.п. Сомнительно, что они могли принадлежать к одежде (костюму) несмотря на то, что отмечалось их нахождение на груди некоторых погребенных. Они должны были располагаться и хранится по-особому – в лежащем или опирающемся на опору состоянии, возможно в шкатулках или мешочках.

3. Все фигурки изображают всадников на коне в развернутой к пользователю лицевой стороной парадной (или победной) позе. Очевидно, именно эти показатели имели принципиальное значение. Остальные детали различаются в группах изделий и индивидуально по

направлению движения (вправо или влево), по характеру и деталям изображений как всадника, так и лошади и др.

4. Пока нет оснований для датировки фигурок ранее VII в. н.э., а значит появились они у алан в особой социально-культурной, политической и, возможно, этнической обстановке. А.П. Рунич полагал, что внешнеполитической причиной для этого послужили арабские завоевательные походы на Северный Кавказ. Обращает на себя внимание близость по времени появления фигурок и новой погребальной традиции захоронения в скальных гробницах, в которых данные предметы также встречаются.

5. По вопросу определения назначения фигурок высказано несколько версий: атрибут мужской одежды, символ принадлежности к военной деятельности, воинский знак различия (Г.Е. Афанасьев); амулет-оберег, знак места в дружинной иерархии или родоплеменной принадлежности, выражение культа почитания коня (В.Б. Ковалевская); атрибут дружинного культа небесного всадника, конного аланского божества (В.Б. Ковалевская, А.Р. Чочиев, В.А. Кузнецов, З.Х-М. Албегова); памятный предмет, оставляемый мужчинами – воинами или пастухами женам и (или) дочерям с надеждой на благополучное возвращение (А.П. Рунич). Можно также допустить еще и что они были атрибутами защитной магии в практике служителей культа.

6. Помним, что, начиная с Г.Е. Афанасьева, ряд исследователей считали эти предметы мужскими, но редкое их сочетание в комплексах с характерными для мужчин деталями вооружения, пояса и т.п., поставили эту версию под сомнение. А.П. Рунич, а позднее З.Х-М. Албегова обосновали преимущественно женскую их принадлежность. Для точных суждений по этому поводу по-прежнему недостает закрытых комплексов с фигурками и антропологическими определениями их владельцев.

7. Связь части фигурок с воинскими занятиями и культами не может однозначно распространяться на все изделия, среди которых выделяются типы без вооружения и доспехов. Они могли символизировать пастухов (А.П. Рунич) или затабуированного небесного всадника Уастырджи/Уаскерги (Кузнецов, 1992. С. 294). Случаи нахождения в одном захоронении пар фигурок разных типов, сочетания всадников с другими амулетами и предметами культа позволяют предполагать, что изображения всадников могло быть связано с ритуальными действиями и лицами, их совершающими.

8. Начиная с В.А. Кузнецова, называвшего предметы «аланскими литыми фигурками» (Кузнецов, 1959. С. 105–108. Рис. 11), и, например, Н.Н. Михайлова, указавшего, что это «амулет в виде алана, сидящего верхом на лошади» (Михайлов, 1965), констатировалась не только культурная, но и этническая аланская их принадлежность. Исходя из этого можно полагать, что фигурки способны выступать в качестве источников при выделении этномаркирующих признаков. Однако, в таком ракурсе они почти не рассматривались. Предположительно этнические черты могли выражаться во внешнем облике всадников и деталях их костюмов, например, головных уборах. Допустим, что на головах части всадников не обязательно показаны шлемы, а могут быть характерные для алан шлемовидные и иные уборы. На некоторых образцах головы в «шлемах» и без них представляются значительно вытянутыми вверх, что возможно отражает распространенный у раннесредневековых алан обычай. Но это пока только предположения и вопрос о демонстрации этнической специфики фигурок остается открытым.

Высказанные в докладе соображения неоднозначны и не бесспорны. Они требуют верификации на более широкой и доброкачественной источниковой базе.

Литература

Албегова З.Х-М. 2001. Палеосоциология аланской религии VII-IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Дона) // РА. №2.

Албегова З.Х-М., Ковалевская В.Б. 2011. Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа. Грозный–М.

Афанасьев Г.Е. 1973. Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа // Сообщения ГЭ. Вып.36. Л.

Ковалевская В.Б. 1978. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Кузнецов В.А. 1959. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. № 2.

Кузнецов В.А. 1992. Очерки истории алан. Изд. 2-е доп. Владикавказ.

Михайлов Н. 1965. Древний памятник аланов // Кавказская здравница. 20.01.

АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОЦАТЛИНСКОМ 1 ПОСЕЛЕНИИ X–XIII вв.

Сергеев А.Ю., Албегова З.Х.
Институт археологии РАН, г. Москва

Авторы исследований, затрагивающих земледелие, виноградарство и садоводство Дагестана периода развитого средневековья отмечают ограниченность и фрагментарность имеющихся письменных и археологических источников по этому вопросу. При этом даже скупые сведения говорят о высоком уровне развития этих отраслей сельского хозяйства. В источниках упоминаются обширные виноградники, фруктовые деревья, зерновые, из которых предположительно культивировались пшеница, ячмень, рожь, полба (Шихсаидов, 1975. С. 16–22, 32–37).

Уточнить наши знания позволяют полученные в результате охранных раскопок ИА РАН в 2013–2014 гг. на поселении X–XIII вв. Гоцатлинское 1-е (Ортокалинское) в Хунзахском районе Республики Дагестан археоботанические материалы. Поселение небольшое, однослойное, окружено земледельческими террасами (Борисов, Коробов, 2014). Его территория входила в состав Серира, а после распада последнего, с XII в., Хунзахского нуцальства, и была покинута в середине второй четверти XIII в., очевидно, в результате поражения, нанесенного газиями в 1256 г. христианскому Хунзаху. Ко времени ухода жителей с поселения относятся следы пожаров в ряде хозяйственных построек, а также остатки растений, выявленные под слоем пожара или на полу не пострадавших от огня помещений (рис. 1, *1*).

В двух случаях растительные остатки зафиксированы in situ: зерновое скопление на дне хума из хозяйственной постройки №3 и несколько косточек винограда на уровне пола постройки № 8. Помимо этого, с целью поиска растительных макроостатков в постройках №№ 3, 10, 17, 19а были собраны пробы грунта для проведения флотации. Все пробы содержали семена и части плодов культурных и сорных видов растений. Всего учтено 4614 различных ботанических макроостатков. Зерна культурных злаков и большинство остатков плодовых сохранились в карбонизированном виде, единичные косточки винограда и некоторые семена сорных – за счет минерализации.

Обнаружены зерна и семена 6 видов культурных злаков (мягкой пшеницы, ячменя, проса обыкновенного, проса итальянского, ржи, овса), и одного бобового (чечевицы). Среди них наиболее многочисленными оказались зерновки проса итальянского *Setaria italica* ssp. *italica* (синонимы: могар, гоми; рис. 1, *2, 3*). Не менее разнообразен и состав плодовых растений: обнаружены остатки культурного винограда, многочисленные фрагменты скорлупы грецких орехов (рис. 1, *4*), косточек персика и алычи/абрикоса, семян можжевельника, малины/ежевики и, вероятно, груши. Находки винограда представлены не только семенами (рис. 1, *5*), но и плодоножками (рис. 1, *6*), фрагментами карбонизированной мякоти плодов и даже в нескольких случаях усиков.

В одном из образцов зафиксированы остатки навоза (вероятно, конского), в котором наряду с зернами просяных культур сохранились фрагменты мякины и соломы проса итальянского, а также емена луговых и сорных трав.

Представительное разнообразие и высокая насыщенность остатками растений в столь небольшой выборке образцов свидетельствует о том, что террасы вокруг поселения были засеяны зерновыми, засажены садами и виноградниками. Основной зерновой культурой было просо итальянское. Находки зерен этого вида на северокавказских памятниках редки и немногочисленны, что чаще всего указывает на его присутствие в качестве примеси к просу обыкновенному (Сергеев, Коробов, 2025). На Гоцатлинском 1-м поселении же зафикси-

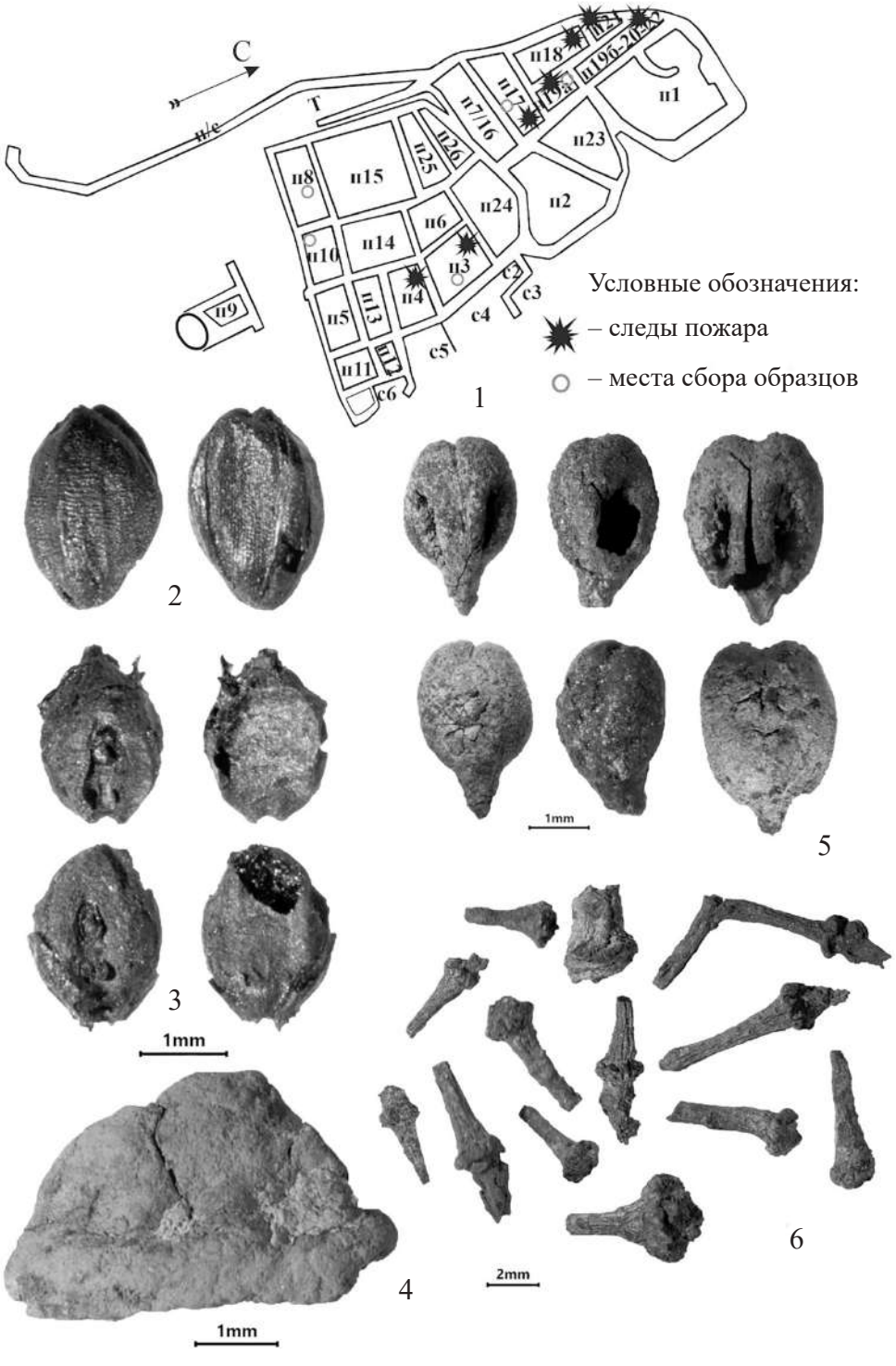


Рис. 1. 1 – схема Гоцатлинского 1-го поселения с местами находок и отбора проб; 2 – просо итальянское, зерновка в чешуях, 3 – просо итальянское, зерновки без чешуй, 4 – виноград, косточки, 5 – виноград, плодоножки, 6 – грецкий орех, фрагмент скорлупы

рована противоположная ситуация. Остатки мякины проса итальянского (части метелки) в навозе подтверждает не только его местное происхождение, но и использование как корма для домашних животных. Помимо выращивания зерновых и садовых культур жители собирали дикорастущие ресурсы (съедобные или лекарственные), например, можжевельник, а также растения семейства яснотковые.

Показательно, что гоми (как и вообще просо) не упоминается в приведенных у А.Р. Шихсаидова письменных источниках. У северокавказских народов просо (видимо, исключительно просо обыкновенное *Panicum miliaceum*) было наиболее распространено в предгорных областях, в основном у кабардинцев и адыгов (Калоев, 1981. С. 92–94). В археоботанических материалах предшествующих эпох с территории Дагестана просо итальянское также неизвестно (Лисицина, Прищепенко, 1977. С. 82.; Лебедева Е.Ю., устное сообщение), в отличие от закавказских памятников, где оба вида проса присутствуют уже с рубежа III–II тыс. до н.э. (Martin et al., 2021). Поэтому наиболее вероятным регионом, откуда гоми проникло в район Гоцатля, является Южный Кавказ, а точнее Грузия. Упоминания этого зернового растения, имеющего важнейшее значение в питании и обрядах, встречаются уже в самых ранних письменных источниках, начиная с XIII в (Sadunishvili et al., 2024).

Что касается не менее важного для жителей поселения винограда, то его культура, вероятнее всего, пришла в горы из Приморского Дагестана, где находки косточек известны с III–II тыс. до н.э. (напр., Чирюртовское поселение: Лисицына, Прищепенко, 1977. С. 75). Не исключена и связь с Закавказьем.

Об особом значении виноградарства для средневековых жителей Ортоколо свидетельствует находка фрагмента христианского креста, обнаруженная задолго до раскопок в окрестностях поселения. На нем имелась грузинская надпись «мргловани», в которой сохранились слова «Христос Господи» и «виноградник» (Тахнаева, 2004. С. 123). Виноградник в Новом завете выступает символом души, царствия небесного, связи с богом. Однако молитвы о насаждении и благословлении винограда с их иносказательной идеей утверждения в душах христианской веры по сей день произносятся верующими при посадке винограда и освещении его плодов. Несмотря на то, что узкой датировки креста у нас нет, все же нельзя исключать его связь с образованием поселения, закладкой в местности Ортоколо террас под виноград. Следы проникновения христианства из Грузии и находки гоми указывают на связи Ортоколо с Закавказьем.

Литература

Борисов А.В., Коробов Д.С., Магомедов Р.Г. 2014. Почвенно-археологические исследования террасных полей в районе строительства Гоцатлинской (Ортоколинской) ГЭС в Дагестане // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. М.

Калоев Б.А. 1981. Земледелие народов Северного Кавказа. М.

Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В. 1977. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М.

Сергеев А.Ю., Коробов Д.С. 2025. (в печати). Археоботанические комплексы Кисловодской котловины II в. до н.э. – XIII в. н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 6.

Тахнаева П.И. 2004. Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII–XVI вв.). Махачкала.

Шихсаидов А.Р. 1975. Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала.

Martin L., Messager E., Bedianashvili G., Rusishvili N., Lebedeva E., Longford C., Hovsepyan R., Bitazde L., Chkadua M., Vanishvili N., Kakhiani K., Abramishvili M., Gogochuri G., Murvanidze B., Giunashvili G., Licheli V., Salavert A., Andre G., Herrscher E. 2021. The place of millet in food globalization during Late Prehistory as evidenced by new bioarchaeological data from the Caucasus // Scientific reports. Vol. 11, 13124.

Sadunishvili T., Maisaia I., Sikharulidze N., Bussmann R.W., Paniagua Zambrana N.Y., Batsatsashvili K. and Darchidze T. 2024. Foxtail millet (Setaria italica (L.) P. Beauv.) culture in Georgia, South Caucasus // Ethnobotany Research and Applications. Vol. 29:55.

ТИПОЛОГИЯ ЗНАКОВ НА ПЛИНФАХ ИЗ ВИЗАНТИЙСКОГО ГИЕНОСА (РЕСПУБЛИКА АБХАЗИЯ, ГОРОД ОЧАМЧИРА)

Скакова И.В.
Институт востоковедения РАН, г. Москва

В 2019 г. совместная российско-абхазская археологическая экспедиция под руководством А.Ю. Скакова и А.И. Джопуа возобновила раскопки византийского поселения Гиенос, продолжающиеся по сей день (Скаков и др., 2022. С. 183–184). Экспедицией были заложены два раскопа с востока и запада от фундамента византийского храма V–VII вв., основным строительным материалом которого был тонкий римский кирпич – плинфа (Хрушкова, 2002. С. 275).

Примерно на трети найденных во время раскопок плинф обнаружены знаки, нанесенные пальцем или острым предметом – в настоящий момент их насчитывается 496 экз. Символы были классифицированы и разделены на группы и типы (Скакова, 2025. С. 106–120). Раскопки 2025 г. дали большое количество нового материала, который позволил пересмотреть некоторые выводы и перегруппировать ряд знаков, выделив подтипы. Символы на плинфах из Гиеноса делятся на 5 групп: 1) A – кресты и крестообразные знаки (43 % от всех типов или 66 % от общего количества найденных знаков); 2) B – криволинейные знаки и круги (20 % или 27 % соответственно); 3) C – прямолинейные знаки (19 % или 4 %); 4) D – литеровидные знаки (9 % или 2 %); 5) E – стреловидные знаки (9 % или 1 %). В данные группы входит 27 типов и 76 подтипов символов. Ориентация знаков представлена соответственно их расположению на плинфе (рис. 1).

Знаки наносились как на верхние постели плинф, так и на боковые поверхности (в редких случаях и на нижние постели). Чаще всего символы встречаются на верхних постелях (61 % от всех типов или 78 % от общего количества экземпляров), тогда как на боковых поверхностях всего 39 % или 22 % соответственно.

Большинство плинф в Гиеносе найдены во фрагментированном состоянии, из-за чего некоторые знаки не сохранились полностью. Тем не менее, у 63 % подтипов обнаружены целые символы, а у 16 % – почти полностью целые. Знаки еще 16 % подтипов фрагментированы, однако их возможно восстановить по аналогии. Оставшиеся 5 % подтипов восстановлены предположительно, т.к. пока не было найдено ни одного полностью сохранившегося знака, с которыми они могут быть идентифицированы.

По размеру знаки на плинфах Гиеноса делятся на крупные (от 10 см до всей поверхности верхней постели плинфы), средние (от 4–5 до 10 см) и мелкие (до 3 см и меньше). Крупные символы встречаются только на верхних постелях, чаще всего нанесены пальцем и составляют 18 % от всех типов или 49 % от общего количества знаков. Наиболее распространены знаки среднего размера (61 % типов или 47 % от общего количества), они располагаются и на верхних постелях, и на боковых поверхностях, прочерчены как пальцем, так и острым предметом. Мелкие символы также найдены на всех поверхностях, прочерчены только острым предметом и составляют 21 % типов или 4 % от общего количества.

Отдельно следует оговорить знаки, найденные на плинфах *in situ*, поскольку основной массив меток не имеет никакой привязки к месту нахождения в кладке храма. К этим знакам относятся 4 подтипа: A2-1, B4-1, B3-1 и C1-4. Первые два символа найдены на верхних постелях плинф, лежащих нижней постелью вверх в слое пола в юго-западном проеме наоса храма. Последние два подтипа знаков обнаружены на боковых поверхностях плинф в кладке юго-западного угла наоса, причем знак C1-4 обращен наружу, а знак B3-1 расположен во внутренней части кладки.

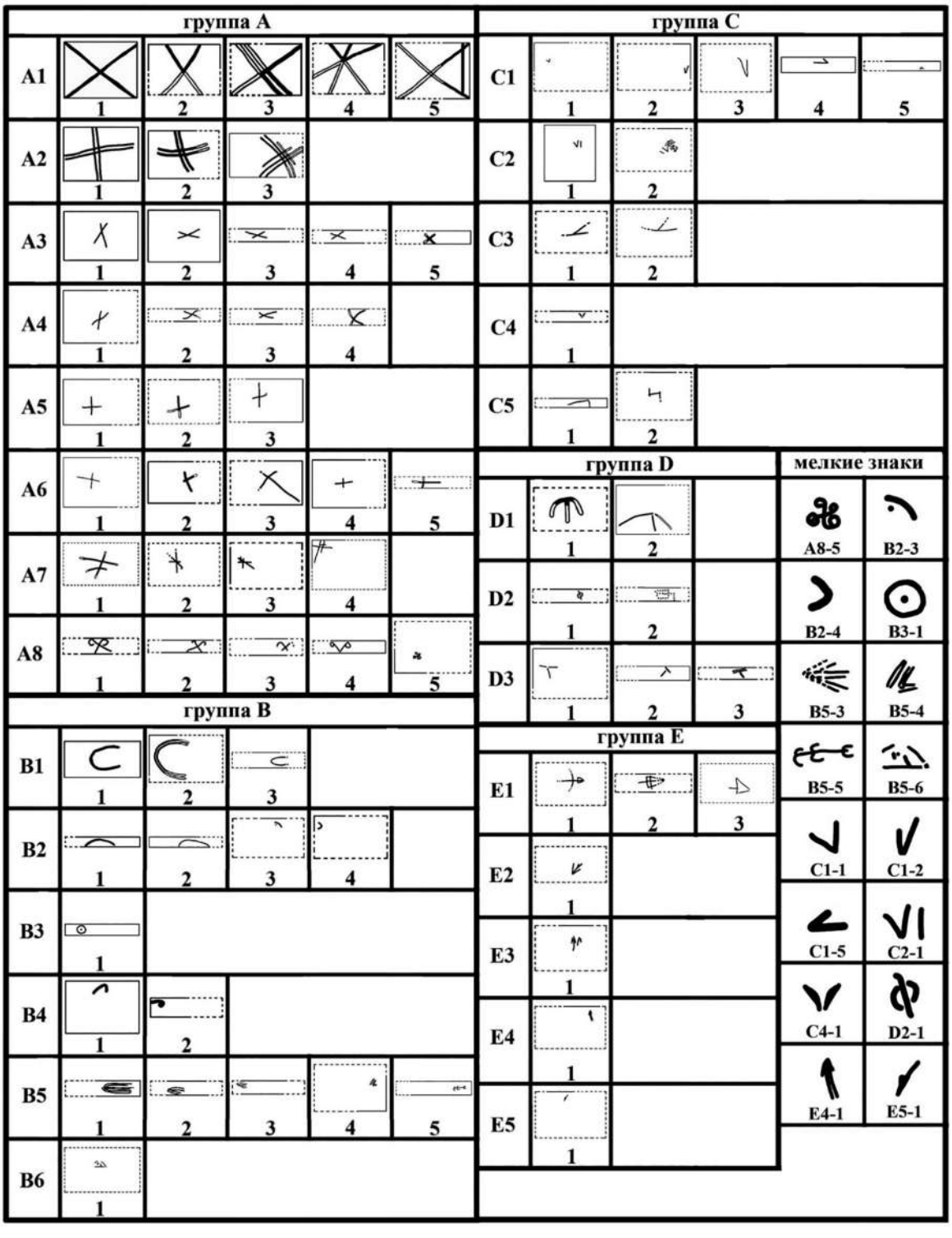


Рис. 1. Сводная таблица знаков на плинфах из Гиеноса

На настоящий момент у нас нет никаких данных о датировке плинфы, соответственно мы предполагаем, что она относится примерно ко времени строительства храма (V–VII вв.). Скорее всего, знаки на плинфах являются символами бригад мастеров-строителей храма. П.А. Раппопорт высказывал предположение, что знаки на верхних постелях могли обозначать партии плинф, в то время как символы на боковых поверхностях соответствовали циклам обжигательной печи, смысловой же нагрузки, по его мнению, сами символы в основном не несли (Раппопорт, 1977. С. 32–33). Надо отметить, что часть меток на боковых по-

верхностях имеет сходство со знаками на верхних постелях, но в пяти типах символы на боковых поверхностях отличаются (знаки A8, B3, B5, C4, D2).

Ряд схожих знаков можно увидеть на памятниках примерно этого же времени на Кавказе, Северном Причерноморье и Балканах. На территории Абхазии это символы, найденные в Цибилиуме (Khroushkova, 2006. P. 238. Pl. 52, *c*). Большое количество знаков из всех пяти групп Гиеноса схожи с метками мастеров-каменщиков армянских церквей VII в. (Казарян, 2012. С. 13–16; Мнацаканян, 1958. С. 101; Ямпольский, 1960. С. 249. Рис. 5). Можно увидеть сходство между знаками на оборонительных стенах Дербента сер. VI в. (Гаджиев, 2016. С. 107, 109–110. Рис. 5, 7, 8) и четырех групп из Гиеноса. Похожие метки встречаются на плинфах и каменных плитах из Плиски VI в. (Шкорпил, 1905. С. 253. Рис. 41. Табл. XLIX–LI; Макарова, Плетнева, 1984. С. 214, 215. Рис. 2, 3). Последний памятник особенно интересен тем, что там схожие символы нанесены на разный материал – на камни и на глину, при этом между этими знаками есть сходство. Некоторые тамгообразные символы племен Северного Причерноморья начала нашей эры также имеют большое сходство со знаками из Гиеноса (Драчук, 1975. Табл. II–VIII, XI, XIV, XVIII–XX, XXII–XXV). Также аналогичные метки встречаются среди штампов на черепицах Херсонеса, датируемых от V до X в. н.э. (Романчук, 2004).

Таким образом, символы на плинфах Гиеноса имеют сходство со знаками, найденными на территории Кавказа, Северного Причерноморья и Балкан. Такие метки можно увидеть, как на глине (плинфа, черепица), так и на камнях, причем, последние встречаются чаще. Сходство знаково-символической культуры на ряде различных памятников V–VII вв. может говорить о связях между этими регионами, а также предположительно обозначать наличие в Гиеносе мастеров-строителей с других территорий.

Литература

Гаджиев М.С. 2016. Опыт интерпретации знаков строителей Дербента // Степи Восточной Европы в средние века: Сборник статей памяти С. А. Плетневой. М.

Драчук В.С. 1975. Системы знаков Северного Причерноморья (тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). Киев.

Казарян А.Ю. 2012. Автографы мастеров-каменщиков VII века. Армения, Иверия, Кавказская Албания. М.

Макарова Т.И., Плетнева С.А. 1984. Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София.

Мнацаканян Ст.Х. 1958. Некоторые вопросы организации строительного дела средневековой Армении и знаки мастеров-каменотесов // Историко-филологический журнал. № 3. Ереван (на арм. яз.; рез. на рус. яз.).

Раппопорт П.А. 1977. Знаки на плинфе // КСИА. Вып. 150. М.

Романчук А.И. 2004. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Скакова И.В. 2022. Новые исследования древнего Гиеноса (Абхазия) // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации: XXXII Крупновские чтения. Майкоп.

Скакова И.В. 2025. Знаково-символическая культура строителей средневековых храмов: репертуар знаков на строительной керамике византийского Гиеноса // Проблемы сохранения объектов культурного наследия и новейшие цифровые технологии. М.

Хрушкова Л.Г. 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.

Шкорпил К.В. 1905. Знаки на строительном материале // Известия Русского Археологического Института в Константинополе. Т. X. София.

Ямпольский З.И. 1960. Памятники Кавказской Албании на горе Бешидаг // СА. № 2.

Khroushkova L. 2006. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noir. Abkhazie. IVe – XIVe siècles. Belgium.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СКЛЕПОВ ГОРНОЙ ОСЕТИИ (НА ПРИМЕРЕ СКЛЕПОВ УЩЕЛИЙ ДЗИМЫР, ГНУХ И ДЗОМАГ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ)

Старостина Е.П.
Независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону

Склеповые сооружения, наряду с башнями и другими строениями, издавна привлекали к себе внимание исследователей. П.С. Уварова, Е.Г. Пчелина, Л.Г. Нечаева, Г.А. Кокиев, Л.А. Чибиров, Р.Г. Дзаттиаты, В.Х. Тменов – вот лишь неполный список исследователей, интересовавшихся этой темой.

Впервые Г.А. Кокиев предложил основную классификацию склепов горной Осетии (Кокиев, 1928. С. 5). Позднее В.Х. Тменов создал более емкую классификацию, которую можно распространить на склеповые сооружения всего Кавказа (Тменов, 1996. С. 125).

При анализе пространственной организации склепов необходимо учесть несколько обстоятельств: соотношение его с поселением, с рельефом местности, где он расположен, а также со сторонами света (по ориентации лаза в склеп).

Ключевой особенностью всех видов склепов горной Осетии является встраивание их в рельеф местности. При этом подземные и полуподземные склепы имеют много общего. И те, и другие использовали естественный рельеф местности, располагаясь на окраине поселений, выше или ниже по склону. Иногда склепы фиксировались между жилыми домами (скорее всего это происходило ввиду резкого разрастания поселения и включения таким образом склепов в территорию селения).

Надземные же склепы стоят несколько особняком. Они выстраивались отдельно, как отметил Р. Г. Дзатиатты, для утверждения могущества и престижа фамилии (Дзатиатты, 2002. С. 211). Некоторые из них расположены рядом с башней фамилии, во дворе домовладения. Например, склеп Фарниевых, в с. Средний Ерман (Яценко, 2023. С. 564). А иногда к склепу пристраивалась стена дома. Такой склеп был обнаружен Г.А. Кокиевым в селении Даллагкау (склеп Мулуховых) (Кокиев, 1928. С. 8).

Что же касается соотношения со сторонами света, Г.А. Кокиев отмечал, что все склепы обращены на восток. Позже Р.Г. Дзаттиаты, исследовав немало склепов горной Осетии, сделал замечание, что нет четкой ориентировки склепов по сторонам света. Это может быть восток, юго-восток, юго-запад. Важной особенностью здесь является то, что лаз устраивался с солнечной стороны. Склепы, находящиеся рядом, обычно имеют одинаковую ориентировку (Дзаттиаты, 2002. С. 95).

В 2024–2025 гг. в ходе историко-архитектурной экспедиции обследовались поселения и склепы в ущельях Дзимыр, Гнух и Дзомаг в Южной Осетии. Ущелье Дзимыр расположено в верховьях р. Чисандон, Гнухское ущелье – в верховьях р. Малой Лиахвы, и ущелье Дзомаг – на реке Дзомагдон (правый приток р. Большая Лиахва).

В ущелье Дзимыр, в верховьях р. Чисандон, было обследовано два селения: Тогойтикау и Даллаг Баджин.

В селении Тогойтикау склеп Тогоевых, полуподземный, располагался ниже поселения по отрогу, и был врезан в склон, а также имел юго-восточную ориентировку.

Рядом с селением Даллаг Баджин, которое населяли Битаровы и Дзебисовы (Цховребова, 1979. С. 30–31), на правом берегу р. Чисандон, было найдено четыре склепа. Все они полуподземные, встроены в рельеф местности и имеют южную ориентацию.

В Гнухском ущелье, у истоков реки Малой Лиахвы, предположительно было около 15 поселений. Нашей экспедицией были посещены с. Суарта, с. Гнух (с отс. Хуырыхъæу), с. Болатата, с. Дисиджин и, с расстояния, было сфотографировано с. Гадкора. Склепы, однако, были не во всех селениях. В селении Гнух полуподземный склеп Хубаевых находился ниже по склону от селения, был встроен в склон и имел юго-западную ориентировку.

Выше по течению реки располагалось селение Суарта. В нем был обнаружен полуподземный склеп Хубаевых-Кобесовых, располагавшийся ниже поселения по отрогу. Он встроен в рельеф склона, но имеет уже юго-восточную ориентировку.

Ниже по течению реки от с. Гнух располагаются по правую сторону селение Дисиджин, селение Болатата и по левую сторону селение Гадкора. По словам информанта, в Дисиджин есть склеп, но в этот раз он не был обнаружен. В селении Гадкора полуподземный склеп Макиевых также располагается ниже села по склону и встроен в рельеф горы. Ориентировка такая же, как и в первом селении, юго-западная.

В ущелье Дзомаг, вдоль реки Дзомагдон, было исследовано два склепа, находящихся по обе стороны ущелья – в селениях Фази Дзомаг и Дзугата. Склеп Джигкаевых, расположенный рядом с селением Фази Дзомаг, имеет ориентацию на юго-запад.

Другой слеп, располагающийся на другой стороне ущелья, выше по гребню от с. Дзугата, имеет также юго-западную ориентировку. Этот склеп находится рядом с погребениями XX в. фамилии Плиевых.

А вот тип этих склепов определить однозначно непросто в виду их сильной задернованности и обрушения. Пока непонятно, полуподземные ли это склепы, у которых ввиду сильной задернованности заплыл фасад, или всё же подземные. Участником экспедиции Р. И. Хугати было высказано предположение, что они оба изначально были так спроектированы, и, возможно, мы имеем дело с новым видом полуподземных склепов, бесфасадными. В любом случае, без более подробного археологического исследования, без расчистки внешней стены с лазом это выяснить не удастся.

Полученный в ходе экспедиции материал позволил расширить наши знания о склепах горной Осетии. Также надо отметить, что полученные данные полностью подтверждают особенности пространственного расположения склепов в других районах горной Осетии. Но этот вопрос, безусловно, требует дальнейшего исследования.

Литература

Дзаттиаты Р. Г. 2002. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ.

Кокиев Г.А. 1928. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ.

Тменов В.Х. 1996. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ.

Цховребова З.Д. 1979. Топонимия Южной Осетии в письменных источниках. Тбилиси.

Яценко С.А., Сланов А.А., Хутинаев А.Х. 2023. Осетинские граффити на постройках верховьев Большой Лиахвы // МАИАСП. Вып. 15

ФОРМЫ «ОДНОГО МАСТЕРА» В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКЕ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Суханов Е.В.
Институт археологии РАН, г. Москва

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда, проект № 25-28-01949 «Северо-кавказские традиции в гончарстве населения Хазарского каганата»

Практически все исследователи, работавшие с керамикой салтово-маяцкой культуры, отмечали ее морфологическое разнообразие (см., напр.: Флеров, 2000. С. 116; Плетнева, 1989. С. 121). Одно из вероятных объяснений этому – участие в формировании салтово-маяцкого керамического комплекса коллективов, переселившихся в бассейн Среднего Дона из разных районов Северного Кавказа и различавшихся по традиционным формам глиняной посуды ещё в «досалтовский» период своей истории. Для проверки этого предположения необходимым представляется сравнение салтово-маяцких гончарных традиций с более ранней керамикой из разных районов Северного Кавказа.

Однако при выборе конкретных источников для такого сравнения неизбежно возникает вопрос о том, насколько хронологически близкими или отдаленными по отношению к салтово-маяцкой культуре должны быть северо-кавказские керамические коллекции: пригодны ли для такой работы, например, материалы V–VIII вв., т. е. всего периода аланской культуры раннего средневековья (Коробов, 2017. С. 7), либо следует ограничиться хронологически более компактными материалами конца VII – первой пол. VIII в.?

В данной работе предпринимается попытка наметить пути решения этого вопроса, используя новые приемы исследования форм керамических сосудов, разработанные ее автором. Речь идет о методике индивидуального (попарного) сравнения сосудов, нацеленной на выявление в археологических памятниках форм сосудов «одного мастера», т.е. изготовленных носителями одинаковых навыков (предварительную публикацию о ней см.: Суханов, 2025). Критерии сходства, позволяющие квалифицировать конкретную пару сосудов, как изделия «одного мастера», установлены на основании анализа этнографических и экспериментальных материалов – серий сосудов одинаковой формы, сделанных мастерами разного уровня квалификации по разным технико-технологическим программам. На сегодняшний день объем исследованных источников, которые лежат в основе данной методики, составляет 67 индивидуальных серий, включающих более 800 сосудов.

В этом исследовании решается узкая и конкретная задача: проследить динамику форм сосудов «одного мастера» во времени, опираясь на материалы функционировавшего на протяжении нескольких веков погребального памятника – могильника Мокрая Балка в Кисловодской котловине. Материалы раскопок этого некрополя введены в научный оборот и хорошо изучены с точки зрения хронологии (Афанасьев, Рунич, 2001; Гавритухин, Малашев, 1998; Малашев, 2001).

Исследована коллекция сосудов из Мокрой Балки, с которой автору удалось поработать в музеях Кисловодска и Пятигорска[1]. Для анализа отобраны сосуды из могил, датиро-

[1] Благодарю С.Н. Савенко, И.А. Авдеенко (Пятигорск) и Е.И. Зайцеву (Кисловодск) за помощь в организации работы с керамикой Мокрой Балки в фондах Пятигорского краеведческого музея и Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость».

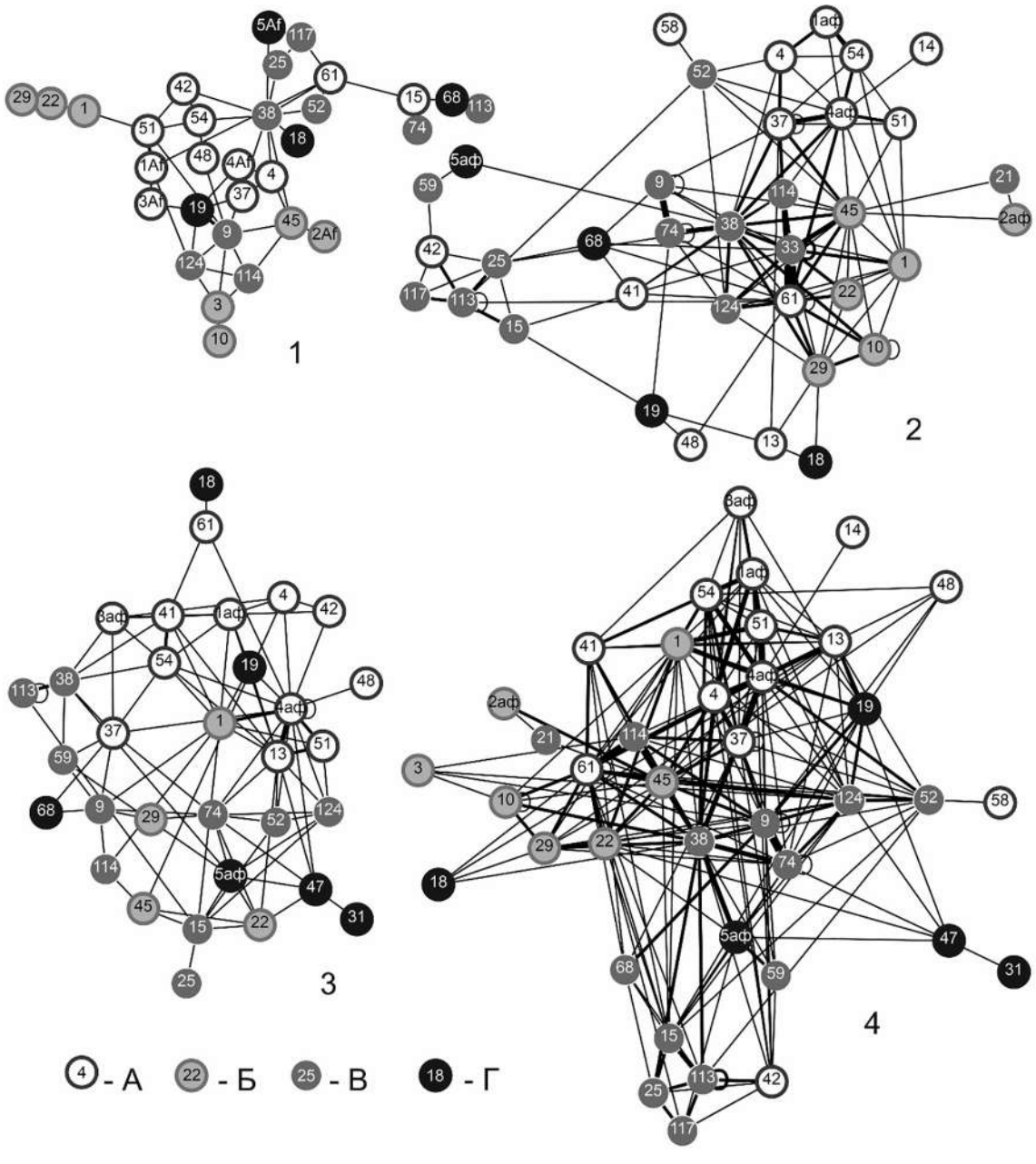


Рис. 1. Граф связей могил Мокрой Балки по формам сосудов «одного мастера»:
1 – костяки форм, 2 – очертания форм, 3 – нейросетевая модель, 4 – сочетание трех способов; А – период 1, Б – период 2, В – период 3, Г – период 4

ванных по периодизации Г. Е. Афанасьева, не имеющей значительных расхождений с датировками И.О. Гавритухина и В.Ю. Малашева – 93 сосуда, представленные кувшинами, кувшинчиками и кружками.

Использовались три разных способа выявления форм сосудов «одного мастера», разработанные и проверенные к настоящему времени на экспериментально-этнографических и археологических материалах: 1) по так называемым костякам форм, когда объектом непосредственного изучения являются углы наклона и пропорции функциональных частей изделий; 2) по криволинейным очертаниям форм; 3) с помощью специально разработанной нейросетевой модели, базирующейся на архитектуре компьютерного зрения Swin Transformer V1-T.

Каждым из этих способов выявлялись пары сосудов «одного мастера», после чего изучалось распределение найденных пар по погребениям. Результаты этой работы представлены в

виде графов связей, где каждый узел – это отдельное погребение, а каждое ребро означает наличие связи между комплексами по сосудам «одного мастера» (рис. 1, *1–3*). Условные обозначения узлов (могил) (рис. 1, *А–Г*) соответствуют хронологической позиции комплексов.

Анализ структуры графов показывает, что наибольшей компактностью и «различимостью» обладают традиции создания форм сосудов, представленные в могилах периода 1 (вторая пол. V – первая пол. VI в.). Наиболее четко эту закономерность показывают первый (по костякам) и третий (с помощью нейросети) способы сравнения форм сосудов. На графе по костякам (рис. 1, *1*) почти все могилы периода 1 образуют плотное ядро в центре графа. Более поздние погребения расположены в периферийных его зонах, «перемешаны» и не формируют компактных групп. На графе с результатами сравнения с помощью нейросетевой модели (рис. 1, *3*) могилы периода 1 занимают практически всю его верхнюю часть. В нижней части располагаются все более поздние комплексы, где связи на уровне форм сосудов «одного мастера» охватывают могилы разных хронологических периодов: 2-го, 3-го и 4-го.

Похожие результаты дает сочетание трех способов анализа (рис. 1, *4*), т. е. простое суммирование пар сосудов, найденных каждым из них по отдельности. Нужно отметить, что в данном случае периоды 2 и 3 различаются по представленным в них керамическим формам гораздо лучше, чем в предыдущих примерах: период 2 связан с левой частью графа, период 3 – в основном с нижней. Однако наибольшей компактностью и единообразием по навыкам создания керамических форм по-прежнему обладают погребения периода 1, формирующие практически всю верхнюю часть графа.

Таким образом, все использованные способы анализа показали, что со второй пол. VI в. в Мокрой Балке распространяются сосуды, которые значительно отличаются по навыкам создания формы от изделий второй пол. V – первой пол. VI в. (период 1). Подобное заключение ранее было сделано и В.Ю. Малашевым, который предположил, что это может отражать приток в Кисловодскую котловину новых групп населения (Малашев, 2001. С. 32). Результаты этой работы свидетельствуют в пользу такого предположения. Отчетливо видно, что среди изготовителей изученных сосудов в это время появились «новые мастера».

Навыки создания форм, представленные в материалах Мокрой Балки со второй пол. VI в. и до финала могильника, характеризуются единством, поскольку сосуды «одного мастера» связывают погребения разных периодов, особенно 2-го и 3-го. Это свидетельствует о том, что в дальнейших поисках истоков салтово-маяцких керамических форм на территории Кисловодской котловины целесообразно использовать для сравнения материалы второй пол. VI – первой пол. VIII в. Более ранние керамические коллекции, вероятно, непригодны для этой задачи.

Литература

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара.

Коробов Д.С. 2017. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. Т. 1. СПб.

Малашев В.Ю. 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.

Плетнева С.А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Суханов Е.В. 2025. Методика индивидуального сравнения форм глиняных сосудов (предварительная публикация) // Вестник «История керамики». Вып. 7. М.

Флеров В.С. 2000. О технологии изготовления салтово-маяцкой лощеной керамики // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ XIII–XVI вв. СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА (ИНГУШЕТИЯ)

Тангиев М.А.
Археологический центр им. Е.И. Крупнова, г. Назрань

1. Проблема изучения грунтовых (ямных) могильников позднесредневековой Ингушетии, сегодня остается открытой. Если обратиться к историографии, то следует констатировать, что на сегодняшний день в указанном регионе северо-восточного Кавказа погребальных памятников этого типа не зафиксировано (Крупнов, 2008. С. 256; Мужухоев, 1977; Чахкиев, 2003; Чахкиев, 2009; Нарожный, 1989 и др.). Что не скажешь в отношении территории Чечни – здесь известно более 20 грунтовых могильников, которые рассмотрены автором, опубликована их краткая характеристика и анализ (Тангиев, 2021. С. 152–168. Рис. 1).

2. Проблема, на мой взгляд, связана с малоизученностью региона в отношении археологических памятников. Несмотря на то, что грунтовые могильники в Ингушетии пока не открыты, сказать, что они вообще отсутствовали в регионе нельзя. Как известно, нередко погребения обнаруживаются в результате человеческой деятельности, а не при археологических разведках или раскопках. На это указывают многочисленные публикации, археологические карты регионов (см., напр.: Вестник ... , 2001. С. 5–15, 37–42).

3. Известно, что в Келийском могильнике представлены погребения в каменных ящиках и полуподземных склепах. В публикациях последнего времени появляются указания на наличие в этом могильнике погребений в грунтовых ямах (см.: Гаглойты и др., 2021. С. 180–192), что не подтвердилось при проверке автором данного тезиса. Здесь авторы имели ввиду нагромождения не полных костяков над перекрытиями каменных ящиков (со слов Е.И. Нарожного). И этот факт не дает нам основания утверждать о наличии на территории могильника башенного аула Кели или Келийского грунтовых (ямных) захоронений. В указанной статье делается и предположение об инфильтрации алан с плоскости в высокогорную зону Ингушетии на примере Килийского могильника. Эта немаловажная тема требует самостоятельного исследования.

4. Отсутствие среди известных погребальных памятников грунтовых могильников не только в горной, но и в равнинной зоне Ингушетии не может быть показателем их несуществования. Этот вопрос связан и с проблемой этнокультурного развития указанного региона в позднесредневековый период. Судя по археологическим данным, мы с уверенностью можем констатировать, что военно-политические и социально-экономические процессы повлияли на отток автохтонного населения в горные и высокогорные районы – в данном случае на примере рассматриваемого региона (Ингушетии). Изменение среды обитания, несомненно, влияло не только на изменения, например, в формах хозяйствования, но и на погребальную обрядность, в частности, на конструкции погребальных сооружений, на использование тех или иных природных материалов.

Литература

Вестник археологического центра. 2001. Вып. 1. Назрань.

Гаглойты Р.Х., Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х., Нарожный В.И., Нарожный Е.И. 2021. Наконечники копий и дротиков XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии: некоторые итоги,

задачи, и перспективы изучения // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. № 19. Армавир-Карачаевск.

Крупнов Е.И. 2008. Средневековая Ингушетия. Магас.

Мужухоев М.Б. 1977. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII–XVII вв.). Грозный.

Нарожный Е.И. 1989. Отчет об охранных археологических исследованиях Келийского могильника (Назрановского район ЧИАССР) в 1987 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 13181–13184.

Тангиев М.А. 2021. К изучению погребального обряда населения Чечни XIII–XVI вв. (ямные погребения) // РА. № 1.

Чахкиев Д.Ю. 2003. Древности горной Ингушетии. Т. I. Назрань.

Чахкиев Д.Ю. 2009. Древности горной Ингушетии. Т. II. Нальчик.

АНТРОПОМОРФНЫЕ НАЧЕЛЬНИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Туаллагов А.А.
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, г. Владикавказ

Долгое время для фигурного начельника (высота – 9,5 см) из катакомбы № 14 Змейского могильника середины XII в. единственным сопоставительным материалом служила личина (37 × 28 мм) из отвала средневекового слоя Таманского городища (Кузнецов, 1992. С. 206–207). Сегодня в научный оборот введена часть начельника в форме мужской фигуры (высота – 10,5 см) (Ильюков, 2022) из могильника Колосовка 1 (Король, 2008. С. 39).

Известен начельник из погребения № 5 могильника Андреевская щель конца XI – первой половины XII вв. с гравированными изображениями мужчины и женщины. Аналогию композиции усматривают в изображениях на накладке на седло XI – первой половины XII вв., относимой к «аланской» группе памятников и перекликающейся с изображениями на материалах катакомбы № 14 Змейского могильника (Степанова, 2016. С. 308).

Для определения семантики композиции исследователи обращались к материалам Нартиады и погребально-поминальной обрядности северокавказских народов, указывая на возможные аналогии в их сакральных женских образах, сохраняющих черты древних богинь (Король, 2008. С. 39–59). В змейском и беспаспортном образцах видели «жертвователей», преподносящих сосуд, возможно, со священным напитком (Ермоленко, Советова, 2023. С. 76).

Обычно змейский образ сопоставляли с сакральными образами осетинской Нартиады или с образами богинь без их конкретного определения, особо выделяя символ чаши. Но женские персонажи Нартиады непосредственно с образом чаши не связаны. Если следовать общему направлению, то сопоставимый образ может быть представлен только в лице осетинской Мады Майрам (Мать Мария). Он отличен от собственно христианского образа, особо заметен в фольклорно-этнографическом наследии осетин и в некоторых случаях прямо включен как единственный женский образ в пантеон, сохраняя черты Великой Богини-прародительницы в ее различных ипостасях.

В июне 2003 г. на аукционе Кристис (Christie's) был представлен лот 239 из частной коллекции (рис. 1). Лот, включающий антропоморфный начельник (высота – 9,2 см) и датированный ~ X в. н. э., сопровождался описанием: «… Composed of a cast finial in the form of a stylized woman holding a hemispherical bowl before her in her hands, wearing a pendant cross between her small breasts, her face with a pointed chin, thin mouth, and a straight nose that merges with prominent brows, the eyes inlaid in turquoise glass (one missing), the ears pierced for now-missing earrings, a fringe of striated hair at the top of the head, the back open, the finial riveted to a domed sheet ornamented with an interlocking pattern, the background stippled, with four glass disks in ribbed collar settings interspersed with rivets which attach leather to the underside…» (A caucasion nomadic gilt bronze finial ... . 2003).

Если мы допускаем положительное отношение к аукционной экспертизе, то образец, визуально более грубой работы, дает пример преобразования прежнего образа в христианский, что соответствует эволюции образа Мады Майрам. В тот же лот входила и решма с «пляшущим человечком», аналогичная образцу из Колосовка 1. Они имеют параллели от дореволюционных находок в районах ст. Змейская и Нижней Рутхи до образцов из катакомбы № 41



Рис. 1. Лот 239 аукциона Christie's

могильника Кольцо-Гора 1 второй половины XI–XII вв. и многих других, представленных на различных сайтах интернета. Украшение решмы лота стеклянной вставкой сочетается с украшением начельника и может указывать на вхождение обоих предметов в единый комплект конской узды. Такие вставки отмечены у начельников из Колосовки 1, Андреевской щели, Змейского и др.

На шее «пляшущего человечка» также представлен крест, сменяющий амулеты-трилистники других образцов, как крест навершия лота сменил трехконечную лунницу змейского. Другим известным видом решм являются образцы с всадником с секирой, прототипы которым усматривали в аланских амулетах (Кузнецов, 2003. С. 108). Они представлены в катакомбе № 15 Змейского могильника, в могильниках Колосовка 1 (украшают и начельник), Псекупский 4 и Кужорский, что вновь объединяет аланские древности с древностями меотского (средневекового адыгского) ареалов. Их дериваты в виде подвесок представлены среди находок на севере современной Украины, а также у с. Чёлмужи (Республика Карелия), в Саласпилсе и Даугмале (Латвия). Причем, подвеска Чёлмужи объединялась в наборе с двумя христианскими крестами (Гроздилов, 1941. С. 15 Таб. IV, 4), а у всадника из Даугмале крест появляется на груди (Spirģis, 2012. S. 123), что дает примеры включения в христианский круг заимствованных образов.

Полагали, что решмы с «пляшущими человечками», как модификации более ранних аланских амулетов, служили «шаманскими онгонами» или изображениями языческих жрецов, могли изображать ритуальный танец, возможно, исполняемый жрецом (Кузнецов, 1992. С. 295–297; Савенко, 2017. С. 185). Они были оберегами (апотропеями), отпугивающими вредоносные силы. Образ «пляшущих человечков» рассматривается как агрессивно-угрожающий (Ермоленко, Советова, 2023. С. 78).

Отмеченные шаманистические мотивы находят параллели в осетинских представлениях о куырысмадзау (буркудзау) – особых людях, души которых в определенное время летели, предпочитая для этого лошадей, в составе божеств и духов в царство мертвых, где добывали в опасных сражениях блага плодородия для своих обществ. Близкие представления отмечены для уддов (удов) адыгских народов, вновь объединяя их историю с аланской. В свою очередь, осетинские представления сопоставимы с данными о военизированном сообществе итальянских benandanti. Их феномен рассматривается как включенная в христианское поле эволюция древнего аграрного культа с шаманскими чертами. Для benandanti отмечен и один из образов богинь, связанных и с идеей плодородия, выступающих, например, в

ипостаси «хозяйки зверей», что включает образ скифской змеедевы (Ginzburg, 1991. P. 139, 154–171, 194–195, 209–214). Мы можем предположить, что змейский и аукционный начельники, как и решмы с «пляшущим человечком» и всадником с секирой, представляли соответствующие шаманистические традиции, закономерно связанные с воинской средой в алано-адыгском ареале.

Литература

Гроздилов Г.П. 1941. Сел. Чёлмужи, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.–Л.

Ермоленко Л.Н., Советова О.С. 2023. Об апотропеическом смысле фигуративных составляющих декора конского начельника из могильника Андреевская щель (Северный Кавказ) // Археология Казахстана. № 3 (21).

Ильюков Л.С. 2022. Фигурные начельники Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. Ставрополь.

Король Г.Г. 2008. Искусство средневековых кочевников Евразии. М., Кемерово.

Кузнецов В.А. 1992. Очерки истории алан. Владикавказ.

Кузнецов В.А. 2003. Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ.

Савенко С.Н. 2017. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н.э. Археология евразийских степей. Выпуск 24. Пятигорск-Казань.

Степанова Е.В. 2016. Накладка седла // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.

A caucasion nomadic gilt bronze finial. 2003. [Электронный ресурс]. URL: «https://www.christies.com/lot/a-caucasian-nomadic-gilt-bronze-finial-circa-4108291/?intObjectID=4108291&lid=1.» (дата посещения: 22.09.2025)

Ginzburg K. 1991. Ecstasies: deciphering the Witches' Sabbath. NY.

Spirģis R. 2012. Kristieši pirms krusta kariem Latvijas teritorijā? Kristietības izplatība Daugavs lībiešu zemēs 11.–12. gs. // Arheoloģija un etnogrāfija. T. XXVI. Rīga.

К ЮБИЛЕЮ ИЗУЧЕНИЯ НУЗАЛЬСКОЙ ЧАСОВНИ: ДОКУМЕНТЫ И КОЛЛЕКЦИИ (НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ В СОСТАВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РСО-АЛАНИЯ И СПбФ АРАН)

Цуциев А.А.[1,2], Застрожнова Е.Г.[3]
[1]Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, г. Владикавказ
[2]Национальный музей РСО-Алания, г. Владикавказ,
[3]Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, г. Санкт-Петербург

Нузальская часовня[1] – важнейший раннехристианский памятник на территории Северной Осетии, играющий ключевую роль в понимании историко-культурного своеобразия региона. Уникальная фресковая живопись, погребение, открытое в северо-западной части часовни, архитектурная конструкция памятника на протяжении десятков лет не имеют однозначной трактовки и вызывают споры в среде научного сообщества. Особую актуальность в связи с этим приобретает тщательное восстановление истории изучения этого памятника. В первую очередь исследования этого памятника связаны с именем археолога-кавказоведа, этнографа Евгении Георгиевны Пчелиной (1895–1972 гг.). В 1946 г. Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом (далее – СОНИИ) была организована комплексная экспедиция, начальником которой была назначена Е.Г. Пчелина. Под ее руководством были проведены археолого-топографические работы на территории часовни: открыто погребение в каменном ящике, проведена кино- и фотофиксация состояния фресок. В августе 1965 г. небольшой исследовательской группой под руководством Е.Г. Пчелиной в связи с подготовкой сборника научных статей, посвященного 800-летию со дня рождения Давида Сослана, было проведено доследование пола часовни и осуществлены работы охранного характера. Эти материалы отложились в личном фонде Е.Г. Пчелиной, который хранится согласно ее завещанию в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1017. Оп. 1–5). Полный комплекс рукописных, печатных и иллюстративных материалов по Нузальской часовне до настоящего времени не опубликован, поэтому предварительное их рассмотрение, а в особенности дополнение материалами коллекций из Национального музея РСО-Алании, крайне важно для комплексного восстановления послевоенного периода изучения памятника.

Исследованиям Нузальской часовни в 1946 г. посвящен обширный комплекс архивных документов: полевые дневники, картографические, иллюстративные материалы, фотодокументы (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 823, 826, 827) и пленка с киносъемкой часовни (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 825), на которой запечатлены фрески часовни такими, как их увидела Е.Г. Пчелина в 1946 г. Подробным образом описаны раскопки, совершенные в полу часовни, в ходе которых было открыто мужское погребение в каменном ящике (СПбФ АРАН. Оп.1. Д. 822). Тщательно зафиксирована глубина залегания погребения, приведена стратиграфия пола, дано описание каменного ящика, размеры каждой из плит и досок их покрывающих, положение погребенного и сопровождающего его инвентаря, хранящегося в настоящее время в составе коллекций Национального музея РСО-Алания. К сожалению, все эти материалы остались неопубликованными и фактически не введенными в научный оборот.

[1] Термин «часовня» употребляется нами в соответствии с официальным названием объекта культурного наследия народов РФ федерального значения – Нузальская часовня, ЕГРОКН № 151410044650006.



Рис. 1. Находки 1946 г. из погребения в Нузальской часовне (железо)

Известно, что в 1946 г. Е.Г. Пчелина начала подготовку монографии «Нузальская часовня», посвященную истории изучения памятника, архитектуре, фресковой росписи и значению для истории и религии Северной Осетии. Вероятно, исследовательница именно в ней планировала подробно осветить ход и результаты проведенных ей археологических раскопок. Непосредственно же после экспедиции 1946 г. Е.Г. Пчелина ограничилась отчетом, прочитанным в СОНИИ и тремя небольшими публикациями в местной газете «Растдзинад» на осетинском языке. Учитывая тот факт, что до сегодняшнего дня был опубликован лишь плохой рисунок нузальских находок, приводим их фото после реставрации, проведенной в 2018 г. художником-реставратором первой категории С.А. Рагуленко (рис. 1).

О повторной экспедиции в Нузал, состоявшейся в августе 1965 г., практически никаких публикаций не было, хотя документация о ней сохранилась (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 1127). Как было сказано выше, дополнительные исследования на территории Нузальской часовни были связаны с подготовкой сборника, посвященного юбилейной дате со дня рождения Давида Сослана, планировавшегося к изданию СОНИИ и Краеведческим музеем Северной Осетии.

Особый интерес представляют путевой дневник маршрута экспедиции за 27 июня – 17 октября 1965 г. по маршруту Ленинград – Беслан – Орджоникидзе – Алагир – Мизур – Нузал – Орджоникидзе – Тбилиси – Москва – Ленинград (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 1126) и научный отчет об экспедиционной поездке Е.Г. Пчелиной в Алагирское и Мамисонское ущелья СОАССР (Научный архив Национального музея РСО-Алания. Ф.4. Оп. 2. Д. 184). После организационных мероприятий и ряда встреч, экспедиция под руководством Е.Г. Пчелиной и в составе Т.Б. Мамукаева (антрополог), В.Х. Тменова (студент-историк) и двух рабочих – З.А. и К.З. Мзоковых выехала в Алагирское ущелье для производства раскопок Нузальской часовни. Помимо исследования Нузальской часовни, предполагалось также обследование родовых земель и находившихся там средневековых памятников, принадлежавших роду Царазонта, из которого, по мнению Е.Г. Пчелиной, происходил Давид Сослан, который и был погребен в Нузальской часовне; изучение отрезка трассы перевального пути, принадлежавшего Царазонам из Предкавказской степи к перевалам через Главный Кавказский хребет, а также доследование таможенных застав, крепостных сооружений и развалин поселений.

10 августа 1965 г. начались работы на территории Нузальской часовни, были проведены: проверка обмеров здания часовни, осуществленных в 1946 г.; очистка внутреннего помещения; снятие и очистка досок деревянного пола часовни; раскопки земляного пола в алтаре часовни, не тронутого в 1946 г. (основной целью раскопок пола в алтаре было исключение захоронения царицы Тамары в часовне) и решение организационных вопросов по охране памятника (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 824. Л. 30). 31 августа 1965 г. комиссией

в составе Е.Г. Пчелиной и научных сотрудников СОНИИ Т.Н. Кибизова, В.А. Кузнецова и Т.Б. Тургиева был составлен акт, зафиксировавший сохранность часовни по состоянию на август 1965 г. Было констатировано, что «охрана и состояние этого памятника оставляет желать лучшего», «постоянного сторожа нет, вследствие чего церковь безнадзорна» (Научный архив Национального музея РСО-Алания. Ф. 4. Оп. 2. Д. 184. Л. 33–34).

Несмотря на проведенную масштабную и кропотливую работу по подготовке сборника к 800-летию Давида Сослана, он не был опубликован. Предполагаемый сборник должен был состоять из четырех статей: Пчелина Е.Г. «Памятники средневековья на родовых землях Царазонта»; Берладина К.А., Гордеев Д.П., Пчелина Е.Г. «Нузальская часовня: архитектура, фресковая роспись, надписи»; Пчелина Е.Г. «Погребение в Нузальской часовне и принадлежность его Давиду Сослану»; Мамукаев Т.Б. «Судебно-медицинская экспертиза костных останков погребенного в Нузальской часовне и его физический облик» (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 1130). Подготовительные варианты работ хранятся в составе личного фонда Е.Г. Пчелиной и нуждаются в дальнейшем анализе и введению в научный оборот. Равно в этом нуждаются и рукопись кандидатской диссертации Т.Б. Мамукева, археологические находки, фотографии и документы о Нузальской часовне, хранящиеся в Национальном музее Республики Северная Осетия-Алания.

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ СТЕКЛЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АЛАНИИ

Чижова А.А.
Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

Предметы из стекла – сосуды, бусы, украшения, которые в большом разнообразии встречаются в раннесредневековых погребениях аланской культуры Северного Кавказа, являясь престижными предметами погребального инвентаря, имеют, в основном, импортное происхождение. Однако, некоторые исследователи выделяют отдельные категории стеклянных бус местного производства (Ковалевская, 2000. С. 242; Шестопалова, 2021. С. 340–341). Сырьем для изготовления местных типов бус и украшений в эпоху раннего средневековья мог выступать стеклянный бой (Румянцева, Кадиева, Демиденко и др., 2019. С. 40, 45). Недавние массовые находки стеклянных фрагментов в Дарьяльском укреплении (датируются кон. VII–X вв.) и на объекте «Жертвенник» у с. Аксаут в Карачаево-Черкесии (IX–XI вв.), могут являться свидетельствами ввоза в Аланию стеклянного боя для нужд местного ремесла (Mowat, 2020; Чижова, 2023. С. 145). К XI–XII вв. относится наибольшее распространение стеклянной посуды в аланских погребениях. Наиболее представительными для этого периода являются материалы Змейского катакомбного могильника, к настоящему времени за все годы исследований на памятнике открыто более 500 катакомб. Самые масштабные работы по исследованию этого могильника были проведены экспедициями Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания в 1981–2005 гг. Из 410 катакомб, исследованных за этот период, происходит 74 стеклянных сосуда.

Состав стеклянной посуды Змейского могильника неоднороден, по стилю оформления выделяется несколько групп, которые, очевидно, относятся к разным центрам их производства (Бакушев, Леонтьева, 2020. С. 264). Однако, наиболее заметной группой находок из аланских погребений Змейского некрополя являются сосуды из прозрачного стекла невысокого качества. Стекло имеет многочисленные пузырьки, даже в единичных случаях включение камешков, сосуды нередко ассиметричны. Прямые аналогии изделиям данной группы за пределами Алании пока неизвестны. Учитывая археологически зафиксированный массовый рост стеклоделия в городских центрах Евразии домонгольского периода, логично предположить, что вышеупомянутая группа стеклянных сосудов могла быть местной продукцией. При этом, учитывая невысокое качество стеклянной массы, локальное производство этого периода, вероятно, включало полный цикл – от варки стекла из местного сырья до выдувания, украшения и отжига. Исходя из этого предположения, Верхнеджулатское городище, к которому относится Змейский некрополь, возможно, являлось одним из городских центров производства стекла домонгольского времени.

Литература

Бакушев М.А., Леонтьева А.С. 2020. Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Том I. М.

Ковалевская В.Б. 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии // Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. 2. М.

Румянцева О.С., Кадиева А.А., Демиденко С.В., Ханин Д.А., Червяковская М.В., Трифонов А.А. 2019. Стеклянные изделия раннесредневековых могильников горной зоны центральных районов Северного Кавказа: химический состав и данные о происхождении // КСИА. Вып. 255.

Чижова А.А. 2023. Новые находки раннесредневековых стеклянных сосудов на Северном Кавказе по материалам фондов музея историко-культурного наследия САО РАН и Нижнего Архыза // «Плетет судьбу веретено». Сборник научных статей к 95-летию А.А. Иерусалимской. СПб.

Шестопалова Э.Ю. 2021. Стеклянные и каменные бусы из погребальных комплексов Октябрьского (Тарского) катакомбного могильника VII–IX вв. //Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию В.Б. Ковалевской. М.

Mowat F.A. 2020. Vessel glass from the Dariali fort // Dariali: the «Caspian gates» in the Caucasus from Antiquity to the Age of the Huns and the Middle Ages. The joint Georgian-British Dariali gorge excavations and surveys of 2013–2016. British Institute of Persian Studies Archaeological Monograph Series VI, Volume II. Oxford.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АЛАНЫ В КРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИИ. ДОГАДКИ И ЗАГАДКИ

Юрочкин В.Ю.
Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

1. Вопрос об аланах в Крыму вошел в науку благодаря трактату И. Тунманна. Шведский ученый конца XVIII в. опирался, прежде всего, на сообщение И. Барбаро (XV в.) о «готаланах». При этом он локализовал местность Фуллы на Кырк-Оре – Чуфут-Кале, который, согласно арабскому источнику XIV в., располагался в «стране ассов» (Тунманн, 1936. С. 27, 36). Позднее к этим сведениям прибавились мнения об основании аланами городов с иранскими названиями – Ардабда (Феодосия) и Сугдея (Судак), а также сообщение XIII в. епископа Федора об аланах, кочевавших возле Херсонеса (Кулаковский, 1899. С. 11–27). Аланы как исторический этнос на протяжении XIX в. обычно упоминались наряду с готами, выступая как-бы «тенью» последних.

2. К концу XIX в. в России бурно развивалась археологическая наука. Когда стала очевидной связь ираноязычных аланов с сарматским миром, им начали приписывать создание художественного стиля эпохи Великого переселения народов, получившего в раннем средневековье развитие в Западной и Северной Европе (Толстой, Кондаков, 1890. С. 147). Это было обусловлено не только результатами научных исследований, но и патриотической позицией ученых. С этого времени в науке прослеживается тенденция к противопоставлению аланской (восточной) и готской (западной) культуры. Если ранее исторические данные переносились на археологические реалии, то теперь происходило наоборот: ученые конструкции, создававшие «этноподобные» термины, становились основой для новой трактовки истории. Так М.И. Ростовцев писал о «гото-аланском царстве на юге России», а Пантикапей характеризовал как «гото-сарматский город» (Ростовцев, 1993. С. 96). В науке формировалась новая реальность, хотя письменная история подобных «новообразований» не знала. Этноним «аланы» стал утрачивать первоначальное значение, все больше трансформируясь в условный термин, означающий позднейший этап сарматской культуры (Rau, 1927. P. 112; Равдоникас, 1932. С. 4–41).

3. После окончания Великой Отечественной войны и раскопок могильника на склоне Чуфут-Кале в 1946–1947 гг., в связи с критикой «готского вопроса» крымские ученые – братья П.П. и В.П. Бабенчиковы – предложили именовать аланскими раннесредневековые склеповые некрополи Юго-Западного Крыма, ранее считавшиеся готскими. Основной аргумент – место расположения могильника подле Кырк-Ора. Причем речь шла не об аланах с Северного Кавказа, а об аланах местных, находившихся на одной стадии развития с восточными соседями (Юрочкин, 2017. С. 372–374). Хотя это была лишь ученая гипотеза – противопоставление аланов готам достигло своего апогея. Позднее для В.П. Бабенчикова, сконцентрировавшего внимание на изучении древностей VIII–X вв. в Восточном Крыму, этноним «аланы» прочно ассоциировался с салтово-маяцкой культурой (Бабенчиков, 1953. С. 116). В «аланском вопросе» по ряду причин ученый прошел путь от явного преувеличения роли алан на полуострове до полного его неприятия и даже подчеркнутой критики.

4. С начала 1950-х гг. в археологии по отношению к раннесредневековому населению Крыма закрепился термин «сармато-аланы». В конце 1950-х гг. В.В. Кропоткин предложил называть это население «алано-готами» (Кропоткин, 1958. С. 211). Происхождение такого компромиссного термина вероятно обусловлено с одной стороны прежней позицией братьев Бабенчиковых, а с другой – этнографическим набором украшений, демонстрирующим явное сходство с изделиями западноевропейских германцев. Косвенное влияние, вероятно, имело и свидетельство И. Барбаро. Прежнее противопоставление аланов готам в Крыму постепенно стало уходить в прошлое.

5. В начале 1970-х гг. на сходство раннесредневековых аланских погребальных сооружений (склепов) Северного Кавказа и Крыма обратила внимание Т. М. Минаева (Минаева, 1971. С. 165). Эта версия получила развитие в работах И. С. Пиоро и А. И. Айбабина, рассматривавших население юго-западной части полуострова как потомков алан, массово переселившихся с Северного Кавказа (Піоро, 1985. С. 86–91; Айбабин, 1984. С. 118–119). К концу 1990-х гг. гипотеза стала своего рода парадигмой в крымской археологии (Айбабин и др., 1993. С. 215). В научной литературе складывалась парадоксальная ситуация: выяснялось, что Крымская Готия (Юго-Западный Крым), обеспеченная многочисленными нарративными источниками, оказывалась заселенной отнюдь не «историческими готами», а «археологическими аланами». Тот факт, что раннесредневековые могильники от надежных сообщений о позднесредневековых крымских аланах отделяло почти тысячелетие, особо не принимался во внимание. При этом и кавказоведы не спешили признавать крымские памятники частью «аланского мира».

6. Позднее, в связи с преодолением идеологической ситуации вокруг «готского вопроса» в работах по археологии, наряду с традиционным термином «сармато-аланы», стал использоваться и термин «алано-готы». Хотя и тот, и другой не имели строгой дефиниции и были лишь продуктом ученых конструкций, они прочно вошли в науку, часто выступая в качестве синонимов.

7. Здесь затронут лишь историографический аспект проблемы. Если же обратиться к реалиям, то они таковы. Сообщение о наименовании бывшей Феодосии иранским именем Ардабда в источнике V в. единично и касается только Восточного, но никак не Юго-Западного Крыма, вокруг древностей которого и велась дискуссия. Раннесредневековые источники не упоминают аланов среди населения полуострова. Все попытки связать с аланами какие-либо группы древностей полуострова в этот период являются не более чем учеными конструкциями. Сомневаться в присутствии аланов в позднесредневековом Крыму не приходится. Но при наличии надежных письменных источников, до сих пор их следы не удается зафиксировать методами археологии. Так что для Крыма загадки в «аланском вопросе» все еще остаются.

Литература

Айбабин А.И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. № 1.

Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. 1993. Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III.

Бабенчиков В.П. 1953. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949–1951 гг.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLIX.

Кропоткин В.В. 1958. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. № 2.

Кулаковский Ю.А. 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.

Минаева Т.М. 1971. К истории алан Верхнего Прикубарья по археологическим данным. Ставрополь.

Піоро І.С. 1985. Сармато-алани в Південно-Західному Криму у III–IX ст. // Вісник Київського університету. Серія «Історія». № 27.

Равдоникас В.И. 1932. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Т. 12.

Ростовцев М.И. 1993. Сарматы // Петербургский археологический вестник. Вып. № 5.

Толстой И.И., Кондаков Н.П. 1890. Русские древности в памятниках искусства // Древности времен переселения народов. Вып. 3. СПб.

Тунманн И. 1936. Крымское ханство. Симферополь.

Юрочкин В.Ю. 2017. Готский вопрос. Симферополь.

Rau P. 1927. Die Hugelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik). Pokrowsk.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи

АН – Академия наук

АНО – автономная некоммерческая организация

АН СССР – Академия наук СССР

АО – Археологические открытия

АР – автономная республика

АС – Археологический съезд

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ВДИ – Вестник древней истории

ВММК – Восточноманычская катакомбная культура

ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГАУК РО – Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области

ГИМ – Государственный исторический музей

ДНАЭ – Дагестанская новостроечная археологическая экспедиция

ДФИЦ – Дагестанский федеральный исследовательский центр

ЗКАЭ – Западно-Кавказская археологическая экспедиция

ИА – Институт археологии

ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии

ИИМК – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИО – Институт океанологии

ИРАИК – Известия Русского Археологическаго Института в Константинополе

КБИГИ – Кабардино-Балкарский Институт гуманитарных исследований

КБНЦ – Кабардино-Балкарский научный центр

КИКМ – Кисловодский историко-краеведческий музей

КМК – культура многоваликовой керамики

КИО – культурно-историческая общность

КРС – крупный рогатый скот

КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК

КСИА – Краткие сообщения ИА

МАД – Материалы по археологии Дагестана

МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья

МГУ – Московский государственный университет

МДАСУ – Матеріали та дослідження з археології Східної України

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа

МИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа

МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края

МНО – майкопско-новосвободненская общность

МО ГАИМК – Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры

МРС – мелкий рогатый скот

НАН – Национальная академия наук

НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

НИМЗ – Новороссийский исторический музей-заповедник

НИУ – Национальный исследовательский университет

НПЦ – Научно-производственный центр

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры

ППАЭ – Предгорно-плоскостная археологическая экспедиция

РА – Российская археология

РАН – Российская академия наук

РА – Республика Адыгея

РГО – Русское географическое общество

РД – Республика Дагестан

РЖВ – ранний железный век

РО НА – Рукописный отдел Научного архива

РНФ – Российский научный фонд

РСО – Республика Северная Осетия

РФ – Рукописный фонд

РФА – рентгенофлуоресцентный анализ

СА – Советская археология

СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет

СевГУ – Севастопольский государственный университет

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СКАЭ – Северо-Кавказская археологическая экспедиция

СУАК – Ставропольская ученая архивная комиссия

СЭ – Советская этнография

УрО – Уральское отделение

ФИЦ ХФ – Федеральный исследовательский центр химической физики им. Н.Н. Семенова

ФИЦ СНЦ РАН – Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук»

ФО НА – Фотоотдел Научного архива

ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет

ЧР – Чеченская Республика

AMEA – Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası

BMSAP – Bulletins et mémoires de la Société d'anthropologie de Paris

ISMEO – The International Association for Mediterranean and Oriental Studies

PCA – principal component analysis

СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ И ДОКЛАДОВ

Абдулаев Абдула Магомедович – науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: realhigh87@mail.ru

Абдуллаева Арзу Гахраман кызы – науч. сотрудник Института археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: arzu.81@inbox.ru

Абрамова Александра Николаевна – канд. ист. наук, зав. отделом археологических фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар.
E-mail: abramovasacha0902@gmail.com

Авидзба Дмитрий Зинонович – мл. науч. сотрудник Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: apsirt.abaza.86@mail.ru

Агаларзаде Анар Мирсамид оглы – канд. ист. наук, доцент, вед. науч. сотрудник Института археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: anararxeoloq@mail.ru

Албегова Зарина Хаджи-Муратовна – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: albegova_zarina@rambler.ru

Алборов Батрадз Аланович – директор добровольного общества охраны памятников г. Квайса, г. Квайса.
E-mail: batikalborov@mail.ru

Анойкин Антон Александрович – доктор ист. наук, исполняющий обязанности Директора Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН), г. Новосибирск.
E-mail: anui1@yandex.ru

Атаев Гамзат Дибирович – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала.
E-mail: ataevgd@mail.ru

Ахмаров Азамат Усманович – мл. науч. сотрудник Центра археологических исследований АН Чеченской Республики, г. Грозный.
E-mail: acztec@mail.ru

Бабенко Виталий Александрович – ст. преподаватель Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.
E-mail: vit-babenko@yandex.ru

Бакушев Марат Артурович – канд. ист. наук, специалист ООО «Культурное наследие», г. Ростов-на-Дону.
E-mail: bakart@mail.ru

Баранюк Андрей Владимирович – вед. консультант по археологии Краснодарского краевого отделения ВООПИиК, г. Краснодар.
E-mail: dropp@ya.ru

Барков Данил Александрович – студент 1-го курса магистерской программы «Археология», Санкт-Петербургский государственный университет, г. С.-Петербург.
E-mail: barkov.empire@gmail.com

Бекмурзаев Саид-Хасан Хасмагометович – зам. директора Департамента государственной охраны культурного наследия Министерства культуры ЧР; заведующий археологической лабораторией ЧГУ им А.А. Кадырова, г. Грозный.
E-mail: sbek62@mail.ru

Белецкий Денис Викторович – независимый исследователь, г. Москва.
E-mail: gaodenis@yandex.ru

Белинский Андрей Борисович – канд. ист. наук, директор по научно работе ООО «НИИ» СевКавАрхеология», г. Ставрополь.
E-mail: abelinski@gmail.com

Белькевич Евгения Владимировна – художник-реставратор I-й категории Отдела реставрации фондов Государственного исторического музея, г. Москва.
E-mail: belkevich_j@mail.ru

Беляева Елена Владимировна – доктор ист. наук, ст. науч. сотрудник Отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: biface@mail.ru

Березина Наталия Яковлевна – канд. биол. наук, ст. науч. сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
E-mail: berezina.natalia@gmail.com

Блохин Егор Константинович – науч. сотрудник Института истории материальной культуры, г. С.-Петербург.
E-mail: jegor.blochin@gmail.com

Болдырева Екатерина Михайловна – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Государственного исторического музея, г. Москва.
E-mail: embold@mail.ru

Бондарь Лариса Дмитриевна – канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: L007@list.ru

Будайчиев Арсен Лахманович – науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: arseneihae@yandex.ru

Булыгина Евгения Станиславовна – канд. биол. наук, вед. науч. сотрудник НИЦ “Курчатовский институт”, г. Москва.
E-mail: bulygina_es@nrcki.ru

Бурков Сергей Борисович – ст. науч. сотрудник Института истории и археологии РСО –Алания, г. Владикавказ.
E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru

Василиненко Дмитрий Эдуардович – гл. специалист отдела археологии НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар.
E-mail: heritage@bk.ru

Вдовченков Евгений Викторович – доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник, руководитель Центра археологической антропологии Института востоковедения РАН, г. Москва.
E-mail: vdovchenkov@yandex.ru

Габелия Алик Николаевич – канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета Абхазского государственного университета, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: agabelia@mail.ru

Габуев Тамерлан Александрович – канд. ист. наук, зам. зав. ОИМКиДИ Государственного Музея Востока, г. Москва.
E-mail: tgabuev@orientmuseum.ru

Гаджиев Багавдиншайих Хакимович – канд. пед. наук, рук. департамента археологии и спецпроектов ООО «НПЦ Туризм и краеведение», г. Махачкала.
E-mail: fondtour1@mail.ru

Гаджиев Муртазали Серажутдинович – доктор ист. наук, профессор, зав. отделом археологии, глав. науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: murgadj@rambler.ru

Гадиев Умалат Бесланович – зам. директора Археологического центра им. Е.И. Крупнова, г. Назрань.
E-mail: umalat06@list.ru

Геворкова Диана Артемовна – специалист отдела археологии бронзового века ИА РАН, г. Москва.
E-mail: gevorkova.99@mail.ru

Геншпринг Дан Михайлович – специалист по учету музейных предметов Государственного музея искусств народов Востока, г. Москва.
E-mail: genshpring_dan@mail.ru

Гиря Евгений Юрьевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник экспериментально-трасологической лаборатории Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: kostionki@yandex.ru

Глазов Константин Анатольевич – мл. науч. сотрудник Федерального исследовательского центра «Субтропический научный центр Российской академии наук», г. Сочи.
E-mail: paradoxsochi@yandex.ru.

Голованова Любовь Витальевна – канд. ист. наук, глав. науч. сотрудник АНО в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории», г. С.-Петербург.
E-mail: mezmay57@mail.ru

Голубев Лазарь Эрвандович – канд. ист. наук, вед. науч. сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп.
E-mail: lasar68@mail.ru

Гончаров Серафим Анатольевич – мл. науч. сотрудник Отдела археологических памятников Государственного исторического музея, г. Москва; мл. науч. сотрудник Научно-инновационного центра «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» КБНЦ РАН, г. Нальчик.
E-mail: goncharov.serafim@yandex.ru

Горланов Сергей Сергеевич – мн. науч. сотрудник Научно-отраслевого архива Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: gorlanovsergserg@mail.ru

Гугуев Юрий Константинович – вед. специалист ООО «Археос», г. Ставрополь.
E-mail: yuri.guguev@gmail.com

Гусейнова Лола Акбер кызы – ст. науч. сотрудник Института Археологии и Антропологии Национальной Академии Наук Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: lola.l1987.ekber@mail.ru

Демиденко Сергей Викторович – канд. ист. наук, науч. сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, г. Москва; вед. науч. сотрудник Научно-инновационного центра «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» КБНЦ РАН, г. Нальчик.
E-mail: sergey.demidenko2015@yandex.ru

Джопуа Аркадий Иванович – канд. ист. наук, директор Абхазского государственного музея, г. Сухуми (Республика Абхазия).
E-mail: arkadi100@rambler.ru

Дмитриев Александр Васильевич – независимый исследователь, г. Новороссийск.
E-mail: al.misxako@yandex.ru

Днепровский Кирилл Александрович – канд. ист. наук, гл. науч. сотрудник Государственного музея Востока, г. Москва.
E-mail: kdneprovskiy@orientmuseum.ru

Дороничев Владимир Борисович – канд. ист. наук, директор АНО в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории», г. С.-Петербург.
E-mail: labprehistory@yandex.ru

Дороничева Екатерина Владимировна – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник АНО в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории», г. С.-Петербург.
E-mail: edoronicheva87@yandex.ru

Дорофей, архимандрит (Дбар Дмитрий Заурович) – доктор теологии, доцент, вед. науч. сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. Гулиа АН Абхазии, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: dbardorotheos@gmail.com

Дрыга Даниил Олегович – канд. техн. наук, доцент кафедры механики и процессов управления инженерной академии Российского университета дружбы народов, г. Москва.
E-mail: hopkuh@gmail.com

Ендольцева Екатерина Юрьевна – доктор искусствоведения, вед. науч. сотрудник Института востоковедения РАН, г. Москва.
E-mail: kat345@yandex.ru

Ениосова Наталья Валерьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
E-mail: eniosova@gmail.com

Жамбровская Софья Андреевна – студентка бакалавриата Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург.
E-mail: zhambrovskayas@mail.ru

Застрожнова Евгения Григорьевна – канд. ист. наук, зав. отделом обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов СПбФ АРАН, г. С.-Петербург.
E-mail: pankratova0484@yandex.ru

Зейналов Азад Асад оглы – доктор философии по истории, вед. науч. сотрудник Института археологии и антропологии Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, (Азербайджан).
E-mail: azykh1960@gmail.com

Зиливинская Эмма Давидовна – доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва.
E-mail: eziliv@mail.ru

Иванов Алексей Владимирович – археолог ООО «КубаньАрхСпас», г. Краснодар.
E-mail: ivanov_arx@mail.ru

Иванов Ярослав Дмитриевич – стар. лаборант Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: yadivanov66@yandex.ru

Идрисов Идрис Абдулбутаевич – канд. геол. наук, ст. науч. сотрудник Института геологии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала.
E-mail: idris_gun@mail.ru

Исмаилова Аида Захид кызы – доктор философии по истории, ст. науч. сотрудник Национального музея истории Азербайджана; преподаватель Азербайджанского государственного университета культуры и искусств, г. Баку, (Азербайджан).
E-mail: aidaismailova4@gmail.com

Кадзаева Залина Петровна – науч. сотрудник Института истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ.
E-mail: zalina.kad@mail.ru

Кадиева Анна Анатольевна – науч. сотрудник Государственного исторического музея, г. Москва; науч. сотрудник Научно-инновационного центра «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» КБНЦ РАН, г. Нальчик.
E-mail: adelgeida85@mail.ru

Казанский Мишель Михайлович – доктор хабилитет археологии, вед. науч. сотрудник Национального центра научных исследований Франции (CNRS), г. Париж.
E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Кайтамба Майя Джемаловна – канд. географ. наук, доцент, зав. кафедрой географии Абхазского государственного университета, г. Сухум, (Республика Абхазия).
E-mail: lanadk@mail.ru

Кайтан Шандор Геннадиевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия, г. Сухум, (Республика Абхазия).
E-mail: shandorkaitan88@mail.ru

Канторович Анатолий Робертович – доктор ист. наук, зав. кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
E-mail: kantorovich@mail.ru

Касинцева Елизавета Олеговна – специалист отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: amphibie91@gmail.com

Каспари Джино – науч. сотрудник Бернского университета, г. Берн (Швейцария).
E-mail: ginocaspari@gmail.com

Кашуба Майя Тарасовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник, зав. отделом археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН; ст. науч. сотрудник кафедры геологии и геоэкологии географического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. С.-Петербург.
E-mail: mirra-k@yandex.ru

Керцева (Вольная) Галина Николаевна – канд. ист. наук, доцент, ст. науч. сотрудник Института истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ.
E-mail: gal.volnaya@yandex.ru

Керцев Руслан Юрьевич – консультант Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия РСО-Алания, г. Вдадикавказ.
E-mail: gal.volnaya@yandex.ru

Кизилов Андрей Сергеевич – ст. науч. сотрудник Федерального исследовательского центра «Субтропический научный центр Российской академии наук», г. Краснодар.
E-mail: kiziloff2014@mail.ru

Киселева Дарья Владимировна – канд. геол.-мин. наук, и.о. заведующего лабораторией физических и химических методов исследования Института геологии и геохимии им. Акад. А.Н. Заварицкого, г. Екатеринбург .
E-mail: Kiseleva@igg.uran.ru

Клемешова Марина Евгеньевна – специалист отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: marinaklem@mail.ru

Клещенко Александр Александрович – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: sansanych@bk.ru

Климушина Александра Игоревна – мл. науч. сотрудник Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: elizavetaklim21@mail.ru

Ковалев Алексей Анатольевич – науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: chemurchek@mail.ru

Кожуховская Юлия Витальевна – канд. фил. наук, ст. науч. сотрудник кафедры геологии и геоэкологии факультета географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.
E-mail: jv-k@mail.ru

Кокиева Александра Робертовна – библиотекарь второй категории библиотеки Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: aleksandrakokieva@mail.ru

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор ист. наук, директор Гуманитарного института, заведующая кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.
E-mail: kolesnikovam2017@mail.ru

Колпакова Алиса Вадимовна – ст. науч. сотрудник Новороссийского исторического музея-заповедника, г. Новороссийск.
E-mail: alice_k@list.ru

Коновалова Мария Андреевна – лаборант Маркульской экспедиции Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: seatrilobite@yandex.ru

Коробов Дмитрий Сергеевич – доктор ист. наук, профессор РАН, зав. отделом теории и методики Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: dkorobov@mail.ru

Кравцова Светлана Леонидовна – зав. отделом археологии Ставропольского гос. музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, г. Ставрополь.
E-mail: vetochkaleo@mail.ru

Крутоголовенко Константин Александрович – эксперт по археологии Краснодарского краевого отделения ВООПИиК, г. Краснодар.
E-mail: cost-85@mail.ru

Крюков Дмитрий Сергеевич – специалист-археолог ООО «Кубаньохранкультура, г. Краснодар.
E-mail: num-nam@mail.ru

Кузина Инна Николаевна – науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: kuzina.i65@mail.ru

Кулаков Сергей Александрович – доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник Отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: kazvolg@yandex.ru

Кулькова Марианна Алексеевна – доктор геол.-минерал. наук, науч. рук. центра коллективного пользования «Геоэкология» факультета географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. С.-Петербург.
E-mail: kulkova@mail.ru

Кульков Александр Михайлович – вед.специалист ресурсного центра «Рентгенодифракционные методы исследования» Санкт-Петербургского гос. университета, г.С.-Петербург.
E-mail: aguacrystals@narod.ru

Куприянова Мария Дмитриевна – ст. лаборант Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: kupriuanova.masha@gmail.com

Курбанов Реджеп Нурмурадович – канд. геол. наук, ст. науч. сотрудник Отдела палеогеографии четвертичного периода Института географии РАН, г. Москва.
E-mail: roger.kurbanov@gmail.com

Лада Антон Русланович – мл. науч. сотрудник Отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.
E-mail: antonesco1997@gmail.com

Лазарев Михаил Николаевич – лаборант НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина, г. Москва.
E-mail: Gromofon01@mail.ru.

Леонтьева Анна Станиславовна – специалист-археолог ООО «Культурное наследие», г. Москва.
E-mail: i@anleotyeva.ru

Лимберис Наталья Юрьевна – ст. науч. сотрудник Кубанского государственного университета, г. Краснодар.
E-mail: limberis2@mail.ru

Мадуров Дмитрий Федорович – канд. искусств. наук, археолог ООО «Наследие», г. Чебоксары.
E-mail: mofmat@mail.ru

Малашев Владимир Юрьевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: malashev@yandex.ru

Мамаев Хамид Магомедович – канд. ист. наук, независимый исследователь, г. Грозный.
E-mail: mamaev.07@list.ru

Мамаев Рашид Хамидович – независимый исследователь, г. Москва.
E-mail: borz85@list.ru

Мамац-ипа Рамзет Урусканович – мл. науч. сотрудник Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: mamatsev.ramzet2016mir@yandex.ru

Мамонова Анна Андреевна – зав. мастерской реставрации предметов из ткани Государственного исторического музея, г. Москва.
E-mail: mcmice@yandex.ru

Марченко Иван Иванович – канд. ист. наук, профессор Кубанского государственного университета, г. Краснодар.
E-mail: meot@mail.ru

Марченко Юлия Владимировна – помощник ген. директора по развитию музейных связей Государственного Эрмитажа, г. С.-Петербург.
E-mail: marchenko@hermitage.ru

Маршан Басима Алладиновна – мл. науч. сотрудник Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия, г. Сухум, Республика Абхазия.
E-mail: basimamarshan2016@gmail.com

Маслов Владимир Евгеньевич – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: maslovlad@mail.ru

Мастыкова Анна Владимировна – доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: amastykova@mail.ru

Майко Вадим Владиславович – доктор ист. наук, директор Института археологии Крыма РАН, г. Симферополь.
E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

Медведева Мария Владимировна – канд. ист. наук, зав. Научным архивом Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: marriyam@mail.ru

Мимоход Роман Алексеевич – доктор ист. наук, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: mimokhod@gmail.com

Митрохина Ксения Львовна – канд. фил. наук, магистрант ЦАВАрх, сотрудник научно-учебной группы «Керамическая лаборатория» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.
E-mail: xeniamitr@gmail.com

Мокрушин Владимир Павлович – гл. специалист отдела археологии НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар.
E-mail: vlmokrushin@yandex.ru

Мустафаев Лачин Халид оглы – доктор философии по истории, ст. науч. сотрудник Национального музея истории Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: qafqaz8310@rambler.ru

Нарожный Евгений Иванович – доктор ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории, гл. специалист археологической лаборатории Карачаево-Черкесского гос. университета им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск.
E-mail: zai_ein@mail.iu

Насирова Лала Шахбал кызы – научный сотрудник Института археологии и антропологии Национальной Академии Наук Азербайджана г. Баку (Азербайджан).
E-mail: all.ulviyya@mail.ru

Недолужко Артем Валерьевич – канд. биол. наук, руководитель Лаборатории палеогеномики Европейского университета в Санкт-Петербурге, г. С.-Петербург.
E-mail: nedoluzhko@gmail.com

Новичихин Андрей Михайлович – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Анапского археологического музея, г. Анапа.
E-mail: yazamat10@yandex.ru

Осипова Екатерина Владиславовна – аспирант Института востоковедения РАН, сотрудник Центра палеоэтнологических исследований, г. Москва.
E-mail: oskate4@mail.ru

Осипов Дмитрий Олегович – ст. науч. сотрудник Отдела археологических памятников Государственного исторического музея, г. Москва.
E-mail: dmitriyosipov@mail.ru

Очередной Александр Константинович – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: a.otcherednoy@gmail.com

Пелих Алексей Леонидович – доктор ист. наук, профессор Армавирского гос. педагогического университета, г. Армавир.
E-mail: pelich1976@mail.ru

Перевозчикова Алла Александровна – старший специалист Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.
E-mail: allarevik@gmail.com

Петрова Дарья Станиславовна – лаборант-исследователь НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва.
E-mail: darya_sitnikova_2000@mail.ru.

Писарик Дмитрий Александрович – магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.
E-mail: pisarik.dm@gmail.com

Пичугина Анастасия Александровна – старший лаборант Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: anastasia17.pichugina@gmail.com

Плотников Андрей Андреевич – ст. науч. сотрудник ООО «Кубаньархеология», г. Краснодар.
E-mail: osio-s@mail.ru

Прокопенко Юрий Анатольевич – доктор ист. наук, доцент, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.
E-mail: z_proko_15@mail.ru

Рогудеев Василий Васильевич – зав. сектором Государственного автономного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие», г. Ростов-на-Дону.
E-mail: don-romaro@yandex.ru

Рябкова Татьяна Владимировна – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, г. С.-Петербург.
E-mail: Ryabkova-tatyana@mail.ru

Савенко Сергей Николаевич – канд. ист. наук, зав. сектором природы и археологии Пятигорского краеведческого музея, г. Пятигорск.
E-mail: sovos57@mail.ru

Садыков Тимур Рашитович – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института истории материальной культуры, г. С.-Петербург.
E-mail: timur.r.sadykov@gmail.com

Саидов Вадим Атемович – науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: vsaidov1973@mail.ru

Сакания Сурам Михайлович – ст. науч. сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. Гулиа АН Абхазии, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: suram_sakania@mail.ru

Салбиев Тамерлан Казбекович – канд. фил. наук, вед. науч. сотрудник, зав. отделом «Центр скифо-аланских исследований» Владикавказского научного центра РАН, г. Владикавказ.
E-mail: galabu054@gmail.com

Сангулия Гарик Анатольевич – канд. ист. наук, доцент, преподаватель Абхазского государственного университета, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: ajsanyg.garick@yandex.ru

Сергеев Алексей Юрьевич – мл. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: alexarchbot@yandex.ru

Скакова Изабелла Владимировна – мл. науч. сотрудник, ученый секретарь Института востоковедения РАН, г. Москва.
E-mail: bella.skakova@yandex.ru

Слободова Наталья Валерьевна – канд. биол. наук, вед. науч. сотрудник Факультета биологии и биотехнологии НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва.
E-mail: Slobodova_NV@nrcki.ru

Смекалова Татьяна Николаевна – доктор ист. наук, зав. отделом естественно-научных методов в археологии Крыма НИЦ Истории и археологии Крыма Крымского федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.
E-mail: tnsmek@mail.ru

Соломатина Наталья Владимировна – зав. мастерской отдела реставрации фондов Государственного исторического музея, г. Москва.
E-mail: solomatina.68@mail.ru

Старостина Елена Павловна – независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону.
E-mail: lenastar.77@gmail.com

Стеганцева Вероника Яковлевна – редактор Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: veronika_s@mail.ru

Султыгов Рамзан Маусурович – ген. директор ООО «Наследие», г. Карабулак.
E-mail: bueno7373@mail.ru

Суханов Евгений Владимирович – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: sukhanov_ev@mail.ru

Счастный Дмитрий Алексеевич – канд. ист. наук, мл. науч. сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: ychsra@yandex.ru

Табуева Нелли Георгиевна – старший преподаватель Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова, г. Цхинвал (Южная Осетия).
E-mail: tabueva2012@mail.ru

Таймазов Артур Исрапилович – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: taymazov_artur@mail.ru

Тангиев Магомед Айсаевич – вед. науч. сотрудник отдела кадастровых исследований Археологического центра им. Е.И. Крупнова, г. Назрань.
E-mail: maga995@list.ru

Требелева Галина Викторовна – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: trgv@mail.ru

Туаллагов Алан Ахсарович – доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, г. Владикавказ.
E-mail: alan167@mail.ru

Тубаев Мухамед Асланович – директор департамента археологических исследований Фонда сохранения культурного и природного наследия, г. Нальчик.
E-mail: mithunchik9@gmail.com

Усачук Анатолий Николаевич – канд. ист. наук, специалист Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: doold@mail.ru

Федоренко Наталья Валентиновна – ст. науч. сотрудник Новороссийского исторического музея-заповедника, г. Новороссийск.
E-mail: nfed@yandex.ru

Фоменко Владимир Александрович – канд. ист. наук, доцент, зав. сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик.
E-mail: fva2005@gmail.com

Фризен Ольга Ивановна – мл. науч. сотрудник Государственного музея Востока, г. Москва.
E-mail: olgarha@yandex.ru

Хазамов Дибир-Али Алиевич – заместитель ген. директора по науке ООО НПЦ «ДАРС», г. Махачкала.
E-mail: hazamov.dali@gmail.com

Цуциев Аслан Аркадьевич – канд. ист. наук, доцент, ст. науч. сотрудник отдела археологии, генеральный директор Национального музея РСО-Алания, г. Владикавказ.
E-mail: aslanyquo@mail.ru

Цюань Цянькун – PhD, профессор школы археологии Джинлинского университета, г. Чангчун (КНР).
E-mail: quanqiankun@jlu.edu.cn

Чечина Анастасия Юрьевна – преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.
E-mail: a.c.irbis@yandex.ru

Чижова Анастасия Анатольевна – науч. сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, г. С.-Петербург.
E-mail: nestandjan@gmail.com

Шарко Федор Сергеевич – канд. биол. наук, науч. сотрудник НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва.
E-mail: fedosic@ gmail.com

Шаушев Кыдырали Байрамгазыевич – науч. сотрудник ООО «НПЦ Туризм и краеведение», г. Махачкала.
E-mail: kadyrali@mail.ru

Шишлов Александр Владимирович – зав. отделом археологии Новороссийского исторического музея-заповедника, г. Новороссийск.
E-mail: ashishloff2017@yandex.ru

Эрлих Владимир Роальдович – доктор ист. наук, глав. науч. сотрудник Государственного музея Востока, г. Москва.
E-mail: verlikh@bk

Юрков Глеб Юрьевич – доктор тех. наук, профессор РАН, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: gy_yurkov@mail.ru

Юрков Владлен Глебович – студент 2-го курса биофака МГУ им. М.В. Ломоносова, лаборант Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: vladlen.yurkov.v@mail.ru

Юрочкин Владислав Юрьевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института археологии Крыма РАН, г. Симферополь.
E-mail: exp.yurochkin@yandex.com

Яганова Зарема Эдуардовна – мл. науч. сотрудник Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик.
E-mail: zaremay9@gmail.com

Яценко Сергей Александрович – доктор ист. наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва.
E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIV Крупновские чтения», посвященной 145-летию Пятого археологического съезда в Тифлисе

Владикавказ, 20–24 апреля 2026 г.

Редактор – *М.С. Гаджиев*
Оригинал-макет – *Н.А. Семенова*

Подписано в печать 24.03.2026. Формат 60×90/8.
Усл.-печ. л. 47,25. Тираж 200 экз. Заказ №30.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре ИП Цопановой А.Ю.
362000, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3
<rio-soigsi@mail.ru>


9 785000 817803